

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XIV

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

21–23 июня 2010 г.

Часть I

Санкт-Петербург
Наука
2010

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материа-
лы Международной конференции, проходившей 21–23 июня
2010 г. В двух частях / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Часть 1.
СПб.: Наука, 2010. – 477 с.
ISBN 978-5-02-025601-9

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н., проф. Л. Г. Герценберг,
д. филол. н. А. В. Грошева, к. филол. н. Е. Р. Крючкова,
к. филол. н. А. П. Сытов.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка модолых ученых»

и

при поддержке РГНФ – грант № 10-04-14087г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 10-04-00293а (рук. Н. Н. Казанский)
РФФИ – грант № 08-06-00122а (рук. Н. Н. Казанский),
РГНФ – грант № 08-04-00157а (рук. И. М. Стеблин-Каменский),
гранта № НШ-5630.2010.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ISBN 978-5-02-025601-9

© Коллектив авторов, 2010

© ИЛИ РАН, 2010

А. С. Авдохин

РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ – SPOLIATOR. ЭСТЕТИКА ИЛИ КРАЖА?

Резюме. Предлагаемая работа посвящена анализу стилистики мотивов и выражений, связывающих кондаки Романа Сладкопевца с линией антикизирующей литературы в том виде, в каком она существовала в Византии VI в. Произведения гимнографа ставятся в стилистический контекст прежде всего публичных текстов Константинополя, созданных главным образом в традиции эпического гекзаметра поэм Нонна Панополитанского и публичной позднееримской посвятительной эпиграммы. Выявляемый в результате анализа принцип сдвига узуса и коннотации мотивов и выражений в кондаках Романа выдвигается в качестве одной из тех особенностей, которые определяют проблему оригинальности и эстетической ценности позднеантичной литературы.

Ключевые слова: Кондак, гимнография, Роман Сладкопевец, поздняя античность, споллии, стилистический анализ, антикизирующий стиль, ранневизантийская литература.
Kontakion, hymnography, Romanos the Melodist, Late Antiquity, spolia, style analysis, atticizing diction, early Byzantine literature

Τί φυσῶσι καὶ βομβεύουσιν οἱ Ἕλληνες;
 Τί φαντάζονται πρὸς Ἄρατον τὸν τρισκατάρατον;
 Τί πλανῶνται πρὸς Πλάτωνα;
 Τί Δημοσθένην στέργουσι ὄν ἀσθενῆ;
 Τί μὴ νοοῦσιν Ὀμηρον ὄνειρον ἀργόν;
 Τί Πυθαγόραν θρουλλοῦσι ὄν δικαίως φιμωθέντα; (49,17)

δῆμος ὑμῶν σοβεῖ Δημοσθένην
 καὶ ἠττῶνται Ἀθηναῖοι Γαλιλαίους;
 παύσει λοιπὸν συγγραφὰς ὁ Κηφᾶς ἐξαγγέλλων ἐμέ·
 ἀμέτρος λέξεις καὶ μύθους ἀμαυροῖ τό ῥητὸν τοῦ
 μαρναθά·
 ἢ Ναζαρετ̄ δονεῖ Κόρινθον· (47,16)

Эти яростные нападки на по большей части условные (Μιτσάκης 1986: 462) имена, воплощающие собирательное понятие о языческой культуре, в целом точно соответствуют более широкому политическому и религиозному контексту, в который исследователи обычно ставят Романа

Сладкопевца. Его поддержка религиозной политики императора Юстиниана является практически общепризнанной (Maas 1906: 21), (Topping 1976), (Topping 1978), (Μιτσάκης 1986, 462); как часть ее, открытое, последовательное и достаточно агрессивное противопоставление гимнографом «христианского» и «эллинского», кульминирующее в цитате из эпитафия, является хорошо прослеживаемым мотивом в разной степени развернутых деклараций. Оппозиция «христианской» и «языческой» культуры и литературы, в частности различимых на уровне стиля, по большей части оставлено современной наукой (Cameron 2004: 340–343); однако в данном случае мы видим эту оппозицию как часть самосознания самого автора, формулирующего в ее терминах свое отношение к духу и стилю классической эпохи.

Как представляется, здесь все не так однозначно.

Несмотря на фактическое отсутствие систематического изучения стилистики Романа Сладкопевца (как и других ранневизантийских авторов, исключая отсюда каппадокийских Отцов Церкви)¹, можно сказать, что исследователи пришли к построению некоей предварительной картины, которую можно считать выражением научного консенсуса по этому вопросу. Наряду с констатацией популярного характера языка и стиля кондаков Романа (SRMC: xviii-xix), (Mitsakis 1967a), (Mitsakis 1967b) указывались некоторые элементы, идущие вразрез этих общей тенденции. Это наличие довольно большого числа неологизмов, явно не относящихся к «низовой» стилистике; напротив, большая их часть создана с ориентацией на высокую аттицизирующую литературную линию; при этом удивительно и характерно, что значительная часть этих новых слов не встречается у позднейших византийских авторов (Mitsakis 1967a: 171), (Mitsakis 1967b), (Berkowitz 1995/1996). Кроме того, нам кажется даже более прин-

¹ Библиография о стиле греческих Отцов церкви обширна (в основном в связи с традицией Второй софистики и античной литературой), ср., напр. (Campbell 1922), (Ameringer 1921), (Wagner 1948).

ципильным обнаружение у Романа знакомства с риторическими фигурами, восходящими к эпохе Второй софистики, которые он обильно и, очевидно, со вкусом использовал (Mitsakis 1976a: 163–170). Это включает его в круг авторов, получивших риторическую подготовку. Уже эти два факта – стилистически высокие неологизмы и следы риторической выучки – заставляют более внимательно посмотреть на названные выше культурно-стилистические декларации автора.

Не будет большим преувеличением сказать, что публичная сфера жизни Константинополя VI века была ориентирована на антикизирующую культуру – как в литературе, так во многом и в изобразительном искусстве. Созданные для публичного бытования тексты в подавляющем большинстве случаев писались в традиции эпического языка Нонна Панополитанского. Прежде всего в этой связи нужно говорить об экфрасисе храма Святой Софии Константинопольской Павла Силенциария, который был впервые представлен на публичных чтениях (Whitby 1985)². В той же литературной и лингвистической традиции существуют посвященные надписи освященных в VI веке крупнейших храмов столицы и империи. Это связанный с именем патриции Аниции Юлианы храм Св.Полиевкта (Mango, Ševčenko 1961), созданный по инициативе императорской семьи и прилегавший к дворцовым помещениям храм Сергия и Вакха (Bardill 2000), (Stoke 2006). В обеих постройках гексаметрическое посвящение – энкомий ктитору – было наглядно представлено внутри храма как текст, выбитый крупными изысканного дукта литерами в мраморе по периметру той или иной части строения. Такого же типа тексты – последовательность из шести эпиграмм (AP 1.12–17) в храме Св. Евфимии и эпиграмма (AP 1.8) из храма Петра и Павла, построенных Юстинианом (Whitby 2006: 176–178). Еще одна постройка,

² Такие же публичные чтения были формой представления написанного в гексаметрах комментария Аратора на «Деяния апостолов», а в VII веке – эпической поэмы Георгия Писиды о деяниях императора Ираклия (Cameron 2004: 335).

также сопряженная с комментирующим ее текстом, написанным эпическим гекзаметром – так называемые бани Зевксиппа с множеством античных скульптур и скульптурных групп, для которых комментарием и экфрасисом служило сочинение, по всей видимости, Христордора из Копта (Basset 1996: 495–498), (Whitby 2006: 183). На этом примере мы видим ту же взаимную соотнесенность публичного здания и публичного текста, следующего антикизирующей традиции; кроме того, мифологические скульптуры Зевксиппового комплекса вводят в публичный контекст другой важнейший элемент античного культурного кода – мифологические изображения, во множестве представленные на серебряной утвари (Cameron 2004: 343). Стоявшие на ипподроме колонны с эпиграммами в элегических дистихах прославляли возничих колесниц (Cameron 1973: 65–109). Также нельзя не сказать об иконографической программе мозаик императорского дворца, как в плане техники, так и на уровне отдельных сюжетов вписывающейся в этот контекст позднеантичного городского искусства (Trilling 1989).

Уже этот эскизный очерк дает представление о роли антикизирующей языковой стилистики в публичном пространстве Константинополя VI века. Кондаки Романа, ставшие, надо полагать, чрезвычайно заметной частью того же публичного пространства, не могли не занять определенной контрастной позиции по отношению к нему (а рассмотренные выше инвективы против эллинской культуры получают в этом публичном пространстве и в связанных с ним постройках и текстах хорошую контекстуализацию, не говоря уже о других, более откровенно антикизирующих и полемичных по отношению к официальной христианской культуре и политике Юстиниана текстах, как, например, произведения Иоанна Лидийского (Maas 1992); оставляем в стороне гораздо более общий вопрос об этом политическом и культурном «диссидентстве», так как оно не может напрямую включаться в плоскость публичной городской культуры, к которой принадлежит Роман Сладкопевец и о которой здесь идет речь); кроме прочего, «поэтические проповеди» гимнографа произносились физически и культурно ровно в том же пространстве, что и

изысканный экфрасис Павла Силенциария – в храме Святой Софии (Bell 2009: 16). Конечно, кондак как часть литургии, занимавший, по всей видимости, место гомилии и имевшей ее функцию и стилистику (Wellesz 1947: 300–301) соотносился прежде всего с гомилетической традицией, в том числе на уровне языка и стиля; однако указанные уже особенности *һарах’ов* и следов местами достаточно изысканной риторической обработки (или, по крайней мере, ее попыток, что в любом случае указывает на ориентацию на высокие образцы) позволяют говорить о стилистических следах соотнесения с публичной текстовой антиквизирующей культурой.

Помимо существенно лексикографического аспекта «высокой стилистики» Романа, на который исследователи обращали свое внимание, есть и другая сторона проблемы. Если посмотреть на мотивно-образную структуру его кондаков, то обнаруживается одна интересная и показательная закономерность, которую можно увидеть на ряде рассматриваемых ниже случаев, к которым она, однако, конечно, не сводится. Речь идет о стилистическом принципе, который можно описать как стремление использовать устойчивые лексическо-мотивные структуры вопреки их четко прослеживаемому узусу и коннотациям³.

Так, в кондаке «На Авраама» мотив «неподвижных губ» мертвого, находимый в этопии Авраама, представляющего себе смерть Исаака, выражен следующим образом:

τὰ δὲ βλέφαρά σου οὐ καμμύσει ἡ Σάρρα·
τὰ ῥοδίζοντα χεῖλη νῦν ἀδόνητα δεῖξω
ὅτι πρόσταγμα τελῶ τοῦ δώσαντος (3,5)

³ Нужно сразу оговориться, что речь во всех случаях будет идти не о заимствовании мотивов и выражений из того или иного текста как непосредственного источника (этой проблематики данная публикация в принципе не касается), а об ориентации на ту или иную стилистическую линию, образчиками которой будут служить приводимые примеры и параллели выражений, используемых в кондаках Романа.

Идея неподвижности передается словосочетанием ἀδόνητα χεῖλη, нейтральным на первый взгляд. Однако у прилагательного ἀδόνητος есть однозначно прослеживаемый узус и связанный с ним набор коннотаций, причем в том числе в контексте интересующей нас публичной эконо-миастической литературы. Так, ἀδόνητος используется в тексте Павла Силенциария для характеристики надежности и неподвижности архитектуры храма Святой Софии⁴; это слово совершенно стандартно в таких контекстах описания построек и никогда не используется иначе, тем более для описания мимики⁵. Снова в погоне за нетривиальной стилистикой Роман грубо нарушает узус слова, заимствуемого из высокого (антикизирующего) словаря публичной литературы своей эпохи, создавая диспропорциональный, но яркий образ.

Еще одним ярким случаем является выражение ὕλη ῥευστή из второго кондака на воскрешение Лазаря:

Ἦλην ῥευστήν μισήσωμεν πάντες
καὶ Χριστῷ τῷ σωτῆρι ὑπαντήσωμεν νῦν
ἐν Βηθανίᾳ σπεύδοντι ... (27,18)

Сама по себе комбинация этих слов, в отличие от рассмотренной выше, не является особенно необычной, но не употребляется вне специфического круга текстов. Выражение принадлежит языку философских максим и

⁴ Πᾶσι δ' ὁμῶς βάθοις τε καὶ οὐδεὶ κίσι τ' αὐτοῖς
ἴδρις ἀνήρ, ἀδόνητα θεμελίᾳ πάντα φυλάσσων,
λαϊνῆς ὑπένευθε βάσιν κρηπίδος ἐγείρει,
ἀνδρομέου ποδὸς ὕψος ὑπερέλλουσαν ἀρούρης.

(Descript. ambonis 127)

⁵ Ср., напр., также у Павла Силенциария (Descriptio: 274–278), у Агафия Схоластика (Hist. 22.7), у Кирилла Александрийского, (Comm.in xii proph., I.474). Что характерно, единственным примером переносного употребления (на который или подобный ему Роман вряд ли мог ориентироваться как на узус) является контекст из «Dionysiaca» Нонна Панополитанского, где естественней всего видеть сознательную игру на сломе традиционных коннотаций (Dionys. 28.307).

антологий⁶, однако вовсе не популярного и тем более не христианского толка; отсюда, по всей видимости, оно было заимствовано отдельными раннехристианскими апологетами в специальные философские сочинения⁷. Этими текстами ограничивается распространение мотива в христианском корпусе. Нигде ὕλη ῥευστή не приобретает подчеркнутого морально-этического смысла (“бренный мир”, зло, которое надо отвергнуть)⁸, тем более, не используется в христианских лозунгах и призывах, его не найти в гомилиях и популярной литературе. Роман снова стремится внести в свой текст выражения, представляющиеся стилистически высокими, получая эффект бросающегося в глаза несоответствия узуса и смысла.

К этой же категории редких и тем самым стилистически высоких элементов относится выражение ὕμνος γλυκερός из кондака «На избиение младенцев»:

Δεῦρο κλαῦσον, Ραχήλ, καὶ συνθρήνησον ἡμῖν
μέλος ὀδυνηρόν
 ἀντὶ ἄσματος τερπνοῦ, ἀντὶ ὕμνου γλυκεροῦ προσκομίσωμεν
κλαυθμόν (15,9)

⁶ Так, его использует доксограф Аэций (свидетельство в Stobaeus Anth. 1.11.3), оно известно паремиографу Арсению (Cent. 17.35). Употребления его позднеантичными языческими философами тем более не могут служить вероятной контекстуализацией – ср., напр., Секст Эмпирик (Pyrrh. hypot. 1.217).

⁷ Ириней Лионский (Adv. haer. 1.1.10), Епифаний Саламинский (Panar. 1.18). Из этой среды «текучая материя», очевидно, перешла к единичным контекстам раннехристианских авторов, оставаясь в кругу философского дискурса: к Дионисию Ареопагиту (De div. nom. 4.1) и Евсевию Кесарийскому (Praef. evang. 15. 44.2) – в последнем случае прямо сохраняется проблематика античных философов, так как обсуждаются взгляды Пифагора.

⁸ Ср., напр., стандартно звучащий риторический призыв из гомилии на Книгу Бытия Иоанна Златоуста: ... τῆ τοῦ Θεοῦ μακροθυμία εἰς θεόν χρῆσώμεθα, καὶ ὡς ἐτι καιρὸν ἔχομεν, πᾶσαν ῥαθυμίαν ἀποθέμενοι ποθήσωμεν τὴν ἀρετὴν, **μισήσωμεν τὴν κακίαν**; именно такой способ выражения представляет стандартный и даже стандартизованный гомилетический узус.

Словосочетание ὕμνος γλυκερός (и сопряженный с ним мотив) практически неизвестен христианским авторам⁹ и имеет параллели только у Нонна¹⁰ или, например, в гомеровском гимне Вакху¹¹, что недвусмысленно указывает на его антикизирующее звучание для автора и его слушателей.

Стилистически возвышенно также должны были звучать фразы вроде «σύ μου φάος» из цитированного уже кондака «На Авраама» (в этопиии Сары – речь, обращенная к Исааку):

... ἤδη ἡ χαρὰ εἰς δάκρυα τάχα τρέπεται·
 σύ μου φάος, σύ αὐγὴ ἐμῶν βλεφάρων·
 σὲ ὡσπερ ἄστρον βλέπουσα λαμπρύνομαι, ὦ τέκνον μου·
 (3.10)

Следует отметить неслитную форму φάος¹²; из христианских авторов сопоставимое выражение используется

⁹ Единственный известный нам случай использования мотива – из речи Нестория на Эфесском соборе: νῦν ἐπληρώθη πρὸς ἡμᾶς τὸ τοῦ ὕμνογράφου Δαυὶδ γλυκερὸν ῥῆμα (АСО 1.1.2, 120) – характерно использование γλυκερός также по отношению к гимнографическому тексту. Само слово γλυκερός для рассматриваемой эпохи принадлежит к высокому антикизирующему литературному стилю, его используют Григорий Назианзин (12 случаев употребления – напр., *Carm.dogm.* 2.410), Агафий Миринейский (АР 5.237) и другие поэты «Антологии», Нонн (*Dionys.* 29.106). Очевидной кажется стилистически отмеченная преемственность выражения по отношению к традиции античной и позднеантичной литературы и у Нестория, и у Романа.

¹⁰ εἶπε μόθους γελώσα φιλομειδῆς Ἀφροδίτη,
 Ἄρεα κερτομέουσα γαμοστόλον. ἀγχι δὲ πόντου
 καλλείψας ἀκόμιστον ἐπ' αἰγιαλοῖο χιτῶνα
 θαλπόμενος γλυκερῆσι μεληδόσι λούσατο Μορρεύς,
 γυμνὸς ἐὼν <...> (*Dionys.* 35.184–188).

О христианстве Нонна см. замечания и дальнейшую библиографию в (Cameron 2004: 341).

¹¹ Χαῖρε τέκος Σεμέλης εὐώπιδος· οὐδέ πη ἔστι
 σεῖό γε ληθόμενον γλυκερὴν κοσμησάι **ἄοιδήν**. (In *Bacch.* 59).

¹² Здесь не рассматриваются чисто морфологические или фонетические маркеры высокой стилистики, простейшие из которых довольно популярны у Романа, как, например, γαῖα (11 раз в его кондаках). См. об этом (Mitsakis 1967a, 371–373) и (Mitsakis 1967b).

только Григорием Назианзиным (PG 37, 973), (PG 37, 1574). Этопиии Авраама и Сары в этом кондаке в целом чрезвычайно риторичны, поэтому неудивительно обнаружить в них такие приемы.

Под статью приходится и довольно претенциозный образ стряхивания тяжести сна с ресниц/век из 11 кондака «На Рождество» II:

Ἀδὰμ ἀκούσας τοὺς λόγους οὗς ὕφανεν ἡ σύζυγος,
ἐκ τῶν βλεφάρων τὸ βάρος εὐθέως ἀποθέμενος
ἀνανεύει ὡς ἐξ ὕπνου (11,5)

Мотив и выражение находит параллели лишь в поэзии «Греческой антологии» среди так называемых «огасула», написанных гекзаметром в эпическом стиле Нонна¹³.

Стилистическая окраска подобной лексики говорит сам за себя.

До сих пор мы видели примеры сдвига узуса выражений и мотивов либо вовсе не принадлежащих корпусу христианских текстов, либо относящихся в крайнем случае к их периферии (как обстоит дело с ὕλη ῥευστή). Однако стоит показать хотя бы на одном примере, что принцип смещенного узуса (и неизбежно идущей за ним коннотации) имеет более широкий и базовый характер, затрагивая также лексико-мотивные единицы, укорененные в текстах христианских авторов. Обратимся снова к кондаку «На Авраама». Следуя за гомилией Василия Селевкийского (являющейся одним из источников кондака), Роман заимствует устойчивый для христианской грекоязычной словесности¹⁴ мотив «лепечущего дитя» с его характерной интимно-камерной эмоциональной окраской, имеющей, по всей видимости, более древнее бытование и проис-

¹³ Οὐδέ σε παμπήδην βλεφάρων ἔχε νήδυμος ὕπνος
ἀλλ' ἄρ' ἀπὸ βλεφάρων πετάσας κηλίδα βαρείαν
ἀχλύος, ἐν δίνησι φορεῦμενος, ἐδρακες ὅσοις
πολλά τε καὶ χαρίεντα, τὰ κεν ῥέα οὐτις ἴδοιτο
ἀνθρώπων ὅσοι σοφίης μαϊήτορες ἐπλευν. (Anth. App. 120.128-132).

¹⁴ Ср., напр., Гр. Назианзин (Ер.235.1), Иоанн Златоуст (PG 48,71), (PG 60, 551).

хождение¹⁵: Ὡς γὰρ ηὐξήθη τὸ βρέφος, καὶ ψελλίσμασι τὸν τῶν γονέων πόθον ἐτίρωσκε, συνηξάνετο τῷ βρέφει τῶν γονέων τὸ φίλτρον... (PG 85: 104). Однако в тексте кондака этот мотив облекается в недвусмысленную форму аллюзии на библейские стихи Ис.29:24 καὶ γνώσονται οἱ τῷ πνεύματι πλανώμενοι σύνεσιν, οἱ δὲ γογγύζοντες μαθήσονται ὑπακούειν, καὶ αἱ γλώσσαι αἱ ψελλίζουσαι μαθήσονται λαλεῖν εἰρήνην с совершенно другими обертонами и коннотациями:

Οἶμοι, σπλάγχνον, τὴν ψελλίζουσαν γλῶσσαν ἄφωνον δείξει χεῖρ τοῦ σε γεννήσαντος ἢ σφάζουσα· (3,5)

Ни в одном христианском тексте до Романа «ψελλίζουσα γλῶσσα» не используется для обозначения детской неправильно-трогательной речи; при этом можно большой степенью уверенности предполагать, что гимнограф не мог не знать о таком узусе данного выражения¹⁶. Мы видим, что Роман принципиально смешивает два мотива (объединенных только привычностью выражения их через лексемы с корнем ψελλ-), создавая довольно странную амальгаму коннотаций: вместо значения «трогательно лепечущее дитя» (которое мы видим в тексте-источнике и которое совершенно соответствует передаваемому сюжету) введением на лексическом уровне библейской аллюзии мотив лепета оборачивается практически своей противоположностью. При этом особенно важно, что здесь, в отличие от рассмотренных выше случаев, оба смешиваемых узуса принадлежат христианскому корпусу¹⁷. Можно

¹⁵ Ср. из позднеантичных авторов, напр., у Хорикия (Orat.32.2) и Либания (Decl.2.21).

¹⁶ Комментарии данного места из книги пророка Исаяи, как и следует ожидать, весьма многочисленны, ср., напр., Кирилл Александрийский (PG 68, 956) или Иоанна Златоуста (PG 55, 108); это гораздо более «мэйнстримная» линия, чем мотив «лепечущего дитя».

¹⁷ Мотив «лепечущего дитя» с привязкой к корню ψελλ- Роман сам использует в кондаке «На отречение Петра»:

Κόρη προσῆλθέ σοι **μικρά**, ἥτις καὶ τάχα
ψελλίζουσα εἶπεν ἃ εἶπεν πρὸς σέ,

предполагать, что в данном случае библейская фразеология была функционально равна антикизирующей как стилистически предпочтительная, и соображения введения высокого элемента диктовали выбор слов, а аллюзии и коннотации следовали за ними, смешиваясь и мутируя.

В завершение примеров рассмотрим не выражение-мотив, как в большинстве случаев выше, а пару отдельное слов; первое – «ποικίλματα» (кондак «На Адама и Еву»):

Νῦν παντοδαπῆς ἐστὶ τῶν βρωμάτων ἀπόλαυσις,
τῶν ἰχθύων τὰ ἥδιστα, ὄρνεις καὶ τετράποδα,
τῶν φυτῶν καὶ τῶν σπερμάτων τὰ ποικίλματα (1,21).

Здесь стилистический эффект снова завязан на проблеме узуса и его сдвига. Ποικίλματα во всех без исключения позднеантичных текстах христианских авторов имеет значение «украшение»¹⁸. Этот узус не знает исключений, что предполагает его известность и негибкость внутри христианской традиции. Однако в тексте кондака речь идет о τῶν φυτῶν καὶ τῶν σπερμάτων τὰ ποικίλματα. И оба возможных варианта понимания этого места по-своему показательны. Либо Роман, будучи хорошо знаком с узусом (что логичней всего предполагать), сознательно сдвигает обыденное значение, создавая необычный для своей в целом непритязательной стилистики образ – «пестрые украшения растений и плодов» = «устилающий землю ковер» с броским и сознательным смещением привычной

καὶ ταύτης ὡς βρουγγὸν δειλιάσας τὸν ψελλισμὸν,
ἀπεφῆνεν πρὸς ταύτην· «Οὐ γινώσκω ἃ λέγεις». (34,14)

¹⁸ Обычно архитектурное (Евсевий Кесарийский, Hist.eccl.10.4.41) или женское (Агафий Схоластик, Hist. 3.28.5); отдельная устойчивая и, следует думать, наиболее известная группа контекстов представляет собой толкование на слова пророка Иеремии εἰ ἀλλάξεται Αἰθίοψ τὸ δέρμα αὐτοῦ καὶ πάροδαλις τὰ ποικίλματα αὐτῆς, καὶ ὑμεῖς δυνήσεσθε εὖ ποιῆσαι μεμαθηκότες τὰ κακά; здесь ποικίλμα также имеет четкое значение «узор на шкуре» – разновидность значения «украшение». Ср., напр., Афанасий Александрийский (De decr.Nic.32.4) или Иоанн Златоуст в комм. На Иеремию (PG 64: 768); подобные толкования многочисленны и популярны.

сочетаемости слова ποικίλματα. Либо он просто перепутал значение слов ποικίλματα и ποικιλία¹⁹, взяв из двух более редкое слово, поскольку второе действительно зачастую обозначает *просто* разнообразие. Но в этом случае все равно мы имеем введение в текст более стилистически привлекательного деривата с несознательным сдвигом стандартного значения.

Взглянем также на другую лексему, мимо которой прошли исследователи редкой лексики у Романа. В кондаке 42 («На воскресение» III), расцветивая распространенный мотив изрыгания Адом мертвецов, сам Ад говорит:

Παρ' ἐμοὶ οὖν οὐδὲν ὄν ἐγκαλοῦσι
 πρὸς ἐμὲ γὰρ αὐτὸς ἐκὼν κατῆλθε,
 καὶ τὰ πρῶτα μὲν ὠδυνώμην, τελευτ[αῖ]ον δὲ οὐκ οἶδα
 τί πέπονθα·
 τὸ ἄνθος τὸ γλυκάζον ἐμοὶ γέγονε **τιθύμαλλος**
 καὶ ὄλος μου ὁ φάρυγξ ἐπικράνθη ἐκ τῆς γεύσεως,
 καὶ οὐς εἶχον ἀπέπτυσα. (42, 6).

Несмотря на кажущуюся сниженной окраску мотива с медико-физиологической подробностью – вызывание рвоты горечью молочая – тут, как и в ряде случаев выше, объективную стилистическую ценность мотива можно установить только в контексте других текстов эпохи. Слово τιθύμαλλος (с вариантами τιθύμαλος, τιθυμαλῖς) в позднеантичных текстах принадлежит кругу лексики медицинских трактатов²⁰ и не встречается за пределами специальной или специфической литературы; два примера из этого круга текстов особенно важны. В ранневизантийской

¹⁹ Что, кстати, сделал в своем переводе французский издатель: «variété des légumes et des céréales» (SC 99, 91).

²⁰ Конкретный историко-культурный пример которых – алфавитные эпимеризмы из Диоскорида. Создание роскошного иллюстрированного кодекса этих алфавитных выдержек, созданного в 512, приписывается уже упоминавшейся Аниции Юлиане (Riddle 1984, 91). Факт такого парадного кодифицирования медицинской мудрости вводит медицинскую терминологию в круг высокой культуры, в том числе книжно-литературной. Ср. напр. также у Орибасия (Coll.med.12.19.3), Аэция (Iatr.lib.2.90).

энциклопедии по коневодству “Ἱππιατρικά” (V–VI вв.) (McCabe 2007: 1) приводится такой praesepium в поэтической форме элегического дистиха:

<Ἱεροκλέους περὶ ἐχιοδήκτου.>
 Δεινὸν ἐχίδνης δῆγμα καταχρισθὲν τιθύμαλλω
 παύεται. ὦ Χείρων, τοῦτό σε πῶς ἔλαθεν;
 οὐκ ἀφυῶς ὁ Κόϊντος ἀνέυρετο τέσσαρα ταῦτα
 γεντιανήν, δάφνας, σμύρναν, ἀριστολόχην.

(Hipp.Paris.691)

Как мы видим, ранневизантийский компилятор цитирует Гиерокла, типичного позднеантичного ученого автора, написавшего стихотворную парафразу ветеринарного трактата своего коллеги Апсирта (McCabe 2007: 208). Центральным моментом, который здесь следует видеть, является форма дидактической поэзии (элегический дистих), снова показывающая литературность и стилистическую высокую планку медицинской тематики и терминологии, укорененной в позднеантичном литературном узусе. Сочинение Гиерокла (и его ранневизантийский компилятор) и кодекс пс.-Диоскорида (см. прим.16) – культурные явления одного порядка, острова античной ученой традиции; их лексика и понятийный круг – элементы высокого стиля.

Второй важный нам контекст – очень интересный сам по себе папирусный текст, содержащий каталог тайных имен медико-магических веществ и растений с их расшифровкой; это небольшой словарь эзотерической магической лексики. Одним из таких веществ оказывается τιθύμαλλος (PGM XII. 401–44). Здесь мы видим, что линия дидактической поэзии и научных медицинских трудов, принадлежащая в поздней античности высокой литературной среде, дополняется сакрально-эзотерической линией; в обоих случаях τιθύμαλλος становится элементом «закрытого» знания, экзотичным камнем в архитектуре кондака.

* * *

Фрагментарность предлагаемого анализа является лишь наполовину следствием того, что мы находимся в самом начале исследования стилистики кондаков под предлагаемым углом зрения и проанализированы лишь отдельные образцы антиквизирующей или экзотической

стилистики у Романа. На вторую половину это сознательная манера изложения, неплохо соответствующая структуре своего предмета. Антикизирующие элементы и экзотизмы в текстах Романа представлены очень неравномерно и бессистемно, вдруг украшая то тот, то этот икос, они не создают единства композиции и не определяют общий стиль и язык, в целом скорее ровный и нейтральный.

Как интерпретировать такую поэтику? Оставив в стороне то, что исследование вопроса находится лишь в начальной стадии и говоря лишь об изложенном материале, необходимо прежде всего указать на синхронный контекст такой стилистической линии, находящейся на касательной к высокой антикизирующей литературе. Он вполне просматривается. Не анализируемое здесь, но указанное пристрастие к созданию *hara'ov* (по преимуществу композитов) свойственно языку эпохи в целом. Так, в «Дигестах» Юстиниана засвидетельствованы многие либо новые композиты, либо такие, которые раньше не использовались в юридическом контексте²¹ – знакомый принцип сдвига стилистического узуса²². В позднеантичной эпитафии на надгробии из Северной Нубии в совершенно стандартном для данного жанра тексте, написанном формульным языком с простейшей лексикой, обнаруживается эпическое слова *οἰζυρός*, засвидетельствованное после Аполлония Родосского лишь в грамматических трактатах и «Греческой антологии» (Lajtar 1992: 149) – снова то же стремление расцветить серую ткань текста яркой словесной вставкой. Посвятительная надпись VI века знатного гражданина (Викторина) в Эпире создана ямбическим

²¹ Напр., *ἀγυφόρον, ἀδιάθετος* (Avotins 1982), *παιδογραφία* (Avotins 1982: 270).

²² Стремление к сложным композитам – черта, возможно, также усвоенная от линии гексаметрической ученой поэзии – ср., например, *βαθύρριος* применительно к прочно стоящей постройке храма в надписи из Св. Полиевкта Аниции Юлианы (снова отметим семантический сдвиг в тексте 6 в. – ранее слово применялось в прямом значении по отношению к растениям) (Whitby 2004: 178).

триметром²³, придерживается лексики трагиков и содержит несомненные аллюзии на Софокла и Еврипида (Cameron 1967: 134). К этому примеру, ближе подходящему в своем $\mu\acute{\iota}\mu\eta\sigma\iota\varsigma$ 'e²⁴ к антикизирующей стилистике²⁵, можно прибавить посвятельную надпись ктитору мозаики, созданной в 6 в. в Апамее епископом Павлом (также ямбический триметр, двустигхье) (Agosti 1997). Наконец, еще две интереснейшие посвятельные надписи VI в., сделанные в храмах, также из глубокой провинции, обращенные к иначе неизвестным Ободиану (Елевтерополис, Палестина) (SEG 8.119) и Стефану (эль-Боберидже, Палестина) (SEG 8.243). В обоих случаях текст начинается как гекзаметр, переходя вскоре в прозу с эпическими элементами в лексике и морфологии (Browning 1975: 21).

Эти примеры как и рассмотренные стилистические факты могут служить для характеристики литературной ситуации по преимуществу, в публичных текстах VI в.). Универсальными закономерностями кажутся стремление ввести в текст стилистическое украшение в виде либо слова/словосочетания с эпическими/антикизирующими/эзотерическими коннотациями (независимо от его уместности и сочетаемости с контекстом), либо (что требует больше умения, которого может и не хватить до конца) путем создания текста в гекзаметре/ямбическом триметре. При этом большинство, по всей видимости, составляют тексты, способные выполнить эти требования лишь на определенном участке своей протяженности: отсюда «разрежен-

²³ О промежуточном стилистическом значении триметров между прозой и гекзаметром в позднеантичной литературе см. Cameron 1970.

²⁴ Об этом понятии как принципе отношении византийской литературы к античной см. Hunger 1969/1970.

²⁵ Среди публичных текстов присутствует и другой стилистический полюс – напр., записанные на колоннах аккламации к городскому сенату и Альбину – очевидно, почетному гражданину (ср. выше посвящение Викторину), обнаруженные в Афродисии, датируемые автором публикации первой пол. VI в.; в них совершенно не обнаруживается элементов высокой стилистики, они полностью формульны (по крайней мере, в дошедшей до нас части) (Roueché 1984).

ность» орнаментальных элементов в кондаках или внезапный обрыв метра в надписях; однако образцы высокой стилистики зримо и публично присутствуют (по крайней мере, в столицах и крупных митрополиях²⁶), создавая постоянный фон для остальной литературной продукции²⁷.

Подобное явление – использование конструктивных элементов более древних объектов культуры и внедрение их в свои – описано историками позднеантичной архитектуры: речь идет об использовании *spolia* при строительстве раннехристианских и ранневизантийских зданий, в том числе храмов²⁸. При этом историки искусства столкнулись с той же теоретической проблемой, которая неизбежно встает перед филологией в данном случае. Насколько такая стилистика соположения разнородных элементов и проистекающие из него сдвиги значений и новые смыслы являются автоматическим следствием технической необходимости (недостаток строительных материалов/

²⁶ Ср. публичную посвятельную эпиграмму императрице Евдокии, высеченную на колонне на афинской агоре (Sironen 1990).

²⁷ Также к фоновым явлениям, безусловно, принадлежит школьное и следующие ступени образования; относительно VI в. лучше всего изучен традиционно лидирующий в литературном отношении Египет (Cameron 1965); нужно отметить, что даже в монашеской среде, по всей видимости, были случаи серьезного стремления к изучению Гомера (папирусный кодекс в монастыре св. Епифания в Фивах) (Cribiore 2007: 50); также предположительно из монастырской среды происходит папирусное риторическое упражнение в этопии Каина и Авеля V в. (Fournet 1992). Кроме того, отдельные находки говорят о школьном изучении Еврипида (папирусный кодекс «Финикиянок» VI в., со школьным комментарием) Менандра (составление эпимеризм моральных максим в VI в.) (Cribiore 2007: 50), Гомера (в VI в. составлены алфавитные эпимеризмы к «Илиаде» и «Одиссее», также, видимо, использовавшиеся в обучении) (Browning 1975, 15). Также VI в. – время кодификации риторических трактатов Гермогена (Kustas 1970, 66). Главный вопрос, который сейчас не может быть решен в силу фрагментарности источников – степень распространения и доступности такого обучения.

²⁸ Литература очень велика ср., напр., (Deichmann 1970), (Saradi 1997), (Coates-Stephenson 2002), дальнейшая библиография в этих публикациях.

утрата владения эпическим языком) и, в силу этого, не несут эстетического значения? Или же, напротив, можно говорить о стилистическом принципе достаточно сознательного использования и внедрения элементов ушедших эпох, рассматриваемых как изолированные и ценные сами по себе стилистические объекты, *spolia*?²⁹ Мы должны выбирать, видеть ли в позднеантичной (а во многом вслед за ней и средневековой) византийской литературе серую необразованную беспросветность³⁰ или барочную изощренную, хоть и педантскую, изысканность и изобретательность *sui generis*; и нам очень повезет, если в этой дилемме у нас появятся какие-либо другие аргументы, кроме общетеоретических, то есть, в конечном итоге, нашего собственного чутья и вкуса.

Издания текстов:

- PG – Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus, series graeca*. Paris, 1857–1866.
PGM – *Papyri Graecae Magicae*, ed. K. Preisendanz. Т. 1–2. Teubner, 1972–1974.
SC – *Sources Chrétiennes, Éditions du Cerf*. Paris, 1943 – (в тексте цитаты с указанием тома и страницы).
SRMC – *Sancti Romani Melodi Cantica*. Ed. P. Maas and C. Trypanis. Oxford, 1963

²⁹ См. обзор в Coates-Stepheson 2002: 276–278. В то время как история искусства успела эволюционировать от технического понимания процесса до появления теорий стилистической *ποικιλία* как декоративного принципа, в филологии была сделана по сути одна попытка систематически проанализировать подобные стилистические процессы в латинской позднеантичной поэзии (Roberts 1989), которая сразу начала с выдвижения теории «*jeweled style*» – игры самоценных и изолированных украшений. Книга была достаточно жестко и, в целом, заслуженно раскритикована (Hall 1991). Речь идет об отсутствии обобщающей теории стиля позднеантичной литературы, а не отдельных исследований, которые, безусловно, есть (например, исследование «*ornamental style*» у Стация в Vessey 1973 или стиля Аммиана Марцеллина в Kelly 2008: 210–218)

³⁰ Один из показательных образцов подхода – Jenkins 1963.

Кондаки Романа Сладкопеевца цитируются по стандартному изданию Гродидье де Матона в Sources Chrétiennes (tt. 99, 110, 114, 128, 134) с указанием номера кондака и икоса.

Литература

- Agosti 1997 – Agosti G. The ποικιλία of Paul the bishop // ZPE 16. 1997. P. 31–38.
- Ameringer 1921 – Ameringer T. E. The Stylistic Influence of the Second Sophistic on the Panegyric Sermons of St. John Chrysostom. Washington, DC, 1921.
- Avontis 1982 – Avontis I. On the Greek Vocabulary of the Digest // Glotta 60. 3/4. 1982. P. 247–280.
- Bardill 2000 – Bardill J. The Church of Sergius and Bacchus in Constantinople and the Monophysite Refugees // DOP 54. 2000. P. 1–11.
- Basset 1996 – Basset S.G. Historiae Custos: Sculpture and Tradition in the Baths of Zeuxippos // American Journal of Archaeology 100. 1996. P. 491–506.
- Bell 2009 – Bell P. N. Three Political Voices from the Age of Justinian. Liverpool, 2009
- Berkowitz 1995/1996 – Berkowitz L. Observation on the rare words in the Vocabulary of Romanus Melodus//Glotta 73. 1995/1996. P. 118–126.
- Browning 1975 – Browning R. Homer in Byzantium // Viator 6. 1975. P. 15–33.
- Cameron 1965 – Cameron A. Wandering Poets. A Literary Movement in Byzantine Egypt // Historia. 14. 1965. P. 470–509.
- Cameron 1967 – Cameron A. Greek Tragedy in Sixth-Century Epirus // Classical Review 17. 1967. P. 134.
- Cameron 2004 – Cameron A. Poetry and Literary Culture in Late Antiquity // Approaching Late Antiquity: the Transformation from the Early to Late Empire. Ed. S. Swain, M. Edwards. Oxford, 2004.
- Campbell 1922 – Campbell M. The Influence of the Second Sophistic on the Style of Sermons of St. Basil the Great. Washington, DC, 1922.
- Coates-Stephenson 2002 – Coates-Stephenson R. Epigraphy as Spolia – The Reuse of Inscriptions in Early Medieval Buildings // Papers of the British School at Rome. 70. 2002. P. 275–296.
- Criboire 2007 – Criboire R. Higher Education in Early Byzantine Egypt: Rhetoric, Latin and the Law // Egypt in the Byzantine World, 300–700. Ed. R. S. Bagnall. New York, 2007.
- Croke 2006 – Justinian, Theodore and the Church of Sergius and Bacchus//DOP 60. 2006, pp.25-63
- Deichmann 1970 -- Deichmann F. W. Die Spolien in der spätantiken Architektur. München, 1975.

- Fournet 1992 – Fournet J.-L. Une étopée de Cain dans le Codex des Visions de la Fondation Bodmer // ZPE 92. 1992. P. 253–266.
- Hall 1991 – Hall J. B. Review of “The Jeweled Style: Poetry and Politics in Late Antiquity” by M. Roberts // *Classical Review* 41. 359–361.
- Hunger 1969–1970 – Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP 23. 1969–1970. P. 15–38.
- Jenkins 1963 – Jenkins J. H. The Hellenistic Origins of Byzantine Literature // DOP 17. 1963. P. 37–52.
- Kelly 2008 – Kelly G. *Ammianus Marcellinus: an allusive historian*. Cambridge, 2008.
- Kustas 1970 – Kustas G. L. The Function and Evolution of Byzantine Rhetoric // *Viator* 1. 1970. P. 55–73.
- Lajtar 1992 – Lajtar A. A Greek Christian Inscription from Ginari, Lower Nubia // ZPE 91. 1992. P. 147–149.
- Maas 1906 – Maas P., Maas P. Die Chronologie der Hymnen des Romanos // BZ 15. 1906. P. 1–44.
- Maas 1992 – M. Maas. *John Lydus and the Roman Past: antiquarianism and politics at the Age of Justinian*. Routledge, 1992.
- Mango, Ševčenko 1961 – Mango K., Ševčenko I. The Remains of St. Polyeuktos at Constantinople // DOP 15. 1961. P. 243–247.
- McCabe 2007 – McCabe A. E. *A Byzantine Encyclopedia of Horse Medicine*. Oxford, 2007.
- Mitsakis 1965 – Mitsakis K. The Vocabulary of Romanos the Melodist // *Glotta* 43, 1965. P. 171–197.
- Mitsakis 1967a – Mitsakis K. *The Language of Romanos the Melodist*. München, 1967.
- Riddle 1984 – Riddle J. V. Byzantine commentaries on Dioscorides // DOP 38. 1984. P. 95–102.
- Roberts 1989 – Roberts M. J. *The Jeweled Style: Poetry and Politics in Late Antiquity*. Ithaca, N.Y., 1989.
- Roueché 1984 – Roueché C. Acclamations in the Later Roman Empire : New Evidence from Aphrodisias // *JRS* 74. 1984. P. 181–199.
- Saradi 1997 – Saradi H. The Use of Ancient Spolia in Byzantine Monuments: The Archaeological and Literary Evidence // *International Journal of the Classical Tradition*. 3. 1997. P. 395–423
- Sironen 1990 – Sironen E. A honorary Epigram for Empress Eudoci in the Athenian Agora // *Hesperia* 59. 1990. P. 371–374.
- Topping 1976 – Topping E. C. The Apostle Peter, Justinian and Romanos the Melodos // *Byzantine and Modern Greek Studies* 2,1. 1976. P. 1–15(15).
- Topping 1978 – Topping E. C. On Earthquakes and Fires. Romanos’ Encomium to Justinian // BZ 71. 1978. P. 22–35/
- Trilling 1989 – Trilling J. The Soul of the Empire: the Style and Meaning in the Mosaic Pavement of the Byzantine Imperial Palace in Constantinople // DOP 43. 1989. P. 27–72.
- Vessey 1973 – Vessey D. *Stattius and the Thebaid*. Cambridge, 1973.

- Wagner 1948 – Wagner M. A Chapter in Byzantine Epistolography the Letters of Theodoret of Cyrus // DOP 4. 1948. P. 119–181.
- Wellesz 1947 – Wellesz E., Words and Music in Byzantine Liturgy //The Musical Quarterly 33. 1947. P. 297–310.
- Whitby 1985 – Whitby M. The Occasion of Paul the Silentiary’s Ekphrasis of St.Sophia // CQ 35. 1985. P. 215–228.
- Whitby 2006 – Whitby M. The St. Polyeuktos Epigram (AP 1.10): a Literary Perspective // Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism. Ed. S.F. Johnson. Aldershot, 2006.
- Μιτσάκης 1986 – Μιτσάκης Κ. Βυζαντινή Υμνογραφία. Αθήνα, 1968.

Summary

The paper discusses the style of the sixth-century Byzantine hymnographer Romanos the Melodist. It should be noted that the style of early Byzantine “non-high brow” literature has been an almost nonexistent object of scholarly interest. We offer a wide variety of contextualization featuring both vocabulary analysis of the kontakia against the background of late antique Greek writings and public texts (manifested in the hortatory and dedicatory inscriptions in churches of Constantinople and elsewhere) and insights gained from the comparative and typological perspective. These are meant to set the patchwork pattern of Romanos’ literary techniques within the context of late antique *spolia* style acknowledged by art history. Making a breakdown in the number of lexical borrowings Romanos makes from the “highbrow” literature of his day, we find ourselves at a loss as to what to make of the numerous and constant shifts in the *usus* and connotations he keeps making. We face the dilemma of either looking at this patchy style as an artless and pathetic round-up of odds and ends, or pursuing a highly risky quest trying to find a conceptual framework which would fit all the misplaced words and expressions in the kontakia into some kind of a comprehensive stylistic pattern, however odd and weird it might seem from a classicist’s vantage point.

К. Акерманн

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ
ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
В ПРАСЛАВЯНСКОМ И ПРАИТАЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.
СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Резюме. В статье рассматривается развитие индоевропейской видовременной системы на основании контрастивного анализа праславянских и праиталийских данных. Автор подчеркивает важность принципов дополнительной дистрибуции в преобразовании глагольных парадигм.

Ключевые слова: видо-временная система, вид (Aspekt), способ действия (Aktionsart), презенс (атематический, корневой, тематический), аорист (асигматический, корневой, редуцированный, сигматический, тематический), перфект (редуцированный, сигматический, «сильный», u-/v-перфект), дополнительная и взаимоисключающая дистрибуция.

Обоснование выбора языков

Морфологическая структура глагола так называемых греко-арийских языков, а также языков, очень рано засвидетельствованных в письменных источниках, например, таких, как языки анатолийской группы или тохарский, явилась предметом многочисленных исследований, дающих представление как о языке, так и о динамике развития отдельных ветвей в период обособления индоевропейских диалектов. (См. Narten 1964; Gotb 1987; VIA; Kellens 1984; Ringe 1990; Rix 1992; Jasanoff 2002; Oettinger 2002; Meiser 1998: 38–46; Meiser 2003 и др.)

Первые письменные памятники старославянского, позволяющие судить о грамматическом строе языка в его наиболее древнем состоянии, известны только с IX века, а в основной своей массе – с XI века. Тем не менее генетическая связь старославянского с праиндоевропейским совершенно очевидна не только в лексике, но и на различных уровнях грамматики. Особенности развития первичных глагольных основ в старославянском демонстрируют мно-

гочисленные структурные параллели с другими языковыми ветвями, а также наличие определенной внутренней логики в образовании парадигм. При этом большую роль наравне с другими играл семантический фактор (подробнее см. ниже). Очень ценными для сравнительного анализа этого явления в праиндоевропейском контексте явились замечания Г. Майзера к моему докладу о результатах этого исследования на заседании Индоевропейского общества в 2008 году в Зальцбурге. Г. Майзер исследовал итальяскую глагольную систему под этим же углом зрения и выявил, опираясь на языковой материал древнеиталийских диалектов, действие сходных принципов в основе преобразования видо-временной системы праязыка. Данные других индоевропейских языков в этой плоскости пока, насколько мне известно, исследованы недостаточно хорошо.

Предпочтение глаголом определенной парадигмы – явление не случайное, а достаточно закономерное, обусловленное рядом взаимосвязанных факторов. С синхронической точки зрения очевидны изменения места отдельных глаголов в системе: объединение в классы и поляризация последних, происходящие, как правило, либо по аналогии, либо вследствие исторически закономерного изменения фонологического или просодического контекста, что, на самом деле, – явление внешнее и вторичное. С диахронической точки зрения интерес представляет исходный материал таких словоформ. Вышесказанное необходимо коротко пояснить.

В основе исследования любого естественного процесса, будь-то в сфере истории языка или эволюции человека, лежат с одной стороны – *принцип генетической преемственности*, обеспечивающий, выражаясь математическим языком, «константы» предпринимаемого анализа, с другой – *принцип естественных мутаций*, поставляющий «переменные». Сочетание первого со вторым дает формулу, описывающую состояние объекта/явления, в нашем случае – языка на определенном этапе развития.

Принцип генетической преемственности действует на всех уровнях языка. В исследовательской практике индоевропеистики большое внимание уделялось «константам»

в лексическом составе языка, в линейном развитии морфологических категорий и фонологических единиц. Сравнительно новыми и еще не многочисленными являются исследования, направленные на выявление унаследованных семантических и синтаксических взаимосвязей. Такие исследования имеют большую важность¹. Так, например, доказательство существования определенных семантических обусловленностей глагольных корней и вторичных основ в праязыке позволяет установить связь с первичным распределяющим фактором в парадигматической системе праславянского глагола, который в свою очередь, обнаруживается только опосредованно, т. е. через свое выражение на морфологическом уровне. Этот тезис будет подробно рассмотрен ниже.

Принцип естественных мутаций. На уровне звукового строя языка значимыми являются, с одной стороны, ограничения по месту и способу артикуляции на стыке морфем (по принципу «естественной допустимости», характерной для данной этнической общности), с другой – закономерные фонологические преобразования в дочернем языке (как, например, метатеза плавных согласных на конце основы в старославянском, или праиталийския соноризация основообразующего суффикса *-s-* с последующим латинским ротацизмом). Долгое время этот (морфологический) фактор считался ведущим и чуть ли не единственным движущим механизмом в образовании глагольных парадигм (с учетом преобразования по аналогии).

Упомянутые замены по аналогии – это второй фактор, существенно влияющий на парадигматическую принадлежность глагольных основ. Как правило, его действие вступает в силу в рамках уже существующего парадигматического каркаса, а не только на базе звуковых параллелей, т. е. для этого необходим как минимум морфологический, а иногда и лексико-семантический

¹ Как, например, проект, объединяющий исследователей нескольких европейских стран (Австрии, Швейцарии, Германии), по реконструкции синтаксической структуры праязыка.

контекст (как например, перенос по аналогии в лексемах одного семантического поля)².

Исходные данные

Одной из категорий в системе праиндоевропейского глагола является *вид* (аспект) и *способ действия* (= Aktionsart) как более узкая семантическая категория, образующий семантическую оппозицию в западной терминологии: *telic/atelic* (др.-гр. τέλος) – собственно говоря, как бы «целенаправленное, имеющее естественный конец» и «бесцельное, бесконечное» действие; на самом же деле рассматривается *законченность действия*, во-первых, исходя из лексического значения глагольного корня, и, во-вторых, учитывая вторичные морфологические преобразования, изменяющие вид или способ действия, каким его воспринимает говорящий. На морфологическом уровне эта оппозиция проявляется в образовании первичного корневого презенса (действие как процесс) или корневого аориста (одномоментное действие). Исходя из семантики корня, одно исключает другое. Для носителя языка решающим было именно лексическое значение. Для современного исследователя же, поскольку морфологическая маркировка обоих образований: огласовка корня и нулевой суффикс совершенно идентичны, отнесение глагольного корня к той или иной категории возможно при сопоставлении дериватов в нескольких дочерних языках, т. к. морфологические средства вторичного презенса и аориста почти всегда различны. Из вторичных основ праиндоевропейского аориста наибольший интерес для данного исследования представляет s-аорист (CéC/CéC-s)³, в меньшей степени – редулици-

² Например, в рамках одного семантического поля наблюдается перенос парадигматической принадлежности латинского глагола *strepo, strepiui* 'шуметь, реветь' вслед за *crepo, crepiui* 'трещать, грохотать'.

³ Здесь и далее используемые условные символы: √ – корень, C – согласный, e – краткий гласный, ē – долгий гласный, H – ларингальный, R – резонант, E – окончание, ø – нулевая огласовка корня.

роанный аорист (Cé-CoC-E/ Cé-CøC-E⁴ или Cé-CøC-e/o-E), неоднозначен статус тематического аориста.

Важно заметить, что категории презенса, аориста, а также перфекта (исходно перфект «состояния») в языке не описывали действие с точки зрения времени. Грамматическое время и наклонение, принадлежащие одной плоскости (как это еще наблюдается в древнегреческом), выражались категориями *индикатива* (для описания действия, протекающего в данный момент), *претерита* (для описания действия в прошлом), *инъюнктива* (для констатации или упоминания действия безотносительно ко времени), *конъюнктива* (в двух семантических вариантах: выражающих либо волю [*волюнтативный*], либо ожидание [*проспективный*]), *оптатива* (для выражения желания [*купитивный*] или возможности [*потенциальный*]), а также *императива*. (Подробно см. Hoffmann 1976: 523 – 540; Risch 1974; Rix 1986; Rix 1992: 190–194; LIV² : 1–25; Meiser 1998: 38–46; Meiser 2003: 37–38). Таким образом, по всем пяти названным категориям возможно было построение глагольной основы (презенса, аориста или перфекта) в зависимости от вида действия, кроме основы аориста для выражения в данный момент протекающего времени, что исключалось с семантической точки зрения. Особой категории для выражения будущего времени в праиндоевропейском, как известно, не имелось. Эту функцию выполнял частично *проспективный конъюнктив*, частично *дезидератив*⁵.

Системные преобразования в праиталийском (латино-фалисском и сабельском)

Для праиталийского языка характерно, согласно Майзеру, сохранение категорий вида (=аспекта), залога, време-

⁴ Rix (LIV: 21) и некоторые другие исследователи (см. библиографию) относят этот тип к эпохе после разделения индоевропейских диалектов.

⁵ Вторичное образование глагольной основы в системе семантической дифференциации по способу действия (= Aktionsart). См. выше.

ни и повелительного наклонения, как с точки зрения семантической нагрузки, так и ее морфологического выражения.

Основное изменение праиталийского заключается в семантическом разделении категории времени и наклонения и их взаимосочетание. В разной степени и на протяжении разного периода времени такое распадение происходило и в других языках: так например, кельтские языки различают конъюнктив настоящего и конъюнктив прошедшего времени.

В праиталийском формы инъюнктива как самостоятельной категории уже не различаются. К этому же времени относят синкретизм конъюнктива и оптатива, появление проспектива и превентива, как новых самостоятельных категорий наклонения, а также категории будущего времени. В дальнейшем в системе категорий глагола происходили множественные перестройки, замены и нововведения, описание которых не является задачей этой статьи. Далее внимание будет уделено судьбе праиндоевропейских типов аориста в конкуренции с перфектом в праиталийских диалектах, и сопоставление тенденций их развития с типологически идентичными процессами в праславянском. Сосуществование в праиталийском аориста и перфекта подтверждается сопоставлением латинских перфектных основ, например, *vēn-* 'приходить', *ēm-* 'брат', и сабельских основ аориста: *ben-*, *em-* и наоборот лат. основ аориста, например, *fek-* 'делать', *finx-* 'формировать' с сабельскими *fefak-*, *fifig-*.

Таким образом, в центре внимания оказывается процесс синкретизма праиталийских категорий аориста и перфекта. Последний в ходе развития в праиталийском, как и во многих других дочерних языках, потерял семантический оттенок «состояния» в пользу «результативности» и стал функционально близок аористу, хотя с морфологической точки зрения в италийской группе в большинстве случаев оказался более предпочитаем⁶.

⁶ В древнегреческом же вследствие такого же семантического развития перфекта, напротив, предпочтение было отдано аорис-

Из вторичных основ аориста в праиталийском был наиболее продуктивен сигматический аорист, пока он не оказался преобразован в сигматический перфект (около 100 латинских глаголов, из них 75 первичных⁷) или в один из новых типов перфекта по правилам фонотактики латинского языка (ср. Meiser 2003: 240). На определенной стадии развития перфекта в италийском наблюдается взаимоисключаемость сигматического и нового u-/v-перфекта (Meiser 2003: 108, 224–225) и замена первого вторым у глаголов с основной на гласный, полугласный и плавный согласный: например, *molo*, *molui* < **mela-s-* к **melh₂-* ‘молоть’ (Meiser 2003: 130).

Реконструкция редуцированного аориста в праиталийском весьма затруднительна. Формы праиталийского перфекта из-за утраты огласовки корня и исчезновения различий в окончаниях с соответствующими личными формами аориста (в латинском в пользу перфекта, в сабельском в пользу аориста) стали им в большой степени омонимичны.

Возможность сосуществования нескольких типов праиталийского аориста от одного корня, исходя из данных современных исследований (Meiser 2003: 90), исключается. Основная масса глаголов либо образовывала в праиталийском корневой аорист, который в латинском был преобразован в «сильный» (бессуффиксальный) перфект, либо сигматический аорист, перешедший в латинском в сигматический перфект, построение которого было возможно, в том числе, и для вторичных глаголов, образованных от других глагольных основ или основ существительного. «Сильный» перфект, образовывался только от первичных

ту, что, в конце концов, привело к утрате активного перфекта и его замене перифрастическим в новогреческом.

⁷ Из-за высокой продуктивности сигматического перфекта и, следовательно, неоднородного состава глагольных основ, его образующих, определить, каким из них предшествовал праиталийский сигматический аорист, не всегда представляется возможным (Meiser 2003: 107–118, 128–129).

корней, отражая тем самым свою древность⁸ и в зависимости от фонологического строения корня подразделялся на несколько подтипов:

1. редуцированный перфект⁹ в корнях, где редупликация с точки зрения носителей языка была артикуляционно возможной, а именно в корнях, начинающихся со смычных согласных, **m*, а также **sp-*, **st-* и **sk-*: например, *cado* – *cecedī* (ср. вед. *śaśāda*) ‘падать’ (LIV²: 318), *mordeo* – *tomordī* ‘нанести вред’ (LIV²: 280) или *spondeo* – *spondōdī* ‘жертвовать’ (LIV²: 577);

2. перфект с долгим корневым гласным (в результате различных фонологических процессов):¹⁰

а. В глаголах от корней, начинающихся в и.-е. с ларингального по схеме *HeHC* → *ēC*¹¹, например, лат. *ēdī* < **h₁e-h₁id-* (LIV²: 230–231), лат. *ēmī* < **h₁e-h₁m-* (LIV²: 236–237);

б. Образованный в глаголах от корней на смычный согласный или **-m* по схеме *C₁e-C₁C₂* → *C₁ēC₂*, напр. лат. *fēcī*, *fūgī*, *fūdī*.

Строгое разграничение двух парадигматических классов – 1) глаголов с праиталийским (а значит и праиндоевропейским)¹² корневым аористом и 2) глаголов с праиталийским сигматическим аористом – свидетельствует о существовавшей в праиталийском дополнительной (взаимодополняющей или взаимоисключающей) дистрибуции глагольных основ, обусловленной семантически, а в

⁸ Те же тенденции наблюдаются и при образовании асимметричного аориста в старославянском.

⁹ Теоретически возможна также субституция более древнего редуцированного аориста.

¹⁰ В зависимости от структуры корня и как следствие происхождения долготы корневого гласного Майзер (2003: 152–158) различает несколько более мелких типов.

¹¹ Примеры этого явления в других языках см. в Kellens 1984 : 400, Rix 1992²: 204, Oettinger 1979: 403–404.

¹² Для глаголов, образующих в латинском ‘сильный’ перфект, как правило, легко находятся соответствующие глагольные образования в других дочерних языках, что свидетельствует об их древности (ср. Meiser 2003: 128), в то время как языковые параллели для таких вторичных образований, как сигматический аорист, менее многочисленны.

некоторых случаях и лексическим значением корня, в зависимости от выражаемого глаголом способа действия (ср. Meiser 2003: 76) и по способности образовывать первичный корневой аорист или корневой презенс.

В ходе преобразования праиталийской глагольной системы развиваются четкие парадигматические корреляции, фиксирующие взаимную соотнесенность основ презенса, аориста и перфекта, характерную как для латинского, так и для сабельского диалектов (Meiser 2003: 110–115, 254–255).

*Системные преобразования в праславянском*¹³

Ко времени своей исторической фиксации старославянский сохранил только временную категорию индикатива, описывающего протекающее действие (презенс), используя его также в функции утерянного (или синтезированного) инъюнктива; категорию претерита, описывающего моментальное действие в прошлом (аорист), а также лексикализованные или грамматически перестроенные остатки перфекта. Под вопросом остаётся роль праиндоевропейского презенса в прошедшем времени (действие, протекавшее определенное время в прошлом). Категории наклонения в старославянском (условное и повелительное) не являются непосредственными потомками их праиндоевропейских предшественников. Условное наклонение славянского – это новое перифрастическое образование, становление и фиксация которого происходили уже в историческую эпоху. Славянский императив является формальным (но не функциональным) продолжением праиндоевропейского (купитивного) оптатива.

Учитывая достижения и ошибки предшествующих исследований, наиболее целесообразным представляется описание старославянской морфологической системы глагола исходя из системы аориста. Типы индоевропейского презенса нивелировались в старославянском в значительно большей степени по причине почти полной темати-

¹³ В данной статье не затрагивается развитие новой славянской категории вида (соверш. / несоверш.).

зации¹⁴. Тем не менее, в современных славянских языках сохранились рефлексy различной огласовки корня и акцентуационные различия, что немаловажно для определения направления процесса деривации.

На материале старославянского, как языка с наиболее ранней фиксацией в форме древнецерковнославянского, и современных славянских языков, дающих важные сведения о просодии древнеславянского, было возможно установить 5 типов праславянского аориста и проследить историю их развития из праиндоевропейского.

Традиционно выделяются 3 типа ст.-сл. аориста: тематический, старый сигматический и новый сигматический, которые автоматически приписывают и праславянскому. При более подробном рассмотрении морфологического состава глагольных основ, а так же их просодики (с привлечением материала сербско-хорватского, болгарского и частично старочешского) стало необходимым преобразовать эту классификацию и выделить следующие типы:

- асигматический (с 2 просодическими подтипами α и β),
- сигматический (с 3 'старыми' и 1 новым подтипами $\alpha - \varepsilon$)

Асигматический аорист возможен от глаголов с основой на согласный.

Асигматический аорист α образуют праславянские глаголы с акутированным ударным корневым гласным, напр.:

Аорист 1 л. ед. ч. дцсл. *šědvь*; 2–3. л. ед. ч. дцсл.-*sěde*, с.-х. *šjēde* (*zāsjede*) < праслав. **šěd*-(e)- < **šé-sd*-(e)- (Klingenschmitt 1982: 130, ср. LIV²: 513–514) от и.-е. **sed*-/*sed*-¹⁵;

¹⁴ До сих пор предпринимались попытки описания системы старославянского глагола на основании классификации основ настоящего времени или же основ инфинитива, что имеет смысл лишь для синхронного, а не диахронного анализа, т.к. вторичные образования выносятся на один уровень с первичным.

¹⁵ См. LIV², 513–514, Klingenschmitt 1982, 129–131; Stang 1966, 345. Ср. лит. *sėsti*, *sėdu* 'сесть', атемат. 1 л. ед. ч. **sėmi*, 3 л.ед.ч. *sėst*; латв. *sēst*, а также. старолатв. *sēst*; древнепр. *sīdons* (Endzelīns 1971: 207. § 339, Trautmann 1923: 258. Ср. Smoczyński 2005, 332–333). В сабельск. сигмат. перфект *sess-* < сигмат. аор. **sed-s-* (далее см. Meiser 2003: 127).

Презенс 1 л. ед. ч. дцсл. *sedo*, с.-х. *sjëdem*, словен. *šëdem* < **sī-n-d-e-* < **sīd-e-* < праиндоевропейский редулицированный презенс **sī-sd-e-*.

Асигматический аорист β – с циркумфлектированным безударным корневым гласным, например:

Презенс 1 л. ед. ч. дцсл. *ido*, с.-х. *īdēm* (*ōtīdēm*), < праслав. **jv̄de-* < **hi-d^h-e-* на основе праиндоевропейского корневого презенса **hiéj/hi-* 'идти' (LIV²: 232–233);

Аорист 1 л. ед. ч. дцсл. *idъ* 'я шел' < предпраслав. **jvd-om*; 2–3 л. ед. ч. дцсл. *ide*, с.-х. *īde* (*iz-īde*) < **jv̄de-* от новой основы презенса **jvd-* < **hi-* + *-d^h-*¹⁶;

Сигматический аорист α образуют праславянские глаголы с основой на согласный и циркумфлексом во 2–3 л. ед. ч.¹⁷, напр.:

Презенс 1 л. ед. ч. дцсл. **vezo*, с.-х. *vèzēm* (2. Sg. *vèzêš*) < праслав. **vez-e-* < и.-е. **uég^h-e-*¹⁸ < конъюнктив корневого аориста **uég^h- / uég^h-*¹⁹;

Аор. 1 л. ед. ч. дцсл. **věsъ* < праслав. **vēz-s-* < праиндоевропейских *s*-аорист **uég^h-s- / uég^h-s-*²⁰ 2-3 л. ед. ч. дцсл. **veze*, с.-х. *věze* (*dǔveze*) < праслав. **vēz-(s)-e-* (транспон.).

¹⁶ В умбурском имеется так называемый 'слабый' перфект, образованный при помощи суффикса *-f-* от основы презенса **eī-*. Латинская парадигма перфекта имеет три основы: *i-*, *ī-* и *īē-*, происхождение которых объясняет Майзер (2003: 217–218).

¹⁷ Интонацию в личных формах за исключением 2–3 л. ед. ч. установить невозможно, так как в современных славянских языках они были заменены формами нового сигматического аориста.

¹⁸ Также в балтийских языках: лит. 1 л. ед. ч. *vežù*, 3 л. ед. ч. *veža* к *vėžti* 'ехать' (перех.) (Trautmann 1923: 356; Endzelins 1971: 45). Далее сюда относятся др.-инд. *vāhati*, мл.-авест. *vazaiti*, лат. *veho* (в значении 'ехать'), памф. *Feχέτω* 'должен принести' и алб. *vjedh* 'крадет' < **uég^h-e-*.

¹⁹ Ср. вед. императив акт. 2 л. дв. ч. *volhām*, или оптатив мед. 3 л. ед. ч. *uhīta*.

²⁰ LIV²: 661–662, см. также Strunk 1985: 505. Индоевропейские соответствия: др.-инд. 1 л. ед. ч. акт. *s*-аорист *āvāksam* 'ехал' (также и в др. лицах) (Gotō 1987: 63; Narten 1964: 240–241; Mayrhofer I: 522; Mayrhofer II: 535–537; VIA: 398–399); мл.-ав. 3 л. ед. ч. конъюнкт. *uz-važat* (Яшт 13, 100) параллельно др.-инд. 3 л. ед. ч. конъюнкт. аор. на *-sa-* *vakṣat* (ср. однако Kellens 1984: 368); а также кипр. *ἔFεξε*, памф. *ἰoFέξε*.

Лат. перфекту 1 л. ед. ч. *vēxi* также предшествует s-аорист (Meiser 2003: 110–111, 130).

Переход в сигмат. класс α можно проиллюстрировать на следующем примере:

Аорист 3 л. мн. ч. дцсл. *-sěšę* ‘-секли’ < праслав. **sěk-s-* < ?
 1) поздний праиндоевропейский s-аорист **sékH-s-/sékH-s*;
 2) субститут праиндоевропейского корневого аориста **sékH-/sékH-* параллельно латинскому *seciī* ‘отрезал’, который продолжает новый праиталийский s-аорист, заменивший индоевропейский корневой аорист: **seke-s* < **seka-s* < **seka-uai* (LIV²: 524 прим. 2; ср. Meiser 2003: 137, 138) или 3) преобразование Нартен-презенса с **ē* в корне (Eichner 1979: 43); 2–3 л. ед. ч. дцсл. *-sěče* с.-х. *sĭječe, sĕče* < праслав. **sěk-(s)-e-* (транспонат).

Презенс 1 л. ед. ч. дцсл. *-sěkŏ*, с.-х. *sĕčĕm* < праслав. **sěk¹-e-* < Нартен-презенс **sékH-/sékH-* от корня **sekH-* ‘отделять, резать, разделять’ (LIV²: 524; Meillet / Vaillant 1934: 220).

Сигматический аорист типов β, γ и δ образуется от глаголов с основой на гласный. Основы сигматического аориста типа β имеют акутированные корневые гласные. Морфологические показатели: нулевая флексия во 2–3 л. ед. ч., образование страдательного причастия прошедшего времени и отглагольного существительного с помощью суффикса *-n*²¹:

Презенс 1 л. ед.ч. ст.-сл. *meljŏ*, с.-х. *mĕljĕm*, < праслав. **mel-j-e-* < праи.-е. корневой презенс **mélh₂-/mlh₂-*

Аорист 1 л. ед. ч. дцсл. *mlĕxъ*, с.-х. *mljĕh*; 2–3 л.ед.ч. дцсл. *mlĕ*, с.-х. *mljĕ* < праслав. **¹mĕl-s-* < **mĕlh₂-s-* – праиндоевропейский s-аорист от корня **melh₂-* (LIV²: 432–433; Klingenschmitt 1982: 145–146; Jasanoff 2003: 49–50, 53, 77; Rix 1999: 517, 529 Прим. 11, 12)

Ср. лат. *molui* (новый *u*-перфект) < праиталийский сигматический перфект (< сигмат. аорист) **mela-s-*, уже рассмотренный выше.

Для сигматических аористов типа γ характерны циркумфлектированные корневые гласные, отчасти являющиеся результатом метатонии, а также окончание *-tъ* во 2–3 л.

²¹ Напр. дцсл. *-bъjertъ* к *biti*.

ед. ч. и образование страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных существительных с помощью суффикса *t*²²:

Аорист 1 л. ед. ч. дцсл. *jęsʔb*, с.-х. *õt-êh* < праслав. **!jē-s-ŷ* < предпраслав. **jēm-s-om* (транспонат) ← **jēm-ŋ*; 2–3 л. ед. ч. дцсл. *jętb*; с.-х. *õt-ê* < праслав. **jē + tŷ* < индоевропейский корневого аорист **hém-/him-* + *tŷ*²³.

Непосредственно от основы индоевропейского корневого аориста образован латинский императив *em* ‘бери!’ и осск. *em-* ‘братъ’ (Meiser 2003: 199)

Презенс 1 л. ед. ч. дцсл. *imɔ*, с.-х. *õt-mêm*, (2 л. ед. ч. *õt-mêš*) < **ʔm-lɔ* < **h₁m-é*²⁴

Сигматический аорист типа *δ* образуют 3 глагола (из 5) с атематическим презенсом. Морфологические признаки этого типа: окончание *-stʔb* во 2–3 л. ед. ч. при страдательном причастии прошедшего времени (и отглагольном существительном) с суффиксом *-n-*.

Аор. 1 л. ед. ч. дцсл. *daχʔb*; с.-х. *dàh*, *iz-dah* < праслав. **dāχʔb* < предпраслав. **dō-s-ŋ*²⁵ (транспонат) заменивший основу **déh*₃²⁶ индоевропейского корневого аориста **déh*₃-*dh*₃²⁷.

²² Например дцсл. *-pitʔb* к *piti*.

²³ Индоевропейский корневого аорист лежит в основе образования лит. 3 л. ед. ч. *ėmė* ‘взял’ (возможна и реконструкция перфекта; относительно корневого гласного см. Stang 1966: 381) и хетт. *w-emiyezzi* < **ū-em-* со вторичным *ué*-суффиксом (см. Melchert 1994: 66). Древнеирландский *-t*-претерит *-ét* ‘взял’ представляет собой преобразование более раннего кельтского *s*-аориста, который в свою очередь заменил индоевропейский корневого аорист (McCone 1991: 68; Ср. Schumacher 2004: 290–292).

²⁴ Тематический презенс **hém-e*, продолжающий, судя по его семантике, индоевропейский конъюнктив аориста, непосредственно представлен в лит. диал. *emù*, латв. диал. *jēmu*, *jeñt* с прош. временем *jēmu* (в литературном языке *ņemi*, *ņemt*, прош. вр. *ņēmu* Endzelīns 1923: 563), а также в лат. *emō-* ‘беру’ (LIV²: 236, Meiser 1998: 208–209; Meiser 2003: 199) и др.-ирл. *-eim* (Schumacher l.c.). Основу презенса с нулевой огласовкой корня (помимо праслав. **ʔm-lɔ* сюда относится лит. *imù*, *imti*, прош. вр. 1 л. ед. ч. *ėmiaù*) скорее представляют собой тематизированные слабые основы индоевропейского корневого аориста.

²⁵ Корневая гласная *-o-* праславянского аориста была заимствована из дредуплицированного презенса.

2–3 л. ед. ч. ст.-сл. *dastъ*,²⁸ с.-х. *dâ*, *iz-dâ* < **dō* + **-stŭ*

Презенс²⁹ 1 л. ед. ч. дцсл. *damъ*; с.-х. *dâm*, *dâjēm* < праслав. **dā-mi* < балтослав. **dōd-mi*³⁰ < **de-doh₃*- из и.-е. редулицированного презенса **dē-doh₃*-/*dh₃*- (Ср. LIV²: 105–106)

Сигматический аорист ε представляет собой новый морфологический тип, распространение которого легко проследить по письменным источникам. Он имеет прозрачную морфологическую структуру и заменяет старые формы аориста³¹ от глаголов на согласный (асигматического и сигматического α) кроме форм 2–3 л. ед. ч. (подробнее в Askermann 1).

²⁶ Уже в древнеиндийском происходит замена некоторых личных форм формами s-аориста (Narten 1964: 135–136). Единичные случаи встречаются уже в вед.: *adiṣi* (AV I. 14,1; VII. 56,5; XIII. 1, 30), *adiṣata* (SB XI. 4,3,4)

²⁷ Засвидетельствован в хетт. *dāi* ‘берет’; вед. *ādāt* ‘дал’, ст.-авест. императиве *dātā* ‘давайте!’ (ср. LIV:106. прим. 3); арм. *et* ‘он дал’; др.-гр. *ἔδομεν* ‘мы дали’; венет. *doto* ‘дал’; фалискск. *por-ded* ‘schenkte’; лат. *ce-dō* ‘дай!’ (Meiser 2003: 105–106, 182–183), ageg. /*ḍam/* ‘мы дали’. См. также LIV² 105–106; Klingenschmitt 1981: 97, 123; Klingenschmitt 1982: 200–202; Eichner 1975: 93–94; Stang 1965: 125–126; Schumacher 2004: 265–267; Schumacher 2007: 221–223.

²⁸ Проблему сегментации морфем подробно рассматривает Кох (Koch 1990: 110–112). Открытым остается вопрос о сосуществовании омонимичных форм 2–3 л. ед.ч. аориста и 3 л. ед.ч. презенса на °*stb*. X. Станг (Stang 1942: 70–71), следуя Мейе, выводит 3 л. ед. ч. аориста из старого праславянского имперфекта **dad-tb* > **praslav. dastb*.

²⁹ Атематическое спряжение (иначе LIV²: 105, прим. 18, 19), как и старолит. 1 л. ед. ч. *dúomi*, 2 л. ед. ч. *dúosi* и т.д. (Endzelīns 1971: 205–206)

³⁰ Существует несколько точек зрения на процесс преобразования **dedō* → **dō(d)*. Ср. Stang 1942: 21–22; LIV²: 106 Fn. 18.

³¹ В результате многочисленных фонетических изменений в старославянский период (ассимиляции, чередования, упрощения групп согласных и др.) и благодаря отчасти еще сохранившимся рефлексам огласовки корня парадигма аориста имела слишком большое количество алломорфов, что повлекло за собой возникновение форм нового сигматического аориста с суффиксом -*охъ*.

Диакронический анализ конкретных славянских глагольных основ показал, что ядру каждого типа аориста³² соответствует определенный способ образования основы в праязыке, и подтвердил, что вышеназванная классификация, основанная на синхроническом анализе просодических и морфонологических данных славянских языков, не случайна, а отражает процесс становления парадигматической системы праславянского глагола, протекавший по определенным принципам. Очевидна становится также связь с образованием основы презенса в каждой конкретной группе. Логика в выборе определенной парадигматической модели наглядно представлена в следующей таблице:

и.-е. $\sqrt{CeC\#}$	и.-е. $\sqrt{CeH, Ce(H)R\#}$
праиндоевропейский корневой аорист	
↓	↓
праслав. асигмат. аорист $\sqrt{e-E} (\alpha)$ - презенс с корневым ударением $\sqrt{é-E}$	праслав. сигмат. аорист $\sqrt{\bar{e}-s-E} (\gamma)$ с циркумфлексом во 2.-3. л.ед.ч. - презенс с безударным корнем $\sqrt{\emptyset-\bar{E}}$
праиндоевропейский s-аорист, (или др. не корневой праиндоевропейский аорист - засвидетельствованный праиндоевропейский презенс)	
↓	↓
праслав. сигмат. аорист $\sqrt{\bar{e}-s-E} (\alpha)$ - презенс с безударным корнем $\sqrt{e-\bar{E}}$ (позднепраслав.)	праслав. сигмат. аорист $\sqrt{e/\bar{e}-s-E} (\beta)$ без метатонии во 2.-3. л.ед.ч. - презенс с корневым ударением $\sqrt{é-E}$

От индоевропейских глаголов с основой на согласный (левая колонка), образующих корневой аорист, в праславянском засвидетельствован (кроме нескольких исключений) *асигматический* аорист типа α , а от индоевропей-

³² Кроме 3 глаголов аориста типа δ , которые скорее являются исключением, и, безусловно, нового сигматического аориста.

ских глаголов с основой на согласный, образующих s-аорист – *сигматический* аорист типа α .

Ср.: праиндоевропейский корневой аорист **péd-/pd-* 'упасть'³³ соответствует

праславянскому асигматическому аористу α : 1 л. ед. ч. **pádŭ*; 2–3 л. ед. ч. **páde*; 3 л. мн. ч. **pádŭ*

праиндоевропейский s-аорист: **uégʰ-s-/ uégʰ-s-* 'ехать' (см. выше) соответствует

праславянскому сигматическому аористу α 1 л. ед. ч. **věz-s-ŭ*; 2–3 л. ед. ч. **vez-(s)-e*; 3 л. мн. ч. **věz-s-e*

В позднедревнеславянском³⁴ обнаруживается дополнительная оппозиция между этими двумя группами по типу образования презенса, с ударным и безударным корнем соответственно:

праслав. **pád-e-* тематизация основы аориста – праслав. **věz-é-* ← предбалтослав. **'vėg-e-* < ***uégʰ-e-*

От праиндоевропейских глаголов с основой на гласный или резонант (правая колонка), образующих корневой аорист, в праславянском засвидетельствован *сигматический* аорист типа γ (с циркумфлексом и окончанием *°tʰ* во 2–3 л. ед. ч.), а от тех, что в праиндоевропейском образовывали s-аорист (или же редуцированный, но во всяком случае не корневой аорист) – *сигматический* аорист типа β (с акутом и нулевой флексией во 2–3 л. ед. ч.).

Ср.:

праиндоевропейский корневой аорист: **péh3-/pih3-* 'сделать глоток'³⁵ соответствует

праславянскому сигматическому аористу γ : 1 л. ед. ч. ***pīsŭ* > **píxŭ*; 2–3 л. ед. ч. **pītŭ* ← **pítŭ*;³⁶

³³ Ср. вед. медиопассивн. аорист мн.ч. *apadran* (PB) 'упали'.

³⁴ Сравнение этих основ презенса в индоевропейском контексте позволяет сделать заключение, что акцентуация тематической флексии – явление достаточно позднее (по-другому Koch 1990: 300, 567 и некоторые др.).

³⁵ вед. *ápāt* '(вы)пил' и единичные случаи фиксации s-аориста (Narten 1964: 68).

³⁶ хетт. *pāsi* 'делает глоток' также является новым s-аористом (Oettinger 1979: 435–436), если не s-презенсом.

праиндоевропейский s-аорист: **méh₁-s-/méh₁-s-* 'измерять'³⁷ соответствует

праславянскому сигматическому аористу β: 1 л. ед. ч. **'mē-s-ŷ > *'mēxŷ*; 2–3 л. ед. ч. **'mē-s-s/t > *'mē*.

Между этими группами, похоже, также существовала дополнительная оппозиция по месту ударения в праславянском презенсе. Презенс глаголов сигматического типа β в различных славянских языках подвергся значительным изменениям, что привело к существованию неоднозначных форм, особенно в сербско-хорватском. Поэтому в данном случае уместно говорить лишь о тенденциях к такой акцентуационной оппозиции.

Ср.:

с ударной корнево-гласной:

и.-е. **mi-méh₁/m_h1-* дередупл. → **méh₁-je-* > праслав. **'mē-j-e*

с безударной корнево-гласной:

предпраслав. **pih₃-é-* → (?) **rb'jetъ* (или *rbje'tъ*) > **rb'je*

Как видно из таблицы, из вторичных основ аориста большее распространение в славянских, как и во многих других дочерних языках, получил s-аорист. Редуцированный же аорист практически утратился. (На основании долгой корнево-гласной в некоторых случаях можно предположить слияние 2 радикалов после упрощения групп согласных (см. ниже).

Как уже было упомянуто, выбор первичного образования (либо корнево-гласной, либо корнево-презенса) в индоевропейском был обусловлен лексическим значением глагола. Кроме этого основополагающего различия, которое стало отчасти трудно проследить, праславянский унаследовал набор парадигматических форм, состоявших в определенных деривационных отношениях друг с другом. Особенности развития некоторых глагольных основ, в частности тех, которые поменяли тип спряжения в результате морфологического преобразования в праславянском, позволяют предположить, что именно такие унаследованные взаимосвязи при образовании основ презенса и аориста, как следует из таблицы и приведенных

³⁷ АВ 1 л. ед. ч. медий *amāsi* '(я) измерил'.

примеров, собственно и были 'константами' в процессе становления праславянской глагольной системы.

Смена парадигматического класса

Общей тенденцией дочерних языков, в которых развилась категория сигматического аориста (с ее последующим преобразованием, например, в сигматический претерит в тохарском, t-претерит в кельтском, сигматический перфект в латинском), является перевод большей части глаголов с изначальным корневым аористом в сигматический класс. В каждой языковой группе этот процесс имел свои особенности, следуя в той или иной степени принципам фонологической допустимости и/или требованиям парадигматической структуры. Семантическая реинтерпретация же на парадигматическую дистрибуцию уже не влияла. Об этом свидетельствует не только переход глаголов с изначальной 'аористой' семантикой в сигматический класс, но и единичные переходы в обратном направлении, вызванные неоднозначностью фонологической или морфологической структуры корня.

Примером первого может служить праслав. **žiti* от инд.-евр. корня **g^hiēh3-* 'жить', лексическое значение которого исключает существование корневого аориста в языке. Вследствие закономерных фонологических изменений основа *živ-* потеряла последний согласный в позиции перед другим согласным. В результате этого на смену 2–3 л. ед. ч. *žive* приходит форма *žit(v)*, характерная для сигматического класса γ от основ на гласный со вторичным (с праиндоевропейской точки зрения) презенсом, с короткой безударной корневой гласной, в котором в большинстве случаев собраны праславянские сигматические аористы, перестроенные из индоевропейских корневых аористов во всех лицах и числах кроме 2–3 л. ед. ч.

Примером реинтерпретации морфологической структуры основы служит праславянский глагол **tręsti* от инд.-евр. корня **tres-* 'трястись'. Засвидетельствованное в письменных источниках характерное для асигматического класса окончание 3л. мн. ч. *-ę* (< *-o-nt) вместо *-ę* (< *-nt), объясняется тем, что суффикс *-s-* сигматического аориста исчез в ходе фонологических процессов. Переосмысление

основы *tręs-* по схеме *trę-* + *-s-* с соответствующим спряжением по типу сигматического класса основ на гласный, очевидно не допускалось просодической и морфологической структурой основы аориста и презенса, а также образованием страдательного причастия прошедшего времени с помощью суффикса *-n-*.

Интересным представляется факт существования в определенных парадигматических классах старославянского и латинского языков типологически сходных дистрибутивных правил построения основ прошедшего времени (сигматический аорист основ на гласный в старославянском и сигматический или новый *u-*перфект глаголов 2го латинского спряжения), основанных на просодии корневого гласного. Речь идет о правиле Н. ван Вейка (*van Wijk* 1926) в славянском, различающем просодически и морфологически два парадигматических типа основ на гласный, и правиле А. Бургера (*Burger* 1928), обуславливающим переход некоторых сигматических перфектов в *u-*перфекты, если того требует просодия корня.

Краткое заключение

Выявленные таким образом структурные параллели, конечно же, не объясняются особой генетической близостью или же тесным языковым контактом славянских и италийских языков. Морфологические системы латинского и праславянского, зафиксированные в письменных памятниках, не сравнимы на синхронном уровне. Сходные тенденции подобного рода закономерно вытекают из принципов 'естественной морфологии' на базе общего исходного материала.

Результаты данного беглого сопоставительного анализа³⁸ еще раз подтверждают значимость логического компонента в развитии крупных структур языка, связанного со

³⁸ В действительности, типологически или функционально сходных тенденций в процессах преобразования праязыковой системы глагола в италийском и славянском гораздо больше, чем позволяет описать объем данной статьи.

стремлением с одной стороны к экономии языковых средств выражения, а с другой к их прозрачности.

Литература

- Ackermann K. В печати 1. Kontinuität und Innovation in der Genese des slavischen Verbuns: Das System des urslavischen Aorists. Thomas Krisch et al. (eds.), *Historischer Sprachvergleich und Linguistik: Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft im Dialog*. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Salzburg, 21.–27. September 2008. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Ackermann K. 2008. Diachrone Bemerkungen zu van Wijk's Regel über das participium praeteriti passivi auf -тъ / -ta / -to und den Ausgang ^отъ der 2.–3. P. Sg. Aorist im Altslavischen. Доклад на 36ом австрийском съезде лингвистов (ÖLT) в Вене. 06.–08.12.2008. <http://www.linguistics.at/images/stories/downloads/Linguistiktagung/abstractshistorischesektion.pdf>
- Ackermann K. В печати 2 On the Prosody of Slavic Continuants of Indo-European Verbal Adjectives in -to-, -no-, -lo-. Peter Kosta et al. (eds.), *Материалы 5ого международного семинара по балто-славянской акцентологии (IWoba 5) в Опаве* 07.–10.07.2009. Potsdamer Linguistische Untersuchungen, Peter Lang Publishing Group.
- Bendahman J. 1993. Der reduplizierte Aorist in den Indogermanischen Sprachen. Egelsbach – Köln – New York.
- Burger A. 1928. *Études de phonétique et de morphologie latines*. Neuchatel.
- Cardona G. 1960. The Indo-European thematic aorists. Yale Dissertation.
- Chantraine P. 1973. *Morphologie historique du grec*. Paris. = 2002 Repr.
- Drinka B. 1995. The sigmatic Aorist in Indo-European: Evidence for the Space-Time Hypothesis. JIES Monograph, 13. Washington D.C.
- Дыбо В. А. 2000. Морфонологизованные парадигматические системы. Типология и генезис. Т.1. Институт Славяноведения РАН. Москва.
- Eichner H. 1975. Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems. Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft in Regensburg 1973. Wiesbaden: 71–103.
- Eichner H. 1979. Hethitisch *gēnuššuš, ginušši, ginuššin*. Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkeinsiens. Ed. E. Neu, W. Meid. Innsbruck, IBS 25: 41–61.
- Endzelins J. 1923. *Lettische grammatik*, Heidelberg.

- Ernout A. 1927². *Morphologie historique du latin*. Paris.
- Этерлей Е. Н. 1976. Соотносительное употребление форм аориста и имперфекта в сложноподчиненном предложении. Проблемы исторического языкознания. Выпуск 1. История русского языка в древнерусский период. Ред. Колесов В.В. Ленинград: 65–74.
- Galton H. 1962. *Aorist und Aspekt im Slavischen. Eine Studie zur funktionellen und historischen Syntax*. Wiesbaden.
- Gotō T. 1987. Die "1. Präsensklasse" im Vedischen. Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpresentia. Wien. Diss.
- Hackstein O. 1995. Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstambildungen des Tocharischen. Göttingen.
- Hardarson J.A. 1993. Studien zum urindogermanischen wurzelaorist und dessen Vertretung im indoarischen und Griechischen, IBS 74. Innsbruck.
- Hoffmann K. 1976. Das Kategoriensystem des Indogermanischen Verbums. Aufsätze zu Indoiranistik. B. II. Hrsg. von J. Narten. Wiesbaden: 523 – 540.
- Jasanoff J. H. 1988. The Sigmatic Aorist in Tocharian and Indo-European. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2: 52–76.
- Jasanoff J. H. 2003. *Hittite and the Indo-European verb*. Oxford.
- Kellens J. 1984. *Le verbe avestique*. Wiesbaden.
- Klingenschmitt G. 1981. Albanisch und Indogermanisch. *MSS* 40: 93–131.
- Klingenschmitt G. 1982. *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden
- Koch Ch. 1990. *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums*. T.1–2. München.
- Leumann M. 1977. *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München. (Neuausgabe).
- LIV² = Rix H. 2001². *Et al. Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden.
- Mathiassen T. 1969. On the Problem of the lengthened Ablaut Degree and the Slavic Sigmatic Aorist. *ScSl* XV: 201–214.
- Mayrhofer M. 1992; 1996. *Etymologisches wörterbuch des Altindoarischen I, II*. Heidelberg.
- Mayerthaler W. 1981. *Morphologische Natürlichkeit*. Wiesbaden.
- McCone K. 1991. *The Indo-European Origins of the Old Irish Nasal Presents, Subjunctives and Futures*. Innsbruck.
- Meillet A. 1908. Sur l'aoriste sigmatique. *Mélanges de linguistique offerts à M. F. de Saussure*. Paris: 81–106.
- Meillet / Vaillant 1934². *Le slave commun*. Paris.
- Meiser G. 1998. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt.
- Meiser G. 2003. *Veni vidi vici: die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems*. München.
- Melchert H. C. 1994. *Anatolian Historical Phonology*. *Leiden Studies in Indo-European* 3. Amsterdam.

- Melchert H. C. 1998. Traces of PIE Aspectual Contrast in Anatolian? *Incontri Linguistici* 20: 83–92.
- Narten J. 1964. Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden.
- Oettinger N. 1979¹. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. 2002² Nachdruck mit einer kurzen Revision der hethitischen Verbalklassen. Dresden.
- Перельмутер И. А. 1977. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Ленинград.
- Rasmussen J. E. 1989. Studien zur Morphophonemik der Indogermanischen Grundsprache. Innsbruck.
- Ringe, A. D. Jr. 1990. The Tocharian active s-preterite: a classical sigmatic aorist. *MSS* 51: 183–242.
- Risch E. 1974². Wortbildung der homerischen Sprache. Berlin.
- Rix H. 1986. Zur Entstehung des urindogermanischen Modusystems. Innsbruck.
- Rix H. 1992². Historische Grammatik des Griechischen. Darmstadt. 1976¹.
- Rix H. 1999. Schwach charakterisierte lateinische Präsensstämme zu Set-Wurzeln mit Vollstufe I. *Compositiones Indogermanicae in memoriam Jochem Schindler*. Hrsg. von H. Eichner und H.C. Luschützky. Praha: 515–535.
- Roth C. P. 1990. "Mixed aorists" in Homeric Greek. New York [u.a.] = Harvard Univ. Diss. 1972.
- Schumacher S. 2004. Die keltischen Primärverben. *iBs* 110. Innsbruck.
- Schumacher S. 2007. Kontinuanten urindogermanischer Wurzel-aoriste im Albanischen. Teil 1: Wurzel-aoriste mit frühuralbanischem Stamm auf Vokal oder auf *š. *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction* 4: 207–280.
- Smoczyński W. 2005. Lexikon der Altpreuussischen Verben. *IBS* 117. Innsbruck.
- Stang Chr. S. 1942. Das slavische und baltische Verbum. Oslo.
- Stang Chr. S. 1965². Slavonic Accentuation. Oslo.
- Stang Chr. S. 1966. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo.
- Strunk K. 1967. Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen. Heidelberg.
- Strunk K. 1976. Lachmann's Regel für das Lateinische, eine Revision. *KZ Ergänzungsheft* 26, Göttingen.
- Strunk K. 1985. Flexionskategorien mit akrostatischem Akzent und die sigmatischen Aoriste. *Grammatische Kategorien. Funktion und Geschichte. Akten der VII. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft*. Wiesbaden: 490–514.
- Trautmann R. 1923. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen.
- Vaillant A. 1966. *Grammaire comparée des langues slaves* III. Paris
- van Wijk N. 1926. Die slavische Partizipia auf -to- und die Aoristformen auf -тъ. *IF* 43: 281–289.

VIA = Werba C. H. 1997. *Verba Indoarica. Die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache.* Wien.
Wurzel W. U. 1984. *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit.* Berlin.

Summary

The present article offers a contrastive analysis of the structural and semantic developments of the I.-E. aspect system of the verb that should have taken place in the Proto-Italic (on the basis of the research of G. Meiser in historical morphology of the Latin verb) and Proto-Slavic (on the basis of my own work in the field of Slavic verbal historical morphology). The survey does not focus upon the paradigmatical correspondences as such, but investigates the treatment of the traces of the input aspectual oppositions and interdependences in both language groups from the point of view of natural morphology, adopting the experience of W. Mayerthaler and W.U. Wurzel. The presentation of the theoretical background has been simplified, so far as it seemed necessary. Both language groups diverge extensively as to the concrete morphological realization and subsequent paradigmatic reference of the inherited semantic opposition telic / atelic, rooted in the lexical meaning of primary verbs and supposed to have guided the primary stem-formation in the Protolanguage. Nevertheless, remarkable correspondences in preservation and consistent conveyance of certain oppositions (the oppositional members at times additionally marked) in both language groups have been stated, whereas Italic and Slavic could not be suspected of having close affinities through language contact. The analyses of guiding principles of paradigmatic rearrangement of the verbal stem-formations, undertaken independently by Meiser in Latin and me in Slavic gave grounds to see traces of former (lexical-) aspectual oppositions, morphologically realized through the reflexes in ablaut, in root prosody or type of the secondary stem-formation as one of the important distributional principles shaping in combination with external factors, such as sound change or analogy, the paradigmatic organization. The choice of and allegiance to a certain paradigmatic class in these daughter languages were thus, as argued in this paper, primarily predetermined by the morphological realizations of this core semantic opposition. The question arises whether (and to what extent) it is the case in other I.-E. daughter languages.

В. В. Андерсен

ИМЯ АБЕЛЯРА

Резюме. В статье рассматриваются различные гипотезы об этимологии имени Петра Абеляра. Ряд этимологий, восходящих еще к средневековью, выводили имя Абеляра из старофранцузского или латинского языка. В статье автор показывает, что прав Э. Ренан, предложивший считать имя «Абеляр» бретонским. Автор предполагает, что имя «Абеляр» может происходить от кельтского *ail* 'скала' (подобно бретонскому имени «Алан»). Такая этимология позволяет объяснить связь между именами «Абеляр» и «Петр» (от *πέτρος*).

Ключевые слова: Абеляр, этимология, бретонский язык, старофранцузский язык, латинский язык, высокое средневековье, средневековая философия, Росцелин, Тьерри Шартрский, Иоанн Солсберийский.

Среди ряда вопросов, связанных с одним из наиболее значительных представителей средневековой культуры — Петром Абеляром — отдельную проблему представляет собой само имя «Абеляр», относительно этимологии и функции которого выдвинут ряд гипотез, ни одна из которых не представляется до конца убедительной.

Несмотря на устоявшуюся в современной историографии форму имени «Петр Абеляр», из современников Абеляра последовательно употребляет лишь Бернард Клервоский (письма 187, 188, 191, 193, 194, 195). Только Абеляром (и никогда — Петром) называет философа Элоиза, и сам он в письмах к Элоизе называет себя Абеляром. В то же время, преимущественно форму «Петр» употребляет и ряд людей, знавших Абеляра лично: акцент на имени «Петр» делает первый учитель Абеляра Росцелин из Компьеня, который, намекая на недавнюю кастрацию своего бывшего ученика, пишет ему (ок. 1121 г.): «Имена собственные имеют обыкновение утрачивать значение, когда тому, что они означают, случается утратить свое совершенство. Ведь дом, лишившийся крыши, называют не домом, как прежде, а несовершенным домом. Ты же, лишив-

шийся той части, что делает человеком, должен теперь называться не Петром, а несовершенно Петром (PL 178. Col. 371. Ср. Petr. Satyr. 129)».

На основании этой фразы Росцелина М. Клэнчи (Clanchy 1997: 12) заключает, что «Абеляр» — это прозвище философа, которое он приобрел уже после того, как состоял в ученичестве у Росцелина (по Клэнчи, 1093–1099 гг.). «Что оно значило — неизвестно... Возможно, “Абеляр” был сценическим псевдонимом для использования в зале для лекций. Элоиза могла всегда называть его “Абеляром”, поскольку именно как “Абеляра” она впервые встретила его», — резюмирует Клэнчи свой взгляд на эту проблему.

Нетрудно заметить слабость этих аргументов Клэнчи: даже если допустить, что Элоиза в своих крайне откровенных письмах могла никогда не называть своего мужа по имени, а только по прозвищу, гораздо менее вероятно предположить, что этим же прозвищем могли называть его и те люди, которым Абеляр никогда не преподавал — например, Бернард Клервоский, Петр Достопочтенный и Рихард из Пуатье. Поверхностным выглядит и вывод Клэнчи о том что, имя «Абеляр» было просто «ничего не значащим прозвищем».

Вероятно, гипотеза о том, что «Абеляр» — прозвище философа, восходит к его собственным словам. Дважды в «Диалектике» Абеляр пишет о своем имени: «Это слово — «Абеляр» было отведено мне так, чтобы с помощью его говорили о моей сущности (Dialectica: 114)», а также: «...[имя] «Абеляр», которое, как я полагаю, подходит только мне (Dialectica: 556)».

В этом отношении, однако, автор «Диалектики» заблуждался. Так, «Абеляр» (Abagelardus; Malaterra: 14) — второе имя Онфруа Отвильского, графа Апулии (1051–1057). Так же (Abagelardus в *Gesta Roberti Wiscardi* II // MGH SS IX: 263, Bagelardus в *Romoaldi Annales* 1057 // MGH SS XIX: 405, Bajalardus в *Lupus Protospatarius* 1079 // MGH SS V: 60), вероятно, в честь отца, звали и старшего сына Онфруа (ум. после 1082). Возможно, это же имя (Baialardus) носил и кардинал, ставший в 1122 г. архиепископом Бриндизи (Ganzer 1963: 74–75). Наличие современников Абеляра,

носивших то же имя, доказывает, что это было родовое имя, а не личное прозвище, данное только ему. Тем не менее, единой интерпретации и единой формы этого имени среди современников не существовало. Это легко показать на том примере, что привычные для медиевистики отличия в написании этого имени в разных источниках приобретают в случае имени Абеляра особенный масштаб: всего существует более 67 вариантов написания имени Абеляра (Rémusat 1845: 14; Luscombe 1970: 315; Robl 2001; ср. Houben 2002: 75). Ремюза и Мьюз согласны в том, что наиболее достоверные формы этого имени — *Abaelardus* и *Abailardus*; так имя философа пишется в текстах людей, знавших Абеляра лично и в документах XII в. (Rémusat 1845: 14; Mews 1988).

В многообразии имен Абеляра наибольшее значение имеет сохранение в большинстве вариантов двух отдельных гласных звуков в середине имени (раздельное произношение которых подчеркивает большинство вариантов написания). Такое произношение подтверждают и случаи, когда имя Абеляра встречается в метрическом тексте, как в *Metamorphosis Goliae* (Huysens 1962):

Quorum opobalsamum | spirat os et nardum
Et professi plurimi | sunt Abaelardum.

С количеством вариантов написания имени Абеляра сравнимо и многообразие различных этимологий этого имени, первые из которых появляются еще в Средние века и ни одна из которых не является до конца убедительной.

Наиболее ранняя гипотеза о происхождении имени Абеляра встречается в анонимном манускрипте XII в. из Санкт-Эммерамского аббатства в Регенсбурге (MS München. Bayerische Staatsbibliothek Clm. 14160 MS München. Bayerische Staatsbibliothek Clm. 14160; см. Mews 1988: 192):

Петр, которого называют Абеляром (*Abelardus*), а многие — Байолардом (*Baiolardes*), по происхождению англичанин, сперва посвятил себя грамматике и диалектике, а затем — богословию... Так как он не знал ничего о квадривии, то он втайне посещал некоторые лекции по математике, которые давал магистр Тьерри (*Tirricus*)... И когда он однажды был расстроен и раздосадован, магистр Тьерри сказал ему в шутку: «к чему приучена сытая

собака, как не к тому, чтобы лизать (*baiare*) сало (*lardum*)?» Ведь '*baiare*' значит «лизать». С тех пор его начали звать Байолардом (*Baiolardes*, 'лижущим сало'). Но так как это имя было ему дано из-за его неудачи, то он отрекся от него и назвал себя Хабелардом (*Habelardus*, 'имеющим сало'), словом, похожим по написанию, означающим, будто он постиг вершину и жирную часть (*lardum*) искусств. Ведь по прошествии времени он настолько глубоко проник в жир квадривия, что мы и сейчас видим много его трудов о тонкостях геометрии и арифметики».

Несмотря на внимание, которое уделяет этому свидетельству ведущий специалист по Абеляру Констант Мьюз, бросается в глаза его анекдотический характер. Абеляр, разумеется, не был англичанином: вероятно, здесь анонимный автор перепутал его с Аделардом Батским (ср. Mews 1988: 189). «Магистр Тьерри», упоминающийся в тексте – скорее всего, Тьерри Шартрский, один из видных представителей шартрской школы, сочувствовавший Абеляру (в «Истории моих бедствий» Тьерри единственный возвышает голос против осуждения «Теологии» Абеляра на Суассонском соборе 1121 г.). Но Тьерри, как и Абеляр, бретонец, был, по всей вероятности, младше Абеляра¹, они практически одновременно (в конце 30-х гг. XII в.) преподавали в Париже, где лекции и Тьерри, и Абеляра слушал Иоанн Солсберийский, поэтому Абеляр вряд ли мог состоять у него в ученичестве; тем более, в «Диалектике» Абеляр говорит, что не знает вовсе ничего об арифметике (*Dialectica*: 59). Столь же анекдотичными выглядят и попытки автора текста объяснить этимологию имени Абеляра. Фонетическая несогласованность и сам тот факт, что имя выводится из не имеющей ясного смысла латинской фразы, заставляет отвергнуть это свидетельство как «угрожающе недостоверное» (Д. Люскомб).

Другая гипотеза, также восходящая ко времени Абеляра, производит его имя от ст.-фр. *abaier* (совр. *aboyer*) 'лаять'. По-видимому, эту гипотезу принимают Г. П. Федо-

¹ По А. Верне, Тьерри умер после 1156 г. – Vernet 1955: 667. Маловероятно, что он мог родиться раньше 1090 г.

тов (Федотов 1996: 213) и А. Я. Гуревич (Гуревич 2005: 280). По мнению Ж. Леклерка, это прозвище (данное, по мнению исследователей, принимающих эту гипотезу, Абеяру уже во взрослом возрасте) следует понимать как «большая пасть», «тот, кто лает»; Р. Луи считает, что это имя следует толковать иносказательно как «ненасытный, тот, кто желает все знать» (RAPV: 687). Эта этимология восходит к письму Гугона Метела, каноника из Тула, к папе Иннокентию II. В этом письме Гугон подчеркивает ортодоксальность веры Бернара Клервоского (называя его «полностью израильянином по крови») и обрушивается на Абеяра, «сына египтянина и иудейки», который: «Петр этот, не Ионин сын, а Абеяр (Abailar), [от которого,] право же, можно было бы снести, если бы он лаял (latraret) только на науки, но Петр, повторяю, лает и на небеса, прыгает, набрасывается на Небо, говоря о несправедливости на небесах, весьма верно преследуя католическую веру (Hugo II: 330)».

Нетрудно заметить курьезность и этой этимологии: Гугон нигде не сравнивает имя Абеяра с народным словом «лаять», а лишь рисует философа в образе пса, который в бешенстве изрыгает проклятия небесам: подобным образом биограф Св. Госвина называет Абеяра «диким носорогом» (*rhinoceros indomitus*; VG: 445). Кроме того, лингвистическая подготовка Гугона Метела весьма сомнительна; так, в письме к Элоизе он производит название своего родного города – Тул – от патронима «Туллий» (Hugo II: 349).

Связь имени Абеяра со старофранцузским глаголом *'abaier'* не подтверждается и фонетически.

Еще одна, и также весьма распространенная гипотеза о происхождении имени Абеяра появляется, по-видимому, впервые в издании переписки Абеяра и Элоизы Бюсси-Рабютена в середине XIX в., где относительно имени «Абеяр» (в форме *'Abeilard'*) говорится (Bussi-Rabutín 1825: 24; ср. Rémusat 1845: 14): «Уверяют, что, предчувствуя его будущее красноречие, его отец и мать назвали его Абеяром (Abeilard), по причине того богатства прекрасных познаний, из которого он источил бы мед, еще более сладкий, чем мед пчелы (abeille)».

Сторонники этой теории особенно отмечают то, что термин «пчела» употребляет в отношении Абельяра в одном из своих писем Бернар Клервоский (PL 182. Col. 355; ср. также сравнение Абельяра с пчелой у Росцелина: PL 178. Col. 359). Однако данные исторической лингвистики свидетельствуют о наличии во французском языке слова *abeille* (от пров. *'abelha'*, лат. *'apicula'*) только со второй половины XIV в (Gilliéron 1918). В Псалтири начала XII в. слово «пчела» передается ст.-фр. *ef (é)*, мн. ч. *es* («Avirunerent mei sicume es...»; Francisque-Michel 1876: 216).

Таким образом, имя Абельяра хронологически не могло произойти от французского термина, обозначающего пчелу.

Все эти гипотезы о происхождении имени Абельяра, появившиеся как в Средние века, так и в Новое время, несмотря на то, что они находят своих сторонников и сейчас, неудовлетворительны. Одна только разница в вариантах написании имени «Абельяр» позволяет предположить, что оно происходит не из французского или латыни, а языка, неизвестного средневековым переписчикам. В своей статье 1870 г. Э. Ренан выдвинул гипотезу, согласно которой имя «Абельяр» происходит из бретонского языка (Renan 1870). Основываясь на отрывке из трактата Гвиберта из Турне (XIII в.), где описывается дидактическое стихотворение Абельяра, адресованное сыну Астральябию: «Habetis... ad manum... Petrum filium Alardi quem Abaelart vocant *Ad filium...*» и на сочинении Александра Неккама, где тот перечисляет знаменитых ученых мужей XII в.:

Et Porretanus, Albricus, Petrus Alardi –

Ренан заключает, что имя «Абельяр» первоначально имело форму «Abalard» и значит «сын Аларда» на нижнебретонском; «ab» или «tab» – кельтское слово, означающее «сын»; Ренан приводит список бретонских имен, построенных по тому же принципу: например, Abalan, Abjean и др. (Renan 1870: 265–266).

Сам Ренан отмечает слабость своих построений в двух пунктах: во-первых, из «Истории моих бедствий» нам известно, что отца Абельяра звали не Алард, а Беренгарий (НС: 157), а во-вторых, в Ле-Палле, родном городе Абельяра, равно как и в Нанте, в окрестностях которого нахо-

дится Палле, никогда не говорили на бретонском языке (Renan 1870: 268). В целом, заключает Ренан, отец Абеляра, назвав его Петром, по неизвестным нам причинам прибавил к этому имени прозвище «Абеляр»; ответа на поставленные самим французским исследователем вопросы он не находит.

Не опаривая безусловно верного, на наш взгляд, предположения Ренана о происхождении имени Абеляра из бретонского языка, рискнем дать ряд уточнений к этой гипотезе.

Все изложенные выше варианты этимологии, в том числе гипотеза Ренана, предполагают, что «Абеляр» — не имя, а прозвище философа. Однако в структуре средневекового имени в той форме, которую употребляет Иоанн Солсберийский — *Peripateticus Palatinus Abaelardus noster* — «Абеляр» может выполнять только функцию личного имени, как «Петр». Без сомнения, сам Абеляр воспринимал имена «Петр» и «Абеляр» как равнозначные: в его *Soliloquies* диалог ведется между двумя персонажами: «Петром» и «Абеляром».

Два личных имени могли существовать у Абеляра только в том случае, если при рождении он был назван «Абеляром», а под именем «Петр» был крещен и впоследствии принял монашество. В таком случае «Абеляр» оставалось личным, «семейным» именем философа из Ле-Палле (что объясняет его употребление Элоизой), а имя «Петр» использовалось официально.

Тот факт, что имя Абеляра было дано ему при рождении на бретонском, не будет удивлять, если мы предположим, что это имя было дано ему не отцом, а матерью Люсией, которая была бретонкой (PL. T. 178. Col. 106A). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что мать Онфруа Отвильского, графа Апулии, имевшего второе имя «Абеляр», имела типично кельтское имя «Мориэлла» (*Moriella* — *Malaterra*: 9; ср. совр. ирл. *Morella* 'великая'). Учитывая расположение Отвиля (в 100 км к северу от Ренна), Мориэлла, скорее всего, была бретонкой и, как и Люсия, дала своему сыну бретонское имя.

Относительно этого имени можно сделать также следующее замечание: «(m)ab» в бретонском может означать не

только «сын», но и «мальчик» (Le Gonidec 1821: 319). Имя «Абеляр», таким образом, могло быть просто тождественно имени «Алард»; это редкое имя зафиксировано в источниках: в Бретани почитался святой Алар («Алард» в Плуданиэль; Loth 1910: 8. Ср. подпись дьякона с именем *Oelardus* в документе 1121 г. из Сен-Жан-ан-Валле (Шартр): RF 1: 294). Вероятно, это имя образовано по такому же принципу, как и распространенное в Бретани имя «Алан» (лат. *Alanus*, гэльск. *Ailín*), которое возводится к общекельтскому *ail* 'скала' и значит «маленькая скала» (*ail* + *in*). Этот же корень четко прослеживается в имени «Абеляр»/«Алард» (ср. раздельное произношение букв *a* и *e* в имени Абеляра и форму *Abailardus*). Возможно, бретонское имя «Алард» значит «высокая скала» – от *ail*+*ard*, *arth* 'высокий'?

Наиболее примечательно здесь то, что «скала» означает также «Петр», имя, данное Абеляру при крещении. Даже сейчас в Русской Православной Церкви сохраняется обычай, в случае, если ребенку дано имя, отсутствующее в святцах, крестить его под именем святого, чье имя имеет тот же перевод, что имя ребенка (например, ребенок, названный Викторией, получит в крещении имя «Ника»). Весьма вероятно, что подобная ситуация имела место и в случае с крещением Абеляра. В качестве еще одной параллели можно заметить, что к тому же протоиндоевропейскому корню, что и *ail* – **pelso* – восходит название места, где родился Абеляр – Ле-Палле (лат. *Palatium*).

Хотя для целого ряда европейских культур перевод имен «по значению» является обычным, для бретонской традиции автору удалось найти лишь один бесспорный пример: Св. Блээн (от *bleue* 'цветок', ср. валл. *blod*) называется также Св. Флорой (Loth 1910: 14). Ср. также имя Св. Генидика (ср. валл. *genedig* 'рожденный'), который тождественен со Св. Генезием (Saint Geniste) (Loth 1910: 42); но здесь идентификация может объясняться и созвучием. Безусловно, из-за самобытности Бретани «перевод» имен здесь был редким, но, как автор постарался показать, вовсе не невозможным явлением.

Представляется, что изложенная гипотеза позволяет ответить на ряд важных вопросов, связанных с именем Абеляра, обходясь без надуманных и формальных по-

строений, как, например, мнение В. Робля, который полагает (Robl 2001), что имя «Абеляр» могло произойти из *tab-aillt* 'сын вассала'. Думается, что одного того факта, что Абеляр происходил из знатного, пусть и провинциального рода, недостаточно для постулирования этой лингвистически весьма сомнительной теории.

Литература

- Bussi-Rabutin 1825 – Bussi-Rabutin R. *Lettres et épitres amoureuses d'Héloïse et Abeilard*. T. 1. Paris.
- Clanchy 1997 – Clanchy M.T. *Abelard: a Medieval Life*. Oxford.
- Dialectica – Petri Abaelardi *Dialectica*. Ed. L.M. de Rijk. Assen.
- Francisque-Michel 1876 – Francisque-Michel. *Le Livre des Psaumes*. P.
- Ganzer 1963 – Ganzer K. *Die Entwicklung des auswärtigen Kardinalats im hohen Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Kardinalkollegiums vom 11. bis 13. Jahrhundert*. Tübingen.
- Gilliéron 1918 – Gilliéron J. *Généalogie des mots qui désignent l'abeille*. P.
- HC – Abélard. *Historia Calamitatum* / Ed. J. Monfrin. P., 1959.
- Houben 2002 – Houben H. *Roger II of Sicily: a Ruler Between East and West*. Cambridge.
- Hugo 1744 – Hugo Ch.-H. *Sacræ antiquitatis monumenta historica, dogmatica, diplomatica, notis illustrata*. T. II. Étival.
- Huygens 1962 – Huygens R. B. C. *Mitteilungen aus Handschriften. III: Die Metamorphose des Goliath // Studi Medievali. Ser. 3. 1962. Vol. 3. P. 764–772*.
- Le Gonidec 1821 – Le Gonidec J.-F. *Dictionnaire celto-breton, ou breton-français*. Angoulême. 1821.
- Loth 1910 – Loth J. *Les noms des saints bretons*. P., 1910.
- Luscombe 1970 – Luscombe D.E. *The School of Peter Abelard: The Influence of Abelard's Thought in the Early Scholastic Period*.
- Malaterra – Gaufredo Malaterra. *De Rebus Gestis Rogerii Calabriae et Siciliae Comitis et Roberti Guiscardi Ducis fratris eius* // Ed. Ernesto Pontieri, *Rerum Italicarum Scriptores*. V. Pt. 1. Bologna, 1927–8. I, 12.
- Mews 1988 – Mews C.J. *In Search of a Name and Its Significance: A Twelfth-Century Anecdote about Thierry and Peter Abaelard // Traditio*. 1988. Vol. 44. P. 175–200.
- MGH SS – *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*.
- PAPV – Pierre Abélard, Pierre le Vénérable. *Colloque Abbaye de Cluny 2–9 Sept. 1972*. P., 1975.
- PL – *Patrologiae Cursus Completus. Series latina*. Ed. J.-P. Migne.
- Rémusat 1845 – Rémusat Ch. *Abélard*. T. 1. P.
- Renan 1870 – Renan E. *Sur l'étymologie du nom d'Abélard // Revue celtique*. Vol. 1. P. 265–268.

- RF 1 – Recueil des chartes de l'abbaye de Saint-Benoît-sur-Loire. T. 1. P., 1907.
- Robl 2001 – Robl W. Das Rätsel eines Namens: Abaelardus. <http://www.abaelard.de/abaelard/070101abaelardus.htm>
- Vernet 1955 – Vernet A. Une épitaphe inédite de Thierry de Chartres // Recueil de travaux offerts à M. Cl. Brunel. Vol. 2. P. 660–670.
- VG – Vita S. Gosvini // Recueils des historiens des Gaules et de la France. T. 14. Poitiers, 1877.
- Гуревич 2005 – Гуревич А. Я. Абельяр: «неукрошенный единорог» // Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М. С. 257–287.
- Федотов 1996 – Федотов Г. П. Абельяр // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 т. Т. 1. М. С. 185–275.

Summary: Abelard's Name

A number of hypotheses concerning the possible etymology of the name of Peter Abelard, a great medieval thinker, exist in current philological works. Most of these etymologies come from medieval evidence or from writers of the Romantic age, so their reliability should be questioned. The etymology of the name 'Abelard' from Latin 'baiare lardum', 'to lick the lard', recently brought to light by C. J. Mews, as well as the anonymous epitaph this account comes from, is, quoting D. E. Luscombe, "dangerously unreliable". A hypothesis linking the name of Abelard to the Old French verb 'abaier', 'to bark', which seems to be largely accepted in Russian historiography, dates back to another unreliable account, that of Hugh Metel. Furthermore, one cannot explain the phonetic differences between 'abaier' and 'Abaelardus'. Another popular etymology, stemming from an amateur research of R. Bussi-Rabutin, links the name of Abelard (in a form 'Abéillard') to a French word 'abéille', 'a bee'. Recent research shows that the French word of a bee in XII century was 'è', not 'abéille' (from Latin 'apicula').

The researcher that proved that Abelard's name was indeed Breton in its origin, was Ernest Renan. However, Renan's point was that the name was originally 'mab + Alard', and meant 'son of Alard'. In fact, from Abelard's own account we know that his father's name was Berengar. Accepting Renan's theory of Breton roots in Abelard's name, the article argues that 'mab' meant 'boy' instead of 'son', and Abelard's name can be interpreted as 'the boy Alard', 'Alard' being a Breton name much alike 'Alan', both stemming from the root 'ail', 'a rock' ('Alard' perhaps can mean 'ail' + 'ard, arth', 'a high rock'). This etymology can explain the mysterious relation between names 'Peter' and 'Abelard' ('Peter' also meaning 'rock' in Greek, these names were, in fact, identical!). A surviving Russian Orthodox tradition proves that unusual names were 'translated' to Christian names when a person was baptized.

Ал. Вл. Андреев

Μνήμα ἔθικε: ПОРЯДОК СЛОВ
В ЭЛЕГИЧЕСКИХ НАДГРОБНЫХ И ПОСВЯТИТЕЛЬНЫХ
ЭПИГРАММАХ*

Резюме. В статье на материале греческих эгегических надгробных и посвягительных эпиграмм рассматривается связь порядка слов с метрической позицией слова. Разбор конструкций с глаголом ἔθικε показал, что стратегию в расположении слов в стихе и употреблении метрической формулы во многом диктует просодика имени собственного (того, кто посвятил или того, кому посвящено). Это позволяет в определенной степени применять схемы М. Пэрри.

Ключевые слова: древнегреческий язык, древнегреческая элегия, порядок слов, метрическое клише, формула. Ancient Greek language, Greek elegy, word order, metrical formula.

Исследование порядка слов в древнегреческом языке – тема, ставшая достаточно популярной в последнее время. В частности, с начала 90-ых годов прошлого века, т. е. спустя тридцать лет после появления основополагающей работы Кеннета Довера (Dover 1960), были опубликованы сразу несколько монографий, в которых указанная проблема рассматривается через призму прагматики. В этой связи, в первую очередь, следует упомянуть книги Эндрю

* Статья написана в рамках проекта «Древние индоевропейские тексты», выполняемого по Программе ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». Направление V. Лингвистические аспекты исследования текста.

Дивайна и Лоуренса Стивенса (Devine, Stephens 2000)¹, а также Хельмы Дик (Dik 1995 и Dik 2007²).

В данной статье предпринята попытка на достаточно частном примере продемонстрировать, что существуют и другие подходы к описанию расположения слов в древнегреческом, подходы, которые в ряде случаев также дают хорошие результаты. Предметом нашего рассмотрения станут тексты элегических надгробных и посвячительных эпиграмм. Такой выбор материала обусловлен следующими причинами: 1) поэтический текст накладывает дополнительные (метрические) ограничения на порядок слов; 2) стихотворные эпитафии и посвящения появились позднее прозаических; 3) эпитафии и посвящения, вне зависимости от того, поэтические они или прозаические, являются, в первую очередь, утилитарными и обычно короткими. Из того, что разбираемые тексты несут прежде всего утилитарную нагрузку, следует, что даже поэтические тексты будут содержать многочисленные клише.

Стандартная эпитафия или посвящение выглядит следующим образом: *X поставил/ установил* (ἔθηκε/ ἀνέθηκε) *Z* (*алтарь* (βωμόν), *памятник* (μνήμα), *могильную стелу* (σῆμα), *изображение* (εἰκόνα), *статую* (ἄγαλμα) *Y*-ку (возможна также конструкция с несогласованным определением: *X поставил Z Y*-ка³). Помимо этого, в тексте может содержаться различная информация об *X* и *Y* (такой-то, сын такого-то, происходящий из такой-то местности, родственные отношения (*отец установил памятник сыну*), а также о месте установки и мотивировке (в последнем случае зачастую появляется причастие или причастный оборот: *сделав что-то, установил*). Понятно, что обычно

¹ Стоит упомянуть и вышедшую в 2006 г. книгу этих же авторов, посвященную порядку слов в латинском языке: Andrew M. Devine, Laurence D. Stephens. Latin Word Order. Structured Meaning and Information. Oxford: Oxford University Press, 2006.

² Последняя работа представляет для нас особый интерес, так как в ней анализируется порядок слов в стихотворном тексте.

³ Ср.: Σῆμα φίλου παιδὸς τὸδε Δημάνθης ἀνέθηκεν/ Στησίῳ... (Anth. Pal. App. Ep. Sepulc. 15, 1–2) и Μνήμα φίλην μητέρα με Διτρέφει ἐνθάδ' ἔθηκεν/ καὶ Περικλέῃ... (Anth. Pal. App. Ep. Sepulc. 49, 1–2).

такой текст является «стандартным» и, следовательно, он максимально приближен к нейтральному порядку слов SOV⁴ (впрочем, встречается и эмфатическое выделение имени того, кому посвящен памятник⁵).

Мы постарались собрать полный каталог элегических эпиграмм, включающий в себя как авторские произведения, вошедшие в Палатинскую Антологию, так и эпиграфические находки, в большинстве своем являющие пример «низовой» литературы. Критерием для отбора было наличие личной формы глагола τίθημι (ἔθηκε/ ἀνέθηκε) в гекзаметрической части эпиграммы⁶. Результатом анализа собранной информации стала таблица, которую мы публикуем в настоящем исследовании (Таблица 1)⁷.

⁴ См., напр.: ἡ βουλή ἐπὶ Διονυσίου ἄρχοντος ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ ἡγεμόνι τοῦ δήμου καὶ Χάρισιν (IG II² 2798); [Ἄ]ρχιππος Ἀρχεδέ[κτο] [ν]ικήσας ἀνέθηκε [τῶι] Διονύσῳ (IG II² 3094); Ἡρώδης Ἀττικοῦ Μαραθῶνιος τὸν νεῶν ἐπεσκεύασεν καὶ τὸ ἄγαλμα ἀνέθηκεν τῇ Ἀθηναίᾳ (IG II² 3191).

⁵ Напр: Χρυσόχοφ τὸν βωμὸν Ἀλέξανδρος ἀνέθηκεν ὑὸς Ἀλεξάνδρου (IMT MittlMakestos 2565); Ἰσχυρίαν Ἀριστίωνος Ἀγγελῆθεν ὁ πατήρ ἀνέθηκεν (IG II² 3860); Ἀντίφιλον Θεοδώρου Λεωνίκη ἡ μήτηρ ἀνέθηκεν (IG II² 3839).

⁶ В пентаметре формы ἔθηκε/ ἀνέθηκε будут вести себя точно также, как и другие глагольные формы с просодикой 'краткий-долгий-краткий', и, следовательно, будут располагаться, в основном, в середине второй половины стиха, напр: Πανὶ φιλοσκοπέλω λάσιον παρὰ πρῶνα Χαρικλῆς/ κνακὸν ὑπηνήταν τόνδ' ἀνέθηκε τραγόν (Anth. Pal. VI, 32, 3–4); Ἀγρονόμῳ τάδε Πανὶ καὶ εὐαστήρι Λυαίῳ/ πρέσβυς καὶ Νύμφαις Ἀρκὰς ἔθηκε Βίτων (Anth. Pal. VI, 154, 1–2). Расположению глагольных форм в клаузуле пентаметра был посвящен наш доклад на Конференции памяти И. М. Тронского в 2006 г.

⁷ Список примеров, приведенных в таблице, не является исчерпывающим: мы приводим здесь только наиболее интересную часть собранного материала. В верхней строке таблицы показано деление стиха на слоги (указано максимально возможное количество слогов). Слова заключены в ячейки согласно их метрической позиции, долгие слоги, находящиеся на месте двух кратких, занимают две ячейки. Для наглядности мы рассматриваем только значимые для исследуемой конструкции слова: глагольная форма, субъект и связанная с ним группа, объект и указание места.

Данная таблица позволяет сделать следующие выводы:

1) На постоянной основе актантами заполняется начало и конец стиха, а также позиции до и после цезуры, т. е. наиболее самые сильные метрические позиции. В начальной позиции обычно располагается либо субъект, либо объект (в основном, в тех случаях, когда субъект не имеет дактилической просодики и потому не может быть помещен в начало стиха).

2) Глагольная форма стремится к концу стиха; тем самым поддерживается, по крайней мере, порядок SV.

3) Следует отметить гибкость при заполнении словами концовки стиха. Стандартный для прозаических надписей приставочный глагол ἀνέθηκε может заменяться на бесприставочный ἔθηκε с высвобождением места для других слов (ср.: Σῆμα φίλου παιδὸς τόδε Δημόνθης ἀνέθηκεν (Anth. Pal. App. Ep. Sepulc. 15, 1) – Εἰκόνα Μηνοδότου γράψας Διόδωρος ἔθηκεν (Anth. Pal. XI, 213, 1). Также клаузула может расширяться за счет местоимения (Εὐδημος τὸν νῆδον ἐπ' ἀγοῦ τόνδ' ἀνέθηκε (Anth. Pal. VI, 53, 1) и указания места ("Ἄνδρα φίλον φθίμενον Διονύσιον ἐνθάδ' ἔθηκεν (Anth. Pal. App. Ep. Sepulc. 535, 1). В ряде случаев для того, чтобы сделать предыдущий слог закрытым, используется во многом избыточное местоимение με с элидированным гласным (Βωμόν δорποφ[οῖς ταῖς] νύμφαισιν μ' ἀνέθ[ηκεν] (Anth. Pal. App. Ep. Dedic. 311, 1).

4) Центральную роль в расположении слов в стихе играют имена собственные. Обычно это многосложные слова, для которых существует всего несколько метрических позиций. Имя субъекта стремится занять начало стиха (естественно, там, где это метрически возможно). В тех случаях, когда это невозможно, начало стиха, как правило, занимает объект: σῆμα/μνήμα, εἰκόνα, βωμόν – слова, которые могут располагаться в целом ряде позиций.

5) В нижней части таблицы собраны случаи смещения глагольной формы влево. В одном случае это делается для того, чтобы разместить метрически неудобное имя с просодикой 'краткий-долгий-долгий' (Ἀσπίδα μὲν Πρόμαχος, τὰ δὲ δούρατα θῆκεν Ἄκοντεύς (Anth. Pal. VI, 91, 1). В другом появляется формула ἀνέθηκε θανόντι. Судя по тому, что одна из эпиграмм, где встречается это словосочетание

(Σάμα τόδε Σπίνθηρι πατήρ ἐπέθηκε θανόντι (Anth. Pal. VII, 177), приписывается Симониду Кеосскому, поэту, которого в античности считали главным разработчиком жанра эпиграммы, можно с осторожностью предположить, что эта формула – его изобретение. По крайней мере, в более ранних текстах такой формулы не обнаруживается⁸.

6) Поскольку, как мы попытались показать выше, надгробная и по святительная поэзия активно использует всевозможные метрические клише и формулы, для нее в определенной степени применимы схемы, предложенные для эпической поэзии Мильманом Пэрри (Parry 1971). Поэты-ремесленники не стремятся к разнообразию употребляемых конструкций и используют минимальное число схем словорасположения. Вместе с тем, лучшие поэты-александрийцы (например, Каллимах и Леонид Тарентский), как кажется, сознательно избегают клише, предпочитая им более оригинальные варианты⁹. Поэтому в разбираемой таблице примеры из «высокой» поэзии практически отсутствуют.

Литература

- Devine A.M., Stephens L. D. 2000: *Discontinuous syntax: hyperbaton in Greek*. New-York: Oxford University Press.
 Dik H. 1995: *Word order in ancient Greek: a pragmatic account of word order variation in Herodotus*. Amsterdam: J.C. Gieben.
 Dik H. 2007: *Word order in Greek tragic dialogue*. Oxford, New-York: Oxford University Press.

⁸ Впрочем, формы косвенных падежей причастия θανών в конце гекзаметрического стиха располагает уже Гомер: σώμα δὲ οἴκαδ' ἐμὸν δόμεναι πάλιν, ὄφρα πυρός με/ Τρώες καὶ Τρώων ἄλοχοι λελάχῳσι θανόντα (Hom. II. VII, 79–80); ἐνθά ἐ ταρχύσουσι κασίγνητοί τε ἔται τε/ τύμβῳ τε στήλῃ τε· τὸ γὰρ γέρας ἐστὶ θανόντων (Hom. II. XVI, 465–457).

⁹ М. Пэрри, сравнивая использование формул у Гомера и в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, отмечает, что, в отличие от эпической поэзии, где для каждого метрического случая обычно используется только одна формула, Аполлоний пытается (вольно или невольно) разнообразить текст своей поэмы (Parry 1971: 23 sqq.). Нам кажется, что в разбираемом нами случае происходит нечто подобное.

Dover K.J. 1960: *Greek word order*. Cambridge: Cambridge University Press.

Parry M. 1971: *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry*. Oxford: Oxford University Press.

Summary

The article concerns word order in Greek funeral and dedicatory elegiac epigrams. Examining constructions with the verb ἔθηκε the author proves that the order words are placed in verses and the usage of certain metrical formulas depends on the prosodic structure of proper nouns. Thus, the schemes worked out by M. Parry for epic poetry to some extent can be applicable to the discussed genre.

Е. В. Антонец

**О СООТНОШЕНИИ МЕТОДА ДИКТОВКИ
И СОБСТВЕННОРУЧНОГО НАПИСАНИЯ В РАБОТЕ РИМСКОГО
ПИСАТЕЛЯ I В. ДО Н.Э.
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ ЦИЦЕРОНА)**

Резюме. На основании данных сохранившихся папирусов и свидетельств Цицерона (творческая деятельность которого хорошо документирована его собственной перепиской) в статье показано, что при работе над литературными произведениями писатель I в. до н. э. пользовался услугами писцов и методом диктовки, собственноручно внося правку лишь на стадии редактуры. Что касается писем, то как черновики писем (Cic. fam. IX 26, 1), так и значительную часть своей переписки Цицерон вел собственноручно (Cic. Att. II 23, 1; IV 16, 1; II 20, 5; Q. fr. II 2, 1). Из слов Цицерона ясно, что его рука легко узнаваема и его почерк без труда можно отличить от других. Это позволяет с достаточной долей уверенности считать, что письма Цицерона были написаны курсивным письмом, и дает возможность относить время возникновения старого римского курсива не позднее, чем ко II в. до н. э.

Ключевые слова: латинская палеография, диктовка, собственноручное написание, старый римский курсив.

Изучение письменной культуры античности в последнее время достигло значительных успехов. Например, хорошо известна внешняя сторона таких памятников, как юридическая, деловая, военная документация, частные письма, таблички с заклинаниями. Но особый интерес для филолога представляет вопрос о том, как именно происходил процесс работы над литературным текстом в древности – были ли черновики, как они выглядели, как осуществлялась редактура и т. п.

Настоящая заметка ставит своей целью рассмотреть, на каких этапах своей работы римский писатель для записи текста использовал писцов и метод диктовки, и в каких случаях он собственноручно записывал текст. Материалом для исследования этого вопроса служат как сохранившиеся папирусы, так и свидетельства античных авторов,

причем основное внимание уделяется Цицерону – писателю, чья творческая деятельность хорошо документирована прежде всего его же собственной перепиской.

Анализ тех сведений, которые мы можем почерпнуть из писем Цицерона, позволяет провести различие между техникой работы над собственно литературными сочинениями (речами, трактатами, поэмами) и письмами.

Что касается собственно литературных произведений, то современная наука на основании анализа прямых и косвенных данных достаточно уверенно восстанавливает как минимум три стадии работы автора над текстом (Dorandi 1991).

Первая стадия представляет собой детальный конспект будущего сочинения, первый черновой набросок. Иначе это – стадия составления текста.

Предварительному наброску могли предшествовать выписки, которые писатель делал (*exceperat*) из произведений других авторов и которые обычно заносились на восковые дощечки. Самое известное литературное свидетельство о выписках такого рода содержится в письме Плиния Младшего Бебию Макру (Plin. ep. III 5, 17), где Плиний рассказывает о том, как работал его дядя. По словам Плиния Младшего, Плиний Старший не прекращал своих занятий никогда, при нем всегда находился секретарь (*notarius*) с табличками (*pugillares*) и записывал в них все, что диктовал Плиний по пути или в дороге.

Кроме того, восковые дощечки сопутствовали, по-видимому, писательскому труду на протяжении всего процесса работы. В конце I в. н. э. Квинтилиан (ок. 35-100 гг. н. э.) рекомендует именно их: *scribi optime ceris, in quibus facillima est ratio delendi, nisi forte uisus infirmior membranarum potius usum exiget* (Quint. inst. X 3, 31) «и всего лучше писать на навощенных дощечках: в таком случае весьма легко стирать написанное, если только слабое зрение не заставит прибегнуть к употреблению пергамента» (пер. В. Алексеева). Из этого текста ясно, что черновые наброски писатель в данном случае делает сам.

Таким образом, *pugillares* выступают как подсобное средство для оттачивания отдельных формулировок, но собственно текст, даже совсем сырой, наносился в папи-

русный свиток¹. Это показывают, в частности, сами сохранившиеся папирусы. Наиболее ярким примером служит папирус Р. Нерс. 1021 – опистограф, который датируется I в. до н. э. и содержит черновик (первую редакцию) сочинения Филодема, имеющего условное название *Academicorum philosophorum index Herculaneensis*. Черновик написан профессиональным писцом, но содержит вставки, исправления, повторы отдельных пассажей, пометы и перестановки текста. Считается, что эта работа велась при непосредственном участии самого Филодема (Dorandi 1991: 15–17).

Для темы нашего сообщения важно отметить, что упоминание ранней стадии работы над текстом (с переделками и перестановками) мы фиксируем и в переписке Цицерона.

Закончивая летом 44 г. работу над диалогом *de senectute*, Цицерон отправил черновой вариант Аттику. Затем, в июле того же года, он пишет: *quod uero scribis te magis et magis delectare 'o Tite si quid ego' auges mihi scribendi alacritatem* (Cic. Att. XVI 3, 1; 17 июля, Помпейская усадьба) и далее сообщает: *idem σύνταγμα μισί ad te retractatus, et quidem ἀρχέτυπον ipsum crebris locis inculcatum et reffectum* «посылаю тебе то же самое сочинение в пересмотренном виде, причем в самом оригинале (т. е. в черновой рукописи – Е.А.) со вставками и исправлениями во многих местах» (Cic. Att. XVI 3, 1)². Цицерон просит Аттика переписать начисто и прочесть свою новую книгу в кругу друзей.

Так начинается следующая стадия обработки текста, которая заключается в дальнейшей отделке уже практически законченного и почти готового сочинения. Другими словами – это стадия редактуры.

Как известно, в античности было принято читать свои новые сочинения в кругу близких друзей до того, как

¹ Примечательно, что с концом античности церы продолжали использоваться в этом же качестве на протяжении всего периода средних веков.

² Для всех пассажей из писем Цицерона, кроме этого, приводится перевод В. О. Горенштейна.

представить их в опубликованном виде на суд широкой публики (Starr 1987). Многочисленные упоминания такой рецитации мы встречаем, например, у Плиния Младшего. Вот что он пишет о собственных трудах: *ac primum quae scripsi tecum ipse pertracto, deinde duobus aut tribus lego, mox aliis trado adnotanda* (Plin. ep. VII 17, 6-8).

Сам Плиний помогает своему другу Тациту редактировать его книгу: *librum tuum legi et quam diligentissime potui adnotaui, quae commutanda, quae eximenda arbitrarer* (Plin. ep. VII 20, 1). Из этого пассажа ясно, что редакторская правка, обозначенная глаголом *adnotare*, производилась в свитке-черновике (*liber*).

Из известного стихотворения Катулла о Суффене, который пишет много плохих стихов (Catull. 22, 1–8), мы узнаем, как такой черновик выглядел. По словам Катулла, обычно (*ut fit*) он был *in palimpsesto*, то есть черновиком служил уже бывший в употреблении папирус со смытым текстом (Антонец 2009: 84–90). Смыть текст можно было многократно, что позволяло использовать старые свитки не один раз. Прорекламировав стихи друзьям и внеся последнюю правку, поэт отдавал их профессиональным писцам для переписывания. Насмешка Катулла над тщеславием Суффена состоит как раз в том, что тот облакает самые первые пробы своих неумелых творений в роскошную форму (*chartae regiae nouae libri* и т. д.).

Последнюю редактуру автор (или редактор) осуществлял сам и собственноручно, что видно, в частности, из приведенного выше пассажа Плиния.

Упоминание стадии вычитки и правки текста мы встречаем и у Цицерона. Его редактором и критиком выступает Атик: *his litteris scriptis me ad συντάξεις dedi, quae quidem uereor ne miniata cerula tua pluribus locis notandae sint* (Cic. Att. XV 14, 4).

Существует замечательный пример сохранившихся свитков с предварительной и окончательной редакцией одного и того же текста. Два найденных в Геркулануме свитка Р. Нерс. 1426 и Р. Нерс. 1506 содержат один и тот же текст – третью книгу сочинения Филодема *περὶ ῥητορικῆς*. При этом папирус Р. Нерс. 1426 является более новой редакцией, а Р. Нерс. 1506 содержит предварительную

версию книги, что устанавливается на основании многих фактов, но особенно хорошо видно по субскрипции, в которой предварительная редакция названа ὑπομνηματικόν (Sudhaus 1895; Dorandi 1991: 26–27)³.

Об окончательной, заключительной редакции сочинения идет речь, вероятно, в следующих строках письма Цицерона к Тируну: *sed peto a te ut quam celerrime mihi librarius mittatur, maxime quidem Graecus. multum enim mihi eripitur operae in exscribendis hypomnematis* (Cic. fam. XVI 21, 8)⁴. Как видно, Цицерону нужен писец, чтобы переписать черновик (*hypomnema*).

Наконец, последняя стадия писательской работы – это переписка набело. Здесь нельзя не вспомнить знаменитое обсуждение, которое Цицерон вел с Атикком по поводу написания, редактирования и издания одного из своих важнейших произведений «Учение академиком» (в четырех книгах), посвященного Марку Теренцию Варрону. Цицерон так благоговеет перед ученостью Варрона и опасается его строгости, что диктует книгу не Тируну, который может записывать целый период, а Спинфару по слогам, чтобы избежать случайных описок⁵.

Итак, на материале переписки Цицерона, данных сохранившихся папирусов и свидетельств других авторов мы рассмотрели три ступени работы писателя и установили, что при работе над литературными произведениями писатель I в. до н. э. пользовался услугами писцов и

³ То же самое наблюдается и для II книги περὶ ῥητορικῆς (P. Herc. 1672 и P. Herc. 1674).

⁴ Шеклтон Бейли под *hypomnemata* понимает lecture-notes («заметки, выписки»), но Доранди не без оснований предлагает понимать здесь *hypomnemata* как «предварительный вариант».

⁵ *sed, quaeso, epistula mea ad Varronem ualdene tibi placuit? male mi sit si utquam quicquam tam enitar. ergo ne Tironi quidem dictavi, qui totas περὶ οὐχᾶς persequi solet, sed Spintharo syllabatim* (Cic. Att. XIII 25, 3) «Но скажи, тебе понравилось мое письмо Варрону? Провалиться мне, если я над чем-нибудь еще так старался! Поэтому я диктовал книгу даже не Тируну, который может записывать целый период, а Спинфару по слогам» (пер. Н. А. Федорова).

методом диктовки, собственноручно внося правку лишь на стадии редактуры.

Что касается писем Цицерона, то здесь открывается несколько иная картина.

Прежде всего следует отметить, что у писем тоже были черновики, которые Цицерон составлял главным образом собственноручно. Так, в самом начале своего письма к Пету (46 г. до н. э.) он рассказывает, что лежит на пиру и пишет черновик письма (*exemplum*) на табличках⁶.

Сами издания писем показывают, что черновик, полностью отделанный, сохранялся у отправителя.

Более того, из слов самого Цицерона явствует, что значительную часть своей переписки он вел собственноручно⁷. Вот некоторые примеры:

numquam ante arbitror te epistulam meam legisse nisi mea manu scriptam. ex eo colligere poteris quanta occupatione distinear. nam cum iacui temporis nihil haberem ... haec dictavi ambulans «ты еще никогда, я думаю, не читал моего письма, написанного не моей рукой. По этому ты можешь судить, как сильно я занят. Ведь я продиктовал это письмо во время прогулки...» (Cic. Att. II 23, 1; август 59 г., Рим);

occupationum tearum uel hoc signum erit quod epistula librari manu est «признаком того, как я занят, будет хотя бы то, что письмо написано рукой моего писца» (Cic. Att. IV 16, 1; ок. 1 июля 54 г., Рим).

В 59 г. политическая обстановка была чрезвычайно напряженной, влияние Цезаря и Клодия усиливалось,

⁶ *accubueram hora nona, cum ad te harum exemplum in codicillis exaravi. dices ubi? apud Volumnium Eutrapelum et quidem supra me Atticus infra Verrius familiares tui* (Cic. fam. IX 26, 1) «в девятом часу я только занял место за столом и пишу черновик этого письма к тебе на табличках. Спросишь, где? У Волумния Евтрапела, а рядом со мной – твои друзья Атик и Веррий».

⁷ В дороге Цицерон диктует письма (видимо, черновик): «Я диктовал и писал это письмо в пути на рассвете за четыре дня до апрельских ид с тем, чтобы остановиться в этот день у Тита Тития в его анагнийской усадьбе» (Cic. Q. fr. II 5, 4; 9 апреля, в пути из Рима в Анагнию).

Бибул (второй консул 59 г.), пытаясь бороться с Цезарем, опротестовал все его действия, Цицерон же, сознавая нависшую над ним опасность, предлагает Аттику в письмах пользоваться псевдонимами и диктовать их писцам: «буду писать на имя Фурия ... я буду Лелием, а ты Аттиком, и я не буду писать собственноручно и прикладывать своей печати» (Cic. Att. II 20, 5; июль 59 г., Рим).

По-видимому, к этой мере предосторожности в данном случае прибегнуть не пришлось, но в другой раз Цицерон пользуется услугами писца уже вынужденно из-за того, что у него самого болят глаза. Брату Квинту он пишет:

«Не мои занятия, которыми я действительно поглощен, а небольшое гноетечение из глаз заставило меня продиктовать это письмо, а не написать его – как обычно письма к тебе – собственноручно» (Cic. Q. fr. II 2, 1; 17 января 56 г., Рим).

Тот факт, что Цицерон пишет письма сам, представляется чрезвычайно важным как для изучения письменной культуры античности в целом, так и особенно для истории римского письма.

Из слов Цицерона мы ясно видим, что его рука легко узнаваема, и что Аттик без труда отличает почерк Цицерона от других. Фактически это – почти однозначное свидетельство того, что речь здесь идет о курсивном письме.

В капитальном письме различие между индивидуальными почерками, конечно, наблюдается, но оно не столь ощутимо, как в курсивном письме, где многообразие индивидуального, легко распознаваемого, написания букв проявляется гораздо ярче. Даже при беглом знакомстве с курсивными почерками I в. н. э. (Антонец 2009: 180–230), совершенно очевидно различие между ними, в то время как капитальное письмо допускает гораздо меньшую вариативность форм букв и распознать индивидуальные особенности почерка в нем значительно труднее, чем в курсиве.

Поэтому мы можем с достаточной долей уверенности считать, что письма Цицерона к Аттику были написаны курсивным письмом, коль скоро Аттик легко мог отличить руку Цицерона.

Этот вывод позволяет сделать следующие дальнейшие заключения. Как известно, памятников старого римского курсива I в. до н. э. крайне мало – около пяти, основная масса образцов маюскульного курсива относится к середине – концу I в. н. э. Однако в это время курсив предстает как письмо уже очень развитое. Поэтому возникновение курсива палеографы относят к более раннему времени, но к какому именно, сказать трудно. Реконструировать ранние этапы развития курсивного письма мы не можем из-за отсутствия материала. Приведенные факты из переписки Цицерона говорят не только о том, что старый римский курсив уже бесспорно существовал в середине I в. до н. э., но и о том, что он был достаточно сформированным, сложившимся письмом. Это дает основание датировать возникновение старого римского курсива относить не позднее, чем ко II в. до н. э.

Второе, что можно почерпнуть из сделанного наблюдения, относится скорее к области гипотез. Возможно, факт наличия и активного использования курсива Цицероном, поможет ответить на вопрос, каким письмом писались черновики сочинений в эпоху Цицерона.

Выше были описаны основные стадии работы над текстом. Как мы видели, их было много, и текст неоднократно переписывался. Представляется маловероятным, что первые наброски и конспекты выполнялись трудоемкими капитальными буквами, которые требуют многих движений и немалых усилий.

Более правдоподобным кажется, что, по крайней мере, первые черновики писались курсивным письмом, быстрым и легким. До наших дней сохранились античные издания в курсивном письме: папирусы Лукреция и Энния из Геркуланума I в. до н. э. (Kleve 1989; Kleve 1990; Suerbaum 1994), Гиссенский папирус Цицерона I в. н. э. Кроме того, существуют косвенные свидетельства того, что практически вся римская литература прошла стадию курсивной передачи (Brunhölzl 1962; Suerbaum 1994). Коль скоро существовали и были широко распространены издания в каллиграфическом курсиве, то весьма вероятно, что именно этим письмом записывали и черновики.

Но у курсива есть и недостаток – это письмо не вполне легкочитаемое. Может быть, в этом кроется еще одна причина того, что для переписки набело писатель использовал именно метод диктовки. Это было необходимо, чтобы автор мог сам внимательно контролировать текст, чтобы писец не допустил случайно зрительной ошибки, столь обычной, когда речь идет о курсивном письме.

Литература

- Антонец 2009 – Антонец Е. В. Введение в римскую палеографию. М.
- Brunhölzl 1962 – Brunhölzl F. Zur Überlieferung des Lukrez // *Hermes*. 90. S. 97–104.
- Dorandi 1991 – Dorandi T. Den Autoren über die Schulter geschaut // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 87. S. 11–33.
- Kleve 1989 – Kleve K. Lucretius in Herculaneum // *Cronache Ercolanesi*. 19. P. 5–27.
- Kleve 1990 – Kleve K. Ennius in Herculaneum // *Cronache Ercolanesi*. 20. P. 5–16.
- Starr 1987 – Starr, R. J. The Circulation of Literary Texts in the Roman World // *The Classical Quarterly. New Series*. Vol. 37, No 1. P. 213–223.
- Sudhaus 1895 – *Philodemi Volumina rhetorica*. Ed. S. Sudhaus. Lipsiae.
- Suerbaum 1994 – Suerbaum W. Herculanensische Lukrez-Papyri – neue Belege für die Phase der Majuskel-Kursive eines bekannten Klassikertextes // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 104. S. 1–21.

Summary

From Cicero's letters (e.g. Cic. Att. II 23, 1; IV 16, 1; II 20, 5; Q. fr. II 2, 1) it is clear that it was not difficult for Atticus and Quintus to identify Cicero's hand. This probably means, that Cicero wrote his letters in Old Roman Cursive, and makes it possible to date the appearance of cursive script before 100 B.C. It also suggests that first drafts were written normally in Old Roman Cursive.

Д. Е. Афиногенов

ДВА ДРЕВНИХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДА ГЛАВЫ 28 КНИГИ ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ

Резюме. Церковнославянский перевод Послания трех восточных патриархов императору Феофилу от 836 г., т.н. «Многосложный свиток», содержит информацию, отсутствующую в греческих источниках, однако в тексте возможны интерполяции. Рассказ о низложении епископа Антония Силлейского на соборе 814 г. включает много цитат из 28 главы книги Иезекииля. Сравнение славянского текста «Свитка» с древнеболгарским переводом этой книги показывает, что переводчик Послания не был с ним знаком и не мог использовать его для вставок.

Ключевые слова: история Византии, церковнославянские переводы, Послания восточных патриархов императору Феофилу 836 г.

После установления того факта, что произведение, известное с XV в. на Руси под названием «Многосложный свиток», представляет собой перевод исключительно важного византийского документа IX в., а именно Послания трех восточных патриархов императору Феофилу от 836 г. (Афиногенов 2003–2004: 9–33), встал вопрос об оценке происхождения и информационной ценности тех частей текста, которые отсутствуют в сохранившихся по-гречески редакциях. Таких фрагментов немало: примерно для одной пятой «Многосложного свитка» не удалось найти соответствий ни в одном из греческих вариантов. Между тем, сведения, содержащиеся в этих отрывках, нередко представляют первостепенный интерес для реконструкции византийской истории и культуры второго периода иконоборчества (815–842). В некоторых случаях принадлежность фрагмента исходного текста сомнений практически не вызывает (так, например, обстоит дело с колофоном, где упоминаются авторы Послания, место и дата его написания, а также имя составителя¹), однако иногда

¹ Глава 94 по подготовленному мною критическому изданию.

ситуация выглядит несколько более сложной. Дело в том, что, как уже было доказано, некоторые разделы и даже само заглавие заимствованы из гомилии X или XI в., посвященной иконе Марии Римской (ВНГ 1067)², причем интерполированы они были уже на славянской почве. С другой стороны, отдельные пассажи, дословно совпадающие с текстом хроники Георгия Амартола, были вставлены в эту последнюю редактором, работавшим в последней четверти IX в. и использовавшим не дошедший до нас в первоначальном виде оригинал церковнославянского перевода (Афиногенов 2004: 19–29). Таким образом, в каждом конкретном случае, когда требуется верифицировать данные, содержащиеся в том или ином отрывке, проверка на возможность интерполяции, если таковая возможна, представляется крайне желательной.

Один из самых значимых примеров, когда подобную проверку оказалось возможным осуществить, касается фрагмента, посвященного собору, созданному патриархом Никифором в храме Св. Софии в Константинополе в Рождественский сочельник 814 г., и занимающего главы 70–74 нашего издания (Соборник, л. 383–384^{об}), около 3000 знаков. Соответствующий греческий текст короче, в особенности для гл. 72–73. Важность славянского текста состоит в следующем: если сообщение о соборе восходит к практически современному источнику, то это устраняет имевшиеся у некоторых исследователей сомнения и в самом факте его проведения, и в числе участников (270), которое прямо указано и в «Многосложном свитке», и в одной из сохранившихся греческих переработок³. Кроме того, маловероятно,

См. также Соборник. М., 1647. Л. 390^{об} (славянская нумерация). Составителем назван некий монах Василий, по всей вероятности, будущий епископ Эмесский и автор жития своего дяди, свт. Феодора Эдесского. В последнем сочинении упоминается встреча патриархов Антиохийского и Иерусалимского в Иерусалиме, состоявшаяся в 836 г.

² См. Afinogenov 2003–2004: 30. Текст гомилии: von Dobschütz 1899: 233*–266**.

³ См. обсуждение этой проблемы (еще до привлечения данных «Свитка»): Афиногенов 1998: 68–69.

ятной казалась и информация о будто бы имевшем место на соборе низложении и анафематствовании одного из главарей иконоборцев Антония, епископа Силлейского (Grumel 1971; Treadgold 1988). В свое время я указывал на то, что такие действия со стороны патриарха Никифора выглядят очень логичными с тактической точки зрения, поскольку под анафему, провозглашенную Антонию, попадали также и все, кто с этого момента оставался бы с ним в литургическом общении, что заранее лишало легитимности будущую иконоборческую иерархию (Афиногенов 1996: 63–84). Тем не менее, доказательная база оставалась достаточно слабой, так как не могло быть уверенности в том, что упоминание о соборном низложении епископа восходит к подлинному документу 836 г. Между тем, рассказ, сохранившийся в «Многосложном списке», представляет это низложение и проклятие как вообще самое главное деяние собора 814 г. Именно поэтому столь большое значение имеет установление подлинности соответствующих частей церковнославянского текста.

В пользу того, что сведения об Антонии, содержащиеся в «Многосложном свитке», действительно можно относить к Посланию восточных патриархов от 836 г., говорит следующее соображение. Одним из *termini ante quos*, независимых от колофона, является отсутствие в славянском переводе, в отличие от греческих версий, каких-либо упоминаний о смерти Антония, к тому времени уже патриарха Константинопольского, которая последовала в 837 г. В подобного рода полемических сочинениях тема *mortes persecutorum* как правило, не оставляется без соответствующих комментариев, что и можно наблюдать на примере сообщений нашего документа о кончине императоров-иконоборцев Льва III, Константина V и Льва V. Таким образом, исходный текст создавался еще при жизни Антония, и тот со всей очевидностью выступал одним из основных адресатов инвектив против еретиков (за невозможностью критиковать царствующего императора), поэтому то освещение собора 814 г., которое мы находим в «Свитке», представляется вполне логичным и соответствующим общему замыслу и построению произведения.

Подозрение в интерполяции (опять же на славянской почве, поскольку сопоставление с греческими версиями показывает, что утраченный исходный текст интерполирован не был) может вызвать лишь одно обстоятельство: гл. 72 и 73 в значительной части составлены из цитат из 28 главы книги пророка Иезекииля. Если славянский переводчик или переписчик воспользовался существовавшим переводом этой книги, чтобы дополнить обличение Антония, то необходимо скорректировать как минимум то место, которое это обличение занимает в рассказе о соборе, и, соответственно, степень значимости данного вопроса для участников самого события. Здесь необходимо учитывать, что другие источники, повествуя о соборе, низложение и анафему Антония вообще не упоминают. Поэтому необходимо установить, могли ли цитаты из Иезекииля в славянском тексте «Многосложного свитка» быть заимствованы из переводов этой библейской книги, доступных переводчику или же переписчику архетипа всех имеющихся славянских рукописей⁴.

Книга пророка Иезекииля бытовала в славянском мире в двух переводах. Один представлен сборниками паримийных чтений. Поскольку глава 28 в них отсутствует, для нашего исследования этот текст на данном этапе не привлекался. Кроме того, существует староболгарский перевод всей книги с толкованиями Феодорита Киррского, сохранившийся в рукописи РНБ F.I.461 XIV в. и недавно появившийся в научном издании⁵. Приведем сравнительную таблицу цитат в 72 и 73 главах «Многосложного свитка» и соответствующего текста из этого перевода:

⁴ Все списки «Свитка» русского происхождения, самый древний (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 53/1130) – последней четверти XV в.

⁵ Староболгарският превод на Стария Завет / ред. С. Николова. Т. 2. Книга на пророк Иезекиил с тълкования / изд. Тасеева Л., Йовчева М. София, 2003.

Многосложный свиток	Древнеболгарский перевод (с. 287–290)
72. ...ннѣ же: н ты, сноу̑ уеловѣуь, прннмн плауь – не ш кназѣ тѣрстѣмѣ, но ш погнбелн сѣлннскаго антонїа, науалннка ересе̑, н рцы емоу: ты – образѣ подобїа, полнѣ моудростн н вѣнецѣ добротѣ, ты, воспрнлвѣ ран црковныа породы, ѿ немже созданѣ бысть посреде̑ стїтелескнх̑ огненых̑ камыкѣ, долѣже шбрѣтошд̑ беззаконїа твоа вѣ тебѣ, согрѣшнлѣ есн н оуаѣвнса. 73. нзмететѣ тл̑ херѣвнмѣскїн н равноангльнын патрїархѣ нкн- форѣ н шсѣнаа с ннмѣ нзѣ среде̑ стїтелескїа бг̑внзѣвраннымн камыкы бл̑гоутїа. возвыснса ср̑це твое на доброты црковныа слы, н ст̑аа стїтелескаа твоа свѣтлостѣ ѿ добрымн слнмам н властѣмн радн мншжествѣ грѣхѣ твоих̑ на зѣ- млю проклатїа нзгнаса предѣ цр̑ьмн н патрїархн, позорѣ бысть н прнтун. шскверннлѣ есн ст̑ыню, да нзведетѣ гд̑ь огнь нзо ѣтробы твоеа, ннже оугаснетѣ, пожагаан тл̑, дондеже сотворнтѣ тл̑ якв пепелѣ прѣ всѣмн, зрацнмн тл̑, н всн зрацїн тл̑ во языцѣх̑ восплаютса ш тебѣ. 74. погыблѣ во бысть н не боудешн жнвѣ вовѣкн	снѣ улу̑ь прорцн ш князн тїрцѣ н рѣцї емоу: ...ты есн знаменїе сѣлнненїа: нсплѣнь прѣмждростн н доброты (Иез. 28:12) бысть срѣде̑ камень шгнень (28:14), дондеже шбрѣтошж са твоа неправды в тебѣ (28:15), сѣгрѣшн н язвень бысть (28:16a) хероуьнмѣ шсѣнѣа: н ѿ срѣды камыкѣ шгнень (28:16b) вѣзнесе са ср̑це твое доброты дѣлѣ твоєа (28:17) множѣства дѣлѣ грѣха твоего на зема... прѣ цр̑н (28:17с) шсквернн шсценїе свое. н нзведѣ шгнь ѿ срѣде̑ тебе н дамѣ тл̑ вѣ прах̑ прѣ всѣсѣмн вндацнмн тл̑, н вѣсн вѣдацнєн вѣ странах̑ оуныа бждѣт по тебѣ, пагоуба н не бждешн вѣ вѣкѣ. (28:18–19)

Как видим, расхождения достаточно значительны и не могут быть объяснены какого-либо рода редакторской правкой (например, сознательной русификацией). Примечательно, что синодальный вариант (несомненно, русифицированный) вместо «знамение сличения» дает «печать уподобления», а вместо «уныли будут» – «возстанут». Тем не менее обороты вроде «дондеже обретошася неправды в тебе» и употребление слова «прах» для передачи греч. σποδός (пепел) показывают, что авторы синодального перевода по крайней мере имели в виду древнеболгарский текст. С другой стороны, цитата из послания к Титу (3:10–11) в главе 72 (еретнка ѹловѣка по єднномѣ наказаніи н по вторѣмѣ Ѡвратнсѣ, вѣдын, ѹкѡ развратнсѣ таковыи н согрѣшаѣ, самовсѹжденъ сын) почти дословно совпадает с синодальным переводом. Разумеется, необходимо проверить все библейские цитаты в «Многосложном свитке», однако для интересующего нас отрывка можно сделать определенный вывод о том, что славянский переводчик не пользовался тем переводом книги Иезекииля, который бытовал в Первом Болгарском царстве. Это подтверждается еще и тем, что в стихе 28:12 болгарский Толковый Иезекииль опускает слово «венец», наличествующее в оригинале. Здесь нельзя усматривать ошибку переписчика, потому что следующее слово «доброты» стоит в родительном падеже и таким образом интерпретируется как зависящее от прилагательного «исполнь» и однородное с существительным в род. п. «премудрости». Напротив, переводчик «Свитка», сохранив «венец», далее ставит зависящее от него «доброте» в дательный падеж с притяжательной функцией, которую род. п. κάλλους имеет в исходном тексте Септуагинты. С другой стороны, вместо правильного **вѣдѣщенъ тѣ во ѹзыцѣхъ** (греч. ἐπιστάμενοι) в «Свитке» стоит **зрѣщѣн**, возможно по аттракции от предыдущего **зрѣщѣнн**.

Итак, можно заключить, что «Многосложный свиток» в повествовании о соборе 814 г. в Св. Софии, скорее всего, не содержит интерполяций, а потому является исключительно ценным источником для реконструкции событий, связанных с возобновлением иконоборчества в Византии в 814–815 г. Лингвистические характеристики данного

памятника, на мой взгляд, заслуживают самого пристального изучения. Так, употребление протоболгарской синтагмы «кр҃҃҃҃҃ харинѣ» (т. е. «черный кузнец») для передачи греч. βάναισος, а также выражения вроде **ран церковныхъ породы**, где совмещаются греческие заимствования и славянские слова с тем же значением, и другие особенности, по-видимому, свидетельствуют об очень ранней датировке перевода. Вполне возможно, что он был выполнен еще в IX в., то есть всего через несколько десятилетий после появления оригинала и еще до того, как на греческой почве исходный текст подвергся переработке, а на славянской появился перевод книги Иезекииля с толкованиями.

Литература

- Афиногенов 1996 – Афиногенов Д. Е. Тактика православного сопротивления в начале второго периода иконоборчества // Традиции и наследие Христианского Востока. М. С. 63–84.
- Афиногенов 1998 – Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. 784–847. М. С. 68–69.
- Афиногенов 2004 – Афиногенов Д. Е. Рукопись Coislinianus 305: первоначальная версия хроники Георгия Монаха // Славяне и их соседи, 11. Славянский мир между Римом и Константинополем / ред. Б.Н. Флоря. М. С. 19–29.
- Старобългарският превод на Стария Завет / ред. С. Николова. Т. 2. Книга на пророк Иезекиил с тълкования / изд. Тасеева Л., Йовчева М. София, 2003.
- Afinogenov 2003–2004 – Afinogenov D. The new edition of "The Letter of the Three Patriarchs": problems and achievements // Σύμμεκτα, 16. P. 9–33.
- BHG – Bibliotheca Hagiographica Graeca / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957. Auctarium, 1969. Novum Auctarium, 1984
- von Dobschütz 1899 – von Dobschütz E. Christusbilder // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der alchristlichen Literatur, N.F. 3, 1899, Beilage VI B. S. 233*-266**.
- Grumel 1971 – Grumel V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, fasc. 3. P. № 393.
- Treadgold 1988 – Treadgold W. T. The Byzantine Revival 780–842. Stanford.

Summary

The Church Slavonic translation of the Letter of the three Oriental patriarchs to Emperor Theophilos, known as *Mnogoslozhnyj Svitok*, contains data unavailable in surviving Greek sources. However, the text must be checked for possible interpolations. The account of the council of 814 in St Sophia and of the deposition of Anthony of Syllaion has extensive quotations from the book of the Prophet Ezekiel. When the text of the *Svitok* is compared to the Old Bulgarian translation of Ezekiel, it becomes evident that the translator of the Letter was not acquainted with it and therefore could not use it to interpolate the original account.

З. А. Барзах

СОФНОСЛ. ОТ 1513–1514: ТЕКСТ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Резюме. В работе анализируются ст. 1513–1514 «Царя Эдипа» Софокла и предлагается новая интерпретация этого текстологически трудного места. Автор восстанавливает метр путем устранения артикля τοῦ в ст. 1513, а глагол ζῆν трактует как переходный. Это редкое употребление может быть объяснено возвышенным стилем прощальной реплики Эдипа.

Ключевые слова. Софокл, Эдип, эмфаза, переходность, текстология, καιρός.

Заключительные строки последнего монолога Эдипа в трагедии Софокла «Царь Эдип» представляют текстологическую трудность и целый ряд проблем для интерпретации, которые разными исследователями решались по-разному. Здесь Эдип прощается с дочерьми — прощается, как он думает, навсегда. Последние строки монолога во всех рукописях выглядят так (OT 1511–1514):

σφῶ δ', ὦ τέκν', εἰ μὲν εἰχέτην ἤδη φρένας,
 πόλλ' ἄν παρήνουν· νῦν δὲ τοῦτ' εὖχεσθέ μοι
 οὐ καιρός ἀεὶ ζῆν, τοῦ βίου δὲ λῶονος
 ὑμᾶς κυρῆσαι τοῦ φτεύσαντος πατρός.

Ст. 1513 в рукописном виде не является правильным ямбическим триметром. Возможны два принципиально разных пути решения метрической проблемы: устранение артикля τοῦ (который вполне мог попасть в текст из следующей строки) или замена рукописного ἀεὶ на односложное слово или слово, допускающее синизесу. Несмотря на очевидно большую простоту первого решения, большинство издателей и комментаторов идут по второму пути. Наибольшей популярностью пользуется конъектура Диндорффа οὐ καιρός ἐὰ ζῆν, защищаемая в авторитетном комментарии Джебба (Jebb 1887: 196 ad loc.) и в первом издании комментария Доу (Dawe 1996: 200 ad loc.) и принятая в последнем оксфордском издании под редакцией Ллойд-Джонса и Уилсона (Lloyd-Jones, Wilson

1998). Однако предлагались и другие варианты: например, οὐ καίρὸς ἦ ζῆν (Майнеке) или даже οὐ καίρὸς εὖ ζῆν (Блейдс)¹.

Основные возражения против конъектуры Диндорффа приведены еще в издании Кэмпбелла, который принимает вариант этого стиха с наречием ἀεί и без артикля τοῦ (Campbell 1879: 254–255 ad loc.): употребление формы ἐᾶ с синизесой нигде более не засвидетельствовано, как и сочетание καίρὸς ἐᾶ, в то время как фразеологическое употребление καίρὸς с подразумеваемым ἔστι — как раз обычная практика аттических авторов V века. Кроме того — и это, на мой взгляд, гораздо существеннее — все предлагавшиеся конъектуры дают смысл совершенно нелепый и неуместный. Если понимать μοι как логическое подлежащее к ζῆν (как предлагает Доу), то получится, что Эдип, собираясь уйти в изгнание, просит своих дочерей молиться о том, чтобы он смог жить, «где позволит момент». Почему они должны об этом молиться? Такая нелепая патетика была бы здесь крайне неуместна. Если же, как предлагает Джебб, понимать μοι как *dativus ethicus* и видеть в ἴμας подлежащее к обоим инфинитивам, придется признать, вслед за Джеббом, что Эдип, предполагая, что его дочерей тоже ожидает изгнание, советует им молиться о возможность жить, «где позволит ситуация». Но Эдип не может говорить так при Креонте, которого он только что (ст. 1503–1510) просил позаботиться об Антигоне и Исмене и не допустить их изгнания и который обещал сделать это.

Прочие конъектуры, предлагающие замену для ἀεί, при ближайшем рассмотрении также оказываются несостоятельными. Как верно замечает в своей статье о понятии καίρὸς Уилсон (Wilson 1980: 177–204, esp. P. 191 n. 29), сочетание οὐ καίρὸς ἀεί смущало исследователей прежде всего потому, что καίρὸς чаще всего понимался как «удобный момент», понятие, плохо сочетающееся с наречием ἀεί. Однако это значение является для поэзии V в. до н. э.

¹ Наиболее полный критический обзор предлагавшихся конъектур см.: Kamerbeek 1967: 268 ad loc.

далеко не основным. Не является основным или наиболее распространенным и значение «надлежащая мера», «умеренность», которое предлагают для этого места Уилсон и Боура (Bowra 1944: 165–166).

Первоначальное значение слова *καίρος*, вероятно, было не временным, а местным: «нужная, верная точка в пространстве», «точное попадание (стрелы или копья)» (Hofmann 1950: 128; Frisk 1960: 755–756; Chantraine 1970: 480; Wilamowitz-Moellendorff 1971: 17–59, особ. 43–45). Это первоначальное значение оставалось актуальным и в V веке (LSJ s. v. *καίρος* I; Barrett 1964: 231 ad v. 386–7; Denniston, Page 1960: 138 ad v. 785–7; Fraenkel 1950: 359–360 ad v. 785–7). Из него постепенно развилось метафорическое значение: «правильный выбор», «точное, верное решение». Одним из частных случаев такого общего значения *καίρος* является *καίρος* в значении «должная мера» (Fränkel 1962: 141, 509–510 и прим. 14). Но это лишь одно из частных значений. Наиболее общее значение для *καίρος* в поэзии этого периода — «надлежащее в данный момент». Причем нормативный аспект («надлежащее, должное») оказывается в большинстве случаев существеннее ситуативного («в данный момент, в данной ситуации»), а значение «удобный момент», ставшее основным для позднего языка, в этот период только начинает развиваться (Race 1981: 197–213). Похожим образом обстоит дело и в прозе (Gallet 2007: 491–519).

У Софокла в употреблении слова *καίρος* и однокоренных нормативный аспект явно преобладает над ситуативным. Прилагательное *καίριος* (*ἐπίκαιρος*) регулярно означает «должный, надлежащий» (OT 875, Ai. 119–120, 1084, El. 226–8, Phil. 637–8) (Race 1981: 208–209; Wilson 1980: 192). Само же существительное *καίρος* у Софокла только начинает приобретать ситуативный оттенок — «надлежащее, уместное в данный момент» — в таких контекстах, как *καίροῦ τυγχάνω* (El. 31), *χρόνου... καίρος* (El. 1292) или *καίρος ἤρῆσθαι τάδε* (OT 1050) (Wilson 1980: 190).

Таким образом, наиболее общее и наиболее обычное значение слова *καίρος* у Софокла — «должное, надлежащее», часто — с ситуативным оттенком: «надлежащее,

уместное в (каждый) данный момент». Это значение, как мне кажется, имеет слово *καίρός* и в разбираемом месте².

Но как тогда быть с наречием (или местоимением) *οὗ*? Ведь при таком переводе *καίρός* понимать его в местном значении, как это делает большинство комментаторов, совершенно невозможно.

Ответ на этот вопрос лежит в области синтаксиса. В данном месте *οὗ* надо понимать не как наречие места, а как относительное местоимение, от которого это наречие происходит.

Само по себе употребление *καίρός* с генетивом — явление нередкое (е. г. Aesch. Sept. 65, Thuc. II, 40, 1; 43, 3), так же как употребление *καίρός* без *ἐστί* (е. г. Soph. OT 1050, El. 22, 75, 1368)³. Конструкция и смысл станут яснее, если мы примем два положения:

1) что при глаголе *ζῆν* опущено указательное местоимение в аккузативе;

2) что глагол *ζῆν* здесь является переходным и имеет значение «жить, делая что-либо».

В опущении указательного местоимения в главном предложении при наличии относительного в придаточном нет ничего необычного ни для Софокла, ни для греческого языка V века в целом (Kühner, Gerth 1955: 402–403; Schwyzer, Debrunner 1988: 640; Bruhn 1963: 51). Кэмпбелл видит в исключительно смелом употреблении этой конструкции особенность языка Софокла и справедливо отмечает, что в ряде случаев — в таких контекстах, как, напр., OC 263–265, 863–865) — такой эллипсис является средством своего рода эмоциональной эмфазы (Campbell 1879: 362 ad OC 864–7. Ср.: Kamerbeek 1984: 58 ad v. 263–5, P. 128 ad v. 864–7). Так же, по-видимому, обстоит дело и в разбираемом пассаже.

² Так его понимает в своем комментарии Кэмербик (Kamerbeek 1967: 268 ad loc.: «*καίρός* seems to mean “what is appropriate”», однако необходимых пояснений относительно синтаксиса этого пассажа он не дает.

³ Такое употребление отмечает, как особенность языка Софокла, Кэмпбелл (Campbell 1879: 72).

Гораздо больше сомнений вызывает возможность переходного употребления глагола ζῆν.

Такое употребление зафиксировано несколько раз у Демосфена и один раз у Еврипида. У Демосфена ἐξ ὧν ζῆς (XVIII, 198; cf. XVIII, 130, XXI, 134) означает «(ясно) из твоих поступков», «из твоего образа жизни». У Еврипида (Vasch. 506) Дионис говорит Пенфею:

οὐκ οἶσθ' ὃ τι ζῆς οὐδ' ὁ δρᾶς οὐδ' ὅστις εἶ

(«Ты не знаешь, ЧТО ты живешь, что ты делаешь — и кто ты есть».)

Эта конструкция казалась комментаторам Еврипида столь необычной, что многие (Тоддс, Кемпбелл и др.) предлагали здесь самые разные конъектуры. Рукописное чтение — и, на мой взгляд, вполне убедительно — защищают Сифорд и Бортвик; последний, кроме уже обсуждавшихся пассажей из Демосфена, приводит достаточно эффектную латинскую параллель из Персия (III, 67 *quid sumus et quidnam victuri gignimur*) (Bortwick 1966: 136–138 esp. P. 137; Seaford 2001: 191 ad loc).

У самого Софокла наиболее близкий пример — Trach. 1062–3, где умирающий Геракл говорит о Деянире:

γυνὴ δέ, θῆλυς οὖσα κοῦκ ἀνδρὸς φύσιν,
μόνη με δὴ κατέιλε φασγάνου δίχα.

«Жена же, будучи женщиной и не природу мужа, в одиночку, без меча, погубила меня».

В рукописном тексте φύσιν оказывается прямым дополнением к οὖσα. Этот текст известен схолиасту⁴. Многим современным комментаторам, впрочем, такая конструкция казалась лишком смелой: например, Дэвис в своем издании этой трагедии, а также Ллойд-Джонс и Уилсон в последнем оксфордском издании трагедий Софокла (Lloyd-Jones, Wilson 1990: 284; Davies 1991: 240–241) принимают конъектуру Тарнье *κᾶνανδρος* (которая автоматически делает φύσιν вполне обычным *accusativus limitationis*). Мне, однако, кажется, что правы те исследователи, которые

⁴ Впрочем, древний схолиаст предполагает здесь эллипсис. Schol. ad loc.: φύσιν λείπει ἔχουσα.

принимают рукописный текст, считая φύσιῳ аккузативом внутреннего объекта⁵.

Вообще у Софокла аккузатив внутреннего объекта употребляется гораздо шире, нежели у большинства современных ему авторов⁶. Однажды он — как в нашем месте — употребляется даже с глаголом ζάω — впрочем, это употребление можно расценивать как своеобразную *figura etymologica* (El. 599–600):

ἡ ζῶ βίον μοχθηρόν, ἐκ δὲ σοῦ κακοῖς
πολλοῖς ἀεὶ συνοῦσα τοῦ τε συννόμου.

«(я), которая веду (*букв. живу*) постыдную, тяжкую жизнь, постоянно подвергаясь всевозможным притеснениям от тебя и твоего сожителя»⁷.

Вообще у Софокла глаголы, в обычном языке — и даже в возвышенном языке драмы — являющиеся непереходными, зачастую оказываются «переходными», т. е. употребляются с аккузативом, который можно осмыслить как аккузатив внутреннего объекта. Это относится к глаголам движения (OT 422–3 – εἰσπλεῖν, OT 713 – ἦκω, Phil. 141–2 – ἔρχομαι, Ai. 138 – ἐπιβαίνω), глаголам прикосновения (Ant. 546 – θιγγάνω, Ant. 857, 901 – ψαύω), а также таким глаголам, как τυγχάνω (Phil. 509, OC 1106), προσκυρέω (OT 1299), πηδάω (OT 1301), ἐπιχαίρω (Ai. 136), αἰσχύνομαι (OT. 1079), μοχθέω (Tr. 1047), τιμωρέω (OT. 106–107), ἄσσω (Ai. 40), προίστημι (El. 1378), θωάζω (OT 2), ἔζομαι (OT 32), βλαστάνω (Ai. 761), τολμάω (El. 471) и др. (См.: Kamerbeek 1967: 105 ad v. 422–3, P. 240 ad v. 1298; Kamerbeek 1978: 110 ad v. 546–7, P. 154 ad v. 857–61, P. 166–7 ad v. 960–1; Müller 1967: 130 ad v. 546–7; Jebb 1887: 170 ad v. 1298–9; Jebb 1899: 176 ad v. 1106; Kamerbeek 1984: 157 ad v. 1106–9; Finglass 2007: 501 ad v. 1377–8.).

С чем связана такая любовь Софокла к переходному употреблению непереходных глаголов? Первый, наиболее

⁵ Наиболее полный обзор предлагавшихся конъектур, а также аргументацию в пользу рукописного чтения см.: Kamerbeek 1970: 221 ad v. 1062.

⁶ См. подробнее: Campbell 1879: 24–25. Об особенностях употребления аккузатива в греческом языке, в частности, у Софокла и в современной Софоклу драме см.: Moorhouse 1988: 209–218.

очевидный ответ: это средство создания эффекта возвышенной приподнятости речи, необходимого в ряде контекстов. Давно сделано наблюдение о том, что, например, употребление глаголов движения с аккумулятивом без предлога в значении цели имеет в современном Софоклу языке отчетливую окраску высокого стиля (Bers 1984: 62–63). То же можно сказать и о других обычно непереходных глаголах, употребляемых с аккумулятивом без предлога. Разумеется, такой оттенок уместен не только в нашем отрывке (последние слова прощания Эдипа — и одновременно его завещание дочерям), но и, например, в OT. 31–32 (речь жреца Зевса), 106–107 (изложение дельфийского пророчества), 422–423 (пророчество Тиресия), 711–713 (снова — изложение пророчества, полученного в Дельфах), Ai. 7760–761 (пророчество Калханта), Phil. 141–142 (начало торжественного обращения Хора к Неоптолему), El. 1377–8 (молитва Электры к Аполлону). Во всех этих местах обычно непереходные глаголы употребляются с аккумулятивом без предлога.

Но такое употребление может иметь и более конкретную стилистическую функцию. Согласно современным лингвистическим теориям, подкрепленным многочисленными наблюдениями над живыми языками, увеличение транзитивности, т. е. употребление конструкции, по форме или по смыслу более близкой к конструкции переходного глагола, может быть средством эмфазы, или, выражаясь языком современной лингвистики, foregrounding (Hopper, Thompson 1980: 251–299, esp. P. 280–287; Tsunoda 1993: 4670–4677). Вообще, средством эмфазы, foregrounding, в литературе может быть почти любая языковая «неправильность», необычность (с точки зрения повседневного узуса) (van Peer 1990: 1272–1275). Однако транзитивное употребление непереходных глаголов, безусловно, занимает здесь особое место, в том числе и в древнегреческом языке времен Софокла.

Кроме уже приведенных примеров из трагедий Софокла, приведу еще несколько, где, пожалуй, уместно говорить не столько о возвышенном стиле (который сам по себе, безусловно, включает и предполагает употребление средств эмфазы — отсюда употребление разбираемой

конструкции в приведенных примерах), сколько именно о foregrounding, эмфазе, сознательном выборе необычной синтаксической конструкции, призванной привлечь внимание, подчеркнуть необычность ситуации.

Так, в коротком отрывке ОТ. 1297–1302 (слова Предводителя Хора при последнем появлении Эдипа) эта конструкция употребляется трижды:

ὦ δεινὸν ἰδεῖν πάθος ἀνθρώποις,
 ὦ δεινότατον πάντων ὅσ' ἐγὼ
 προσέκυρσ' ἤδη· τίς σ', ὦ τλήμων,
 προσέβη μανία; τίς ὁ πηθήσας
 μείζονα δαίμων τῶν μακίστων
 πρὸς σῆ δυσδαίμονι μοίρα;

«О страдание, что страшно видеть людям! О самое страшное из всего, с чем я когда-либо встречался! О несчастный, какое безумие поразило тебя? Что это за божество (даймон), которое набросилось величайшим из величайших на несчастную судьбу твою?»

Здесь рассматриваемая конструкция встречается трижды: в ст. 1299 с прямым дополнением употребляется глагол προσκρέω, в 1300 — глаголы προσβαίνω и πηδάω (Jebb 1887: 170 ad loc.; Kamerbeek 1967: 240 ad loc.). Разумеется, такое нагромождение однородных синтаксических «неправильностей» в данном контексте следует считать средством эмфазы.

Похожим образом обстоит дело в пародии трагедии «Аякс». Здесь Хор — также в анапестах — произносит, обращаясь к герою (A1. 136–140):

σὲ μὲν εὖ πράσσοντ' ἐπιχαίρω,
 σὲ δ' ὅταν πληγῇ Διὸς ἢ ζαμενῆς
 λόγος ἐκ Δαναῶν κακόθρους ἐπιβῆ,
 μέγαν ὄκνον ἔχω καὶ πεφόβημαι,
 πτηνῆς ὡς ὄμμα πελείας.

«Когда у тебя все хорошо — я радуюсь за тебя. А когда тебя поражает удар Зевса или враждебное, злое слово от данайцев — меня охватывает великий страх, и я трепещу, подобно глазу крылатой голубицы».

Здесь в ст. 136 глагол ἐπιχαίρω, обычно управляющий дательным падежом, употреблен с прямым дополнением, а в ст. 138 с винительным падежом без предлога употреб-

лен непереходный глагол ἐπιβαίνω. Эмфаза усилена анафорой двух «неправильных» аккузативов σέ.

Отношение саламинских моряков в своему командующему особое: они не покидают героя даже в его безумии и позоре, остаются с ним даже тогда, когда он оказывается против самого себя (то же можно сказать и о Предводителе Хора в трагедии «Царь Эдип»). Транзитивное употребление непереходных глаголов, анафора и другие средства эмфазы здесь, конечно, должны подчеркивать ужас Хора при вести о странной болезни Аякса, выраженный в последних строках отрывка в столь яркой метафоре.

Транзитивность как средство эмфазы используется Софоклом достаточно широко. Другой частный случай того же приема — знаменитый «пролептический аккузатив», широкое употребление которого у Софокла неоднократно отмечалось (Kühner, Gerth 1955: 577–579; Moorhouse 1982: 47–49; Moorhouse 1988: 215–218). Суть этой конструкции состоит в том, что подлежащее или другой член главного придаточного предложения появляется в главном в виде прямого дополнения, по смыслу не необходимого. Не раз было замечено, что почти во всех случаях эта конструкция используется Софоклом с целью эмфазы. Приведем несколько примеров.

Простой пример — контекст официальный, первые слова указа Эдипа об убийце Лаия (OT. 224–225):

ὅστος ποθ' ἡμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
κάτοιδέ ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο...

«Кто из вас знает, от какого мужа погиб Лаий, сын Лабдака» (букв.: «Кто из вас знает Лаия, сына Лабдака, от какого мужа он погиб»).

Здесь имя и патроним убитого вынесены в главное предложение (и поставлены в конец строки — в метрически сильную позицию), разумеется, с целью эмфазы.

Другой пример — из середины той же трагедии. Здесь Эдип, начинающий догадываться о страшной правде, уклончиво отвечает на вопрос Иокасты, зачем ему срочно понадобился пастух, единственный живой свидетель убийства Лаия (OT. 767–8):

δέδοικ' ἑμαυτόν, ὧ γύναι, μὴ πόλλ' ἄγαν
εἰρημέν' ἦ μοι...

«Я боюсь, о жена, не слишком ли много мною уже было сказано...»

Здесь ἑμαυτόν вынесено в главное предложение не только с целью эмфазы, но и ради создания двусмысленности, слишком многозначительной, чтобы ее понимал даже сам герой («я боюсь самого себя» — «я боюсь за самого себя» — «я боюсь, не слишком ли много мне сказано»).

Третий пример — из трагедии «Эдип в Колоне». Здесь Антигона, увещывая Эдипа снизойти к мольбам Полиника и хотя бы выслушать его, напоминает отцу о его прошлом и заканчивает свою речь так (OC 1197–8):

καὶν κείνα λείσσης, οἶδ' ἐγώ, γνώσει κακοῦ
θυμοῦ τελευτήν ὡς κακῆ προσγίγεται.

«И если посмотришь ты на это — я знаю, ты познаешь исход злого гнева, сколь злым он бывает!»

Ясно, что в этой сентенции вынесение в главное предложение в аккумулятиве слова τελευτήν служит средством эмфазы (Kamerbeek 1984: 169 ad loc.) (как и жестокая двусмысленность, содержащаяся в данном контексте в глаголе λείσσης). Примеры можно было бы умножать (Ср. Ai. 1141, Ant. 1242–3, Phil. 444, 493–4, 534–5, 573, Tr. 297, OT. 1271–24; Parry 1960: 268–270).

Заметим, что в разбираемых строках — располагающих к этому по своему положению и в монологе Эдипа, и в трагедии в целом — содержатся и другие средства эмфазы, обычные для Софокла. Это прежде всего enjambement и caesura media.

Enjambement в последних строках монолога героя — обычная практика Софокла (Griffith 1999: 134 ad v. 67–8; Finglass 2007: 114 ad v. 75–6. Ср. OT. 12–13, 76–77, 145–6, 314–5, 402–3, 427–8, 541–2 et saepe). Во всех этих случаях — как и в других случаях употребления столь любимого Софоклом enjambement (e. g., OT 92–93, 317–8, et alibi), функция этого приёма — эмфаза.

То же можно сказать и про caesura media: это необычное положение цезуры у Софокла зачастую служит средством эмфазы (Kamerbeek 1967: 204 ad v. 1066; Garvie

1998: 238 ad v. 1252; Griffith 1999: 195 ad v. 407, P. 209 ad v. 502–3, P. 211 ad v. 518, P. 247 ad v. 723; Kamerbeek 1978: 105 ad v. 518).

Вопрос о том, насколько широко использует Софокл транзитивность как средство эмфазы и речевой характеристики — как и вопрос о том, верно ли для Софокла наблюдение современных лингвистов, согласно которому употребление более транзитивных конструкций в устах персонажа или по отношению к нему может быть средством наделения персонажа большей силой и ответственностью (Ryder 2006: 40–46) — предмет долгого и детального анализа, выходящего за рамки моей задачи в этой краткой заметке. Здесь мне хочется просто сформулировать, какое наставление — или молитва — содержится в последних строках последнего монолога Эдипа.

«Жить, как того требует *καίρὸς*». «Жить, делая то, что является надлежащим в данный момент».

В любом случае, здесь нельзя видеть, вслед за некоторыми прежними комментаторами (См.: Wilson 1980: 177–204, esp. P. 191 n. 29; Bowra 1944: 165–166), слова поверженного гордеца, слишком поздно осознавшего блага умеренности. Последние слова, произносимые героем на сцене, исполнены той же нравственной силы, которой дышит его образ на протяжении всей трагедии.

Литература

- Barrett 1964 – Barrett W. S. (ed., comm.) Euripides. *Hippolytus*. Oxford.
Bers 1984 – Bers V. *Greek Poetic Syntax of Classical Age*. Yale.
Bortwick 1966 – Bortwick E. K. Three notes on Euripides' *Bacchae* // CR 16. P. 136–138.
Bowra 1944 – Bowra C. M. *Sophoclean Tragedy*. Oxford.
Bruhn 1963 – Bruhn E. *Anhang zu Sophocles*. Berlin.
Campbell 1879 – Sophocles. *Plays and fragments*. Ed. with notes by L. Campbell. Vol. I. Oxford.
Chantraine 1970 – Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. II. Paris.
Dawe 1996 – Sophocles. *Oedipus Rex*. Ed., comm. R. D. Cambridge.
Davies 1991 – Sophocles. *Trachiniae*. Ed., comm. M. Davies. Oxford.
Denniston, Page 1960 – Denniston J. D., Page D. (ed., comm.). *Aeschylus. Agamemnon*. Oxford.

- Finglass 2007 – Sophocles. *Electra*. Ed., comm. P. J. Finglass. Cambridge.
- Fraenkel E. 1950 – Fraenkel E. (ed., comm.). Aeschylus. *Agamemnon*. Vol. II. Oxford.
- Fränkel H. 1962 – Fränkel H. *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*. München.
- Frisk 1960 – Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Gallet 2007 – Gallet B. *Καῖρός* et “le” *kairos* chez les historiens Grecs de l'époque classique // REA 109. P. 491–519.
- Garvie 1998 – Sophocles. *Ajax*. Ed., notes A. F. Garvie. Oxford.
- Griffith 1999 – Sophocles. *Antigone*. Ed., comm. M. Griffith. Cambridge.
- Hofmann 1950 – Hofmann J. B. *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen*. München.
- Hopper, Thompson 1980 – Hopper P. J., Thompson S. A. *Transitivity in Grammar and Discourse* // *Language* 56. P. 251–299.
- Jebb 1887 – Jebb R. C. (ed., comm.) *Sophocles. The Plays and Fragments. Part I. The Oedipus Tyrannos*. Cambridge.
- Jebb 1899 – Jebb R. C. (ed., comm.) *Sophocles. Plays. Part II. The Oedipus Coloneus*. Cambridge.
- Kamerbeek 1967 – Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Vol. I. The Oedipus Tyrannus*. Leiden.
- Kamerbeek 1970 – Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Vol. II. The Trachiniae*. Leiden.
- Kamerbeek 1978 – Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Vol. III. The Antigone*. Leiden.
- Kamerbeek 1984 – Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Vol. VII. The Oedipus Coloneus*. Leiden.
- Kühner, Gerth 1955 – Kühner R., Gerth B. *Ausführliche Grammatik der griechische Sprache*. Leverkusen.
- Lloyd-Jones, Wilson 1998 – Sophocles. *Fabulae*. Ed. H. Lloyd-Jones, R. Wilson. Oxford.
- Lloyd-Jones, Wilson 1990 – *Sophocles Fabulae. Rec.* H. Lloyd-Jones, N. G. Wilson. Oxonii.
- Moorhouse 1982 – Moorhouse A. C. *The Syntax of Sophocles*. Leiden.
- Moorhouse 1988 – Moorhouse A. C. *The Role of Accusative Case // In the footsteps of Raphael Kühner*. Ed. A. Rijksbaron and al. Amsterdam. P. 209–218.
- Müller 1967 – Sophocles. *Antigone*. Erkl. G. Müller. Heidelberg.
- Parry 1960 – Parry A. *Sophocles. Oedipus Rex 1271–4* // *CQ* 10. P. 268–270.
- Race 1981 – Race W. H. *Καῖρός* in Greek Drama // *TAPA* 111. P. 197–213.
- Ryder 2006 – Ryder M. E. *Transitivity: Stylistic Approaches* // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed.-in-chief K. Brown. Vol. 13. Oxford. P. 40–46.

- Schwyzler, Debrunner 1988 – Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik. Bd. II. München.
- Seaford 2001 – Euripides. *Bacchae*. *Introduct., comm.* R. Seaford. Warminster.
- Tsunoda 1993 – Tsunoda T. *Transitivity* // *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. R. E. Asher. Oxford; NY. Vol. 13. Coll. 4670–4677.
- van Peer 1990 – van Peer W. *Foregrounding* // *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. R. E. Asher. Vol. II. Oxford; NY. Coll. 1272–1275.
- Wilamowitz-Moellendorff 1971 – Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Excursus zu Euripides Medea* // *Kleine Schriften*. Bd. I. Berlin, (1935).
- Wilson 1980 – Wilson J. R. *Καῖρός* as “Due Measure” // *Glotta* 58. P. 177–204.

Summary

The article discusses the concluding lines addressed by Oedipus to his daughters in Sophocles' *OT* (1513–1514), which have caused much dispute among scholars, in part due to the metrical difficulty of line 1513. The author proposes to remove the article τοῦ to restore the meter, and to retain the manuscript reading οὐ καίρως ἀεὶ ζῆν which is explained as an instance of the transitive use of ζῆν (cf. *Dem. Or.* XVIII, 198; *Eur. Bacch.* 506): “always to live [doing that] which the *kairos* calls for.” The use of this poetic construction, which can be paralleled with other verbs in Sophocles, is due to the need for an emphatic conclusion to Oedipus' farewell speech.

Е. Ю. Басаргина

**ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКИХ СТИПЕНДИАТОВ**

Резюме: Для проведения реформы среднего образования в 1864–1871 гг. Министерство народного просвещения обратилось за содействием к иностранным специалистам — филологам-классикам славянского происхождения. Для завершения их профессиональной подготовки и обучения русскому языку был создан Учительский институт славянских стипендиатов. За 15 лет своего существования, с 1866 по 1880 гг., институт подготовил 175 учителей для российских гимназий.

Ключевые слова: классическое образование, реформа, Россия, славяне, Министерство народного просвещения, Учительский институт.

Развитие среднего классического образования в России имело противоречивую историю: периоды увлечения классической школой сменялись разочарованием и отказом от нее в пользу естественнонаучной (Рождественский 1902; Алешинцев 1912; Зайцев 1992, Вах 1992; Виттекер 1999; Измestьева 2003; Hans 1931; Alston 1969; Sinel 1973). После неудачной попытки утвердить утилитарное направление в образовании в 1848–1849 гг. правительство вернулось к системе классического образования в эпоху Великих реформ, сблизивших Россию с европейской цивилизацией. Общим началом, пронизывающим все преобразования того времени, стала реформа образования, призванная приобщить Россию к основополагающим духовным ценностям европейской жизни и утвердить в России господствующую в Европе систему научного образования, в основе которого лежит изучение древних языков.

Первый шаг к возрождению школьного классицизма в России был сделан министром А. В. Головинным. В 1864 г. он ввел новый «Устав о гимназиях», впервые разделивший гимназии на классические и реальные. Классическая гимназия давал право поступления в университет без вступи-

тельных экзаменов, реальная — в высшие специальные училища. Реформу гимназического образования предполагалось проводить постепенно. Хотя устав и требовал введения в классических гимназиях греческого языка и усиления преподавания латинского языка, он все же допускал временное существование классической гимназии с одним латинским языком как переходной формы учебного заведения.

Из существовавших к 1864 г. 80 гимназий 15 были сразу преобразованы в классические гимназии с двумя древними языками; 5 — в реальные; подавляющая же часть — 60 гимназий — временно превращалась в гимназии классические с одним латинским языком (этот тип гимназий в обиходе называли «полуклассическим»). С введением в программу греческого языка они становились полноценными классическими гимназиями. К 1 января 1871 г. общее число гимназий увеличилось в полтора раза, причем существенно возросла доля классических гимназий с полным курсом обучения древним языкам: из 123 гимназий в 68 преподавали оба древних языка, в 43 — только латинский язык и остальные 12 гимназий были реальными¹.

Преобразования, начатые Головниным, довел до конца его преемник граф Д. А. Толстой. В результате реформы, проведенной в 1871–1872 г.г. «классическим графом», как его называли современники, в гимназическом образовании окончательно восторжествовали принципы классицизма. Звание гимназий удержали за собой только классические гимназии с двумя древними языками, и только их выпускникам был открыт доступ в университет. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища и должны были готовить юношество к приобретению технических знаний и к практической деятельности.

Устав гимназий и прогимназий 30 июня 1871 г. был утвержден Александром II и вводился в действие немедленно, с начала нового учебного года, несмотря на сильное предубеждение против обязательного изучения обоих

¹ Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1871 г. СПб., 1873. С. 18.

древних языков, существовавшее не только в обществе, но и в Государственном совете, где было больше противников реформы, чем ее сторонников.

По Уставу 1871 г. гимназическое образование приобрело отчетливо выраженный гуманитарный характер, и 9 из 11 положенных по штату преподавателей являлись специалистами в гуманитарных областях знания. Число учителей древних языков удвоилось: по новому уставу каждой гимназии полагалось иметь 4 преподавателей-классиков.

Осуществление гимназической реформы в полном объеме стало возможным благодаря тому, что правительство заранее позаботилось о подготовке учителей-классиков, потребность в которых в начале реформы (с учетом прогимназий) составляла 65 учителей в год.

Сначала подготовка учителей-классиков была возложена на историко-филологические факультеты университетов и созданные при них в 1860 г. педагогические курсы, которые, однако, среди филологов-классиков не пользовались популярностью. Общее число выпускников университетов, которые потенциально могли пополнить контингент школьных учителей древних языков, не превышало 20 человек ежегодно. Более полезным оказался пришедший на смену педагогическим курсам в 1867 г. Историко-филологический институт в Петербурге, созданный со специальной целью готовить учителей-классиков. Первый выпуск Института, подоспевший к моменту введения в действие устава 1871 г., дал гимназиям 25 учителей. Однако и этого было крайне недостаточно.

Министерство народного просвещения было вынуждено воспользоваться услугами европейских специалистов. Россия уже не раз прибегала к помощи иностранцев, но с проведением толстовской реформы, как никогда раньше сблизившей нашу школу с европейской, изменились масштабы этой помощи. Толстой решил на массовый ввоз в страну филологов славянского происхождения. Были следующие причины этого нетривиального решения: молодые ученые-славяне, окончившие Пражский или Венский университет, имели за плечами настоящую европейскую школу на всех ее ступенях, начиная с гимназии. Кроме того, они могли с относительной легкостью и за корот-

кое время освоить русский язык и без больших затруднений вести преподавание древних языков в средней школе.

Здравую мысль использовать славян в российских гимназиях министру народного просвещения Головнину подал священник российской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский. Находясь в конце 1865 г. в Петербурге, сообщил Головнину о том, что некоторые австрийские славяне с дипломами учителей древних языков Венского и Пражского университетов и с некоторым знанием русского языка выразили готовность взяться за обучение родственного им по крови русского юношества. Министр не замедлил воспользоваться этим настроением и распорядился «в виде опыта» допустить австрийских славян и чехов в российские гимназии, предложив им более выгодные условия службы по сравнению с тем, на что они могли рассчитывать в Австрии².

Учителей для России вербовали негласно, чтобы не привлекать внимания австрийских властей. Раевский рекомендовал 5 человек, они все были причислены к педагогическим курсам для усовершенствования в русском языке. Из средств педагогических курсов они получали стипендию с обязательством за каждый год получения стипендии прослужить два года учителем древних языков³. Осенью 1868 г., выдержав экзамен по русскому языку, Э. В. Черный и Ю. Ю. Ходобай поступили в Московские гимназии, В. Стовик и И. Тихий были приняты в Харьковские гимназии, а К. Турянский — в Виленскую гимназию.

В то же время, вскоре после подавления польского восстания 1863–1864 г., при посредничестве того же Раевского и содействии слависта В. И. Ламанского начался набор учителей всех специальностей из числа дипломированных и политически преданных России и не зараженных польскими воззрениями заграничных славян для школ Царства

² Российский государственный исторический архив (Далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Д. 8. Распоряжения г. министра народного просвещения по делам славянских стипендиатов. Л. 81 об.

³ Там же. Л. 81–82.

Польского⁴. Для подготовки молодых людей к учительским должностям в Царстве Польском предназначалось до 20 стипендий по 300 рублей в год каждая; стипендии выплачивались из суммы, находившейся в распоряжении императора по бюджету Царства Польского. При выборе кандидатов главными условиями были язык и вера; причем славянам-католикам решительно отказывали.

В 1866 г. набралось 19 подходящих молодых людей, которые и положили начало Учительскому институту славянских стипендиатов. В число первых стипендиатов наравне с филологами и историками, готовившимися стать учителями, были приняты и юристы, так как не исключалось поступление стипендиатов на гражданскую службу в Царстве Польском. Стипендиатов причислили частным образом к Петербургскому или Московскому университету на срок от одного до двух лет. В течение этого времени они усиленно занимались русским языком и в качестве вольнослушателей посещали лекции по кафедрам русского языка и словесности, русской истории, истории русского права и славянской филологии. Делами стипендиатов занимался лично статс-секретарь по делам Царства Польского Н. А. Милютин.

С образованием в 1867 г. Варшавского учебного округа руководство славянскими стипендиатами перешло к министру народного просвещения Д. А. Толстому. Финансировался институт по-прежнему за счет сумм, отпускаемых по бюджету Царства Польского. Куратором славянских стипендиатов Толстой назначил председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения А. И. Георгиевского, которого называли главной пружиной заведенного Толстым механизма классической системы образования (Волконский 53).

В августе 1867 г. первые семь стипендиатов выдержали учительские испытания. При определении их на должности оказалось, что Варшавский учебный округ менее

⁴ Там же. Д. 13. Отчет об учительском институте славянских стипендиатов за время с 21 января 1866 года по 1-е января 1870 года; Д. 20. Л. 2–3 об. Письмо В. И. Ламанского б/д.

других учебных округов нуждался в учителях: в нем нашлись вакансии только для трех стипендиатов. Поэтому Толстой выхлопотал высочайшее разрешение отправить 15 стипендиатов учителями древних языков в гимназии других учебных округов⁵.

Получив в свое распоряжение дела славянских стипендиатов, Толстой решительным образом изменил назначение и состав вверенного ему Института. Отныне Институт приобрел характер филологического института и готовил только учителей древних языков для гимназий, но зато для гимназий всей империи.

Существенно расширился и контингент учащихся: к дипломированным специалистам присоединились молодые люди, которые с отличием, в особенности по обоим древним языкам, окончили полный гимназический курс и затем по меньшей мере 3 года изучали классическую филологию в Венском или Пражском университете; кроме того, требовалась личная рекомендация одного из профессоров. Некоторые из поступавших имели докторскую степень Венского или Пражского университета, другие выдержали государственный экзамен на звание учителя древних языков или состояли уже преподавателями гимназий. До отмены картельной конвенции в 1869 г. от кандидатов требовали свидетельства о том, что они не подлежат воинской повинности в Австрии: в противном случае они подлежали выдаче Австрии как дезертиры.

После получения необходимых документов и рекомендаций проходили письменные испытания, за которыми наблюдал Раевский. На испытании требовалось составить *curriculum vitae* на латинском языке и перевести на русский или немецкий язык по одной главе латинского и греческого автора.

За первые два с половиной года Раевскому при всех его усилиях удалось подыскать всего 15 стипендиатов. Серьезным препятствием был запрет Толстого принимать в Институт славян римско-католического вероисповедания. В 1870 г. Георгиевский, опасаясь, что в конце концов это

⁵ Там же. Д. 13. Л. 7.

ограничение может погубить Институт, просил Толстого отменить этот запрет. На практике он все равно не имел силы и только тормозил дело: из 15 стипендиатов лишь один был лютеранин и четверо униатами, остальные — католики. Толстой согласился с доводами Георгиевского и позволил принимать в стипендиаты католиков (кроме поляков), и таким образом открыл доступ в Институт чехам, которые в скором времени составили его костяк, а также мораванам, лужичанам, словакам и словенцам.

Ежегодный прием в Учительский институт славянских стипендиатов колебался от 17 до 20 человек. Главным стимулом для них служило обещание приличного жалования, которое гарантировало им безбедное существование в России. К этому присоединялись и симпатии австрийских и саксонских славян к России. По наблюдениям Раевского, благодаря Институту значительно увеличилось число славян, избравших своей специальностью классическую филологию в Венском и Пражском университете⁶. Австрийский министр культуры и просвещения К. Штремайр в беседах с Толстым не раз сетовал на то, что Россия отбирает у него наилучших учителей древних языков и пенял, что тогдашние австрийские законы не дают ему возможности воспрепятствовать этому.

В России славянские стипендиаты завершали свое университетское образование и обучались русскому языку. Они давали подписку безоговорочно исполнять все предписания куратора и министра и принимали на себя обязательство прослужить в гимназиях Министерства народного просвещения по два года за каждый год получения стипендии.

Для удобства надзора за стипендиатами Толстой упорядочил их занятия и сосредоточил их в Петербурге, под крылом у Министерства народного просвещения. Общее образование сочеталось с «натаскиванием» в русском языке и усиленной муштрой в древних языках. Первые стипендиаты слушали указанные куратором лекции в университете и в Историко-филологическом институте: они с

⁶ Там же. Л. 9 об.

большой охотой посещали занятия проф. римской словесности И. В. Помяловского в университете и без большого рвения, лишь уступая требованиям куратора — лекции немецких профессоров Историко-филологического института А. К. Наука по греческой словесности и Л. А. Мюллера по римской словесности. Занятия Наука и Мюллера стипендиаты считали для себя излишними, потому что оба профессора не владели русским языком, в котором стипендиатам надлежало усиленно упражняться, а кроме того, Мюллер позволял себе разными способами оскорблять национальные чувства стипендиатов. По просьбе стипендиатов Георгиевский освободил их от общения с Мюллером и Науком, о чем немедленно сообщил в Вену и Прагу, где ждущие своей очереди новые стипендиаты готовы были забрать свои заявления, чтобы не подвергать себя в России унижениям. Георгиевский заверил их, что в будущем славянские стипендиаты будут иметь дело с другими профессорами⁷.

Наставником стипендиатов был назначен профессор Историко-филологического института А. Д. Вейсман. Под его руководством они занимались три раза в неделю чтением и переводом на русский язык древних авторов; специальные занятия по русскому языку вел В. И. Срезневский⁸. Независимо от этих занятий один раз в неделю по четвергам, с 19.30 до 22.00, стипендиаты собирались у Георгиевского для комментированного чтения древних классиков; во время этих занятий куратор стипендиатов мог оценить их успехи в русском языке и знания в классической филологии.

В конце обучения, срок которого обычно колебался от года до двух лет, в зависимости от успехов стипендиатов в русском языке, они подвергались учительскому испытанию на историко-филологическом факультете университета, которое включало в себя оба древних языка в объеме университетского курса и русский язык, русскую словес-

⁷ Там же. Д. 40. Л. 18.–19.

⁸ Там же. Д. 19. Л. 18–19 об.

ность, русскую историю и географию в объеме гимназического курса.

Окончательному испытанию обычно предшествовал пробный экзамен, который устраивал сам Георгиевский. Во время одного такого экзамена произошла досадная размолвка между стипендиатами и их куратором. В конце 1874 г. Георгиевский назначил устный экзамен по латинскому языку для проверки готовности стипендиатов к предстоящему учительскому испытанию в университете и пригласил на экзамен профессора латинской словесности Историко-филологического института Л. А. Мюллера. Однако 12 стипендиатов (среди них были А. Нетушил и И. Кабеле) решительно отказались экзаменоваться у немецкого профессора, сославшись на то, что Георгиевский при поступлении дал им обещание избавить их от общения с этим профессором⁹. Когда Георгиевский пригрозил непокорным стипендиатам лишением стипендии и отказался выдать им паспорта, они обратились с жалобой к самому Толстому. Министр нашел выход из затруднительного положения, и все стипендиаты в конце концов благополучно сдали экзамены и получили назначение в гимназии. Впрочем, подобного рода неприятные инциденты происходили крайне редко.

В повседневной жизни славянские стипендиаты производили «отрадное впечатление как в умственном, так и в нравственном отношении», в отношении друг к другу они были предупредительны и услужливы. Обычно они жили поодиночке или вдвоем, но снимали квартиру у одного хозяина. «Когда мне приходилось по каким-нибудь особенным случаям посещать их, — с умилением рассказывает Георгиевский, — то я всегда находил их за древними классиками, в числе трех или четырех сотоварищей, причем нередко они состязаются между собой в том, кто лучше объяснит труднейшие места из древних авторов и переведет их на русский язык»¹⁰. В глазах Георгиевского

⁹ Там же. Д. 40. Л. 1–6.

¹⁰ Там же. Д. 13. Л. 94.

славянские стипендиаты намного превосходили своих русских товарищей по нравственным качествам.

За 15 лет своего существования, с 1866 по 1880 г., Институт славянских стипендиатов подготовил 175 учителей для российских гимназий. Большинство приняло российское подданство, а некоторые даже перешли в православие. В первые и самые трудные годы реформы именно они взяли на себя основное бремя преподавания греческого языка в старших классах. Поэтому в отчете о состоянии преподавания древних языков по округам в 1871–1872 гг. они названы основными специалистами по древним языкам¹¹. Некоторые стипендиаты впоследствии дослужились до звания инспекторов и директоров гимназий и прогимназий, а один из них, Антон Добиаш, стал профессором Историко-филологического института в Нежине. Выпускники Учительского института славянских стипендиатов и близкие ему ученые составили для российской школы более 40 учебных пособий. Благодаря этому отечественные гимназии стали располагать таким же обилием всякого рода пособий и руководств для грамматического изучения обоих древних языков, как любая европейская школа.

В 1880 г. Министерство народного просвещения собрало отзывы о служебных успехах своих бывших воспитанников. Попечители учебных округов единодушно сходились в том, что славянские стипендиаты были хорошими знатоками своего дела и содействовали повышению научного и нравственного уровня отечественной школы. В огромном большинстве случаев ими были довольны и начальство, и сослуживцы, и родители, и ученики, равно как и они сами всеми были довольны.

Единственной проблемой, по мнению попечителей, оставалось не вполне свободное владение русским языком. В Министерстве народного просвещения рассуждали следующим образом: «Нечего и говорить, что при всех равных условиях природный русский был бы несравненно предпочтительнее любого чеха, словенца или словака; но

¹¹ Там же. Ф. 846. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–121 об.

это лишь при всех равных условиях. Если же выбор представляется между плоховато знающим свой предмет учителем из природных русских или хорошо знающим и выучившимся русскому языку чехом, словенцем и словаком, то нельзя не отдать предпочтения последним»¹².

В отличие от министерского начальства, образованное общество не было настроено столь благодушно по отношению к пришельцам, которые наводнили отечественные школы на целую четверть столетия. Большое разочарование и досаду вызывали те из них, кто был простым наемником, безжалостно коверкающим в классе русский язык (Модестов, 1880: 172–176; Розанов, 1899: 170–171).

Эпоха школьной реформы 1864–1871 гг. открыла эру «педагогической промышленности» (выражение В. Розанова) и превратила профессию учителя в массовую профессию со всеми происходящими из этого последствиями. И все же нельзя не признать, что без содействия славянских филологов-классиков реформа классического образования 1871 г. осталась бы на бумаге, так как ни одно другое отечественное высшее учебное заведение не было в состоянии дать такого большого числа преподавателей древних языков за столь короткое время.

Литература

- Алешинцев И. История гимназического образования в России. СПб., 1912.
- Вах К. А. Классическое образование и его утверждение в России // Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 38–49.
- Виттекер Ц. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
- Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2. Родина. Быт и бытие. М., 2004.
- Зайцев А. И. В поисках возрождения // Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 4–10.
- Изместьева Г. П. Классическое образование в истории России XIX века. М., 2003.
- Модестов В. И. Школьный вопрос. Пятнадцать статей. Изд. 2-е, доп. СПб., 1880.

¹² Там же. Ф. 733. Оп. 169. Д. 13. Л. 94.

- Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. в 1802–1902. СПб., 1902.
- Розанов В. Сумерки просвещения. Сб. статей по вопросам образования. СПб., 1899.
- Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, California, 1969.
- Hans N. History of Russian Educational Policy, 1701-1917. N.Y. 1931.
- Sinel A. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. Cambridge, Mass. 1973.

From the History of Classical Education in Russia: the Teachers' Institute of Slavonic Scholars

During the reform of gymnasia in 1864-1871 the classical principles became its base, which resulted in Russian and European educational traditions being drawn together closer than ever. The question of adequate training for the teachers of classical languages arose at the time, as the University departments were not able to educate the required number of specialists in Latin and Greek. A chain of Historico-Philological institutes was introduced by the Government in order to fill the gap. Historico-Philological institutes of St. Petersburg and Nezhin has gained a good reputation, while the Russian Philological Seminary at Leipzig University has become a valuable source of educated teaching staff for gymnasia.

The least costly and a rather efficient way of recruiting teachers of the classical languages for Russian gymnasia was to invite young scholars of Slavonic origin who were at the time graduates or final year students at Vienna and Prague Universities. They were young people who had received classical European education at every stage starting with gymnasia. It was easier for them to learn Russian as a language related to their own to the level that would enable them to teach classical languages at gymnasium.

Most Slavs employed at Russian gymnasia were the graduates of the Teachers' Institute of Slavonic Scholars, who had completed their education at the St. Petersburg University and mastered their Russian and translation skills under the supervision of special tutors. During the fifteen years of its existence from 1866 to 1880, 175 specialists graduated from the Teachers' Institute of Slavonic Scholars. They worked successfully in many Russian cities and wrote over 40 tutorials.

А. Е. Беликов

**СТРУКТУРНАЯ РОЛЬ ПРОРОЧЕСТВ В «АРГОНАВТИКЕ»
ВАЛЕРИЯ ФЛАККА¹**

Резюме. Работа посвящена анализу роли пророчеств в «Аргонавтике» Валерия Флакка. Выделяются 3 группы пророчеств, которые сопоставляются с представленными в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. В поэме Валерия Флакка обнаруживается большее количество пророчеств и бóльшая их художественная выразительность. Особого внимания заслуживает наличие «пророческих» оговорок, клятв и проклятий, также включение мотива судьбы-провидения. Отдельно рассматриваются многочисленные пророчества о судьбе Язона и Медеи, придающие эпическому повествованию драматизм и «двойную тональность».

Ключевые слова: Валерий Флакк, Аргонавтика, Язон, Медея, пророчества, композиция, двойная тональность.

Судьба Гая Валерия Флакка Сетина Бальба и его творения – драматичны. О самом авторе нам фактически известно² лишь то, что он принадлежал к *quindecimviri sacris faciundis* и умер до 96 года н. э. (Квинтилиан в *Institutio Oratoria* 10, 1, 90 упоминает о его смерти: “*multum in Valerio nuper amisimus*”). Его же произведение, вероятно, не было закончено и отшлифовано (в тексте есть противоречивые и неполные места, конец оборван), но состояло не более, чем из восьми наличных книг.

У современников и последующих читателей Флакк не пользовался особым успехом³, а суровый приговор

¹ Автор выражает благодарность А. И. Солопову и А. И. Любжину, без поддержки и помощи которых эта статья не могла бы быть написана.

² Ф. Альбрехт 2004: 1018–1029. Я также пользуюсь предисловием к изданию Мозли (Valerius Flaccus 1972). Латинский текст по изданию Либермана (Valerius Flaccus 2003).

³ «Констатируя, что Валерий не нашел отклика у современников, великий Видамовиц сухо добавляет: “и поделом”» (Ф. Альбрехт 2004: 1028). «Скудное, несмотря на риторический пафос, сухое,

Виламовица с последующей негативной публикацией Мемеля (Mehmel 1934), охарактеризовавшей композицию этого эпоса как «случайную», надолго ослабили интерес исследователей к нему. Всплеск работ о Валерии Флакке приходится на последнюю треть XX века и увенчивается появлением трёх основных современных изданий⁴. В основном внимание учёных привлекали вопросы стилистики и особенностей языка Флакка, его образцов и источников (прежде всего соотнесение с Аполлоном и Вергилием), времени написания и предполагаемого количества книг (из двух основных гипотез – «вергилиевской» о 12 книгах и двойной «аполлоновой» о 8-ми – победила последняя – Schetter 1959).

В связи с вопросом о целостности эпоса предпринимались и исследования композиции «Аргонавтики», особенно в русле полемики с вышеупомянутой концепцией работы Мемеля. Предлагалось «тематическое» деление книг (Shey 1968⁵), трактовка всего эпоса как аллегории династической преемственности в роду Флавиев (Taylor 1994), реконструкция общей космологической теории «мирового порядка» (Wacht 1991). Однако тема пророчеств в эпосе Флакка оказалась практически не затронутой исследователями – хотя, как я надеюсь показать в настоящей работе, пророчества играют значительную роль во всем произведении и могут помочь в выделении композиционных структур⁶. Вийсман (Wijsman 1996) и Клейвегт (Kleuyewgt 2005) в своих блестящих комментариях к «Аргонавтике»

темным и искусственным языком и тяжелым стихом написанное произведение, читать которое, по-видимому, не было много охотников и в древности» (Модестов 1888: 674). «...всякий, кто хоть раз услышит республиканские стихи этого надутого старого осла, уже никогда без зевоты не сможет слышать слово “республика”» (Фейхтвангер 1966: 64).

⁴ 1970 – Leipzig (E. Courtney; Teubner); 1980 – Stuttgart (W.-W. Ehlers; Teubner); 1997 – Paris (G. Liberman; Budé)

⁵ Например, пятую книгу он определил темой «раздора».

⁶ Штокингер (Stöckinger 1959) определяет пророчества и советы богов как одни из основных эпических средств при построении композиции.

отмечают большое количество пророчеств, подчеркивают их художественную выразительность и указывают вероятные поэтические источники, но ни один из них не рассматривает пророчества как нечто большее, нежели эпизодическое украшение. Адамиц (Adamietz 1976) отмечает, что у Валерия Флакка впервые изображаются будущие несчастья главных героев (Язона, Ээта, Медеи); он также присоединяется к упомянутой выше теории «юпитерова мирового порядка»; некоторые пророчества позволяют установить внутренние переключки между книгами⁷. Наиболее близко к данной проблеме подошла только работа Клиффорда Хершеля Мура (Moore 1921), который обратил внимание на обилие и постоянное повторение пророчеств, связанных с «коринфским сюжетом», и использовал этот факт для обоснования «единства» эпоса; однако дальнейшие рассуждения привели его к маловероятной гипотезе о том, что Флакк намеревался написать 12 книг, включив в них всю историю Язона и Медеи вплоть до трагедийного сюжета.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

Прежде всего необходимо определить круг относящихся к теме статьи явлений и рассматривать пророчества о будущем в их прямом выражении в репликах героев (в основном, прорицателей), видениях, снах или в форме произведений искусства. Мотив судьбы и предопределения представляет несколько другую тему и будет затрагиваться постольку, поскольку соприкасается с темой пророчеств. Я попробую выявить особенности художественного выражения пророчеств и основные структурные блоки и сравнить их с соответствующими местами у Аполлония Родосского. Как представляется, подобный анализ поможет лучше понять поэтические заслуги Валерия Флакка и определить художественные тенденции его произведения, равно как и прояснить вопрос о структуре и композиции эпоса.

⁷ Адамиц сопоставляет 1, 211–226 и 5, 433–454.

Если смотреть с точки зрения тематики, то можно выделить следующие группы пророчеств:

- 1) об успехе плавания
- 2а) о судьбах отдельных героев⁸
- 2б) о судьбе Язона и Медеи

Последняя группа представляет собой один из центральных мотивов произведения и будет рассмотрена особо.

ФЛАКК И АПОЛЛОНИЙ

Что же касается первых двух групп, то в целом Валерий в большинстве мест не отходит от Аполлония в содержательном плане, но зато дает свою художественную трактовку. У Аполлония пророчеств гораздо меньше, чем у Флакка, и большая их часть имеет только эпическую функцию предсказания о смерти героя (о Канфе, Мопсе и Идмоне). Пророчество о предстоящей в походе смерти Идмона служит поводом к целому пассажи (1, 438–488) о славе героев и недолжном проявлении трусости. Флакк, напротив, исключает этот мотив – Идмон видит в жертвенном огне свою судьбу, но молчит о ней: *Lacrimae cecidere canenti / quod sibi iam clusos inuenit in ignibus Argos*⁹ (1, 238). Еще одно совпадающее место – пророчество Финея. Здесь Флакк очень точно следует за Аполлонием, воспроизводя всю структуру его речи к Аргонавтам. Но у Аполлония пророчество отступает на второй план по сравнению с обширным географическим экскурсом, Флакк же излагает все более сжато и усложняет предсказание о проходе Симплегад вставленным оракулом божества (4, 581–584). Оба поэта дают по одному образцу ауспий (Аполлоний 3, 543; Флакк 1, 156), оба описывают тревожный пророческий сон Медеи (Аполлоний 3, 618; Флакк 4, 336–340). И здесь можно заметить сильное различие: во-

⁸ Интересно заметить, что Мур в рамках своей теории «единства эпоса» считает любые подобные пророчества излишним украшательством и отклонением от темы.

⁹ «Когда он пел, у него текли слезы, потому что он увидел в огне запертый для него Аргос» (здесь и далее переводы из Валерия Флакка мои).

первых, у Аполлония сон Медеи пророчит только о событиях, произошедших в Колхиде, а у Флакка – еще и о трагедии в Коринфе; во-вторых, Аполлоний передает сон «вербально-повествовательно», описывает то, «что говорили»:

σφωιτέρους δὲ τοκῆας ὑποσχεσίης ἀθερίζειν,
 οὐνεκεν οὐ κούρη ζευξαι βόας ἀλλά οἱ αὐτῶ
 προύθεσαν. ἐκ δ' ἄρα τοῦ νείκος πέλεν ἀμφήριστον
 πατρί τε καὶ ξείνοισ. αὐτῇ δ' ἐπιέτρεπον ἄμφω
 τὼς ἔμεν ὡς κεν ἐῆσι μετὰ φρεσὶν ἰθύσειεν.
 ἡ δ' ἄφνω τὸν ξείνον, ἀφειδήσασα τοκῆων,
 εἶλετο. τοὺς δ' ἀμέγαρτον ἄχος λάβεν, ἐκ δ' ἐβόησαν
 χωόμενοι¹⁰

Флакк же пишет образами, действительно передавая сон, при этом он дает менее прозрачное для истолкования видение, чем Аполлоний:

*dumque pii petit ora patris, stetit arduus inter
 pontus et ingenti circum <est> stupefacta profundo,
 fratre tamen conante sequi. Mox stare pauentes
 uiderat intenta pueros nece seque trementem
 spargere caede manus et lumina rumpere fletu.*¹¹

Подобная образная выразительность является, на мой взгляд, одной из особенных черт Валерия Флакка, о чем я буду говорить дальше. Сейчас же подведем итог по сравнению с Аполлонием. Если подсчитать приблизительное количество пророчеств по каждой из тематических групп, то получатся такие результаты:

¹⁰ «Родители ей заявляют, / Что ему, а не ей запрягать быков надлежало. / Ссора взаимная вспыхнула между отцом и гостями. / К ней обратились они, сказав: все будет, как скажешь. / Тут чужеземца она предпочла и родным изменила, / Тех ужасная скорбь обуяла, они закричали» (Аполлоний Родосский 2001: 79).

¹¹ «И когда она устремилась к лицу благочестивого отца, между ними оказалось суровое море, и она была ошеломлена бездонной пучиной вокруг, а брат еще пытался следовать за ней. И вот она увидела стоящих в страхе перед неминуемой гибелью детей и себя – она с ужасом обаграла кровью свои руки и выплакивала глаза».

	Флакк	Аполлоний
1) об успехе плавания	6	5
2а) о судьбах отдельных героев	10	6
2б) о судьбе Язона и Медеи	5	2

В целом можно сказать, что у Аполлония пророчество играет только эпическую функцию¹², а у Флакка – еще и драматическую. Кроме того, необходимо заметить, что постоянное следование Язона пророчествам, равно как и его частые молитвы, сближают его с Энеем и придают черты *pietas*¹³.

МОТИВ СУДЬБЫ

При подсчете пророчеств у Флакка сложность представляют два явления, о которых необходимо здесь упомянуть. Прежде всего, у него тесно связаны пророчества и советы богов. В большей степени, чем у Аполлония, развита мысль о том, что Юпитер управляет абсолютно всем, «расчищая путь для того, что имеет произойти» (ф. Альбрехт 2004: 1027), а поход Аргонавтов направляется совокупной волей почти всех богов (противниками попеременно и непостоянно выступают Нептун, Гелиос и Марс, но каждый только в своей «стихии», причем все они подчиняются воле Юпитера). Соответственно в поэме Флакка очень много явлений божеств (это сближает его эпос с Гомером), которые напрямую дают указания, советов богов, где постоянно говорят о предначертанности похода. Например, Геракл и Диоскуры получают божественное знамение (1, 563–567):

¹² Штокингер еще более резок: по его мнению, пророчества у Аполлония Родосского выполняют лишь механическую функцию и являются художественной условностью, данью жанру, тогда как у Гомера пророчества всегда служат для продвижения действия. В рамках подобной теории Флакк восстанавливает (разумеется, вслед за Вергилием) истинную функцию пророчеств в эпосе.

¹³ Фон Альбрехт отмечает, что, по сравнению с Аполлоном, Язон предстает более позитивно и за счет *virtus*, проявленной на войне с Персом.

*Tendite ad astra uiri: me primum regia mundo
Iapeti post bella trucidis Phlegraeque labores
inposuit: durum uobis iter et graue caeli
institui. Sic ecce meus, sic orbe peracto
Liber et expertus terras remeauit Apollo.*¹⁴

Эта тесная связь конкретных пророчеств и космического провидения не позволяет провести между ними четкую грань, я же в данной работе остановлюсь только на конкретных пророчествах¹⁵.

ПРОКЛЯТЯ, КЛЯТВЫ И ОГОВОРКИ

Вторая проблема – это не пророчества, но речи, которые сбываются. Флакк очень активно использует проклятья, клятвы и «случайные» оговорки, которые потом реализуются. Например, в 2, 659–662 на пиру у Кизика Язон высказывает пожелание:

*... Vtinam nunc ira Pelasgos
adferat et solitis temptet concurrere furtis
cunctaque se ratibus fundat manus: arma uidebis
hospita nec post hanc ultra tibi proelia noctem.*¹⁶

То, что Флакк сознательно это обыгрывает, можно подтвердить двумя дословно повторяющимися эту репликами следующей книги: когда высаживаются аргонавты, жители кричат: *Hostis habet portus, soliti rediere Pelasgi*¹⁷ (4, 45), а после битвы Язон восклицает: *Sumus en Minyae, sumus*

¹⁴ «Стремитесь к звездам, мужи: высшая власть поставила меня первым над миром после борьбы со злобным Иапетом и подвигов на Флегрейских полях: я определил и вам тяжелый и трудный путь к небу. Точно так же, обойдя весь мир, мой Либер и много изведавший Аполлон обошел земли».

¹⁵ Космологический план подробно рассматривается в работе Вахта (Wacht 1991).

¹⁶ «О если бы сейчас гнев принес Пеласгов, и они дерзнули сойтись в бою, опираясь на привычные козни, и вся ватага вылилась бы из кораблей: тогда бы ты увидел оружие гостей в действии, и после этой ночи тебе не пришлось бы идти на битву».

¹⁷ «Враг занял гавань, вернулись привычные Пеласги».

*hospita turba*¹⁸ (4, 272). Предсмертное проклятие Эзона Пелию (1, 810-814) – единственное в поэме указание на сюжет, связанный с возвращением Язона в Иолк:

... *Non Marte nec armis
aut nati precor ille mei dignatus ut unquam
ense cadat; quae fida manus, quae cara suorum
diripiat laceretque senem nec membra sepulchro
contegat.*¹⁹

О клятвах Язона и Медеи речь дальше. Рассматривать подобные явления как пророчества не представляется возможным, но целесообразно учитывать их при рассмотрении тематической структуры произведения.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОРОЧЕСТВ У ФЛАККА

Как уже было сказано, отличительная особенность пророчеств у Флакка – насыщенная художественная образность. Конечно, это присутствует далеко не везде, но всегда при передаче снов (сны Пелия, Язона, Ээта, Медеи), а также при описании таинственных изображений храма Солнца в Колхиде (5, 433–451), явно близком шестой книге Вергилия. Пророческое изображение повествует в очевидной форме, непонятной, однако, самим колхам, о прибытии аргонавтов, похищении Медеи и о последующей трагедии в Коринфе. Точно о том же говорит, пожалуй, самое яркое из всех пророчеств поэмы – видение Мопса перед началом похода. Здесь надо заметить, что в составе аргонавтов два прорицателя – Мопс и Идмон. У Аполлония прорицания перед началом плавания дает только Идмон (о нем – выше). Флакк же создает «диалог» двух прорицателей: вначале Мопс видит страшное видение, а потом Идмон всех успокаивает счастливым знаменем²⁰. «Кине-

¹⁸ «Вот мы, Минии, войско гостей».

¹⁹ «Молю, чтобы никогда он не получил чести пасть в битве, с оружием или от руки моего сына; пусть верная рука милых близких растерзает старика и не предаст останки могиле».

²⁰ Клейвегг соотносит это с «двойным» предсказанием Сивиллы в шестой книге Энеиды.

матографически» предстают перед Мопсом последующие события (1, 217–226):

*... Per quot discrimina rerum
expedior! Subita cur pulcher harundine crines
uelat Hylas? unde urna umeris niueosque per artus
caeruleae uestes? unde haec tibi uulnera, Pollux?
quantus io tumidis taurorum e naribus ignis!
Tollunt se galeae sulcisque ex omnibus hastae
et iam iamque umeri! Quem circa uellera Martem
aspicio! Quaenam aligeris secat anguibus auras
caede maddens? Quos ense ferit? Miser eripe paruos
Aesonide. Cerno et thalamos ardere iugales.²¹*

Это место показывает сильные стороны художественного метода Флакка. Как мы видим, пророчество предстает не вербально, это загадка, но сформулированная не хитро-сплетением слов, а отрывочными образами. Рассматриваемая особенность свойственна большинству пророчеств и образов в поэме.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Особую роль в «Аргонавтике» Флакка играет мотив последующей судьбы Язона и Медеи. Даже в двух рассмотренных выше пророчествах коринфский сюжет выступает как естественное продолжение событий в Колхиде. При этом, за исключением проклятья Эзона, иолкский сюжет полностью опускается. О будущей трагедии Флакк упоми-

²¹ «Через сколько образов событий я прохожу! Почему прекрасный Гилас вдруг украшает волосы камышом? Откуда урна на плече и синяя ткань одежд по белому телу? Откуда у тебя эти раны, Поллукс? О, какой огонь из раздутых ноздрей быков! Из всех борозд поднимаются шлемы и копыя и вот-вот плечи! Какого Марса* вокруг руна я вижу! А кто это такая, на крылатых змиях летит по воздуху, окровавленная убийством? Кого это она поражает мечом? О, несчастный, вырви малютку, Эсонид! И вижу, что горят брачные чертоги».

*Это место вызывает дополнительные сложности: я полагаю, что под Марсом надо понимать дракона как проявление воли Марса (подробнее об этом – см. Беликов 2010).

нает почти постоянно, из героев ею более всего озабочен Мопс²². Например, во время брака Язона и Медеи (8, 247–251):

*neque se pingues tum candida flamma per auras
explicuit nec tura uidet concordia Mopsus
promissam nec stare fidem, breue tempus amorum.
Odit utrumque simul, simul et miseratur utrumque
et tibi tum nullos optauit, barbara, natos.*²³

Когда же аргонавтов настигают колхи, Мопс становится одним из активных пропагандистов выдачи им Медеи в обмен на руно. Язон же постоянно клянется в верности Медее, и в его словах постоянно чувствуется трагическая ирония (7, 501–508):

*umquam ego si meriti sim noctis et immemor huius,
si te scepra, domum, si te linquisse parentes,
senseris et me iam non haec promissa tuentem,
tum me non tauros iuuat euasisse ferosque
terrigenas, tum me tectis tua turbet in ipsis
flamma tuaeque artes. Siquid tu saeuus, istis
adicias meque in medio terrore relinquas,
ingrato queat et nullus succurrere contra.*²⁴

²² Кавилья в предисловии к итальянскому изданию (Valerio Flacco 2000) высказывает мнение, что в эпоху Флакка эпос начинает переходить границы жанров и активно включает в себя драматические элементы, которые даже разрушают эпическую структуру (речь идет о том, что коринфский сюжет «выпадает» из эпоса об Аргонавтах: не будучи включенным в текст поэмы, он оставляет пророчества «висеть в воздухе», будучи же включенным – окончательно разрушает облик эпического героя Язона).

²³ «Светлое пламя не взвилось в густой воздух; Мопс видит, что согласие непрочно, клятвы не будут сдержаны, а время любви скоротечно. И ненавидит обоих, и скорбит вместе с тем о них, и желает, чтобы у тебя, жена из варварского племени, вовсе не было детей».

²⁴ «Если я некогда забуду о твоей заслуге и об этой ночи, если ты почувствуешь, что ты оставила престол, дом, родителей, а я не держу клятву, то пусть тогда мне не удастся избежать быков и свирепых землеродных, пусть тогда в самом моем доме забушует пламя твоих чар. А если ты найдешь нечто еще более

Постоянные уверения в верности и сомнения, мастерски передаваемые Флакком, создают драматическое напряжение и ожидание трагической развязки. Здесь можно лишь привести мнение фон Альбрехта о том, что подобное пробуждение читательских ожиданий является частью стиля Флакка, а наличие двух повествовательных планов придает эпосу «двойную тональность». По его мнению, трагедийный *furor* играет важную роль также и в сравнениях.

Таким образом, необходимым кажется констатировать, с одной стороны, художественную изощренность образительной манеры Валерия Флакка: повышенная образность его пророчеств наряду со смелыми сравнениями и метафорами выдает в нем крупного и неординарного поэта. С другой стороны, отдельного рассмотрения как особая черта эпического стиля Флакка заслуживает то, что фон Альбрехт удачно назвал «двойной тональностью»: соположение двух повествовательных планов и постоянная игра на читательском ожидании. Соотношение частной судьбы и всеохватывающего Провидения также может привести к интересным размышлениям о концепции истории и мирового процесса у Флакка.

Литература

- ф. Альбрехт 2004 – Альбрехт М. фон. История римской литературы в 3 т.: Т. 2 / Пер. с нем. А. И. Любжина. М.
Аполлоний Родосский – Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Изд. подг. Н. А. Чистякова. М., 2001. («Литературные памятники»).
- Беликов 2010 – Беликов А. Е. Ad Val. Fl. 1, 223–4: Mars circum или circa vellera? // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М. С. 387–389.
- Модестов 1888 – [Модестов] Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах В. И. Модестовым. Полное издание. СПб.
- Фейхтвангер 1966 – Фейхтвангер Лион. Сыновья. СС, т. 8. М.

жестокое, то ввергни меня и оставь посреди ужаса, и пусть никто не сможет прийти на помощь неблагодарному».

- Adamietz 1976 – Adamietz J. Zur Komposition der Argonautica des Valerius Flaccus // *Zetemata: Monographien zur Klassischen Altertumswissenschaft*. Heft 67. München.
- Kleywegt 2005 – Kleywegt A. J. Valerius Flaccus, Argonautica, Book I: A commentary. Leiden-Boston.
- Mehmel 1934 – Mehmel F. Valerius Flaccus. Hamburg.
- Moore 1921 – Moore C. H. Prophecy in the Ancient Epic // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 32. Cambridge-London. P. 99–175.
- Taylor P. Ruth. Valerius' Flavian Argonautica // *Classical Quarterly*, 44. Oxford, 1994. P. 212–235.
- Schetter 1959 – Schetter. W. Die Buchzahl der Argonautica des Valerius Flaccus // *Philologus*, CIII. Berlin. P. 297–308.
- Shey 1968 – Shey H. J. A critical study of the Argonautica of Valerius Flaccus. Iowa City.
- Stockinger 1959 – Stockinger. H. Die Vorzeichen im homerischen Epos: ihre Typik und ihre Bedeutung. St. Ottilien (Oberbayern).
- Valerio Flacco 2000 – Valerio Flacco. Le Argonautiche // *Intr.*, trad. e note di F. Caviglia. Ariccia («BUR»).
- Valerius Flaccus 2003 – Valerius Flaccus. Argonautiques. 2 T. / Et. et trad. G. Liberman. P. («Budé»).
- Valerius Flaccus 1972 – Valerius Flaccus / Ed. E. H. Warmington, transl. J. H. Mozley. L. («Loeb »).
- Wacht 1991 – Wacht M. Jupiters Welteplan im epos des Valerius Flaccus // *Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*. №10. Mainz.
- Wijsman 1996 – Wijsman H. J. W. Talis Colchis erat: Valerius Flaccus Argonautica, Book V: A commentary. Leiden-N.Y.-Köln.

Structural role of prophecies in the “Argonautica” of Valerius Flaccus

The composition and structure of the “Argonautica” of Valerius Flaccus still remain unclear, though many attempts to clarify them were made in the previous century. It seems that only Clifford Herschel Moore in his work of 1921 draws attention to the specific role of prophecies in the “Argonautica” of Valerius Flaccus (and Stockinger points out that prophecies are one of the main compositional tools of the epic). Nevertheless, Moore’s research has led him to the erroneous conclusion that “Argonautica” should have contained the whole story of Jason and Medea in 12 books.

In our research we have discovered that Valerius Flaccus uses prophecies more often than Apollonius of Rhodes. His prophecies are more artistically expressive and may be divided in 3 groups as prophecies regarding 1) success of the journey, 2) the destiny of particular heroes, 3) the fate of Jason and Medea. The groups 1 and 2

are common with Apollonius, though Valerius uses more expressive means (such as “image-painting”) while developing them. He repeatedly uses oaths, curses and accidental phrases that turn out to be a divination. On the other hand, there are some prophecies regarding the providence of Juppiter (that has been well examined in the work of Wacht).

However, the number of prophecies concerning the fate of Jason and Medea is too high. It seems that Valerius while writing his poem has always kept in mind the Corinthian tragedy and alluded to it repeatedly. Michael von Albrecht has aptly called it “bi-tonality”. The whole poem is built on reader’s expectation and on the correlation between the individual and general fate. We would suggest that analysis of the structural role of the prophecies could be the key to the composition of the “Argonautica”.

А. М. Беликов

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПИСЬМЕННОСТИ В МИЛЕТЕ
(ПМ Iа – ПЭ IIIс)¹**

Резюме. В статье предпринята попытка собрать все имеющиеся в настоящее время данные об использовании письменности в Милете в позднем Бронзовом веке. Особое внимание уделяется проблеме использования здесь линейного письма В. Нанесенные до обжига знаки на двух фрагментах пифосов местного производства, которые часто рассматривались в качестве линейного письма В, интерпретируются как «метки гончара», одна из которых могла быть выполнена в анатолийской традиции.

Ключевые слова: Милет, линейное письмо А, линейное письмо В, хеттская клинопись, анатолийская иероглифика, метки гончара.

Первые свидетельства об употреблении письменности в Милете относятся к четвертой фазе существования этого поселения (Милет IV: 2-я пол. XVIII в. до н.э. – сер. XV в. до н.э.). Здесь были обнаружены надписи линейного письма А (MIL Zb 1–7) – единственные на малоазийском побережье Эгейского моря². Фрагменты первой из них (MIL Zb 1) были найдены в 1994 и 1995 гг. на территории близ храма Афины, в слоях, относящихся, по всей видимости, к ПМ Iа (1675/50–1600/1550 гг. до н.э.) (Del Freo 2007: 210). Эта

¹ Автор выражает благодарность Н. Хиршфельд, Л. Роллер, Дж. Раттеру и Р. Стоянову, которые дали ему ценные советы во время подготовки статьи и снабдили его необходимой литературой.

² В этой связи следует отметить находку маленькой фигурки (13 см в длину и 4,1 см в высоту) барана или же рогатой овцы с нанесенными на нее знаками, которые также могут быть линейным письмом А. Однако обнаружена она была в Эски Самун – на северном побережье Турции. См. об этом: Evans 1935: 768–769, figs. 749–750. Ср. также знаки на двух сосудах из Трои, относящихся ко 2-й пол. III тыс. до н.э., которые могут представлять собой промежуточный этап между древнейшим европейским прото-письмом IV тыс. до н.э. и линейными письменностями Эгеиды (Казанский 1984: 18–19)

надпись была выполнена на стенке большого сосуда мийского типа местного производства, форма которого не может быть определена с точностью, еще до его обжига. Она состоит из трех знаков: АВ 56–АВ 41–АВ 47 (Niemeier 1996).

В 1997 и 2005 гг. в Милете в районе храма Афины были обнаружены еще шесть надписей линейного письма А – МПL Zb 2–7 (пока не опубликованы), нанесенные на сосуды местного производства до обжига. Видимо, все они относятся к ПМ Ia. Фрагменты сосудов, содержащие эти надписи, очень малы и состоят всего лишь из одного или двух знаков:]АВ 56-[(Zb 2, фрагмент пифоса),]АВ 41-04[(Zb 3, фрагмент небольшого сосуда закрытого типа),]АВ 41[(Zb 4),]АВ 08[(Zb 5),]АВ 31[(Zb 6), АВ 27-[(Zb 7³) (Del Freo 2007: 210).

Находки этих артефактов позволяют вполне уверенно говорить об использовании одной из эгейских письменных систем в Милете IV.

К позднему Бронзовому веку относятся еще две фазы существования этого поселения: Милет V (2-я пол. XV – конец XIV вв. до н.э.) и Милет VI (ок. 1300 – ок. 1100 гг. до н.э.) (Niemeier 2007: 13–14; 14–16). Имеются некоторые факты, которые могли бы указывать на использование в Милете V–VI как анатолийских, так и эгейских письменностей, однако их интерпретация сопряжена с определенными проблемами.

Из ряда хеттских клинописных документов известно, что правители Миллаванды-Милета по крайней мере в 13 в. до н.э. были вовлечены в обмен дипломатическими сообщениями, который осуществлялся на западе Анатолии. В «Письме Манана-Тархунды» (KUB XIX, 5+KBo XIX, 79; СТН 191) говорится, что царь Миры *Купанта-Курунтия* послал сообщение правителю Миллаванды *Атте* (i 25), и чуть ниже, в поврежденных строках (ii 31–32), что затем, видимо, и сам хеттский царь отправил послание последнему. Из «Письма о *Тавагалаве*» (KUB XIV, 3; СТН 181)

³ Этот последний черепок содержит также знак, напоминающий нос корабля и нанесенный на сосуд уже после его обжига.

становится известно, что *Атна* получил сообщение от царя Аххиявы (i 55, вероятно, о том же самом событии идет речь в поврежденных строках ii 21–22). Во всех этих случаях для обозначения процесса передачи сообщений употребляются аккадограммы, представляющие собой личные формы аккадского глагола *šarāru* с основными значениями: «посылать (кого-либо, что-либо)»; «посылать слово, сообщение, писать»; «приказывать, управлять» (CAD 1989: 430–448; CDA 2000: 357). Считается, что хеттский аналог этой аккадограммы – глагол *hatrai-* «писать, посылать письменное слово; письменно сообщать; отправлять, посылать» (HW 2007: 514–524; Puhvel 1991: 269–274), обозначающий не физический процесс начертания знаков, но использование письма как особой формы коммуникации (Puhvel 1991: 273). Однако в качестве хеттского соответствия этой аккадограмме, возможно, уместнее использовать хеттский глагол «посылать» *pi(e)u/a-* (HW 2007: 523). Таким образом, в приведенных выше контекстах речь может идти не о письменной коммуникации, но об отправке послов, передававших послания в устной форме или зачитывавших их.

Хотя в конце II тыс. до н.э. языком «международной дипломатии» являлся аккадский (Bryce 2003: 51–57; Hoffner 2009: 21, 36), он никогда не использовался в переписке хеттского царя с правителями Западной Анатолии, которая велась исключительно на хеттском (Bryce 2002: 63–64; Bryce 2003: 199–200), а хетто-лувийский билингвизм был нормой для элиты зависимых от хеттов царств этого региона, по крайней мере в XIII в. до н.э. (Yakubovich 2008: 199). Более того «Письмо о *Тавагалаве*» (послание хеттского царя царю Аххиявы), а также письмо KUB XXVI, 91 (СТН 183) (вероятно, письмо царя Аххиявы царю хеттов⁴), тоже написаны на хеттском языке. В этой связи *Т. Брайс* полагает, что корреспонденция между Аххиявой и страной Хатти также велась на хеттском, и постулирует наличие

⁴ Как отмечает *К. Мельчерт*, этот документ был составлен на стандартном хеттском языке периода Нового царства его носителем (Melchert: Forthcoming).

анатолийских писцов при дворе царя Аххиявы (Bryce 2002: 260; Bryce 2003: 199–200)⁵.

Еще одно свидетельство употребления письменности происходит не из самого Милета, а с границ его владений. Во время полевых исследований в начале 2000 г. на вершине горного хребта Латмос приблизительно в 40 км восточнее Милета найдены иероглифические надписи. Они вырезаны на утесе Сураткая (ок. 1000 м над уровнем моря) – это третье место находки анатолийской иероглифики в Западной Малой Азии (Herbordt, Peschlow-Bindokat 2001: 363; 2002: 211). Имеется шесть групп иероглифических знаков. В первой из них упомянуто царство Мира, а остальные передают имена и титулы царевичей этого государства. Надпись могла быть выполнена в двадцатилетнем промежутке между 1307 г. до н.э. и началом 1280-х гг. до н.э. (Peschlow-Bindokat 2002: 213). Этот утес, по всей видимости, обозначал границу между владениями Миллаванды-Милета и царства Мира, и располагался близ наиболее короткого пути в Милет из глубинных районов Анатолии, поэтому эти надписи могли быть известны каждому, кто когда-либо проделал этот путь.

В районе храма Афины в Милете, во время проводившихся здесь Г. Кляйнером раскопок в 1963 и 1968 гг. были открыты два фрагмента пифосов местного производства с нанесенными на них до обжига знаками (Schiering 1979: 79, 102), а их фотографии опубликованы В.-Д. Нимайером в 1998 г. (Niemeier 1998: 37, photo 13–14). Первый из них – фрагмент венчика небольшого пифоса, относящегося к ПЭ IIIc периоду (максимальные размеры: 14x13 см). Нанесенное на него графито – это стрелка, наконечник которой доходит до венчика. Нижняя часть знака обломана, поэтому невозможно точно сказать, продолжался ли он далее вниз. Следовали ли за ним какие-либо иные символы, не известно. На фотографии фрагмента (илл. 1) четко видно, что знак нанесен на сосуд еще до обжига (J. Rutter per litteras, см. также Niemeier 1998: 37). Черепок был найден в

⁵ Ср., однако, иные модели осуществления корреспонденции между двумя державами в Melchert *forthcoming*.

самом позднем микенском слое разрушений около древнего храма Афины (Schiering 1979: 102).

Цель сезона раскопок 1968 г. заключалась в дальнейшем изучении территории восточнее храма Афины. В квадрате I XIII вместе с цилиндрическим кубком, имеющим ручку, и черепками позднемикенского времени, был обнаружен другой фрагмент пифоса⁶ с граффито (максимальные размеры: 18x9,5 см), относящийся к ПЭ IIIc периоду (1200/1190–1100 гг. до н.э.). Эта керамика использовалась в доме, относящемся к фазе Милет VI, и принадлежащем так называемому типу *Korridorhaus*, который появился в микенских центрах в XIII в. до н.э., но не известен более нигде в Малой Азии. На фрагменте содержатся две параллельные вертикальные черты, а ниже и правее знак, состоящий из двух коротких параллельных горизонтальных линий, к середине нижней из которых перпендикулярно примыкает вертикальная линия. Следовали ли правее еще какие-либо знаки, не известно. На снимке фрагмента (илл. 2) также ясно видно, что граффито нанесено на него до обжига (J. Rutter per litteras; Niemeier 1998: 37).

В. Ширинг не стал отождествлять эти граффиты с конкретными знаками линейного письма В (Schiering 1979: 102–103). В.-Д. Нимайер, консультировавшийся по поводу них с Т. Палаймой и М. Меллинк, отмечает, что если стреловидный знак и принадлежит линейному письму В, то это знак № 20, -zo- . Отсутствующая поперечная черта могла находиться гораздо ниже, на несохранившейся части пифоса. Однако стреловидные знаки, похожие на милетский, встречаются и на хеттской керамике. У знака на другом черепке нет ни хеттских, ни явных микенских параллелей. Со ссылкой на мнение Т. Палаймы, В.-Д. Нимайер отмечает, что этот знак может быть расширенной версией знака № 8, -a- или, вероятнее, милетским вариантом знака № 52, -no- (Niemeier 1998: 37). А. Гривс так-

⁶ Согласно В. Ширингу это «фрагмент микенского пифоса» (Schiering 1979: 102). В.-Д. Нимайер указывает, что оба черепка были фрагментами пифосов, не уточняя, что они именно микенские (Niemeier 1998: 37).

же допускает вероятность, что эти знаки – линейное письмо В (Greaves 2002: 63–65; Greaves 2010: 221). М. Дель Фрео включил их в свой отчет о новых надписях, выполненных критской иероглификой, линеинным письмом А и В, представленный на XII микенологическом коллоквиуме (Del Freo 2007: 220–221); так же поступил и М. Марацци в своем обзоре современного состояния корпуса линейного письма В (Marazzi 2009: 121–154).

Учитывая скудость и фрагментарность сохранившихся свидетельств, а также отсутствие полноценной публикации этих черепков, наши шансы решить вопрос о принадлежности данных знаков линейному письму В или какой-либо другой системе письменности очень малы. Однако некоторые соображения все же следует высказать.

До сих пор в Малой Азии не было найдено ни табличек линейного письма В, что предполагало бы адаптацию и использование здесь микенской системы администрирования, ни вообще какой-либо надписи, выполненной этой письменностью (Greaves 2002: 64).

Микенские греки никогда не помечали свои пифосы выцарапанными на них знаками линейного письма В (J. Rutter per litteras), и этот факт сразу ставит под сомнение принадлежность милетских знаков этой системе письменности.

Отождествление милетских знаков со знаками линейного письма В довольно проблематично. Хотя кносские писцы с почерками № 103 и 141 (ср. также надпись на сосуде TH Z 857) и изображали знак $-zo-$ с короткой и низко расположенной поперечной чертой (Niemeier 1998: 37), анализ его написания в различных микенских центрах показывает, что, как правило, эта черта находилась значительно ближе к «наконечнику» стрелки. Что касается второго знака, то аналогии с $-a-$ и $-no-$ возможны лишь при наличии справа двух параллельных линий, симметричных двум сохранившимся линиям на фрагменте пифоса. Однако об их наличии утверждать нельзя, поскольку если они и имелись, то находились на несохранившейся части сосуда. След, видимый на фотографии у правого края черепка, может быть принят за часть одной из гипотетических линий, однако низкое качество снимка не

позволяет говорить об этом с уверенностью (см. илл. 2). Даже если и допустить вероятность такого восстановления, то написание знака *-a-* с двумя параллельными вертикальными линиями с каждой из сторон не зафиксировано ни в одном из микенских центров. Что касается знака *-no-* , то он представляет собой схематичное изображение ладони. И хотя начертание «запястья» этой «ладони» на сосуде из Фив (ТН Z 846), действительно, во многом аналогично нижней части милетского знака, непропорциональное расстояние между верхними вертикальными линиями последнего (опять же, если допустить их восстановление в правой части знака) и полное отсутствие сходства с ладонью, не имеющее параллелей в микенских центрах, делают его отождествление с *-no-* сомнительным. К тому же нельзя с уверенностью утверждать, что это граффито содержит один знак. Согласно мнению Дж. Раттера, это серия знаков, расположенных на разных уровнях на стенке пифоса (J. Rutter per litteras). В. Ширинг также рассматривал это граффито как два отдельных символа (Schiering 1979: 102). Если эта догадка верна, то две параллельные линии слева вверху могут быть числовым обозначением. Нижний же знак имеет некоторое сходство со знаком линейного письма В № 5, *-to-* . Однако написание числового обозначения перед фонетическими знаками или идеограммами (а не после них) не имеет параллелей в линейном письме В. К тому же в корпусе микенских надписей нет ни одного примера написания числового знака или идеограммы на сосудах (см.: Sacconi 1974).

Однако знаки на милетских черепках имеют многочисленные параллели, которые не ограничиваются Средиземноморьем позднего Бронзового века, но распространены гораздо шире как в хронологическом, так и в географическом плане. Речь идет о так называемых «метках гончара», изолированных знаках, нарисованных или выцарапанных на сосуде до его обжига⁷. Они не имели какого-либо

⁷ Как правило, по отношению ко всем пометкам на керамике Восточного Средиземноморья в англоязычной археологической литературе применяется нейтральный термин “potmark”, не

фонетического значения, поскольку не являлись частью письменной системы, но, несомненно, были значимы для тех, кто их делал, хотя их значение совершенно ускользает от нас (Dow 1973: 584–585; Sacconi 1974: 207–208). Например, Б. Монтечки приводит следующие наиболее распространенные функции этих меток: обозначение гончара, изготовившего сосуд (или ремесленной мастерской); нумерация или классификация; указание на содержимое, емкость, стоимость, место происхождения или место назначения сосуда. *A priori* нельзя исключать того, что метки могли просто выполнять декоративные функции (Montecchi 2009), хотя, учитывая неаккуратность выполнения милетских граффито, последнее предположение применительно к ним маловероятно.

«Метки гончара» и пометки ремесленников, аналогичные меткам гончара, встречаются на различных категориях материалов, таких как стены, предметы из кости и фаянса, оружие, и на других видах ремесленной продукции. Идентичные друг другу «метки гончара» появляются в различные эпохи и в разных местах, что объясняется элементарностью их начертания. Например, пометки, аналогичные милетским встречаются на Эгине ПМ–ПЭ периодов или на Кеосе в минойскую эпоху (см., напр.: Montecchi 2009). Кроме того, элементарность начертания многих «меток гончара» объясняет также тот факт, что они иногда кажутся идентичными наиболее простым знакам различных письменных систем бассейна Эгейского моря (Sacconi 1974: 208–209).

Таким образом, логичнее всего было бы считать знаки на милетских черепках «метками гончара» (эта идея также была поддержана Н. Хиршфельд, Л. Роллер и Дж. Раттером *per litteras*). Такая трактовка этих знаков негативным образом решает вопрос об использовании линейного письма В в Милете.

дающий указаний на их функцию; термин “potter’s mark” обозначает метки, сделанные до обжига керамики, и обычно относится к каким-то аспектам производственного процесса (Hirschfeld 2008: 120).

Тем не менее, связь «меток гончара» со знаками письменности нельзя исключать полностью. вполне вероятно, что любой из знаков письменности – идеограмма или же силлабограмма, мог быть использован в качестве метки. Так А. Саккони приводит следующий пример: для того, чтобы пронумеровать положения какого-то высказывания можно пользоваться цифрами (1, 2, 3), буквами (a, b, c) или же другими общепринятыми знаками, такими как кружки, астериски и т.д. (Sacconi 1974: 209). Таким образом, знаки письменности могли употребляться, не обозначая при этом ни слоги, ни слова. Однако были возможны и иные случаи. Например, знак на бронзовом котле из микенской шахтовой гробницы, может быть сокращением имени ремесленника (Palaima 2003).

Итак, с большой долей вероятности можно утверждать, что знаки на милетских черепках представляют собой «метки гончара», а не надписи в полном смысле этого слова. В первую очередь это относится к серии меток на фото 13. Что касается стреловидной метки, то остается вероятность, хотя и совсем малая, что при нанесении ее на сосуд использовался знак линейного письма В -zo- ↑. Следует отметить, что это довольно редкий знак (0,41% от всего корпуса линейного В (данные 1980-х г.) (Olivier 1986: 380)). Известно лишь пять слов, начинающихся с этого знака, а также одна идеограмма (*159+ZO) (Казанскене, Казанский 1986: 200), поэтому большего внимания заслуживает гипотетическая возможность его связи со стреловидными метками, встречающимися как минимум в четырех малоазийских поселениях, современных Милету VI:

- в Хаттусе (четыре метки, располагавшихся в зоне ручки больших сосудов закрытого типа⁸) (Seidl 1972: abb.23, В 30–34);

- в Аладжа-Хюйюке (несколько фрагментов с пометками также в области ручки) (Koşay 1965: no. 6–9);

- в Тарсе (две метки на внешней поверхности кубков) (Goldman 1956: fig. 318, no. 1132, 1133)

⁸ У. Зайдль допускает связь этих меток с анатолийским иероглифическим знаком L. 268 ⚡ "SCALPRUM".

– в Гордионе (вертикальная стрелка на внешней стенке и двухконечная стрелка на днище больших сосудов закрытого типа) (Roller 1987: fig. 1, 1A 1–2).

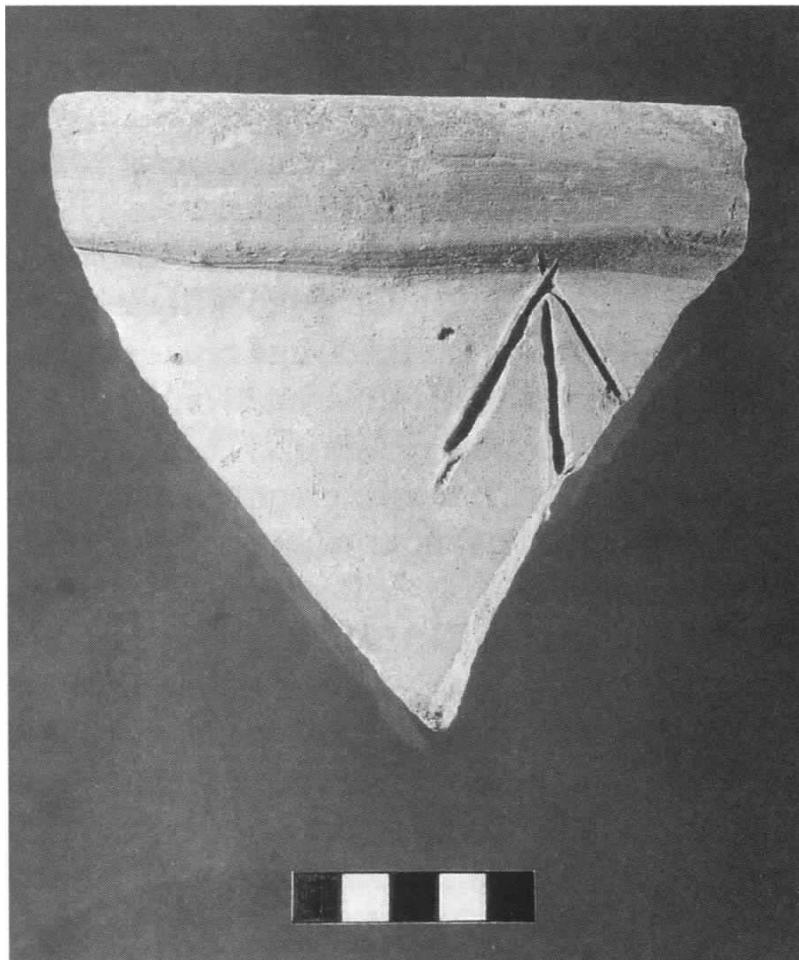
Хотя стрелка – сама по себе очень простая форма, наличие одинаковых меток сразу в нескольких малоазийских центрах позволяет провести аналогии с Милетом. Милет VI несомненно находился под сильным анатолийским культурным влиянием, которое проявилось, например, в постройке оборонительной стены, выполненной в типичном хеттском стиле, в использовании хеттских мечей в качестве погребальных даров в могильнике Дегирмен-Тепе, а также в хеттских иконографических мотивах на керамике и т. д. (Greaves 2002: 64–65).

Подводя итог, можно констатировать, что точные сведения об использовании письменности в Милете имеются лишь для минойского периода (Милет IV), когда здесь применялось линейное письмо А. В более поздние периоды (Милет V–VI) здесь не известно ни одной надписи. Не до конца понятные указания хеттских клинописных источников, а также общий характер этнокультурного контекста этой эпохи – все это позволяет предположить, что в Милете были люди, владевшие клинописным письмом. Расположенные в 40 км восточнее Милета надписи Латмоса свидетельствуют о знании анатолийской иероглифики в этом регионе. Наконец, знаки на двух фрагментах пифосов, по всей видимости, вообще не являются знаками письма, представляя собой «метки гончара», причем одна из этих меток имеет параллели в анатолийской традиции. Связь этих меток с линейным письмом В представляется крайне сомнительной. Таким образом, говорить об использовании этой письменности в регионе преждевременно.

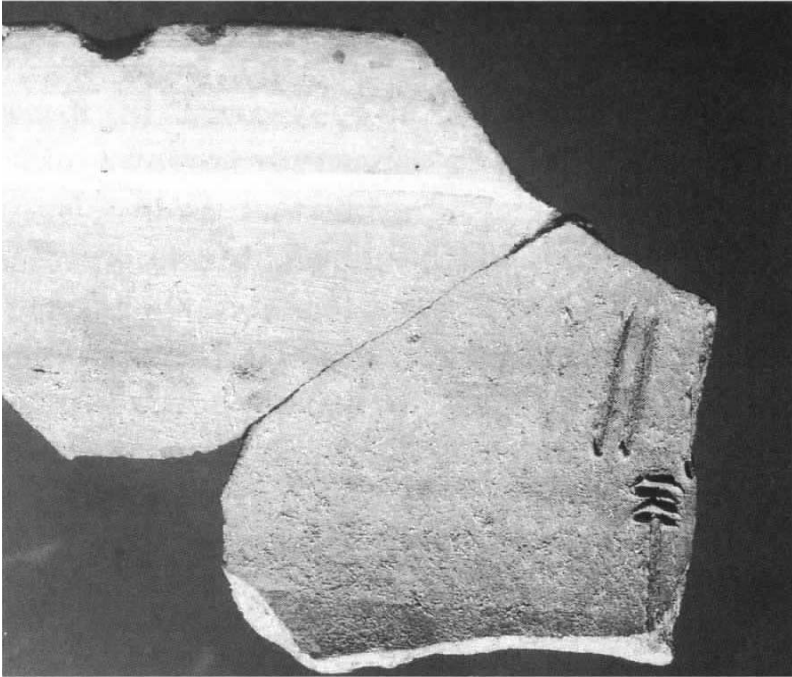
Литература:

- Bryce 2002 – Bryce T. *Life and Society in Hittite World*. Oxford.
- Bryce 2003 – Bryce T. *Letters of the Great Kings of the Ancient Near East. The Royal Correspondence of the Late Bronze Age*. London; New York.
- CAD 1989 – *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago.
- CDA 2000 – *A Concise Dictionary of Akkadian*. Wiesbaden.
- Del Frio 2007 – Del Frio M. *Rapport 2001-2005 sur les textes en écriture hiéroglyphique crétoise, en linéaire A et en linéaire B // Colloquium Romanum. Atti del colloquio internazionale di micenologia (Pasiphae. Vol.1)*. Roma.
- Dow 1973 – Dow S. *The Linear Scripts and the Tablets as Historical Documents (a) Literacy in Minoan and Mycenaean Lands // CAH. Vol. II.1*.
- Evans 1935 – Evans A. J. *The Palace of Minos at Cnossos. Vol. 4*.
- Goldman 1956 – Goldman H. *Excavations of Gözli Kule, Tarsus. Vol. 2*. New Jersey; Princeton.
- Greaves 2002 – Greaves A.M. *Miletos: A History*. London; New York.
- Greaves 2010 – Greaves A. M. *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.
- Herbordt, Peschlow-Bindokat 2001 – Herbordt S., Peschlow-Bindokat A. *Eine hethitische Grosssprinzeninschrift aus dem Latmos. Vorläufiger Bericht // Archäologischer Anzeiger. H. 1*.
- Hirschfeld 2008 – Hirschfeld N. *How and Why Potmarks Matter // Near Eastern Archaeology. Vol. 71*.
- Hoffner 2009 – Hoffner H. *Letters from the Hittite Kingdom*. Atlanta.
- HW 2007 – Fridrich J., Kammenhuber A., Hoffman I. *Hethitisches Wörterbuch. Bd. 3.1*. Heidelberg.
- Marazzi 2009 – Marazzi M. *Il corpus delle iscrizioni in Lineare B oggi: organizzazione e provenienze // Pasiphae. Vol. 3*.
- Melchert forthcoming – Melchert H. C. *Mycenaean and Hittite Diplomatic Correspondence: Fact and Fiction // Mycenaean and Anatolians in the Late Bronze Age: The Ahijawa Question*.
<http://www.linguistics.ucla.edu/people/Melchert/montrealtext.pdf>
- Montecchi 2009 – *Le pseudo-iscrizioni e le marche di vasai sui vasi egizi dell'Età del Bronzo*.
<http://dbas.sciant.unifi.it/index.php?c=educational>
- Koşay 1965 – Koşay H. Z. *Alaca-Höyük Çanak-Çömlekleri üzerindeki İşaret ve Damgalar (68 resimle birlikte) // Belleten, Vol. 29*.
- Niemeier 1996 – Niemeier W.-D. *A Linear A Inscription from Miletos (MIL Zb 1) // Kadmos. Bd. 35*.
- Niemeier 1998 – Niemeier W.-D. *The Mycenaean in Western Anatolia and the Problem of the Origins of the Sea Peoples //*

- Mediterranean Peoples in Transition: In Honor of Professor T. Dothan, Jerusalem.
- Niemeier 2007 – Niemeier W.-D. Milet von den Anfängen menschlicher Besiedlung bis zur ionischen Wanderung // Frühes Ionien: eine Bestandsaufnahme (Milesische Forschungen. Bd. 5). Mainz.
- Olivier 1986 – Olivier J.-P. Cretan Writing in the Second Millennium B.C. // *World Archaeology*. Vol. 17.
- Palaima 2003 – Palaima T. G. The Inscribed Bronze 'Kessel' from Shaft Grave IV and Cretan Heirlooms of the Bronze Age Artist named 'Aigeus' vel sim. in the Mycenaean Palatial Period // BRICIAKA. A Tribute to W. C. Brice (Cretan Studies. Vol. 9). Hakkert, Amsterdam.
- Peschlow-Bindokat 2002 – Peschlow-Bindokat A. Die Hethiter im Latmos. Eine hethitisch-luwische Hieroglyphen-Inschrift am Suratkaya (Beşparmak/Westtürkei) // *Antike Welt*. Bd. 33.
- Puchvel 1991 – Puchvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 3. Berlin; New York.
- Roller 1987 – Roller L. Gordion Special Studies I: Nonverbal Graffiti, Dipinti and Stamps. Philadelphia.
- Sacconi 1974 – Sacconi A. Corpus delle iscrizioni vascolari in lineare B. Roma.
- Schiering 1979 – Schiering W. Milet: Eine Erweiterung der Grabung östlich des Athenatempels // *Istanbuler Mitteilungen*. Vol. 29.
- Seidl 1972 – Seidl U. Gefäßmarken von Boğazköy. Boğazköy-Hattusa VIII. Berlin.
- Yakubovich 2008 – Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luvian Language. Ph.D. thesis. Chicago.
- Казанскене, Казанский 1986 – Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л.
- Казанский 1984: Казанский Н. Н. – Троянское письмо. К постановке вопроса // *Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в диахронии*. М.

Илл. 1. Фрагмент пифоса, обнаруженный во время раскопок 1963 г. (Niemeier 1998: 37, photo 14).

Илл. 2. Фрагмент пифоса, обнаруженный в 1968 г. (Niemeier 1998: 37, photo 13).

On the use of writing in Miletos (LM Ia – LH IIIc)

The article surveys all the available evidence on the use of writing in the Late Bronze Age Miletos. The Linear A inscriptions found at Miletos IV (six of them still unpublished) show a clear knowledge of the Minoan script at the site. But evidence for the use of writing during the later settlement phases (Miletos V–VI) is more ambiguous. References to the diplomatic correspondence carried out by Milesian rulers in Hittite cuneiform documents might relate to oral, not to written communication. Inscriptions from Latmos incised on the rock near the shortest way from inland to Milesian seashore possibly marked the frontier between the kingdom of Mira and Miletos-Millawanda's territory. It allows to speak about knowledge of Anatolian hieroglyphic script in the region. Two LH IIIc fragments of locally made *pithoi* which bears signs incised before firing were found in 1963 (fig. 1) and 1968 (fig. 2) in the area of Athena temple in Miletos. These signs are usually tentatively interpreted as Linear B. However such interpretation entails great difficulties. Apart from these tantalizing fragments, no securely identified Linear B script has been found in Asia Minor. The Mycenaean did not label their *pithoi* with incised Linear B signs. Identification of signs with *-zo-* (fig. 1) and *-a-* or *-no-* (fig. 2) is strained, because the horizontal bar, which should have the *-zo-* sign, is only conjectured and the graffiti on the second shard is easier to interpret as series of signs, not a single sign. Probably these graffiti should be considered simply as "potter's marks", which spread over wide area in Mediterranean world since the Neolithic period onwards. The similarity of some of them with the simplest signs of Aegean scripts is due to their elementary shape. Possible connections of Milesian arrow-like sign with the Anatolian potmarks from Gordion, Hattusa, Alaca Hüyük and Tarsus also seem to be very important.

А. М. Белов

ОБ ОДНОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ

Резюме. В работе предлагается объяснение одной закономерности в системе древнегреческого ударения, которая заключается в том, что односложные слова, заканчивающиеся группой согласных, не могут иметь циркумфлекса. Вероятно это происходит из-за известного типологам явления «разделения моря» между ядром и кодой ударного слога и может быть удовлетворительно описано в терминах вокалических и силлабических мор, используемых в рамках авторской теории фонологической кратности.

Ключевые слова: ударение, просодика, акцентный закон, мора, древнегреческий язык, типология.

В ионийско-аттическом диалекте древнегреческого языка и в койне, насколько можно судить по имеющимся у нас источникам (в том числе словарей LSJ, Kretschmer & Locker 1944/1977, данных поисковой системы Diogenes по корпусу TLG-E), не существует ни одного односложного слова, которое бы заканчивалось на группу согласных /-ks/, /-ps/ и при этом имело бы (достоверный) циркумфлекс над долгим корневым монофтонгом или «собственным» дифтонгом. Единственным известным исключением из этого могло бы считаться также не бесспорное слово Θραῖξ 'фракиец', имеющее, однако, в традиции iota subscriptum и соответственно «несобственный» дифтонг.

Таким образом, мы сталкиваемся с некой акцентной закономерностью, исключающей возможность одновременного сосуществования циркумфлекса и финальной группы согласных по крайней мере для односложных слов древнегреческого языка. Закономерность эта тем более может показаться неожиданной, что традиционные правила постановки ударения говорят о полной независимости (точнее, ничего не говорят о зависимости) позиции акцента и консонантной группы в конце слова (Соболевский 2000/1948, Тронский 1962). Обнаруженная мной закономерность, будучи рассмотрена в более широком акцентологическом контексте, позволяет по-новому взглянуть на

законы древнегреческой просодики и найти им вполне правдоподобное объяснение через понятие *разделение моры* (*mora sharing*), отчасти известное в типологической литературе.

В первую очередь следует отметить тот факт, что вопреки многовековой традиции рядом исследователей отмечалась связь между наличием группы согласных в конце древнегреческого слова и одновременным ограничением крайней позиции акута, наблюдаемым преимущественно в сложных словах. Об этом говорили К. Гёттлинг, Ф. Мистели и Г. У. Смит (Göttling 1835, Misteli 1868, Smyth 1920, p. 39), однако их наблюдения остались без внимания даже таких крупных учёных, как Тронский или Аллен. Единственным исследователем, кто обратил в сравнительно недавнее время своё внимание на этот немаловажный факт и закрепил его в новейшей научной традиции была американка Донка Стериادي (Steriade 1982; 1988). Её наблюдения (фактически без каких-либо изменений) были приняты современной генеративной традицией (Sauzet 1989, Golston 1990, Kiparsky 2003) и уже через неё пришли на страницы новейших трудов по классической филологии (Probert 2006).

Д. Стериادي говорит в первую очередь о том, что в сложных словах типа *бахуврихи* и так называемых *synthetic compounds* ударение не может сдвигаться на третью от конца позицию, если в исходе слова располагается консонантная группа. Это такие примеры, как *πολυπίδαξ*, *ποικιλόφορμιγξ*, *ποικιλόθριξ*, *πολύαντραξ*, *φιλοκόλαξ*, *φιλοσπέλυγξ*, *φιλόρτυξ*, *λιπόθριξ* при таких словах, как *πολύναος*, *πολύβοτρος*, *ποικιλόφωνος*, *ποικιλόστολος*, *λιπόσαρκος*, *φίλόξενος*.

Тот же эффект наблюдается и в некоторых некомпозитных словах (*Каппάδοξ*). Донка Стериادي, справедливо возражая Ш. Балли и Ежи Куриловичу, говорившим о сдвиге ударения по аналогии (Bally 1945, Kurylowicz 1958), высказала мысль, что сдвиг ударения происходит под влиянием консонантной группы. Свои выводы исследовательница подкрепляет сверкой со словарём (Kretschmer & Locker 1944/1977) и мыслями о том, что в именительном падеже причастий настоящего времени и прилагательных

на -nt ударение занимает вторую от конца позицию точно так, как и в некоторых существительных 3-го склонения, упростивших группу согласных на конце: *παιδεῦον* (**παιδεονοντ*), *χαρίεν* (**χαριεντ*), ср. *ἰκέτις* (< **ἰκέτιδς*).

Мои собственные наблюдения (Белов (в печ.)), подтверждающие и развивающие идеи Стериади, показывают, однако, что финальная группа согласных ограничивает не только позицию рецессивного акута, но и циркумфлекса. В частности в упомянутой работе высказана мысль о том, что достаточно сомнительные с акцентологической точки зрения слова *φοῖνιξ*, *πίδαξ*, *κῆρυξ* и подобные им должны в действительности иметь не циркумфлекс, а акут (т. е. исторически правильные формы – это *φοῖνιξ*, *πίδαξ*, *κῆρυξ*). Этому находят подтверждения и текстологического характера; кроме того подобную трактовку допускают и иные высказывания древних грамматиков (Herod. De prosod. cath. 3, 1, 524; 3, 2, 9 Lenz; Choerob. Theod. 223, 22; Arcad. 158, 1). При этом важно отметить тот факт, что появление акута объясняется не фонологическим сокращением каких-либо гласных в именительном падеже этих слов, а исключительно из воздействия на крайнюю позицию ударения группы конечных согласных. Эти наблюдения находят и в согласии с мыслями Г. Аренса (Ahrens 1839–43, II: 28–29) и Ф. Проберт (Probert 2006: 71–72) о том, что в дорийском диалекте известные нам формы типа *ἔδωκαν*, *ἔλέγον* имеют ударение на предпоследнем слоге из-за того, что его удерживала конечная группа согласных, впоследствии упростившаяся. Так, *ἔδωκαν* (< **ἔδωκαντ*) соответствует аттическому *ἔδωσαν*, ('они дали'), а дорийская *ἔλέγον* (< **ἔλέγοντ*) – аттическому *ἔλεγον* ('они говорили').

Теория фонологической кратности, разрабатываемая мною в ряде последних работ (Белов 2005; 2008; 2009) и нацеленная на описание общих законов морных отношений, вполне удовлетворительно объясняет упомянутые явления в системе древнегреческого ударения, рассматривая его в терминах вокалических и силлабических мор (в сокращённом виде см. (Белов 2009: 134–142)). В рамках этой теории мы должны, в частности, говорить о том, что в определённый период истории всякий (силлабически)

двуморный слог древнегреческого языка, оказавшись последним в древнегреческом ортотоническом слове, автоматически оказывался и вокалически двуморным, а это означает, что он с неизбежностью ограничивал крайнюю позицию ударения. И если в дорийском диалекте действие этого закона, видимо, завершилось ранее и позиция рецессивного акута во многих случаях даже после отпадения конечных согласных сохранялась по традиции на втором слоге, то в ионийско-аттическом диалекте его действие засвидетельствовано и в историческую эпоху. Соответственно, мы должны будем признать тот, на первый взгляд, парадоксально звучащий факт, что последовательность из двух вокалических мор в последнем слоге ионийско-аттического слова может формироваться не только долгим монофтонгом, но и группой согласных (обязательно по законам греческого языка содержащей длительную фонему /s/). Однако, если случаи с заполнением последней позиции слова долгим монофтонгом (*δῶρων, φῶς, φῶς*) или такой группой (*Καππάδοξ*) не вызывают большого затруднения и мы легко можем насчитать в них 2 моры (которые затем останутся только признать вокалическими), то слова типа *κλώψ* /klo:ps/ 'вор' явно непросты. Дело в том, что древнегреческий язык не имеет трёхморных слогов, соответственно закрытый слог, содержащий в себе долгий слононоситель, всё равно трактуется как двуморный. Но где тогда проходит «морная граница», и как это должно было реализовываться фонетически?

Ответ на этот вопрос можно найти в современных типологических исследованиях, в частности в работе (Broselow, Chen & Huffman 1997), авторы которой исследовали экспериментальным методом законы фонетической долготы в моросчитающих языках (хинди, малаялам, арабские диалекты) и высказали вполне обоснованную гипотезу о возможности так называемого «разделения моры».

Логика исследовательниц была следующая.

В хинди бывают фонологически значимые лёгкие (CV), тяжёлые (CVV/ CVC) и перегруженные (CVVC/CVCC) слоги, причём есть все основания полагать, что каждый согласный финали привносит дополнительную мору. Соответственно перечисленные слоги должны трактоваться как

одно-, дву- и трёхморные.

В дравидийском языке малаялам, совершенно напротив, финальные согласные никогда не привносят дополнительную мору. Это означает, что различие слогов по весу (фонологически) неотличимо от различия по долготе слононосителя: все слоги с кратким гласным трактуются как лёгкие (возможны случаи CV, CVC, CVCC), все с долгим (CVV, CVVC) – как тяжёлые.

Если принять, что фонологическая мора увязана с длительностью элемента слононосителя, то естественно предположить следующее:

1. В хинди каждый согласный финали имеет свою мору, и возможны трёхморные слоги; значит добавление согласных не должно влиять на позиционную длительность гласных, и длительность (одинаковых) гласных в открытых и закрытых слогах должна быть сопоставимой: т.е. $VV = VVC > V = VC$ (p. 51).
2. В малаялам, напротив, долгота и краткость гласных служит главным различителем слогов, которые (по условию) должны иметь сопоставимую длину. Значит следует ожидать позиционного сокращения гласных перед согласными: $VV > VVC > V > VC$. При этом случай такого сокращения одновременно указывает на разделение слоговой моры между гласным и согласным (mora sharing).
3. Что касается согласных, то они в обоих языках должны вести себя сходным образом: в хинди они всегда привносят мору, а в малаялам разделяют; значит длительность согласных в хинди и малаялам не должна быть зависима от длительности соседнего гласного.

Результаты фонетического исследования (Broselow, Chen & Huffman 1997: 53) подтвердили эти положения. Действительно в хинди относительно постоянна длительность как гласных так и согласных; в малаялам же, напротив, длительность согласных постоянна, а гласные позиционно сокращаются в закрытых слогах.

Иное мы видим в арабских диалектах, фонология которых, наоборот, предполагает переменчивый статус слоговой финали.

Для левантийских арабских диалектов предполагается,

что слоги могут быть только двумерными и одномерными. При этом возможны варианты: CV – одномерные; CVV, CVC, CVVC – двумерные. В последнем случае гласный разделяет мору с согласным, потому что иначе либо слог был бы трёхмерным, либо гласный не был бы долгот. Такое положение вещей объясняется так, что длительность краткого гласного должна быть постоянна, тогда как долгий позиционно сокращается в закрытом слоге. Одновременно это означает, что длительность согласного, разделяющего мору с долгим гласным, должна быть меньше, чем у идущего после краткого гласного. Т.е.: $VV > VVC > V = VC$ и $VVC < VC$.

Наконец в египетском арабском языке перегруженные слоги CVVC имеют тенденцию сокращаться (в неконечных слогах) в CVC с фонологическим изменением гласного вершины. Нетрудно понять, что это (в отличие от левантского диалекта) предполагает одинаковую длительность закрывающих согласных во всех позициях, что также подтверждается экспериментальным исследованием. Кроме того, гласный в слогах CVC ← CVVC оказывается несколько короче, чем исконный краткий гласный в слогах CVC (Broselow, Chen & Huffman 1997: 61).

Для нас выводы Брозелу, Су-И Чэн и Хаффман особенно ценны тем, что на основании сформулированных типологами закономерностей в фонетической реализации слогов разных типов позволяют предсказать поведение древнегреческих и латинских гласных и согласных с точки зрения их позиционной (нефонологической) длительности.

В частности получается, что древнегреческий язык, свободно допуская перегруженные слоги, но трактовавший их как двумерные наряду с CVV и CVC, попадает под левантский случай, что заставляет предположить позиционное сокращение как гласного, так и закрывающего согласного в них. Но это должно означать и то, что односложные формы, имеющие фонологически долгий дифтонг или монофтонг в закрытом слоге будут особым образом отражать вторую (т.е. последнюю) вокалическую мору: гласный в таких словах будет позиционно сокращаться, его «правая» мора окажется функционально объ-

единённой с кодой слога, выраженной согласным, и это сделает чрезвычайно сомнительной возможность существования в таких словах циркумфлекса. В самом деле: если циркумфлекс фонологичен только тогда, когда он может быть противопоставлен акуту, то для этого категорически необходимо, чтобы каждая из двух вокалических мор слога могла принимать на себя акцент; но «разделяемая мора», надо полагать, принципиально не может быть ударной. Это и делает, наряду с парами $\acute{\omega}\varsigma/\acute{\omega}\tilde{\omega}\varsigma$, невозможным существование пар вида $\acute{\kappa}\acute{\lambda}\acute{\omega}\psi$ /** $\acute{\kappa}\acute{\lambda}\tilde{\omega}\psi$.

Ситуация же с египетским арабским вполне может быть спроецирована и на устройство слога в латинском языке, в котором при сходности ряда процессов происходит как раз вполне типичное (и фонологическое) сокращение долгих гласных в закрытых слогах.

Таким образом, отличительной особенностью древнегреческой просодики оказывается способность слога к разделению вокалической моры между ядром и кодой при сохранении фонологической долготы ядра. По всей вероятности такая способность и служит объяснением сформированной нами выше акцентной закономерности.

Литература

- Белов 2005 – Белов А. М. Вокалическая мора и древнегреческое ударение // *Experimenta lucifera: Материалы III Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла*. Н. Новгород: Изд-во НГУ. С. 65–67.
- Белов 2008 – Белов А. М. Вопрос о морах (оппозиция арифметической кратности в греческом и латинском языках) // *Discipuli magistro* (к 80-летию Н. А. Фёдорова). М.: РГГУ. С. 53–73.
- Белов 2009 – Белов, А. М. Латинское ударение (проблемы реконструкции), М.: Academia.
- Белов (в печ.) – Белов, А. М. «Проблема Феникса»: влияние конечной группы согласных на позицию древнегреческого ударения.
- Соболевский 2000/1948 – Соболевский С. И. Древнегреческий язык. Уч. для высших учебных заведений. СПб: Алетейя.
- Тронский 1962 – Тронский И. М. Древнегреческое ударение. М.; Л.
- Ahrens 1839–43 – Ahrens H. L. *De graecae linguae dialectis*. Vol. 1–2. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

- Bally 1945 – Bally C. Manuel d'accentuation greque. Berne.
- Broselow, Chen, Huffman 1997 – Broselow E., Chen S.-I. & Huffman M. Syllable weight: Convergence of phonology and phonetics // *Phonology*. 14, No. 1. P. 47–82.
- Golston 1990 – Golston C. Floating h (and l*) tones in Ancient Greek // *Arizona Phonology Conference*. Tucson, Arizona: University of Arizona Linguistics Department. P. 66–82.
- Göttling 1835 – Göttling K. W. Allgemeine Lehre vom Accent der griechischen Sprache. Jena: Cröker.
- Kiparsky 2003 – Kiparsky P. Accent, syllable structure, and morphology in Ancient Greek // *Selected Papers from the 15th International Symposium on Theoretical and Applied Linguistics*. Thessaloniki.
- Kretschmer, Locker 1944/1977 – Kretschmer P. & Locker E. Ruckläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kuryłowicz 1958 – Kuryłowicz J. L'Accentuation des langues Indoeuropéennes. Kraków.
- Misteli 1868 – Misteli F. Ueber die accentuation des griechischen // *Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung* 17: 81–134, 161–94.
- Probert 2006 – Probert P. Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory. Oxford Univ. Press.
- Sauzet 1989 – Sauzet P. L'accent du grec ancien et les relations entre structure métrique et représentation autosegmentale // *Langages*. 24. P. 81–113.
- Smyth 1920 – Smyth H. W. Greek Grammar for Colleges. American Book Company.
- Steriade 1982 – Steriade D. Greek Prosodies and the Nature of Syllabification. PhD thesis. MIT, Cambridge (Mass.).
- Steriade 1988 – Steriade D. Greek accent: a case for preserving structure // *Linguistic Inquiry*. 19. No. 2. P. 271–314.

Argumentvm

In Graeca antiqua lingua, plerumque in eius dialecto Attica, regula quaedam reperitur, ut nulla sit uox monosyllabica, quae in duplicem consonantem exeat similiterque circumflectatur. Quae regula, quomodo haberi possit, hoc in articulo tractatur. Ego quidem id causam esse censeo, quod antiquae Graecae syllabae, quamquam cum longae tum breues, cum oclusae tum apertae esse poterant, tamen aut unum, aut duo, neque plus, tempora, nunc *moras* nuncupatas, habuerunt. Quam ob rem, syllaba si ipsa longa atque uocalis eius producta erant, alteram moram suam inter uocalem et instantem consonantem diuidebat. Talis igitur mora, inter duas syllabae partes diuisa, nullo modo acui potuisse uidetur neque duas syllaba circumflecti. Inter eos autem, qui *typologi* nunc appellantur, etiam alias linguas, e.g. Arabicam, esse constat, in quibus una mora duobus elementis recipiatur.

А. В. Белоусов

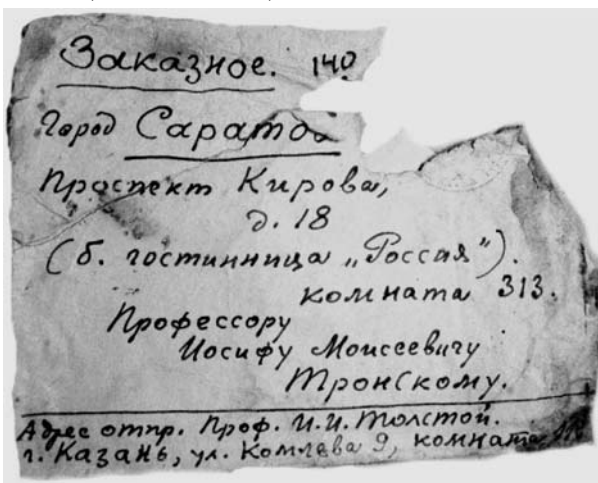
И. И. Толстой – И. М. Тронскому: письмо 1943 года¹

Публикуемое ниже письмо является не просто еще одним частным документом военного времени. Из всего того, что суровая эпоха могла донести до нас о жизни семьи известного филолога-классика акад. Ивана Ивановича Толстого, единственным прямым свидетелем оказывается лишь это письмо. Письмо о боли и надеждах ученого, потерявшего к этому времени жену и сына. Архив И.И. Толстого в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии Наук (ПФА РАН) на удивление не имеет никаких свидетельств из жизни Толстых во время войны. Главными прямыми источниками поэтому для нас оказывается «Автобиография» И. И. Толстого, написанная им в 1949 году (Толстой 1949), воспоминания его дочери Людмилы Ивановны (Толстая 2005) и это письмо.

Осенью 1941 г. пришло сообщение о смерти сына И.И. Толстого Ивана, который по предположению семьи погиб «где-то в районе Пулковских высот» (Толстая 2005: 304). Уже в конце декабря этого года И. И. был поражен тяжелой дистрофией, Софию Венедиктовну в январе 1942 постиг инсульт, а весной дочь слегла с цингой (Толстая 2005: 306). Иван Иванович долго не соглашался уезжать из Ленинграда, веря в то, что Красная армия не сдаст город врагу. В марте 1942 г. И. И. утверждается в должности старшего научного сотрудника Института истории литературы Академии Наук, а в апреле в составе эшелона работников этого института, выезжает из Ленинграда в город Казань, «где и прожил время эвакуации, вернувшись

¹ Опубликовать это письмо меня вдохновляла Наталья Александровна Чистякова, в собственности у которой оно и находилось. Светлой памяти Н.А. и ее учителей посвящаю эту публикацию. Выражаю искреннюю благодарность Н. Н. Казанскому и И. В. Тункиной за помощь в процессе работы над этим документом.

обратно в Ленинград в конце июля 1945 г.» (Толстой 1949). Семья И. И. покинула Ленинград летом 1942 г. По дороге в Казань «из-за чудовищных антисанитарных условий» (Толстая 2005: 306) все члены семьи, кроме Людмилы Ивановны, заболевают дизентерией. Через три дня по прибытии в Казань 31 июля 1942 г. София Венедиктовна умирает в больнице (Толстая 2005: 307; Толстой 1997: 149). Об этих событиях, начиная со смерти жены, и дальше, И. И. пишет И. М. Тронскому и его жене Марии Лазаревне в Саратов, куда был эвакуирован Ленинградский университет (Демина 2004).

Заказное.

Город Саратов. 140

Проспект Кирова,

д.18

5 (б. гостиница «Россия»).

комната 313.

Профессору

Иосифу Моисеевичу

Тронскому.

10 Адрес отпр. Проф. И.И. Толстой.

г. Казань, ул. Комлева 9, комната 11

{Текст письма:}

*Всем товарищам передайте, пожалуйста, мой
сердечный привет. Людм. Ив.² и Ляля³ благодарят Вас за память.*

Казань. Улица Комлева 9, комн. 11. 2 IV 43

Дорогой Иосиф Моисеевич!

*Горячо благодарю Вас за Ваше письмо и очень
жалею, что два первых Ваших письма не дошли до
меня. Нарисованная Вами несколькими фразами
5 картина живо перенесла меня в обстановку Ва-
шей саратовской жизни. Стремлюсь, однако, узнать
подробности, о Вас, Марии Лазаревне⁴, Вашей племянни-
це, о товарищах. Кто декан? С нетерпением буду
ждать (впрочем, как долго будет оно идти!) от
10 Вас нового письма. О собственной своей жизни мне
в двух словах не сказать Вам: сложно, спутанно,
противоречиво, контрастно. Главного мне объяснить
Вам нечего. Вы хорошо знаете, как я был привязан
к Софье Венедиктовне⁵, и потому понимаете без коммен-
15 тариев, что обрушившийся на меня удар был стра-
шен. Прошло больше полугода, а я до сих пор не
могу прийти в себя. Я здорово постарел, и физически,
и духовно. Первый месяц я просто был не человеком,
а какой-то тенью. За всю свою прежнюю жизнь
20 я, понимаете ли, даже и не подозревал,
что можно, вообще, так невероятно-мучительно,
так безнадежно, так невыразимо-ужасно страдать.
Отвлекался хождением на кладбище, устройством
могилы, постановкой плиты. Похоронила Софью
25 Венедиктовну Академия на свой счет. И сейчас я*

² Людмила Ивановна Толстая – сестра И. И. Толстого

³ Людмила Ивановна Толстая (1922–2006) – дочь И. И. Толстого.

⁴ Тронская (Троцкая) Мария Лазаревна, урожденная Гурфинкель (1896–1987) – филолог-германист, профессор ЛГУ. Жена И. М. Тронского.

⁵ Меликова-Толстая Софья Венедиктовна (1885–1942) – филолог-классик, сотрудник Института языка и мышления АН СССР. Жена И. И. Толстого.

почти каждое воскресенье хожу к ней на могилу. На
могиле я вырезал надпись, на плите из белого камня,
«ΧΑΙΡΕ. Софии Венедиктовне Меликовой-Толстой, ис-
следовательнице истории и поэтики древнегреческого
языка. Ave anīta candida»⁶. ~~Сейчас~~. Смерть жены
на первых порах заглушило все. Потом вернулась
(2 стр.)

ко мне и другая, временно отодвинутая острой
болью от смерти жены, прежняя тоска по ушед-
шем на войну сыне: я все надеюсь, что он
вернется, но, разумеется, верю в это все меньше и
меньше.

Это внутренние противоречия.

<И мы живем, конечно, очень серо, но>⁷ А внешние условия
нашей жизни в Казани, я бы сказал, не так уже
плохи: по-видимому, они все-таки лучше саратов-
ских. Живем, как и Вы, в общежитии, в б. Дворце
Труда, большом доме, где все более менее друг
с другом знакомы. Живем мы, однако же, доволь-
но-таки независимо. Тех мелких сплетен
и дрязг, какими живет провинция, здесь, в суц-
ности, нет, - может быть, потому, что Ака-
демия Наук это не учебное заведение, а громад-
ное, разбитое на множество больших и малень-
ких институтов, научно-административное
учреждение. «Профессорской» нет, «кафедр» нет,
деканов тоже нет. Не с кем и не о чем су-
дачить – персонально. Обстановка иная, чем на
факультете. Люди ходят в свои лаборатории,
в библиотеку, или работают, если могут и
хотят, дома; но все это тонет в колоссаль-
ной фабрике науки. Это не школа, не лавочка,
не исследовательский институт, а огромный уни-
вермаг. Центральный аппарат, кабине-

⁶ К сожалению, могилу С. В. Меликовой-Толстой на Арском кладбище г. Казани отыскать нам не удалось.

⁷ Слова <И мы живем, конечно, очень серо, но> написаны над строкой.

ты президиума, финчасть, канцелярия, помещается во втором этаже прекрасного по
 60 архитектуре здания Казанского Университета, построенного в 1835 году. Во дворе старая и по нашему предмету очень неплохая университетская библиотека. Мы втроем, Людмила Ивановна, Ляля и я, занимаем просторную комнату в два окна на тихую ули-
 65 цу в европейской части города. Зимой было тепло, т.к. (3 стр.)

имелись дрова. Соединенными усилиями научных работников боролись за чистоту уборных, состояние которых при нашем въезде было кошмарно: нельзя было войти, делалось дурно от одного вида. И доби-
 70 лись мы функционирования водопровода, и чистоты. Пользуемся столовой, хорошей; но к сожалению, Людмила Ивановна, как сестра, не может ею пользоваться. И, вообще, приходится закупать кое-что на рынке, а рынок дорог. И денег не всегда хватает. Неуд
 75 В 42-м году я никаких лекций читать был не в состоянии, но после нового года пришлось взять дополнительную (платную) нагрузку: веду занятия с докторантами ИЛИ по античной литературе и занимаюсь латинским!! (к Вашему сведению!)
 80 языком с двумя докторантками медиэвистками Ак. Наук, москвичками. Читаю с одной из них *de generibus et speciebus* Абеяра. Кроме того, уже для себя, пишу: об античной сказке, нечто,
 85 вроде небольшой монографии. Написал небольшой некролог покойного акад. Мих. Мих. Покровского⁸, умершего здесь в Казани, в августе 42 года. Приходится выполнять и другие еще, дополнительные работы. Подобно Вам, почитываю я здесь и

⁸ Покровский Михаил Михайлович (21.12. 1868 /02.01 1869, Тула – 10.08.1942, Казань) – филолог-классик. Профессор Московского университета (с 1899), академик АН СССР (с 1929), создатель (совместно с С. И. Соболевским) и первый заведующий кафедрой классической филологии в МИФЛИ. Некролог И. И. Толстого: Толстой И. И. Академик Михаил Михайлович Покровский // Известия АН СССР. ОЛЯ, 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 114–119.

90 *старые, хорошие, но не читанные мною <или> в
свое время читанные – забытые, книги.
Из классиков я здесь один. Из филологов здесь
находятся Державин⁹, Обнорский¹⁰, Плоткин¹¹ (наш
95 принципал в ИЛЯ)¹², Скрипиль (секретарь или
помощник замдиректора)¹³, молодой историк-фи-
лолог, занимающийся русскими летописями,
Лихачев¹⁴, фольклористка Астахова¹⁵, византи-
нист Левченко¹⁶ и византийка Липшиц¹⁷. Особо
100 стоят филологи здесьнего университета, Линстер
(западная литература) и Возне-
сенский А.Н. (русская литература), и еще другие. В
(4 стр.)*

*Казани же находится и академик Деборин¹⁸. -
105 Осенью была трагедия с переездом некоторых
институт<ов>. (гуманитарных) в Ташкент. Иным удалось
остаться в Казани, в том числе и мне. Сейчас*

⁹ Вероятно, имеется в виду Константин Николаевич Державин (5/18.02.1903, Батуми – 2.11.1956, Ленинград) – филолог, переводчик и сценарист, сын известного филолога слависта Николая Севастьяновича Державина (1877–1953).

¹⁰ Обнорский Сергей Петрович (14/26.06.1888, Петербург – 13.11.1962, Москва) – филолог-русист, академик АН СССР (1939, член-корреспондент с 1931).

¹¹ Плоткин Лев Абрамович (1905–1978) – литературовед, профессор ЛГУ.

¹² Институт сравнительной истории литератур и языка Запада и Востока при ФОН ЛГУ

¹³ Скрипиль Михаил Осипович (1892–1957) – филолог-славист, профессор ЛГУ.

¹⁴ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) – известный филолог-славист, член (академик) АН СССР, затем Российской академии наук.

¹⁵ Астахова Анна Михайловна (1886 – после 1962) – фольклорист, исследовательница былин.

¹⁶ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) – советский историк-византинист.

¹⁷ Липшиц Елена Эммануиловна (1901–1990) – советский историк-византинист.

¹⁸ Деборин Абрам Моисеевич (1881–1963) – философ-марксист, один из создателей Института философии АН СССР.

на очереди дня переезд москвичей в Москву: ленинградцы остаются в Казани.

110 В заключение, не могу не выразить горячей радости за нашу кафедру, получившую в Вашем лице более чем достойного ее председателя.
115 Крепко жму Вам по этому случаю руку. Ожидаю от Вас письма.
Ваш Ив. Толстой.

Дорогая Мария Лазаревна!

Хочу хоть несколько строк послать и Вам в ответ на Ваши, к сожалению, недошедшие до меня, строки, в которых Вы, очевидно, выражали
120 мне сочувствие друга в постигшем меня великом горе. Крепко, крепко благодарю Вас за них. Дорогая Мария Лазаревна, просто не нахожу слов, чтобы высказать Вам всю меру моих страданий после потери жены;
125 я так любил ее! Мы были с ней, Вы это знаете, такими друзьями!

Но я, все-таки, не хочу сдаваться, хочу работать, приносить, в меру сил своих и своего понимания, какую-то пользу. И, чтобы
130 говорить уже без всяких фраз, ведь надо же мне жить и работать, хотя бы во имя дочери моей и во имя моей сестры. Как жаль, что письма Иосифа Моисеевича с Вашей припиской я не получил.
С искренним уважением дружески Ваш

И.Т.

Литература

- Гринбаум 2005 – Гринбаум Н.С. Воспоминания (Ленинград, 1945–1948 гг.) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. С. 293–301.
- Демина 2004 – Демина Н. А. Санкт-петербургские филологи-классики в Саратове // Cathedra Petropolitana: Межвузовский

- сборник: К 70-летию кафедры классической филологии / Отв. ред. В.С. Дуров. СПб. (Philologia classica. Вып. 6).
Казанский 2005 – Казанский Н. Н. О Софии Венедиктовне Меликовой-Толстой // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. С. 303.
Толстая 2005 – Толстая Л. И. Блокада... блокада... для всех одна и для каждого ее пережившего, своя... // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. С. 304–307.
Толстой 1949 – Толстой И.И. Автобиография // Архив ПФА РАН, ф. 847, 1, 46 (= <http://iling.spb.ru/pdf/liudi/tolstoj.html>).
Толстой 1997 – Толстой И.И. София Венедиктовна Меликова-Толстая // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. СПб. С. 142–150.
Ходорковская 2005 – Ходорковская Б.Б. Иван Иванович Толстой как ученый и как преподаватель // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. С. 302.
Тронский 1958 – Иван Иванович Толстой. Вступ. Статья И. М. Тронского. Библиография составлена Е. В. Заикиной. (Материалы к библиографии ученых СССР). М.
Петровский 1954 – Петровский Ф. А. И. И. Толстой // ИАН, ОЛЯ, 1954. Т. XIII. Вып. 6. С. 570–571.

Казахи. Улица Комлева 9, комн. 11. 2 IV 43.

Дорогой
 Моисей Моисеевич!

Горько благодарю Вас за Ваше письмо и очень
 жалею, что два первых Ваших письма не дошли до
 меня. Карикатуры Ваши нежалькими фразами
 и картинками живо переписала мне в обстановку Ва-
 шей сагановской жизни. Стремлюсь, однако, узнать
 подробности, о Вас, Марии Лозовиче, Вашей племянни-
 це, о товарищах. Кто декад? С нетерпением буду
 ждать (впрочем, как долго будет это идти!) от
 Вас нового письма. О собственном своём творчестве
 в двух словах не скажите Вам: словоно, спутанно,
 противоречиво, контрастно. Главного мне объясните
 Вам этого. Вы хорошо знаете, как я был привлечен
 Софье Цендиктовне, и потому покинула без коммен-
 тариев, это обрушившийся на меня удар был стра-
 шен. Прошло больше полугодия, а я до сих пор не
 могу прийти в себя. Я здоров постарел, и физически,
 и духовно. Мертвый тесно я просто был не человеком,
 а какой-то тенью. За все это предельно тяжело
 я, покинувшие ли, даже и не подозревал, это
 можно, вообще, так невнятно - мучительно, так
 безнадежно, так непонятно - ужасно страдать.
 Отвлекался хозяйскими и кладбишь, утробой своим
 мозгом, постановкой плитки. Похорошил Софью
 Цендиктовну Академии и свой свет. И сейчас я
 почти каждая воспринимать хожу к ней и поэту. Не
 поэту и в душе найдется, на плите из белого камня,
 "ХАИРЕ. Софья Цендиктовна Мениковой - Москвитин, и
 следовательно и поэту и поэту древнеурусского
 языка, Ave Anita candida". ~~Слова~~ Смерть не
 на первый черед задумываю всё. Потом вернулся

Первая страница письма.

Кожанки мне находились в академии Деборин. —
 Осеню была перебралась с переводом некоторых
 институт. (гуманитарных) в Сталинск. Очень удачно
 остались в Кожанки, в то же время и мне. Сейчас
 и очереди дня через Москву в Москву: ле-
 жим в очереди в Кожанки.

В заключение, не могу не выразить горячей ра-
 досты за нашу кафедру, получившую в Вашем
 лице более чем достойного ее председателя.
 Крепко люблю Вам по душе спасибо. Отпи-
 сано от Вас письма.

Вам И. И. Толстой.

Дорогая Мария Лазаревна!

Хочу хотя несколько строк написать к Вам и
 ответить на Ваши, к сожалению, недошедшие до
 меня, строки, в которых Вы, очевидно, выразили
 мне сочувствие друга в постигшем меня ве-
 ликом горе. Крепко, крепко благодарю Вас за
 них. Дорогая Мария Лазаревна, просто не нахо-
 жу слов, чтобы рассказать Вам всю меру мо-
 их переживаний после потери матери; а так
 и глобы ее! Мы были с ней, Вы это знаете,
 тесными друзьями!

Но я, всё таки, не хочу сдаваться, хочу ра-
 ботать, приносить, в меру сил своих и
 свое понимание, какую-то пользу. И, чтобы
 говорить уже без всяких фраз, ведь надо же
 мне жить и работать, хотя бы во имя
 отца моего и во имя моей сестры. Как
 знаете, это же писала Москва Москвички
 в Вашей переписке и не получила ответа.

С искренним уважением друг И. И. Толстой.

Последняя страница письма.

G. Blažienė

Einige Bemerkungen zur Altpreußischen Namenforschung

Резюме. Несколько заметок об исследовании древнепрусской ономастики. Имя древних пруссов впервые упомянуто в исторических источниках IX века. В списке так называемого Баварского географа оно зафиксировано как *Bruzi*. В последующие века это имя в разных источниках часто использовалось и стало частью европейской истории. Его часто употребляли путешественники, соседи немцы и поляки. Также оно встречается в русских летописях того времени. В памятниках древнепрусского языка нет отдельного слова для обозначения пруссов. Здесь можно найти только имя прилагательное *prūsiskan* «прусский» и наречие *prūsiskai* «по-прусски».

Древние пруссы в XII–XIII веках жили на обширных территориях сегодняшней Польши и на части территории Калининградской области. Западной границей древнепрусских земель была река Висла. Доказано, что поселения древних пруссов находились и к западу от Вислы. Позже были попытки найти следы балтов у Эльбы. Эти попытки известнейший индоевропеист и балтист В. П. Шмид назвал новой болезнью – панбалтизмом. Ученик Шмида Ю. Удольф со своей последовательницей К. Каземир, объясняя ономастикон Нижней Саксонии, успешно опирались на данные балтийского и в частности древнепрусского ономастикона.

Древние пруссы, на которых в XIII в. напал немецкий Орден, подверглись германизации, но бесследно не исчезли. Они оставили памятники письменности: два словаря и три редакции лютеранского катехизиса, некоторые фрагменты и многочисленные данные ономастики, топонимы и антропонимы. О значении последних для исследований лексики древнепрусского языка и пойдет речь.

Ключевые слова: балтийские языки, прусский язык, древнепрусская ономастика.

Der Name Altpreußen tauchte in den geschichtlichen Quellen zum ersten Mal in der Liste des sogenannten Bayerischen Geographen aus dem 9. Jh. als *Bruzi* auf. In den verschiedensten Quellen in unterschiedlicher Gestalt verwendet, wurde er zum Bestandteil der europäischen Geschichte.

Besonders in Berichten von Reisenden, bei den deutschen und polnischen Nachbarn und auch in den russischen Chroniken fand er des Öfteren Erwähnung. Daraus geht hervor, dass alle, die den Namen der Altpreußen verwendeten, in Kontakt mit den Namensträgern standen. In den Sprachdenkmälern der Altpreußen kommen nur das Adjektiv *prūsiskan* in *prūsiskan tautan* „im Lande zu Preußen“ und das adjektivische Adverb *prūsiskai* „preußisch“ vor. Die beiden Wörter sind von einem Substantiv, wahrscheinlich **prūs-ai* „Preußen“, mit dem Suff. **-isk-* abgeleitet. Die Litauer nennen die Altpreußen *prūsai*, die Letten *prūši*. Letztere kennen auch die Form *prūsi*, die wahrscheinlich älter und sehr selten ist (Mažiulis 1966: 14–15).

Die alten Preußen bewohnten im 12.–13 Jh. weite Teile des heutigen Polen und des Kaliningrader Gebietes – des ehemaligen Ost- und Westpreußen. Im Norden grenzte ihr Siedlungsgebiet an die Ostsee und die Memel, im Osten an die Memel und die Ländereien der Sudauer- Jatwinger sowie der Litauer, im Süden an Polen, im Westen ganz grob an das Weichselmündungsgebiet. Es ist bewiesen, dass altpreußische Siedlungen auch westlich der Weichsel zu finden waren.

Versuche, Spuren des Baltischen sogar an der Elbe zu finden, bezeichnete Wolfgang. P. Schmid (1987: 5) als neue Krankheit, die er „Panbaltismus“ nannte. Schmid meinte damit die Versuche von Hermann Schall (1962: 56–61; 1963: 385–404; 1964–1965: 123–170). Der russische Sprachwissenschaftler Vladimir N. Toporov folgte in großen Zügen den Auffassungen Schalls (1966: 103–111; 1966: 255–263). 1999 behandelte Jürgen Udolph (1999: 501–502), ein Schüler Schmidts, in seinem Beitrag „Baltisches in Niedersachsen?“ den Ortsnamen *Lühnde* im Kreis Hildesheim: 1117 *in villa Lulende*, 1147 *in Lulende* usw. Als mutmaßliche Grundform wird **Lulende* angesetzt und diese mit Baltischem verglichen: 1331 altpreußisch *Lulegarbis*, *Lulegarbs*, lit. *liulýnas* „guelbiger Wiesen- und Moorgrund“. Vgl. auch den lit. Seennamen *Liülenčia*, lit. *liulėti* „schwanken, quabbeln, sich geleartig bewegen“. Ferner wird als indogermanische Vorlage **Lulint-* vorgeschlagen. Udolph fasst die Ableitungsgrundlage als *-l-* Erweiterung zur idg. Wurzel **leu-*, **lu-* „Schmutz, Dreck, Morast“ auf. Für Udolph und seine Schülerin Kirstin Casemir stellt sich 2006 die Frage „Baltisches in Niedersachsen?“ nicht

mehr, es ist bereits eine Aussage. Im Beitrag „Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung“ wird der Ortsname *Ilten* (Hannover) angeführt: (1225–1247) *Obricus de Ilthene*, 1240 *Iltene*. Der Name wird als zusammengesetzter Name betrachtet, mit germ. **tūna-* „Siedlung, Stadt; Zaun“ im Grundwort und slawisch *il-* „Lehm, Schlamm“ im Bestimmungswort (Casemir, Udolph 2000: 125). Ein derartiges Appellativ kannte das Baltische und zwar in Gestalt des im Jahre 1341 als *Ilauia* belegten späteren *Eylau*. Die Belege lassen als Grundform *Īl-av-* zu, wo **īl-* mit lett. *īls* „stockfinster“ oder mit slav. *ilv* „Schlamm“ in Verbindung gebracht werden kann (Blažienė 2005: 159–160). Dem Ortsnamen *Duderstadt* liegt ein Flussname **Dudava* zugrunde, der mit Flussnamen wie *Dautphe* zu verbinden ist, die in den baltischen Gewässernamen *Dūdā*, *Dūdupys* Entsprechungen besitzen und zur idg. Wurzel **dheu-dh-* „durcheinanderwirbeln, schütteln, verwirren“ gehören (Casemir / Udolph 2006: 123). Neueste Untersuchungen haben bewiesen, dass manche Ortsnamen des süd- und südostniedersächsischen Raumes mit baltischen zu verbinden sind.

Im 13. Jh. überfällt der deutsche Orden altpreußische Gebiete. 1257 wird anstelle der altpreußischen Flieburg *Tuwangste*, *Twangste* eine neue Burg namens *Coningsberg*, *Conigsberg*, später *Königsberg* (nach dem Zweiten Weltkrieg *Kaliningrad*) gebaut. Im 14. Jh. kommt die Hauptmasse der deutschen Kolonisten, deutsche Bauern aus Niederdeutschland und Mitteldeutschland, in die vom Orden eroberten altpreußischen Gebiete. Der Prozess der Germanisierung beginnt. Im 16. Jh. steigt mit der Reformation das Interesse für die altpreußische Sprache. Es folgen die Übersetzungen der Katechismen ins Altpreußische. Im Jahre 1667 ist laut einer Anmerkung auf dem Titelblatt des in Petersburg befindlichen Exemplars des 2. Katechismus der einzige alte Mann gestorben, der noch Altpreußisch konnte. „Diese alte Preusnische Sprache ist nuhnmehr gantz und gar vergangen wordne. Anno 1677 ein einziger alter mann auf der Curischen Nährung wohnend, der sie noch gekont, gestorben, doch sollen noch solche daselbst sein“ (Trautmann 1910: VIII). Es wurde festgestellt, dass das Altpreußische auch im 18. Jh.

gesprochen wurde. 1709 gab es im Samland noch Altpreußisch sprechende Bauern (Blažienė 2000: 8).

Die Altpreußen, genannt *senprūsiai*, *senprūši*, *древние пруссы*, *Old Prussian*, *vieux prussiens*, *Altpreussen*, sind nicht spurlos verschwunden. Die altpreußischen Sprachdenkmäler umfassen 2 Wörterbücher, 3 Redaktionen des lutherischen Katechismus, einige Fragmente. Etwa 1800 Wörter und zahlreiche onomastische Angaben stehen zur Verfügung.

Ungeachtet der spärlichen Denkmäler bewegt das Altpreußische die Gemüter der Indogermanisten, Baltologen und Pruthenisten. In der ganzen Welt befassen sie sich mit Altpreußischen, in einigen Ländern sogar sehr intensiv.

Das älteste Sprachdenkmal der baltischen Sprachen überhaupt, das „Baseler Epigramm“, wurde vom Amerikaner Stephen C. McCluskey erst 1974 in der Öffentlichen Bibliothek der Universität Basel entdeckt. 1997 stellte Pietro U. Dini (1997: 53–60) zwei neuentdeckte Wörter aus dem *Thesaurus Polyglotus* (1603) von Hieronymus Megiser vor. Diese Wörter sind *berschge* „Barsch“, vgl. lit. *bėrškis*, *biėrškis* „Barsch“, und *gayno* „Marder“. Im Elbinger Vokabular hat man für Marder *caune*, vgl. lit. *kiáunė*, lett. *cauna*. 2001 legte die Autorin in Vilnius einige Neufunde vor, die bis jetzt als Ortsnamen betrachtet worden waren: *wynxene*, *prestige*, *gertwaygen*. Sehr interessant sind folgende Auszüge aus den Ordensfolianten 109 und 111: um 1400 *Thomas Natawen X morgen in der prestige 1 hube in der wynxene II huben... 1 morgen gelegen zwischen dem hofe und dem Preger... XX morgen gelegen in dem gertwaygen...*(OF 109 42), um 1400 *Thomas Natawen X morgen in der prestige 1 hube in der wynxene... gelegen zwischen dem hofe und dem Preger... XX morgen gelegen in dem gertwaygen...* (OF 111 24). Eine vertiefte und eingehende Beschäftigung mit den beiden Folianten lässt die Schlussfolgerung zu, dass es in diesem Fall nicht um Ortsnamen, sondern um die altpreußischen Appellativa *prestige*, *wynxene*, *gertwaygen* gehen könnte. Bei *wynxene* ist von einem Ansatz **vinks-* auszugehen, zu lit. *vinkšna* „Ulme; *ulmus campestris*“ (LKŽe), vgl. lett. *vīksna* „Ulme“ (LVV IV 636). In diesem Fall geht es wohl um ein altpreußisches Appellativum **vinksnīne* in der Bedeutung „Platz, Ort, wo viele Ulmen wachsen“. Bei *gertwaygen* **gertā-vaj-* oder **gertā-vaig-* handelt es um eine Zusammensetzung,

mit altpreußisch *gerto* „Henne, Huhn“ im Bestimmungswort und altpreußisch *waygis* „Dieb“ oder apreuß. *wayos* „Wiesen“ im Grundwort. Es ist eher an **gertā-vaj-* in der Bedeutung „Wiesen einer Henne, eines Huhns“ zu denken. *Prestige* bleibt vorläufig unklar. Gerullis (1922: 135), der diese Appellativa als Ortsnamen besprochen hatte, schlug die Lesung *Presluge* vor und betrachtete den Namen als eine Ableitung: apr. Präfix *prei* „bei“ und lit. *žliūgas* „Sumpf, Schlamm, verfaulter Baum im Wasser“. Reinhold Trautmann (1925: 149) hat das Wort als *Prestige* gelesen.

In seinem Buch „Baltų kalbos“ („Die baltischen Sprachen“) unterstreicht Dini (2000: 247), dass die Liste der altpreußischen Sprachdenkmäler unvollständig ist. Die erwähnten Neufunde bestätigen diese Behauptung ebenso wie die neuen Entdeckungen auf dem Gebiete der altpreußischen Onomastik. Zu erwähnen sind die Arbeiten der polnischen Ortsnamenforscher Hubert Górniewicz, Maria Biolik, Anna Pospiszyłowa, Rozalia Przbybytek, die in ihren Arbeiten neuentdeckte altpreußische Gewässernamen und Ortsnamen aus schriftlichen Quellen präsentieren. Der Autorin dieses Beitrages ist es gelungen, den Forschern des altpreußischen bzw. baltischen und indogermanischen Namengutes viele neuentdeckte altpreußische Oikonyme vorzustellen. Sie stützte sich dabei auf handschriftliche Quellen wie Ordensfolianten, Ostpreußische Folianten und andere Urkunden, die sich jetzt im Geheimen Staatsarchiv „Preußischer Kulturbesitz“ in Berlin befinden. Man darf auch den Ukrainer Anatolij Nepokupnyj nicht vergessen, der in seinem Buch „Balto-severo slavjanskije jazykovyje svjazi“ (1976: 114–128) neuentdeckte altpreußische Personenamen anführt, so z. B. *Pippelk*, 1517, das auf altpreußisch *pipelko* „Vogel“ zurückgeführt werden kann. (ibid. 118).

Die altpreußischen Eigennamen können als Quelle der altpreußischen Lexik betrachtet werden. Das haben die großen Forscher des altpreußischen Namengutes erkannt. 1873 gibt Georg Heinrich Ferdinand Nesselmann den „Thesaurus linguae Prussicae“ heraus, mit dem Untertitel „Der preussische Vocabelvorrath soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter Localnamen gesichtet und zusammengestellt“. Es sei auch

daran erinnert, dass Erich Berneker in seinem Werk „Die Preussische Sprache. Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch“ unterstreicht, von einer Benutzung der Orts- und Personennamen, der Provincialismen und der dürftigen preussischen Glossen aus Urkunden gänzlich abgesehen zu haben (1896: IX). Auch der bekannte lettische Sprachforscher Jānis Endzelīns behandelt 1943 in seinem Buch „Senprūšu valoda. Ievads, grammatika un leksika“ („Altpreußische Sprache. Einführung, Grammatik und Lexik“) viele altpreußische Eigennamen. So rekonstruiert er Wurzeln wie *darg-* aus den altpreußischen Personennamen *Dargute*, *Darguse*, *Dargel*, *Dargil* und *Wissedarge*, stellt sie zu lett. *dārgs*, russ. *допог*, serb. *dpâg* „teuer“ (1982 [1943] : 194). Einer der herausragendsten Forscher der altpreußischen Sprache, Vladimir N. Toporov, führt in seinem thesaurusartigen Werk „Prusskij jazyk. Slovar’“ (Buchstaben A–L, 1975–1990) alle altpreußischen Eigennamen an, die bei Gerullis und Trautmann verzeichnet sind. Er berücksichtigt auch die neuesten Arbeiten wie die von Biolik und Pospiszylowa. Im fünften Band des Wörterbuches (1990: 63) wird anhand von solchen altpreußischen Ortsnamen wie *ville nomina Landow*, 1378 aus dem Faszikel von Pospiszylowa ***land-av** rekonstruiert. Vytautas Mažiulis schenkt den altpreußischen Eigennamen in seinem vierbändigen Werk „Prūsų kalbos etimologijos žodynas“ („Etymologisches Wörterbuch des Altpreußischen“) (1988–1997) große Aufmerksamkeit. Den größten Teil der altpreußischen Appellativa rekonstruiert Mažiulis aus Eigennamen, so apr. **laumā* „Fee, Hexe“ aus dem Namen des Berges *Laumygarbis*, belegt 1339, vgl. lit. *laūmė*, lett. *laūma* „Hexe; Erdgöttin der heidnischen Letten“ (1996: 51–52). Eine der Aufgaben der Namenforschung liegt in der Erfassung des toponymischen Wortschatzes, dessen Bedeutung für die historische Lexikographie nicht zu unterschätzen ist. Diesen Weg sind die deutschen Namenforscher gegangen. Auf die Bedeutung namenkundlicher Untersuchungen für die Lexikologie wird wiederholt hingewiesen.

Man darf nicht vergessen, dass die altpreußische Sprache ausgestorben ist, die älteren Sprachdenkmäler fehlen. Die altpreußischen Eigennamen, verzeichnet in den handschriftlichen Urkunden, sind erheblich älter als die Sprachdenk-

mäler. Die ersten Eigennamen sind in Dokumenten Mitte des 13. Jh. verzeichnet. Bei der Erschließung der lexikalischen Basen stößt der Pruthenist und Namenforscher auf verschiedene Schwierigkeiten. Aus der Reihe der überlieferten Namenformen soll die altpreußische Form rekonstruiert werden, wie sie zur Zeit der Eindeutschung ausgesprochen wurde. Bei der Erforschung des Altpreußischen überhaupt und des altpreußischen Namengutes im Besonderen darf nicht übersehen werden, dass die altpreußischen Sprachdenkmäler unter dem Einfluss der deutschen Sprache und ihrer Mundarten standen. Die altpreußischen Eigennamen wurden durch die deutschen Mundarten beeinflusst, sie wurden lautlich adaptiert und verändert. Die Pruthenisten müssen sich immer wieder mit Interferenzerscheinungen auseinandersetzen. Die Frage bleibt offen, inwieweit die deutsche und auch die polnische Sprache das Altpreußische beeinflusst haben. Die Methoden der Erschließung der phonologischen Struktur und der Wortbildung durch genaue Analyse der Graphem-Phonem-Beziehungen und der Integrationsprozesse bei der Übernahme der altpreußischen Namen ins Deutsche und Polnische sind noch nicht präzise genug, um richtige Schlussfolgerungen ziehen zu können. Bei jedem einzelnen Namen müssen die lokalen Schreibtraditionen, die Entwicklung der Mundart berücksichtigt werden. Nicht in allen Fällen gelingt die Feststellung eindeutiger Grundformen bzw. der in den Namen enthaltenen appellativischen Basen. Manchmal fällt die Entscheidung schwer, ob dem Ortsnamen ein Appellativum oder ein Personennamen zugrunde liegt. Z. B. umfasst die Belegreihe des späteren **Godrienen** im Kreis Königsberg (Kaliningrad) folgende Belege: 1420 *Codrinen* OF. 162 26^r, 32; 1425 *Codrinen der krezem*, *Codrynen das dorff* OF. 164 7, 34; 1437/38 *Codrynen der kreczemer* OF. 131 170; 1507 *Codrin* OF. 134 77³; 1508/09 *Codrin* OF. 135 3^r; 1785 *Godrienen* Goldbeck, VT. 56; [1893] *Godrienen* OV. 146; 1802 *Godrienen* Schroetter VI; 1933 *Godrienen* 51; [1939] *Godrienen* 42; 1976 *Laskino* 210: apr. Name **Kudr-ĭn-*, zu einem Personennamen und Suffix. *-ĭn-. Vgl. die apr. PN. *Kudir*, *Kuder* und *Codruno*. Man könnte diesen Ortsnamen wohl mit dem Appell. lit. *kūdra* „Schmutz, Schlamm, Sumpf, Teich, Weiher, Wassergrube“ (LKŽe), vgl. lett. *kūdra* „Torf“ (LVV II 332) in Verbindung

setzen. Vgl. die lit. Gewässernamen *Kūdrà*, *Kūdrėlė*, *Kūdriùkas* (LUEV 81; Vanagas 1981: 169), die lett. Ortsnamen *Kūdras*, *Kūdrēji*. Die Ausgangsform wäre dann **Kūdr-īn-* (Blažienė 2005: 66).

Die altpreußischen Eigennamen, Bestandteil des Sprachsystems, sind untrennlicher Bestandteil des Gesamtwortschatzes der Gemeinsprache und sollen als Objekt selbständiger Untersuchungen betrachtet werden. Sie geben Auskunft über die altpreußische Sprache selbst und über die Geschichte des Landes (Blažienė 2010: 184–185).

Literatur

- Berneker E. 1986: Die preussische Sprache. Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch, Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Biolik M. 1989: Zuflüsse zur Ostsee zwischen unterer Weichsel und Pregel (= Hydronymia Europaea 5), Stuttgart: Franz Steiner.
- Biolik M. 1992: Toponimia byłego powiatu Ostródzkiego, Gdańsk: Wydawnictwo Gdańskie.
- Biolik M. 1993: Namen der stehenden Gewässer im Zuflußgebiet des Pregel und im Einzugsbereich der Zuflüsse zur Ostsee zwischen Pregel und Memel (= Hydronymia Europaea 8), Stuttgart: Franz Steiner.
- Biolik M. 1996: Die Namen der fließenden Gewässer im Flußgebiet des Pregel (= Hydronymia Europaea 11), Stuttgart: Franz Steiner.
- Blažienė G. 2000: Die baltischen Ortsnamen im Samland (= Hydronymia Europaea, Sonderband II), Stuttgart: Franz Steiner, 2000.
- Blažienė G. 2005: Baltische Ortsnamen in Ostpreußen (= Hydronymia Europaea, Sonderband III), Stuttgart: Franz Steiner.
- Blažienė G. 2010: Prūsų vardyno tyrimo problemos. – Florilegium Lithuanum. Mokslo straipsnių rinkinys, skirtas Lietuvos mokslų akademijos nariui ekspertui, profesoriui dr. Eugenijui Jovaišai 60-mečio proga, Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 173–185.
- Casemir K., Udolph J. 2006: Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung // Baltų onomastikos tyrimai, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 114–136.
- Dini P. U. 1998: Zwei neue altpreußische Wörter im Thesaurus Polyglottus (1603) von Hieronymus Megiser // Colloquium Pruthenicum secundum, ed. by W. Smoczyński, Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 53–60.
- Dini P. U. 2000: Baltų kalbos. Lyginamoji istorija, Vilnius: Mokslo ir leidybos institutas.
- Endzelīns J. [1943], 1982: Senprūšu valoda. Ievads, gramatika un leksika // Darbu izlase IV, 2. Rīga: Zinātne, 9–351.

- Gerullis G. 1922: Die altpreussischen Ortsnamen, Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Goldbeck, VT. = Goldbeck J. F. 1785: Vollständige Topographie des Königreichs Preußen. I, Königsberg: Kanter und Gelehrten.
- Górniewicz H. 1980: Toponimia Powisła Gdańskiego, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich wydawnictwo.
- LKŽe = Lietuvių kalbos žodynas im Internet.
- LUEV = 1963: Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- LVV = Mülenbachs K. 1926–1932: Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, Bd. 1–4, Rīga: Izglītības ministrija, Kultūras fonds.
- Mažiulis V. 1988–1997: Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I Vilnius: Mokslo; II–III Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla; IV Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Nepokupnyj A. 1976: Balto-severoslavjanskije jazykovyje svjazi, Kijev: Naukova Dumka.
- Nesselmann G. H. F. 1873: Thesaurus linguae Prussicae, Berlin: Harwitz & Grossmann.
- OF = Ordensfolianten aus dem GstA PK.
- OV = [1893]: Orts-Verzeichnis nebst Entfernungstabelle der Provinz Ostpreussen, Bonn: Bonn's Buch- und Kunst-Handlung.
- Pospiszylowa A. 1990: Toponimia połudnowej Warmii: nazwy terenowe, Olsztyn: Wydawnictwo Wyszei szkoły w Olsztynie.
- Pospiszylowa A. 1987: Toponimia połudnowej Warmii: nazwy miejscowe, Olsztyn: Pojezierce.
- Przybytek R. 1993: Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens (= Hydronymia Europaea, Sonderband), Stuttgart: Franz Steiner.
- Schall H. 1962: Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel. – Forschungen und Fortschritte, Bd. 36, Nr. 2, 55–61.
- Schall H. 1963: Baltisch-slawische Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel // Atti e Memorie del VII Congresso internazinale di scienze onomastiche, Firenze: Istituto di Glottologia dell'Università degli Studi, II, 385–404.
- Schall H. 1964–1965: Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // Kuhns Zeitschrift 79, 123–170.
- Schmid W. P. 1987: Beiträge zur Bestimmung der baltischen Westgrenze // Baltistica XXIII (1), 4–12.
- Schroetter VI = Schroetter F. 1802: Karte von Ostpreußen nebst Preussisch-Litauen. Maßstab 1: 1500000, Blatt VI, Berlin: Simon Schropp & Co.
- Trautmann R. 1910: Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Einleitung, Texte Grammatik, Wörterbuch, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Trautmann R. 1925: Die altpreussischen Personennamen, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

- Udolph J. 1999: Baltisches in Niedersachsen? // *Florilegium linguisticum*. Festschrift für Wolfgang P. Schmid zum 70. Geburtstag, hrsg. von E. Eggers, J. Becker, J. Udolph, D. Weber, Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien: Peter Lang, 493–508.
- Vanagas A. 1981: *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*, Vilnius: Mokslas.
- [1939]= *Neues Ortsnamenverzeichnis von Ostpreussen mit den alten und neuen Ortsnamen*, Königsberg: Gräfe und Unzer.
- 1933 = *Ortschaftverzeichnis von Ostpreussen. Stand vom 1. Dezember 1933*, Königsberg: Gräfe und Unzer.
- Непокупный А. 1976: Балто-северославянские языковые связи, Киев: Наукова Думка.
- Топоров В. 1966: К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // *Baltistica* 1(2), 103–111.
- Топоров В. 1966: О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы. *Slavica Pragensia* 8, 255–263.
- Топоров В. 1975–1990: *Прусский язык. Словарь*, 1–5, Москва: Наука.
- 1976 = *Населённые пункты Калининградской области. Раздел II. Алфавитный список бывших населённых пунктов с указанием современных наименований и территориальной принадлежности*, Калининград: Калининградское книжное издательство.

Н. А. Бондарко

**О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ: МЕЙСТЕР ЭХКАРТ И
ФРАНЦИСКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В CODEX SANGALLENSIS 955***

Резюме. В докладе рассматривается небольшой немецкий текст с изречениями Мейстера Экхарта (1260–1327) о мистическом союзе Бога и души в рукописи Санкт-Галленской монастырской библиотеки Cod. Sang. 955 1-й пол. XV в. На основе сопоставления этого текста с анонимным трактатом о божественной любви францисканского происхождения, сохранившегося в той же рукописи, рассматриваются унифицирующие черты языковой и содержательной рецепции старой цистерцианско-францисканской мистической традиции и новаторских идей «рейнской мистики» в позднесредневековых сборниках духовной прозы.

Ключевые слова: немецкая средневековая мистика, рукописная традиция, Мейстер Экхарт, божественная любовь, рождение Бога в человеческой душе, францисканская духовная проза, стереотипные языковые структуры.

Характерной особенностью бытования памятников немецкого мистического богословия XIV в. в позднесредневековой рукописной традиции является их частое соседство с текстами иных богословских традиций, в котором они могут оказываться, попадая в сборники духовной литературы разнородного содержания. В качестве примера в докладе будет рассмотрен небольшой текст о любви и мистическом союзе Бога и души, относящийся к школе

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого грантом № МК 907.2009.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук, а также Программой фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (2009-2011 гг.)» (проект «Анализ средневекового текста»).

знаменитого доминиканского теолога и философа Мейстера Экхарта (1260–1327) в рукописи Санкт-Галленской монастырской библиотеки Cod. Sang. 955 первой половины XV в. В центре нашего внимания находится при этом не проблема аутентичности и происхождения того или иного текста, а вопрос о том, как его могли трактовать читатели, воспринимавшие рукопись – или, по крайней мере, те ее части, которые создавались одним редактором, – как единое целое.

Согласно предположению Дж. М. Кларка, местом создания рукописи мог быть монастырь кларисс во Фрайбурге в Брайзгау. Кларк исходит из поздней пометы библиотекаря на стр. 7 о поступлении рукописи в 1699 г. («S. Galli 1699»). Та же самая дата обнаруживается еще в одном кодексе – 944, где указывается еще и место – Фрайбург: «Liber S. Galli Emptus 1699 Friburgi» (Clark 1934: 441 и сл.; см. также: Richter 1969: 67 и сл.; Ruh 1987: 543). Эта рукописная книга является сборником душеполезных прозаических текстов (трактатов и проповедей, а также отрывков из разных руководств к духовной жизни), предназначенных монахиням, как явствует из наличия в ней текстов, посвященных повседневной жизни в монастыре (ср. Clark 1936: 69)¹.

Рукопись in quarto состоит из двух частей, граница которых проходит между 9-й и 10-й тетрадами². Тетрады 1–9 и 10–15 имеют разное происхождение и, скорее всего, были сшиты вместе после их заполнения текстом (ср.

¹ Полного описания рукописи в настоящее время не существует – см. краткие варианты описаний в старом каталоге Густава Шеррера (Scherrer 1875), а также в работах Дж. Кларка, К. Ру, Д. Рихтера, Г. Корнрумф и др., – см. полный список исследовательской литературы, составленный Гизелой Корнрумф в марте 2009 г., на интернет-сайте «Handschriftencensus. Eine Bestandsaufnahme der handschriftlichen Überlieferung deutschsprachiger Texte des Mittelalters»: <http://www.handschriftencensus.de/16358>; наиболее подробная информация о рукописи представлена в статье: Бондарко 2010: 62–64.

² Соотношение страниц и тетрадей выглядит следующим образом: 8VI^{5–196} + IV(-1)²¹⁰ + 2V²⁵⁰ + 3VI³²² + VI(+1)³⁴⁸.

Richter 1969: 67). На гетерогенное происхождение указывают различия в почерке, объеме текста на странице, а также в диалекте и в самом характере отобранных текстов. Всего в рукописи 176 переплетенных бумажных листов, пронумерованных страниц – 354³.

Рукопись написана двумя разными писцами, использовавшими разные типы готического курсива; диалект первой части – рейнскофранкский, вторая часть кодекса написана на алеманнском диалекте. В ней содержатся среди прочего фрагменты «Vita» Генриха Сузо и поздний список мистического трактата «Книга пяти мужей» („Fünfmännerbuch“), созданного в кругу страсбургского мистика Рудольфа Мерсвина.

Поскольку некоторые из проповедей принадлежат францисканским проповедникам (прежде всего, 4 проповеди знаменитого Бертольда Регенсбургского, а также некоего брата Альхарта), можно сделать осторожное предположение о францисканском происхождении первой части рукописи. В начале сборника находится несколько трактатов разного объема, посвященных разным добродетелям: трактат о любви к Богу (Inc.: *Wer got von hertzen mynnen wyl*) (стр. 7–14 рукописи), к которому примыкает размышление «О низшей любви» („Von der nyedersten mynne“) (стр. 14–19); далее следуют короткие тексты «О смирении», «О праведности добродетелей», «О внутренней сосредоточенности человека» и т.д. – всего 51 текст в первой части рукописи (стр. 7–209, см. ниже). Выбор составителя был ориентирован на темы, традиционные для массовой медитативно-дидактической литературы. Интерес к теме любви (к Богу) и бедности, к способам нравственного очищения и освобождения от пороков характеризует западно-европейскую позднесредневековую духовную литературу в целом.

³ Соответственно, постраничная нумерация приводится и в исследовательской литературе, в отличие от более обычной практики нумерации по листам): основной текст рукописи заканчивается на 348 странице, лист 349/350 является пергаменной вставкой, страницы 351–354 пустые, на отдельно подшитых листах.

Состав текстов Санкт-Галленской рукописи выглядит следующим образом:

С. 7–14: Трактат “Von der Minne” (Inc.: *Wer got von hertzen mynnen wyl*);

с. 14–19: *Von der nyedersten mynne*;

с. 19–20: *Von der demoit*;

с. 20–21: *Von den tügen den gerechtikeit*;

с. 21–22: *Von der Jnnkeit des menschen*;

с. 22: *Mirke diese vier dingk*;

с. 23: *Der wise teylere der wirt sin lob eim ieglichem geben...*;

с. 24–25: *Von rechtem Jamer*;

с. 26: *.iiij. zeichen*;

с. 26–27: *von dem reynen hertzen*;

с. 27–28: *von moeßigen worten*;

с. 28–29: *wie du des morgens solt uf ston*;

с. 29–32: *wie du zo chore solt gon*;

с. 32–35: *Parate viam domnini*;

с. 35–37: *Von den geistlichen selen*;

с. 37–39: *Sanctus bernhardus vragete sinen bruderen funffe...*;

с. 39–42: *Von des geistlichen menschen valle*;

с. 42–43: *Weder die die eigens willen sigen*;

с. 43–44: *Von hinderrede wie boeß die sin*;

с. 44–45: *Diesse nachgeschrebene große schaden koment von den sunden*;

с. 45–46: *von .vij. sachen die vns Jrrrent daß wir nit vollenkommen lob anvangen*;

с. 46–55: *Vnser herre Ihesus Kristus / leret vns wie wir Jme nach sollen volgen*;

с. 55–57: *Wie wir unser crütz sollen uf heben*;

с. 57–59: *Wie du arm solt sin*;

с. 59: *Wie got an vnse hertz clopphet*;

с. 60: *Wie du zo Capitel solls stehen*;

с. 60–62: *Wie du dich vnder den luten sols halten*;

с. 62–68: *Von volkomner gehorsamy* (из цикла “Paradisus animae” Псевдо-Альберта Великого в немецком переводе);

с. 68–69: *Von vnsers herren lichnam*;

с. 69–70: *Vff den Palm tag*;

с. 70–104: 10 проповедей из немецкоязычного собрания прозаических духовных текстов конца XIII – 1-й пол. XIV вв., приписываемого францисканцу Бертольду Регенсбург-

скому (ок. 1210–1272) (собрание X^{II} – см. *Richter* 1969: 29–35; 70–72; 78); среди этих 10 проповедей – помимо тех, что восходят к латинским текстам самого Бертольда, – проповеди «брата Альбрехта» (доминиканского богослова Альберта Великого), а также неких братьев-миноритов Альхарта, Петра и Томаса;

с. 104–105: *Von Swigen*;

с. 105–107: *Von vierhand gedanken*;

с. 107–109: *Von der luterkeit der conaenaen*;

с. 109–192: *Wie man das Pater noster beten sol* – толкование на «Отче наш» („*Adonay, gewaltiger herre...*“).

На с. 192–209 рукописи находится небольшое собрание коротких медитативных текстов-проповедей, трактатов, изречений и молитв (включая продолжение сборника “*Paradisus animae*” на с. 195–196). Среди них на с. 195 располагается приписываемый Мейстеру Экхарту текст, который был опубликован Фр. Пфайффером в 1857 г. в разделе изречений («шпрухов») Экхарта под номером 1 (всего насчитывается 70 шпрухов). В исследованиях XX в., посвященных рукописной традиции немецких сочинений Экхарта, подлинность изречений оспаривается. Предполагают, что речь идет о рецепции его идей среди учеников. Поскольку Санкт-Галленская рукопись не была известна Пфайфферу (в современной текстологии Мейстера Экхарта Cod. Sang. 955 известен как G 8), приведем этот текст полностью, указав отклонения от пфайфферовского текста⁴.

⁴ Не учитываются лишь графико-фонетические варианты – они чрезвычайно многочисленны и неизбежны, поскольку Пфайффер издавал тексты в нормализованной орфографии, принятой в грамматиках средневерхненемецкого языка. К сожалению, Пфайффер не успел опубликовать критический аппарат к своему изданию, а шпрухи Экхарта в дальнейшем не переиздавались. В приводимой транскрипции рукописного текста приняты следующие унифицирующие изменения: написания *l* и *s* трактуются как варианты единой графемы и передаются как <*s*>; сокращения (так называемые назальные штрихи) расшифровываются; знаки переноса слов не фиксируются; подчеркиванием передается подчеркивание красными чернилами в рукописи; красные точки, ставившиеся рубрикаторм поверх

[Diz ist meister Eckehart, dem got nie niht verbarc]⁵

(P.195) ¶ Meister Eckart sprach⁶ das werck das got wirket in einer got⁷ mynnender selen die er also luter⁸ funde⁹ / Das er sich geistlichen in sy müchte geben das werck ist¹⁰ gote lieber vnd¹¹ lustlicher dan alle die werck die er gewirket hoit¹² an allen creaturen / vnd were ouch vyl¹³ edeler / dan do er alle ding von nichten schoif¹⁴ / was meynet das¹⁵ / das eme das werck also lustlich ist¹⁶ / das ist¹⁷ des schult das got kein creature enhait geschaffen die eyne alsulchen indruck vmbgriffen habe¹⁸ Da got sine macht / vnd den grunt sins gotlichen¹⁹ wesens alsus volkomelich²⁰ in gegieszen²¹ müge als in dem werke da er sich gebirt in die sele²² / Do wart er gefraget / ob dann der selen seligkeit lege an dem werke das sich got geistlich gebirt in sy²³ · Do sprach der meister²⁴ allein / das das²⁵ woir

виргул (пунктуационных знаков в виде косых черт), не передаются, поскольку не имеют самостоятельной функции. В остальном пунктуация и орфография рукописи сохранена.

⁵ Diz ist meister Eckehart, dem got nie niht verbarc – в *Cod. Sang.* 955 заглавие отсутствует.

⁶ sprach] sprach in einer bredie Pf. 597,4.

⁷ got] gotlichen Pf. 597,5.

⁸ also luter] lüter blöz und abegescheiden Pf. 597,5.

⁹ funde] findet Pf. 597,6.

¹⁰ das werck ist] daz were Pf. 597,6.

¹¹ lieber vnd] *отсутствует* в Pf.

¹² gewirket hoit] geworhte Pf. 597,7.

¹³ ouch vyl] verre Pf. 597,8.

¹⁴ schoif] geschuof Pf. 597,9.

¹⁵ was meynet das] Dô wart er gevraget, waz daz meinde Pf. 597,10.

¹⁶ ist] wêre Pf. 597,11.

¹⁷ das ist] Dô sprach er, daz were Pf. 597,11.

¹⁸ enhait geschaffen die eyne alsulchen indruck vmbgriffen habe] hât, diu einen alsô wîten begrif habe alsô diu sêle Pf. 597,12.

¹⁹ gotlichen] *отсутствует* в Pf.

²⁰ volkomelich] volleclîche Pf. 597,13.

²¹ gegiezzen] geflœzen Pf. 597,13.

²² В этом месте *выпущен предшествующий вопросно-ответный комплекс*: Dô wart er gevraget, waz gotes geben wêre? Dô sprach er, gotes geben in der sêle enwêre niht anders, denne daz sich got der sêle offenbâret in eime niuwen bekantnisse unde mit einer niuwer wîse (Pf. 597,15–18):

²³ das sich got geistlich gebirt in sy] dâ er sich geistliche in die sêle gebirt Pf. 597,14.

²⁴ Do sprach der meister] Dô sprach er Pf. 597,20.

²⁵ das das] daz Pf. 597,21.

sy das got die groste²⁶ lust²⁷ vnd genüchte²⁸ neme²⁹ in dem werke / doch³⁰ enlyt der selen groste selickeit nit dar ane / wanne er in ir geboren wirt / mit eime nüwen bekentnisze³¹ das en machet sy nit vollenkemelichen³² selick / sonder³³ es machet³⁴ das sy mit mynnen³⁵ vnd mit lone³⁶ vulget dem bekennen³⁷ da in³⁸ sy geboren ist weder³⁹ in dem vrsprung yr beider sich halten⁴⁰ uf das sin / vnd abgonde⁴¹ der eren⁴² / vnd da von⁴³ ist sy nit selich von dem yren / sy⁴⁴ ist selick von dem synen / want man sol nach volgen der monscheit christi bisz man die gotheit begriff / Her zo helff vns got Amen⁴⁵ .

<Это Мейстер Экхарт, от которого Бог никогда ничего не скрывал>

Мейстер Экхарт сказал: труд, который Бог творит в любящей Бога душе, которую Он находит настолько чистой, что хотел бы духовно вродить себя в нее, – этот труд угоднее Богу и желаннее, нежели все труды, которые Он соделал во всех созданиях, и был бы гораздо благороднее, чем если бы Он сотворил все вещи из ничего. <Тогда его спросили:> Как понять то, что сей труд Ему

²⁶ die groste] græzer Pf. 597,21.

²⁷ lust] wollust Pf. 597,21.

²⁸ vnd genüchte] отсутствует в Pf.

²⁹ habe] neme Pf. 597,21.

³⁰ doch] nochdenne Pf. 597,23. Перед этим словом пропуск: denne in allen den werken, diu er ie gewürhte in dem himel und ûf der erde an den créatüren Pf. 597,21–23.

³¹ enlyt der selen groste selickeit nit dar ane / wanne er in ir geboren wirt / mit eime nüwen bekentnisze] ist diu sêle sêliger von den werken, dâ si sich wider in in gebirt. Wan swenne got in sî geborn wirt Pf. 597,23–24.

³² vollenkemelichen] vollen Pf. 597,25.

³³ sonder] mere Pf. 597,25.

³⁴ es machet] sî machet sêlic Pf. 597,25.

³⁵ mynnen] mine Pf. 597,25.

³⁶ lone] love Pf. 597,26.

³⁷ bekennen] bekantrüsse Pf. 597,26.

³⁸ da in] in daz Pf. 597,26.

³⁹ weder] wider Pf. 597,26. Далее пропуск: in den ursprung, ûz dem ez geborn ist, und Pf. 597,27.

⁴⁰ halten] haltet Pf. 597,28.

⁴¹ abgonde] abe gât Pf. 597,28.

⁴² der eren] dem iren Pf. 597,28.

⁴³ von] отсутствует в Pf.

⁴⁴ sy] перед этим словом пропущено: mêre

⁴⁵ want man sol nach volgen der monscheit christi bisz man die gotheit begriff / Her zo helff vns got Amen] отсутствует в Pf.

столь желанен? <Тогда он сказал:> Это оттого, что Бог не создал такого творения, которое бы вобрало подобный оттиск, куда Бог свою силу и основу своей божественной сущности мог бы влить столь полно, как в том действии, в котором Он вращает себя в душу. <Тогда его спросили, что такое рождение⁴⁶ Бога? Тогда он сказал: рождение Бога в душе есть ничто иное, как то, что Бог открывает себя душе в новом знании и на новый лад.> Тогда его спросили, заключено ли в таком случае блаженство души в том действии, в котором Бог духовно вращает себя в нее. Тогда учитель сказал: только то истинно, что Бог испытывает величайшее желание и удовлетворение в этом действии, однако самое великое блаженство души заключается не в том [действии], когда Он рождается в ней с новым знанием, – не это делает ее блаженной, а то делает, что она с любовью и хвалой следует за знанием, в которое она рождается, снова < в первоначало, из которого она рождена,> хватаясь в их общем первоначале за то, что принадлежит Ему, и отступаясь от того, что принадлежит ей. И поэтому она блаженна благодаря тому, что принадлежит Ему, ибо должно следовать человеческой природе Христа, пока не постигнешь природу божественную. В этом да поможет нам Бог. Аминь.

В рукописи предшествует следующее короткое изречение, которое дает представление о весьма близкой стилистике текстов, составляющих непосредственное окружение Экхартовского шпруха:

¶ Ein meister wart gevraget / wilch der nehste weg zo gote were / er sprach / das ist verzigunge aller vergenglicher dinge vnd gantze stede begerunge niemer weder zo gewinnen vnd senken in des meres abegrunt / vnd niemer weder vsz zo komen / (p. 194).

Одного учителя спросили, каков самый короткий путь к Богу. Он сказал: это отвержение всех преходящих вещей и совершенно твердое желание никогда более не стяжать [их], а погружаться на дно моря и никогда более оттуда не выходить.

Проблематике божественной любви посвящен также первый текст Санкт-Галленского кодекса – до сих пор не

⁴⁶ Под «рождением» здесь подразумевается прежде всего активное действие, производимое Богом; в то же время, это действие направлено и на самого Бога, который, согласно концепции Экхарта, рождает сам себя в человеческой душе.

изданный трактат «О любви». К. Ру делает осторожное предположение о его францисканском происхождении (Ruh 1987: 543), что вполне согласуется как с ярко выраженным дидактическим характером трактовки любви, так и с общей ориентацией на стиль Бернарда Клервосского, к подражанию которому немецкие францисканские авторы – в частности, Давид Аугсбургский, часто стремились. Ниже приводится вся вводная часть и наиболее важные выдержки, дающие представление о содержательной и композиционной структуре трактата⁴⁷:

(p. 7) Wer got von hertzen mynnen wyl der sol . Sin hertz ledigen von falscher mynnen . won die wile der sack vol ströes ist . so en mag des weises dar in nit Es ist vmb die sele die got höh mynnen wil. Hait er icht an den füsszen gebunden er wirt sins flögis geirret. Der mynnen gottis sollen wir allzyt geren. Wonn si ist ein volkomene gewyszheit / die vns zo hymmel bringet vnd alle vnsre werck volkomene vor gotte machet / vnd alle vnsre sunde vor gotte bedeckt Es ist eyn seltzen⁴⁸ ding vmb die mynne / so man ir me vergibt so man ir me hät vnd so man ir mer gehellet so man ir mynner hait sy macht den richer der sy gibbet / dan den . der sy nymmet . man sendet sy òn botten war man wil vnd wan man wil / vnd wie man wil . Der dan mynnen wil . der mirke wie die brüt in der mynnen büche spricht . Der kung hait mich in die wyn celle gevært vnd hait die mynne in mir geordent / Do ist vns an gewissaget das nieman zo der hohen mynne komen mag / er en werd denn mit gotis gewalt dar zo bracht Der wyn betütt zwei ding . er hitzget . vnd scherphet (p. 8) die synne / Da ist ane bezeichent / der in die wincelle komen ist / der in die bekentnysz vnd in der mynne komen ist Der orden der mynne geet also Du solt gott ubir all ding mynnen / Dar nach dine selbs sele / Dar nach dins nechsten sele / Dar nach dinen lib / dar nach dins nechsten lib **Die volkomene mynne gottis sol fünff ding haben** Zom ersten **Sy ist Reyne** want sy komet von dem reinen gotte zo geistlichen luten **Sy ist einfaltig** wan sy luterlich got durch sine gute mynnet . **Sy ist getrw** . wan nicht versumet vnd alles dinges achte leret Als s[anc]tus Johannes spricht Die gute vnsers herren lernet all ding **Sy ist auch stete** <...> (p. 9) **Diese mynne heisszet dÿ hohe mynne** Sy enwil nit das man anders mynne danne got Sy leret ob man einghe creature mynne / das man

⁴⁷ Полужирным шрифтом отмечены слова, рубрицированные в рукописи, подчеркиванием – соответственно, подчеркивания в рукописи (красными чернилами).

⁴⁸ seltzen] В рукописи: seltzem

(p. 10) sy durch got mynne / oder in got mynne vnd das man nit an die creaturen mynne . dan got selben / das ist zo drin dingen güt <...> **die selb hohe mynne leret** das man got vbir all ding mynnen sol . Diese mynne leret vns ouch . das alles das got an geet / das vns das me erfroÿwen vnd betrüben sol / was sin lob meret oder mynret dan das vns selber an geet zo vnserm nütz oder zo vnserm schaden <...> **Diese mynne** leret ouch das man von gote in begeren sol . das sol man recht vernemen / Was vns got gnade tüt das ist alles sin vnd das sullen wir alles zo sime lobe keren / <...> (p. 11) **Diese mynne leret öch** das man vor gote nit sparen ensol <...>(p. 12) **Die selbe mynne leret öch** . das wir vnsern willen sollen setzen nach gotis willen / Das ist zo drien dingen gut / <...> (p. 13) **Diese mynne wil ouch** . Das wir vnserere mynne richten vnd setzen nach der mynne gotis / wan gotis mynne luter ist / <...> (p. 14) Nü mirck kürczglichen sieben letzen die die mynne gotis leret . Das erst ist / das man got uber all ding mynnet / Das ander . das vns sin schade naher geit dan vnser selbs schade / Das iij das wir nit von Jm geren / Das iiij das wir nit Jme sparen / Das .v. das wir vnsern willen nach syme willen richten / Das .vj. Das wir mit keinen dingen getrostet werden als mit Jme / Das vij / das wir vnserere mynne setzen noch syner mynne .

Тот, кто хочет любить Бога всем сердцем, тот должен освободить свое сердце от ложной любви, ибо покуда мешок полон соломой, он не может вместить в себя драгоценный камень. Это сказано о душе, которая хочет любить Бога возвышенной любовью. У кого ноги связаны, полет того будет неверен. Любви Господней мы должны жаждать всегда. Ибо она есть полная уверенность, приводящая нас на небо и делающая труды наши совершенными перед Богом, и покрывает перед Богом все наши грехи. С любовью происходит странная вещь: чем больше ее раздаешь, тем больше ее получаешь, а чем больше ее утаиваешь, тем меньше ее остается. Она делает богаче того, кто ее дает, чем того, кто ее берет. Ее посылают без гонца куда угодно, когда угодно и как угодно. Итак, тот, кто хочет любить, тот пусть заметит, как говорит Невеста в Книге Любви: «Царь ввел меня в виноградник и упорядочил любовь во мне»⁴⁹. Здесь возвещено нам, что никто не может достичь возвышенной любви, если только не будет доставлен к ней Божьей силой. Вино означает две вещи: оно разогревает и обостряет чувства. Здесь обозначен тот, кто пришел в виноградник, – он пришел в познание и с любовью. Порядок любви устроен следующим образом: ты должен превыше всех вещей любить Господа; затем – свою собственную душу; затем – душу твоего ближнего; затем – свое тело; затем – тело твоего ближнего. Совершенная любовь

⁴⁹ См. Песн.П. 1: 3.

Божья должна иметь пять вещей. Во-первых, она чиста, ибо снисходит от чистого Господа к духовным людям. Она проста, ибо она любит только Бога ради Его благодати. Она верна, ибо не уклоняется и учит почтению к каждой вещи. Как говорит святой Иоанн: «Благодать Господа нашего наставляет всякую тварь»⁵⁰. Она также и постоянна <...>.

Эта любовь зовется возвышенной любовью. Она не хочет, чтобы любили нечто иное помимо Бога. Она учит тому, что если кто-либо любит какое-нибудь создание, то чтобы он любил его ради Бога или в Боге и чтобы не любил он в созданиях ничего, кроме самого Бога. Это способствует трем вещам <...>.

Эта же возвышенная любовь учит, что должно любить Бога прежде всех вещей. Любовь учит нас также тому, чтобы все, что касается Бога, что умножает и уменьшает Его славу, радовало и огорчало нас больше, чем то, что касается нас самих, нам на пользу или во вред. <...>.

Эта любовь учит также принимать как должное то, чего мы у Господа просим. Все, чем Бог оказывает нам милость, – все это Его, и мы должны все обращать Ему во славу. <...>.

Эта любовь учит также, что нельзя скупиться перед Богом. <...>.

Эта же самая любовь учит, что мы должны сообразовывать нашу волю с Божьей волей. Это способствует трем вещам <...>.

Эта любовь хочет также, чтобы мы направляли и сообразовали нашу любовь с Божьей любовью, ибо Божья любовь чиста <...>.

Итак, подумай коротко о семи уроках, которым учит любовь Господня. Первое – любить Бога превыше всех вещей. Второе – воспринимать Его невзгоды ближе к сердцу, чем наши собственные невзгоды. Третье – чтобы мы ничего не требовали у Него. Четвертое – чтобы мы не скупились для Него. Пятое – чтобы мы сообразовывали нашу волю с Его волей. Шестое – чтобы мы не утешались никакими иными вещами помимо Него. Седьмое – чтобы мы сообразовывали нашу любовь с Его любовью.

На основе сопоставительного анализа приведенных текстов, а также привлечения данных некоторых других позднесредневековых немецких рукописей в докладе будет предложен следующий тезис: чрезвычайно сложные богословские идеи Мейстера Экхарта позднейшими редакторами преподносились читателям, не имевшим специаль-

⁵⁰ См. Ин. 14: 26; Ин. 1: 13.

ной богословской подготовки (например, монахиням), в несколько сглаженном и упрощенном виде. Содержательные несходства и даже противоречия между более привычной для цистерцианской (бернардинской), а также близкой ей по духу францисканской богословской традицией, с одной стороны, и томистски окрашенной, полемически заостренной традицией доминиканской «рейнской мистики» – с другой стороны, сглаживались. Важнее для поздней рецепции на «низовом» уровне оказываются стилистические различия, проявляющиеся в специфике отбора типовых лексико-синтаксических структур, характеризующих каждую из традиций.

Литература

- Бондарко Н. А. Языковые модели в духовной прозе немецких францисканцев XIII–XIV вв.: в поисках элементарных структур одной литературной традиции // *Arbor Mundi*. Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Вып. 16. М., 2010. С. 49–97.
- Clark J. M. Alhart and Alphart // *The Modern Language Review*, Vol. 29 (1934). P. 440–443.
- Clark J. M. A Sermon by a Franciscan Mystic // *The Modern Language Review*, Vol. 31 (1936). P. 68–72.
- Pfeiffer F. *Deutsche Mystiker des 14. Jahrh.* Bd. 2. Leipzig, 1857.
- Richter D. *Die deutsche Überlieferung der Predigten Bertholds von Regensburg.* München, 1969.
- Ruh K. 'Von der Minne' I // *Deutsches Verfasserlexikon des Mittelalters*. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Bd. 6. Berlin, 1987. Sp. 543.
- Scherrer G. *Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen.* Halle, 1875 (Nachdruck Hildesheim/New York, 1975).

On Divine Love: Master Eckhart and the Franciscan Tradition in Codex Sangallensis 955

The paper is dedicated to the problem of reception of Master Eckhart's (1260–1327) concepts concerned with the problem of Divine love (the structure of *unio mystica* and the birth of God in the human soul) in late medieval German manuscript tradition. The attention is focused on a question, why did the redactors of the early 15th century place short texts belonging or attributed to Master Eckhart in a very different context of Franciscan devotional texts. Another problem is to characterise a special "Franciscan" style of the love discourse.

S. Vukadinović

GEOGRAPHY OF EUROPE IN THE POETRY OF CLAUDIUS CLAUDIANUS

Резюме. В работе исследуются географические данные, содержащиеся в произведениях римского поэта IV в. н. э. Клавдия Клавдиана, в частности – описания гидронимов и топонимов Римской империи и ее провинций.

Ключевые слова: Claudius Claudianus, bilingual poetry, hydronyms and toponyms of Roman Empire and the Roman provinces.

Claudius Claudianus (ca. 371–408 A.D.) was the last great Roman poet, close to Statius and classicism of Domitian's time. He glorified the Roman greatness as a court poet by singing praises of his protectors. Claudianus was a poet of the end of cosmopolitan, post-classical period and his rulers were Christians. Claudianus himself came from the Greek East, from the Greek Alexandria in Egypt. Thus, he was rather close to the Italic aristocracy and loyal to the cultural tradition of ancient Rome. Claudianus was characterized at his time *as a brilliant artist, an honest patriot and a sharp satirist*. He was a poet of the last restoration of the pagan Roman literature. Apart from praising the nobles and his preference for ready-made phrases, some of his songs were also serious literature.

Claudianus wrote bilingual poetry. Many of his poems written for special occasions (panegyrics, invectives, wedding songs, descriptions of war), mythological epics and the collection of smaller poems of various kinds in Latin are preserved, along with few works in Greek (some epigrams in *Anthologia Palatina*).

In the twentieth century, Western scholars who have contributed to the study of Claudianus were: Curtius 1948, Christiansen 1969, Cameron 1970, Frigs 1975 and Burk 1978. As for the Serbs, Claudianus was mentioned, as an author with short translations of his poems (translated by Radmila Šalabalić), in a University textbook – *A review of Roman*

literature, De auctoribus Romanis, by Milan Budimir and Miron Flašar, 1978. In Croatia, Marina Miličević translated Claudianus's mythological poem "*De raptu Proserpinae*". The last paper dedicated to his creative work is a Wilfred Ernest's dissertation in 1987, defended in Regensburg (*Laudes Honorii Claudians – Drei Beispiele poetischer Konsulatspanegyrik im Vergleich*).

Poetry of Claudius Claudianus covers a wide range of topics from anthropological, political and philosophical ones, on the one hand, to sociological, demographic, historical, economic and geographical, on the other hand.

The author of this paper deals with the geographic segment of the poetry of Claudius Claudianus. The aim of this paper is to gather all the relevant poetic images by which the poet describes hydronyms and toponyms of the Roman Empire and the Roman provinces, i.e. the regions that make up the greater part of Europe today. One more aim is to explain the etymology of hydronyms and toponyms where possible. The poet was well acquainted with the area which most likely had been thoroughly explored by himself. So, while writing about a certain area, Claudianus was acting as a mythographer, a poet, a historian and a geographer at the same time.

The primary material of the author's research includes Claudianus's songs of bigger and smaller corpus and two mythological, epic songs "*De Raptu Proserpinae*" and "*Gigantomachy*".

М. А. Габинский

НЕОЖИДАННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ АЛБАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТИПА *për të bërë*

Резюме: Хотя на протяжении почти трехсот лет албанское образование типа *për të bërë* ‘(чтобы) сделать’ считается инфинитивом, его нельзя в большинстве случаев считать таковым, за исключением некоторых достаточно редких случаев, когда наблюдается десемантизация *për* в *për të bërë*, а следовательно превращение его в конфиксально (при помощи *për të ...rë*, в продуктивном классе глаголов *për të ...uar*, как в *për të punuar* ‘работать’) образованную форму. Однако в последнее время встречается образование *për të bërë* с новыми, ранее неизвестными функциями.

Ключевые слова: албанский язык, балканские языки, вторичный инфинитив.

Образование типа *për të bërë* ‘(чтобы) сделать’ привлекает к себе внимание албанистов уже около трехсот лет, причем преобладающим является отнесение его к инфинитиву. Эта квалификация, тем не менее, не единодушна – как ввиду неоднозначности самой природы *për të bërë* в его разных связях в контексте, так и из-за отсутствия у рассматривавших его лингвистов четких критериев именно инфинитива, в отличие от его синонимов и близких по происхождению образований. Но в общем уже почти триста лет, начиная с первой албанской грамматики Ф. М. да Лечче (1716), где тип *për të bërë* назван «инфинитивом будущего», до «Структурной грамматики» Л. Ньюмарка (1957), где он значится как «инфинитив намерения» (см. историю вопроса по 60-е годы XX в. в Габинский 1967: 169–190) и по сегодняшний день, когда по инициативе Ш. Демирая он подается как «инфинитив с ограниченными функциями» (о чем см. Габинский 2008: 303–306), тип *për të bërë* в основном фигурирует (хоть и с разными эпитетами и оговорками) как инфинитив.

Мы в начале своей лингвистической деятельности, столкнувшись в молдавской языковой действительности с интенсивной эволюцией во вторичный инфинитив сочета-

ний типа *de fācut* и встретив позже в литературе (К. Сандфельд, А. Филиппиде) его сопоставления с алб. *për të bërë*, также занялись рассмотрением последнего. Эти наблюдения над формой *de fācut* и сопоставления ее с типом *për të bërë*, а также над ранее не выделявшимся лингвистами в особую форму типом *së bëri*, привели нас к выводу о том, что все они демонстрируют тенденцию некоторых балканских языков к выработке вторичных инфинитивов.

При этом нам оказались доступными факты намного дальше зашедшей эволюции в данной области, чем известные указанным выше исследователям, но одновременно нам нужно было установить четкие критерии инфинитива, в отличие от смежных с ним образований, что можно было сделать, деинтуитивировав имплицитно принятые общие признаки инфинитива в максимуме доступных нам языков, к которым непротиворечиво применяется это понятие. В результате под достигнутое (применением аксиоматического метода и на основе эмпирического принципа – см., например, Габинский 2008: 55–60) определение инфинитива оказалось подводимым рум. *de fācut* во множестве своих синтаксических функций, включая профилирующую для инфинитива, согласно его классическим определениям, субъектно-назывную. Алб. *së bëri*, полностью утратившее субстантивность (и даже омонимию со своей аблативной праформой, звучащей теперь как *të bëri*), оказалось особой глагольной формой, специализированной в основном для сопровождения финитивных ('кончать', 'переставать' и др.) и предфинитивных ('уствовать', 'надоедать', 'надрывать' и под.) и, изредка, по аналогии, инхоативных и дуративных глаголов. Хотя фазовые глаголы и обычны типологически как проводители инфинитива в разных языках, в том числе в гегском варианте албанского, неприменение *së bëri* в субъектно-назывной функции не позволило считать его инфинитивом (оно было сочтено лишь таковым *in statu nascendi*, а именно особой нелично-глагольной формой, в рабочем порядке названной «терминативом»). Прифинитивное и припредфинитивное *së bëri*, тем не менее, является господствующим способом выражения соответствующих отношений в албанском языке.

Что же касается образования типа *për të bëjë*, то оно однозначно подводится под определение глагольной формы (и, тем более именно инфинитива), в крайне незначительном числе случаев своего употребления. Положение очевидно без подсчетов, которые никак не показали бы выхода инфинитивности *për të bëjë* за пределы однозначного числа процентов случаев его постановки. В огромном большинстве случаев *për të bëjë* обозначает действие–цель (например, *Punojmë për të plotësuar planin* «Мы работаем для выполнения плана»), в ходе чего *për* сохраняет то же свое качество предлога, что и при именах других типов, т. е. не десемантизируется, а потому не становится, вопреки своим некоторым глагольным свойствам, левым полуконфиксом единой конфиксально образованной формы (каковы *de fācut*, с конфиксом *de...ut*, и *së bëri*, с конфиксом *së...ri*).

Тем не менее, в указанном, очень ограниченном, числе случаев, десемантизация *për* в *për të bëjë*, а следовательно превращение его в конфиксально (при помощи *për të ...rë*, в продуктивном классе глаголов *për të ...uar*, как в *për të punuar* ‘работать’) образованную форму, действительно, имеет место, притом наиболее явно при субъектности или присвязочной сказуемости *për të bëjë*. Первый такой известный нам случай мы привели в книге Габинский 1967: 171 из текстов О. Дозона (отмечавшего в 1840 г., что *për* не всегда переводится через фр. *pour* и что «отглагольное имя с *për* ‘для’ служит для передачи инфинитива»): *tamin'i pashait ishte për të vrarë djalin* «замыслом паши было убить парня».

В дальнейшем, после практического отсутствия у классиков в характерной субъектной роли (т. е. при утрате предложности *për* и превращении его в левый полуконфикс), *për të bëjë* многократно свидетельствуется в современной (послевоенной) албанской литературе. Подробно об этом см. Габинский 1967: 206–220, и о том же в других ролях, с. 220–239). Чаще всего эта инфинитивация фиксировалась в контекстах типа *Për ta gjetur është (punë/gjë) e lehtë / e veshtrë* «Найти его – дело легкое / трудное», а особо наглядно утрата предложности элементом *për* в *për të bëjë* иллюстрируется в контекстах, где рядом стоящее другое *për* сохраняет качество предлога назначения: ср. *Për*

mbrojtësit heroike qe një gjë e lehtë për të qëndruar në vend gjer në vdekje «Героическим защитникам было легко стоять на месте насмерть» (там же, с. 213) и под. Таким образом, случаи подлинной инфинитивности *për të bërë* действительно реальны, вопреки многочисленным отнесениям его к инфинитиву лишь на основании синонимии, внешнего сходства с таковым и под.

При всем этом, однако, как уже говорилось, число случаев инфинитивности *për të bërë* на фоне его общей встречаемости в текстах крайне незначительно. Так, по нашим данным на 1967 г., на 27 с лишним тысяч страниц текстов приходится всего около 80 достоверных случаев инфинитивации *për të bërë* (правда, не считая тавтологий), притом среди многих сотен случаев его дестинативности.

В последующие годы нами было прочитано сходное число страниц албанских текстов, в которых ситуация *për të bërë* по данным на 2008 г. оставалась в общем все той же, что и по сведениям 1967 г. В частности, если не считать известного из литературы случая, отмеченного Э. Ляфе в говоре Никай Мертура *nuk mujke me i dāl përballë* «ты не можешь выйти против него», нам был известен единственный случай примодального (при том же глаголе *mund* 'могу') постпозитивного *për të bërë* – из стихотворения Л. Кяфезези: *Në mos mundshi gjer në rrënjë / ata krahë për t'i prerë* «Если вам под самый корень / Этих крыльев не срубить» (см. Габинский 1967: 237). Другие случаи примодальности *për të bërë*, описанные тогда же, представляли собой усечения тавтологий типа *për të bërë bëj* (см. сн. 2) и не составляли специфики примодальности: ср. *ama për të shkruar nuk mund, jo* «а писать я не могу, нет», *për të shkruar s'dinte asnjë gërmë turqishte* «написать он не умел ни одной турецкой буквы», *për të tërhequr menjëherë nuk desh* «сразу отступить он не захотел» (там же, с. 229); примечательно, что всюду тут налицо отрицание.

В общем, за время прошедшее с 1967-го года по 2008-й год нами не было обнаружено сколько-нибудь существенных сдвигов в данной сфере (в 2008 г. было проиллюстрировано несколько большее разнообразие уже известного). В частности, не было отмечено *për të bërë* при *dua* 'хочу' или *duhet* 'нужно, надо'. Потому, вопреки нашему изначально-

ному желанию описать как можно больше фактов балканской вторичной инфинитивности, нельзя было, считаясь с объективной реальностью, не признать, что сдвиги *për të bërë* в сторону инфинитивации остаются незначительными. И так оно и есть, если судить по современному нормализованному языку Албании.

Тем не менее, как это ни парадоксально, в самое последнее время пришлось столкнуться с такими фактами:

В цитируемом А. Н. Беришей отрывке из «Албанского собора» 1703 г., говорится: *Këtë vresht e shkeli me ndihmë të njerëzve të keqij, ai, armiku i moçëm, si i Tenzot, ashtu i të birit të njeriut, i cili sikurse nuk pushon prej zemrës së keqe për të prishur farën e mirë, që është mbjellë në Kopshtin e Tenzot, ashtu prej smirës nuk pushon për t'i prishur e për t'i shkukur nga hardhitë e moçme të këtij vreshti filizat (përpañnat) që dalin nga trungjet* (КА: 140; выделение жирным шрифтом здесь и далее наши) «Этот виноградник потоптал при пособничестве злых людей, он, извечный враг, как Господа Нашего, так и сына человеческого, он, который, как не перестает из жестокосердия губить доброе семя, посеянное на Винограднике Господа Нашего, так же из зависти не перестает портить и вырывать из старых лоз этого сада ростки (побеги), вырастающие из стволов». Здесь налицо вторжение форм типа *për të bërë* в сферу, издавна (со времени Г. Бузуку – ср. уже у него *E ata tue mos pushuom së pvetuni...* «А они, не переставая спрашивать...») обслуживаемую типом *së bëri*. Элемент *për* тут полностью утратил предложное значение, почему эти *për të prishur* и *për të shkukur* есть конфликтально образованные инфинитивы.

В более поздних источниках нам таких случаев не встречалось, а полный текст «Албанского собора» нам не оказался доступным, почему неясно, то ли налицо сравнительно недавняя инновация, то ли не развившееся позже явление более отдаленного времени: из сказанного у А. Н. Бериши (с. 134) непонятно, к какой из версий относится приведенный отрывок – то ли к первому албанскому переводу с латинского 1703 г., то ли ко второму албанскому переводу 1867 г., изданному в Риме в 1872 г., то ли к адаптации («*përshtatje*») этого перевода самим А. Н. Беришей к современному албанскому языку (см. КА: 134) –

неясно, означает ли эта адаптация только современное орфографирование или же и другие изменения текста. В любом случае, тем не менее, ясно, что эволюция *për të bërë* к инфинитивности не идет прямолинейно и что некоторые далеко зашедшие ее случаи сейчас выглядят необычными, вошедшими в сферу основного теперь употребления форм типа *së bëri*.

К сравнительно недавнему времени, однако, относятся другие факты экспансии *për të bërë*, также оказавшиеся в свете ранее известного неожиданными, в некоторой мере парадоксальными.

Так, при подготовке книги 1967 года об албанской вторичной инфинитивности нами были прочитаны два послевоенных романа С. Спассе: «Они были не одни» (1952) и «Афердита снова в деревне» (1956), а также очерки С. Спассе и Ф. Гяты «На китайской земле» (1958), где никаких признаков особо продвинутой эволюции *për të bërë* в инфинитив обнаружено не было. Однако уже после выхода в свет нашей книги 2008 года, где констатировалась известная нам прежняя стадия этой эволюции, нам довелось прочитать переизданный довоенный (1935 г.) роман С. Спассе «Из жизни в жизнь – почему?» (Spasse 1990), где были встречены такие контексты:

В следующих четырех примерах, ввиду неоднозначности управляющих слов и выражений десемантизация *për* и, следовательно, инфинитивация *për të bërë* может быть как усмотрена, так и не усмотрена: ср. *ne dje mbremë as që na shkoi nga mendja për të vallzuar vallën t'onë shekullore!* (с. 50) «нам вчера вечером и в голову не приходило танцевать наш старинный танец» и далее, с тем же управляющим фразеологизмом: *po për ta dashuruar si kafshë as që me shkonte nga mendja* (с. 141) «но любить ее по-скотски мне и в голову не приходило». Далее, *Por a nuk te vjen rende për të ndegjuar gjepurat e njej njeriu* (с. 91) «Но неужели тебе приятно слушать чью-то болтовню»; далее *Kur do të të thonë edhe ty për t'i përshëndetur krushqit, atëherë të ngrihesh* (с. 166) «Когда и тебе скажут приветствовать сватов, тогда встанешь».

Но в нижеследующих примерах предложность *për* уже полностью исключается: *Babaj më çeli përsëri plagët e vjetra*.

Kërkon me doemos për t'u dhene fjalën për fejesë me Afërditën (с. 59) «Отец снова разбередил мою старую рану. Он во что бы то ни стало требует от меня дать им слово об обручении с Афердитой». В последних двух случаях *për të bërë* управляется юссивными глаголами *them* 'говорю' и *kërkoj* 'требую' (т.е. налицо объектный инфинитив).

Следующий случай уже близок к модальности: *Ajo nuk do te pranojë kursesi për të jetuar bashkë me ne* (с. 127) «Она никогда не согласится жить вместе с нами».

В приводимых далее пяти случаях *për të bërë* управляется стоящим перед ним в препозиции модальным *dua* 'хочу', чего нам ранее никогда не встречалось (цитируемое выше *për të terhëqur menjëherë nuk desh* «сразу отступить он не захотел» с *për të terhëqur* в антепозиции, есть, как сказано, скорее всего результат усечения тавтологии за счет финитного *të tëhijeq*, притом при обычном в таких усечениях отрицании). Итак: – *Prej fjalëve – më tha – të kuptova se nuk do për t'i vënë samar kurrizit që tani* (с. 43). «Из твоих слов я понял, – сказал он, – что ты не хочешь уже сейчас обременять себя»; *Unë as që kam dashur ndonjë herë për të hyrë mbrenda e tani me këmbët e mia po hyj mbrenda* (с. 164) «Я никогда не хотел входить туда, а сейчас сам туда вхожу»; *Atëherë ia shtrengova dorën e' saj të djathtë ndërmjet dy duarvet të mij, sikurse donja për t'i dhënë besën* (с. 174) «Тогда я пожал ее правую руку двумя своими руками, как будто хотел ей поклясться»; *Për mua – që kam dashur aq fort për t'i ndrequr disi të metat e njeriut, s'ka t'afërmë në këtë botë* (с. 182) «Для меня, так сильно хотевшего устранить пороки человека, нет близких в этом мире»; *në qoftë se njerëzia nuk duron një gjë të tillë e do të dojë për të më kallur në dhe, atëherë po çfaq një dëshirë* «если человечество не терпит такого и если оно захочет загнать меня в землю, то я выскажу пожелание».

Из совокупности приведенных фактов ясно, что налицо не какой-то анаколуп или гапакс, а устойчивая тенденция к употреблению форм типа *për të bërë* в качестве дополнения, притом в постпозиции, к модальному 'хотеть', т. е. довольно продвинутый этап инфинитивации (заметим, что в румынском, даже в его молдавском варианте, где эволюция *de făcut* в инфинитив намного более продвинута,

чем в албанском, нам аналогичных случаев, с этим *de fācut* в постпозиции к 'хотеть' не встречалось).

Наконец, следующий пример демонстрирует зависимость *për të bërë* от *duhet* в значении 'должен': *Kur qëllonte e para t'ishte gocë e fejuar, atëherë të fejuarit te saj i duhej me hir e me pahir për të darovitur majme muzikantet* (с. 121) «Когда первой оказывалась обрученная девушка, тогда обрученный с ней должен был, хотел он того или нет, щедро одарить музыкантов». Данный случай тоже в свете нам встречавшегося беспрецедентен, но на этот раз он оказывается аналогом широко употребительного в разговорном румынском, особенно в Молдавии, оборота типа *trebuie de fācut* 'надо (с)делать'.

Таковы данные довоенного романа С. Спасе, оказывающиеся в известной мере парадоксальными. Налицо явные инновации, тем не менее, не получившие дальнейшего развития даже в более поздних произведениях того же автора. Возможно, С. Спасе решил впредь избегать необщепринятых способов выражения, в их числе регионализмов, хотя в романе фигурируют и говорят персонажи не только крестьяне, но и столичная интеллигенция (и, конечно, сам автор-повествователь). К тому же в цитированном (третьем) издании 1990 г. приведенные обороты не заменены другими, синонимичными, как, впрочем, и другие слова и формы, теперь выглядящие архаично – генитив-датов артикля *njej*, формант герундия *dyke*, слова *i em* 'мой', *mirënjoftës* 'благодарный', *ndëgjoj* 'слушаю', *leçis* 'читаю', *mbrenda* 'внутри, внутрь', и многое другое. Не исключено, что свою роль сыграл родной говор автора, уроженца округа Корчи. Все это, конечно, догадки, но независимо от степени их достоверности ясно что инфинитивация форм типа *për të bërë*, хоть как инновация, не получившая (пока?) в стандартном албанском языке значительного развития, достигла важного этапа – зависимости от стоящих в нему в антепозиции модальных глаголов *dua* 'хочу' и его пассива *duhet* 'должен'.

Самые последние данные о рассматриваемом процессе относятся к противоположной оконечности албанского ареала. Так, в статье «Проблема инфинитива в стандартном албанском языке» (Çeliku 2008: 299–306) автор

высказывается против принятия нормой на тоскской основе инфинитива типа гегского *me ba*, поскольку это, как считает автор, перегрузило бы стандартный язык синонимами, затруднило бы его усвоение тосками, породило бы проблему выбора единой формы (*me ba*, *me bë*, *me bërë*, а также подобного в других подклассах глаголов). Предпочтительной в роли общеалбанского инфинитива М. Челику считает форму *për të punuar* (т.е. в нашем обобщении *për të bërë*), хотя признает, что она «еще не достигла того, чтобы полностью принять характерные самые основные функции подлинного инфинитива, каковы функции подлежащего, прямого дополнения, независимого предикативного инфинитива и др., не служа потому представителем глагольной системы в словарях и в преподавании, а оставаясь, как говорят Габинский, Бокши, Челику, при функции ПС (предложной синтагмы) и только в очень редких случаях выполняя функцию ИС (именной синтагмы)» (с. 300). Потому она не стала инфинитивом в полном смысле слова, типа наличной в наиболее распространенных европейских языках (там же). Исходя из этого, М. Челику считает что «нужно подождать пока «новый инфинитив», находящийся сейчас в самом процессе становления, со временем примет естественным способом другие характерные функции инфинитива, сейчас вне особых случаев у него отсутствующие» (с. 302).

Тем не менее, стихийное развитие событий в данной сфере таково, что *për të bërë* в недавних инновациях, согласно самому М. Челику, звучит как «искусственная конструкция», рассматриваясь лингвистами как нарушение нормы (с. 305) – речь идет о подсознательных попытках сделать инфинитивом то, что еще не достигло его уровня (там же). И все же то, что сейчас кажется нарушением нормы, «на самом деле решает нашу большую проблему – обеспечения стандартного языка подлинным инфинитивом» (там же). Как иллюстрацию этого процесса, проходящего «в ненормальном темпе, неприемлемом для эволюции в грамматике» (там же) М. Челику приводит такие примеры из стандартной албанской речи в Косове и Македонии: тип *për të punuar*, вводимый модальными *mundem* ‘могу’, *duhet* ‘надо; должен’ и *due* ‘хочу’, например, *Për vatan duhet*

për të luftuar «За родину нужно сражаться», *Don për t'i martuar* «Он хочет жениться» (там же). Это, конечно, явные инновации, но приводимое там же ниже *Për të vdekur për At dhe është krenari* «Умереть за Родину – дело чести» представляет построение, давно обычное в самой Албании. Очевидно, тут дает о себе знать общеязыковая сфера максимальной инфинитивности, в которой одно употребление инфинитива порождает по аналогии другое.

По другому поводу (в статье «Унифицированный литературный албанский язык в Косове и Македонии в 1968–1975 годах», там же, с. 68–80) М. Челику также отмечает «расширение функций глагольной формы на предлог *për*, т. е. переход функций гегского инфинитива к группе типа *për të punuar* (*nuk mundem për t'i kuptuar* 'не могу их понять', *duhet për ta ngritur* 'его надо поднять')», обусловленных, как считает автор, влиянием то ли диалекта, то ли плохо усвоенного литературного языка, то ли прежней орфографии (?), см. Çeliku 2006: 75.

Таким образом, темпы стихийного, ненормативного распространения форм типа *për të bërë* как инфинитива опережают ожидания даже исследователя, считающего эту форму наиболее вероятным в будущем общеалбанским инфинитивом.

Ситуация парадоксальна, во-первых, для самого северногегского, где старый инфинитив типа *te ba* издавна полифункционален и потому в дублировании не нуждается, а во-вторых, потому, что в такой однонаправленной эволюции *për të bërë* конвергируют, притом без признаков взаимовлияния, разные участки албанского ареала – тосский, где старого инфинитива нет, и северногегский, где он есть и широко употребляется.

В любом случае, налицо еще одно, пусть неожиданное и неравномерное, но реальное, проявление общего процесса развития вторичных инфинитивов в балканских языках (проходящего вопреки иногда имеющему место его упорному отрицанию).

Литература

- Габинский 1967 – М. А. Габинский. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (На материале албанского языка). Л.: Наука, 1967.
- Габинский 2008 – М. А. Габинский. Балканский инфинитив – очередной этап дискуссии. Антикритический обзор, Кишинев: Центральная типография.
- Beşleagă 1966 – В. Бешлягэ. Збор фрынт. Кишинэу: Карта молдовеняскэ.
- Çeliku 2006 – M. Çeliku. Çështje të shqipes standarde. Tiranë: Shtypskronja „Nënë Tereza”.
- KA 2004 – Kuvëndi i Arbënit 1703. Tubim shkencor-kulturor në 300-vjetorin e mbajtjes së tij. Mynih – shtator 2003. Prishtine: Shpresa.
- Spasse 1990 – S. Spasse. Nga jeta në jetë – psë?! Prishtinë: Rilindja.

Some unexpected evolutions of Alb. *për të bërë*

Despite Alb. *për të bërë* '(in order) to make' having been treated for almost three hundred years as an infinitive (usually with some epithets), it can not be recognized as such, except for some rare cases in which *për* is no more a preposition, thus forming, together with the participial ending, a confix (as e.g. in *Për të mësuar është (gjë)punë e vështirë* «It is difficult to study»). However, recently we ran across *për të bërë* in earlier unknown functions, with *për* completely deprepositionalized, such as preceded by phase verbs and, recently, by modal verbs. Cf. Tosk pre-classical *nuk pushon për t'i prishur...* «does not stop spoiling them» and in modern Tosk after *kërkoj* 'I demand', *them* 'I say' and especially *dua* 'I want' and *duhet* 'I must', as well as in northern Gheg (Kosova and Macedonia), described by M. Celiku as too striking innovations in a process of which he himself generally approves, after *duhet* and *mundem* 'I can'. The latter facts are just paradoxical, since the Gheg old *me ba* infinitive is very frequently used and multi-functional. As a whole, the facts described present the infinitivization of *për të bërë* as more advanced than it seemed before.

J. L. García Alonso

**ANCIENT GREEK NAMES IN -OUSSA
IN THE WEST OF THE MEDITERRANEAN**

Резюме: В данной статье подробно разбираются греческие топонимы на *-oussa*, засвидетельствованные в Западном Средиземноморье, а также этимология этого суффикса и его присутствие в других регионах. Так как этот суффикс перестал употребляться в названиях до периода колонизации греками этого региона, скорее всего, рассматриваемые топонимы были даны греками в IX-VIII веках до н. э. во время исследовательских экспедиций.

Ключевые слова: Древнегреческий язык, топонимы, этимология, греческие диалекты.

In 1996 I published an article¹ updating my master's thesis of 1990². This article dealt with the somehow surprising frequency of Greek place names ending in *-oussa* in the Western half of the Mediterranean³. Surprising because the date in which this place name formation was most popular in the Greek world was considerably earlier than the Greek colonization of the West⁴.

What I did was to gather and map⁵, first of all, every instance of those names, in Greece proper and away, both of a clear Greek etymology and of an unclear or unknown one. Then I did a linguistic analysis of the place name formations behind those names, touching dialectal and chronological questions all about them, in order to see whether it was

¹ "Nombres griegos en *-oussa* en el Mediterráneo occidental. Análisis lingüístico e histórico" *Complutum*, 7, 1996, 105–124.

² *Estudios sobre toponimia griega en el Mediterráneo Occidental. Nombres en -oussa*, Universidad de Salamanca.

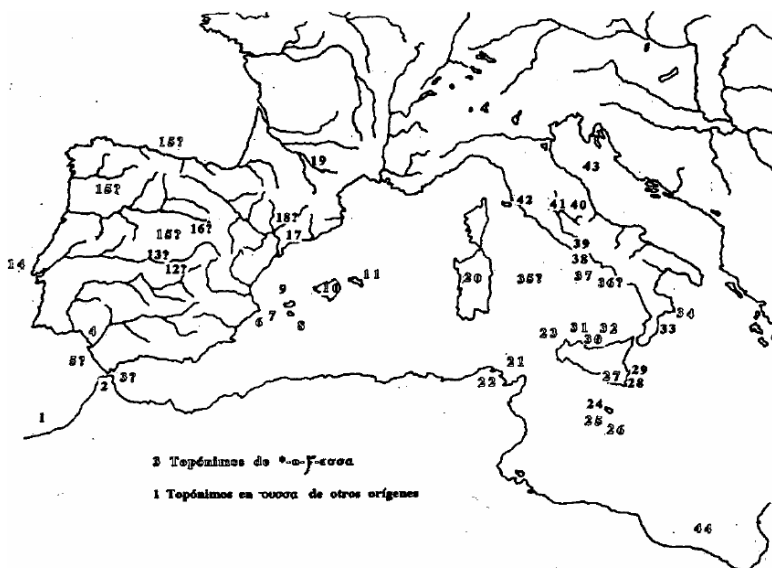
³ See already Carpenter 1925.

⁴ The question has been recently reexamined by Pierre Moret 2006: 45–49.

⁵ The originals and keys for the maps reproduced here may be consulted in García Alonso 1996.

possible to date them or to attribute them to a specific group of Greeks.

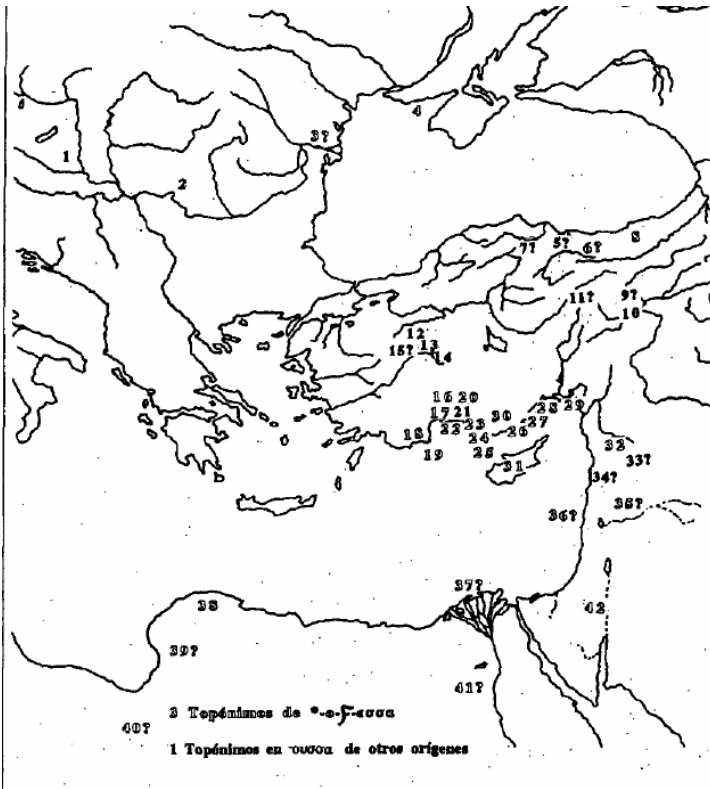
In 1948 A. García y Bellido (p. 50) remarked that apart from different signs of a Mycenaean presence, there are no archaeological data to certify the presence of Greeks around Pithekoussa-Cumae (the first Greek colony in the West) before the 8th or 9th century B.C., although it would seem that “antes de que los eubeos fundasen la colonia tenían que conocer bien estos parajes”. He then mentions three possible routes of

penetration in the West of the Mediterranean and makes an observation that inspired my work on the subject.

One of the routes would follow the Northern African coast (cf. the voyage of the Samian *Colaïos*). The second one would be that following the Provençal coast, well attested archaeologically, something much less clear with the third possible route: the one jumping from island to island (García y Bellido 1948: 69), well documented, however, he says, “gracias a un cierto número de topónimos *muy antiguos*” (my italics). He is referring to our names in *-oussa*, already noticed by Schulten (FHA, 1, 89) and Carpenter (1925: 12).

In order to draw a conclusion about the verisimilitude of this idea it is of course essential to date the place names and identify those responsible within Greece. And so I proceeded to gather and analyse the names. García y Bellido considered them "testimonios fósiles de un pasado remotísimo" and attributed the names to the Ionian dialect, since, as it was well known already to him, there were many place names with this ending in the Ionian coast of Asia Minor. In our previous work we tried to see whether this abundance is an isolated fact in the Greek world.

To García y Bellido the names should be attributed to the Chalcidians and not to the Phocaeans, the only Greeks that we know for certain that were the founders of different colonies on this side of the Mediterranean. He considers that the names

from the West respond to the times “de las primeras navegaciones o prospecciones descubridoras de calcidios y rodios, es decir, por lo menos, en los s. IX-VIII”. It is true that a place name of a certain attribution to the Chalcidians is Pithekoussa, the first Greek colony known in the West. The arrival to the West and the colonizing effort of the Phocaeans were a product of a later time, the 6th century BC. They did not settle the Magna Graecia, already occupied, and with its names in -oussa since two hundred years earlier. They touched on the Provençal coastal area, as well as on the coastal lands of today’s Cataluña and Valencia. Interestingly enough, the Phocaeen regions do not show names in -oussa if we accept García y Bellido’s location of Avienus’ Οἰνοῦσσα (491) in Cartagena. But Tovar (1987: 5) preferred to locate this town in Peñíscola, more Southern than the Phocaeen outpost of *Akra Leuke*, today’s Alicante. If Tovar is right, perhaps we should not discard the Phocaeans, after all, for these series of names. García y Bellido (1948: 133) himself does not reject it, pointing out the presence of -oussa names around Phoecea itself. García y Bellido mentions also (1948: 57) the once popular Rhodian hypothesis, supported by different facts:

- I. The name of Tartessos, in the Southwest of the Iberian Peninsula, may be an adaptation of something native within some toponymic patterns (Halicarnassos, Knossos, Tylissos) known to them.
- II. Strabo says that Ophioussa⁶ was an old name of the island of Rhodes. The abundance of place names in -oussa in the neighbourhood of the island is great.

1. Characteristics of the toponymic Corpus examined.

I gathered all place names with this ending that are either Greek or at least mentioned by authors writing in Greek, both in literary and in epigraphic texts. We found more than two hundred places with names of this type, although a few a repeated, some being particularly popular.

⁶ On this very popular name see Moret 2006: 57–58.

I included every name with this ending in the list (see García Alonso 1996), even when it was clear that the only Greekness in some cases was the source transmitting the name, like Zarmizegethoussa.

Once the names were gathered, it was possible to classify them in three main groups according to their etymology:

1. The main group is that of the names which show *-oussa* coming from *-o- $\text{f}\epsilon\tau$ -*ya* (feminine of an adjectival formant that appears in Greek as - $\acute{o}\epsilon\lambda\varsigma$ / - $\acute{o}\upsilon\varsigma$, - $\acute{o}\acute{\epsilon}\sigma\sigma\alpha$ / - $\acute{o}\upsilon\tau\tau\alpha$, - $\acute{o}\epsilon\nu$ / - $\acute{o}\upsilon\nu$), we find the names of around 80 islands, some 35 towns, 7 regions, 3 or 4 mountains and promontorios and 4 streams or fountains.

2. Formed with the suffix *-*ont-ya*, that served in Greek to form the feminine present participles, we found 9 islands, 12 towns (9 of which have the name of *Arethoussa*, whose formation is not completely clear), 8 fountains (7 of them *Arethoussa*) and two mountains and promontories⁷.

3. Finally, there is a series of names with an opaque etymology, mostly in non-Greeks lands (obvious adaptations of foreign names) but also some in Greek areas. We gathered here the names of 4 islands, 31 or 32 towns, 1 mountain, 4 fountains and 5 other places.

But the most meaningful group is the first one. Most of the place names in the West that caught our attention belong in here. They form a well defined group that is more frequent, in general, than we assumed at first. Therefore, the main emphasis in my work was put on them.

I will briefly comment now on their formal characteristics and analyse their distribution.

⁷ *Names of ships*. A group that looks interesting is composed by some names of ships with this ending. They are mentioned in Attic inscriptions (not always in an Attic dialectal form). The tempting association linking them with the sociolect of sailors and the place names are somehow weakened when we realise that most ship names are feminine present participles, whereas, as we will see now, the most typical Western place names belong in our group I.

2. Linguistic analysis of *-o- $\text{F}\epsilon\text{T}$ -*ya*

There was in Indo-European (Lejeune 1958) a suffix **-went-* / **-wont-* / **-wnt-*, that served to form a particular type of adjectives meaning something like ‘provided with’, ‘rich in’), that may be fully appreciated in Hittite, Indo-Iranian (Sanskrit and Avest. *-vant-*) and Greek: Greek adjectives in $-\epsilon\iota\varsigma$, $-\epsilon\sigma\sigma\alpha$, $-\epsilon\nu$, on $-\text{F}\epsilon\text{V}\text{T}$ - on which see Buck 1921. As already Lejeune believed and pointed out, it is very likely that the Latin adjectives in *-osus* contain the same suffix (<**-o-wnt-to-*).

The feminine form (Buck and Petersen 1939: 460) was formed, as expected, in Indo-European, on the zero grade *-wnt-* (Sans. *rupa-vat-i*), but in Greek the form developed regularly, **- $\text{F}\alpha\text{T}$ -ya*, was changed into **- $\text{F}\epsilon\text{T}$ -ya* under the influence of the masculine and neuter forms with ϵ (from **- $\text{F}\epsilon\text{V}\text{T}$ -*). And so, the feminine forms in Greek are $-\text{F}\epsilon\sigma\sigma\alpha$, $-\text{F}\epsilon\text{T}\text{T}\alpha$, according to the different dialects⁸.

2. 1. Phonetic factors of dialectal differentiation

First thing we must point out is the **treatment of intervocalic -w-** in the Greek dialects of the first millennium BC. This sound was lost at a particularly early date in the dialectal group of Attic and Ionian (Buck 1955: 46; also Rix 1976: 96; Léjeune 1972: 174; Schwyzer 1939: 313-15). In the rest of the dialects its occurrence in initial position is frequent and it is preserved until the 5th century and beyond (Buck 1955: 46).

⁸ There was originally, and typically, also an alternation of the suffix along the paradigm, still kept in Indo-Iranian, even within the flexion of the masc.-neuter: *-vant-* (<**-went-* or <**-wont-*) vs. *-vat-* (<**-wnt-*). The Sanskrit feminine nominative singular, *-vati-*, would be the result of a **-wnt-yh*, also under the Greek form $-\text{F}\epsilon\sigma\sigma\alpha$. But this Greek form is not the expected phonetic result of an inherited **-wnt-yh*. The analogy has ended the alternation almost completely. In masculine-neuter the *e* grade has been generalized. But in the feminine forms, it did so ‘late’: the forms $-\text{F}\epsilon\sigma\sigma\alpha$, $-\text{F}\epsilon\text{T}\text{T}\alpha$ cannot come from **- $\text{F}\epsilon\text{V}\text{T}$ -ya*, since this would have yielded ** $-\text{F}\epsilon\nu\sigma\alpha$, ** $-\text{F}\epsilon\iota\sigma\alpha$, ** $-\text{F}\eta\sigma\alpha$, (according to the different dialects). They instead come from **- $\text{F}\epsilon\text{T}$ -ya*, analogically developed from **- $\text{F}\alpha\text{T}$ -ya*, the regular phonetic evolution of the zero grade **-wnt-ya*.

The *-w-* in our suffix did actually find itself between vowels⁹, the first position where this sound is lost (Buck 1955: 48)¹⁰.

This loss is directly linked with the proclivity of this formation to appear with a **vocalic contraction**, since “la contraction ou la non contraction de deux voyelles en contact dépend de l’antiquité de ce contact” (Chantraine 1942, 1: 27).

Vocalic contractions constitute, in Greek, a relatively recent phenomenon, clearly post-Mycenaean. When *o* and *ε*, in this order, suffer contraction (Lejeune 1972: 259; Buck 1955: 42), the result, in all dialects, is the same as that of *o* + *o*:

1. they yield a long closed *o* (spelled *ou*) in the dialects, such as Attic, that do distinguish two long *e* and *o* (Ionian and *Doris mitior*).

2. In the rest of the Greek dialects of the first millennium BC, the result of the contraction merges together with the old long *o* (*ω*).

But there are occasions in which they did not contract, particularly when they have got in contact after the loss of a *-w-* (Buck 1955; Lejeune 1972; Chantraine 1942), since the loss of this sound in intervocalic position is later than that of the yod or the sigma.

Thus, most adjectives with our suffix appear in Homer without contraction (*αἱματόεις*, etc...). Many of the place names in *-έσσα* could have suffered the influence of the poetic language and just be a transference to a certain poetizing written language, particularly in the cases of names registered as “ancient” in our sources, a good percentage of the total amount. But many could just be a phonetic reflection

⁹ Since the originally athematic suffix became mostly thematic in Greek. See below.

¹⁰ With our adjectival formation there are a few dialectal examples that show the digamma preserved: Corc. *στονόφεσ(σ)α*, Boeotian *χαρίφetta*, Pamphylian *τιμάφε(σ)σα*, Delph. *φλειφόνταθεν* (Lejeune 1946), and certain Locrian forms: **Ὀποφεις*, *Ὀποφεντιος* (Mendez Dosuna 1985: 95).

of this formation in dialectal groups different to Ionian-Attic (perhaps even in Euboean Ionian)¹¹.

There are two main groups of words with this formation in Greek: archaic-poetic adjectives, non-contracted (Buck 1955; Lejeune 1958), and place-names usually under the contracted Ionian form¹² of prose-writers (not worried by the meter), frequently superseding local forms such as $-\acute{\omega}\sigma\sigma\alpha$, $-\acute{\omicron}\epsilon\sigma\sigma\alpha$, $-\acute{\omicron}\tilde{\upsilon}\tau\tau\alpha$. Buck considers, mistakenly, 'Ionian' the non-contracted form. We should rather call it 'archaic', 'poetic' or 'Homeric'. And then he calls 'Attic' the contracted form $-\acute{\omicron}\tilde{\upsilon}\sigma\sigma\alpha$, when actually the Attic form is $-\acute{\omicron}\tilde{\upsilon}\tau\tau\alpha$. $-\acute{\omicron}\tilde{\upsilon}\sigma\sigma\alpha$ is in fact the Ionian form.

The groups of dental + yod, such as the one that we see in $*-f\epsilon\tau\text{-}ya$, were not stable in Ancient Greek. Therefore this is another point of phonetic development, dialectally diverse in Greek, regarding our suffix. The evolution is already evident in Mycenaean. Later on no dialect has kept the group intact, of course. The phonetic solution is not precisely simple and has partially merged with the results of other groups ($*ts$, $*t(h)y$, $*k(h)y$, $*tw$). Some dialects (Attic, Boeotian) show a very special result ($\tau\tau$) that leaves them isolated from the rest, which show σ .

2. 2. The formation with $*-o-f\epsilon\tau\text{-}ya$ in Ancient Greek.

According to the testimonies of Hittite and Indo-Iranian (Buck y Petersen 1939: 460; Lejeune 1958: 5), as well as Mycenaean Greek, the suffix $*\text{-went-}$ was added at first to roots both in vowel and in consonant: it was an athematic construction. However, in first millennium Greek, the types based in roots with a vowel, and specially in $-\acute{\omicron}\epsilon\iota\varsigma$ and $-\acute{\eta}\epsilon\iota\varsigma$, expanded significantly at the expense of the rest to the extent that, in the first millennium, there are no examples on consonantal radicals.

¹¹ These authentic $-\acute{\omicron}\epsilon\sigma\sigma\alpha$, so to speak, could have suffered an analogy in the opposite direction in other authors of Ionian speech or with the arrival of the *koiné*.

¹² It coincides with that of *Doris mitior* dialects or that of the *koiné*.

The suffix was used in Greek initially (Buck 1921: 367-68) with all types of nominal themes, both vocalic and consonantal (except perhaps themes in -u-), just like in Sanskrit. But derivatives in *a-* or in *o-* must have been the most numerous classes from the beginning.

Therefore, the Greek of the first millennium BC innovated in relation with Mycenaean. Lejeune felt (1958: 8) that these irregularities could respond either to the great freedom of verbal creation characterizing poetry since Homer or simply to metric needs, or perhaps it could be related to a general tendency in Greek to thematise the third declension.

In my opinion it is a better assumption to think that this innovation, seen both in the adjectives of the poetry and in the place names, is something that happened in everyday language right before the formation disappeared. It is not uncommon that linguistic resources like this one pass through a period of hypertrophy (with formal innovations) when doomed to oblivion, paradoxically.

There are examples of thematization of themes ending in -i- (such as *περμιόεις*, attested as athematic in Mycenaean, according to Bader 1969), -u- (*ιχθυόεις* as well as our place name *Ἰχθυόεσσα*), -r- (*ὑδρόεις* and the place name *Ἵδρόεσσα*) and plosives (*κλομακόεις* and *Κλομακόεσσα*, *φοινικόεις* and *Φοινικόεσσα*, *μελιτόεις* and *Μελιτόεσσα*)¹³.

This suffix in Greek of the second millennium had served to form adjectives in the everyday level of the language, but the procedure was abandoned during the so-called Dark Age. They became fossilized in a very large group of toponyms and in a much more reduced group of personal names (particularly names of nymphs), as well a series of nouns, that we could call, so to speak, 'gastronomic': the names of Attic cakes, etc.

¹³ Without the thematization there are a significant number of place names in -ήεις, -ήεσσα. In Homer we have *Κυπαρισσῆεις* and *Σελλῆεις*. Stephen of Byzance says that *Ἰλήεσσα* was an ancient name of Paros. There are more examples, some in the West (Southern Italy, Sicily, Northern Africa). There are also names in -ώεις, -ώεσσα.

Therefore, the language of everyday life did abandon this formation as a method to create adjectives. There were no more adjectives of this type. In prose the only adjective recorded is *χαρίεις* (and perhaps Pamphylian *τιμάφεισσα*). The rest of occurrences of this formation are a long list of 'poetic' adjectives, archaisms of a remote past that we can glimpse in the Mycenaean tablets (Lejeune 1958).

2.2.1. Toponyms.

This is the category we are most interested in. An important number of old adjectives with this ending became place names. Buck (1921: 373) already observes that this has constituted one of the most productive sources of toponyms, although he provides too small a number: more than one hundred and fifty place names of this sort. I have only studied the feminine forms and have already found about that amount. But obviously the old adjectives could appear in any of the genders, in agreement with the substantives they accompanied originally: the names of the Attic demes of *Μυρρινοῦς* and *Μυρρινοῦττα* (from **Μυρσινο-φειντ-*, 'full of / planted with mirth') presuppose, respectively, *χῶρος* and *χώρα*.

These place names are, then, transparent in their formation and meaning. However, among them we find some that we do not understand, being either adaptations of pre-Greek toponyms or formations on Greek words we do not know¹⁴.

This type of place names may appear in any part of the Greek world, with almost no restrictions, although we find them unevenly distributed. The preservation of the same formation in the poetic adjectives (Homeric *ἀμαθόεις* and *Ἀμαθοῦς*, a city in Cyprus), clearly helps these toponyms to stay fully understandable, as becomes apparent when we see the image of celery (*σέλινον*) on the coins of Selinous (*Σελινοῦς*)¹⁵.

¹⁴ A clear example of adaptation of a foreign word, in the extreme West, is *Δερτώσσα*.

¹⁵ Very often, as pointed out already by Lejeune (1946), the characteristic chosen for these toponymic denominations belongs to

2.2.2. Other uses for this formation.

Apart from the place names this formation is used for some other names: names of nymphs and, as I said before, 'gastronomic' appellatives: μελιτοῦττα (a kind of Attic cake), σησαμοῦς, τυροῦς (see García Alonso 1996: 109).

Apart from this, the only adjective that appears as such in prose (all the other adjectives appear only in poetry, as an archaic looking poetic resource) is χαρίεις (see García Alonso 1996: 109 for some possible exceptions, etc.). The main group of words with this formation is, then, the large number of adjectives, particularly frequent in Homer and, following it, in any text of a poetic nature that tries to sound "Homeric".

These γλῶτται are created with complete freedom ("et souvent artificiellement" (Lejeune 1958: 7) by the poets, responding to metric or style needs, since Homeric times¹⁶ until the Alexandrian poets. Only a third of the total of adjectives is pre-Alexandrian, significantly. Even prose-writers like Herodotus did use them in the non-contracted, particularly Homeric form, to dignify or elevate the level of his

the vegetable kingdom (this having a lot to do with the frequency of place names of this sort derived from pre-Greek plant names). See García Ramón 1998. Others derive from the fauna (Στρουθοῦς, Μυοῦς, Ὀφιοῦσσα, Πιθηκοῦσαι), nature, forms of the terrain or climate (Ἄμαθοῦς, Μυλοῦς, Ἀκιδούσσα, Ἀνεμώσσα, Ἄλοῦς), and products of human activities (Ἀρμαθοῦς, Καλαθοῦς).

¹⁶ Obviously, the formations, if we look at the state of affairs Mycenaean times, could perfectly have been of common use in the past before becoming part of a poetic paint for poetic texts. The poetic-sounding capacity of archaisms.

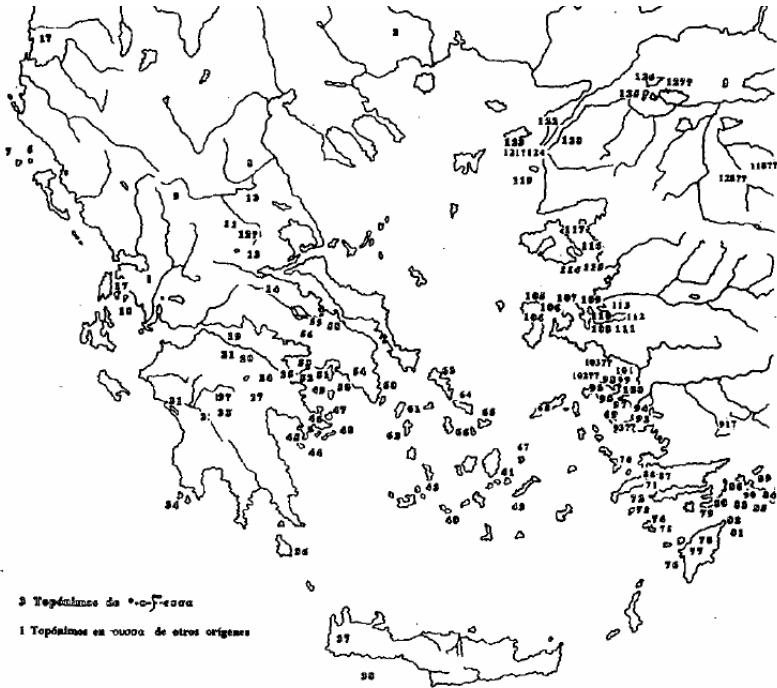
discourse. The correct interpretation of the words is assured by the place names (Hoffmann *et alii* 1973: 174-75).

3. Ionian or poetic?

This formation has traditionally been linked with the Ionian dialect, having this, of course, serious implications when we are trying to ascertain who is responsible for the place names in -oussa in the West. This is where some authors base their hypothesis relating these names to the Ionian (Phocaeen) colonization of the area. Buck (1921), for instance, even mistakenly considers Ionian the Homeric form -όεσσα (that in fact may be an archaism in many other dialects as well as Ionian) and as translations into Attic the forms in -οὔσσα, when this is actually the regular Ionian form; the Attic form being -οὔττα.

To put it frankly, there is no reason to link this formation particularly with the Ionian dialect. Not even a special concentration of names of this type in Ionia proper would. In this case we should also take into account other reasons for such a concentration, such as the date of the place-naming activity in this area as opposed to other regions.

During the very important migrations of the 12th to 10th centuries BC, the Greeks were making much use of this adjectival formant, much in the same way that we see in Mycenaean texts. There was even a kind of hypertrophy, and a thematization of the formant. When the Ionian Greeks of this period settled along the coasts of central Asia Minor and named so many tiny islands, they made much use of a linguistic resource they were used to in the poetic creations of the time, among them the oral epic materials leading eventually to Homer. A considerably large corpus of place names in -oussa was created then, secondarily associated to names of islands (νησος being a feminine substantive).

The names in -oussa in the West do not have to respond to a colonizing movement of the same times. They could be analogical extensions or secondary transplants¹⁷ produced later on, in a moment when the toponymic formant was already fossilized in the poetic language and the older place names, particularly abundant in Asia Minor coastal areas. Maybe they could be attributed to the first Greek explorations of the area: perhaps the end of the 9th century BC, when the formation could still be alive in everyday language, previous to the first Greek foundations, like the Chalcidian Πιθηκοῦσσα. Or maybe they could also be attributed to later times, if we could accept that an adjectival formative procedure, dead in

¹⁷ The transference of more Easterly place names to the far West was a common Greek practice according to R. Adrados (2000, 2001).

the common language but alive in the poetic language, could still be a source for new place names or for the naming of new places with old toponyms¹⁸.

4. Distribution of the names.

4. 1. Greece proper.

It is true, in any case, if we look now at the distribution of the names, that the areas of Greece occupied by speakers of Northern dialects have a much lower density of place names of this type.

NW Greece, most of the Peloponnesus (but Arcadia and the NE, an area where the pre-Dorian elements -akin to Ionians- were significant) and Crete have very few or no place name of this type. Rhodes and the Doris have a lot of them but we suspect a pre-Dorian Greek presence in the area. The highest density corresponds to the Aegean and the coasts of Asia Minor, but also to some areas of continental Greece (NE Peloponnesus, Arcadia, Boeotia). There is no single place name of our sort in Messenia or Laconia and very, very few in the NW, perhaps because there were no movements of people at the time where this formation was fashionable or because it was not fashionable among the speakers of Northern Greek dialects at the time.

To consult the whole list of names and the references to the ancient sources transmitting them to us, please refer to García Alonso 1996.

4. 2. Black Sea scarcity vs. Western Mediterranean abundance.

There is an interesting difference here, taking into account that both areas entered the Greek area of influence at about *the same time*, and the Greeks in question came roughly *from the same areas*. Perhaps the place names in -oussa in the extreme West have something to do with exploratory trips significantly earlier than the first foundations: in fact they are names of

¹⁸ This possibility was also considered in my article of 1996 (p. 119), and is favoured also by Moret (2006: 46-49).

islands, capes and other elements of the natural landscapes of sailors, not towns, etc.

4. 3. Southern Anatolia's high concentration.

This is certainly something to think about. This area makes a continuum of high concentration of names of this type following the Aegean coasts up to Lesbos and the Troas at least. We also find toponyms in Cyprus and lots of them around Pamphylia. We know the Greeks moved and settled in this areas very early.

5. CONCLUSIONS.

Coming back to the initial point, the apparent contradiction between the Phocaeen colonization of the West of the Mediterranean and the presence of a group of place names in -oussa, that apparently would require a considerably earlier dating, it would be good to phrase a few conclusions.

On the Northern part of the Western Mediterranean there are no place names in -oussa, not because the Phocaeans did not know the suffix (many toponyms are so formed around the metropolis itself), but because the resource was not fashionable anymore during the 7th or 6th centuries, when they arrived in the area. The type fell into oblivion when naming places most likely right before the beginning of the alphabetic era, as we have shown.

Therefore, the names in -oussa that we do have in the West should not be attributed to the Phocaeans but to someone else. My impression is that they could respond to explorations of the West conducted 200 years prior to the Phocaeen settlements in the West, most likely contemporary to the first Greek foundations in Sicily and Magna Graecia. Before the great colonisations there must have been serious and systematic explorations of the areas concerned, at about the end of the 9th century BC and throughout the 8th (Ridgeway 1973). These Western names may have something to do with this.

I do not reject as impossible the option alluded to above (see also Moret 2006: 46–49) that sees in these names simply a survival well into the Classical period and even beyond of a formative procedure abandoned for the adjectives but not for

the place names. As I said in 1996 (p. 119): “¿no es posible que la tradición pesase más en el momento de bautizar un lugar (situación cercana a la creación poética y en la que la lengua podría ser arcaizante o poética) que en el habla diaria?”. However, although, when faced with the hard choice between these two attractive options, I feel very hesitant, I think the fact that there are blanks of –oussa place names in areas of such significance in the great Greek archaic colonization as the Black Sea region, should make us slightly prefer the first of them: the explorers of the 9th – 8th centuries.

As for the exact origin of the Greeks giving these names to the places of the far West, it is difficult to reject any area. However, the type was well known in the Ionian areas most active in the first times of the great archaic colonisations. Therefore, they could be Samians, Phocaeans, Milesians, even Rhodians or Corinthians. However, the Euboeans, particularly the Chalcidians, speakers of Ionian and very active at this initial period of expansion, are particularly strong candidates. The oldest of the Greek settlements in the Western half of the Mediterranean is a Chalcidian foundation: Pithekoussa.

But there could have been several groups of Greeks active in this area at the end of the 9th or beginning of the 8th century BC. Just like the Greeks did 200 hundred years later, it would not be strange that they faced such an enterprise from different *póleis* at the same time.

Works cited

- Autran, Ch. (1926-30): *Introduction á l'Étude Critique du Nom Propre Grec*, Paris.
- Bader, F. (1969): *Études du composition nominale en mycénien*, Roma.
- Brixhe, C. (1976): *Le Dialecte Grec de Pamphylie. Documents et Grammaire*, Paris.
- Buck, C. D. (1921): “Studies in Greek Noun-Formation. Dental termination II 3. Words la -εις, -εσσα, -ειν”, *Classical Philology*, 16: 367.
- Buck, C. D. (1955): *The Greek Dialects: Grammar, selected inscriptions, glossary*. Chicago.
- Buck, O. D.; Petersen, W. (1939): *Reverse Index of Greek Nouns and Adjectives*, Chicago.
- Carpenter, R. (1925): *The Greeks in Spain*, Bryn Mawr (Pennsylvania).

- Chantraine, P. (1973): *Grammaire Homérique*. 1. Phonétique et Morphologie, Paris.
- Deroy, L. (1967): "Les Toponimes Mycéniens en -wo du type Erinowo". *Atti et Memorie... I Congresso Internazionale de Micenologia*, Roma, II: 578-9.
- Drews, R. (1976): "The Earliest Greek Settlements of the Black Sea", *JHS*, 96: 18, 31.
- García y Bellido, A. (1948): *Hispania Graeca*, 3 vols., Barcelona.
- García Ramón, J. L. (1998): "Geographischen Namen", in *Der Neue Pauly*, Stuttgart-Weimar, 4: 930-934.
- Graham, A. J. (1958): "The date of the Oreek penetration on the Black Sea", *BICS*, 5: 25-42.
- Heubeck, A. (1960): "Zu den griechischen Ortsnamen mit uent-Suffix", *BzN*, 11: 4-10.
- Heubeck, A. (1961): "Nochmals zu den griechischen Ortsnamen mit uent-Suffix", *BzN*, 12: 95-96.
- Heubeck, A. (1976): "Epikritisches zu dem griechischen Ortsnamen mit dem -went-/-wont- Suffix, besonders zu dem Namen Phleius", *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici (SMEA)*, 17: 127-136.
- Hoffmann, O. (1973): *Historia de la Lengua Griega*. Gredos, Madrid.
- Krestchmer, P. (1909): "Zur griechischen und lateinischen Wortforschung", *Glotta*, 1: 323-25.
- Lejeune, M. (1946): "En Marge d'Inscriptions Grecques Dialectales. V Note sur le nom de Phlonte", *REA*, 48: 203-215.
- Lejeune, M. (1958): "Les adjectives mycéniens à suffixe -went-", *REA*, 70: 5.
- Lejeune, M. (1969): "Sur les toponymes mycéniens en -wont-", *BSL*, 64-1: 43-56.
- Lejeune, M. (1972): *Phonétique Historique du Mycénien et du Grec Ancien*. Paris.
- Leumann, M. (1950): *Homerische Wörter*. Basilea.
- Méndez Dosuna, J. (1985): *Los Día/actos Griegos del Noroeste. Gramática y Estudio Dialectal*. Salamanca.
- Morel, J. P. (1975): "L'expansion phocéenne en Occident dix années de recherches (1966-1975)", *BCH*, 99: 853-96.
- Moret, P. (2006): "La formation d'une toponymie et d'une ethnonymie grecques de l'Ibérie: Étapes et acteurs", in *La invención de una geografía de la Península Ibérica. I. La época republicana*, G. Cruz Andreotti, P. Le Roux y P. Moret eds., Madrid, 39-76.
- Ridgeway, D. (1973): "The First Western Greeks", *Greeks, Celts and Romans* (C. Hawkes, ed.), Londres: 5-37.
- Rix, A. (1976): *Historische Grammatik des Griechischen Laut- und Formenlehre*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: Darmstadt.
- Rodríguez Adrados, F. (2000) "Topónimos griegos en Iberia y Tartessos", *Emerita*, 68 (1): 1-18.
- (2001) "Más sobre Iberia y los topónimos griegos", *AEspA*, 74: 25-33.

-
- Sainer, A. P. (1976): "An Index of the Place Names at Pylos", *SMEA*, 17:17-63.
- Schulten, A.; Bosch-Gimpera P. (1922-40): *Fontes Hispaniae Antiquae*. Barcelona.
- Schwyzler, E. (1939): *Griechische Grammatik*. Munich.
- Tovar, A. (1987): "Lenguas y pueblos de la Antigua Hispania: lo que sabemos de nuestros antepasados protohistóricos", *Actas del IV Coloquio sobre Lenguas y culturas paleohispánicas = Studia Paleohispanica*, Veleia, 2-3, Vitoria: 1-29.

Л. Г. Герценберг

THE ETYMOLOGY OF PERSIAN *ĒBAK*
 К ЭТИМОЛОГИИ ПЕРСИДСКОГО *ēbak*

ēbak [Rūmī] 'idol' – this word is traditionally (Dehkhudā s. v.) explained as containing *turki* *ay (> *ē) 'moon' and *-bak 'grasping firmly, keeping in obedience', cf. Uzb. boqmoq 'содержать, пасти' (Starostin s. v.); there is also a hypothesis about *Iranian* provenience of the word beg, bey 'prince' (OP *baga*, young Avest. *baya-*, soghd. βγ, Mpers. bay 'god; lord' [Benv. GS, Brock. OGM § 18, c. β], Mayrh. 1976 s. v. – bhāga- 'lord, dispenser'); however it would be more convenient to connect this word with OI *aibha-* 'belonging to an elephant' (a *vṛddhi*-formation to *ībha-* 'elephant; servants, dependants, domestics, household, family RV; *more important* - fearless'; Grassmann 218b has 'Dienerschaft, Hausgenossenschaft, Familie' – hence we may conclude that 'elephant' may have been a primary or a secondary meaning of this word; its non-IE connections make us decide that it rather has been its primary meaning, though the meaning of 'fearless, etc.' might have been of Indo-Iranian origin; then it easily passes to 'idol'); thus one comes to assume the etymology *ēbak* < **aib^haka-*, with the possibility of being an Indo-Arian LW; a connection to Gk ἐλ-έφ-ας, Old Egyptian *āb^u* 'elephant', as well as the elephant palaeogeographical distribution testify on its allogenic origin.

Л. Г. Герценберг

Я. М. БОРОВСКИЙ. OPERA PHILOLOGICA
(Издание подготовили А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко,
Т. В. Шабурина. *Bibliotheca Classica Petropolitana*, 2009)

А. К. Гаврилов приводит речение “Die Seele der Philologie ist Interpretation” («Душа филологии – интерпретация [то есть “толкование”]»). Это прекрасно характеризует деятельность Я. М. Боровского; сам А. К. Гаврилов блестящим образом *интерпретировал* книгу – посмертный сборник, в котором он с коллегами (Зельченко и Шабурина) собрал статьи и другие публикации Я. М.

Книга состоит из следующих частей: введения «От редакции», биографического очерка Н. М. Ботвинник о Я. М., списка печатных работ Я. М. (составленного А. К. Гавриловым и Т. М. Андроненко); статьи о греческом языке и литературе, статьи о латинском языке и литературе, статьи о Лукреции («*Lucretiana*»), статьи о Горации («*Horatiana*»), статьи о классическом образовании и «живой» латыни, статьи о русском языке и литературе, статьи по истории филологии (преимущественно – биографические очерки), «*Carmina Latina et Graeca*» – очень ценное собрание латинской и греческой поэзии, написанной самим Я. М. – некоторые стихи даны с переводами автора или П. Н. Беркова; одно стихотворение переведено Г. М. Боровским; избранные поэтические переводы самого Я. М., комментарий к тексту Плавта «Псевдол», самое ценное – статья А. К. Гаврилова «Наследие Я. М. Боровского»; небольшие латинские статьи А. И. Солопова и А. Б. Черняка; английский *Summary* на полстраницы.

А. К. Гаврилов снабдил публикацию многочисленными комментариями; кроме того, его перу принадлежит исключительно содержательная статья о наследии Я. М.

В начале этой статьи сообщаются общие сведения об авторах, писавших о Я. М. – особого упоминания заслуживают А. Н. Егунов (1895–1968) и профессор Т. Г. Мальчу-

кова, зав. кафедрой классической филологии, Петрозаводский университет. Затем следует раздел «Архив и фонд Я. М. Боровского»; этот раздел включает описание истории сбора библиографии, латинских и греческих стихов Я. М.; за этим следуют тщательно разложенные Т. В. Шабуриной папки – биографические материалы (включая фотографии), оттиски работ Я. М., рукописи лекций на различные темы, рукописи опубликованных или впервые публикуемых в данном издании статей (и подготовительные материалы к ним), русистика (полемические заметки к тт. I–IV русского словаря – заметим, что это самые субъективные из всех представленных материалов, как и заметки к текстам русских поэтов – здесь же материалы к «Словарю латинских крылатых слов» и перечень латинских цитат у Пушкина), рукописи стихов Я. М. и других современных ему авторов, три машинописных сборника стихов Я. М. (1966, 1978, 1985), материалы о филологическом образовании и классической филологии, отзывы и рецензии Я. М. о работах учёных и переводчиков и отзывы о работах самого Я. М., работы по редактированию, рукописи переводов (Шантрен и др.), переписка с русскими и зарубежными корреспондентами и учреждениями.

Следующее – большой и подробный раздел «Становление учёного». Отметим благородство А. К. Гаврилова, уделяющего много внимания роли отца Я. М. – доктора медицины Меера Вольфовича Боровского (1870–1920), с удовольствием рецитировавшего античных авторов. А. К. Гаврилов перечисляет учителей латинского и греческого языков, преподававших эти предметы в Санкт-Петербургской Шестой Классической Гимназии, где учился Я. М. – Йозеф Кабеле, А. А. Турчинович, Г. Г. Зоргенфрей (директор гимназии) и Ф. А. Гартц. После Февральской революции Я. М. стал студентом Историко-филологического факультета Петроградского университета, его университетские преподаватели – Ф. Ф. Зелинский, А. И. Малеин, С. А. Жебелев, Г. Ф. Церетели, И. И. Толстой-Мл. Квалификационной работой Я. М. послужило сочинение «*De Vergili codice Golizyniano*» – 1928, в 1938 ему присвоили учёную степень кандидата и звание доцента. Замечательные классические филологи были соучениками

Я. М.: С. Я. Лурье, А. В. Болдырев, А. Н. Егунов, И. М. Тронский, А. И. Доватур и Адриан Иванович Пиотровский, Ф. А. Петровский и специалист по русской литературе П. Н. Берков. Завершается этот параграф тщательным анализом – со слов Я. М. – заслуг Ф. Ф. Зелинского и А. И. Малеина.

Следующий параграф/раздел назван А. К. Гавриловым «Латинские авторы и латинский язык». Здесь А. К. Гаврилов сперва останавливается на понимании Я. М. термина *spicilegium* “*Lesefrüchte*” – «колоски, оставшиеся после жатвы; собираемые с поля последние остатки урожая» (а не «плоды чтения») – применительно к статье Я. М. о Цицероне «*Ad Ciceronis ligarianam spicilegium*». За этим идёт ряд статей о Лукреции, первая из них посвящена русскому переводу, выполненному Ф. А. Петровским – в этой статье (рецензии) наряду с очень высокой оценкой перевода более четырёх страниц критических замечаний (из почти шести страниц текста); всего в *Lucretiana* семь статей. В стиле Лукреция Я. М. написал «*Carmen natalicium Lomonosovianum*». Наряду с Лукрецием Я. М. посвятил несколько работ (статей и комментированных переводов) Плавту – им он особенно дорожил как неиссякаемым источником, дающим так много по истории латинского языка.

Далее А. К. Гаврилов характеризует Я. М. как искусного переводчика – особо подчёркивая, что Я. М. переводил не только с классических, но и с современных европейских языков. Затем идёт параграф «Рецензионно-редакторская деятельность» – в нём много примечательного: начинаются они с обзора неопубликованных замечаний по поводу «Словаря русского языка» (ред. А. Р. Евгеньева¹) – Я. М. печально отмечает неверный комментарий к слову «бинокль» (это слово ошибочно рассматривается как заимствование из французского *binocle*, – в <http://www.multitran.ru/c/m.exe?SHL=1&l1=2&l2=4&s=binocle> переведено «пенсне, очки, двойной телескоп»), убедительно опро-

¹ К сожалению, издатели повсеместно профессора Анастасию Петровну Евгеньеву (1985–1988) представили именно так.

вергается «этимология» слова *рюкзак* – якобы восходящая к несуществующему немецкому *Rucksack – вместо реального Rucksack (отсутствие умлаута – слово из альпийского диалекта, первое свидетельство – XVI век, Швейцария, Kluge-Seebold, s. v.); по мнению А. К. Гаврилова, достоинством Я. М. было то, что он «... прямо изучал толковые словари родного языка ...». А. К. Гаврилов перечисляет немало трудов (стр. 582), подвергшихся официальному или неофициальному редактированию со стороны Я. М. Укажем важную ссылку 65 – в ней отмечено, что редактором перевода «Сонника» Артемидора Далдианского был Я. М., это не указано нигде, кроме Предисловия.

После этого А. К. публикует большие куски латинского письма Я. М. – И. Эберле (текст в архивном «картоне» XV, – с разумно опущенными конкретными замечаниями); за ними следуют сведения о других рецензиях, написанных Я. М., завершается данный параграф ехидно-печальным соображением Я. М. – «репликой» по поводу перевода байроновского «Дон Жуана» на русский язык, вполне безграмотно осуществлённого высококвалифицированным поэтом, литературоведом и переводчиком – Г. А. Шенгели (1894–1956).

Затем в своей статье А. К. Гаврилов внимательно рассматривает «Учёную переписку» Я. М., неустанно заботившегося о «живой латыни». Потом идёт параграф «Учёный, учитель, коллега», в нём рецензент в сноске 77 с благодарностью вспоминает те же занятия – по индоевропеистике – у И. М. Тронского; А. К. Гаврилов, наряду с другими рассуждениями, считает необходимым отметить значение для эстетики Я. М. «Кормчих звёзд» Вячеслава Ивановича Иванова, а также французской поэзии (якобы) – Бодлера и Эредиа. За этим следуют параграфы «Дружелюбная латинская Муза» (характеристика латинского поэтического творчества Я. М.), «Звенья традиции» (описания деятельности коллег), «Русистика: *translatio studii*» (о различном русскоязычном), «Герменевтические вдохновения» (случаи с Я. М., особенно запомнившиеся А. К. Гаврилову), «О филологическом образовании» (эюд о многочисленных филологических ошибках, рассуждение о классическом образовании в средней и высшей школе, в специаль-

ной гимназии – она продолжает существовать и сегодня). В заключительных параграфах своего очерка А. К. Гаврилов самым эмоциональным образом, приводя множество эпизодов, подчёркивает высокие нравственные качества Я. М.

Первый раздел самих трудов Якова Марковича – «Греческий язык и литература». Безусловно интересна здесь своего рода рецензия «Эсхил в переводе Вячеслава Иванова»; В. И. Иванов (1866–1949) – выдающийся поэт, классик и переводчик – его переводы впервые издали в 1989 году, Я. М. аргументировано осуждает неряшливость издания. Затем следуют три больших раздела: «Латинский язык и литература», «Lucretiana» и «Horatiana» – двадцать две статьи самой высокой учёности².

Следующие статьи – в разделе «Классическое образование. Живая латынь». В первой статье («Ценность классического образования с точки зрения социалиста», преимущественно о статье Э. Пернерсторфера – E. Pernerstorfer. *Der Wert der antiken Bildung // Sozialistische Monatshefte*, 1899. Bd. 3, S. 1186–1196) Я. М., к сожалению, сочувственно рассматривает классическое образование с точки зрения симпатизирующего социализму – между тем как ценность классического (и всякого другого) образования состоит прежде всего в сублимации, обособлении образованных от невежественных! Ср. его собственное высказывание (в переводе Я. М.) – «... старая гимназия ... даёт образование в такой мере, как это не достигнуто пока ни одним другим типом». В остальных статьях этого раздела автор активно пропагандирует изучение классических языков.

После этого следует несколько статей под обобщающим заголовком «Русский язык и литература». Из этих статей интересны следующие – «Латинский язык Ломоносова», «О переводах стихотворений Пушкина на латин-

² В то же время нельзя не отметить неудачу Я. М., предложившего перевести «... miseris quibus intemptata nites ... » (Horatius, *Ad Pyrrham*) «... О несчастные, (все) пред кем ты блестишь светом обманчивым... » (перевод А. П. Семёнова-Тян-Шанского) как «... непосягаемый ...», лучше – «... неизведанный ...» (предложение М. Л. Сергеева); тогда – «... О несчастные, (все) пред кем ты блестишь светом **неизведанным...**».

ский язык», «Необъяснённые латинские тексты у Пушкина»; остальные представляют опыты, преимущественно критикующие различные русские издания, малоуместные для классика.

Затем идут замечательные и яркие биографические статьи, объединённые в раздел «История филологии». Первым в нём идёт доклад, предполагавшийся к прочтению на Римском конгрессе 1984 года (издан в Пизе в 1989 году) «URSS: de philologia classica» – на латинском языке; подробнейшая библиография («советские» публикации) – сс. 361–363. Следующая статья – «Vince sol» – посвящена памяти великого классика Ф. Ф. Зелинского; издатели указывают на польский перевод этой статьи О. Юревича (напечатан в журнале *Meander*, целиком посвящённом памяти Зелинского). Потом – статья памяти Григория Филимоновича Церетели, где подробнейше, с библиографией, разбираются труды данного автора, посвящённые Героду и особенно Менандру, а также другим авторам; Я. М. в своей статье не рассмотрел обстоятельств гибели Григория Филимоновича, упомянув об аресте в мае 1938 года и отметив, что «по одной из версий, умер на этапе осенью 1939 г.»; в настоящее время установлен факт героического поведения профессора Церетели на суде: он «виновным себя не признал, резко высказывался в адрес судей, отказался от подачи кассационной жалобы; с апр. 1939 содержался в Ортачальской тюрьме; согласно устному сообщению, умер на этапе, в эшелоне, осенью 1939; его труп выбросили из вагона».

В данном разделе напечатаны также биографические (в основном – некрологи) статьи об академике И. И. Толстом, Л. Ф. Зелинской, С. Я. Лурье, В. Я. Проппе, А. В. Болдыреве, П. Н. Беркове, А. И. Доватуре, И. М. Тронском.

Следующий раздел – “*Carmina latina et graeca*” – стихи Я. М., посвящённые С. А. Жебелеву (ему посвящено два стихотворения – одно на латинском языке [на сорокапятилетие научной деятельности], другое – на греческом [на пятидесятилетие научной деятельности, посмертное]), памяти Горация (с прекрасным русским переводом П. Н. Беркова), на четырёхлетний юбилей кафедры классической филологии и новый приём студентов, М. Н. Ботвиннику,

И. Д. Амусину, Н. В. Вулих, С. Я. Лурье (два послания на латинском, эпитафия – на греческом, с переводами автора [его же – перевод стихотворения «на день рождения»] и П. Н. Беркова), Т. Н. Чикалиной, Я. Я. Лездиньшу, И. М. Тронскому (пять посланий, одно из них – по случаю золотой свадьбы Иосифа Моисеевича и Марии Лазарвны, – с русскими переводами самого Я. М. и П. Н. Беркова), А. И. Доватуру (три латинских, одно – «макароническое» – латинско-греческое, одно – с авторским переводом), Р. С. Цесюлевичу, латинское приглашение на факультетский банкет (седьмого ноября 1957 года, с приложением другого латинского приглашения, написанного А. И. Доватуром), албанскому профессору А. Буде, на день рождения Овидия (с переводом П. Н. Беркова), к юбилею Ломоносова (с переводом П. Н. Беркова), итальянскому профессору Уго Паоли (два послания), В. И. Смирнову, Г. Б. Бичу, П. А. Берадзе, С. Г. Каухчишвили, Н. И. Конраду (с переводом П. Н. Беркова), самому П. Н. Беркову (с приложением «элегий», написанной П. Н. Берковым в адрес Я. М., – при этом Берков переложил послание Боровского на русский язык), Ф. А. Петровскому, акад. М. П. Алексееву (два текста), А. Ф. Лосеву (два текста), Н. А. Чистяковой, В. С. Зилитинкевич (с авторским переводом), Ю. В. Шанину, Горацию (с переводом автора), В. Н. Ярхо, А. К. Гаврилову (одному из составителей сборника, – по-гречески !), Л. Ю. Меньшиковой, М. Г. фон Альбрехту; два – без адреса.

Следующий раздел «Избранные поэтические переводы» – содержит русские тексты Плавта (монологи Эргасила из комедии «Пленники»), Лукреция, Проперция (четыре текста из элегий), Марциала (*VII, 96*), а также перевод стихотворения новолатинского поэта И. Эберле (латинский текст – в примечании).

В качестве приложения дается комедия Плавта – «Псевдол» (впервые этот текст был опубликован в учебнике латинского языка Я. М. Боровского и А. В. Болдырева, самое ценное здесь – комментарий сс. 507–561).

Прекрасная книга – достойная память на века о прекрасном филологе-классике Якове Марковиче Боровском.

А. В. Groшева

**О СЛОВАХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВКУС
В ОДНОЙ ИЗ «БЕСЕД» ГОРАЦИЯ (HOR. SERM. 2. 4)**

Резюме. В рассматриваемой беседе (= сатире) Горация устами некоего Катия излагается новейшее гастрономическое учение неизвестного автора. Сатира насыщена кулинарными сведениями. Основная задача исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какими терминами *вкуса* предпочитает пользоваться Гораций и с какими характеристиками эти термины сочетаются.

Ключевые слова: сатира, диалог, пища римлян, структура римского обеда, термины вкуса, стиль сатиры.

Литературная деятельность Горация представлена несколькими жанрами. Для его раннего творчества 30-ых годов I в. до н. э. характерны ямбографические стихотворения («Эподы») и сатиры. В жанре сатиры Гораций продолжает традиции Луцилия, но вносит в этот жанр существенные изменения, обусловленные иным восприятием богатого культурного наследия, а также новыми чертами общественной и идеологической жизни Рима. Поэт поднимает морально-философские проблемы, критикуя такие человеческие пороки и недостатки, как алчность, честолюбие, скупость, расточительность, зависть, и высказывая свои взгляды на жизнь, главным принципом которой являются простота и умеренность во всём (Прокопьева 2008: 134). Этот цикл сатирических стихотворений Горация носит название “*Sermones*”, который обычно переводят термином «Беседы», связывая их по жанру с греческой диатрибой¹, на что есть указание и в книге (Ярхо,

¹ Диатриба (греч. *diatribē*) «беседа» как новый жанр, созданный киниками, – популярная лекция на философские, главным образом, моральные темы, отличавшаяся живой, образной формой, рассчитанная на устную подачу; имела «резко выраженный с а т и р и ч е с к и й у к л о н» (Тронский 1947: 235). Сходное определение дают (Ярхо, Полонская 1967: 167): диатриба – устная импровизированная беседа или проповедь на моральную тему, практиковавшаяся в среде греческих философов, главным образом кинической школы.

Полонская 1967: 168). Однако сами авторы книги по традиции всё время употребляют для этих произведений Горация термин *сатира*. «Создавая как бы диатрибу в стихах, Гораций учится у Платона строить диалог, он создаёт живые типы по примеру Менандра и других комических поэтов, а по сравнению с Луцилием его сатира блещет остроумием и тонкой иронией²; она стилистически совершенна и в то же время близка к разговорной речи ... (курсив автора статьи); переход от эпического звучания гексаметра к живому, разговорному, был также важнейшим достижением Горация» (там же: 168).

В общей сложности Гораций написал 18 сатир, из них 10 вошли в 1-ю книгу, 8 – во 2-ю³. Каждая сатира представляет собой отдельное художественное произведение. «Иллюстрируя различные моральные тезисы, Гораций черпает материал из живой жизни, он создает выразительные драматические сценки; большинство положений, которые

² Мы никоим образом не можем согласиться с суждением В. С. Дурова по поводу выбора тем и художественных достоинств сатир Горация: «Хотя по разнообразию интонаций и по содержанию «Сатиры» не идут ни в какое сравнение с «Эподами» и значительно уступают сатирам Луцилия, всё же разнообразие в них сохраняется» (Дуров 2000: 251). То, что Гораций в сатирах уделил небывалое внимание изяществу и внешней отделке формы, сурово порицая Луцилия за её небрежность, отметил М. Л. Гаспаров (ИВЛ 1983: 1, 146). Высокая оценка даётся сатирам Горация в «Хрестоматии по античной литературе»: «Сатира Горация далеко превосходит сатиры Луцилия тонкостью юмора, изяществом языка и стиля» (Хрестоматия 1958: 294). См. также положительную оценку проф. И. М. Тронского: «Гораздо более продуктивным оказывается Гораций в области сатир» (по сравнению с «Эподами» – А.Г.). (Тронский 1947: 387).

³ В рецензии Хилла (Hill 1996) на сравнительно недавнее издание 2-й книги сатир Горация (Muecke F.: *Horace Satires II*. Warminster, 1993), снабжённое введением, переводом и комментариями, одним из самых лучших признан раздел, посвящённый обсуждению гастрономических интересов Горация и разработке им этой темы в сатирах и в других литературных жанрах. Каждой сатире предпослан краткий очерк, а в качестве иллюстрации комментирования материала в названном издании Горация рецензент выбрал именно 4-ю сатиру 2-й книги.

он утверждает, иллюстрируются через негативные примеры, и здесь преобладает ирония и насмешка, создаются типы, носители отдельных недостатков». В *Serm.* 2. 8, например, дано сатирическое изображение пира, хозяин которого так назойлив и нетактичен, что бедным гостям кусок в горло не лезет (там же: 169).

Иногда в своих сатирах Гораций увлекается самим материалом и сообщает ряд кулинарных советов (*Serm.* 2. 4). В указанной беседе это делается устами некоего Катия⁴, который спешит поделиться с Горацием гастрономическими знаниями, полученными от неизвестного автора (его имя и происхождение – *Romanus an hospes* ‘римлянин он или чужеземец’ – скрывается). Структура данной сатиры, состоящей из 95 стихов, проста и прозрачна. Короткое начало (стихи 1–11) представляет собой диалог участников беседы. Сам пересказ учения Катием членится примерно в соответствии с ходом большого обеда и переменной блюд. Трапеза у римлян начиналась с закуски (*gustatio*, стихи 12–34); далее шли кушанья, включаемые в так называемый «первый стол» (*mensa prima*, стихи 35–46); попутно Катий довольно подробно рассказывает о напитках и приготовлении соусов (48–69) и переходит к десерту (*mensa secunda* ‘второй стол’, стихи 70–75). Несколько стихов (76–87) посвящены теме соблюдения чистоты в помещении для пира и чистоте посуды: этим кончается монолог Катия. Завершается сатира просьбой Горация, якобы желающего непременно лично познакомиться с автором столь привлекательного кулинарного учения (88–95).

В произведении на подобную тему неизбежно должны присутствовать термины, обозначающие *вкус* каких-либо продуктов, блюд или напитков, такие, как в определённой мере синонимичные существительные *sapor*, *gustus*, *sūcus*, сопровождающиеся указанием на какое-либо конкретное вкусовое качество пищи или питья. Рассматривая текст указанной «беседы», мы ставим себе основной задачей

⁴ Одной из характерных особенностей диатрибы является полемика (или беседа) с фиктивным оппонентом, каковым, очевидно, и является Катий в данной сатире Горация.

выяснить, какими из терминов *вкуса* предпочитает пользоваться Гораций, в каких значениях он их употребляет и с какими характеристиками эти термины сочетаются.

Список кушаний, появлявшихся на столе древнего италийца, составлен учёными давно: начало этому исследованию было положено ещё в XVII веке. Пищей бедняков, крестьян были хлеб, овощи, бобовые, фрукты – полезная вегетарианская еда. С течением времени пища богатых людей и городских жителей усложнялась. Известно, в каком порядке подавались разные блюда во время парадного обеда, украшением которого служила свинина – любимое мясное блюдо жителей древней Италии. Марциал позволяет установить стандартное меню богатых обедов: всевозможная дичь (куропатки, горлицы, дрозды), заяц, устрицы, морская дорогая рыба и обязательно дикий кабан, которого ставили на стол целиком: это было животное для общего пира (Сергеенко 1964: 130). Из описания другого обеда у Марциала видно, что обычный обед состоял из трёх частей: закуски – (в неё входили салат, порей, разные острые травы, яйца и солёная рыба; всё запивали напитком, приготовленным из виноградного сока или вина с мёдом – *mulsum*); первая перемена состояла из мясных и рыбных блюд и каш, на десерт (вторая перемена) подавались всевозможные фрукты и каштаны (Сергеенко 1964: 139, 140).

В 4-й сатире 2-й книги Горация, которую мы рассматриваем, в качестве закуски (*gustatio*), которая должна была состоять из возбуждающих аппетит продуктов, упомянуты яйца и капуста, а также курятина, и даются предписания относительно *вкуса* этих самых обычных блюд. Подавать яйца в начале пира, очевидно, было древней традицией, отразившейся в изречении *ab ovo* ‘с яйца’, то есть ‘с самого начала’. Катий советует обращать внимание на форму яиц: продолговатые яйца, – утверждает он, – имеют *лучший вкус* (*sūci meliōris* – *sūcus* + оценочное прилагательное, срав. степень от прил. *bonus*), чем круглые. Стоит отметить, что для обозначения вкуса яиц Гораций из трёх синонимов, имеющих значение ‘вкус (какого-либо продукта)’ – *gustus*, *sapor*, *sūcus*, выбрал сущ. *sūcus*, основным значением которого является *сок*, то есть жидкое

содержимое растения, плода (например, Ovid. Met. 10. 176 *sūcus pinguis olivi* 'жирный сок оливок' – об оливковом масле); выбор Горацием слова *sūcus* обусловлен, по-видимому, метрической необходимостью, поскольку известно, что яйца подавались на стол сваренными вкрутую и разрезанными. На эту разницу во *вкусе* яиц в зависимости от их формы обратил внимание и Плиний; он воспроизводит мнение поэта, употребляя, однако, для обозначения *вкуса* другое слово – синоним *sapor* (Plin. N. H. 10. 74): вот его слова – Гораций считает, что «продолговатые яйца имеют более приятный вкус (*gratiōris sapōris*)». Плиний пишет прозой, его не связывают метрические правила, очевидно, поэтому его выбор пал на существительное *sapor*, для которого значение *вкус* является основным. Продолжая тему вкусовых качеств разных продуктов, Катий высказывает далее весьма сомнительное суждение, что капуста, выросшая на сухих полях (*siccis in agris*) – более сладкая (*caulis dulcior*) и что «нет ничего безвкуснее» того (*nihil est ēlūtius; ēlūtus* – прич. перф. от *ēluo* 'вымывать, смыывать, ополаскивать'; прил. 'водянистый, безвкусный'; значения *ēlūtus* у (ЕМ: 345) – франц. *détrempe* 'влажный', *fade* 'безвкусный, пресный'), что является плодом слишком обильно орошаемого огорода. Здесь мы встречаемся с первыми из большого набора прилагательных, обозначающих конкретный *вкус* какого-либо продукта (*dulcis* 'сладкий') или, напротив, отсутствие определённого вкуса (*ēlūtus* 'безвкусный'). Утверждение Катия о более сладком вкусе капусты, выросшей на сухой почве, противоречит обычному мнению, в том числе и мнению самих древних: Pallad. 3. 24. 5 (*caules*) *sabulone et arenis non delectantur, nisi perennis unda succurrat* «(капусте) не нравятся гравий (крупнозернистый песок) и пески, если только влага постоянно её не орошает». Что касается курицы, она, будучи мясным продуктом, тем не менее могла включаться в *gustatio*. Катий даёт весьма оригинальный совет, как сделать мясо курицы более нежным (стихи 20-22): «чтобы жёсткая курица (*gallina dura*) не нанесла вреда нёбу (*palātum*), умей её живую погрузить в фалернское (вино), смешанное с водой». *Palātum* (также в 46 стихе сатиры) имеет непосредственное отношение к исследуемой нами

теме, поскольку римляне органом, воспринимающим *вкус* пищи, считали скорее нёбо, чем язык (Kießling 1895: 193)⁵. *Palātum*, *i* n 'нёбо' метонимически употреблялось и для обозначения самого *чувства вкуса*: Cic. Fin. 2. 91 hoc est non modo cor non habere, sed ne *palātum* quidem «это значит не только сердца не иметь, но даже *чувства вкуса*»⁶. Следует заметить, что этимологи затрудняются в вопросе происхождения существительного *palātum*: в словаре Эрну и Мейе высказана гипотеза о заимствовании этого термина либо из этрусского, либо из долатинского субстрата (EM: 476)⁷. Помимо трёх рассмотренных ингредиентов – яиц, капусты и курицы, Катий упоминает также грибы, выросшие в полях (*pratensibus fungis*), природу которых он называет наилучшей (*optima natura*), подразумевая под *natura* природные качества, свойства грибов; в их число должен непременно включаться и *вкус*. Далее он уделяет внимание некрепким напиткам, которые полезнее для желудка, много рассуждает о разнообразных видах моллюсков, устриц, о рыбе. И прежде чем перейти к описанию основной части пира (*mensa prima*), он делает глубокомысленное заключение (стихи 35–36): «И пусть никто опрометчиво не присваивает себе искусство обедов, если он не освоил тщательным образом подлинное (букв. *тонкое*) учение о вкусах» (*tenui ratione sapōrum*): я полагаю, *sapōres* здесь следует понимать как 'вкусовые свойства, присущие разным продуктам'.

Как правило, главным кушаньем (*caput cenae*) основной части большого обеда, следующей за *gustatio*, был подавае-

⁵ В поэме Лукреция обозначены оба органа: Lucr. 4. 615 ... qui sentimus *sūcum*, lingua atque *palātum* «то, чем мы чувствуем *вкус*, – наш язык или нёбо» (перевод Ф.А. Петровского).

⁶ В современном английском *palate* также имеет два значения: 1. *анат.* нёбо 2. *вкус* (наряду с *taste* 'вкус').

⁷ В новом этимологическом словаре латинского языка сделана попытка объяснить происхождение *palātum* 'нёбо; свод, купол' благодаря его связи с производным от него *Palātium* 'Палатинский холм': *palātum* могло бы быть прилагательным на *-ato- от корня *pal-(V) 'плоский, ровный, широкий', ср. хет. *palhi-* 'широкий' (de Vaan 2008: 440).

мый целиком дикий кабан. На глазах участников пира кабана разрезал раб, обученный этому делу, по свидетельству Ювенала (Juv. 5. 120–121; 11. 137), на деревянных моделях у специалистов и обладающий верным глазом и твёрдой рукой; жесты его должны были отличаться особой грацией. У Ювенала он режет кабана танцую; нож летает в его руке, проделывающей пластические движения (Сергеев 1964: 141). В 40–42 стихах Горация мы сталкиваемся с ещё одним своеобразным эпитетом, синонимичным *ēlūtus*, обозначающим *безвкусный продукт*: «умбрийский кабан (*Umber aper*) прогибает миски, избегающие *безвкусного мяса*» (*caro iners*): *безвкусным* названо мясо лаврентского кабана, обитавшего в Лавренте, болотистой и лесистой области, в то время как умбрийский кабан вскормлен дубовыми желудями. Происхождение прил. *iners*, *ertis* связывают с сущ. *ars*, *tis* f 'ремесло, занятие, искусство, наука', и в таком случае исходным значением *iners* является 'неискусный', откуда 'ленивый, бездеятельный, вялый' (по отношению к человеку). Однако художники слова значительно расширили употребление этого прилагательного, характеризуя им и неодушевлённые объекты; среди поэтов это Гораций, создавший сочетание *caro iners* 'безвкусное, пресное мясо', Вергилий, назвавший 'бесплодную землю' *gleba iners*, Овидий (*frigus iners* 'леденящий, сковывающий холод') и т. д. Помимо кабана подавали на стол и другие мясные блюда, например зайчатину. И здесь в стихе 44 говорится о поведении на пиру человека, искушенного в основах гастрономического искусства, знатока кулинарии: он обозначен высокопарным словом – субстантивированным прил. *sapiens* (в данном контексте – 'тот, кто разбирается или знает толк в «тонком деле вкусовых ощущений»' – см. выше *tenuis ratio sapōrum*), что свидетельствует о высоком мнении Катия по поводу важности излагаемого им нового учения. Этот *sapiēns* 'знаток, гурман' отрежет на пиру переднюю лопатку упитанной зайчихи (*fecundae leporis armos*). *Sapiēns* образовано от глагола *sapio*, *ere* 'иметь (определённый) вкус' (о продуктах) или 'ощущать вкус' (о людях), откуда в переносном значении 'иметь вкус, различать; быть умным'; отсюда прил. *sapiēns* '(раз)умный, рассудительный, благоразумный', как сущ. –

‘знаток, мудрец’. Поговорочное выражение *sapienti sat* «для понимающего достаточно» встречается уже в комедии Плавта «Перс» (IV. 7. 729)

Выше было сказано, что между описанием первой и второй перемены блюд вклиниваются предписания Катия о разных способах, с помощью которых можно улучшить вкус вин (стихи 51–57); упоминаемые здесь массийские вина относятся к самым благородным винам Кампании, и Катий предостерегает от процеживания их через лён, так как в этом случае они теряют свой *первоначальный вкус* (v. 54 *integrum sapōrem*): это уже четвёртая характеристика *вкуса* (после прилагательных *dulcis*, *ēlūtus* и *iners*) в рассматриваемой нами сатире Горация. В стихах 58–69 приводятся несколько лечебных рекомендаций относительно того, как улучшить состояние раздражённого желудка, а также даются рецепты приготовления простого и двойного соуса. Простой соус (*iūs simplex*) готовился на основе *свежего оливкового масла* (*olivum dulce*, стих 64); прил. *dulcis* имеет здесь другое значение, чем в стихе 16 (*caulis dulcior*), где этим эпитетом был обозначен *более сладкий вкус капусты*, выросшей на сухих полях. В целом создаётся впечатление, что Катий во всех подробностях обрушивает на Горация переполняющие его знания, только что полученные от неназванного учителя⁸.

Описание второй перемены в обеде (*mensa secunda*) очень кратко – всего 6 строк. Фрукты были у римлян традиционным завершением трапезы (*ab ovo usque ad mala* «от

⁸ Катий заслужил весьма не лестную и суровую характеристику, данную ему проф. М. Е. Сергеенко, изучавшей различные стороны быта древнего Рима, в том числе и питание италийцев. «В богатых и малокультурных слоях римского общества, – читаем в её монографии «Жизнь древнего Рима», – было немало число и обжор, и пьяниц, и людей, для которых и смысл, и радости жизни были в еде. Галерею их можно начать с Горациева Катия, который излагал собеседнику кухонную премудрость, объявляя её превосходящей учение Пифагора и Платона» (Hor. Sat. II. 4.; Сергеенко 1964: 131). Имеются в виду начальные стихи рассматриваемой сатиры – 2–3 *novis praesceptis, qualia vincunt / Pythagoran Anytique reum* (то есть Сократа) *doctumque Platona*.

яйца до яблок»). Здесь Катий касается вопроса о *вкусе* яблок в зависимости от сорта, от места произрастания: 70–71 *Picenis cedunt pomis Tiburtia sūco, Nam facie praestant* «тибуртинские яблоки *вкусом* уступают пиценским, но видом они превосходят». Употребление *sūcus* ‘сок’ в данном контексте – для обозначения *вкуса* яблок – вполне закономерно, поскольку сочность является одним из качеств, свойственных этим плодам. С чувством гордости повествует Катий и о некоторых собственных кулинарных изобретениях, переходя в заключение своего длинного монолога к внешнему оформлению пира (стихи 76–87). И заканчивается «беседа» настоятельной просьбой Горация устроить ему личное знакомство с создателем того нового кулинарного учения, о котором с таким увлечением поведал ему Катий; возможно, Гораций в душе просто потешается над восторгом Катия по поводу всего изложенного и особенно над той важностью, с которой он это учение преподносит.

Э. Норден полагает, что «*Sermones*» Горация по изяществу, по совершенной утончённости выражения (*urbanitas*) можно сравнить только с письмами Цицерона, которые полезно читать наряду с сатирами Горация. Забавная беседа Цицерона с его племянником, о которой он сообщает Аттику (XIII 42) и обозначает определённым образом как диалог, по жанру идентична сатирам второй книги Горация (“*Sermones*” 3. 4. 5. 7. 8). Конечно, остроумными и одухотворёнными были и другие авторы до и после Горация, но он обладал тем, что обычно нелегко нам найти у римлян в этом отношении, – подлинным юмором (Norden 1954: 67).

В заключительных стихах 4-й сатиры Горация (94–95) *fontes ut adire remotos / Atque haurire queam vitae praescepta beatae* «чтобы я мог прийти к отдалённым источникам и черпать наставления для счастливой жизни» комментаторы видят пародию на знаменитые строки из поэмы Лукреция «О природе вещей» – *Lucr. IV. 2 iuvat integros accedere fontes atque haurire* «мне отрадно устами / К свежим припасть родникам» (перевод Ф. А. Петровского).

Таким образом, в небольшом поэтическом произведении Горация были отмечены несколько терминов, обозначающих *вкус* и его отличительные признаки: существи-

тельные *sapor* и *sūcus* (оба дважды), *palātum* (дважды), субстантив *sapiens*, прилагательные – *melior* (срав. степень от *bonus*), *dulcis* (дважды, но в разных значениях), *ēlūtus*, *iners*, *integer*. Сущ. *gustus*, а также формы глаголов *gusto* и *sapio* в этой сатире Горация не встретились. Чтение и анализ 8-й сатиры из 2-й книги Горация, где дано сатирическое изображение пира, возможно, пополнит приведённый перечень латинских терминов *вкуса* и его характеристик, встречающихся у этого автора.

Литература

- Дуров 2000 – Дуров В.С. История римской литературы. Серия «Филология и культура». Филол. фак-т СПбГУ. 2000.
ИВЛ 1983 – История всемирной литературы. Т. 1. М.: 1983.
Прокопьева 2008 – Прокопьева Л. Б. Философско-нравственная концепция жизни человека в переводах М. Н. Муравьёва (Гораций. Сатиры, 2. 6) // Классическая филология в Сибири. Томск: Изд-во Томского университета. 2008. С. 134–153.
Сергеенко 1964 – Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. М.:Л.
Тронский 1947 – Тронский И. М. История античной литературы. Л.: 1947.
Хрестоматия 1958 – Хрестоматия по античной литературе. Т. II. Римская литература. М.: 1958.
Ярхо, Полонская 1967 – Ярхо В. Н., Полонская К. П. Античная лирика. М.: 1967. Изд-во «Высшая школа».
Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4 éd. Paris, 1959 (Сокр. EM).
Hill 1996 – Hill D. E. Рецензия на: Muecke F.: *Horace Satires II*. Warminster, Aris et Phillips, 1993. Pp. XII + 243 // *The Classical Review. New Series*. V. 46, № 1, 1996. С. 21–22.
Kiessling 1895 – Q. Horatius Flaccus. Satiren. Erklärt von A. Kiessling. Zweite Auflage. Berlin, 1895.
Norden 1954 – Norden E. Die römische Literatur. Leipzig, 1954.
de Vaan 2008 – Vaan M. de. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, 2008.

Summary

In a satire (“Sermones” II 4) by Horace a certain narrator Catus deliberates on the newest gastronomic doctrine of an unknown author. The satire is saturated with culinary evidence. The article considers the terms of taste (*sūcus*, *sapor*, *palātum*) preferred by Horace and their characteristics – *melior*, *dulcis*, *ēlūtus*, *iners*, *integer*.

М. В. Домосилецкая

**ФИТОНИМ *HUMULUS LUPULUS* 'ХМЕЛЬ ОБЫКНОВЕННЫЙ'
В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ**

Резюме. На материале 8 балканских языков и их диалектов прослеживаются закономерности в народном наименовании *Humulus lupulus* (хмель обыкновенный), определяются причины сильного влияния славянской лексики ХМЕЛ, устанавливаются наиболее подверженные заимствованиям ареалы (дакорумынский). Приводится классификация ономазиологических моделей номинации хмеля. *Общебалканских* моделей не обнаруживается, установлены три *региональных* мотивационных модели: 1. «западная» – 'изгибать'; 2. «юго-восточная» – 'почка, бутон, припухлость'; 3. «восточная» – 'блевать'.

Ключевые слова: балканские языки, диалекты, лексика, фитонимия, ономазиология, этимология, хмель обыкновенный.

Данная работа представляет собой очередное ономазиологическое исследование лексико-семантической группы «Названия вьющихся растений» в балканских языках и диалектах, в которую могут быть включены сходные с точки зрения *народной* ботанической классификации растения, обладающие одним определенным качеством – некрепким, чаще травянистым, ползучим длинным стеблем, требующим в процессе роста опоры в виде других растений, почвы, камней, построек и проч. Здесь представляется возможным рассмотреть балканские наименования еще одного подобного растения – хмель обыкновенный (*Humulus lupulus*)¹.

На материале 8 балканских языков (албанский, новогреческий, арумынский, румынский, болгарский, македонский, сербский, хорватский) и их диалектов предпо-

¹ Результаты исследования, касающиеся общебалканских, региональных балканских и уникальных национальных принципов номинации таких вьющихся растений как *Hedera helix* 'плющ обыкновенный' и *Clematis* 'клематис', см. в следующих публикациях: Домосилецкая 2009а; Домосилецкая 2009б.

лагаются проследить закономерности в народном наименовании хмеля обыкновенного, определить взаимозаимствования (если таковые обнаружатся) и установить наиболее подверженные заимствованиям ареалы. Второй главной целью ставится проанализировать все возможные балканские ономазиологические модели номинации хмель обыкновенный (*Humulus lupulus*) и, по возможности, проследить их пространственное распределение.

Хмель обыкновенный – это вьющаяся травянистая лиана, многолетнее растение длиной до 6–10 м. На зиму стебли его отмирают, а весной из почек отрастают новые. Хмель как дикорастущее растение в Европе известен по всей зоне умеренного и по большей части субтропического средиземноморского климата. Хмель культивируется очень давно, однако довольно легко дичает, поэтому зачастую трудно выявить его естественный ареал в той или иной местности (Жизнь растений 1982: 281–282).

Главный способ применения человеком хмеля – в производстве пива, при изготовлении которого в кипящее солодовое сусло добавляют высушенные женские соплодия («шишки») этого растения. Такой отвар хмеля, экстрагированный в напиток, и придает пиву приятную горечь, аромат, увеличивает прозрачность, улучшает пенообразование, а главное – является естественным антисептиком и консервантом, предотвращая скисание сусла и готового пива. (Важно при этом заметить, что сам по себе хмель никаким «хмельным» действием не обладает!).

Самой распространенной от Балкан до Карпат лексемой для обозначения хмеля следует полагать слав. ХМЕЛ: БОЛГ. *хмел* + диал. *див хмел* 'дикий хмель', *мел* (Давидов, Явашев 1939: 182); МАКЕД. *хмель*; СЕРБ. и ХОРВ. *хмель* + диал. *хмел*, *мель*, *хмелина*, *мелика*, *мелевина*, *мильвина*, *хмельвина* (Симоновић 1959: 237); НГР. диал. *χούμελη*, *χόμελη* (Budziszewska 1991: 58) и многообразные РУМ. формы типа *hamei*, диал. *hătei*, *hîmei*, *homei*, *hemei*, *amei* и т. п. (Mihăilă 1960: 71; Borza 1968: 85). Все вышеперечисленные греческие и дакороманские формы – несомненные заимствования из южнослав.-болг., макед., серб., хорв. *хмель* < др.-слав. *хъмелъ* (Mihăilă 1960: 71; Budziszewska 1991: 58). При этом происхождение самого слав. *хъмелъ* остается не

совсем ясным. К примеру: С. Младенов, справедливо считая корень общеславянским, на основании сравнения с древнесканд. *humall*, *humli*, финск. *humala*, венг. *kombó*, сев.-тур. *xomlah*, осман.тур. *kumlak* возводит его к «арио-алтайскому» (Младенов 1941: 669–670); М. Фасмер рассматривает корень как древнегерманский, который был параллельно заимствован в финский (*humala*), среднелат. (*humulus*) и слав. (*хмел*) (Фасмер 1973); А. Вальде и И. Хофманн обозначают лексему как «странствующее слово», позднелатинскую глоссу *humulus* вместе с древнесканд. *humle* и древнесаксон. *humele* выводят из слав. («древнеболг.») *chmelъ* < *chъmelъ*, что, в свою очередь, было заимствовано из восточнофинского (ср. мансийск. *qumliх*) или тюркского (Walde, Hofmann 1938: 664). Интересная гипотеза предлагается в «Этимологическом словаре славянских языков», где О. Н. Трубачев восстанавливает первоначальное значение славян. **хъmelъ* как 'опьянение', а обозначение этой лексемы растения *Humulus lupulus* как популярного *нехмельного* ингредиента при усовершенствовании пивоварения уже считает вторичным. Этот семантический архаизм и богатство значения славянского слова обесценивают, с его точки зрения, скандинавские, германские и тюркские его этимологии. Он полагает, что славянское слово скорее всего древнеосетинского (скифского) происхождения из иран. **hauma-* 'священный возбуждающий напиток для ритуального опьянения' (ср. др.-инд. *soma-*) (ЭССЯ 1981: 141--145).

Не располагая достаточными историческими основаниями, чтобы судить о том, *кто* из народов раннего средневековья (славяне, германцы, финно-угорские племена или др.) привнес использование сушеного хмеля в пивоварение (известное еще у древних египтян, шумеров, фригийцев, фракийцев, скифов, римлян, кельтов), остановимся лишь на древних свидетельствах его присутствия в быту именно *славян*. Первое упоминание о хмельном пиве у славян относится к 448 году (Лавренова 2001: 9; Довгань 1995: 23). О прекрасном знакомстве славян с хмелем, в особенности его легкими шишками, еще в X в. свидетельствует Лаврентьевская летопись, где в записи за 985 год приведена клятва волжских болгар, принесенная князю

Владимиру при заключении мирного договора: «Толи не будет межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонутуи» (Повесть временных лет: 62).

Широкое распространение в Юго-восточной Европе славянской лексемы ХМЕЛ как наименования *Humulus lupulus* – повсеместно в южнославянских языках, обширно как заимствование в дакороманском ареале и узко в новогреческих говорах – может в значительной степени свидетельствовать, прежде всего, о лучшем знакомстве с этим растением именно славян, об активной включенности этого растения в их повседневный обиход. Кроме того, это косвенно может еще раз подтвердить изначальную непопулярность пива и связанного с ним хмеля среди коренных балканских народов: албанцев, восточных романцев и в особенности греков – любителей и ценителей виноградного вина.

Однако отсутствие у автохтонных балканских народов глубоких корней пивоварения не означает, что они не были знакомы с этим растением, не выделяли его из окружающей флоры и не применяли его в какой-то мере для своей жизни. Для его названия они использовали как заимствования, так и исконные для каждого языка образования.

Несомненными заимствованиями для обозначения хмеля в балканском регионе следует полагать нижеследующие.

В АЛБ. 1) диал. грецизм *kampatë* ‘хмель’ (Fjalor i emrave të bimëve 2003: 147) < не обнаруженный пока нгр. диалектизм, связанный с понятием *κάμπτω* ‘гнуть, сгибать’, ср. нгр. *καμπή* ‘изгиб, поворот’, *καμπία* ‘гусеница’, *καμπτός* ‘гибкий, сгибаемый’, что аналогично алб. *kulpër* ‘хмель’ < *përku* ‘сгибать, наклонять’ или др.-алб. **kulpa* (см. ниже); данная мотивировка совершенно логична и не противоречит общему облику хмеля как выщегося, гибкого растения; 2) диал. славизм *luvër* ‘хмель’ (Fjalor i emrave të bimëve 2003: 147) (ср. алб. литер. *lar*, диал. *lulari* ‘лавр благородный *Laurus nobilis*’) < серб. *ловор* ‘лавр’, с переносом наименования с одного на другое растение, что в фитонимии является далеко не единичным случаем, причем даже при сопоставлении растений, совершенно несо-

поставимых внешне и функционально. Здесь причиной переноса наименования могло служить не внешнее уподобление, а скорее некоторые вкусовые сходства, а именно – горьковатость и пряный вкус, необходимые человеку при кулинарной обработке (листья лавра) и пивоварении (шишки хмеля).

В НГР. диал. славизм *χούμελη, χύμελη* 'хмель' (Budzi-szewska 1991: 58).

В РУМ. 1) албанизм *curpân* 'хмель' < алб. *kurpën* (Orel 1998: 202; Çabej 2002: 132)²; 2) славизм *hamei*, а также диал. *hămei, himeî, homei, hemei, ahei* (Mihăilă 1960: 71; Borza 1968: 85) + вероятно, сюда же дальнейшие собственные созвучные образования *mei, meiuğă, tuiuğă, muluğă, măiuğă, măluğă, mătmăiuğă, mătmăluğă* (Borza 1968: 85). Также см. *vîñă de hamei* 'хмель', что букв. 'жила хмеля, хмельная жила', и *viță de hamei* 'хмель', что букв. 'лоза хмеля, хмельная лоза' (там же) – по соответствующему уподоблению стеблей-лиан; 3) *cumlău* 'хмель' – трансильванский унгаризм < венг. *komlor, komló* 'хмель'.

В БОЛГ. обнаружен только один диал. турцизм *сербет* 'хмель' (Давидов, Явашев 1939: 182) < тур. *şerbet* 'шербет; раствор чего-либо', см. тур. *şerbetçiotu* 'хмель', букв. 'шербет-трава'.

Таким образом, при наименовании хмеля обыкновенного наиболее подвержен заимствованиям дакорумынский (славизмы, албанизмы, унгаризм). При обилии собственных исконных слов-синонимов для обозначения хмеля албанский обладает также двумя региональными заимствованиями новогреческого и славянского происхождения. Наибольшее влияние на балканские языки и диалекты оказал здесь славянский фитоним *хмел*. Влияние ни латинской, ни греческой, ни тюркской фитонимии в данном случае практически не наблюдается.

Основными мотивационными моделями (мотивировками, ономасиологическими признаками) при наименова-

² Арум. *curpan, curpin* 'ползучее растение, усик; клематис' также из алб. *kurpën*.

нии хмеля в балканских языках и диалектах можно считать следующие:

I. По внешним признакам растения:

1. От глагола 'изгибать, сгибать, наклонять'. АЛБ. *kulpër* (литер.), *kurpën, kurpën e egër* (букв. 'дикий хмель'), *kulpër e butë* (букв. 'мягкий хмель'), а также диал. *kurpën, krrupnajë, kurrpajë, kërrpajë* (Fjalor i emrave të bimëve 2003: 147). Здесь предлагается усмотреть метатезу от глагола *përkul* 'сгибать, наклонять' (Çabej 2002: 196). Существует, однако, вполне правдоподобное предположение о том, что все указанные формы – сингуляризованное мн.ч. от **kulp* < др.-алб. **kulpa*, родств. литов. *kilpa* 'петля' (Orel 1998: 202)³. Ср. в этой связи название другого *вьющегося* растения в албанском – *kulpër* 'Clematis (клематис)'⁴. РУМ. *cirpân* 'хмель' – несомненное заимствование из албанского (см. выше). В конечном итоге, к понятию 'изгибать, сгибать' можно свести и ХОРВАТ. диал. *кук, куке* (Симоновић 1959: 237) (ср. серб и хорв. *кука* 'крюк') < общеслав. *kuka* 'крюк' (Skok 1972: 225–226)⁵.
2. От глагола 'вить' (свойство виться, обвивать другие растения в поисках опоры). БОЛГ. суффиксальные образования: *повет, повит, пофит, пафит, повой* – все в

³ Ср. лат. *culpa* 'вина, провинность, проступок; ошибка; виновник, причина несчастья; недостаток, недочет', где в качестве семантического ядра также усматривается некое *отклонение* от нормы, девиация, *изгиб* (в линии поведения).

⁴ Лексема используется как общее родовое название Clematis, так и для наименования всех разновидностей: Clematis vitalba 'клематис виноградолистный', Clematis flammula 'клематис жгучий', Clematis viticella 'клематис фиолетовый': *kulpër, kulpë, kulpër e butë, kurpë e egër, kurpën, kurpth* и т. д.

⁵ В хорватских говорах *кук* используется для обозначения двух вьющихся и с точки зрения народного понимания сходных растений: Humulus communis 'хмель обыкновенный', Tamus communis 'тамус обыкновенный'. Об аналогичном явлении с серб. *бљушт*, болг. *блюш* см. ниже. Хорват. диал. *кук* Sonchus oleraceus 'осот огородный' ни по каким признакам с данной мотивировкой не связано – принципы номинации не ясны.

- значении 'хмель' (Давидов, Явашев 1939: 182; БЕР 1996: 405–406).
3. От глагола 'лазать, лезть'. БОЛГ. диал. *лозина* 'хмель' < *лоза* (Cholioltshev 1990: 111). По мнению М. Фасмера, общеслав. *лоза* либо родственно литов. *lazda* 'палка, орешник', латыш. *lagzda* 'орешник', др.-прусск. *laxde* 'орешник', алб. *lajthi* 'орешник', армян. *last* 'плот, челн', либо связано (что, как нам кажется, более справедливо) с общеслав. глаголом *laz-* (Фасмер II: 512). Поскольку речь идет о ползучем, вьющемся растении, ЭССЯ совершенно однозначно возводит к праслав. **loza* < глагол **lězti* (ЭССЯ 1990: 118–119).
 4. От существительного 'почка, бутон; круглая пуговица' (по форме плодов-орешков, покрытых кроющими листьями женских соцветий, в целом напоминающих пухлые шишки). АЛБ. *sumbullar* 'хмель' < *sumbull* 'круглая пуговица; почка, бутон' < др.-алб. **tumba* ср., др.-греч. *κύμβη* 'чаша', др.-ирланд. *comt* 'сосуд' (Orel 1998: 404). Скорее всего, по этому же признаку – наличие округлых «шишек» – хмель имеет в НГР. говорах название *βούμι*. Слово отличается характерный экспрессивный взрывного характера формант *βού-*, отражающий общее понятие 'припухлость, вздутие, округлость, выпуклость, бугорок'. Этот звуковой комплекс имитирует звук, издаваемый при выпуске воздуха из надутой щеки или рта. Ср. др.-греч. слова *βουνός* 'холм, бугор', *βουνιάς* 'брюква', *βούνιον* *Vunium spinosum* 'володушка колючая'⁶.
 5. 'Белый' (по окраске мужских цветков в метелках светло-желтого, беловатого цвета). БОЛГ. диал. *беличе* 'хмель' (Давидов, Явашев 1939: 182; Cholioltshev 1990: 23, 48).
 6. От существительного 'волк', 'волчонок' путем уподобления с этим животным и метафоризации: НГР. *λυκίσκος* 'хмель' (< *λύκος* 'волк', *λυκίσκος* 'волчонок'). Возможно, в данном случае имеем дело с неким

⁶ Средиземноморское растение, имеющее одиночный крупный клубень и многочисленные стеблевые колючки.

домыслом-отражением очень давней «околокнижной» традиции восприятия этого растения как злого, приносящего вред, имеющего явный отрицательный семиотический статус⁷. Дело в том, что хмель упоминался Плинием Старшим в «Naturalis historia» (Libri XXI, 86) под названием «*lupum salictarium*» («*lupus salictarius*»), т.е. ивовый волк = ивовый хмель, дикий хмель, растущий среди ив. Считалось, что это растение, являясь паразитом, словно хищник, обвивает деревья, душит их, как волк овцу, и сосет из них соки, отчего растения высыхают. Данное лексикализованное олицетворение, вероятно, содержит в себе признаки народной этимологии⁸. С некоторой долей вероятности можно думать, что научное название хмеля *Humulus lupulus*, предложенное еще Карлом Линнеем, как-то, хотя бы по созвучию, соотносится с античной традицией, где *humulus* – «средневековое латинизированное славянское или голландское название хмеля; лат. *lupulus* – от итал. *lupulo*⁹ – название хмеля» (ЭСЛР 1999: 292). Никаких же свидетельств существования гипотетического диминутивного лат. **lupulus* 'волчонок' нам обнаружить пока не удалось.

II. По свойствам растения, используемым человеком или отражающимся на жизни человека:

7. 'Горький'. БОЛГ. диал. *горец, горчец, горц, горчица, горчиц, гурец* – все в значении 'хмель' (Давидов, Явашев 1939: 182). Свежие шишки хмеля имеют горький и ароматный вкус, поскольку доля горьких веществ достигает в них 25% состава (Учебная книга 1975: 31). Этот вкусовой букет и передается пиву при его изготовлении, поэтому совершенно естественно объ-

⁷ Этот отрицательный статус унаследован только новогреческим, не встречается в других балканских языках.

⁸ Ж. Андре связывает лат. название с горечью, едкостью и вяжущими свойствами сока хмеля ('едкий' = 'кусающий (как волк)') (André 1956: 191), что более реалистично и параллельно многочисленным южнослав. образованиям типа *горец* (см. ниже II.1.).

⁹ Совр. итал. *lupulo* 'хмель'.

- яснение из слав. корня *гор(ък)* (БЕР 1963: 266-267; Cholitshev 1990: 35, 37, 59).
8. 'Сладкий'. ТУР. *şerbetçiotu* 'хмель' (< *şerbet* 'шербет (сладкий напиток); раствор чего-либо' + *otu* 'трава'). Можно предположить, что в основе наименования лежит понятие о какой-то травянистой растительности для изготовления сладкого напитка. Однако поскольку напиток, настоянный на шишках хмеля, сладким назвать трудно, то объяснение следует искать в другом направлении. Дело в том, что издревле во многих странах Средиземноморья молодые весенние побеги хмеля употребляют в пищу как сезонный овощ, наподобие спаржи, а в Румынии, к примеру, с ними варят различные овощные похлебки (Borza 1968: 86; Лавренова 2001: 13).
 9. 'Закваска'. ТУР. диал. *mayaoṭu* 'хмель' (< *mayā* 'закваска' + *otu* 'трава'), т. е. трава для закваски. Дрожжевые грибки, находящиеся в хмеле и играющие такую важную роль в пивоварении, применяются и в хлебопечении в качестве дрожжей (хмельно-солодовая закваска) (Учебная книга 1975: 30).
 10. 'Конопля'. СЕРБ. диал. *кудильице* (Симоновић 1959: 237) < *кудѣља* 'конопля' < общеслав. **kǫdělъ* < *kǫ* + *del-* (< и.-е. **del* 'плести' (?)) (ЭССЯ 1985: 148-149). Хмель относится к семейству коноплевых Cannabaceae и обнаруживает определенное сходство с *Cannabis* даже в функциональном отношении: из гибких прочных стеблей хмеля, богатых лубом, плетут корзины, а при определенной обработке, сходной с обработкой конопли, получали светло-бурое прочное волокно для грубой пряжи (в основном для тканья мешковины), а также для вития веревок.
 11. От глагола 'блевать' (общеслав. **blǫvati*). СЕРБ. диал. *бљуст* (Симоновић 1959: 237), БОЛГ. диал. *бљош*, *плюш* (БЕР 1962: 58). Данный фитоним мог возникнуть: 1) как результат фиксации реального свойства хмеля (отравляющее воздействия хмеля может наблюдаться у человека только при длительном сборе его шишек), 2) как перенос названия с других внешне сходных вьющихся растений, отличающихся интоксикационным

воздействием на человека. Это *Tamus communis* 'тамус обыкновенный', средиземноморская травянистая лиана маквисов¹⁰ и лиственных лесов, и *Hedera helix* 'плющ обыкновенный', которые действительно обладают рвотным эффектом (см. серб. литер. *пљушт* 'плющ', серб. диал. *бљушт* 'тамус обыкновенный', болг. диал. *блoш*, *плюш* 'тамус обыкновенный'¹¹).

Отмечалось, что у некоторых народов имеет место символизация различных специфических свойств хмеля, к числу которых относятся: 1) беспрецедентно быстрый рост – за одно лето до 10 м, 2) якобы опьяняющее воздействие в качестве составной части пива и как следствие способность снимать или ослаблять ограничения в сознании и поведении человека (Баранов 1996: 75). Однако собранный нами обширный балканский материал не нашел подтверждения данных положений.

Обладая успокаивающим, антисептическим, мочегонным и противовоспалительным действием, хмель у многих этносов считается народным лечебным средством. К примеру, в народной болгарской медицине шишки хмеля рекомендовали для улучшения пищеварения, при желтухе, песке и камнях в почках, воспалении мочевого пузыря, головных болях и бессоннице и проч. (Българска народна медицина 1999: 672). Тем не менее, среди способов номинации *Humulus lupulus* на Балканах не обнаружено ни одного ономасиологического признака, так или иначе имеющего отношение к народной медицине (по названию болезней, по названию частей тела, на которые воздейст-

¹⁰ Маквис, маккия (франц. *maquis*, корсиканск. *macchia*) – заросли вечнозелёных жестколистных и колючих кустарников и невысоких деревьев (дикая фисташка, мирт, земляничное дерево, можжевельники, дикая маслина, ладанники и другие). Маквисы очень типичны в странах Средиземноморья в нижнем поясе гор до высоты 700 м, где они образуют густые, часто труднопроходимые заросли или реже подлесок в вечнозелёных жестколистных лесах.

¹¹ Алб. *brushrullë* 'Hedera helix плющ' – заимствование из слав. *блoшт*, в свою очередь арум. *bruştir*, *bruştură* и рум. *brusture* 'лопух, репейник' – из алб.

вует растение, по названию физиологических состояний человека и проч.).

Интересно, что подход к номинации хмеля в балканских языках и диалектах чисто практический и реалистический – никаких наименований *Humulus lupulus*, связанных с легендами, народными магическими обрядами, поверьями, в частности апотропеическими, пока не обнаружено¹². Единственным метафорически неясным двусоставным наименованием хмеля является рум. диал. *pește de pădure* букв. 'лесная рыба, рыба леса', а этимологически неясным – рум. диал. *tofolean* (Vorza 1968: 85; DLR).

Итак, *общевалканских* мотивационных моделей при наименовании хмеля обыкновенного не обнаружено. Установлены три региональных мотивационных модели, так или иначе связанных с общими понятиями: 1. «западная» – 'изгибать' (АЛБ. и ХОРВ.); 2. «юго-восточная» – 'почка, бутон, припухлость' (АЛБ. и НГР.); 3. «восточная» – 'блевать' (СЕРБ. и БОЛГ.). Только здесь можно усмотреть некоторый параллелизм в образном мышлении «Ното balcanicus». Все остальные ономаσιологические признаки, выраженные понятиями 'вить', 'лазять', 'белый', 'горький', 'сладкий', 'волчонок', 'закваска', 'конопля', встречаются ограниченно в рамках одного языка или одного говора.

Литература

- Баранов 1996 – Баранов Д. А. Хмель (из мифологического досье) // Животные и растения в мифологических системах. Материалы научной конференции. СПб., 1996. С.75-76.
БЕР 1962 – Български етимологичен речник. Сост. Вл. Георгиев. И. Дуриданов. Т. I Св.1. София, 1962.
БЕР 1963 – Български етимологичен речник. Сост. Вл. Георгиев. И. Дуриданов. Св. 2. София, 1963.

¹² См., в частности, славянские представления о хмеле как о символе любви (типичная мифологическая функция *вьющегося* растения) и воплощении жениховства. А. А. Потебня писал: «Хмель есть символ жениха, следовательно, мужского, оплодотворяющего начала, но вместе и богатства, которого делают молодым при обсыпанье» (Потебня 2000: 143).

- БЕР 1996 – Български етимологичен речник. Сост. Вл. Георгиев. И. Дуриданов. Т. V. София, 1996.
- Българска народна медицина 1999 – Българска народна медицина. Енциклопедия. Съст. М. Георгиев. София, 1999.
- Давидов, Явашев 1939 – Давидов Б., Явашев А. Материали за български ботаничен речник. София, 1939.
- Довгань 1995 – Довгань В. Н. Книга о пиве. Смоленск: «Русич», 1995.
- Домосилецкая 2009а – Домосилецкая М. В. Фитоним *Clematis клематис*, или ломонос в балканских языках и диалектах // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Санкт-Петербург: Наука, 2009. С. 139–153.
- Домосилецкая 2009б – Домосилецкая М. В. Фитоним *Hedera helix* плющ обыкновенный в балканских языках и диалектах // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Сборник трудов III международной научной конференции (5–7 июня, 2009, Таганрог, Россия). Часть 2. Таганрог: Издательский центр ГОУВПО «Таганрогский государственный педагогический институт», 2009. С. 53–57.
- Жизнь растений 1982 – Жизнь растений. Т. V(1). М., 1982.
- Лавренова 2001 – Лавренова Г. В. Пиво и здоровье. СПб., 2001.
- Младенов 1941 – Младенов Ст. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Повесть временных лет // Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. Под ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: «Художественная литература», 1969. С. 28–91.
- Потебня 2000 – Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
- Симоновић 1959 – Симоновић Др. Ботанички речник. Имена биљака. Београд, 1959.
- Учебная книга 1975 – Учебная книга хмелевода. Чебоксары, 1975.
- Фасмер 1967 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.
- Фасмер 1973 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973.
- Хмелеводство 1964 – Хмелеводство. М., 1964.
- ЭСЛР 1999 – Энциклопедический словарь лекарственных растений. М., 1999.
- ЭССЯ 1981 – Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. Под ред. О. И. Трубачева. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
- ЭССЯ 1985 – Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. Под ред. О. И. Трубачева. Вып. 12. М.: Наука, 1985.

- ЭСЯ 1990 – Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. Под ред. О. И. Трубачева. Вып. 16. М. : Наука, 1990.
- André 1956 – André J. Lexique des termes de botanique en latin. Paris, 1956.
- Borza 1968 – Borza Al. Dicționar etnobotanic. București, 1968.
- Budziszewska 1991 – Budziszewska W. Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, 1991.
- Çabej 2002 – Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipës. Bleu VI. Tiranë, 2002.
- Cholioltshev 1990 – Cholioltshev Ch. Onomasiologische und derivative Struktur der Bulgarischen Phytonyme (Beitrag zu Bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien, 1990.
- DLR – Dicționarul limbii române. București.
- Fjalor i emrave të bimëve 2003– Fjalor i emrave të bimëve – Dictionary of plant names. Tiranë – Prishtinë, 2003.
- Mihăilă 1960 – Mihăilă G. Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960.
- Orel 1998 – Orel Vl. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Skok 1972 – Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 2. Zagreb, 1972.
- Walde, Hofmann 1938 – Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Band I. A–L. Heidelberg, 1938.

The phytonym *Humulus lupulus* (hop) in the Balkan languages and dialects

The present paper deals with the popular plant names of *Humulus lupulus* (hop) in 8 Balkan languages and their dialects. One can see the strong influence of the ancient Slavic lexeme *ХМЕЛ* 'hop' in the Balkan Peninsula, which can be explained especially by the priority of Slavs in the introduction of hop in brewing. The etymology of this Slavic root is unclear. In general the Dacoromanian area received the greatest number of borrowings for this plant naming: Slavic, Albanian and Hungarian words. A detailed classification of phytonomastical models is given. There are no *pan-Balkanic* models, but some *regional* models are found: 1. "western" (Albanian and Croatian) – from the verb 'to bend, to curve', 2. "south-eastern" (Albanian and Greek) – from the noun 'bud, swelling', 3. "eastern" (Bulgarian and Serbian) – from the verb 'to vomit'. The other models ('to weave', 'to climb', 'white', 'bitter', 'sweet', 'wolf-cub', 'hemp', 'ferment') are limited to one language or even a dialect.

С. С. Донченко

ПЕСНИ БЕНГАЛЬСКИХ БАУЛОВ В ИНДОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Резюме. Статья представляет собой краткий обзор литературы, посвященной песням бенгальских баулов. Песни баулов – тема, недостаточно изученная не только в отечественной, но и в зарубежной индологии. Обзор литературы по данной тематике является материалом, предназначенным как для специалистов, так и для людей, интересующихся индийским фольклором и культурой в целом.

Ключевые слова: баул, песни баулов, Бенгалия, фольклор. Baul, songs of Bauls, Bengal, folklore

Одним из самых популярных видов бенгальского фольклора являются *баул-ган* – песни баулов. Облеченное в узнаваемую музыкальную форму, содержание этих песен отражает особенности эзотерического учения баулов, тонкости которого передаются не посредством письменной литературы, но лишь при помощи песен, а также при непосредственном общении учителя с учеником. В каждой песне отражаются личные переживания автора, при этом многие песни схожи по содержанию, так как они основаны на общих для баулов религиозно-философских и эзотерических представлениях о мире, сформировавшихся на основе тантрического буддизма, индуизма и суфизма. Таким образом, исследование *баул-ган* позволяет приоткрыть завесу тайны над идеями баулов – народных певцов и философов Бенгалии. Песни баулов оказали большое влияние на творчество бенгальских поэтов Нового времени. Несмотря на ценность песен баулов для мировой культуры (что признается ЮНЕСКО), научная литература, им посвященная, немногочисленна.

Первые упоминания о баулах встречаются уже в таких произведениях средневековой бенгальской литературы XV–XVII вв., как «Шрикришнобиджой» («Победа Шри Кришны») Маладхора Бошу, «Шричойтонночоритам-

рито» («Нектар деяний Чайтаны») Кришнодаша Кобираджа и др. Позже, в XIX в., английские исследователи включили баулов в список туземных сект; при этом в разных работах наблюдаются разногласия по поводу того, к каким основным религиозным течениям эти секты следует причислять (Hunter W. W. A statistical account of Bengal, 1875, 1876; Risley H. H. Tribes and castes of Bengal, 1891).

Первым собирателем песен баулов был сельский учитель Х. Моджумдар, впоследствии ставший известным под именами Фикирчанд Баул и Кангал Хоринатх. Рабиндранат Тагор заинтересовался *баул-ган*, когда жил в имении Шилаидохо – месте, где проживало большое количество баулов. Он много общался с ними; его трогало то, что бедные, необразованные люди способны излагать глубокие философские вопросы простым, понятным и, в то же время, образным и художественным языком. Идеи баулов были философски переосмыслены великим поэтом, он возвел образ баула на уровень культовый, сделал его (в традиционном одеянии и с музыкальным инструментом «*гопи-янтра*» в руке) символом «истинной», самобытной Бенгалии, свободной от иноземного влияния. Не случайно многие песни сборника «Свадеш» («Независимость») написаны Р. Тагором на мотивы баул-ган.

Баулы привлекали внимание и других бенгальских литераторов, таких, например, как Б. Чокроборти, Н. Ислам. У М. Чокроборти в драме «Кормокхетро» («Поле деяний», 1920–1921 гг.) герой-баул сурово осуждает иностранцев, выступая на стороне Махатмы Ганди.

Такое культурное явление, как баулы, не могло не заинтересовать ученых-индологов. Прежде всего, объектом исследований стали их эзотерические практики. Однако не менее интересны и сами песни баулов, в которых отражено мировоззрение их создателей. Эти песни являются единственным способом самовыражения, они незаменимы при обучении неофитов тайным практикам (основной принцип обучения – непосредственное общение учителя с учеником). В песнях применяется «кодовый» язык, благодаря которому сокровенное знание баулов остается недоступным подавляющему большинству слушателей.

Глубокие и подробные исследования творчества баулов написаны бенгальскими учеными в основном по-бенгальски. Одной из самых авторитетных и содержательных работ, посвященных баулам и их песням, считается труд бенгальского исследователя У. Бхоттачарджо «Баулы Бенгалии и их песни» (Bhattacharya 1958), в котором с привлечением многочисленных литературных источников рассматриваются вопросы происхождения термина «баул», появления баулов как отдельного сообщества, их связи с различными религиозно-философскими течениями, проводится разносторонний анализ песен с особым вниманием к их литературным особенностям. Значительную ценность представляет вторая часть труда У. Бхоттачарджо, где приведены тексты песен, сгруппированные по авторам или местам, где они были собраны фольклористами. Книга сопровождается обширным приложением, включающим записи мелодий некоторых песен в бенгальской нотации.

Следует отметить ряд других публикаций бенгальских исследователей: книгу о баулах Ш. Чокроборти «Баулы и факиры»; сборник М. Моншуруддина «Потерянный драгоценный камень, ч. 2» (Mansuruddin 1972), содержащий статьи о различных видах бенгальских народных песен, в т.ч. и о песнях баулов с обширной библиографией по фольклору. Отдельные сведения о песнях баулов содержатся в фундаментальных трудах О. Бондопаддхая по истории бенгальской литературы (Bondopaddhyay 1966; Bondopaddhyay 2005).

Обобщающим трудом по музыке Восточной Индии, включая и песни баулов, является монография Ш. Рая «Музыка Восточной Индии» (Ray 1985), где рассматриваются основные песенные жанры Восточной Индии. Работа снабжена иллюстрациями и словарем индийских музыкально-ведческих терминов.

Из англоязычных работ, посвященных песням баулов, следует упомянуть книги Б. Бхоттачарджо «The path of the mystic lover» (Bhattacharya 1993), К. Саломон «Cosmogonic riddles of Lalan Fakir» (Salomon 1991) и «Baul songs» (Salomon 1995), а также труд Дж. Оупеншоу «Seeking Bauls of Bengal» (Openshaw 2004), где представлен уникальный

материал, собранный автором во время продолжительной полевой работы среди баулов в нескольких регионах Западной Бенгалии.

Научная литература о баулах на русском языке немногочисленна. Одной из первых среди российских исследователей обратила внимание на баулов и их песни, Е. К. Бросалина, которая своей статье 1989 года сформулировала основные идеи этого сообщества, рассмотрела некоторые литературные особенности, присущие баул-ган и проанализировала влияние этих песен на бенгальскую литературу эпохи романтизма, в частности, на творчество Рабиндраната Тагора, как ключевой фигуры в литературе того времени.

Еще две работы, в той или иной степени касающиеся баул-ган, принадлежат московскому искусствоведу Т. Е. Морозовой (1993; 2007).

Песни баулов являются важным, но малоисследованным материалом. Надеемся, что в дальнейшем эта тема будет подробнее освящена в индологической литературе. Полагаем, что ее пристальное изучение может стать весьма плодотворным для обнаружения связей между фольклором и литературой.

Литература

- Бросалина 1989 – Бросалина Е. К. Песенное творчество баулов и формирование бенгальского романтизма // Литература Индии. М.: Наука.
- Морозова 1993 – Морозова Т. Е. Рабиндронгит. Музыка Рабиндраната Тагора. М.
- Морозова 2007 – Морозова Т. Е. Некоторые черты жанровой специфики бенгальских локшонгит // Народное творчество стран Востока: Структура, художественные особенности, дефиниции. Ред. и сост. П. Р. Гамзатовой. М.
- Bhattacharya 1958 – Bhattacharya U. Banglar baul o baul gan. Kolkata.
- Bhattacharya 1993 – Bhattacharya B. The path of the mystic lover: baul songs of passion and extasy. Destiny Books, Rochester, Vermont.
- Bondopaddhyay 1966 – Bondopaddhyay O. Bangla sahitter itibritto. Kolkata.
- Bondopaddhyay 2005 – Bondopaddhyay O. Bangla sahitter som-purno itibritto. Kolkata.

-
- Mansuruddin 1972 – Mansuruddin M. Haramoni. Vol. 2. Dhaka.
Openshaw 2004 – Openshaw J. Seeking Bauls of Bengal. Cambridge University Press.
Ray 1985 – Ray S. Music of Eastern India. Vocal music in Bengali, Oriya, Assamese and Manipuri with special emphasis on Bengali. Calcutta.
Salomon 1991 – Salomon C. Cosmogonic riddles of Lalan Fakir // Gender, Genre, and Power in South Asian Expressive traditions / Ed. Appadurai, A., Korom, F. J., and Mills, M. A. Pensilvania University Press.
Salomon 1995 – Salomon C. Baul songs // Religions of India in practice / Ed. Lopez, D. S. Princeton University Press.

Sergey Donchenko. The songs of Bauls in indological literature

The article is a short survey of literature, dedicated to the songs of Bengali Bauls. The songs of Bauls is a subject not adequately explored in Russian as well as foreign indological studies. The survey of literature on this subject is a material meant not only for specialists but for people interested in Indian folklore and culture as a whole.

В. А. Дыбо

**АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРАГЕРМАНСКОГО
ГЛАГОЛА (ПЕРВИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ)**

Резюме. Сопоставление двух групп прагерманского глагола (первичных глаголов с основами, оканчивающимися на *j* и *w*) с их балтославянскими параллелями показало, что германские глаголы с удвоением *j* и *w* должны рассматриваться как окситонированные (они соответствуют балтославянским глаголам с подвижной акцентной парадигмой), а прагерманские глаголы без удвоения *j* и *w* должны рассматриваться как баритонированные (они соответствуют балтославянским глаголам с неподвижной (баритонной) акцентной парадигмой). Проведенный анализ прагерманских отглагольных прилагательных и причастий прошедшего времени с суффиксом *-to-* показал, что подобные прилагательные и причастия делятся на две группы: конечноударные, которые соответствуют балтославянским глаголам с подвижной акцентной парадигмой, и с накоренным ударением, которые соответствуют балтославянским глаголам с неподвижной (баритонной) акцентной парадигмой. Аналогичные выводы были сделаны также по ударению слабого прагерманского претерита от первичных глаголов. Полученные результаты привели к установлению 40 первичных глаголов с корнями на нешумные, которые распределились на две акцентных прагерманских парадигмы (баритонную и окситонированную).

Ключевые слова: прагерманский глагол, балтославянский глагол, подвижная и неподвижная (баритонная) акцентная парадигма.

В последние годы появился ряд интересных работ, авторы которых пытаются объяснить балтославянскую подвижность ударения, исходя из первичности грекоарийской окситонезы, это работы Т. Оландера (Olander 2009) и Дж. Джезнова (Jasanoff 2008). В определенном отношении эти работы представляют собой попытку дать опровержение гипотезы, выдвинутой мной в докладе на XIII Международном съезде славистов, хотя ни в одной из них этот доклад не упоминается и какие-либо возражения против выдвинутой мной гипотезы не приводятся. Авторы исходят из попытки де Соссюра объяснить начальное ударение в «слабых» падежах многосложных атематичес-

ких основ. Соссюр, однако, не решился преобразовать это соображение в фонетический закон, такое преобразование попытался осуществить Т. Торбьернссон (Torbiörnsson 1923), распространив его на подвижную парадигму литовского глагола, пренебрегши тем, что акцентовка презентных причастий связывает эти формы (переносящие ударение на отрицание и приставки) именно с подвижной акцентной парадигмой и, следовательно, с греко-арийской окситонезой. В дальнейшем это направление поиска для акцентовки имен более осторожно обработал Педерсен (Pedersen 1933).

Следует, однако, иметь в виду, что вывести подвижность ударения в балтославянских основах из первичной колонной акцентовки на конечном гласном основы, равно как подвижность ударения в глаголе из накоренного колонного ударения, особенно при использовании морфологических процессов (различного типа аналогий) не столь уж трудно, еще проще объясняется, как я показал в своем докладе, преобразование подвижной акцентной парадигмы (подобной балтославянской) в колонную (подобную греко-арийской). Для этого достаточно ввести передвижение акцента в «слабых» двусложных формах на один слог направо. Однако более сложной, и при том основной проблемой индоевропейской сравнительно-исторической акцентологии является разноместность индоевропейского первичного ударения. В балтославянском эта разноместность оказалась организованной как парадигматическая акцентная система. Была ли такая организация характерна уже для индоевропейского? Ответить на этот вопрос я пытаюсь, исследуя акцентную систему прагерманского глагола.

Под *системами парадигматического акцента* или *парадигматическими акцентными системами* понимаются в Московской акцентологической школе такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента *в слове*, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами (а. п.), по которым *все слова* соответствующего языка распределяются следующим образом:

1. В корпусе непроезводных основ выбор акцентного

типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а присуще данному слову (приписано ему) традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих основ (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).

Глагольная акцентная система в этих языках обычно построена подобным же образом: различные глагольные категории при этом рассматриваются как производные по отношению к глагольной категории, положенной в начало описания.

В ряде предшествующих работ я показал, что в прагерманском в первичных глаголах с корнями, оканчивающимися на нешумные, обнаруживается разделение на два типа, достаточно точно соответствующие двум балто-славянским акцентным типам, которые могут быть интерпретированы как I неподвижная («баритонированная») а.п. и II подвижная («окситонированная») а.п.:

I. Германские глагольные основы «баритонированной» а.п.

1. *spīwa- ~ *sp(j)ūja- 'плевать', 2. *sjūja- 'шить', 3. *sēja- 'сеять', 4. *wēja- 'веять', 5. *spōja- 'удаваться', 6. *bōja- 'хвастать(ся)', 7. *knāja- 'знать', 8. *rūja- 'выщипывать шерсть', 9. *mōja- 'мучить, отягощать', 10. *fauja- ~ *fūje-/*fū-na- 'гноить; гнить', 11. (?) *bāja- 'согреть компрессом' (если < *g^hhr-ē-je-), 12. *rōja- 'грести'.

~ Балто-славянские глагольные основы неподвижной а.п.¹

1. *spīāje- 'плевать', 2. *siūje- ~ *siūne- 'шить', 3. *sēje- 'сеять', 4. *wēje- 'веять', 5. *spēje- 'мочь, успевать', 6. *bāje- 'говорить, рассказывать', 7. *znāje- ~ *znē- 'знать', 8. *rūje- 'рыть', 9. *māje- или *mōje- 'изнурять, мучить', 10. *pūje-

¹ В балтославянских основах здесь и ниже знаками «+» и «-» под соответствующими слогами указаны акцентуационные валентности: «+» – доминантная валентность, «-» – рецессивная валентность. Знаком «˘» над гласным указано акутовое ударение, знаком «ˆ» – акутовая слоговая интонация над безударным гласным.

‘тлеть, гнить’, 11. *grĕje- ‘греть’, 12. *rĕje- ‘грести’

II. Германские глагольные основы «окситонированной» а.п.

1. *dājja- ‘кормить грудью’, 2. *kjūjja- ~ *k(j)ēwwa- ‘жевать’, 3. *hāwwa- ‘ковать’, 4. *būjja- ‘жить, проживать’, 5. *flēwwa- ~ *flāwwa- ‘мыть, стирать, полоскать’, 6. *prēwwa- ~ *brāwwa- ‘угрожать’, 7. *snēwwa- ‘спешить’, 8. *brūjja- ~ *brēwwa- ‘кипеть, клубиться; варить (пиво)’, 9. *hriūjja- ~ *hriēwwa- ‘бить, толкать; толочь’, 10. *blēwwa- ‘драть (бить человека)’.

~ Балто-славянские глагольные основы подвижной а.п.

1. *dēje- ~ *d[ō]je- ‘сосать; кормить грудью’, 2. *zĕje- ~ *zĕj- ‘жевать’, 3. *kāje- ~ *kĕje- ‘ковать, колотить’, 4. *bū- ‘быть’, 5. *plēje- ~ *plĕje- ‘полоскать, лить’, 6. *trōje- ‘травить’, 7. *snēje- ‘сновать, мотать’, 8. *brēje- ‘стремительно течь’, 9. *knāje- ‘резать, рубать, раскалывать, щепать’, 10. *blēje- ‘рвать (блевать), рвать горло (орать)’.

Уже представленный в (Дыбо 2008) набор германских глагольных словоформ, зафиксированных в наиболее ранних источниках, показывает, что нет никаких оснований связывать специфическую рефлексацию сонорных *-w-* и *-j-*, т. е. их одиночный или геминированный характер, с какими-либо определенными категориями глагольного слова. Определенная рефлексация охватывает все зафиксированные категории глагольного слова². Тот факт, что страдательные причастия прошедшего времени распределяются на те же тождественные по составу и по рефлексации две

² Именно это постоянство связи германского *Verschärfung*’а с корневой морфемой и побудило ряд исследователей к поиску причины его в структуре индоевропейского корня. Ошибочное представление о праиндоевропейском ударении как надстройке над морфологическим строением слова, связанной исключительно с его грамматическими элементами (см.: Kuryłowicz 1939), привело к отказу от традиционной гипотезы, объясняющей *Verschärfung* местом индоевропейского ударения, и направило усилия исследователей к поиску сегментных особенностей структуры корня, ответственных за геминацию сонорных (таким было принято положение ларингала по отношению к сонорному). В работах Дыбо 2007 и Дыбо 2008 была показана ошибочность этой гипотезы.

группы, что и формы инфинитива и презенса, может быть продемонстрирован следующей выборкой наиболее рано зафиксированных форм причастий:

Страдательные причастия прошедшего времени

I. Immobilia

1. герм. **spīwen-* < и.-е. **spī̅wen-* [part. др.-англ. *spiwen*, др.-фриз. *spien*; др.-в.-нем. *gispiwan (-spiran)*] ~ герм. **spīwa-* ~ **sp(j)ūja-* 'плевать' < и.-е. **spī̅wo-* ~ **spī̅ūjo-* [гот. *speiwan* 'speien'; др.-англ. *spīwan* 'speien', др.-фриз. *spīa* 'speien'].

2. герм. **sājen-* < и.-е. **sē̅jen-* [part. гот. *saians*; др.-исл. *sáenn* (Cleasby: *sáinn*); др.-англ. *sāwen*] ~ герм. **sāja-* < и.-е. **sē̅jo-* 'сеять' [гот. *saijan* 'säen'; др.-исл. *sā*; др.-сакс. *sāian*, др.-в.-нем. *sāen*, *sājan*, *sāwen*; др.-англ. *sāwan (-ā-)*].

3. герм. **fūjen-* < и.-е. **pū̅jen-* 'гнить; гноить' [part. др.-исл. *fūinn* 'verfault, rott'] ~ герм. **fauje-* ~ **fūje* < и.-е. **poū̅je-* ~ **pū̅je-/pū̅ne-* [др.-исл. *feija* 'verfaulen lassen', *fūna* 'faulen'].

4. герм. **đaujen-* < и.-е. **dhā̅jen-* [part. др.-исл. *dáenn*] ~ герм. **đauja-* < и.-е. **dhā̅ja-* [др.-исл. *deyja*, др.-сакс. *dōjan*, др.-в.-нем. *touwen*] 'sterben'].

5. герм. **rojen-* < и.-е. **rō̅jen-* [part. др.-исл. *róenn*; др.-англ. *rōwen*] ~ герм. **rōja-* 'грести' < и.-е. **rō̅ja-* [др.-исл. *róa* 'rudern'; др.-англ. *rōwan* 'rudern, schwimmen'; ср.-н.-нем. *roien* 'rudern', ср.-в.-нем. *rūejen* 'rudern'].

II. Mobilia

1. герм. **kjūjen-* < и.-е. **gī̅jen-* [part. др.-исл. *tuggenn*] ~ герм. **kjūja-* < и.-е. **gī̅je-* [др.-исл. *tyggja* (Cleasby: *tyggja*); др.-в.-нем. *kiuvan*; др.-англ. *cēovan* 'kauen'].

2. герм. **h̅awwen-* < и.-е. **kō̅jen-* [part. др.-исл. *hōggvinn* (Cleasby: *hōggvinn*); др.-в.-нем. *gihouwan*] ~ герм. **h̅awwa-* < и.-е. **kō̅je-* 'ковать' [др.-исл. *hōggva* (Cleasby: *hōggva*), швед. *hugga*, датск. *hugge*; др.-в.-нем. *houuan*; др.-англ. *hēawan* 'hauen, zerhauen; zuhauen, zurichten; niederhauen, erschlagen'].

3. герм. **brūjen-* < и.-е. **bhr̅jen-* [part. др.-исл. *brugginn* 'brewed'; др.-сакс. *gebreyuan*] ~ герм. **brūja-* < и.-е. **bhr̅je-* [др.-швед. *bryggja*; др.-англ. *brēowan*, др.-фриз. *brouwa* 'brauen'].

4. герм. **h̅rūjen-* < и.-е. **kn̅jen-* [part. др.-исл. *hnuggenn* (Cleasby: *hnugginn*) 'humbled; niedergeschlagen'] ~ герм. **h̅rūja-* < и.-е. **kn̅je-* [др.-исл. *hnyggja* 'stossen, zerreiben'; др.-в.-нем. *hniuwan*].

Эта демонстрация того, что от глаголов с накоренным ударением в презенсе и в инфинитиве образовывались претеритные страдательные причастия тоже с ударением на корне, а от окситонированных в презенсе и инфинитиве глаголов — окситонированные претеритные причастия, имеет один существенный недостаток. Определение характера приписываемого акцентного типа в обеих сопоставляемых частях построено посредством одной и той же процедуры — установления связи наличия или отсутствия геминации сонорных в германском с определенными акцентными типами в балто-славянском. Эта процедура заведомо отвлекается от различия между конечноударностью и подвижностью акцента, что приводит к естественному допущению отвлечения от характера акцентной кривой в глагольном слове. Иначе говоря, приводит к допустимости неакцентологических интерпретаций данного явления. Например, если исследователь принимает тонологическую гипотезу происхождения разноместности индоевропейского акцента, он может связывать *Verschärfung* с низкотональностью корня, а отсутствие такового с высокотональностью, при более консервативной позиции можно утверждать, что геминация возникла, по-видимому, довольно рано в одной из категорий глагола, но затем была распространена на остальные категории по аналогии.

Понимая этот недостаток данного сопоставления, я уже в работе (Дыбо 1961b) предпринял попытку показать бинарность распределения девербативных *-to*-имен в германском, опираясь на закон Вернера. Страдательные причастия на *-to*- сохранились как таковые в германском в основном лишь в системе «слабых» глаголов, лишь небольшое количество их образовывалось от претерито-презентных глаголов и очень небольшое количество от первичных *-j-* и *-w-* глаголов. То, что среди этих *-to*-причастий в германском обнаруживаются не только «нормальные» окситонированные формы, но и «ненормальные» баритонированные, бросалось в глаза не только мне. Собственно, ударение *-to*-причастий, по-видимому, никого серьёзно не волновало (уверенность в окситонезе и.е. *-to*-причастий была незыблема), но то, что рефлексация *-to*-причастий, совпадая с рефлексацией соответствующих формантов слабого прете-

рита, вносила дополнительные осложнения в запутанный и до сих пор не распутанный вопрос о происхождении этой категории германского глагола, имело определенное значение, и работы, посвященные проблеме претерита, иногда касались вопроса о баритонезе, по крайней мере, одной из этих форм, не решаясь, конечно, отнести ее к индоевропейскому наследию.

Так как тогда я мог опираться при определении акцентного типа соответствующих балто-славянских глаголов в основном лишь на латышское отражение балто-славянской акутовой интонации, я смог представить в работе (Дыбо 1961b) 11 германских отглагольных *-to*-имен, 6 баритонированных, соответствующих латышским глаголам с плавной интонацией, и 5 окситонированных, соответствующих латышским глаголам с прерывистой интонацией. Три из этих (баритонированных) соответствий были оспорены В. М. Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч 1962: 68). Эта его критика отражала неуверенность в жесткости тонологического правила Эндзеллина: он считал возможным наличие в латышском ряда метатоний, перекрывших первичное соотношение между латышскими прерывистой и плавной интонациями и (древне-)литовскими акцентными парадигмами. При этом характер германских соответствий не был, конечно, оспорен, и проблема их распределения по разным акцентным типам осталась. Дальнейшие исследования подтвердили жесткость тонологического правила Эндзеллина: отклонения от него оказались в основном результатом акцентологических процессов в литовском – переходы определенных групп лексики в ту или иную акцентную парадигму – и устраняются литовской исторической акцентологией. Однако дальнейшие исследования распределения акцентных типов в индоевропейском С. А. Старостина (Николаев-Старостин 1982: 283–290) и в балто-славянском С. Л. Николаева (Николаев 1989b: 75–90) выявили ряд сложностей при акцентологическом сравнении девербативов и отглагольных *-to*-имен (прилагательных и существительных), с другой стороны. В связи с продвижением в реконструкции акцентологической системы балто-славянского глагола и установлением системы первичной акцентовки ряда германских глаголов с корнями

на нешумные значительно увеличились возможности определения просодического характера глаголов, которыми порождены те или иные *-to*-причастия и прилагательные.

Поэтому в настоящей работе сравнению подвергаются исключительно отглагольные прилагательные на *-to*- и *-to*-причастия. Так как подавляющее большинство *-to*-причастий — это образования, у которых суффикс *-to-* (герм. *-fa-*) вынесен за пределы запретительного действия закона Вернера (причастия от «слабых» глаголов), то следует ожидать довольно значительного влияния этих причастий на нашу группу, особенно в тех случаях, когда причастия и отглагольные прилагательные, входящие в эту группу, не потеряли непосредственной связи с глаголами, от которых они образованы. Это влияние должно отразиться в наличии случаев и вариантов, в которых рефлексация суффикса *-to-* выравнена по рефлексации его в *-to*-причастиях от «слабых» глаголов.

Страдательные причастия на *-to*-
и отглагольные *-to*-прилагательные.

Barytona

1. герм. **dauþa-* part. 'умерший' < и.-е. **dhauto-* [гот. *daups* 'νεκρός', 'tot': acc. pl. m. *daupans* Mt. 8:22, bis; nom. pl. m. *daupai* Mt. 1 1:5; dat. pl. m. *us dauþaim* Mt. 27:64 и др.; др.-англ. *dēad-* (Clark Hall 83), др.-фриз. *dāth*; др.-сакс. *dođ*; при акцентологически нерелевантных и вторичных: др.-исл. *daupr* 'tot' (Noreen 68, 8; 540, anm. 1); др.-англ. *dēad*, др.-фриз. *dād*; др.-сакс. *dōd*, др.-в.-нем. *tōt*; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *daupjan* 'tōten'; др.-англ. *dēadjan* 'to kill' (DR 48⁷); др.-в.-нем. *toden* 'tōten' (schw.V. I: inf. *tuden* N 2, 133, 9; 51 1, 2; *irtodin* N 2, 469, 18g; praes.3.sg. *todet* N 1, 800, 1; 2, 615, 7; part.praes. adv. *irto-dendo* N 2, 45, 17; Raven I: 226) ~ герм. **dauja-* < **dhauja-* [др.-исл. *deyja* (praet. 3.sg. *dó*, 3.pl. *dóu*, part.praet. *dáenn*) 'sterben'; др.-сакс. *dōjan* sch.V. 'sterben', др.-в.-нем. *touwen* 'sterben' (schw.V. I: inf. *touuan* S 66, 1; *douuen* O 4, 23, 24; 5, 12, 23; *gatauuen* F 28, 22; praes.conj. 3.sg. *douue* (*thouue* F) O 3, 25, 26; *theuue* Gl.2, 238, 36; praet. 3.sg. *touuita* Gl.1, 726, 7; 727, 45; 2, 665, 3; Raven I: 325–326), с древневерхненемецкой геминацией сонорного, вызванной йотацией; гот. inf. **af-dōjan* мо-

жет быть восстановлен по part.praet. pass. nom.pl. m. *af-dau-
idai* Mt. 9:36 `εσκυλμένοι', `изнуренные, лишенные сил'
(уже перестроенный по модели I класса слабых глаголов),
формально тождественный предшествующим, но семанти-
чески могущий быть каузативом к ним] || слав. каузатив
**daviti*, praes. 1.sg. **davjǫ*, 3. sg. **dāviti* — а.п. *b* [русск. *давить*,
praes.1.sg. *давлѹ*, 3.sg. *дāvит*; болг. *дāвя* `топить; душить, да-
вить', ср.-болг. *Ѡдāvиши се* О письм. 42а; схрв. *dāviti*, praes.
1.sg. *dāvīm*, ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) *Дāvим*, *Ўдāvим*
Гр. 221; словен. *dāviti*, praes. 1.sg. *dāvim* и *dāvim* SSKJ I: 340 (по
Plet. *dāvim*), эти и др. примеры см. в Дыбо 2000а: 433, 593,
639] || Barber 118, 130; Heidermanns 149; Raven I: 226, 325–
326; Seebold 147–149; Feist 118, 122; Orel 69, 70, 72, 73; Pok.
235, 260–261; Фасмер I: 481.

2. герм. **kunþa-* part. `известный' < и.-е. **gñþo-* [гот. *kunþs*
`bekannt'; др.-исл. *kunnr*, *kuþr*; др.-англ. *cūð*; др.-сакс. *kūð*,
др.-в.-нем. *chund* `kund'] ~ гот. *kunþan* (praes. *kann* ~ pl.
kunnum; praet. *kunþa*) `kennen'; др.-исл. *kunna* (praes. *kann* ~
pl. *kunnot*; praet. *kunna*); др.-англ. *cunpan* (praes. *cann*, *conn* ~
pl. *cunnon*; praet. *cūðe*), др.-фриз. *kunna* (praes. *kan* ~ pl.
kunnon; praet. *kūthe*, *kūde*); др.-сакс. *kunpan* (praes. *kan* ~ pl.
kunnun; praet. *consta*), др.-в.-нем. *kunpan* (praes. *kan* ~ pl. *kun-
nun*; praet. *konda*, *kunda*, *konsta*) `wissen, können || лтш. *pazīt*
`kennen', *zīt* (praes. 1.sg. *zīstu*, praet. 1.sg. *zīnu*) `kennen,
wissen, wahrnehmen, vermuten'; прусс. *erfin | nīmai* III: 65¹⁸⁻¹⁹
`[wir] erkennen' (**erzīnīmai*), *Pofinnīmai* III: 29⁵ (< **pozīnīmai*, с
передвижением ударения по закону Кортландта < **po-
zīnīmai*) || Barber 117, 121; Heidermanns 347; Pok. 376–378;
Orel 210, 224; Feist 316–317; Holthausen AEEW 63, 64; Seebold
289; Дыбо 2009а; Дыбо 2009б.

3. герм. **mōþa-* part. `утомленный' < и.-е. **māto-* [др.-исл.
móðr `müde, ermüdet' E C (M); др.-в.-нем. part. praet. nom.pl.
m. *irmoade* Gl 1, 157, 17; *armoade* Gl 1, 156, 17 (Raven I: 133);
первичная *-a*-основа по др.-исл., рефлексация суффикса
партиципа по древневерхненемецкому и по перестроен-
ным основам: др.-сакс. *mōthi* `müde' H, др.-в.-нем. *tuodi*
`müde, ermüdet, ermattet; unglücklich, armselig' (Heider-
manns 414); первичность баритонезы поддерживается реф-
лексацией производного глагола: др.-исл. *тāða* `утомлять';
др.-в.-нем. *tuoden* `утомлять'] ~ герм. **mōja-* [ср.-н.-нем.

mōien 'быть в тягость, мучить, раздражать', ср.-нидерл. *toeyen, тоуен* 'отягощать, быть в тягость, мучить, причинять боль'; др.-в.-нем. *тиоџан, тиюан* 'beschweren, beunruhigen, quälen'; гот. inf. **af-mōjan* может быть восстановлен по part. praet. pass. nom.pl. m. *af-mauidai* 'ослабевшие, лишённые сил' (уже перестроенный по модели I класса слабых глаголов) || слав. **mājati*, praes. 1.sg. **mājō*, 3.sg. **mājety* а.п. а [русск. просторечн. и диал. (Даль) *мáять* 'морить, мучить, изнурять, утомлять; истязать, томить, истомлять', praes. 3.sg. *мáить*; болг. *мáя* 'медлить, задерживать, отвлекать от занятий', *мáя се* 'терять время; кружиться' (*главата ми се мáе* 'у меня голова кружится'); 'маяться'; схрв. *mājati*, praes. 1.sg. *mājem* 'выматывать, мучить, задерживать', *mājati се* 'маяться, мучиться, задерживаться'] || Heidermanns 414; Raven I: 132–133; Raven II: 244–245; Иллич-Свитыч 1984: 48–49 (подробный анализ корня и источники, ностратические соответствия далее); Pok. 746; Orel 274; Feist 9; de Vries 391, 400; Franck, van Wijk 435–436.

4. герм. **kunþa-* part. 'рожденный' < и.-е. **gñto-* [др.-исл. *-kunnr* в др.-исл. *alf-kunnr* adj. 'af alve-herkomst', *ás-kunnr* adj. 'oprunden af aserne, af gude-herkomst; богорожденный', *regin-kunnr* adj. 'fra guderne stammende, om runerne'; др.-в.-нем. aD *gomman-kund* 'männlich', MF *man-kund* 'männlich', T, BR, aD, Ab *got-kund* 'göttlich'; и в гот. *ga-kunþs* 'Geburt' (только в *uf gakuþai* Luc. 3:23 греч. ἀρχόμενος)] ~ герм. **kanja-* < **gōnæiō-* [др.-англ. *cennan* 'erzeugen, schaffen, hervorbringen; empfangen, gebären'] || лат. *nātus* 'рожденный', гал. *Cintu-gnātus* 'Erstgeborener', ср.-валл. *gnawt* 'Verwandter' (< и.-е. **gñtos*) ~ лат. *nā-scor* (< и.-е. **gñ-skōr*) 'werde geboren' (ср. Дыбо 1961b: 22); др.-лат. *genō* 'erzeuge, bringe hervor'; др.-инд. *jānati* 'erzeugt, gebiert'; греч. аор. γενέσθαι (*ἐγένετο* др.-инд. impf. *ájanata*); Относительно доминантности корня ср. также лит. *žentas* 1 'зять' и лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwestermann' || Barber 118, 130; Heidermanns 347; Egilsson 350, 7, 31, 460; Pok. 373–375; Orel 223; Frisk I: 306–308; WH I: 597–600; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007.

5. герм. **balþa-* adj. 'смелый, отважный' < и.-е. **bholto-* [гот. **balþs* adj. 'kühn' в гот. *balþaba* adv. 'kühn'; др.-исл. *ballr* 'furchtbar, gefährlich'; др.-в.-нем. *pald, bald* 'kühn, dreist; schnell', но также др.-исл. *baldr* (не релевантны: др.-англ.

beald 'kühn, dreist'; др.-сакс. *bald*); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *balþjan* 'kühn sein, wagen'; др.-исл. *bella* schw. v. 'kräftig machen, aufmuntern, ausführen'; др.-в.-нем. *balden* 'ermutigen'] ~ герм. **blāja* < **blēj* [др.-в.-нем. *blājan*, *blāen* 'blasen, blähen'; др.-англ. *blāwan* 'blasen, atmen, tönen; entflammen, speien' (-w- из perf. ?)] || лат. *flō*, *flāvī*, *flātum*, *flāre* 'дуть, веять; раздувать' (< и.-е. **bhl̥-je-*, **bhl̥-tu-* || при традиционной этимологии акцентологические отношения сохраняются: лит. *báltas* 'weiss'; лтш. *balts* 'weiß, sauber, rein' ~ лит. *bálti*, praes.1.sg. *balù* и *bálstu*, praet.1.sg. *balaũ* 'белеть, становиться белым; бледнеть'; ст.-лтш. **bált*, praes.1.sg. *bálstu*, praet.1.sg. *balu* 'bleich, blaß werden', то, что в латышском глаголе была плавная интонация, поддерживается тонированием производного глагола: лтш. *bālēt* 'бледнеть' Андронов 2002: 37 (выбор этимологической версии определяется предпочтением семантического перехода: 'kräftig' < 'glänzend' или 'geschwollen') || Barber 118, 130; Heidermanns 115–116; Pok. 121; Orel 34; Feist 78–79; Holthausen AEEW 17, 26; WH I: 517; Fraenk. 32; Дыбо 1961b: 9–34.

6. герм. **þeiuþa-* adj. 'gut' < и.-е. **teuto-* [гот. *þiuþ* n. 'das Gute', *unþiuþ* 'das Böse'; др.-исл. *þýðr* adj. 'mild, freundlich' (но др.-англ. *ge-þýde* adj. 'good' Bosworth-Toller 458); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. (*ga*)*þiuþjan* 'segnen', *unþiuþjan* 'verfluchen'; др.-исл. *þýða* 'freulich machen'] ~ др.-англ. *ðeaw* m. 'Sitte, Gebrauch, Gewohnheit; Betragen', pl. 'Tugenden, Sittlichkeit', др.-фриз. *thāw*; др.-сакс. *thau* m. 'Satzung, Brauch, Sitte', др.-в.-нем. *thau* || лат. *tūtus* 'geschützt, gesichert; sicher, gefahrlos; vorsichtig' (< и.-е. **tūto-s* < **tuə-to-s*) ~ лат. *tueor*, арх. *tuor* 'betrachte; beobachte; beschütze; bewahre; unterhalte, pflege' || др.-инд. (RV) *tavīti* 'он силен, он в состоянии'; слав. **tyti*, praes. 1.sg. **tyjō*, 3.sg. **tyjetь* а.п. а [укр. *тити*, praes. 1.sg. *тито* 'жиреть, становиться жирным'; схрв. *тити*, praes. 1.sg. *титјем* 'тучнеть, полнеть, толстеть; жиреть; буйно разрастаться'; чеш. *tyti*, praes. 1.sg. *tyji* 'толстеть, полнеть; жиреть', словц. *tyť*; в.-луж. *tyć*, praes. 3.sg. *tyje* (*něкоти*) 'приносить пользу, идти впрок, быть полезным; быть по вкусу кому-л.', н.-луж. *tyś* 'gedeihen, bekömmlich sein, bekommen']; возражения А. Вальде против объедине-

ния этих двух направлений этимологизации могут быть актуальными лишь при принятии латинской семантики корня как заведомо первоначальной, см. Walde 1906: 640, ср. WH II: 713–714.³ || Barber 117, 122; Heidermanns 621–623; Pok. 1079–1080; Feist 498; WH II: 713–714, 721; Orel 423; PBB XV: 238; Mayrhofer I: 490–491; Mayrhofer EWA I: 638–639.

7. герм. **grunþa-* adj. 'seicht' < и.-е. **ghrn̥to-* [др.-исл. *grunnr* adj. 'flach, seicht, nicht tief'; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *grynna* schw.V. 'seichter machen'; ср. также др.-исл. *grunnr* m. 'Meeresboden', *grunn* n. 'seichte Stelle'; но гот. *grundu-waddjus* m. 'Grundmauer'⁴; предложено два направления этимологизации || 1) герм. *grunþa-* 'gesunken': лтш. *grimī*, praes.1.sg. *grimīstu*, praet.1.sg. *grimu* PS., Salis, Wolm., Serbigal 'опускаться, идти ко дну'; слав. **grěžnōti*, praes. 1.sg. **grěžnō*, 3.sg. **grěžnetь* — а.п. а [русск. *грязнуть*, praes.1.sg. *грязну*, 3.sg. *грязнет*; схрв. *грѣзнути*, praes. 1.sg. *грѣзнѣм*; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) praes. 1.sg. **Грѣзнѣм** Гр. 93¹, aor. 1.sg. **Ҫгрѣзнѣх** Гр. 93¹; словен. *grězniti*, praes. 1.sg. *grěžnem*]; имеется и вариант этого корня с циркумфлексовой интонацией: лит. *grimžti*, praes. 1.sg. *grimžtū* 'погружаться, тонуть, идти ко дну'; лтш. *grimī* (< **grimt*) Kand., Bl., Ruj., Pl., Dond., Selg., Līn. 'sinken, untergehen, zu Grunde gehen'; слав. **grěznōti*, praes. 1.sg. **grěznō*, 3.sg. **grěžnetь* i а.п. b [слвц. *hriaznuť*, praes. 3.sg. *hriazne*, др.-чеш. praes. 3.sg. *whrziezne* при inf. *-graznūti* и *-gráznūti* Geb. III: 247; польск. диал. *grzqznqć* Sławski I: 372]; однако оба тональных варианта указывают на баритонный акцентный тип || 2) герм. *grunþa-* 'zerriebene': греч. *γραίνω* 'задевать'; лит. *grémžti*, praes. 1.sg. *grémžu* 'schaben'; лтш.

³ Естественно, что, если мы следуем указанию А. Вальде и отказываемся от этимологизации Ваничка и Фика, мы сохраняем мотивацию акцентовки прагерманской формы акцентом пралатинской формы, см.: Дыбо 1961.

⁴ В этой и в группе других субстантивных основ с кажущимся озвончением по закону Вернера можно предполагать контаминацию с deverбтивами от глагола с индоевропейским корнем **ghrendh-*: др.-англ. *grin-dan* st.V. 'reiben, kratzen, knirsche; mahlen, schärfen, scheifen'; лит. *gręsti*, praes. 1. sg. *grėndziū* 'скрести, скоблить'.

grem̃zt, praes.1.sg. *grem̃zu*, praet.1.sg. *grem̃zu* ‘nagen, beissen, wurmen’; плавная интонация указывает на баритонезу и в данном случае || Orel 144; Feist 222–223; Frisk II: 1115; Torp–Falk 146; Pok. 459, 458, 405; Karulis 317; de Vries 191; Fraenk. I: 169; Trautmann BSW 97–98; Фасмер I: 467–468.

8. герм. **sōþa*- adj. ‘сытый’ < и.-е. **sāto*- < **sāuto*- [гот. *sōþ* (только dat.sg. *sōþa* С. 2:23) n. (?) ‘Sättigung’; подтверждается производным деноминативным *i*-глаголом: гот. *ga-sōþjan* ‘sättigen’] || слав. **syтъ*, f. **syťa*, n. **syto* < и.-е. **sauto*- [схрв. *cŭm*, f. *cŭma*, n. *cŭmo*; словен. *sit*, f. *sita*]; балт. **satus* [вост.-лит. *sótus* 1 ‘satt, gesättigt, leicht sättigend, nahrhaft, reichlich’; лтш. *sāts* ‘sättigend, mächtig, genügsam, mäßig’] ~ греч. praes.med. 3.sg. (Hes.Sc.) *ἄεται* (так в cod.Laur.; в других рукописях *ἄαται* и *ἄται*), conjct. aor. 1.pl. *ἔσωμεν* (< **ḥ-o-mev*. Почему не из **ḥ-o-mev*?) ‘мы насытились бы’; inf. (Hom.) *ἄ-μεναι* ‘sich sättigen’, inf.aor. *ἄσαι* ‘sättigen’; др.-инд. *ásinvan* ‘uner-sättlich’ (предполагает praes. **sə-n-u-ō* из и.-е. **sə-ne-u-mi*) || Orel 310–311; Pok. 876, 880; Mayrhofer I: 64; Fraenk. 857; Heidermanns 458–459; Frisk I: 159, 161; Solmsen Unt. 93f; Solmsen Wortforsch. 242 ff.; Krahe IF 59: 166 ff.

9. герм. **blīþa*- adj. ‘мягкий, кроткий’ < *[*b*]*līto*- [гот. *bleiþs* adj. ‘barmherzig’; др.-исл. *blīðr* adj. ‘mild (vom Wetter), freundlich, angenehm’; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *bleiþjan* (только part.praes. nom.pl.m. *bleiþjandans* Luc. 6:36), *ga-bleiþjan* ‘sich erbarmen’; др.-в.-нем. *blīden* ‘sich freuen’ (inf. *bliden* O 5, 24, 2; 23, 18; praes. 3.sg. *blidit* O 5, 23, 216, 217; Raven I: 10)] || и.-е. **mlīto*-, **mlīno*-: валл. *blin* ‘müde’ < **blīno*-; лтш. *blīnis* ‘ein müder, matter Mensch, der sich nicht bewegen kann’, лтш. *blīnēt* Doblen, Siuxt ‘sehen, lauern, glupen, gaffen, faulenzten’; схрв. *mlītav* ‘вялый, апатичный, дряблый; немощный, слабый’, *mlītati* ‘lijeniti se’, ‘faul werden’ RJA VI: 814 ~ др.-инд. *mlayati* ‘welkt’, part. praet.pass. *mlātá*- ‘weich gemacht, gegerbt’ (RV+), *mlāna*- (Br.+); также **mūrṇa*- ‘schlaff geworden, verwelkt’ в SB (Kāṇv.) *parimūrṇā* || Barber 117, 121; Heidermanns 132–133; Raven I: 10; Pok. 155–156, 716–718; Feist 99; Orel 49; Mayrhofer II: 698–699; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389.

10. герм. **blāiþa*-z adj. ‘слабый, боязливый’ [др.-англ. *blēað* adj. ‘blōde, scheu’; др.-исл. *blauðr* adj. ‘schwach, zag-

haft'; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *blauþjan* (только part.praes. nom.pl. m. *blauþjandans* 'abschaffen' (eig. 'schwach machen'), *ga-blauþjan* (только part. praes. *ga-blauþjands* С. 2:15) 'triumphieren'; др.-исл. *bleyða* schw.V. 'weich machen, demütigen'; др.-в.-нем. *blōden* 'schwach machen' ('fürchten, verzagen'; praes. conj. 2.sg. *plodes* Gl 1, 368, 9 (4); *plodest* Gl 1, 368, 10; и conj.3.pl.), *ir-ploden* ('sich beunruhigen od. fürchten, in Angst geraten, verzagen'; praes.3.sg. *arplodit* Gl 2, 426, 39; остальные формы praet.) || надежная этимология отсутствует, имеется попытка связать это прилагательное с тем же корнем, что и предшествующее, т. е. с доминантной базой **mlH-* || др.-инд. *mlāyati* 'welkt', part. praet. pass. *mlātá-* 'weich gemacht, gegerbt' (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūr̥na-* 'schlaff geworden, verwelkt' в ŚB (Kāṇv.) *parimūr̥nā* Wood MLN XV 326 || Barber 117, 120; Heidemanns 131–132; Pok. 159; Raven II: 246; Feist 99; Orel 48; Holthausen AEEW 26; Mayrhofer II: 698–699; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389.

11. герм. **halþa-* adj. 'sich neigend, vorwärts geneigt' < и.-е. **kolto-* [др.-исл. *hallr* adj. 'schief, schräg, geneigt', *af-hallr* 'abwärts geneigt' (Fr), *inn-hallr* 'einwärts' (Fr), *til-hallr* '(zu einer Tat) geneigt' (Person) (Fr), *út-hallr* 'nach außen gerichtet' (E)]; др.-в.-нем. *hald* 'geneigt, schräg', + *zi* '(zu einer Tat) geneigt', *fram-hald* 'nach vorn gerichtet, vornüber' (O, BR, aD [Gl]), *nidar-hald* 'niedergelegt, waagerecht' (O), *ūf-hald* 'aufgerichtet, senkrecht' (O), *zuo-hald* '(zu)künftig' (I, MF), *uo-hald* 'geneigt, schräg, (но др.-англ. *heald*, др.-фриз. *-hald* не релевантны); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *hella* 'ausgießen'; др.-в.-нем. *helden* 'neigen' (T, N [Gl]) ('neigen, beugen, zum Sinken oder zu Falle bringen, abbiegen, abwenden, ablenken, ausweichen' G 4, 895; praet.3.pl. *helditun* T 218, 3; part. praet. *gehaldit* Gl 2, 714, 35; *intheldit* T 228, 2 i Raven I: 68); II Kl.: др.-исл. *halla* 'neigen, sinken lassen'; др.-в.-нем. *haldōn* 'sich neigen' (но др.-англ. *hieldan*; др.-сакс. *afheldian*) не релевантны] ~ др.-исл. *hala* schw.V. 'ziehen'; др.-англ. *ǵeholian* 'adipisci, erhalten'; ср.-н.-нем. *halen* 'ziehen', ср.-нидерл. *hālen*; это наиболее близкая глагольная основа в германских языках, с которой можно связать это явно отглагольное прилагательное || за пределами германских напрашивается связь с

лит. *kāl̃ti* 'anlehnen', praes. 1.sg. *kaliù*; но первичная акцентная парадигма этим сближением не устанавливается || Barber 117, 121; Heidermanns 276–277; Wissmann 82; Raven I: 68; Pok. 552; de Vries 205; EWD II: 634–5, 993; Fraenk. I: 210–211.

12. герм. **hulþa-* adj. 'hold, geneigt, zugetan' < и.-е. **kl̥to-* [гот. *hulþs* adj. 'geneigten Sinnes, gnädig'; др.-исл. *hollr* adj. 'hold, treu'; др.-в.-нем. *hold* 'geneigt, zugetan, liebevoll', 'ergeben, treu' (O, N, Sam [Gl]) (но др.-англ. *hold*, др.-фриз. *hold*; др.-сакс. *hold* не релевантны); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *hyllask* 'sich beliebt machen', O *hylla* 'gnädig stimmen' (VG); др.-в.-нем. *hulden* 'geneigt machen, versöhnen' (O, N [Gl]); др.-исл. *holla* (но не релевантно др.-англ. *hyldan*) || данное прилагательное относится к тому же глагольному корню, что и предшествующее, но, видимо, к другой глагольной основе; тождество его акцентовки акцентовке предшествующего подтверждает парадигматический выбор акцентного типа в прагерманском глаголе || Barber 117, 121; Heidermanns 311–312; Raven I: 76; Pok. 552; de Vries 247–248; EWD II: 701–702, 993; Fraenk. II: 1004, 1006.

Mobilia-oxytone

1. герм. **munda-z* part. 'считавшийся' < **munþa-* < и.-е. **m̥n̥to-* [гот. *munds* 'ὡς ἐνομιζέτο' (Luc. 3:23); др.-исл. *munapr* (Cleasby: *munad*)] ~ герм. **man* ~ **mina* [гот. *munan* (praes. 1.sg. *man* nicht belegt; 3.sg.opt. praes. *mini*, 1.sg. praet. *munda* Ph. 2:25) 'δοκεῖν, meinen, glauben'; *ga-munan* (inf. Luc. 1:72; 1 K. 15:2; 2.pl. *ga-munup* Mc. 8:18) 'gedenken'; др.-исл. *mina* (praes. *man* ~ pl. *munom*; praet. *munþa* (?), позднее *munda*); др.-англ. *ze-munan* 'sich erinnern' (1.sg. *man* 'gedenke' ~ 1.pl. *munon*; praet. 1.sg. *munde*); др.-сакс. *far-munan* 'verleugnen, verachten' (praes. 3.sg. *farman*, praet. *formonsta*) || лит. *miñti*, praes. 1.sg. *menù* 'gedenke, rate', part. praet. pass. *prà-mintas* 'benannt'; лит. *minėti* 'вспоминать': др.-лит. praes. 1.sg. **miniù*; praes. 3. **mini* ~ **nè mini*; *pàmini* DP 80³⁹, 81³; слав. **тънѣи*, praes. 1.sg. **тънѣю*, 3.sg. **тънѣтъ* [part. praes. act. ном.сг. f. *мнѣщѣ* Сб. № 151, 47⁸а (Дыбо 2000а: 573), *мнѣщѣм же* Зорг. Б54¹⁸б (Дыбо 2000а: 573), *оѣмни сѣ* Толк.пс. 34а (Дыбо 2000а: 605); *пѣмнѣ* Косм. 118а]; слав. **ро-тѣноѣ*, praes. 1.sg. **рѣ-тѣно*, 3.sg. **ро-тѣнетъ*; [praes. 1.sg. *пѣмѣнѣ* Пс. № 309, 46а,

нѣ помѣнѣ Сб. № 758, 1 1 16 (Дыбо 2000а: 325), 3.sg. **помѣнѣ** Пс.Кипр., 1036 (Дыбо 2000а: 325), **и не помѣнѣтса** ib., 75а; аор. 1.sg. **помѣнѣ** Сб. № 151: 93²⁶а, 176¹¹а, 3.sg. **помѣнѣ** Зорг., А13²⁴б, А13²⁶б, part.praet. pl. **помѣнѣшѣ** Соф.сл. 32³б; l-part. **помѣнѣль** Пс. № 309, 1006 (эти и др. примеры см. Дыбо 2000а: 325–326, 573, 605, 646, 647) || Pok. 726–728; Orel 259; Seebold 345–347; Feist 366–367; Holthausen AEEW 227; Fraenk. 455–456.

2. герм. **skulda-z* part. 'виновный, должный' < **skulpa-* < и.-е. **skl-to-* [гот. *skuld's* (~s im 'ich muß', ~ ist 'es ziemt sich, man muß'); др.-исл. *skuldr*; др.-в.-нем. *scult* 'schuldig'; др.-исл. *skuld*, *skyld*; др.-англ. *skyld*, др.-фриз. *skelde*; др.-сакс. *skuld*; но др.-в.-нем. *skuld*, *skulda* 'Schuld'] ~ гот. *skulan* (1.sg. *skal*, 1.pl. *skulum*; 1.sg. praet. *skulda*); др.-исл. *skulu* (praes. *skal*, *skolom*, *skalom*; praet. *skulda*) 'sollen'; др.-англ. *skulan*, др.-фриз. *skela*; др.-сакс. *skolan*, др.-в.-нем. *skolan*, *sulan* || лит. inf. *skelėti* 'быть должным', praes. 3.sg. *skēli*: др.-лит. part.praes. act. *skelāš* у Н. Даукиши: *sketas* nom.sg. m. DP 359³⁹, *sketas* nom.sg. m. DP 481³⁴; прусск. part. praes. *skellānts* 'schuldig' [fchkel | lānts nom.sg. m. III, 41¹⁶⁻¹⁷ 'schuldig'; *fkellants* nom.sg. m. III, 67¹⁹ 'schuldig'; *fkellāntei* nom.pl. m. III, 37⁷ 'schuldig', *fkellāntai* nom.pl. m. III, 87¹⁶ 'schuldig'] || Barber 118, 128; Pok. 927; Orel 332; Seebold 405–406; Feist 435–436; Holthausen AEEW 284; Fraenk. 799–800.

3. герм. *snūda-* part. 'schnell' < **snūpa-* < и.-е. **snauto-* [др.-англ. *snūd* 'eilig; Eile'; др.-исл. *snūdr* 'Schnelligkeit'] ~ герм. **snēwwa-* 'спешить' [др.-англ. *snéowan* 'eilen'; гот. *snīwan*, praet. *snau*, *snīwin* < **sneuca-*, с сокращением *-ē- в тех же условиях, с последующим упрощением геминированного *-цц- < и.-е. **snēuca-* || слав. **snūti*, praes. 1.sg. **snōvŏ*, 3.sg. **snovětъ* ~ **snovāti*, praes. 1.sg. **snūjŏ*, 3.sg. **snujětъ* [ср.-болг. **ѢСНОВѢТ СЕ** О письм. 44а, болг. диал. (Wysoka) *snōwa*, 2.sg. *snivēs*; схрв. диал. (косово-метох.) *сновѣм*, 3.sg. *сновѣ*; русск. нормат. XIX в. *снудю*, *снудѣшь*; сев.-чак. (Нови) 1.sg. *snūjén*, 1.pl. *snūjētŏ*; сев.-кайк. (Бедня) **snēujät*; схрв. аор. 1.sg. *snōvah*, 2–3.sg. *snōvā*; l-part. **ѢСНОВА** Сим.лет. 5156; сев.-кайк. (Бедня) **snevāol*, f. **snevōlo*, n. **snevāole*; словен. *snovāl*, f. *snovála*, n. *snoválo*] || Heidermanns 527; Barber 87; Holthausen AEEW 304, 305; Дыбо 2000: 287, 294, 498, 512; Дыбо 2008: 579.

4. герм. **frīda-z* part. 'geschont; lieblich, schön' < **frīpa-* [в

др.-англ. *frīd-hengest* 'stattliches Pferd'; в др.-в.-нем. *frīt-hof* m. 'gehegter Platz' (др.-исл. *frīðr* акцентологически нерелевантно); гот. **freids* подтверждается отыменным глаголом гот. *freidjan* 'φειδεσθαι, schonen'] ~ герм. **frīja* < **frījā*- [с сокращением долгого гласного и с потерей геминаций -j-: гот. *frijōn* 'lieben'; др.-исл. *frīa*, *frja*; др.-англ. *frēozan*, *frīzan*, *frēon* 'lieben'; др.-сакс. *friohan*, *friehan*, др.-в.-нем. *vriēn* 'freien, lieben'] || геминация -j- сохранялась в имени герм. **frijjō*- < **frījō*- < **prai-jā*- [др.-исл. *Frigg* имя богини] || Barber 118, 126; Heidermanns 214–215; Дыбо 2008: 558–574 (специально 565–566, № 18); Pok. 844; Orel 114; Feist 168.

5. герм. **kaldā-z* adj. 'kalt' < **kalpa*- < и.-е. **gōl-to*- [гот. *kalds* 'kalt'; др.-исл. *kaldr*; др.-англ. *ceald*, др.-фриз. *kald*; др.-сакс. *cald*, др.-в.-нем. *chalt*, *calt* 'kalt'] ~ герм. **kala*- [др.-исл. *kala* (praes. *kol*; part. *kalenn* [*kalinn* Hóv 3, 2]); др.-англ. *calan* (praes. *cōl*; part. -*calen*) 'friieren'] || непосредственно сближается лишь производный отыменной глагол: лат. *gelō*, -*āvī*, -*ātum*, *gelāre* 'friieren'; имеется вариант корня с начальным глухим, акцентологически согласующийся с германскими данными: лтш. *sal̃t*, praes.1.sg. *sal̃stu*, *sal̃u*, praet.1.sg. *salu* 'friieren' || Barber 118, 127; Pok. 355–356; Orel 208–209, 209; Feist 306; Heidermanns 328; Seebold 288–289.

6. герм. **hlūda-z* adj. < **hlūpa*- < и.-е. **klū-to*- [др.-англ. *hlūd* 'laut, tönend', др.-фриз. *hlūd* 'laut'; др.-сакс. *hlūd*, др.-в.-нем. *hlūt*, *lūt* 'vernehmlich, dröhnend, schallend, bekannt'] || слав. **slyti* или **sluti*, praes. 1.sg. **slōvō*, 3.sg. **slovety* 'ст.-русск. XVII в. словѣтъ Ратн. 326, словѣтъ ib., 24а, 3.pl. ни словѣтъ ib., 13б, 14а, совр. русск. *слыву́*, 3.sg. *слывѣт* (с выравниванием вокализма по вокализму основы причастий прошедшего времени); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **Словѣм** Гр. 87², 212, **Прословѣм** Гр. 212; словен. *slóvet* (оттянутое ударение, устанавливается по открытому -o-), см. Дыбо 2000: 286, 495, 319–320, 509 || Barber 116, 127; Дыбо 1961b: 33; Дыбо 1981b: 235; Orel 178.

7. герм. **trūda-z* adj. 'geliebt, traut' < **trūpa*- < и.-е. **drū-to*- [др.-в.-нем. *trūt*, *drūt* (9 Jh.) 'geliebt, traut'] ~ [гот. *trauan* (praet. 3.sg. *trauaida* Mt. 27:43), *ga-trauan* 'trauen'; др.-исл. *trúa*; др.-англ. *truwian*; др.-сакс. *trūōn*, др.-в.-нем. *trū(w)ēm* 'trauen'] ~ о рецессивном характере основы свидетельствует Verschärfnung в герм. **trēwaz* < **trēua*- [гот. *triggws* adj.

'treu, zuverlässig', *triggwaba* adv. 'treu, zuverlässig', *untriggwas* 'ungerecht'; др.-исл. *tryggr* adj. 'treu, vertrauensvoll'; др.-англ. *triewe*, др.-вост.-фриз. *triūwe*, др.-зап.-фриз. *trouwe*; др.-сакс. *treuwa*, др.-в.-нем. *triūwa* f. 'Treue'] || лит. *dru̯tas* (3), диал. *dru̯ktas* (3) 'крепкий, сильный'; лтш. *dru̯kts* «resns, stiprs, zaļuoksnis, plecīgs» (U s. v. *gedrungen, stammhaft*) (Būga RR III: 206) ~ прусск. *druwīt* 'glauben', praes.sg. 1. *as druwē*, 2. *tou druwēse*, 3. *kas druwē*; pl. 1. *mes druwēmai*, 2. *iūs druwētei*, 3. *druwē* (*dru̯wien* acc.sg. от *dru̯wis* 'вера', свидетельствует, вероятно, о долготе *-и-* в этой основе, что препятствует объяснению реликтов подвижности ударения в этом глаголе законом Кортландта) || Barber 118, 126; Heidermanns 296–297; Orel 410, 411; Feist 479–480, 480; EWD III: 1831–1832, 1833, 1639–1840; Fraenk. I: 107; Топоров 1975: 380–385.

8. герм. **sīda*-z adj. 'herabhängend' [др.-англ. *sīd* 'weit, breit; geräumig, ausgedehnt, lang', др.-фриз. *side* 'niedrig, weit'; др.-в.-нем. adv. *sīto* 'laxe'] ~ швед., норв. диал. *sina* 'aufhören, versiegen'; ср.-в.-нем. *senen* 'sich sehnen' || лат. part. *situs*, -a, -um 'gelegen'; ср.-ирл. *sith-* 'lang', валл. *hit, hyd* 'Länge, Weile' (< **sīto*- < и.-е. **sīto*-; ср. Дыбо 1961b: 11, № 4) ~ лат. *sinō, sīvī, situm, sinere* 'lasse zu, gestatte'; др.-ирл. *sīnim* 'recke, strecke aus'; лит. *ne sėinyti* 'nicht gleichkommen' || Barber 127; Heidermanns 475–476; Pok. 890–891; Orel 329; WH II: 526–527, 545–546; Holthausen AEEW 292; EWD III: 1605–1606; Feist 405, 415–416; Fraenk. II: 771, 783–784.

9. герм. **aldā*-z adj. 'alt' < **alpa*- < и.-е. **alto*- [крым.-гот. *alt* 'senex, alt'; др.-англ. *eald* 'alt', др.-фриз. *ald* 'alt'; др.-сакс. *ald* 'alt', др.-в.-нем. *alt*, ср.-в.-нем. *alt*, н.-в.-нем. *alt*] ~ герм. **ala*- [гот. *alan* (только part.praes. nom.sg. *alands* 'sich nährend' 1 T. 4:6); др.-исл. *ala* (praes. *ól, ólo*, part. *alenn*) 'hervorbringen'; др.-англ. *alan* 'nähren, hervorbringen'] || лат. *altus* 'hoch'; греч. *ἄν-αλτο-ς* 'unersättlich'; др.-ирл. *alt* 'Höhe, Ufer' ~ лат. *alere* 'nähren'; др.-ирл. *alim* || Barber 118, 126; Heidermanns 97–98; Pok. 26–27; Orel 12, 13; Feist 34, 35, 40; WH I: 31–32; Seebold 75–77; Holthausen AEEW 3, 83–84.

10. герм. **skandā*-z part. 'beschämt' < **skanpa*- [др.-англ. *scand* m. 'Possenreißer, schamloser Mensch', f. 'schamloses Weib'; др.-в.-нем. *scant* 'beschämt' (9. Jh.)] ~ гот. *sik skaman* 'sich schämen' || Barber 118, 127; Heidermanns 483–484; EWD III: 1493, 1493–1494.

11. герм. **wundā-z* adj. 'wund' < **wunþa-* < и.-е. **uŋ-to-* [гот. *wunds*; др.-англ. *wund*; др.-сакс. *wund*, др.-в.-нем. *wunt*, ср.-в.-нем. *wunt*; но также др.-в.-нем. *wund*, ср.-в.-нем. *wund*, н.-в.-нем. *wund*] ~ герм. **wanja-z* 'Geschwulst' [др.-англ. *wenn*, англ. *wen*; ср.-н.-нем. *wene*; датск. диал. *vann*, *væne*] || и.-е. **uŋ-to-*, см. валл. *ym-wan* 'kämpfen', praet. 3.sg. *gwant* 'er schlug' || Barber 118, 128; Heidermanns 696–697; Pok. 1108; Orel 474; Holthausen AEEW 410; Torp–Falk 261 388:7; 388:8, 389:1.

12. герм. **sada-z* adj. 'satt' < **sapa-* < и.-е. **sə-to-* [гот. *saps*; др.-англ. *sæd* 'satt, überdrüssig'; др.-сакс. *sad*, др.-в.-нем. *sat* (-t-)] || ~ греч. praes.med. 3.sg. (Hes.Sc.) *ἄεται* (так в cod.Laur.; в других рукописях *ἄαται* и *ἄται*), conjct. aor. 1.pl. *ἔωμεν* (< **h̥-o-mēn*. Почему не из **h̥-o-mēn*?) 'мы насытились бы'; inf. (Hom.) *ἄ-μεναι* 'sich sättigen', inf.aor. *ἄσαι* 'sättigen'; др.-инд. *ásinvan* 'unersättlich' (предполагает praes. **sə-n-u-ō* из и.-е. **sə-ne-u-mi*) || Barber 118, 127; Heidermanns 458–459; Orel 310–311; Pok. 876, 880; Mayrhofer I: 64; Fraenk. 857; Frisk I: 159, 161; Solmsen Unt. 93 f.; Solmsen Wortforsch. 242 ff.; Krahe IF 59: 166 ff..

Итак, достаточно тщательное обследование германских отглагольных прилагательных с индоевропейским суффиксом **-to-* обнаруживает порядка двадцати четырех — двадцати пяти основ. Двенадцать из них показывают прагерманское накоренное ударение, а другие двенадцать имели ударение на суффиксе. У девяти основ с накоренным ударением удается установить связь с соответствующими балто-славянскими глагольными и отглагольными основами с доминантными корнями и с соответствующей неподвижной (баритонированной) акцентной парадигмой, а также связь с соответствующим акцентом прото-кельто-италийского. У восьми основ с насуффиксальным ударением обнаруживается связь с соответствующими балто-славянскими глагольными и отглагольными основами с рецессивными корнями и с соответствующей подвижной акцентной парадигмой, а также связь с соответствующим акцентом прото-кельто-италийского. Остальные основы просто или не имеют балто-славянских или кельто-италийских соответствий или не имеют данных, необходимых для определения их акцентного типа в этих языко-

вых группах.

При одном возможном отклонении: герм. **skardā-z* part.< **skardā-* [др.-исл. *skarþr* 'beschnitten, vermindert' (Noreen 168, anm., 540, anm.1) — не релевантно; но др.-англ. *sceard*; др.-сакс. *skard*, др.-в.-нем. *scart* 'verletzt'] ~ связывают с герм. **skera-* [др.-исл. *skera* 'schneiden, scheren, schlachten, schnitzen' (praes. *skar*, *skóro*; part. *skorenn*); др.-англ. *scieran* (praes. *scear*, *scæron*; part. *scoren*) 'zerhauen, zerschneiden', др.-фриз. *skere* (praes. *sker*; part. *skeren*) 'scheren, mähen'; др.-в.-нем. *scëran* (praes. *skārun*; part. *giskoran*) 'schneiden, abschneiden'] || лтш. *šķirti*, praes.1.sg. *šķiru*, praet.1.sg. *šķiru* 'scheiden, trennen, sondern, teilen'; лит. *skirti* || однако имеется другая этимология: и.-е. **skerdh-*: др.-ирл. *sceird-* 'kratzen, abschaben', praet. *ro:scaird*, Verbalnomen *scerdiud*; лит. *skeršti*, praes. 1.sg. *skerdžiù* 'schlachten, stechen', *skardýti* || в этом случае мы имеем обычный девербатив с *o*-огласовкой, которая вызывает сомнения при первой этимологии || Heidermanns 485–486; Orel 335, 338–339; Pok. 938–940; EWD III: 1510; Seebold 413–414.

Слабый претерит

Это проверка размещения первичного акцента в формах слабого претерита, сохранившегося и зафиксированного у первичных германских глаголов. Более или менее строгое установление места первичного ударения в германском слове на основе закона Вернера возможно сейчас лишь в первично двусложных формах, и этим в основном обусловлен мой выбор материала. Проведенная выше проверка акцентовки отглагольных прилагательных с суффиксом *-to-* показала, что ударение в них регулировалось акцентуационной валентностью корня, устанавливаемой в результате изучения акцентуационного поведения его соответствий в балто-славянских языках. Соответствие акцентовки слабого претерита и *-to-*причастий отмечали при изучении проблемы происхождения слабого претерита — поэтому следует отметить, что этой проблемы мы не касаемся. Ясно, что формант претерита восходит к индоевропейскому **-t-* и его рефлексация определяется законом Вернера, но является ли этот **-t-* частью суффикса **-to-* отглагольного прилагательного, или это остаток западно-индоевропейского суффикса дентального претерита, релик-

ты которого сохранялись в кельтских и балто-славянских языках, этой проблемы наша проверка не решает: согласованность акцентовки в данном случае является лишь результатом парадигматического выбора акцентного типа, характерного для парадигматических акцентных систем.

Barytona (накоренное ударение).

1. герм. praet. 1.sg. **kunþa* < и.-е. **gñ̥-to-* [гот. praet.ind. 1.sg. *kunþa* Mt. 7:23; Joh. 17:25; 2.sg. *kunþēs* 2 Tim. 3:15, *uf-kunþēs* Joh. 14:9, 3.sg. *uf-kunþa* Mc. 5:29; 1.pl. *kunþēdum* Joh. 6:42; 2.pl. *fra-kunþēduþ* Gal. 4:14; 3.pl. *kunþēdun* Mc. 1:34; Joh. 12:16; opt. praet. *kunþēdju* R. 7:7; 2.sg. *uf-kunþēdi* Luc. 7:39; 2.pl. *kunþēdeip* Joh. 8:19, 14:7; др.-исл. praet. 1.sg. *kunna*; др.-англ. *cūde* (Vesp.Ps.: *cūþe*, nordh. R²: *cūde*, L: *cūde*), др.-фриз. *kūthe*, *kūde*; др.-в.-нем. (бавар.) *konda* (inf. *kunnan*) || лтш. *pazīt* 'kennen', *zīt* (praes. 1.sg. *zīstu*, praet. 1.sg. *zinu*) 'kennen, wissen, wahrnehmen, vermuten'; прусс. *erfin|nimai* III, 65¹⁸⁻¹⁹ '[wir] erkennen' (= **erzīnimai*), *Pofīnnimai* III, 29₅ (< **pozīnimai*, с передвижением ударения по закону Кортландта < **pozīnimai*) || Noreen 351; Sievers-Brunner 386; Braune 332; Steller 68; Seebold 289-290.

2. герм. praet. 1.sg. **wulþa* < и.-е. **uľ-to-* [др.-исл. praet. 1.sg. *olla* 'herrschte' (< **wolþa*) [inf. *valda*] || среднеболгарские и древнесербские тексты дают материалы, позволяющие думать о доминантности глагольного корня **vold-* в праславянском: ср.-болг. (ст.-тырн.) **владѣтъ** Зогр. B49³⁰ а; др.-серб. **не владѣтъ** Апост. 183¹⁸⁻¹⁹ а, **не владѣтъ** Апост. 183²⁰⁻²¹ а. В литовском аналогичные свидетельства мы наблюдаем у глагола *veldėti*, praes. 1.sg. *vėldu* и *vėldžiu* 'besitzen, regieren, an sich bringen, in Besitz nehmen' и '(er)erben'; в древнелитовском у этого глагола по DP обнаруживаются реликты неподвижного акцентного типа в страдательном причастии настоящего времени: part.praes. pass. gen.pl. *wėtdamur* DP 484₄₃, *wėtdamur* DP 4₉ 'подданных', acc.pl. *wėtdamus* DP 85₄₂; в прусском корень также сохраняет свою доминантную валентность: прусс. производное **wėldniks* (в сочетании *sendraugi wėldnikai* nom.pl. m., III 93₈ „Miterben, bendraveldėtojai“) при рецессивном корне должно было иметь ударение ~ на суффиксе *-nik-*, как это обнаруживается в словах с соответствующими корнями; так же ведет себя и вариант этого кор-

ня с *-o*-огласовкой: прусс. *Wāldnikans* acc.pl. m., III 91¹⁵ „*Könige, valdovus*“ (у германского и балто-славянского корней наблюдается только то отличие, что в прагерманском формант *-dh-* сохраняет свой презентный характер, а в балто-славянском распространяется на всю глагольную парадигму) || лат. *valēre* || Noreen 352; Feist 548; de Vries 640; Seebold 536–537; WH II: 727–728.

3. герм. praet.1.sg. **bē-gun-þa* < и.-е. **bhe-kn̥-to-* [ср.-англ. *bēgūde* (в написаниях: *begouth, beguith, beguth, begud, begooth, begowthe, begowt*, и с *-c-*: *becuth, becwthe, couth*, — со 2-ой половины XIV века, Collitz 50); др.-в.-нем. praet.1.sg. *bigunda, bigunda, begunda* (Wien. Notk., Wm.), *bigonda* (Tat., Otrf.), *begonda* (Notk.), pl. *bigondun* (Tat., Otrf.), *begondon* (Notk.); др.-фриз. *-gunde*, форма явно перестроенная, заимствование из нижнефранкского?] || слав. praes.sg. 1. **сьнѣ*, 2. **сьнѣши*, 3. **сьнѣть*; антск. praes.sg. 1. **насьнѣ*, 2. **насьнѣши*, 3. **насьнѣть* > склав. 1. praes.sg. **насьнѣ*, 2. **насьнѣши*, 3. **насьнѣть* — а.п. *b* [ср.-болг. (вост.) *зачьнѣ* Зогр. А6¹⁹а, *зачьнѣши* Зогр. Б33^{14–15}а, *Начьнем же* Зогр. А68²³б; (зап.: Ис.Сир.) *начьнѣ* 27а, 149б, *начьнѣ* 94б, *начьнѣ* 161а, 162а, и *начьнѣ* 120б, и *начьнѣ* 127а, и *начьнѣ|тса* 127а, но 2.sg. *начьнѣши* 149а; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) *Начьнем* Гр. 215, *ne nacznem* Пол. 106, *nacznut* Пол. 78, *i nacznut* Пол. 78, *Учьнем* Гр. 91₁, *ucznet* Пол. 79] || Braune 305; Collitz 49–56; Seebold 224–225; Дыбо 2000: 253–262; Bugge, Beitr. 12: 405 f.; Zubatý, Arch. f. slav. Phil. 16: 386 f.; Zupitza, Germ. Gutt. 116; Brugmann, Grundriss I²: 335, II¹: 1007.

4. герм. praet.1.sg. **unþa* < и.-е. **n̥-to-* [др.-исл. praet. 1.sg. *unna* (< **unþa*); др.-англ. *ūde* (L: *ziūde*, inf. *ziwunna*); др.-в.-нем. praet. *onda*] || приемлемая этимология отсутствует; прагерманское ударение накоренное, таким же оно, по-видимому, было у первичного *-t*-причастия от данного глагола, так как зафиксированная форма др.-исл. *unnat* так же относится к ожидаемому **unnr*, как перестроенная форма *kunnat* к первичному *kunnr* || Noreen 351; Sievers–Brunner 385; Braune 332; de Vries 635; Seebold 79–80; Orel 435; Pok. 47.

Мобилиа-охутона (насуффиксальное ударение)

1. герм. praet.1.sg. **munda'* < **mun-þa'* < и.-е. **mn̥-to-* [гот. praet. 1.sg. *munda* Ph. 2:25; ind. 3.sg. *ga-munda* Mt. 26:75, Mc. 14:72; 1.pl. *ga-mundēdum* Joh. 12:16; 3.pl. *mundēdun* Joh. 13:29;

др.-исл. praet. *munda*; др.-англ. *munde* (inf. исл. *munu* 'sich errin-
nern') || лит. *miñti*, praes. 1.sg. *menù* 'gedenke, rate', part.praet.
pass. *prà-mintas* 'benannt'; лит. *minėti* 'вспоминать': др.-лит.
praes. 1.sg. **miniù*; praes.3. **mìni* ~ **nè mini*; *râmini* DP 80³⁹,
81з; слав. **тъниѣ*, praes. 1.sg. **тънѣѣ*, 3.sg. **тъниѣ*
[part.praes.act. nom. sg.f. мнѣциѣ Сб. № 151, 47⁸а (Дыбо
2000а: 573), мнѣциѣ же Зорг. Б54¹⁸б (Дыбо 2000а: 573), оумни
сѣ Толк.пс. 34а (Дыбо 2000а: 605); помниѣ Косм. 118а]; слав.
**ро-тѣнѣѣ*, praes. 1.sg. **рѣ-тѣнѣѣ*, 3.sg. **ро-тѣнѣѣ*; [praes. 1.sg.
помѣнѣж Пс. № 309, 46а, нѣ помѣнѣж Сб. № 758, 1116 (Дыбо
2000а: 325), 3.sg. помѣнѣѣ Пс. Кипр., 103б (Дыбо 2000а: 325), и
нѣ помѣнѣѣтсѣ ib., 75а; аор. 1.sg. помѣнѣѣ Сб. № 151: 93²⁶а,
176¹¹а, 3.sg. помѣнѣж Зорг., А13²⁴б, А13²⁶б, part.praet. pl.
помѣнѣжвѣше Соф.сл. 32³б; l-part. помѣнѣжаль Пс. № 309, 100б
(эти и др. примеры см. Дыбо 2000а: 325–326, 573, 605, 646,
647) || Noreen 351; Sievers–Brunner 387; Seebold 345–347.

1а. герм. praet.1.sg. **mundā* < **mun-þa* < и.-е. **mŋ-to-* [др.-
исл. praet. ind. 3.pl. *munda* Hrbl 27, 1, opt. 1.sg. *munda*, *mynda* Hón
99, 3 [inf. *munu* 'werden']; но это, по-видимому, та же основа,
которая разобрана в первом пункте данного раздела, лишь
получившая специфическое значение || Noreen 351.

2. герм. praet.1.sg. **skulda* < **skul-þa* < и.-е. **skl-to-* [гот.
praet. 3.sg. *skulda* Mt. 11:14; 1.pl. *skuldēdum* Luc. 17:10; 3.pl.
skuldēdun Joh. 7:39; opt.praet. 3.sg. *skuldēdi* Skeir. 3, 6; 2.pl.
skuldēdeiþ K. 5:10; др.-исл. *skulda*, *skilda*; др.-англ. *sceolde*, *scol-*
de; *sculdon*; др.-фриз. *skolde*; др.-сакс. *scolða*, др.-в.-нем. praet.
scolta, с конца X в. *solta*] || лит. inf. *skelėti* 'быть должным',
praes. 3.sg. *skėli*; др.-лит. part.praes. act. *skelās* у Н. Даукиши:
sketas nom.sg. m. DP 359³⁹, *sketas* nom.sg. m. DP 481³⁴; прусск.
part. praes. *skellānts* 'schuldig' [schkel|lānts nom.sg. m. III, 41¹⁶⁻
¹⁷ 'schuldig'; *skellants* nom.sg. m. III, 67¹⁹ 'schuldig'; *skellāntei*
nom.pl. m. III, 37⁷ 'schuldig', *skellāntai* nom.pl. m. III, 87¹⁶
'schuldig'] || Noreen 351–352; Sievers–Brunner 386; Braune
333; Vries 663; Seebold 405–406.

3. герм. praet.1.sg. **wulda* < **wul-þa* < и.-е. **u[-to-* [гот. ind.
3.sg. *wilda* Mc. 6:19, 1.pl. *wildēdum* 1 Thess. 2:8; 2.pl. *wildēduþ*
Skeitr. 47, 3.pl. *wildēdun* Mc. 9:13, conj. 2.pl. *bildēdeiþ* Mt. 1 1:14;
др.-исл. praet. ind.1.sg. *vilda*, *vildo*, *vildak* HH II 15,2; др.-англ.
wolde; др.-фриз. (вост.) *welde*, (зап.) *wolde*; др.-сакс. *wolda* и
welda, др.-в.-нем. praet. *wolta* (реже *welta*), opt. *wolti*] || слав.

velēti*, praes. 1.sg. **věljō*, 3.sg. **velīť* [др.-русск. (Чуд.) praes. 1.sg. **вѣлю 21¹, 2.sg. **вѣлиши** 75³; совр. русск. *велѣть*, praes. 1.sg. *велю́*, 3.sg. *велѣт*; укр. *веліти*, praes. 1.sg. *велю́*, 2.sg. *веліиш*; схрв. praes. 1.sg. *věly*, *vělīm*; схрв. диал. черногор. praes. 1.sg. *vělju* 'говорю́', 2.sg. *vělīs* 'говоришь' (Vermeer 1984) словен. *velēti*, praes. 1.sg. *velim*] || Noreen 360–361; Sievers–Brunner 392–394; Seebold 551–552; Фасмер I: 288.

4. герм. praet. 1.sg. **būda* < **bū-þa* < и.-е. **bhuə-to-* [др.-англ. praet. *būde*; др.-в.-нем. praet. *būta* (inf. *būan* 'bauen, wohnen')] || лтш. *būt* (прерывистая интонация указывает на подвижную акцентную парадигму или, что то же, на рецессивную акцентную валентность корня); ср. положение в славянском, в котором подвижная а.п. охватывала все формы инфинитивной основы: supin **byť* ~ inf. **būti*; аог. **byхъ* ~ 2-3 р. *byštъ*; l-part. **byť*, f. **byla*, n. **bylo* [др.-серб. аог. 3.sg. **нѣ быстѣ** Ев.-апр. 108б, **нѣ бы** Ев.-апр. 30а, **и бы** Апост. 39а, 39б, 52б, **събысть сѣ** Ев.-апр. 301б; l-part. русск. *был*, *нѣ был*, f. *была*, *не была*, n. *было*, *нѣ было*, pl. *были*, *нѣ были*; ср.-болг. **был вѣ** Зогр. E361²²а; др.-русск. **прѣбы** Хрон. 67, 127, **бывшю** Чуд. 9¹, 70², 165³, nom.pl. **и бывше** Чуд. 67¹] || Sievers–Brunner 339; Braune 316; Seebold 124–125; Дыбо 2008: 577–578.

Итак, рассмотрено 4 претерита с первичным накоренным ударением и 4 с ударением на суффиксе, чем исчерпываются претериты из данной группы, у которых можно установить место акцента или, точнее, акцентный тип. О месте акцента мы говорим лишь потому, что закон Вернера был установлен сравнением с древнеиндийским. Три баритонированных имеют надежные баритонированные соответствия в балто-славянском (все возражения против третьего не могу принять как серьезные⁵). Четвертый пример не имеет этимологии. Все четыре окситонированных претерита соответствуют балто-славянским глаголам

⁵ Наиболее серьезное из них возражение Штрайтберга (*W. Streitberg. Urgermanische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der altgermanischen Dialekte. Unveränderter Abdruck der 1. Auflage (1896). Heidelberg, 1943. S. 125–126*) основано на устаревшей акцентологической концепции, которая должна быть, естественно, изменена с учетом балтославянской акцентологической реконструкции.

подвижной акцентной парадигмы.

Таким образом, рефлексы старого акцентного распределения, сохранявшегося в раннем прагерманском в первичных глаголах с корнями на нешумные, сохранились в глагольной системе в позднем прагерманском, по-видимому, в основном лишь у претерито-презентных глаголов, что и отражается в рефлексации их слабого претерита. Можно, однако, надеяться, что это же распределение акцентных парадигм отразилось в какой-то степени и у первичных *j*-praesetia, что отмечается в ряде древневерхненемецких форм слабого претерита, в основном глоссовых и относительно редких: 1. др.-в.-нем. **ir-sjū(i)da* [ind. praet. 1.sg. *ersuoda* Gl 2, 712, 16; conj. praet. 3.pl. *siuuidin* Gl 2, 736, 6 (Raven I: 320–321)], ср. др.-исл. praet. 1.sg. *sépa* (inf. **sýja* 'nähen', part.praet. *sóþr, séþr*); 2. др.-в.-нем. **sæ(i)da* [ind. praet. 1.pl. *gesaidun* Gl 2, 698, 3 (Raven I: 167)]; 3. др.-в.-нем. **knada* [conj. praet. 3.sg. *bichnadi* I 20, 2 (Raven I: 93)].

Как же распределялись по двум акцентным парадигмам прагерманские глаголы? Можно объединить эти два рассмотренных нами множества основ глагольных категорий по основам глагольной категории, положенной в начало описания. Полученное множество по акцентным характеристикам разделится на два подмножества:

I. Германские глагольные основы «баритонированной» а.п.

1. герм. **spīwa-* ~ **sp(j)ūja-* 'плевать', part. **spīwen-* < и.-е. **spīzen-* || лтш. **splaūt**, praes. 1.sg. **splaūju**, praet. 1.sg. **splāvu** (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. ***pjūjo**, 3. ***pjújetь** (< ***piāu-je-**); inf. ***pjevāti** (< ***piəu-ā-**) 'плевать' (а.п. а).

2. герм. **sjūja-* 'шить' || лтш. **šūt**, praes. 1.sg. **šūnu** (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes. sg. 1. ***šījo**, 3. ***šijetь** (< ***siū-je-**); inf. ***šīti** (< ***siū-tei-**) (а.п. а).

3. герм. **sæja-* 'сеять', part. **sæjen-* < и.-е. **sēzen-* || лит. **sėti**, praes. 1.sg. **sėju**, praet. 1.sg. **sėjau**, лтш. **sēt**, praes. 1.sg. **sėju** (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. ***sějjo**, 3. ***sějetь** (< ***sēi-e-**); inf. ***sējati** (< ***sēi-ā-**) (а.п. а).

4. герм. **wæja-* 'веять' || слав. praes.sg. 1. ***wějjo**, 3. ***wějetь** (< ***uēi-e-**); inf. ***wějati** (< ***uēi-ā-**) (а.п. а).

5. герм. **spōja-* 'удаваться' || лтш. *spēt*, praes.sg. 1. *spēju* 'vermōgen, können' (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. **spějo*, 3. **spějetь* (< **spěje-*); inf. **spěti* (< **spē-tei-*) 'поспевать' (а.п. а).

6. герм. **bōja-* 'хвастать(ся)' || слав. praes.sg. 1. **baĵo*, 3. **baĵetь*

7. герм. **knāja-* 'знать' || слав. praes.sg. 1. **znājo*, 3. **znājetь* (< **gnō-je-*); inf. **znāti* (< **gnō-tei-*) (а.п. а).

8. герм. **rūja-* 'выщипывать шерсть' || слав. praes. 1.sg. **ryĵo*, 3.sg. **ryĵetь*

9. герм. **mōja-* 'мучить, отягощать', старый part.praet. **mōpa-* 'утомленный' < и.-е. **māto-* слав. **maĵati*, praes.sg. 1. **maĵo*, 3. **maĵetь* 'утомлять, доставлять страдания, отягощать'

10. герм. **fauja-* ~ **fūje-/fū-na-* 'гноить; гнить', part. *fūjen-* < и.-е. **pūĵen-* 'гниль; гноить' || лтш. *pūt*, praes. 1.sg. *pūstu*, praet. 1.sg. *puvu* intr. 'faulen, modern' (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); лит. *pūti*, praes. 1.sg. *pūvù* (т.е. *puvù*), *pūnù* и *pūstu*, praet. 1.sg. *puvaũ* 'гниль; тлеть, разлагаться'.

11. (?) герм. **bāja-* 'согревать компрессом' (если < **g^hhr-ē-je-*). || слав. **grěti* 'to warm', praes.sg. 1. **grějo*, 3. **grějetь*.

12. герм. **rōja-* 'грести', part. *rōjen-* < и.-е. **rōĵen-* || лтш. *ir̃t*, praes. 1.sg. *iru*, praet. 1.sg. *iru* 'грести'.

13. герм. **đauja-* < **dhauĵa-*, part.praet. **đaujen-* < и.-е. **dhauĵen-*, старый part. praet. **đaupa-* 'умерший' < и.-е. **dhauĵto-* || слав. каузатив **davīti*, praes. 1.sg. **davjo*, 3. sg. **dāviti* — а.п. b

14. герм. **kun-na-* < **gñ-na-*, praet. 1.sg. **kunpa* < и.-е. **gñto-*, старый part.praet. **kunpa-* 'известный' < и.-е. **gñto-* || лтш. *pazīt* 'kennen', *zīt* (praes. 1.sg. *zīstu*, praet. 1.sg. *zīnu*) 'kennen, wissen, wahrnehmen, vermuten'; прусс. *erfin|nīmai* III, 65¹⁸⁻¹⁹ [wir] erkennen' (= **erzīnīmai*), *Pofinnīmai* III, 29⁵ (< **pozīnīmai*, с передвижением ударения по закону Кортландта < **pozīnīmai*).

15. герм. **kanja-* < **gōnæĵo-*, старый part. praet. **kunpa-* 'рожденный' < и.-е. **gñto-* | лат. *nātus* 'рожденный', гал. *Cintu-gnātus* 'Erstgeborener', ср.-валл. *gnawt* 'Verwandter' (< и.-е. **gñtos*) ~ лат. *nā-scor* (< и.-е. **gñ-skōr*) 'werde geboren'

(ср. Дыбо 1961b: 22); др.-лат. *genō* 'erzeuge, bringe hervor'

16. герм. **blāja* < **blēja*-, adj. **balpa*- 'смелый, отважный' < и.-е. **bholto*- || лат. *flō, flāvī, flātum, flāre* 'дуть, веять; раздувать' (< и.-е. **bh[̥]je*-, **bh[̥]tu*- || при традиционной этимологии акцентологические отношения сохраняются: лит. *báltas* 'weiss'; лтш. *balts* 'weiß, sauber, rein' ~ лит. *bálti*, praes.1.sg. *balù* и *bálstu*, praet.1.sg. *balaũ* 'белеть, становится белым; бледнеть'; ст.-лтш. **bālt*, praes.1.sg. *bālstu*, praet.1.sg. *balu* 'bleich, blaß werden', то, что в латышском глаголе была плавная интонация, поддерживается тонированием производного глагола: лтш. *bālēt* 'бледнеть'.

17. герм. **hala*- < **kola*-, **h[̥]lpa*- adj. 'sich neigend, vorwärts geneigt' < и.-е. **kolto*-, **h[̥]lpa*- adj. 'hold, geneigt, zugetan' < и.-е. **k[̥]to*- || лит. *kal̃ti* 'anlehnen', praes. 1.sg. *kaliũ*; но первичная акцентная парадигма этим сближением не устанавливается.

18. герм. **welda*-, praet. 1.sg. **wulpa* (< и.-е. **u[̥]to*-) || доминантность глагольного корня **vold*- в праславянском: ср.-болг. (ст.-тырн.) **в**лáдетъ Зогр. Б49^{30а}; др.-серб. **н**е влáде|тъ Апост. 183^{18-19а}, **н**е влá|деть Апост. 183^{20-21а}, доминантность глагольного корня в древнелитовском: part.praes. pass. gen.pl. *wėtdamur* DP 484₄₃, *wėtdamur* DP 4₉ 'подданных', доминантность глагольного корня в прусском: ср. прусс. производное **wėldniks* (в сочетании *sendraugi wėldnikai* nom.pl. m., III 93₈ „Miterben, bendraveldėtojai“) при рецессивном корне должно было иметь ударение ~ на суффиксе *-nik*-, так же ведет себя и вариант этого корня с *-o*-огласовой: прусс. *Waldnikans* acc.pl. m., III 91₁₅ „Könige, valdovus“

19. герм. **-zenna*- < **-h[̥]n-nl*- 'начать', praet.1.sg. **be-h[̥]n-pa* (< и.-е. **bhe-k[̥]to*-) || слав. praes.sg. 1. **čьn[̥]o*̑, 2. **čьneši*, 3. **čьnetь*; антск. praes.sg. 1. **начьн[̥]o*̑, 2. **начьнеši*, 3. **начьnetь* > склав. 1. praes.sg. **начьн[̥]o*̑, 2. **начьнеši*, 3. **начьnetь* — а.п. *b*

20. герм. **unna*-, praet.1.sg. **unpa* (< и.-е. **n[̥]to*-)

II. Германские глагольные основы «окситонированной» а.п.

1. герм. **d[̥]jja*- 'кормить грудью' || слав. **dojiti*, praes. 1.sg. **d[̥]jo*, 3.sg. **dojiti*; лтш. *dēt, d[̥]ju* 'сосать'.

2. герм. **kj[̥]jja*- ~ **(j)ēwwa*- 'жевать', part. **kj[̥]jjen*- (< и.-е. **g[̥]j[̥]j[̥]en*-) || слав. praes.sg. 1. **zujo*, 3. **zujetь* (< **ziēu-je*-); inf. **ževati* (< **ziēu-ā*-) ~ praes.sg. 1. **žьvo*, 3. **žьvetь* (< **ziūu-e*-);

inf. *žúti (< *zięu-tei-) 'жевать' (а.п. с)

3. герм. *hǣwwa- 'ковать', part. *hǣwwen- (< и.-е. *kōueñ-) || лтш. kaût 'бить, колотить' (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. *kǫvǫ, 3. *kověť (< *kǫu-e-); inf. *kúti (< *kǫu-tei-) ~ praes.sg. 1. *kujǫ, 3. *kujěť (< *kǫu-je-); inf. *kovǫti (< *kǫu-ǣ-) 'ковать' (а.п. с)

4. герм. *būjja- 'жить, проживать', praet.1.sg. *būda' < *būpa' (< и.-е. *bhua-to-) || лтш. būt (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); ср. также слав., который сохраняет подвижную а.п. в формах инфинитивной основы: supin *byť ~ inf. *byti; aor. *bǫxъ, 2-3 p. bystь, l-part. *byль, f. *bylā, n. *bylo; формы презенса в славянском образуются от других основ.

5. герм. *flēwwa- ~ *flāwwa- 'мыть, стирать, полоскать' || лтш. plaûst 'замачивать для стирки' (вторично вместо *plaût, ср. лит. pláuti, диал. pláusti 'полоскать') (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); в славянском наблюдается контаминация двух глагольных корней, при этом оба образовывали основы а.п. с: слав. praes.sg. 1. *plǫvǫ, 3. *plověť (< *plǫu-e-); inf. *pluti (< *plǫu-tei-) 'плыть'; лучше сохранились количественные отношения и отражается первоначальная семантика ('затопить, залить') в слав. *plynǫ, *plyněť (< *plū-ne-); inf. *plynǫti (< *plū-neu-tei-) 'затопить' (а.п. с)

6. герм. *brēwwa- ~ *brāwwa- 'угрожать' || слав. praes.sg. 1. *trǫvǫ, 3. *trověť (< *trǫu-e-); inf. *trúti (< *trǫu-tei-) ~ praes.sg. 1. *trǫjǫ, 3. *trujěť (< *trǫu-je-); inf. *trovǫti (< *trǫu-ǣ-) (а.п. с).

7. герм. *snēwwa- 'спешить', praet.1.sg. *skulda' < *skulpa' < и.-е. *skl-to-, старый part.praet. *snūda- 'schnell' < *snūpa' (< и.-е. *snauto-) || слав. praes.sg. 1. *snǫvǫ, 3. *snověť (< *snǫu-e-); inf. *snúti (< *snēu-tei-) ~ praes.sg. 1. *snújǫ, 3. *snujěť (< *snēu-je-); inf. *snovǫti (< *snǫu-ǣ-) (а.п. с).

8. герм. *brūjja- ~ *brēwwa- 'кипеть, клубиться; варить (пиво)', part.praet. *brūjjen- (< и.-е. *bhrūieñ-) || слав. *brujǫti, *brujiti, praes. 1.sg. *brújǫ, 3.sg. *brujěť, *brujitь

9. герм. *hriǫjja- ~ *hriēwwa- 'бить, толкать; толочь', part.praet. *hriǫjjen- (< и.-е. *knūieñ-) || лтш. knûdēt² 'ein wenig jucken' (Sackenhausen) Endz.-Haus. I, 634 (от ст.-лтш. knūt, knüst, praes. 1.sg. -du или -stu, -du 'jucken'; прерывистая инто-

нация указывает на подвижную а.п.); слав. ***knŭti**, praes. 1.sg. ***knŏvo** ~ ***knováti**, praes. 1.sg. ***knŭjo** (отмечен только в лехитских языках; подвижный акцентный тип реконструируется на основании соотношения основ)

10. герм. ***blēwwa-** 'драть (бить человека)', part.praet. ***blūwwen-** [гот. part.praet. *usbluggwans*] (< и.-е. ***bhlūjēn-**) || лтш.. лтш. *blāūt*, praes. 3. *blāuj*, praet. 3. *blāva* 'орать, кричать' (< *'драть горло'), прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.; слав. praes. 1.sg. ***bljŭjo**, 3.sg. ***bljŭjětъ**, inf. ***bljъvāti** 'рвать, блевать', а.п. с.

11. герм. ***man** ~ ***muna**, praet.1.sg. ***munda**' < ***mun-þa**' (< и.-е. ***mŋ-to-**), старый part.praet. ***munda-z** 'считавшийся' < ***munþa-** (< и.-е. ***mŋ-to-**) || др.-лит. praes. 1.sg. ***miniū**; praes.3. ***mini** ~ ***nē mini**; *pāmini* DP 80₃₉, 81₃; слав. ***тънѣти**, praes. 1.sg. ***тънѣjo**, 3.sg. ***тънѣтъ**

12. герм. ***skulan**, 1.sg. *skal*, 1.pl. *skulum*; praet.1.sg. ***skulda**' < ***skul-þa**' (< и.-е. ***skl-to-**), part.praet. ***skulda-z** 'виновный, должный' < ***skulþa-** (< и.-е. ***skl-to-**) || лит. inf. *skelėti* 'быть должным', praes. 3.sg. *skėli*: др.-лит. part.praes. act. **skel̃s** у Н. Даукши: *ŋkelas* nom.sg. m. DP 359₃₉, *ŋkelas* nom.sg. m. DP 481₃₄; прусск. part. praes. *skellānts* 'schuldig' [*ŋchkel* | *lānts* nom.sg. m. III, 41₁₆₋₁₇ 'schuldig'; *ŋkellants* nom.sg. m. III, 67₁₉ 'schuldig'; *ŋkellāntei* nom.pl. m. III, 37₇ 'schuldig', *ŋkellāntai* nom.pl. m. III, 87₁₆ 'schuldig'].

13. герм. ***frīja-** < ***frīja-** [с сокращением долгого гласного и с потерей геминации -j- после прагерм. -i-], part. ***frīda-z** 'geschont; lieblich, schön' < ***frīþa-**

14. герм. ***kala-**, старый part. > adj. ***kaldā-z** 'kalt' < ***kalþa-** < и.-е. ***gōl-to-**

15. герм. ***trauan**, praet. 3.sg. *trauaida*, *ga-trauan* 'trauen', старый part. > adj. ***trūda-z** 'geliebt, traut' < ***trūþa-** (< и.-е. ***drū-to-**) || лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'крепкий, сильный'; лтш. *drūkts* «resns, stiprs, za'luoksnis, plecīgs» (U s. v. *gedrungeņ, stammhaft*) (Būga RR III: 206) ~ прусск. *druwīt* 'glauben', praes.sg. 1. *as druwē*, 2. *tou druwēse*, 3. *kas druwē*; pl. 1. *mes druwēmai*, 2. *ious druwētei*, 3. *druwē* (*drūwien* acc.sg. от *druwis* 'вера').

16. герм. ***sī-na-** 'sich sehnen' (и.-е. ***sī-na-**), старый part. > adj. ***sīda-z** 'herabhängend' (< и.-е. ***sī-to-**) || лат. part. *situs*, -a, -um 'gelegen'; ср.-ирл. *sith-* 'lang', валл. *hit*, *hyd* 'Länge, Weile'

(< *sīto- < и.-е. *sīto-; ср. Дыбо 1961b: 11, № 4) ~ лат. *sinō, sīvī, situm, sinere* 'lasse zu, gestatte' (и.-е. √ *se(i)- 'ablassen, nachlassen, loslassen') || Pok. 890-891; WH II, 545-546.

17. герм. *ala-, старый part. > adj. *alda-z 'alt' < *alpa- (< и.-е. *alto-).

18. герм. *skama- 'schämen', part. praet. *skanda-z 'beschämt' < *skanpa-.

19. герм. *wēlja- (< *wēljā-?), praet.1.sg. *wulda' < *wul-pa' (< и.-е. *wŕ-to-) || слав. *velěti, praes. 1.sg. *vēljō, 3.sg. *velītъ (а.п. с).

20. герм. praet.1.sg. *būda' < *bū-pa' (< и.-е. *bhuə-to-) || лтш. *būt* (прерывистая интонация указывает на подвижную акцентную парадигму или, что то же, на рецессивную акцентную валентность корня); ср. положение в славянском, в котором подвижная а.п. охватывала все формы инфинитивной основы: supin *bytь ~ inf. *būti; aor. *byxъ ~ 2-3 p. *byštъ*; l-part. *bylъ, f. *byla', n. *bylo.

Очевидно, что вся эта группа глаголов (40 основ) – это глаголы с корнями на нешумные (т. е. оканчивающиеся на гласные [-ē, -ō, -ū, -ī] и сонорные [-i, u, -l, -n, -m]), поскольку в пересекающихся частях множеств основы показывают один тип акцента, можно заключить, что все глаголы, входящие в соответствующее подмножество, имели одну акцентную парадигму. Это подтверждается также тем, что оба подмножества объединяются балто-славянскими соответствиями, имеющими одинаковые акцентные парадигмы. Баритонированная группа имеет 16 балтославянских акцентологических соответствий, окситонированная – 14 балтославянских соответствий. Это количественно согласуется с балтославянской реконструкцией акцентовки этого типа глаголов, где баритонеза устанавливается сближением 12 славянских и латышских основ, а подвижность – 16 славянских и латышских основ (см. Дыбо 2000a: 330).

Наиболее вероятная интерпретация просодического состояния прагерманского в этой группе глаголов – наличие акцентной системы из двух колонных акцентных парадигм: баритонной и окситонной. Естественно думать, что окситонная – результат развития подвижной, как это произошло, например, в русском языке.

Литература

- III: – третий прусский Катехизис – Enchiridion цитируется по изданию: Mažiulis, V. Prūsų kalbos paminklai. T. I, II. Vilnius, 1966, 1981.
- Андронов 2002: – А. В. Андронов. Материалы к латышско-русскому словарю. СПб., 2002 [<http://www.genling.nw.ru/Staff/Andronov/publicat/mono/lvru.pdf>].
- Апост.: Ст.-сербская рукопись нач. XV в. «Апостол и въскресни евангелия» \ НБКМ № 889 (по Цоневу).
- Гр.: **Грама̀тично изказа̀ње об рѣском љезику, по̀па Јѳрка Крижа̀ница, презва̀нјем Сѣрбланина, мѐджу Кѳпо̀рѳ и Вѳно̀рѳ рика̀ми, во ѳјездеѳ Бихѳца гра̀да, око̀л Дѳбовца̀, Озља̀ и Рибника̀ Острѳгов / Пѝсано въ Сибѳри / Издано Бодя̀нским. М., 1859 [Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги].**
- Дыбо 1961b: – В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии \ Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961.
- Дыбо 1981b – В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М.
- Дыбо 2000a – В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М.
- Дыбо 2003 – В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология \ Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Дыбо 2006 – В. А. Дыбо. Порождение акцентных типов производных имен в балтийском \ Балто-славянские исследования. XVII. М., 2006; с. 116–249.
- Дыбо 2007 – В. А. Дыбо. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена) \ Аспекты компаративистики, 2. РГГУ, М., 2007; с. 11–27.
- Дыбо 2008 – В. А. Дыбо. Германское сокращение индоевропейских долгот, германский «Verschärfung» (закон Хольцмана) и балто-славянская акцентология \ Аспекты компаративистики, 3. РГГУ, М., 2008; с. 537–608.
- Дыбо 2009a – В. А. Дыбо. О системе акцентных парадигм в прусском языке \ Балто-славянские исследования. XVIII. М., 2009.
- Дыбо 2009b – В. А. Дыбо. Система акцентных парадигм в прусском глаголе \ Journal of Language Relationship ~ Вопросы языкового родства, № 1 (2009) [= Вестник РГГУ, Серия «Языкознание», № 5], М.; с. 25–64.
- Ев.-Апр. – Евангелие-Апракос (полный) [Сербская рукопись начала XV в. \ РГБ, отдел рукописей, ф. 178, № 7364].
- Зогр. – Сборник слов и житий [Восточноболгарская рукопись

- XIV в. \ Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 171 (по Ильинскому), ранее была известна как: Зогр. № 103; под данным номером ряд отрывков этой рукописи был издан в: Йордан Иванов. Български старини из Македония. София, 1931].
- Иллич-Свитыч 1962 – В. М. Иллич-Свитыч. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балтославянском (О «втором правиле Дыбо») \ КСИС, вып. 35. 1962; с. 63–72.
- Иллич-Свитыч 1984 – В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. р – q. М., 1984.
- Ис.Сир. – Поучения Исаака Сирина [Западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк) \ ГБЛ, отдел рукописей, ф. 304, № 172].
- Косм. – Космография Мартина Бельского [Последняя четверть XVI в. \ РГБ, Отдел рукописей, ф. 152, № 2; расписано А. А. Зализняком].
- Николаев 1989б – С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки \ Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Николаев – Старостин 1982: С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола \ Балтославянские исследования 1981. М., 1982.
- О письм. – Книга Константина Философа «О письменѣхъ». Материал приводится по факсимильному изданию: К. Куев, Г. Петков. Събрани съчинения на Константин Костенечки. София, 1986.
- Пол. – Ю. Крижанич. Политика. М., 1965 [Цифры обозначают страницы рукописи].
- Пс. № 309 – Псалтырь: среднеболгарская рукопись конца XIV в. РГБ, Отдел рукописей, ф. 304, № 306.
- Пс.Кипр. – Псалтырь Киприана [Среднеболгарский текст конца XIV – начала XV в. \ РГБ, Отдел рукописей, ф. 173, № 142].
- Ратн. – Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. 1647 [Старопечатная московская книга].
- Сб. № 151 – Сборник: среднеболгарская рукопись первой трети XV в. \ Б-ка Зографского монастыря, № 151 (по Ильинскому) (по-видимому, писан Константином Костенечским).
- Сб. № 758 – Рукопись XIV–XVI вв., бóльшую часть которой представляет сборник, из которого был извлечен текст жития Евпраксии Олимпийской, помещенный в Минею № 678. Эта часть является русской копией конца XIV в. среднеболгарского текста или текстов старотырновской акцентологической системы. Об истории текста см.: М. М. Молдован. К истории составления тройцкой Минеи № 678. \ Записки Отдела рукописей (ГБЛ). Вып. 42. М., 1981. Рукопись находится в: РГБ, Отдел рукописей, ф. 304, № 758.
- Сим.лет. – Симеоновская летопись. Цит. по: Л. Л. Васильев. О

- значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII веков. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии // Сборник по русскому языку и словесности. Т. 1, вып. 2. Л., 1929 (стр. 54).
- Соф.сл. – Служебник: среднеболгарская рукопись XIV в. \ Национальная библиотека «Кирил и Методи» (София), № 231. Факсимильное издание в кн.: Е. Коцева. Евтимиев служебник. София, 1985.
- Толк.пс. – Толкование псалмов [Восточноболгарская рукопись середины XIV в. \ РГБ, Отдел рукописей, ф. 173, № 18].
- Топоров – В. Н. Топоров. Прусский язык: Словарь. А–Д. М., 1975, Е–Н. М., 1979, I–К. М., 1980, К–Л. М., 1984, Л. М., 1990.
- Чуд. – Чудовский Новый Заветъ. XIV в. Цит. по фототипическому изд.: Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси (издание Леонтія, митрополита Московскаго). М., 1892.
- Ab – Splett Jochen. Abrogans-Studien. Kommentar zum ältesten deutschen Wörterbuch. Wiesbaden, 1976 [сокращение Heidermanns].
- aD – Daab Ursula (Hg.). Drei Reichenauer Denkmäler der altalemannischen Frühzeit. Tübingen, 1963 [сокращение Heidermanns].
- Barber – Charles Clyde Barber. Die vorgeschichtliche Betonung der Germanischen Substantiva und Adjektiva. Heidelberg, 1932.
- Bl. – vārdu saraksts Bīlenšteina [A. J. Bielenstein. Die lettische Sprache, nach ihren Lauten und Formen. Bd. I-II. Berlin, 1863-1864], Bd.I: 51–77 [сокращение ME].
- Bl., Blied. – (диал.) Blieden (нем.) Bliđiene [совр. Bliđene] (лтш.) [сокращение ME].
- Bosworth – J. Bosworth, T. N. Toller. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. Oxford, 1898 (1929, 1954).
- BR – Daab Ursula (Hg.). Die Althochdeutsche Benediktinerregel des Cod. Sang 916. Tübingen, 1959 [сокращение Heidermanns].
- Braune – Wilhelm Braune. Althochdeutsche Grammatik. 8. Auflage bearbeitet von Walther Mitzka. Halle (Saale), 1955.
- Būga RR – K. Būga. Rinkiniai raštai. T. I–III. Vilnius, 1958–1961.
- Clark Hall – Y. R. Clark Hall. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Fourth Edition with a Supplement by Herbert D. Meritt. Cambridge, 1960.
- Cleasby – An Icelandic-English Dictionary, Based on the Ms. Collections of the Late Richard Cleasby / Enlarged and Completed by Gudbrand Vigfusson. With an Introduction and Life of Richard Cleasby by George Webbe Dasent. Oxford: Clarendon Press. M.DCCC.LXXIV.
- cod.Laur. – Codex Florentinus bibl. Laurentianae XXXII 16.
- Collitz:Hermann Collitz. Das schwache Präteritum und seine

- Vorgeschichte. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1912.
- de Vries – Jan de Vries. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: E. J. Brill, 1961.
- Dobl(en) (нем.): (диал.) Duōbele (лтш.) [сокращение ME].
- Dond. – (диал.) Dondangen (нем.) Duñdanga (лтш.) [сокр. : ME].
- DP – Postilla Catholica (Vilniuje 1599), цитируется по изданию Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
- DR – The Durham Ritual, ed. J. Stevenson (Surtees Society), London, 1840, as re-edited by Uno Lindelöf, 1927. Lines of Anglo-Saxon only counted. [Gl by Lindelöf, Bonn, 1901 (BB vol. 9).] [сокращение Clark Hall].
- Egilsson – Sveinbjörn Egilsson. *Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog*. 2. udgave ved Finnur Jónsson. København, 1931.
- EWD – *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von W. Pfeifer. I-III. Berlin, 1989.
- F – G. A. Hench. *The Monsee Fragments. Newly Collated Text with Introduction, Notes, Grammatical Treatise and Exhaustive Glossary*. Straßburg. 1891 [сокращение Raven].
- Falk – Torp – H. S. Falk, A. Torp. *Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch*. I-II. Heidelberg, 1910-1911.
- Feist – S. Feist. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden, 1939.
- Fraenk. – Fraenkel, E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I, II. Heidelberg, 1962, 1965.
- Franck – van Wijk – N. van Wijk. *Franck's etymologisch woordenboek der Nederlandsche taal*. Gravenhage, 1949.
- Frisk – H. Frisk. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. 3 Bde., Heidelberg, 1960-1972.
- G – E. G. Graff. *Althochdeutscher Sprachschatz*, 6 Bde. Berlin, 1834-1842.
- Geb. III – Jan Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého*. Díl III. Tvarosloví. II. Casováni. Praha, 1959.
- Gl – Elias Steinmeyer, Eduard Sievers. *Die althochdeutschen Glossen*. Band I (1879), II (1882), III (1895), IV (1898), V (1922). Berlin: Weidmannsche Buchhandlung [сокращение Raven].
- Grienberger Got. – Theodor von Grienberger. *Untersuchungen zur gotischen Wortkunde*. Wien: Gerold's Sohn, 1900.
- Heidermanns – Frank Heidermanns. *Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive*. Berlin; New York, 1993.
- Hes.Sc.:Hesiodus Epicus «Scutum Herculis».
- Holthausen AEEW – F. Holthausen. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1934.
- I = Isidor [сокращение Raven].
- IF 59 – *Indogermanische Forschungen*, 59 (1964)
- Isidor – Georg A. Hench. *Der althochdeutsche Isidor. Facsimile-Ausgabe der Pariser Codex nebst critischen Texte der Pariser*

- und Monseer Bruchstücke, mit Einleitung, grammatischer Darstellung und einem ausführlichen Glossar. Strassburg, 1893.
- Jasanoff 2008 – Jasanoff, J. H. The accentual type *vēdō, *vedetī and the origin of mobility in the Balto-Slavic verb // *Baltistica* 43 (3), 2008: 339–379.
- Johansson, PBB XV – K. F. Johansson. Gotische Etymologieen \ Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 15. Halle (Saale), 1891; S. 223–243.
- Kand. – (диал.) Kandau (нем.) Kañdava (лтш.) [сокращение ME].
- Karulis – Konstantīns Karulis. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. Rīga, 2001.
- Kučała – Marian Kucała. *Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich*. Wrocław, 1957.
- Kuryłowicz 1939 – J. Kuryłowicz. *Do metodyki badań akcentowych \ Polono-Slavica ofiarowane prof. H. Ułaszynowi*, 1939 [Цит. пер.: «К вопросу о методике акцентологических исследований» \ Е. Курилович. *Очерки по лингвистике*. М., 1962].
- Līn. – vārdi, ko uzrakstījis K. Līniņš no Aizputes apgabala ~ von K. Līniņ aufgeschriebene Wörter aus der Umgegend von Hasenpot [сокращение ME].
- Mayrhofer – M. Mayrhofer. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I-IV*. Heidelberg, 1956–1980.
- Mayrhofer EWA – M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen, I-II*. Heidelberg, 1992–1996.
- ME = Mühl. – Endz. – K. Mühlenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Sēj. I-IV ~ K. Mühlenbach. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. I-IV*. Riga, 1923–1932.
- MF – Hench George Allison (Hg.). *The Monsee Fragments, Newly Collated Text with Introduction, Notes, Grammatical Treatise and Exhaustive Glossary and a Photo-Lithographic Fac-Simile*. Straßburg, 1891 [сокращение Heidermanns].
- N = Notk. [сокращение Raven].
- Noreen – Adolf Noreen. *Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen*. Vierte vollständig umgearbeitete Auflage. Halle (Saale), 1923.
- Notk. – P. Piper. *Die Schriften Notkers und seiner Schule*. Freiburg i. Br. und Tübingen, 3 Bde., 1882.
- O = Otrf. [сокращение Raven].
- Olander 2009 – Olander, T. *Balto-Slavic Accentual Mobility [Trends in Linguistics, Studies and Monographs 199]*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2009.
- Orel – Vladimir Orel. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden; Boston, 2003.
- Otrf. – P. Piper. *Otrfids Evangelienbuch*. 2. Ausgabe. I. Theil: Einleitung und Text. Freiburg und Tübingen, 1882; II. Theil: Glossar und Abriss der Grammatik. Freiburg, 1887.

- PBB XV, 238 = Johansson, PBB XV
- Pl. – J. Plāķis, Daži attīstības posmi latv. un leišu akcenta vēsturē \ Latv. Augstskolas Rakstos IV, 179–222. [сокращение ME].
- Plet. – Max Pleteršnik. Slovensko-Nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895.
- Pok. – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1953.
- PS. – Prof. P. Šmits no Raūnas [совр. тж. Rōna, = нем. Ronneburg; сокращение ME].
- Raven – Frithjof A. Raven. Die schwachen Verben des Althochdeutschen. B. I–II. University of Alabama Press, Alabama, 1964–1967.
- Ruj. – (диал.) Rujen (нем.) Rūjena [совр. Rūjiena] (лтш.) [сокращения ME].
- S – Steinmeyer E. Die kleineren ahd Sprachdenkmäler. Berlin, 1916 [сокращение Raven].
- Salis, Sal. (нем.) – (диал.) Liēl-Salaca [совр. Liēlsalaca] (лтш.) [источник ME].
- ŚB (Kāṇv.) – Śatapatha-Brāhmaṇa (Kāṇva Śākhā).
- Seebold – Elmar Seebold. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague – Paris: Mouton, 1970.
- Selg. – (диал.) Selgerben (нем.) Dzirciems (лтш.) [сокращение ME].
- Serbigal, Serbig. (нем.) – (диал.) Cīrgaļi (лтш.) [источник ME].
- Sievers – Brunner – Altenglische Grammatik nach der Angelsächsischen Grammatik von Eduard Sievers neubearbeitet von Karl Brunner. Zweite, revidierte Auflage der Neubearbeitung. Halle (Saale), 1951.
- Siuxt (нем.) – (диал.) Džūkste (лтш.) [источник ME].
- Ślawski – Fr. Ślawski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–.
- Solmsen Unt. – F. Solmsen. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Straßburg, 1901.
- Solmsen Wortforsch. – F. S. Solmsen. Beiträge zur griechischen Wortforschung, Teil 1. Straßburg, 1909.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
- T = Tat. [сокращение Heidermanns].
- Tat. – Eduard Sievers (Hg.). Tatian. Lateinisch und althochdeutsch mit ausführlichem Glossar. 2. Auflage. Paderborn, 1892 (Nachdruck, 1960).
- Torbiörnsson 1923 – Torbiörnsson, T. De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten. Uppsala, 1923.
- Torp – Falk – Alf Torp, Hjalmar S. Falk. Wortschatz der Germanischen Sprachen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1909 [Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. Dritter Teil: Wortschatz der Germanischen Spracheinheit, by August Fick with contribution by Hjalmar Falk, entirely revised by Alf Torp

- in 1909. Electronic version created by Sean Crist].
- Trautmann BSW – R. Trautmann. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Vermeer 1984 – W. R. Vermeer. On Clarifying Some Points of Slavonic Accentology: the Quantity of the Thematic Vowel in the Present Tense and Related Issues \ *Folia Linguistica Historica* 5/2. 1984.
- Vesp.Ps. – *Vespasian-Psalter und Hymnen, 9. Jahrhundert*, см.: H. Sweet, Ed. *The Oldest English Texts*. London: Trübner. 1885 (Early English Text Society. Original series, N° 83).
- Walde = Walde 1906: Alois Walde. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1906.
- WH – A. Walde, J. B. Hofmann. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. I–II. Heidelberg, 1930–1956.
- Wolm. – (диал.) Wolmar (нем.) Valmiëra (литл.) [сокращение ME].
- Wissmann – Wilhelm Wissmann. *Nomina postverbalia in den altgermanischen Sprachen nebst einer Voruntersuchung über deverbative ö-Verba*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1932.
- Wood = Wood MLN XV: Francis A. Wood. *Etymological Notes \ Modern Language Notes*, vol. XV. Baltimore, 1900; p. 325–330.
- Zubatý, Arch. f. slav. Phil. 16 – Josef Zubatý. *Slavische Etymologien \ Archiv für slavische Philologie*. Bd. 16. Berlin, 1894; S. 385–425.
- Zupitza, Germ. Gutt. – E. Zupitza. *Die germanischen Gutturale*. Berlin, 1896.

Accent system of the Proto-Germanic verb

The comparison of the two groups of Proto-Germanic verbs (primary verbs with stems ending with *j* and *w*) with the Balto-Slavic cognates showed that Germanic verbs with geminated *j* and *w* should be considered oxytona (as corresponding to Balto-Slavic verbs having mobile accent paradigm), while Germanic verbs without gemination of *j* and *w* should be considered baritona (corresponding to Balto-Slavic verbs with immobile (baritonized) accent paradigm).

The analysis of Proto-Germanic verbal adjectives and past participles with the suffix *-to-* showed that they can be divided into two groups: final-stressed, corresponding to Balto-Slavic verbs with mobile accent paradigm, and those with root-placed stress, corresponding to Balto-Slavic verbs with immobile (baritonized) accent paradigm.

A similar conclusion was made concerning the stress of weak Proto-Germanic praeteritum of primary verbs. Acquired results have led to the establishment of 40 primary verbs having stems with sonantic and vocalic finals, divided into two Proto-Germanic accentual paradigms (baritona and oxytona).

А. А. Евдокимова

**АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ПАПИРУСЫ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КЕЛЬНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)**

Резюме. Было исследовано около 420 папирусов из коллекции Кельнского университета. Основные акцентуированные папирусы делятся на две большие группы: II–III вв. и VII–VIII вв., самый ранний случай — III/II в. до н.э., а самый поздний — в X–XI вв. При этом если первая группа содержит в т. ч. и литературные папирусы, то вторая состоит из документальных, в которых большая часть знаков тремы и сокращения. Анализ указанной коллекции показал, что самая подробная акцентуация в стихотворных папирусах, прозаические тексты как литературные, так и документальные, акцентуированы спорадически, однако встречаются и в них интересные случаи следования александрийской системе акцентуации и изобретения писцом своей системы. Употребление знаков долготы-краткости наряду с акцентными в представленном в этой коллекции папирусе I века 2021r (II? 59) с текстом Алкея заслуживает отдельного изучения и сравнения со знаменитой парфенией Алкмана, в том числе с целью выявить некоторые закономерности употребления ударения в зависимости от метрической структуры.

Ключевые слова: древнегреческие папирусы из коллекции Кельнского университета, александрийская система акцентуации.

В рамках изучения вопроса акцентуации в папирусах¹ было исследовано около 420² папирусов из коллекции Кельнского университета³, фотографии которых опубликованы на сайте⁴.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта президента Российской Федерации МК-4741.2009.6.

² Рассмотрены были 428 папирусов, однако у ряда из них наличествуют только краткие описания, а фотографии отсутствуют.

³ *Kölner Papyri. Band I–X. 1976–2003.*

⁴ <http://www.uni-koeln.de/phil-fak/ifa/NRWakademie/papyrologie/Karte/vern.html>

В группу акцентуированных⁵ вошли следующие тексты:

1. 3v⁶ (I, 14)⁷. Аристофан Лисистрата. 182–199 IV в. Происхождение неизвестно.
2. 25bv (I, 15). Демосфен 18. 6, 8–9, 10–11 (περὶ τοῦ στεφάνου). II в. Происхождение неизвестно.
3. 36v (V, 238). Фрагмент грамматики (περὶ στοιχείου). IV в. Происхождение неизвестно.
4. 42r (I, 23). Гомер Илиада I 569–580. позднее II в. Происхождение неизвестно.
5. 47r (III, 129). Фрагмент гекзаметра. I в. Происхождение неизвестно.
6. 231r (I, 42). Гомер Одиссея X 222–239 позднее II в. Происхождение неизвестно.
7. 522v (I, 12). Аполлоний Родосский Аргонавтика I 699–719. I в. Происхождение неизвестно.
8. 529v^{*8} (I, 35). Гомер Илиада XVI 265–274. I/II в. Происхождение неизвестно.
9. 642v (I, 31) Гомер Илиада X 32–40 II в. Происхождение неизвестно.
10. 650r (V, 234). Заявление береговому (?). 1.09.431 Оксирих.
11. 909r (VIII, 355). Список имущества. V–VI вв. Происхождение неизвестно.
12. 929r (I, 13). Аполлоний Родосский Аргонавтика I, 317–331. II в. Происхождение неизвестно.
13. 1031r (I, 41). Гомер Одиссея VII 28–34, 70–76. II–III вв. Происхождение неизвестно.
14. 1373r (II, 104). Долговая расписка. VI в. Афродитес Кома.
15. 1490r (III, 159). Список из правовой школы. V–VI вв. Оксирих.
16. 1612v^{*} (X, 405). Псалмы 7.4–10. VI в. Происхождение неизвестно.

⁵ В группу акцентуированных также были включены папирусы, содержащие знак «трема», который по своей сути не является акцентным, однако часто встречается в акцентуированных текстах.

⁶ Инвентарный номер.

⁷ Номер тома и номер самого папируса по изданию.

⁸ Этим знаком помечены папирусы, содержащие из всего многообразия знаков только трему.

17. 1617v (V, 210) Гомер Илиада V 270–275. III в. Происхождение неизвестно.
18. 1760г, 1760v (IX, 383). Лист со страстями и восточными песнями. IX–X вв. Происхождение неизвестно.
19. 1763г, 1763v (VII, 297). Климент Александрийский, Строматы. IV в. Происхождение неизвестно.
20. 1785г (IX, 373). Арендная расписка. VI в. Гермополь.
21. 2021г (II, 59). Алкей. I в. Происхождение неизвестно.
22. 2171г (VI, 277). Квитанция о воротах. 5.10.193/218/222 г. Арсиное.
23. 2420г, 2420v (IV, 169). Греко-коптская билингва Исаяи V в. Происхождение неизвестно.
24. 2426г (X, 423). Кусок ткани (лен) от мумии с текстом из книги Мертвых. Время правления династии Птолемеев (IV–I вв. до н.э.). Происхождение неизвестно.
25. 2429г +4970v (IX, 363). Полемика против познания. VI в. Происхождение неизвестно.
26. 3293v (IV, 182). Гомер Илиада X 575–579. II в. Оксиринх (?).
27. 3834г (II, 105). Платежное поручение. 208/9 г. Оксиринх.
28. 5128г, 5128v (IV, 176). Комментарий к грамматике Дионисия Фракийского «Περὶ στοιχείου». IV в. Происхождение неизвестно.
29. 5134г* (III, 158). Договор займа. 16.10.599 г. Гераклеополь.
30. 5605 (II, 75) Гомер Илиада XI 515–538 II/III вв. Происхождение неизвестно.
31. 5612г* (IV, 183). Демосфен, речь VI ΚΑΤΑ ΦΙΛΙΠΠΟΥ. III в. Происхождение неизвестно.
32. 5850 (II, 111). Письмо к аббату. V/VI в. Происхождение неизвестно.
33. 5860аг, 5860вг (II, 61). Фрагмент из комментария к Сапфо. II в. Происхождение неизвестно.
34. 5955г (IV, 191). Набросок к письму с просьбой. V/VI в. Происхождение неизвестно.
35. 7051г (VIII, 333). Гомер Илиада C 659–68. III/II в. до н.э. Происхождение неизвестно.
36. 7511г (II, 58). Архилох. I/II вв. Происхождение неизвестно.
37. 7612г (IV, 185). Арат Явления с комментариями. II в. Оксиринх.
38. 7614г (X, 422). Квитанция/ расписка о вине. VI/VII вв. Происхождение неизвестно.

39. 7615r (III, 166). Византийское деловое письмо. VI/VII вв. Происхождение неизвестно.
40. 7871r* (III, 151). Договор займа и покупка с последующей доставкой. 24.7.423 Кинополь.
41. 7873r* (III, 153). Долговое обязательство. V–VI вв. Антинополь.
42. 7900r (IX, 385). Поручение для Апы Ключ. VII–VIII вв. Гермополь.
43. 7901r (IX, 386). Поручение для Авраама. VII–VIII вв. Гермополь.
44. 7902r, 7902v (X, 426). Письмо деревенского секретаря (?) VII–VIII вв. Самалют в Гермополе.
45. 7903r (X, 426). Письмо Брия (?). VII–VIII вв. Терот в Гермополе.
46. 10052F, 10052H (X, 424). Псалмы. 127.3–6, IX в. Происхождение неизвестно.
47. 10242r* (X, 428). Просьба о провианте. X–XI вв. Происхождение неизвестно.
48. 10311r, 10311v (X, 406). Письмо Павла к римлянам. 15, 26–27. 32–33; 16, 1.4–7.11–12 III в. Происхождение неизвестно.
49. 20270–23r (VI, 247). История Диадочов. II–I вв до н.э. Происхождение неизвестно.
50. 20350-11r. (VI, 269). Фрагмент Письма. 26.06.214 Арсиное.
51. 20390r (V, 215). Восточное письмо патриарха Бенжамина I. III в. Происхождение неизвестно.
52. 20839-a-14-24r (VII, 319). Гарантия одного поручителя. VII–VIII (?) вв. Гераклеополь.
53. 20839-a-1-13r (VII, 318). Список различных товаров. VII–VIII (?) в. Гераклеополь.
54. 20845v (IX, 365). Рекомендательное письмо к Гераклиду. II в. Арсиное.
55. O15⁹ (IX, 387). Квитанция о подушной подати. VII–VIII вв. Происхождение неизвестно.
56. O355 (IX, 390). Письмо Сансно Георгию VI–VII вв. Происхождение неизвестно.
57. O356 (IX, 388). Квитанция о подушной подати VII–VIII вв. Происхождение неизвестно.

⁹ O обозначает остракон.

58. O408 (II, 115). Квитанция о промысловом налоге. 6.6.142. Сиене.
59. O412 (II, 118). Расписка о перевозке зерна. 29.10.298 Фаюм.
60. T15vor (VIII, 353). деревянная панель с началами отдельных стихов из Псалмов. VII–VIII вв. Происхождение неизвестно.

По датам тексты распределяются следующим образом:

- время правления династии Птолемеев (IV–I вв. до н.э.) — 1
- III/II в. до н.э. — 1
- II–I вв. до н.э. — 1
- I в. — 3
- I/II в. — 2
- II в. — 7
- 6.6.142 г. — 1
- позднее II в. — 2
- II–III вв. — 2
- III в. — 4
- 5.10.193/218/222 гг. — 1
- 208/9 г. — 1
- 26.06.214 г. — 1
- 29.10.298 г. — 1
- IV в. — 4
- V в. — 1
- 24.7.423 г. — 1
- 1.09.431 г. — 1
- V/VI в. — 5
- VI в. — 4
- 16.10.599 г. — 1
- VI/VII вв. — 3
- VII–VIII вв. — 7
- VII–VIII (?) вв. — 2
- IX в. — 1
- IX–X вв. — 1
- X–XI вв. — 1

Как видно из приведенного распределения, основные в этой коллекции скопления акцентуированных папирусов делятся на две большие группы: II–III вв. и VII–VIII вв., самый ранний случай — III/II в. до н.э., а самый поздний — в X–XI вв. При этом если первая группа содержит в том числе и литературные папирусы, то вторая состоит, в

основном, из документальных папирусов, в которых большая часть знаков тремы и сокращения.

По происхождению папируса выявлены следующие закономерности:

- Происхождение неизвестно — 39
- Оксиринх — 5
- Арсиное — 3
- Гераклеополь — 3
- Гермополь — 3
- Самалют в Гермополе — 1
- Терот в Гермополе — 1
- Афродитес Коме — 1
- Фаюм — 1
- Сиене — 1
- Антиноополь — 1
- Кинополь — 1

Большая часть акцентуированных папирусов неизвестного происхождения, следующие по величине группы из Оксиринха и Гермополя¹⁰.

По жанрам:

Литературные:

Гекзаметрическая поэзия:

- 42r (I, 23) Гомер Илиада I 569–580, позднее II в.
- 529v* (I, 35) Гомер Илиада XVI 265–274. I/II в.
- 642v (I, 31) Гомер Илиада X 32–40. II в.
- 1617v (V, 210) Гомер Илиада V 270–275. III в.
- 3293v (IV, 182) Гомер Илиада X 575–579. II в. Оксиринх (?).
- 5605 (II, 75) Гомер Илиада XI 515–538. II/III вв.
- 7051r (VIII, 333) Гомер Илиада C 659–68. III/II в. до н. э.
- 231r (I, 42) Гомер Одиссея X 222–239. позднее II в.
- 1031r (I, 41) Гомер Одиссея VII 28–34, 70–76 II–III вв.
- 7612r (IV, 185) Арат Явления с комментариями. II в. Оксиринх.
- 522v (I, 12) Аполлоний Родосский Аргонавтика I 699–719. I в.
- 929r (I, 13) Аполлоний Родосский I, 317–331. II в.
- 47r (III, 129) Фрагмент гекзаметра. I в.

¹⁰ Если приравнять Самалют в Гермополе и Терот в Гермополе к Гермополю.

Лирическая поэзия:

- 2021r (II? 59) Алкей. I в.
- 7511k (II, 58) Архилох. I/II вв.

Комедия:

- 3v (I, 14) Аристофан Лисистрата. 182–199 IV в.

Проза:

- 2426r (X, 423) Кусок ткани (лен) от мумии с текстом из книги Мертвых. Время правления династии Птолемеев (IV–I вв. до н. э.)
- 20270-23r (VI, 247) История Диадочов. II-I вв до н. э.
- 5860ar, 5860br (II, 61) Фрагмент из комментария к Сапфо. II в.
- 25bv (I, 15) Демосфен 18. 6, 8-9, 10-11 (περὶ τοῦ στεφάνου). II в.
- 5612r* (IV, 183) Демосфен, речь VI КАТА ΦΙΛΙΠΠΟΥ. III в.
- 1763r, 1763v (VII, 297) Клемент Александрийский, Строматы. IV вв.
- 36v (V, 238) Фрагмент грамматики (περὶ στοιχείου) . IV в.
- 5128r, 5128v (IV, 176) Комментарий к грамматике Дионисия Фракийского Περὶ στοιχείου. IV в.
- 2429r +4970v (IX, 363) Полемика против познания. VI в.
- Документальные:
- O408 (II, 115) Квитанция о промысловом налоге. 6.6.142. Сиене.
- 20845v (IX, 365) Рекомендательное письмо к Гераклиду. II в. Арсиное.
- 3834r (II, 105) Платежное поручение. 208/9 г. Оксиринх.
- 20350-11r. (VI, 269) Фрагмент Письма. 26.06.214 Арсиное.
- 2171r (Vi, 277) Квитанция о воротах. 5.10.193/218/222 гг. Арсиное.
- O412 (II, 118) Расписка о перевозке зерна. 29.10.298 Фаюм.
- 20390r (V, 215) Восточное письмо патриарха Бенжамина I. III в.
- 7871r* (III, 151) Договор займа и покупка с последующей доставкой. 4.7.423 Кинополь.
- 650r (V, 234) Заявление береговому (?).1.09.431 Оксиринх.
- 909r (VIII, 355) Список имущества. V–VI вв.
- 1490r (III, 159) Список из правовой школы. V–VI вв. Оксиринх
- 5850 (II, 111) Письмо к аббату. V/VI в.
- 5955r (IV, 191) Набросок к письму с просьбой. V/VI в.
- 7873r* (III, 153) Долговое обязательство. V–VI вв. Антиноополь.

- 1373r (II, 104) Долговая расписка. VI в. Афродитес Коме.
- 1785r (IX, 373) Арендная расписка. VI в. Гермополь.
- 5134r* (III, 158) Договор займа. 16.10.599 г.. Гераклеополь.
- 7614r (X, 422) Квитанция/ расписка о вине. VI/VII вв.
- 7615r (III, 166) византийское деловое письмо. VI/VII вв.
- O355 (IX, 390) Письмо Сансно Георгию. VI–VII вв.
- 7900r (IX, 385) Поручение для Апы Клуч. VII–VIII вв. Гермополь.
- 7901r (IX, 386) Поручение для Авраама. VII–VIII вв. Гермополь.
- 7902r, 7902v (X, 426) Письмо деревенского секретаря (?). VII–VIII вв. Самалют в Гермополе.
- 7903r (X, 426) Письмо Брия (?). VII–VIII вв. Терот в Гермополе.
- O15 (IX, 387) Квитанция о подушной подати. VII–VIII вв.
- O356 (IX, 388) Квитанция о подушной подати. VII–VIII вв.
- 20839-a-14-24r (VII, 319) Гарантия одного поручителя. VII–VIII (?) вв. Гераклеополь.
- 20839-a-1-13r (VII, 318) Список различных товаров. VII–VIII (?) вв. Гераклеополь.
- 10242r* (X, 428) Просьба о провианте. X–XI вв.

Христианские:

- 10311r, 10311v (X, 406) Письмо Павла к римлянам 15, 26–27.32–33; 16, 1.4–7.11–12. III в.
- 2420r, 2420v (IV, 169) Греко-коптская билингва Исайи.
- 1612v* (X, 405) Псалмы 7.4–10. VI в.
- T15vor (VIII, 353) Деревянная панель с началами отдельных стихов из Псалмов. VII–VIII вв.
- 10052F, 10052H (X, 424) Псалмы 127/3–6?. IX в.
- 1760r, 1760v (IX, 383) Лист со страстями и восточными песнями. IX–X вв.

Разберем более подробно виды акцентуированных знаков в каждой из жанровых групп на наиболее интересных примерах. Начнем с литературных папирусов и с самой большой среди них группы, гекзаметра. В эту группу входит семь папирусов с Илиадой Гомера, два с Одиссеей, два с Аргонавтикой Аполлония Родосского, один папирус, содержащий фрагмент Арата и один с неопределенным фрагментом гекзаметра.

Маркировка ударных слогов наблюдается в самом раннем (III/II в. до н.э.) папирусе 7051r (VIII, 333) в 661

строке καμ]μονήν и γνώω[σι, οίσ[εται (663) и δ' αυ[τ]ίς' (664) и в папирусе 3293v (IV, 182) II в. αλειψαμένω (577), κρητήρος (578). В последнем из этих двух папирусов сигма в слове ΙΛΙΑΔΟΣ выделена титлом сверху и подчеркиванием снизу.

В папирусе 529v* (I, 35) I/II века встречается только трема над υ в слове: ἄϋσας (268 строка), а в фрагменте 231r (I, 42), написанном позднее II в., дважды употребляется традиционная трема над ι, вторым элементом дифтонгов οι и αι. В 642v (I, 31) II в. – апостроф между словами μάλ' αίνῶς (38) с явной смысловозначительной функцией.

В папирусе 42r (I, 23), созданном позднее II в., фрагмент второй четверти строк I 569–580, в целом, не акцентуирован, если не считать 573 строки, в которой видно два знака: 1) в самом начале фрагмента что-то среднее между титлом и циркумфлексом над первым слогом θεοῖσι, 2) легкое придыхание над первым омикроном в κολ[ῶδν].

Богато акцентуирован, написанный в II/III вв. памятник 5605r (II, 75), знаки длинные и тонкие (рис. 1) чуть сдвинутые вправо, в сторону следующих за ударными гласными согласных: ἱπ]πῆες (529), ἀλλήλους (530), ἄρα (531), ῥίμφ' (533), στείβοντες (534), νέρθεν (535), ἄρ' (536), с заменой ι на ει ορεΐνονται (525).

Однако в нем же встречаются и отклонения от византийской системы акцентуации:

- циркумфлекс вместо акута со сдвигом вправо ἱπλους (528),
- вместо тремы гравис на безударном слове νῶι (523) — гравис использован в традиционной для александрийской системы функции.

Рис. 1

Александрийская система акцентуации, сдвиг ударения на первый элемент дифтонга, реализуется в 1031r (I, 41) II–III вв.: ἐπεί μοι (29), ξείνους (32), ὄρι (32). В целом, в этом папирусе циркумфлекс ставится на ударный слог: σιγῆι τοῖον (30), θοῆσιον (34), однако наблюдается и замена циркумфлекса на акут, с последующим сдвигом влево: ξέι[νε] (28).

Фрагмент 1617v (V, 210) III в. предлагает уже более любопытный пример александрийской системы: маркирование безударного слога и отражение переноса ударения с клитики ἀρ]οιμῆθά κε (273). А другие ударения в данном папирусе, просто маркируют ударные слоги ἀτίτα[λλ] (271) и ἀλλήλους ἀγόρευ[ον] (274).

Происходящий из Оксиринха фрагмент 7612r (IV, 185), написанный во II в., содержащий одну форму с ударением собственно в тексте Арата: κορυφ]ῆσιον (920). Комментируя форму Арата εἰναλιδί[ναι] (918), от которого на этом папирусе осталось три буквы, при этом ν сильно повреждена и над ней следы некоего знака, возможно, циркумфлекса, комментатор записывает это слово следующим образом: .υναλιδίναϊ. Комментарий к 928 строке начинается с αἴπ[.

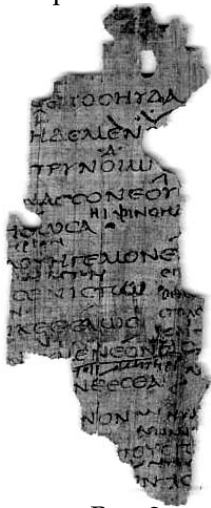

Рис. 2

Папирус Аполлония Родосского I в. 522v (I, 12) имеет корректуры, надписанные сверху в точках с обеих сторон от исправляемой буквы. В слове μένο[ινή] (700) над частично сохранившейся верхней частью знак похожий на Υ, левый ус которого орнаментирован такими точками (см. рис. 2), поскольку сохранность места плохая, то однозначно интерпретировать это явление нельзя, хотя можно предположить, что перед нами фрагмент лигатуры: «ίν». В этой же строке чуть ранее вместо акута использован циркумфлекс: ῆδε (700). Циркумфлекс в εουσαν (702) достаточно большой и скорее располагается над первой частью дифтонга, как

было принято в александрийской системе¹¹. В ἡγεμονεύει (704) также наблюдается традиционное для александрийской системы смещение на первый элемент дифтонга. В этом же папирусе целый ряд ударений на ударных слогах: ἀντ]ηόωσα (703), в котором начертание «ο» скорее угадывается, а знак ударения достаточно четкий; также ἐθέλωσι (706), ἐ]υμενέοντω¹² (707).

Во фрагменте из того же автора 929r (I. 13) II века всего три случая:

- маркировка акутом ударного слога: πόληος (321)
- маркировка грависом безударного слога: ἰστωι (329) — александрийская система акцентуирования
- маркировка грависом (?) с придыханием безударного слога δ [εσ]ἶδοντες (322). Причем сначала идет гравис, потом придыхание.

В неподдающемся пока идентификации фрагменте гексаметра I века 47r (III, 129), встречается дважды трема и один раз густое придыхание: εἰς αἶδαο (3¹³), ὡς εσἶδοντο (4).

Один из самых интересных акцентуированных папирусов этой коллекции, — это большой фрагмент Алкея 2021r (II? 59) I в., написанный двумя разными почерками: один хорошо читаемый крупный маюскул, второй поменьше, видимо, приписанный позднее с нарушением структуры строк, оформленных в две колонки, от которых сохранилась средняя часть (середина и конец первой и начало второй). Наряду с акцентами в этом папирусе сохранились и знаки долготы-краткости: αἰσχῦν[·]τα (4), τᾶμ[] (4), βᾶλον (5), [·]αγκᾶ (5), ολιωπ[·]ᾶν·(6), ὄντα(8), αἰγαῖς (9), θαλασσᾶς·(10), []ανᾶς (12), λᾶῖδος (12), []απᾶππενᾶ (13), ᾶσδᾶῖ (15), ᾶνεχων (19), []νᾶς (20), ᾶθεων (20), []οσυλᾶισι (21), []τᾶ· (22),

¹¹ Поскольку придыхание в этом папирусе начертано просто вертикальной чертой, оно по умолчанию было идентифицировано как густое.

¹² Слово подчеркнуто, τ вставлено сверху, а поверх самой ω начеркано, возможно, исправление на α.

¹³ Указан номер строки в самом папирусе.

παρθενικᾶν (23), ἰραῖσ·[(2,5), αἰᾶσα·[(2,6), εβᾶσκε[(2, 10),
 παυτᾶπ·[··](2, 17), ἄτᾶνβροτι[(2, 21), ωῦρραῶδον·[(2, 22)

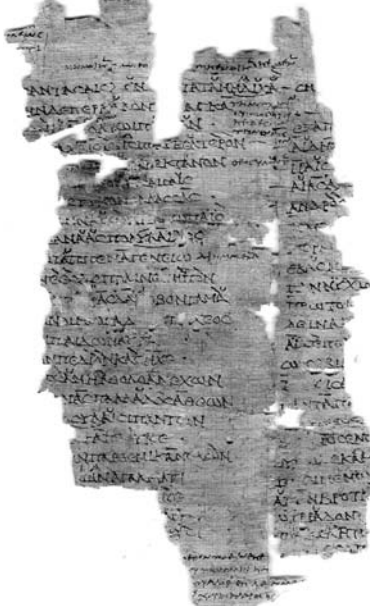

Рис. 3

Три случая можно интерпретировать и как употребление грависа вместо акута в середине слова, наряду с использованием его в тех же примерах для маркировки безударности: πεδιὸν (18), δικᾶ (4), ἀνδρὸς [] (2,7). В одном из примеров гравис стоит над согласными: ἐνιλᾶ (6).

Акут встречается в этом папирусе реже и только на ударных слогах: αἰδή[(2, 4), πολύ (12), как и циркумфлекс: ἦς (7), []σσάνῆλθολο¹⁴ (19), υ[··]δεκᾶμ[(2,19).

В папирусе 751к (II, 58) I/II вв. маркируются ударные слоги и в некоторых случаях отображается густое придыхание:

- циркумфлекс на ударных слогах: δ' ὦν (2), νῦν (3), Ἀμφιμεδοῦς (7), εσθλῆς (7), νῦν (8), τῶν (10), θεῖον (10) циркум-

¹⁴ Недостаточно данных, чтобы разбить этот фрагмент на слова.

- флекс на весь дифтонг, εὔτ' (11), θο]ιγκοῦ (14), νῦν (16) γνῶθι(16), ἐπὶν (19), ξανθῆς (36)
- акут на ударном слоге: νέοισιν (9), βουλευσομεν (12) со сдвигом на первую часть дифтонга, ὥς (13), μῆ] (15) μέγαιρε (15), πέπειρα (17), ἀπερρῦηκε (18) παρθενηῖον (18), μαινόλις (20), ὥσπερ (28), τηλ]εθάεσσι (30), ἀγκάλῃς (31), ἠπίως (33) ἀμφαφώμενος (35)
 - акут и на ударном слоге и на переносе ударения с клитики: τ]έροψιές (9)
 - гравис вместо акута в конце слова: παρῆξ (10), τῶς (32)
 - густое придыхание: ἦ (3), ἦν (8), ἦ (19), ὅπως (26), ὥστε (32)
 - апостроф: τ]οσαυτ' (6), μαλ' (25), δέ]δοιχ' (26), τοσ]αυτ' (29), αυχεν' (31)

Однако встречаются примеры и на александрийскую систему акцентуации:

- маркировка безударных слогов грависом: ἐι (2), ἐν (3) ἡμετερου (3), δ' ἐπ' (11)
- маркировка безударных слогов акутом: πυλεῶν (14)

Особо стоит разобрать два однокоренных слова, написанных с показателем долготы: κᾶλη (4), κᾶλιτημερα (27). Так как этот корень с краткой «α», то здесь перед нами поэтическая маркировка для уточнения размера.

В папирусе IV в. Зv (I, 14) с Лисистратой Аристофана, который sporadически акцентуирован, маркируется акутом ударный слог: ὀροκον (183), ὑπτ[ί¹⁵αν] (185), τόμια τίς (186). Особое внимание следует обратить на два случая: τόμια τίς (186) и πο[θ' ἦ]μας (187), где акут стоит на клитике, причем на согласной букве, в первом случае со смещением вправо, во втором — влево. По всей вероятности, такое написание акута маркирует безударную клитику, попутно обозначая ее границы, т. е. самый дальний согласный от слова, к которому она относится.

Прозаические папирусы акцентуированы скорее случайным образом и в гораздо меньшем объеме, чем стихотворные. На льне времен правления династии Птолемеев 2426r (X, 423) можно разобрать отдельные акцентуиро-

¹⁵ Акут в папирусе есть над отсутствующей буквой.

ванные фрагменты: τοζῖο. (3),]ι̅ε̅ζῖς (3), τοῖο. (4), для интерпретации которых недостаточно данных.

К сожалению, папирус 20270-23r (VI, 247) II–I вв до н.э. сфотографирован на указанном ресурсе в недостаточном разрешении, чтобы можно было приводить примеры, и требует его рассмотрения вживую. Однако наличествующая фотография свидетельствует об употреблении в нем знаков акцентуации, в том числе грависа над согласными для маркировки безударных слогов.

Во фрагменте комментария к Сапфо II века 5860ar (II, 61) кроме исправления «ο» на «ω» поставленного другой рукой в 8 строке и добавлений в 6–7 строках, этой же рукой поставлен акут πολέπαις (10). В другом фрагменте этого же текста, 5860br, употребляется также акут, по всей вероятности на ударных слогах: μένας (1, 15) ὠνε[] (2, 6) []μεν[] (2, 10).

В пятой строке среднего столбца папируса II века 25bv (I, 15) используется придыхание ἀγχεσε. Тремя строками выше в самом начале строки над первой буквой παρα располагается циркумфлекс, частично утраченный, возможно, сокращение. А на 6 строке над лигатурой «ου» титло.

В папирусе III века 5612r* (IV, 183) употреблена только трема ἰδε (7), в целом, фрагмент из речи Демосфена не акцентуирован.

Писец папируса 1763r, написанного в IV в., кроме тремы ὑπερ (9), ἰκετην (10) и сокращения над θ(εό)ν, использует в начале 6 строки акут []ίν εκειθεν, к сожалению, данных для интерпретации недостаточно. Во второй строке на обороте 1763v придыхание ἀνεκωτως смещено влево, что позволяет его интерпретировать и как апостроф к предыдущему слову.

Во второй строке 36v (V, 238) IV века «ἴερην» с тремой и через две буквы от него слог «ευ» под титлом, после которого εκ διος[, скорее всего, титло носит характер особого смыслового выделения. Однако этот случай стоит анализировать вместе с перечислением дифтонгов под титлами над каждым: ευ ηυ ου υι ωι в этом же папирусе на шесть строк ниже, где титло, по всей видимости, служит для наглядного объединения гласных. Такой же прием выделения титлами, но в данном случае перечня согласных

τ, ζ, ξ,[] σ, μ, ν, ρ (2–3) и отдельных букв ξ εκ του ε (7), используется в папирусе IV века 5128r (IV, 176). А на обратной его стороне 5128v несколько сокращений и трема над «i».

В первой строке самого позднего литературного акцентированного папируса этой коллекции (VI века), 2429r +4970v (IX, 363), дважды употребляется знак придыхания, один раз над согласным «ν», а второй раз над затертой буквой, возможно, «ι».

Документальных папирусов, содержащих акцентные знаки в этой коллекции двадцать восемь, место происхождения большей части из них, в отличие от литературных, известно. Самый ранний, 142 года, острака O408 (II, 115) содержит в первой своей строке трему над «ι» и несколько знаков сокращения, такие же знаки и в более позднем (222 г.) 2171r (VI, 277). Первые три слова фаюмского папируса 298 года O412 (II, 118) θησαυροῦ κώμης Καραΐδος даны в сокращениях, также автор предпочитает сокращать и остальные слова. Однако имя упомянутого в тексте распiski человека, не только не сокращено, но и содержит трему: Παΐανου. Тот же выбор знаков (трема и сокращения) характеризует папирусы 7900r (IX, 385), 909r (VIII, 355), в 7614r (X, 422), в 7903r (X, 426) из Терота в Гермополе, 20839-а-1-13r (VII, 318) из Гераклеополя.

В длинном папирусе III века, написанном аккуратным маюскулом, 20390r (V, 215), встречаются сокращения, тремы над ι и υ, особенно, в начале слов и в дифтонгах, а также над ν в начале третьей строки циркумфлекс, который мог быть перенесен с соседней слева ω или просто служить элементом украшения. В папирусе VII–VIII вв. 7902r и 7902v (X, 426) циркумфлекс в основном над ν встречается в качестве сокращения. В этом же папирусе в ряде слов второй элемент дифтонга маркируется тремой. Также над ν встречается не только циркумфлекс, но и акут, что можно наблюдать в папирусе 1490r (III, 159).

В папирусе 7871r* (III, 151) 423 года встречается только трема в начале слов, над ι и над υ. То же явление наблюдается в 7873r* (III, 153) из Антиноополя, в 5134r* (III, 158) из Гераклеополя, 10242r* (X, 428).

В папирусе II века 20845v (IX, 365) в имени адресата, $\text{H}\rho\alpha\kappa\lambda\epsilon\iota\delta\eta$, выписанном с особой тщательностью, над κ завитушка похожая на густое придыхание, а между δ и η циркумфлекс. Поскольку основной текст папируса не акцентуирован и буквы имеют различные завитушки, можно понимать данный случай, как использование акцентных знаков для украшения.

Акцентуированный папирус 208/9 года из Оксирина, 3834r (II, 105), написанный изящным минускулом, дошел до нас в плохой сохранности, что не позволяет соотнести большее число акцентных знаков. Приведем один пример, где употребление знаков не вызывает сомнений: $\alpha\rho\upsilon\acute{\omicron}\rho\iota\kappa\omega\nu$ (4) — акут используется для маркировки безударного слога.

Циркумфлекс над частично утраченной буквой встречается в 20350-11r. (VI, 269) 214 г. в 5 строке, а чуть выше нетипичное употребление тремы над «о», возможно, элемент украшения. В папирусе VII–VIII вв. из Гермополя 7901r (IX, 386) циркумфлекс является основным акцентным знаком, который в случае его употребления с дифтонгом, содержащем в качестве второго элемента ι , маркированную тремой, в ее усеченном варианте в виде одной точки, сдвигается влево на первый элемент.

Для оксиринского папируса 650r (V, 234) характерно использование титла над «о» в качестве сокращения для «ou» и в качестве акута, как в $\mu\tau\epsilon\nu\theta\upsilon\nu\acute{o}\varsigma$ (10). В тексте встречается трема в начале слов и перед гласной $\alpha\upsilon\rho\eta\lambda\iota\acute{o}\varsigma$ (15), а гравис используется согласно правилам византийской системы акцентуации, вместо акута на конце слова: $\acute{\iota}\omega\sigma\iota\phi$ (3). Такое же использование грависа представлено в тексте того же времени из Оксирина, 1490r (III, 159). Гравис не только вместо акута, но и в качестве знака сокращения встречается в 5850 (II, 111) того же времени. А титло выполняет функцию акута $\mu\alpha\rho\sigma\eta\gamma\omicron\rho\iota\alpha\nu$ (2). Такая же ситуация наблюдается и в 5955r (IV, 191). Вместо акута титло используется и в папирусе 1373r (II, 104).

Титло может в документальных папирусах выделять слова, маркируя их смысловую значимость. Такое явление наблюдается в папирусе 1785r (IX, 373) в написании слова $\mu\alpha\kappa\alpha\rho\eta\varsigma$ (3) используется четыре титла. В том же папирусе

строкой выше употреблена трема над «и» в начале слова. Акут в O355 (IX, 390) используется в двух функциях: как маркер ударения над гласными, и как знак сокращения над согласными, чем он сближается с вышеописанным использованием титла и дает возможность предположить, что в этих византийских памятниках могла сохраниться традиция писать акут без наклона, как горизонтальную палочку (см. Jean-Luc Fournet (1999), 24). Тогда выше описанные функции титла, на самом деле относятся к акуту.

В папирусе 7615r (III, 166), написанном в VI/VII вв., акцентные знаки употребляются спорадически, но по правилам византийской системы акцентуации. То же можно сказать и о O15 (IX, 387) VII–VIII вв. В 20839-a-14-24r (VII, 319) основной знак для ударения акут, а трема использована как элемент украшения $\kappa\rho\upsilon\omicron\iota\upsilon$.

Довольно любопытная система акцентуации почти всех гласных без исключения представлена в O356 (IX, 388) VII–VIII вв. (рис. 4), однако некоторые из них можно интерпретировать и как элементы украшения.

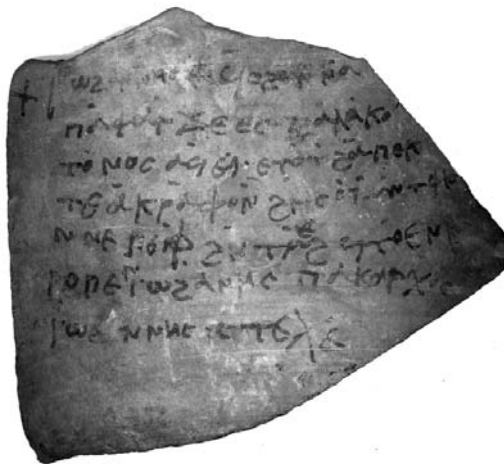

Рис. 4

Папирусов, которые были отнесены в группу «христианские», немного. В основном, это цитаты из псалмов и писания. В папирусах 10311r, 10311v (X, 406), T15vor (VIII, 353) употребляются трема в начале слова и над вторым элементом дифтонга, а также сокращения. В 1612v* (X, 405)

только трема. В папирусе 2420r, 2420v (IV, 169) более расширенный набор знаков: гравис на конце слов вместо акута, сокращения, трема над вторым элементом дифтонга и циркумфлекс над согласными. Почти такой же набор, только вместо циркумфлекса в последнем пункте гравис или точка в самом позднем папирусе из этой группы 1760r, 1760v (IX, 383).

Таким образом, анализ указанной коллекции показал, что самая подробная акцентуация в стихотворных папирусах; прозаические тексты как литературные, так и документальные, акцентуированы спорадически, однако встречаются и в них интересные случаи следования александрийской системе акцентуации и изобретения писцом своей системы. Употребление знаков долготы-краткости наряду с акцентными в представленном в этой коллекции папирусе I века 2021r (II? 59) с текстом Алкея заслуживает отдельного изучения и сравнения со знаменитой парфений Алкмана, в том числе с целью выявить некоторые закономерности употребления ударения в зависимости от метрической структуры. В целом, все наблюдения носят предварительный характер, так как необходимо подробное изучение каждого из выявленных акцентуированных папирусов этой коллекции вживую.

Литература

- Jean-Luc Fournet. (1999) *Hellénisme dans l'Égypte du Vie siècle. La bibliothèque et l'oeuvre de Dioscore d'Aphrodité* MIFAO 115/1 Caire.
- Bernhard Laum. (1928) *Das alexandrinische Akzentuationssystem unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri. Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums, 4. Ergänzungsband.* — Paderborn: F. Schöningh.
- Richard Seider. *Paläographie der griechischen Papyri.* B. 1-3. Stuttgart: 1967–1990.

Summary

This paper discusses the problem of accentuation in papyri based on about 420 papyri from the collection of the University of Cologne. The photocopies of the papyri have been published at the University web site. The largest aggregations of accentuated papyri from that collection can be divided into two large groups: the documents from II–III A.D. and VII–VIII A.D., the earliest sample dating to III/II B.C.

and the latest to X/XI A.D. While the former group contains literary papyri among others, the latter consists of documentary papyri mostly with diaereses and abbreviations.

The analysis of the collection has revealed the most detailed accentuation in papyri written in verse; prose works, both literary and documentary, are accentuated sporadically, although they also contain interesting instances of either following the Alexandrian accentuation pattern or of scribes implementing ad hoc accentuation systems. The usage of marks of length or brevity along with accentual ones in the papyrus containing a text by Alcaeus (I A.D., 2021r (II? 59)) is worth a separate study and should be compared to a prominent parthenios by Alcman. One of the aims of such a study is to reveal some regularities of the usage of accent depending on the metric structure.

В. В. Емельянов

АККАДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ШУМЕРСКОМ (III династия Ура)

Резюме. В статье продолжается изучение аккадских заимствований в шумерский язык, расположенных в хронологическом порядке (предыдущие этапы исследования см. Емельянов 2006; Емельянов 2009). Речь пойдет об аккадизмах позднешумерского периода, зафиксированных в хозяйственных текстах и гимнах эпохи III династии Ура (ок. 2109 – ок. 2003 гг.).

Ключевые слова: шумерский язык, аккадский язык, аккадизмы в шумерском, III тыс. до н.э., этимологии, шумерская картина мира.

К концу III тыс. до н.э. южная Месопотамия постепенно переходила на семитские языки – аккадский и аморейский. Аккадский язык позднешумерской эпохи недавно удостоился отдельной монографии (Hilgert 2002), чего не скажешь о шумерском языке урского времени, который еще ждет своего исследователя. К XXI в. шумерский перестал быть разговорным, но был оставлен для школы, храма и канцелярии. На нем писали документы хозяйственной отчетности, создавали храмовые и царские гимны, дидактические произведения и учебные пособия. Большую часть шумерского корпуса этой эпохи составляют бюрократические документы, в составе которых встречается довольно много нарицательных имен с аккадской структурой и с мимацией. Данные этих документов были собраны И. Гельбом в «Словаре староаккадского языка» (MAD 3). Словарь Гельба является исключительно ценным источником, которым почему-то не воспользовались предыдущие исследователи аккадо-шумерских лингвистических связей (Steiner 2003; Sommerfeld 2006). Гельб называл термином «Old Akkadian» всю первоначальную эпоху распространения аккадского языка в Месопотамии – от отдельных аккадизмов старошумерской эпохи до аккадских текстов III династии Ура (MAD 3: IX). Перед каждым шумерским словом с мимацией, дошедшим из текстов

урской эпохи, он ставил пометку «Akk. lw. in Ur III Sum.» (MAD 3: 15f). Время заимствования такого слова исследователь определить не берется. Вполне возможно, что некоторые слова были заимствованы еще в саргоновский период, но впоследствии оказались в корпусе текстов III династии Ура. Поэтому можно датировать их этой эпохой на основании времени записи. К тому же, в пользу урской эпохи заимствования говорит тот факт, что аккадизмы, дошедшие из саргоновских текстов, как правило, имеют измененную форму (Емельянов 2009: 176–177).

Собранные Гельбом аккадизмы рассыпаны среди прочих аккадских лексем и никем еще не издавались в отдельном списке. К тому же, автору староаккадского словаря были известны далеко не все аккадизмы, поскольку многие тексты тогда не были изданы. Все слова в приводимом далее перечне извлечены как из книги И. Гельба, так и из электронных баз данных шумерского языка ePSD, ETCSL, CDLI, где указаны точные ссылки на тексты и издания, а также на эпоху первого упоминания лексем. Аккадские слова пишутся курсивом. Вместо знака < (происхождение) лучше поставить знак = (соответствие), поскольку впоследствии может обнаружиться, что часть слов с мимацией являются не аккадизмами, а семитизмами (например, словами аморейского языка), попавшими в шумерский и приобретенными мимацию как признак своей аккадизации. Не исключены и случаи, когда шумерское слово, попав в аккадский, получило мимацию, а потому могло через некоторое время восприниматься как аккадское. Если после слова стоит знак вопроса, это означает проблематичность его обнаружения в составе аккадской лексики. В некоторых случаях даются отождествления лексем по ANw. В ряде случаев слова оставляются без русского перевода, поскольку точный перевод неизвестен и приводятся те варианты перевода, которые встречаются в электронных базах и словарях.

Тематическое распределение лексики:

Хозяйственно-бытовая лексика (E): 68

Наука и техника (T): 16

Общественно-политическая (P): 8

Религиозная лексика (R): 7

География и флора (G): 34
 Фауна (F): 8
 Человек (M): 1
 Анатомическая лексика (A): 1
 Абстрактная лексика (Ab): 3
 Прилагательные (Adj): 1

1. abrum (ab₂-ru-um) 'Holzstoss' (AHw: 7; MAD 3: 15), 'storage facility' (ePSD) (E) aCCuC
2. abum 'курган (погребальный), праздник' = *apu* (ePSD; AHw: 62 'Röhricht') (R) aCuC
3. agium (a-gi₄-um) = *agijum* 'одеяние' (MAD 3: 20) (E) aCiuC
4. aguhum (a₂-gu₄-hu-um) = *aguhhu* 'пояс' (MAD 3: 20; 'Schärpe, Gürtel' (AHw: 17)) (E) aCuCuC
5. allaharum = *allaharum*, *alluharum* 'растение' (MAD 3: 38; AHw: 38 'eine Paste für Leder') (G) aCCaCaCuC
6. allanum (al-la-num₂) = *allānu* 'дуб' (MAD 3: 39; AHw: 37) (G) aCCaCuC
7. allikum (al-li₂-ku-um) 'растение или дерево' (MAD 3: 39; AHw: 37) (G) aCCiCuC
8. alum (al-lum) = *alum* 'мотыга' (MAD 3: 41; 'sum. Lw.' (AHw: 37)) (T) aCuC
9. alu = *ālum* 'баран' (MAD 3: 37 'a type of sheep'; 'Himmelsstier' (AHw: 39)) (F) aCu
10. aralum ? (MAD 3: 65)
11. arganum = *argānum* 'смолистое растение' (MAD 3: 63; 'Mekka-Melisse?' (DAB: 359; AHw: 67) (G) aCCaCuC
12. arhum 'разновидность кирпича' (MAD 3: 63; 'Halbziegel' (AHw: 67)) (T) aCCuC
13. arinum (a-ri₂-num₂) 'изделие из камня' (MAD 3: 65) (E) aCiCuC
14. armatum (ar-ma-tum) = *armatu* 'медная обшивка двери' (MAD 3: 65; 'Bergziege', 'B.-Figürchen aus Kupfer' (AHw: 69)) (E) aCCaCuC
15. ašbatum = *ašb/patum* ? (MAD 3: 74; 'ein Gegenstand' (AHw: 80)) (E) aCCaCuC
16. ašlum 'a plant' (MAD 3: 75; 'Binse, Seil' (AHw: 81)) (G) aCCuC

17. azalum (a-za-LUM) = *azallum* 'растение' (MAD 3: 85; AHw: 92) (G) aCaCuC
18. baluhum, buluhum = *baluhhum*, *buluhhum* 'смолистое растение' (MAD 3: 95; 'Galbanum-Kraut' (AHw: 101 'sum. Lw. ?')) (G) CaCuCCuC
19. bantum (ba-an-tum₃) 'птица' (ePSD) (F) CaCCuC
20. batium, patium 'сосуд' = *bañum* (MAD 3: 103; AHw: 116) (E) CaCiuC
21. binitum = *binītu* 'деревянная балка дома или лодки' (MAD 3: 99; AHw: 126–127) (T) CiCiCuC
22. binum = *bīnum* 'тамариск' (MAD 3: 91; AHw: 127) (G) CiCuC
23. ^{is}buganum (KA-ga-num₂) = *bukannum* 'деревянный жезл' (MAD 3: 95; AHw: 136) (P) CuCaCuC
24. burašum = *burāšum* 'сосна' (MAD 3: 101; AHw: 139) (G) CuCaCuC
25. dabatum = *tappatum* ? 'одеяние' (MAD 3: 298) (E) CaCaCuC
26. dabilitum = *tabiltum* 'сосуд?' (MAD 3: 294; AHw: 1298) (E) CaCiCCuC
27. dagširum '(работник), укрепляющий (здание)' = *tagširum* 'укрепление' (MAD 3: 123; AHw: 1300, 1308 *takširum* 'Reparatur') (M) CaCCiCuC
28. dahabaštum = *tahabaštum* (MAD 3: 125; AHw: 1300 'ein Rohrggst.')
29. dakirum ? (MAD 3: 121)
30. dakirum = *takkirum* 'одеяние' (MAD 3: 296; AHw: 1307 'ein Gewand') (E) CaCiCuC
31. damšelum = *tamšilu* 'смола' (MAD 3: 186) (G) CaCCeCuC
32. damšilum = *tamšilum* 'образ, подобие' (MAD 3: 186; AHw: 1316 'Abbild') (Ab) CaCCiCuC
33. durah = *turāhu* 'дикая коза, горная коза' (ePSD; AHw: 1372) (F) CuCaC
34. elammaḡum (e-lam-ma-ḡum₂) = *elammakum*, *elimmakum* 'дерево' (MAD 3: 41; AHw: 196 'ein wertvolles Bauholz aus Syrien' (с семит. параллелями)) (G) eCaCCaCuC
35. elunum 'праздник' = *elūlu*, *ulūlu* 'очищение (статуэток богини в реке священных ордалий)'

- (MAD 3: 41; AHw: 210; Cohen 1993: 229, 397–399; Емельянов 1999: 91–98) (R) eCuCuC
36. eralum = *erānum*, *erālum* ‘дерево’ (MAD 3: 65) (G) eCaCuC
37. erebum ‘?’ (ePSD ‘refugee’¹) (P) eCeCuC
38. erianum, elianum = *eri’ānum*, *eli’ānum* ‘дерево’ (MAD 3: 61; AHw: 386 *iriānum* ‘ein Baum bzw. Strauch’; возможно, e-ra-num₂ цилиндров Гудеа (A XV 33; Емельянов 2009: 177–178)) (G) eCiaCuC
39. erubatum = *erubbatum* ‘налог, дар; праздник’ (MAD 3: 62; AHw: 248 ‘Einzugsfest’) (R) eCuCaCuC
40. erum ‘растение’ (MAD 3: 59; DAB: 298 ‘a laurel’) (G) eCuC
41. eškurum = *iškūru* ‘воск’ (MAD 3: 75; AHw: 396) (G) eCCuCuC
42. eštum (eš₃-tum) = *ištum* ‘солома (или что-то подобное)’ (MAD 3: 81; AHw: 259) (E) eCCuC
43. gablium, kablium ‘средний (о качестве)’ = *qablīum* ‘средний, срединный’ (MAD 3: 224; AHw: 888) (Adj) CaCCiuC
44. gagartum = *kakkartum* ‘каравай хлеба’ (MAD 3: 143; AHw: 421 ‘Rundbrot’) (E) CaCaCCuC
45. gatum ? (MAD 3: 116)
46. gallatum ? (MAD 3: 117)
47. gamamtum = *katamtum*, *kamtantu* ‘овощ’ (MAD 3: 147; AHw: 430) (G) CaCaCCuC
48. gannum = *kannum* < gan ‘сосуд’ (MAD 3: 147–148; AHw: 437) (E) CaCCuC
49. garaš = *karāšum* ‘лук’ (MAD 3: 151) (G) CaCaC
50. gillum ‘изделие из серебра’ (MAD 3: 117) (E) CiCCuC
51. giranum = *girrānum* ‘плач (?)’ (MAD 3: 120) (R) CiCaCuC
52. gugutum ‘растение’ = *ku(k)kud/tum* ? (MAD 3: 116; AHw: 296 ‘ein Futterkraut’) (G) CuCuCuC

¹ Слово встречается один раз в полностью разбитой строке поэмы-прославления Шульги (Shulgi C, sg. A 64). Контекст неизвестен. Мотивировка перевода необоснована.

53. *gukrum* (*guk₂-ru-um*) = *kukurum*, *kukrum* 'смолистое растение' (MAD 3: 143) (G) CuCCuC
54. *gullatum* 'мяч' (MAD 3: 117) (E) CuCCaCuC
55. *guzebatum* = *kusiptum* 'пирог?' (MAD 3: 153; AHw: 514 'Brotbrocken') (E) CuCeCaCuC
56. *guziu* (*gu-zi-u₃*) = *kussali'um* > *gu-za*, *gu-ze₂* 'трон' (MAD 3: 152; AHw: 515, с семитскими параллелями) (P) CuCiu
57. *habalum* (*ha-ba-LUM*) 'изделие из дерева' (MAD 3: 124) (E) CaCaCuC
58. *habuda* (^{urud}*ha-bu_(2,3,6)-da*) 'тяжелая бронзовая мотыга' = *hap/bütum* (MAD 3: 123) (T) CaCuCa
59. *habum* 'животное' (MAD 3: 123; AHw: 306 'eine Art Gazelle') (F) CaCuC
60. *hadarum* = *hattaru* (MAD 3: 127; AHw: 307)
61. *halulaya* = *hallulaja* 'насекомое' (MAD 3: 128; AHw: 312 'Maulwurfsgirle') (F) CaCuCaCa
62. *hašianum* = *hašiānum* 'растение' (MAD 3: 135; AHw: 334) (G) CaCiaCuC
63. *haum* = *ha'um* 'покрытие стула?' (MAD 3: 122; AHw: 338 'eine Throndecke') (E) CauC
64. *hazanum* = *hazānum* 'должность (губернатора)' (MAD 3: 136; AHw: 338) (P) CaCaCuC
65. *hilatum* = *hillatum* 'вид шерсти' (MAD 3: 128) (E) CiCaCuC
66. *hilzum* = *halšum* 'крепость' (ePSD; AHw: 313 'Festung') (P) CiCCuC
67. *hintum* = *hindum* 'сосуд' (MAD 3: 129) (E) CiCCuC
68. *hiriatum*, *hiritum* = *hiritum* 'изделие из металла' (MAD 3: 132; AHw: 348 'ein Ornament') (E) CiCiaCuC, CiCiCuC
69. *hubum* = *hurpum* 'изделие из бронзы' (MAD 3: 131) (E) CuCuC
70. *hurium* = *hurium*, *huriānum* 'растение' (MAD 3: 131; AHw: 359 'eine Gewürzpflanze') (G) CuCiuC
71. *imduhšum*, *indahšum* = *imtuḥšum*, *intuḥšum* 'сосуд' (MAD 3: 47; AHw: 379) (E) iCCuCCuC, iCCaCCuC
72. *išbatum* = *išpatum* 'колчан' (MAD 3: 76) (T) iCCaCuC

73. *kabbum* = *kabbum* 'дерево или изделие из дерева' (MAD 3: 141; AHw: 417 'glühend gemacht') (E) CaCCuC
74. *kamkammatum* (MAD 3: 147; AHw: 432 'Ring') = *kamkammatum* < *gam-gam* 'окружать'. Слово имеет шумерское происхождение. (E) CaCCaCCaCuC
75. *kamlum, gamlum* = *gamlum* 'оружие' (MAD 3: 118) (T) CaCCuC
76. *kikurum* 'дерево или изделие из дерева' (MAD 3: 143) (E) CiCuCuC
77. *kililum* = *kililum* 'веночек, гирлянда' (MAD 3: 146; AHw: 476 'Kranz') (E) CiCiCuC
78. *kirrum* = *kirrum* 'разновидность чаши' (MAD 3: 151; AHw: 484 'ein grosser Krug') (F) CiCCuC
79. *kiršum* ? (MAD 3: 152)
80. *kizrum* = *kizrum* 'военный отряд' (ePSD) (P) CiCCuC
81. *kubullum* 'нечто съедобное' (ePSD) (E) CuCuCCuC
82. *kumul/gamul, gamun* = *katūnu* 'тмин' (MAD 3: 147) (G) CuCuC, CaCuC
83. *lubuštum* = *lubuštu* 'одежда' (ePSD) (E) CuCuCCuC
84. *lulumtum* = *lulumtum, luluntum* 'одеяние' (MAD 3: 162; AHw: 563 'ein Reise- u. Kampf-Gewand') (E) CuCuCCuC
85. *madalum* = *mad/tallum* (MAD 3: 170; AHw: 571 'ein Ggst. aus Kupfer')
86. *mahatum* 'изделие из тростника' (MAD 3: 171) (E) CaCaCuC
87. *maltum* = *maltu* 'тип сосуда' (ePSD; AHw: 596 'ein Napf, flache Schale') (E) CaCCuC
88. *manzaštum, manzattum* = *manzaštum, manzattum* 'стоянка' (MAD 3: 304) (Ab) CaCCaCCuC
89. *maratum* = *marratum* 'дерево' (MAD 3: 183; AHw: 612 'ein Bittere') (G) CaCaCuC
90. *masatum* = *maššatu* 'копье' (ePSD; AHw: 629) (T) CaCCaCuC
91. *mašdara* (^{giš}maš-dara₃) 'клинописная надпись на пьедестале статуи' = *maštaru* 'надпись' (ePSD; AHw: 631) (Ab) CaCCaCa
92. *mašgium* (maš-gi₄-um) = *mašqium* (MAD 3: 282; AHw: 629 'ein Wasserstelle')

93. *mašhum* = *mašhum* 'сосуд' (MAD 3: 185; AHw: 625 'ein Bierbecher') (E) CaCCuC
94. *mašlium*, *mašliatum* = *mašlijum*, *mašlilum* 'кожаное ведро' (MAD 3: 270; AHw: 628) (E) CaCCiuC, CaCCiaCuC
95. *matqum* = *matqum* 'сладость' (MAD 3: 187) (E) CaCCuC
96. *mazharum* = *maš/sharum* ? 'изделие из металла' (MAD 3: 238) (E) CaCCaCuC
97. *meburkum* = *meburkum* 'растение' (MAD 3: 169; AHw: 639 'Halfagras') (G) CeCuCCuC
98. *metenum* = *meṭēnum* 'изделие из дерева' (MAD 3: 187; AHw: 649 'Mahlkasten') (E) CeCeCuC
99. *miritum*, *zamiritum* (заз-ми-ри-тум) = *mīrītum*, *zamīrītum* (< семит. *zmr* 'петь')² 'музыкальный инструмент' (MAD 3: 182) (T) CiCiCuC, CaCiCiCuC
100. *mudulum* = *muddulu* 'засоленное мясо, солонина' (MAD 3: 169; AHw: 666) (E) CuCuCuC
101. *mudum* (mu-dus-um) = *mudūm* 'одеяние' (MAD 3: 169; AHw: 666) (E) CuCuC
102. *nabašuhum* = *nabašuhum*, *nawašuhum*, *namašuhum* 'одеяние' (MAD 3: 196; AHw: 726 *namaššu'um*) (E) CaCaCuCuC
103. *nabatum*, *napatum* = *napatum* 'часть колесницы' (MAD 3: 203) (T) CaCaCuC
104. *nabaum* = *naba'um* 'деталь лодки' (MAD 3: 196; AHw: 697 'ein Bootshaus') (T) CaCauC
105. *nabhatum* = *nahbātum* 'кожаный или тростниковый футляр' (MAD 3: 126; AHw; 714) (E) CaCCaCuC
106. *nabihum* = *nabihi* 'украшение из золота' (MAD 3: 12; AHw; 697) (E) CaCiCuC

² По мнению CDA, *miritum* < *mārītu* 'из Мари' (CDA, 198, 208). В таком случае, *zamiritum* образовалось в шумерском в результате народной этимологии, выводящей название инструмента из семитского корня или из соединения шум. *za3-mi2* + аккад. *mīrītum*.

107. nabrium = *nabriu* 'часть плуга; жертва; праздник' (MAD 3: 100; AHw: 699 (без этимологии); Cohen 1993: 394-395³) (R) CaCCiuC
108. nadum = *nādum* 'бурдюк' (MAD 3: 189; AHw: 704 (с семит. параллелями)) (E) CaCuC
109. nahbaštum = *nahbaštum* 'инструмент' (MAD 3: 125; AHw: 714 'ein Rohrggst.') (T) CaCCaCCuC
110. namarum = *nāmaru* 'зеркало' (MAD 3: 202; AHw: 726) (T) CaCaCu
111. namarum = *nāmaru* 'одеяние' (MAD 3: 47; AHw: 726 'ein glänzender Stoff') (E) CaCaCu
112. namzarum = *namzarum* 'меч' (MAD 3: 183; AHw: 729) (T) CaCCaCuC
113. nabdanum = *naptanum* 'пища, трапеза' (MAD 3: 220; AHw: 741 'Mahl(zeit)') (E) CaCCaCuC
114. natum = *nātum* 'рукоять (ножа?)' (MAD 3: 194; AHw: 766 '(Messer-, Sichel-) Griff?') (T) CaCuC
115. negibum = *nēkerum* 'изделие из металла' (MAD 3: 200; AHw: 776) (E) CeCiCuC
116. nemetum = *nēmedum* 'подставка' (MAD 3: 45; AHw: 776) (E) CeCeCuC
117. ^{is}neribum = *nērebum* (MAD 3: 62; AHw: 780)
118. niktum = *niqdu* 'растение, используемое как краситель' (MAD 3: 200, 205; AHw: 792 'Feldkümmel') (G) CiCCuC
119. nirum, nirrum 'циновка с перемычкой' = *nīrum* 'ярмо', 'перемычка' (MAD 3: 193) (E) CiCuC, CiCCuC
120. nirma = *nirmû* 'гранат' (MAD 3: 205; AHw: 804, с семит. параллелями) (G) CuCCa

³ М. Коэн предполагает происхождение слова от глагола *barû* 'получать знаки, делать предсказания'. Он также замечает, что праздники *набриум* приходились на зимние месяцы года, что может свидетельствовать об их связи с предсказанием будущего на предстоящий год. Нужно также учесть гипотезу С. Лэнгдона, предположившего, что зимние праздники с глаголами сияния посвящены возрождению солнца в дни зимнего солнцестояния (Langdon: 1935, 30). В таком случае можно предположить происхождение названия праздника от глагола *nmr/nwr* 'сиять (о небесных телах)' (**nawrium*).

121. *nurum* = *nurum* ? (MAD 3: 193)
122. *nushu* = *nushum* 'сосуд' (MAD 3: 206; AHw: 805) (E) CuCCuC
123. *nuzuhum* = *nussuhum* 'изделие из дерева' (MAD 3: 206; AHw: 806) (E) CuCuCuC
124. *pizirium* = *pezzerium* 'изделие из золота' (ePSD) (E) CiCiCiuC
125. *puhrum* = *puhru* 'собрание' (ePSD) (P) CuCCuC
126. *rabatum* 'одеяние' (ePSD) (E) CaCaCuC
127. *sabitum* = *sabītum*, *šebītum* 'музыкальный инструмент типа лиры (букв. 'сабейская')' (MAD 3: 263) (T) CaCiCuC
128. *samsatum* (sa-am-sa-tum) 'солярный знак' (MAD 3: 277; AHw: 1158) (R) CaCCaCuC
129. *satium* (sa₁₂-ti-um, sa₁₂-di-um) 'восточный ветер, восток, житель востока' < sa-tu 'гора'⁴ < *šadû* 'гора' + -ī + -um '(идуший) со стороны гор' (ePSD; AHw: 1125) (G) CaCiuC
130. *sesehum* (se₁₁-se₁₁-hu-um) = *šišihum* 'одеяние' (MAD 3: 290; AHw: 1250) (E) CiCiCuC
131. *simtum* = *simtum* 'украшение', 'ювелирное изделие' (MAD 3: 69) (E) CiCCuC
132. *sursurum* = *šuršurum* 'цепь' (MAD 3: 290) (E) CuCCuCCuC
133. *šadurra*, *šeturum* = *šeturum* 'одеяние' (MAD 3: 290; AHw: 1221) (E) CaCuCCa, CeCuCuC
134. *šagultum* = *šakultum* 'пицца' (MAD 3: 25) (E) CaCuCCuC
135. *šalatum* (ša₃-la₂-tum) = *šallatum* 'одеяние' (MAD 3: 271; AHw: 1148) (E) CaCaCuC
136. *šaranum* = *šarānum* 'дерево или кустарник' (MAD 3: 285; AHw: 1185) (G) CaCaCuC

⁴ Впервые существительное *satu* (sa-tu) в значении 'гора' встречается в эпоху Гудеа (Cyl. A XXII 3). В перечне аккадизмов эпохи Гудеа (Емельянов 2009: 177–178) оно осталось неучтенным, сейчас мы исправляем этот недочет.

137. *šarrabdu* (*šar₂-ra-ab-du/dus*) ‘чиновник; демон подземного мира’ = *šarrabū* (ePSD; AHw: 1187) (R) CaCCaCCu
138. *šarumium* = *šarūmīum* ‘разновидность овцы’ (ePSD; AHw: 1193) (F) CaCuCiuC
139. *šašurum* = *šaššurum* ‘изделие из тростника’ (MAD 3: 290; AHw: 1198) (E) CaCuCuC
140. *šazabtum* = *šaz/šabtum* ? ‘украшение’ (MAD 3: 207) (E) CaCaCCuC
141. *šerhunum* = *širhūnum* ‘украшение’ (MAD 3: 284; AHw: 1216) (E) CeCCuCuC
142. *šerrum* = *šērum* ‘мат’ (ePSD) (E) CeCCuC
143. *šinida*, *šinitum*, *sinitum* = *šinītum* ‘вид покрывала’ (MAD 3: 278; AHw: 1242) (E) CiCiCa
144. *širum* = *širum* ‘одеяние’ (MAD 3: 262) (E) CiCuC
145. *tialum* = *tiāl(r)um*, *lijārum* ‘дерево’ (MAD 3: 292; AHw: 1353 ‘Weisszeder’) (G) CiaCuC
146. *tium* = *t/dium* (MAD 3: 292; AHw: 1363)
147. *uduhhum*, *utuhum* = *utuhhum* (MAD 3: 82; AHw: 1445 ‘eine Brotsorte’)
148. *ukurum* = *ukurru* ‘вид кирпича’ (ePSD; AHw: 1406 ‘ein Bauziegel’) (T) uCuCuC
149. *urakum* = *urākum* ‘инструмент’ (MAD 3: 64; AHw: 1427) (T) uCaCuC
150. *urkidanum* = *urkidānum* ‘дерево’ (MAD 3: 64; AHw: 1432) (G) uCCiCaCuC
151. *urnum* (*ur-num₂*) ‘дерево’ (MAD 3: 65; AHw: 1431 ‘eine kleine Zeder’) (G) uCCuC
152. *ururu* = *yarūru* ‘плач’ (ePSD) (R) uCuCu
153. *wadaltum*, *badaltum* ‘загон, в котором рождаются животные?’ (MAD 3: 19; ePSD) (E) CaCaCCuC
154. *wadaum* = *wada’um* ‘изделие из бронзы’ (MAD 3: 18; AHw: 1454) (E) CaCauC
155. *zabalum* = *sapālum*, *supālum* ‘хвойное дерево’ (MAD 3: 240) (G) CaCaCuC
156. *zahalum* (*za-ha-LUM*) = *zahannu* (MAD 3: 306; CDA: 443 ‘beam, rafter’)
157. *zapihum* = *zapīhum* ‘птица’ (ePSD) (F) CaCiCuC
158. *zazagum* = *zazakkum* ‘чиновник’ (MAD 3: 312) (P) CaCaCuC

159. *zehrum* = *sihrum* 'край (печати)' (MAD 3: 237-238) (T) CeCCuC
 160. *zeturum* (*ze2-tu-ru-um*) = *ziturum* 'сосуд' (MAD 3: 311) (E) CeCuCuC
 161. *zibatam* = *zibbatum* 'хвост' (MAD 3: 308) (A) CiCaCuC
 162. *zibtum* = *zibtu* 'камень' (MAD 3: 305) (G) CiCCuC
 163. *zibitum* = *zibitum*, *zibnatum* 'специя' (ePSD; MAD 3: 305 'a grain') (G) CiCiCuC
 164. *zimtum* = *simdum* 'сорт муки' (MAD 3: 239) (E) CiCCuC
 165. *ziktium* = *ziqtium* (MAD 3: 310)⁵

Даже беглый просмотр списка заимствований может убедить читателя в том, что большую часть списка составляют слова, в которых форма оставлена неизменной; причем сохраняется даже мимация. Переходы консонантов довольно редки и идентичны переходам, зафиксированным для старошумерского и аккадского периодов (Емельянов: 2009, 179); гласные меняются еще реже. Но примечательнее всего то, что для некоторых слов существуют несколько форм – как измененная по правилам шумерской фонетики, так и целиком перешедшая из аккадской речи. Нередко встречаются аккадские слова, образованные от шумерских и вошедшие без изменения в позднешумерскую речь. Интерес представляют также шумерские омонимы, образовавшиеся от похожих аккадских слов и имеющие разные нюансы в фонетических переходах.

Всего зафиксировано 8 слов с измененной формой (не учитываются слова с утраченной мимацией и с потерей удвоенного консонанта). Слов с измененной семантикой всего три: *satium* 'восточный ветер, восток, житель востока' < *sa-tu* 'гора' < *šadû* 'гора' + *-î* + *-um* '(идуший) со стороны

⁵ В списке И. Гельба есть и не вполне корректные примеры. Так, *akitum* (MAD 3: 25; ANw: 29 '(Neujahrs-) Fest, Festhaus') < *a2-ki-ti* < **e2-ki-tuš* 'дом (временного) пребывания (бога)'. Слово не имеет аккадского этимона, во всех шумерских текстах III династии Ура использовалось без мимации в формах *a2-ki-ti*, *a2-ki-te*.

гор'; *dagširum* 'рабочий, укрепляющий здание' из *tagširum* 'укрепление, поддержание (чего-либо)'; *nirum* 'цинковка с перемычкой' из *nīrum* 'ярмо, перемычка'. При этом отмечены следующие фонетические переходы:

Анлаут: Дифтонги: *ju > u, ja > u*
 Губные: *p > b*
 Дентальные: *t > d*
 Гуттуральные: *k > g, q > k*
 Сибилянты: *š > s*

Инлаут: Гласные: *i > e, ī > i*
 Губные: *pp > b*
 Дентальные: *t > d, d > t*
 Гуттуральные: *kk > g*
 Сибилянты: *s > z, š > z*

Ауслаут: *num > lum, lum > num*

Можно выделить несколько интересных способов образования аккадизмов в шумерском языке этой эпохи:

1. Прибавление аккадского окончания к шумерскому слову: *abum* 'праздник, погребальный холм' < *abum* 'погребальный холм' < *ab* 'щель в земле'; *alum* < *alum* < *al* 'мотыга'. Здесь происходит возвращение изначально шумерского слова в шумерский язык через аккадское заимствование.
2. Прибавление к шумерскому слову, образованному от аккадского, аккадской мимации в ауслауте: *satium* 'восточный' < *šadû* 'гора' + *-ī* + *-um* '(идущий) со стороны гор'; *samsatum* 'солнечный знак' < *šamšum* 'солнце' + *-ātum* букв. 'солнечная (эмблема)'. Обратим внимание на то, что таких слов в самом аккадском языке этой эпохи не найдено.
3. Изменение аккадского отглагольного имени путем метатезы: *wadaltum* 'загон, где рождается скот' < *wālitum* < *wālidtum* < *wld* 'рожать'; *nabhatu* < *nabhatu* 'кожаный футляр'.

4. Изменение аккадского отглагольного имени путем присоединения другого окончания: *elunum* < *elūlum* 'очищение' < *ʾl* 'быть светлым, очищать'.

В корпусе заимствований урского времени преобладают хозяйственные термины, обозначающие изделия из бронзы, меди, серебра и дерева, а также одеяния. По-видимому, их изготавливали аккадо- или семитоязычные мастера, изделия были в ходу, их назначение понимали без перевода. На втором месте оказываются растения (причем явно преобладают хвойные). На третьем месте животные, в том числе – насекомые. Незначительное место занимают в списке заимствований социальные термины. Самым интересным случаем в этом тематическом поле является замена шумер. *unken* 'собрание' на аккадское слово *puhru*, принятое без изменения формы. Найдено небольшое количество заимствованных абстрактных слов. Интерес представляет, например, заимствование аккадского слова для абстрактного обозначения надписи. До тех пор в шумерском существовало множество слов для памятников, на которых делается надпись, а также для процесса высекания надписи, но надпись как текст собственного термина не имела, понадобился аккадский *maštaru*. Бросаются в глаза такие редкие для шумерского языка заимствования, как названия праздников, наименования эмблем и ювелирных украшений (в том числе, и украшений из золота), абстрактное обозначение подобия. В шумерском даже сам показатель сравнительного падежа *-gim* образован от аккадского *kīma* 'подобно тому, как'. Известно выражение тождества *-amz* 'он есть то-то'. Но совершенно отсутствует собственно шумерское обозначение сходства, подобия. В урское время прямо, без искажений заимствуется слово *tamšilum* < *mašālu* 'быть похожим'. Среди заимствований не удалось обнаружить термины, связанные с профессиями, судопроизводством, учебной деятельностью. Некоторое число терминов пока остается без точного перевода, под вопросом даже само их чтение.

Можно было бы согласиться с И. Гельбом, который писал в своей грамматике староаккадского языка: «Очень

большое число аккадских слов, использованных в шумерском языке эпохи III династии Ура, указывает на возрастающее влияние аккадского языка» (MAD 2: 17). Но имеется и противоположное мнение. В своей фундаментальной монографии об аккадском языке III династии Ура М. Хильгерт посвящает несколько страниц проблеме аккадизмов в шумерском. Он занимает весьма скептическую позицию по вопросу о влиянии аккадского языка на шумерский в этот период истории. Во-первых, большое количество ремесленных терминов и деревьев имеет семитское, а не чисто аккадское происхождение, и их попадание в административные тексты вызвано необходимостью употреблять их как технические термины при назывании импортных товаров. Мастера-изготовители и торговцы, говорившие на семитских языках (преимущественно, на западносемитских), естественным образом приносили в языки Южной Месопотамии диалектизмы, связанные с номенклатурой продаваемых товаров. Во-вторых, резкое увеличение числа праздников с семитскими названиями, как давно уже предположил исследователь календарей урского времени В. Заллабергер, связано с именем Шульгисимтум. Жена урского царя Шульги происходила из северных областей Месопотамии, где справлялись эти праздники, и, став супругой шумерского правителя, перенесла ритуалы своей родной местности на юг страны. Характерно, что после ее смерти число аккадизмов в названии праздников резко сокращается, а многие праздники забываются вовсе. Таким образом, по мнению М. Хильгерта, вряд ли у нас имеются твердые основания, чтобы рассматривать известные по административным текстам аккадо-семитские слова как постоянно фигурирующие в обиходной шумерской речи. А это значит, что перечень Гельба не является надежным свидетельством для аттестации слов с мимазией именно как аккадизмов, меняющих синхронную шумерскую лексику (Hilgert 2002: 80–85; Sallaberger 1993 I: 202).

Скепсис Хильгерта заслуживает внимания, но с его доводами вряд ли можно согласиться полностью. Южная Месопотамия рубежа тысячелетий была буквально наводнена аморейскими племенами, каждое из которых вно-

сило в шумерскую и аккадскую лексику свои диалектизмы, растворявшиеся в живой речи и впоследствии появлявшиеся в литературных текстах. Доказательством этому выступают гимны царю Шульги, в которых встречается множество активно употреблявшихся семитизмов. Вследствие постепенной амореизации шумерского юга, от которой урских царей не защитила даже выстроенная ими Великая стена, семитизмы могли приобретать аккадскую мимасию и аккадскую форму, а затем входить в обиход говорящих по-шумерски. Добавим к этому, что шумеры, все более переходившие на аккадский, сами могли придумывать аккадоподобные слова, которых не удастся обнаружить в аккадских текстах, или принимали назад из аккадского слова собственного языка, приобретшие аккадское окончание. Каждое такое слово проделало долгое путешествие из языка в язык, множество раз уходило и возвращалось, и в результате стало без перевода понятно всем народам древней Месопотамии. Поэтому есть все основания для того, чтобы рассматривать хотя бы часть аккадизмов III династии Ура как элементы живой межэтнической коммуникации.

Литература

- Емельянов 1999 – Емельянов В. В. Нипшурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб.
- Емельянов 2006 – Емельянов В. В. Поэтапная реконструкция шумерской этимологии (шумерский интегрированный тезаурус) // Индоевропейское языкознание и классическая филология–X. СПб. С. 78–84.
- Емельянов 2009 – Емельянов В. В. Аккадские заимствования в шумерском (до III династии Ура) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб. С. 171–183.
- AHw – von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1958–1981.
- CDA – Black J., George A., Postgate N. A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000.
- CDLI – Cuneiform Digital Library Initiative <http://cdli.ucla.edu/search/search.pt>
- Cohen 1993 – Cohen M. E. The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993.

- DAB – Campbell Thompson R. A Dictionary of Assyrian Botany. London, 1949.
- ePSD – Pennsylvania Sumerian Dictionary (electronic view) <http://psd.museum.upenn.edu/epsd/index.html>.
- ETCSL – The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>.
- Hilgert 2002 – Hilgert M. Akkadisch in der Ur-III Zeit. Münster, 2002 (= IMGULA 5).
- Langdon 1935 – Langdon S. Babylonian Menologies and the Semitic Calendars. London, 1935.
- MAD 2 – Gelb I.J. Old Akkadian Writing and Grammar. Chicago, 1961 (= Materials for the Assyrian Dictionary 2).
- MAD 3 – Gelb I.J. Glossary of Old Akkadian. Chicago, 1957 (= Materials for the Assyrian Dictionary 3).
- Sallaberger 1993 – Sallaberger W. Der Kultische Kalender der Ur-III Zeit, I-II. Berlin/New York, 1993.
- Sommerfeld 2006 – Sommerfeld W. Die ältesten semitischen Sprachzeugnisse – eine kritische Bestandsaufnahme // The Akkadian Language in its Semitic Context = Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul. P. 30–75.
- Steiner 2003 – Steiner G. Akkadische Lexeme im Sumerischen // Fs. Pelio Fronzaroli. Wiesbaden, 2003. P. 630-647.

Akkadian Loanwords in Sumerian (the Ur III period)

The article deals with the problem of Akkadian loanwords in Sumerian. The list of 165 borrowings since Urnamma to Ibbi-Suen (ca. 2109–2003) is given according to main groups of the texts of the late Sumerian time. All words are quoted in chronological order with references to main databases (MAD 3, ePSD, CDLI).

Among the Akkadian loanwords of the Ur III period one can see such borrowings as:

- a) terms for day-to-day objects (made of bronze, copper, silver, and wood, as well as garments);
- b) plant names and animal names;
- c) terms for emblems and jewel;
- d) names of festivals;
- e) terms for a designation of grandees and managers;
- f) abstract terms for station, for likeness and for inscription.

A distinctive feature of this period is the Sumerian invention of new Akkadian words from the old words of Akkadian and Sumerian languages. This could indicate the growing influence of Akkadian in the late Sumerian tradition. The problem of such influence and the skeptical position of M. Hilgert are discussed.

А. А. Еселева

КОНСТРУКЦИИ С ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИМИ ГЛАГОЛАМИ ЛИШЕНИЯ. ВАЛЕНТНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Резюме. В статье рассматриваются конструкции, образованные глаголами со значением лишения (каритивным значением) в древнеанглийском языке, которым до настоящего времени по сравнению с глаголами передачи уделялось недостаточно внимания в лингвистической науке. Для анализа выбраны как высокочастотные, так и редкие древнеанглийские глаголы с каритивной семантикой, зафиксированные в прозаических текстах. Подробно рассматриваются варианты падежного и предложно-падежного оформления актантов при глаголах лишения, возможности топиализации и пассивизации актантов, а также допустимость эллипсиса.

Ключевые слова: Валентность, актант, агенс, тема, первоначальный владелец, эллипсис, каритивность, древнеанглийский язык.

1. Истоки интереса к глаголам, обозначающим ситуации с тремя и более участниками, – в различных стратегиях кодирования этих участников (актантов) в языках мира. В данной статье рассматриваются конструкции, образованные глаголами со значением лишения (каритивным значением) в древнеанглийском языке, которым до настоящего времени по сравнению с глаголами передачи уделялось недостаточно внимания в лингвистической науке. На материале древнеанглийского языка предполагается показать, что синтаксические свойства конструкций с каритивными глаголами представляют ничуть не меньший интерес, и в результате подробного анализа этих конструкций ряд проблем, связанных с глаголами передачи¹, может получить новое освещение.

¹ Применительно к английскому языку и его истории, следует упомянуть две ведущие проблемы, связанные с глаголами передачи: это возникновение и развитие конструкции с вариативным предложным управлением (John gave Mary a book > John gave a

В статье подробно рассматриваются варианты падежного и предложно-падежного оформления актантов при глаголах лишения, возможности топикализации и пассивизации актантов, а также допустимость эллипсиса.

Определение семантических ролей в ситуации лишения. Словарь Macmillan определяет ситуацию лишения следующим образом: “if you deprive someone of something you take it away from them or prevent them from having it” (Macmillan English Dictionary 2002: 372). Таким образом, словарная статья обозначает трех участников действия: *you, someone, something*. Глаголы лишения являются трехвалентными наравне с глаголами передачи и многими другими семантическими классами глаголов². В статье Margetts и Austin (2007: 398) представлено следующее описание семантической ситуации лишения: «Agent removes theme from recipient's possession». При этом отдельно описывается сходная ситуация получения: «Agent/recipient takes possession of theme from source». Для нашей работы представляется важным разграничение ситуаций получения и лишения, которые, несмотря на сходство, отличаются по характеру ролей актантов, что и демонстрируют приведенные выше определения. Первый актант при глаголе лишения (т. е. участник, совершающий действие лишения) – это, несомненно, Агнс (Agent, Ag). За вторым актантом (предметом, переходящим от одного обладателя к другому) в последнее время закрепился термин Тема (Theme, T)³. В исследовании, посвященном глаголам лишения (*stelen* ‘steal’ и *roven* ‘rob’) в голландском языке, Delorge и Coleman (2006) используют для третьего актанта термин *Source* либо *Original Possessor*. В данной статье вслед за Delorge и Coleman (2006) для обозначения третьего

book to Mary), а также формирование пассивной конструкции с косвенным дополнением в роли подлежащего (Mary was given a book).

² Подробную семантическую классификацию трехместных глаголов см. в Margetts, Austin 2007.

³ См. в Haspelmath 2005.

актанта в ситуации лишения принимается термин *Первоначальный владелец* (Original Possessor, OP)⁴.

2. Подходы к определению валентности. Понятие валентности было предложено С. Д. Кацнельсоном в 1948 г., и впоследствии разработано им и многими другими исследователями. Валентность С. Д. Кацнельсон определяет как «подразумеваемое значением слова или имплицитно содержащееся в нем указание на необходимость восполнения его словами определенных типов в предложении» (Кацнельсон 1987: 20–21). Основным носителем функции валентности является глагол – он находится в центре высказывания и предполагает определенный набор *дополнений*, или (в семантических терминах) *актантов* для каждого значения⁵. За необязательными участниками высказывания, которые могут быть эллиптированы без потери смысла высказывания, традиционно закрепились термины *адъюнкт*, или *сирконстант*. Впоследствии, по мере развития теории валентности, дихотомия «актанты – сирконстанты» не раз подвергалась сомнению. В статье, посвященной валентностной грамматике в *Encyclopedia of Language and Linguistics*, Д. Аллертон отмечает, что все признают необходимость разграничения обязательных и необязательных участников действия, но на практике это связано с рядом проблем. Автор указывает на то, что вместо традиционного *omission test*, т. е. вместо исключения элемента из состава конструкции для проверки его обязательности, рациональнее использовать *insertion test*. Если элемент, такой как именная фраза, может быть добавлен к определенным глаголам и не

⁴ Margetts и Austin (2007) в приведенном выше определении предлагают для третьего актанта в ситуации лишения термин *Реципиент* (Recipient, R). Но применительно к лицу, которое *утрачивает* обладание чем-либо, этот термин представляется спорным и используется здесь исключительно для обозначения третьего актанта при глаголе *передачи*.

⁵ Подлежащее согласно вербоцентрической концепции также является глагольным дополнением, или первым актантом глагола.

может быть добавлен к другим, то он является обязательным участником для первой группы глаголов (Allerton 2006: 303–304).

Г. Зомерс отмечает, что мера необходимости участника действия, обозначенного глаголом, относительна, и более корректно представлять ее в виде шкалы, а не двухчастного деления. Шкала Зомерса включает шесть ступеней: *integral complements, obligatory complements, optional complements, middles, adjuncts, extraperipherals* (Somers 1984: 524). Деление, предложенное Зомерсом, представляется интересным, но слишком дробным для практического применения. В то же время, доводы в пользу того, что двухчастного деления недостаточно для описания языкового разнообразия, неоспоримы.

Составители *A Valency Dictionary of English* (Herbst et al. 2004: xi) подразделяют валентность на четыре класса:

1. обязательное дополнение;
2. контекстуально-факультативное дополнение (может быть выражено или не выражено эксплицитно в зависимости от контекста);
3. разновидность контекстуально-факультативного дополнения, которое может отсутствовать в высказывании, если при глаголе в императиве референт очевиден из контекста;
4. маргинальное дополнение, которое можно также рассматривать как адьюнкт.

Согласно данной концепции актанты Ag, T и OP в рассматриваемых конструкциях с глаголами лишения (в зависимости от контекста) классифицируются как обязательные или контекстуально-факультативные дополнения.

3. Материал. Для исследования было выбрано 11 глаголов с тремя аргументами с каритивной семантикой: *æt-bregdan, be-dælan, be-næman, be-niman, for-niman, be-rædan, be-reaþian, be-scyrian, a-scyrian, be-heawan, of-teon*. Глаголы были выбраны на основании данных, полученных из словарей *An Anglo-Saxon Dictionary* (by J. Bosworth and T.N. Toller) и *Dictionary of Old English* (ed. by A. di Paolo Healey), списков глаголов, образующих конструкции с прямым и каузативным либо аблативным допол-

нением, которые приводит в книге *An Historical Syntax of the English Language* Ф.Т. Фиссер (Visser 1963: 613–620), а также на основании списка глагольных управлений Б. Митчелла в монографии *Old English Syntax* (Mitchell 1985: 454–464).

Для анализа выбраны как высокочастотные, так и редкие глаголы, с первичным, а также со вторичным словарным значением лишения. Разнообразие древнеанглийских глаголов, обладающих семантикой лишения, позволило провести подробный анализ конструкций на материале 324 примеров. Примеры собраны методом сплошной выборки по древнеанглийским прозаическим текстам⁶, с привлечением материала из корпуса *Dictionary of Old English Corpus on the World Wide Web*.

4. Соотношение семантики корня и префикса. В списке выбранных для анализа глаголов лишения привлекает внимание интересная особенность – их префиксальный характер. Вяч. Вс. Иванов исследует способы выражения категории лишительности (каритивности) в языках мира и отмечает, что многочисленные индоевропейские диалекты выражают категорию лишительности с помощью предлога или послелога, причем позднее на основе послеложных сложений формируется новый префиксальный тип⁷ (Иванов 1995: 18).

Значение приставок в древнеанглийском языке, в частности, приставки *be-*, которая характерна для большинства

⁶ В основном, проза IX–X вв. короля Альфреда и аббата Эльфрика.

⁷ Также Вяч. Вс. Иванов отмечает, что «западно-германские языки широко используют привативные и каритивные формы с суффиксом» (Иванов 1995: 27). С этим утверждением нельзя не согласиться, отметив лишь, что в области глаголов лишения в современном английском языке наблюдается конкуренция между более древней и, следовательно, префиксальной каритивной формой *de-privе* и глагола с послелогом *take away*, что отражает тенденцию к суффиксальному выражению каритивности. Наш материал отражает более древнюю стадию развития английского языка.

оформлен аккузативом, а ОР – дативом, то в примере (2) наблюдается обратная ситуация:

- (2) hi bereafiað hie selfe ðara goda
 Ag_nom V OP_acc T_dat
 ‘they deprived themselves of those goods’

(CP 5.41.24)

Кроме датива и аккузатива, для оформления актанта Т может быть использован генитив, например:

- (3) ac God ðe benæmde ðæs wurðmyntes
 Ag_nom OP_dat V T_gen
 ‘but the God you deprived of this worthy advice’

(Num 24.11)

В. Н. Жигadlo объясняет расширение значения генитива в древнеанглийском языке тем, что он, с одной стороны, соприкасается с аккузативом при выражении партитивного значения, а с другой – совпадает с дативом при выражении инструментального значения и значения отделения от объекта. «Это приводит к постоянно встречающемуся употреблению родительного там, где в одних случаях можно ожидать винительный, в других – дательный и наоборот, к употреблению винительного или дательного там, где должен был бы стоять родительный» (Жигadlo 1958: 85).

Примеры (1–3) демонстрируют достаточно свободную систему варьирования падежей при оформлении актантов. Актант Ag в активных конструкциях (1–3) закономерно оформлен номинативом, в то же время в пассивной конструкции Агенс мог быть оформлен генитивом, дативом, и даже инструменталисом. Актант ОР оформлен, как правило, дативом либо аккузативом (примеры (1–2)), а в пассиве возможен номинатив (примеры (4), (5), (11)). Примеры с генитивным оформлением актанта ОР не встретились. Актант Т оформляется аккузативом, генитивом и дативом (примеры (1–3)). Номинативное оформление не зафиксировано. Таким образом, можно заключить, что падежное оформление в древнеанглийском языке допускает широкую вариативность, но есть и ограничения, т. к. для оформления актантов используются не все паде-

жи. В этих условиях падежной вариативности постепенно складывается предложное управление.

5.1. Предложная vs. беспредложная трехвалентная конструкция. Предлогом могут быть оформлены все актанты, причем в большинстве случаев предложное оформление затрагивает актант Т (возможны предлоги *fram*, *æt*, *of*), например:

- (4) *gyf man beo æt his æhtan bereafod*
 OP_nom V_aux prep-T_acc V
 'if a person was of his property deprived'
 (LawIIAtr 4)

Актант Ag вводится при помощи предлога в пассивных конструкциях (предлоги *þurh* и *fram*), например:

- (5) *þe wæron bereafode þurh Densce men*
 OP_nom V_aux V prep-Ag_acc
 'which were bereft by the Danes'
 (StWulf 22)

Г. Пилх объясняет возникновение предлогов в древнеанглийском языке (по крайней мере, предложное оформление Агенса в пассивной конструкции) влиянием латыни: «В латинских пассивных конструкциях субъект активного предложения появляется в пассиве в аблативе с предлогом *a*. Эти латинские группы переводились на древнеанглийский язык при помощи древнеанглийских предложных групп» (Pilch 1970: 200).

Значительно реже возможно предложное оформление актанта ОР (предлоги *on*, *of*):

- (6) *and benam of his underþeoddan man manig marc goldes*
 V prep-OP_dat T_acc
 'and took away from his subordinate people many marks of gold'
 (ChronE 1086.116)

В то время как некоторые глаголы употребляются только с определенными предлогами (*a-scyrian* – с предлогом *fram*), другие глаголы допускают как предложное, так и беспредложное управление, например *be-reaftian* сочетается с предлогами *þurh*, *on*, *æt* (примеры (4-5)), но допускает и беспредложное управление, например:

- (7) *sume bereafað hiora welan swiðe hraðe*
 D_acc V T_gen
 'some [God] deprived of their wealth very quickly'
 (Bo 39.133.22)

Предложное и беспредложное управление также не являются особенностями авторского стиля, поскольку могут встречаться в одном и том же предложении, например:

- (8) *þeah ðe se reþa reafere us æt æhtum bereafige oððe feores*
 Ag_nom OP_acc prep-T_dat V T_gen
benæme he ne mæg us ætbredan urne geleafan
 V Ag_nom V-mod OP_dat V T-acc
 'Though this cruel robber us of property deprived or [our] lives took, he could not deprive us of our faith' (ÆСНом I, 37 506.276)

В Таблице 1. представлено соотношение предложного и беспредложного управления исследуемых древнеанглийских глаголов лишения:

Таблица 1.

Глаголы	без предлога	с предлогом						
		<i>þurh</i>	<i>fram</i>	<i>fram</i>	<i>æt</i>	<i>of</i>	<i>of</i>	<i>on</i>
		Ag	Ag	T	T	T	OP	OP
be-reaþian	32	5	-	-	12	-	-	7
be-rædan	-	-	-	-	4	-	-	-
be-niman	39	-	-	-	-	-	3	-
for-niman	-	-	5	-	-	-	-	-
be-næman	44	-	-	-	-	-	-	-
be-dælan	32	6	-	3	-	8	-	-
æt-bregdan	52	-	-	-	-	-	-	-
be-scyrian	12	-	-	8	-	-	-	-
a-scyrian	-	-	-	36	-	-	-	-
be-heawan	8	-	-	-	-	-	-	-
of-teon	8	-	-	-	-	-	-	-
Всего	227	11	5	47	16	8	3	7

Всего в материале зафиксированы примеры с предлогами *fram*, *æt*, *on*, *of*, *þurh*. Таблица 1. демонстрирует соотношение конструкций с предложным оформлением актантов Ag, T, OP (97 примеров) и конструкций с беспредложным оформлением (227 примеров), которое встречается

При этом пассивизации актант Т не подлежал. Пассивная конструкция могла быть образована только с актантом ОР в качестве подлежащего, например:

- (11) hi ne beoð martyrdomes bedælede
 OP_nom V_aux T_gen V
 'They were not of martyrdom deprived'

(ÆCHom I, 36 489.99)

Таким образом, в области образования пассивных конструкций от глаголов лишения древнеанглийский язык близок современному английскому языку, в котором подлежащим пассивной конструкции попрежнему может выступать только актант ОР (*Mary was deprived of a book*). Грамматическая конструкция сохранила свои особенности на протяжении всей истории английского языка, несмотря на то, что древнеанглийские глаголы лишения были почти полностью вытеснены из языка французскими заимствованиями более позднего периода.

7. Эллипсис. Допустимость эллипсиса является важным критерием в различных аспектах. С точки зрения теории валентности, только адекватная оценка необходимости актанта при том или ином глаголе может помочь охарактеризовать его как обязательный, факультативный, контекстуально-факультативный и т. д. Для современных языков, знания о допустимости эллипсиса имеют практическую ценность – это возможность грамотно говорить на языке. Для древних языков проблема представляет чисто теоретический интерес. Но допустимость эллипсиса глагольных актантов, несомненно, важная характеристика языка (в том числе и древнего), которая позволяет разносторонне описать ныне не существующий язык на основании уцелевших письменных памятников и сопоставить выявленные таким образом характеристики с более поздними этапами развития данного языка. Конструкции с глаголами лишения были проанализированы на предмет отсутствия эксплицитного выражения актантов Ag, T и OP.

Здесь следует отметить, что в аспекте эллипсиса конструция с глаголами лишения претерпела изменения в ходе своего развития. В современном английском языке эллипсис актанта Т в аналогичных конструкциях допускается достаточно свободно⁸. Таким образом, эллипсис актантов в трехвалентных древнеанглийских конструкциях с глаголами лишения допустим для актанта Ag (согласно закономерностям), свободно допустим для актанта ОР и крайне редко – для актанта Т.

8. Выводы. В статье были рассмотрены конструкции со следующими древнеанглийскими глаголами лишения: *æt-bregdan*, *be-dælan*, *be-næman*, *be-niman*, *for-niman*, *be-rædan*, *be-reaþian*, *be-scyrian*, *a-scyrian*, *be-heawan*, *of-teon*. Проведенный анализ показал, что:

1. префиксы влияют на валентность глагола, способствуя ее повышению;

2. актанты трехвалентной конструкции с глаголами лишения оформляются падежами, причем актант Ag может быть оформлен номинативом, а также генитивом, дативом, инструменталисом; актант ОР может быть оформлен дативом, аккумулятивом или номинативом (в пассиве); актант Т оформляется аккумулятивом, генитивом и дативом. Для каждого актанта существуют ограничения: так, в конструкциях с глаголами лишения не допускается оформление Ag – аккумулятивом, ОР – генитивом, а Т – номинативом;

3. кроме падежного, примерно треть исследуемых конструкций демонстрирует предложно-падежное оформление актантов. Зафиксированы примеры с предлогами *fram*, *æt*, *on*, *of*, *þurh*. Предлоги *fram* и *of* используются для оформления нескольких актантов: *fram* – для актантов Ag и Т, *of* – для актантов ОР и Т. Спаянность с глаголами, кроме редких случаев (*a-scyrian*), у предлогов отсутствует. Глаголы

⁸ “Ditransitive verbs whose direct object must be introduced by a preposition (...) differ from most ditransitive verbs in frequently allowing the indirect object to be expressed alone: *We reminded him (of something)*” (Quirk et al. 1991: 371).

лишения допускают как падежное, так и предложно-падежное оформление;

4. актант Т обладает рядом признаков прямого дополнения: закономерно оформляется аккузативом, не подвергается эллипсису (за редким исключением). Но при этом актант Т не пассивизируется.

5. актант ОР может становиться подлежащим пассивной конструкции с глаголами лишения – как и в современном английском языке.

В целом, конструкции с глаголами лишения в древнеанглийском языке представляют собой своеобразную группу трехвалентных глаголов с интересным набором синтаксических признаков, которые частично совпадают, а иногда противоречат типичным характеристикам трехвалентных конструкций.

Список сокращений

Ag – Agent/ Агент

T – Theme/ Тема

ОР – Original Possessor/ Первоначальный владелец

R – Recipient/ Реципиент

V - verb

V-aux – auxiliary verb

nom – Nominative Case

gen – Genetive Case

dat – Dative Case

acc – Accusative Case

prep – preposition

Литература

Жигadlo 1958 – Жигadlo В. Н. Типы дополнения в древнеанглийском языке // Ученые записки ЛГУ. С. 68–87.

Иванов 1995 – Иванов Вяч. Вс. Типология лишительности (кари- тивности) // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М. С. 5–59.

Кацнельсон 1987 – Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. № 3. С. 20–32.

Сизова 1976 – Сизова И. А. Из истории глагольной префиксации в английском языке // Теория языка, англистика, кельтология. М. С. 204–214.

Ярцева 1961 – Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.; Л.

- Allerton 2006 – Allerton D. J. Valency Grammar // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by Keith Brown et al., Vol. 13. Oxford: Elsevier. P. 301–314.
- Bosworth, Toller 1898 – Bosworth J. and T.N. Toller. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford: Oxford University Press.
- Delorge, Colleman 2006 – Delorge M. and T. Colleman. Constructions with verbs of dispossession in Dutch. A corpus-based case study // Papers of the linguistic society of Belgium. Vol. 1.
- Denison 1993 – Denison D. English Historical Syntax: Verbal Constructions, London; New York: Longman.
- Dictionary of Old English / Ed. by A. Cameron, A.C. Amos and A. di Paolo Healey, www.doe.utoronto.ca
- Fischer et al. 2000 – Fischer O., A. van Kemenade, W. Koopman and W. van der Wurff. The Syntax of Early English, Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath 2005 – Haspelmath M. Argument Marking in Ditransitive Alignment Types // Linguistic Discovery. Vol. 3 (1).
- Herbst et al. 2004 – Herbst Th., D. Heath, I. F. Roe and D. Götz. A Valency Dictionary of English. A Corpus-based Analysis of the Complementation Patterns of English Verbs, Nouns and Adjectives, Berlin; New York.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Oxford, 2002.
- Margetts, Austin 2007 – Margetts A. and P. Austin. Three-participant events in the languages of the world: towards a cross-linguistic typology // Linguistics. Vol. 45 (3). P. 393–451.
- Mitchell 1985 – Mitchell B. Old English Syntax, 2 Vols., Oxford: Clarendon Press.
- Pilch 1970 – Pilch H. Altenglische Grammatik, München: Max Hueber Verlag.
- Quirk et al. 1991 – Quirk R. and S. Greenbaum. A University Grammar of English. London: Longman.
- Somers 1984 – Somers H. L. On the validity of the complement-adjunct distinction in valency grammar // Linguistics. Vol. 22 (4). P. 507–530.
- Visser 1963 – Visser F.Th. An Historical Syntax of the English Language. Vol. 1. Part I. Leiden: Brill.

Summary

The paper analyzes morphosyntactic properties of Old English (OE) verbs of dispossession, such as *beniman*, *ætbregdan*, *bereafian*, etc. Verbs of dispossession belong to the category of three-place predicates which has recently attracted much linguistic attention due to considerable variation in argument marking. The most typical three-place predicates – those with the meaning of giving – have been thoroughly analyzed. Their counterparts with the meaning of dispossession, however, have been less popular. The paper introduces the most characteristic properties of constructions with

the verbs of dispossession in OE, such as typical and less typical instances of case-marking, the emergence of prepositional marking of the arguments, along with topicalization, passivization and ellipsis.

It has been shown in the paper that approximately one third of the constructions analyzed assume prepositional marking, while two thirds do not. All three arguments of the verbs of dispossession (Agent, Theme and Original Possessor) may be marked in OE with such prepositions as *fram*, *æt*, *on*, *of*, and *þurh*. Theme argument demonstrates some features of direct object (predominant accusative marking, almost never omitted in the utterance), though, as in present-day English, it cannot be passivized in OE constructions with the verbs of dispossession. Original Possessor argument can become a passive subject instead. Both arguments allow topicalization.

Case system during the OE period has become quite unbalanced, and, thus, there is no strict relation between case marking and semantic role of the argument. There is, however, a number of restrictions imposed on argument case marking. So, Agent in OE constructions with the verbs of dispossession is never marked with accusative, while Original Possessor is marked with any case but genitive.

On the whole, the morphosyntactic properties of OE constructions with the verbs of dispossession partly coincide with and partly contradict the typical properties of three-place predicates, which obviously makes them a very interesting and noteworthy group of verbs.

Е. В. Желтова

ЛАТИНСКИЕ РЕФЛЕКСИВЫ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ СИНТАКСИСА И ПРАГМАТИКИ

Резюме. В исследовании делается попытка объяснить случаи употребления латинских рефлексивов (*se* и *suus*), которые не подчиняются стандартным правилам, изложенным в грамматиках латинского языка. Во-первых, это случаи употребления рефлексивов с antecedентами, не являющимися грамматическим подлежащим клаузы. Для их объяснения привлекается понятие *темы* высказывания, кореференция с которой необходима для использования в клаузе возвратного местоимения. Во-вторых, это случаи употребления разных местоимений (личных и возвратных) в синтаксически сходных позициях, т.е. там, где ожидается возвратное. Для их объяснения вводится понятие фокуса эмпатии.

Данный метод, сочетающий синтаксический и прагматический подходы, позволяет по-новому сформулировать правило употребления рефлексивов в латыни.

Ключевые слова: рефлексив, эмпатия, фокус, тема, референт, кореференция, antecedент, местоимение, коммуникативный, прагматика, синтаксис.

В языках мира выделяется три основных типа рефлексивов:

- а) именной (*nominal* – имя или местоимение),
- в) глагольный (*verbal* – когда рефлексивный маркер является частью глагольной формы),
- с) притяжательный (*possessive* – например, притяжательное местоимение или прилагательное) (Lichtenberk 1992: 3504).

В латинском языке имеют место все эти типы¹, однако мы остановимся только на некоторых случаях упо-

¹ Э. Ш. Генюшене и В. П. Недялков выделяют в классической латыни, помимо рефлексива с показателем *se*, также рефлексив, маркированный серией глагольных окончаний на *-r* (Генюшене, Недялков 1991: 249).

требления именного (*sui, sibi, se*) и притяжательного (*suus*) рефлексивов, т. е. рефлексивных местоимений².

Грамматические свойства рефлексивных местоимений³ и содержащих их конструкций вызывают устойчивый интерес у лингвистов разных направлений начиная с середины прошлого века⁴. На фоне впечатляющих результатов, достигнутых отечественными и зарубежными лингвистами на обширном языковом материале, в который включаются как хорошо известные европейские (например, английский, французский, русский), так и более «экзотические» (например, дагестанские) языки, вызывает недоумение невовлеченность в эту сферу исследований латыни и древнегреческого, которые оказались – в этом отношении – менее изученными, чем, к примеру, цахурский или даргинский. Данная статья представляет собой попытку если не устранить, то хотя бы частично заполнить эту лакуну.

Латинские грамматики считают регулярными следующие случаи употребления рефлексивов (Боровский, Болдырев 1975: 61; Соболевский 1998: 370; Blatt 1952: 138; Ernout, Thomas 1953: 182–183; Hofmann, Szantyr 1965: 174; Riemann 1935: 24–25):

1. В независимом предложении – для кореференции члена предложения, выраженного рефлексивом, с субъектом предложения (так называемое прямо-рефлексивное употребление):

² Иногда их называют лично-возвратным и притяжательно-возвратным местоимениями (Боровский, Болдырев 1975: 60).

³ В употреблении данного термина мы опираемся на определение, данное в (Тестелец, Толдова 1998: 35): «Рефлексивными (= возвратными) местоимениями, или просто рефлексивами, мы называем такие местоимения, которые могут употребляться анафорически и хотя бы в части таких употреблений требуют обязательного наличия antecedента, во-первых, грамматически приоритетного (например, подлежащего) и во-вторых, находящегося в составе той же синтаксической единицы (например, предложения), в которую входит само местоимение». Следует, однако, заметить, что термин «рефлексив» иногда употребляется в более узком смысле и подразумевает только глагольный рефлексив (Geniušienė 1987: 26).

⁴ См. обзор в (Тестелец, Толдова 1998: 35–44).

1) *Se quisque diligit* (Каждый любит себя)

2) *Bestiis homines utuntur ad suam utilitatem* (Люди пользуются животными для своей пользы).

2. В подчиненном предложении (или синтаксическом обороте) – для кореференции с субъектом главного предложения, когда подчиненное выражает мысль этого субъекта (т. н. косвенно-рефлексивное употребление, русскому возвратному местоимению не свойственное):

3) *Cassius constituit, ut ludi absente se fierent suo nomine* (Cic. At. 15, 11, 2) (Кассий постановил, чтобы в его отсутствие игры проводились под его именем).

Однако повседневный опыт чтения латинских авторов разных эпох показывает, что рефлексивы в латыни употребляются, во-первых, гораздо шире (что отмечается и авторами книг о латинском синтаксисе), а во-вторых, далеко не всегда подчиняясь указанным выше правилам.

Мы видим здесь две проблемы.

Первая состоит в том, что антецедент латинского рефлексива вовсе не обязан быть грамматическим подлежащим, а может быть прямым дополнением, косвенным дополнением или входить в предложную конструкцию, как в примерах 4, 5, 6:

4) *Hunc (Hannibalem) sui cives e civitate eiecerunt* (Cic. Pro Sest. 142) (Его (Ганнибала) сограждане (букв. «свои граждане») изгнали из государства).

Рефлексив кореферентен прямому дополнению *hunc*.

5) *Faustulo spes fuerat regiam stirpem apud se educari* (Liv. 1,5,5) (У Фавстула до этого была надежда, что у него воспитывается царское потомство).

Подлежащее – *spes*, а не *Faustulo*, и местоимение *se* кореферентно косвенному дополнению.

6) *A Caesare valde liberaliter invitator... sibi ut sim legatus* (Cic. Att. 2, 18, 3) (Я весьма ласково приглашен Цезарем быть у него легатом).

Здесь антецедент рефлексива (а *Caesare*) входит в предложную конструкцию.

Вторая проблема состоит в том, что зачастую мы видим возвратное местоимение там, где ожидали бы увидеть личное, и наоборот. Пример 7:

7) (*Liberi mihi vero et propter indulgentiam meam et propter excellens eorum ingenium vita sunt mea cariores* (Cic. Quin. 2) (Дети же и вследствие моей снисходительности, и по причине исключительной их одаренности дороже мне моей жизни).

Подлежащее – *liberi*, и, в соответствии с правилами грамматики, здесь ожидается рефлексивное местоимение *suum*, но Цицерон вместо *suum* употребляет личное *eorum*.

Разумеется, авторы латинских грамматик пытаются найти объяснения таким случаям, то называя подобные рефлексивы «эмфатическими», то противопоставляя грамматическому субъекту, с которым должен соотноситься рефлексив, «реальный (или «логический») субъект», составляющий «центр мысли» автора высказывания (Blatt 1952: 139; Ernout, Thomas 1953: 183; Riemann 1935: 27; Woodcock 1959: 24). Но нельзя не заметить, что эти объяснения носят чисто интуитивный характер и не складываются в стройную систему. Недаром Эрну и Тома (Ernout, Thomas 1953: 184–185) в конце концов были вынуждены признать, что даже в классическую эпоху употребление рефлексивных местоимений оставалось неустойчивым. Очевидно, что такие случаи требуют специального объяснения и что правила, сформулированные в латинских грамматиках, нуждаются в коррекции.

Опыт исследователей, занимающихся описанием рефлексивных местоимений в различных языках, показывает, что чисто синтаксический подход обречен на неудачу и что необходимо учитывать семантические, прагматические и дискурсивные факторы (см., в частности, (Lichtenberk 1992: 3507; Yokoyama, Klenin 1976: 249; Кибрик 1987: 79; Тестелец, Толдова 1998: 43)). Первые шаги уже сделаны в этом направлении и применительно к латыни. Так, в статье Николетты Пудду (Puddu 2007: 95), посвященной реконструкции рефлексивных маркеров в праиндоевропейском языке на материале латыни и греческого, говорится, что употребление рефлексива в обоих древних языках обнаруживает зависимость от прагматической категории темы. Лично-возвратное и притяжательно-возвратное местоимения (*se* и *suus*) могут относиться либо к теме простого предложения, в котором они употреблены (это

прямой рефлексив), либо к макротеме⁵ сложного предложения (это косвенный рефлексив) независимо от их синтаксической реализации. Так, в примере 8) темой является Ариовист, поэтому именно он всегда оказывается референтом возвратного местоимения:

8) *Ariovistus respondit, si quid ipsi a Caesare opus est, sese ad eum venturum fuisse; si quid ille se velit, illum ad se venire oportere* (Caes. B.G. 1, 34, 5). (Ариовист ответил, что, если что-нибудь ему от Цезаря нужно, он к нему придет; если что-нибудь тот от него захочет, то он к нему прийти должен)

Именно таким образом, т. е. кореференцией с темой, а не с субъектом мы можем объяснить рефлексивы в приведенных выше примерах 4), 5) и 6), в которых они относятся не к грамматическому подлежащему, а именно к теме предложения, во всех трех случаях получающей различное синтаксическое оформление (прямое дополнение, косвенное дополнение, предложная конструкция).

Получается, что основной принцип употребления латинских рефлексивов, т. е. кореференция с субъектом, оказывается лишь частным случаем более общего принципа кореференции с темой, причем только в том случае, если тема и субъект совпадают.

В определенной степени этот принцип действует и в русском языке. Известно, что употребление русских возвратных местоимений отличается от употребления рефлексивов и в латинском, и в других европейских языках, однако все же можно найти общие точки.

Е. В. Падучева, занимавшаяся исследованием семантики рефлексивов в русском языке (Падучева 1985: 206), отмечает зависимость возвратных местоимений от коммуникативной структуры предложения. Оказывается, что употребление возвратного местоимения в русском языке обязательно везде, где оно возможно (т. е. предпочтительным является «Я возьму **свою** книгу», а не «Я возьму **мою** книгу»), однако, если антецедент местоимения не является в высказывании темой (данным), то обя-

⁵ Под макротемой (macrotopic) понимается тема более обширного, чем простое предложение, отрезка текста.

зательность возвратного местоимения снимается. Ср. 9 а) и б) и 10 а) и б):

9) а) Он хозяин в *своем* доме. (Он – тема). б) Хозяин в *его* доме он сам. (Он – рема).

Аналогично:

10) а) Он сам причина крушения *своих* планов. б) Причина крушения *его* планов он сам.

(Примеры из: Падучева 1985: 206).

Определенная параллель с латынью, как видим, имеется.

Итак, именно тема, а не субъект предложения оказывается контролером рефлексива в латинском языке. Однако даже с ее помощью можно объяснить далеко не все случаи. Как, например, объяснить употребление разных местоимений – личного и возвратного – в сходных синтаксических позициях в предложениях 11) и 12), принадлежащих, кстати, одному автору:

11) *Valde eum diligo propter summam probitatem eius* (Cic. Fam. 9, 25, 2) (Весьма ценю его за высочайшую его порядочность).

12) *Dicaearchum cum Aristoxeno aequali suo... omittamus* (Cic. Tusc. 1, 18, 41) (Давайте оставим Дикеарха со сверстником его Аристоксеном).

Пусть антецеденты интересующих нас местоимений *eius* и *suo* в обоих предложениях являются темой; это, однако, не вынудило Цицерона употребить в них одно и то же местоимение (как это происходит в русском переводе).

А вот еще одна пара предложений, в которых для обозначения аналогичных референтов употребляются разные местоимения:

13) *M. Papirius ... dicitur Gallo, barbam suam permulcenti, scipione eburneo in caput incusso, iram movisse* (Liv. 5, 41, 9) (Говорят, что Марк Папирий возбудил гнев галла, трепавшего его бороду, ударив по голове посохом слоновой кости).

14) *Сн. Помпей ... cunctae Italiae cupienti et eius fidem imploranti signum dedit, ut ad me restituendum Romam concurrerent* (Cic. P.Mil. 39) (Гней Помпей дал сигнал всей Италии, жаждающей и вызывающей к его преданности, чтобы сбегались в Рим для восстановления меня в правах).

И Папирий, и Помпей выполняют функцию темы, но кореферентом Папирия оказывается возвратное, а кореферентом Помпея – личное местоимение.

Получается, что контролем темы невозможно объяснить все «сомнительные» случаи. Поэтому мы предлагаем для объяснения кажущейся непоследовательности латинских авторов ввести еще одну коммуникативную категорию – **фокус эмпатии**.

Эмпатия – это идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложение фактов с его точки зрения. Фокус эмпатии – это носитель точки зрения, тот исходный пункт, в который помещает себя говорящий, выбирая имена для других объектов. (Николаева 1990: 592; Падучева 1983: 205). Эмпатия может варьироваться от объективного изложения события (нулевого фокуса) до абсолютного совпадения точек зрения говорящего и участника излагаемой ситуации. Например, высказывание «Саша подарил Маше часы» – объективно, и эмпатия в нем нулевая, а в предложении «Муж Маши подарил ей часы» фокус эмпатии – Маша, так как через нее говорящим определяется референт «Саша». У эмпатии имеется множественная иерархия: иерархия поверженно-синтаксической структуры (субъект – прямой объект – косвенный объект), иерархия участников речевого акта (говорящий – слушающий – третье лицо), в которой докаторы обладают приоритетом на фокус эмпатии над нелокаторами, иерархия одушевленности⁶ (человек – животное – вещь), иерархия дискурсивной анафоричности, в которой эмпатия с уже упомянутым объектом выше, чем с тем, который впервые введен в дискурс (Kuno, Kaburaki 1977: 646, 652–654).

Языки различаются не только *способами* выражения фокуса эмпатии, но и *степенью обязательности* ее выражения. Так, японский язык требует непременно принятия в любом высказывании некоторой точки зрения, и от фокуса эмпатии в нем зависит, например, выбор гла-

⁶ В статье Кунно и Кабураки она названа Humanness Hierarchy (Kuno, Kaburaki 1977: 653).

года – сказуемого (Kuno, Kaburaki 1977: 630). В индоевропейских языках эта категория не оказывает такого решительного влияния на грамматику, но при этом существует и имеет свои средства выражения. Часто в инвентарь этих средств оказываются вовлечены рефлексивные местоимения. Так, в английском языке понятие фокуса эмпатии необходимо, чтобы объяснить нерелексивные употребления местоимений на *-self*, как в примере 15 а):

15a) *She remembered also, that till the Netherfield family had quitted the country, he had told his story to no one but herself* (J. Austen, "Price and Prejudice") (Она еще вспомнила, что до отъезда незерфилдской семьи в город он не рассказывал своей истории никому, кроме нее).

Здесь рефлексивное местоимение *herself*, вопреки синтаксическому правилу его употребления, соотносится не с референтом подлежащего той клаузы, в которую оно входит, а с тем персонажем (Элизабет Беннет), который в данном отрезке текста находится в центре внимания говорящего (пример из (Тестелец 2001: 464)).

В русском языке возвратные местоимения также задействованы для выражения фокуса эмпатии: например, в предложении 15b) выбор предложной конструкции *для себя* или *для него* зависит от того, **кому** принадлежит оценка задачи как трудной – референту подлежащего или говорящему:

15b) *Он всегда берется за трудные для себя задачи; однако слишком трудные для него.*

(Пример из: Падучева 1985: 207).

Нам представляется, что латинский язык решает эту проблему аналогичным образом. Вернемся к примерам 11 и 12: Цицерон использует разные местоимения в сходных синтаксических позициях из-за разных фокусов эмпатии: в № 11 фокусом эмпатии является говорящий (Цицерон), а в № 12 – Дикеарх (несмотря на то, что субъект предложения в первом лице, т.е. обладает приоритетом на фокус эмпатии!). И на этой паре примеров становится очевидной еще одна важная вещь: **употребление рефлексива возможно только тогда, когда тема и фокус эмпатии совпадают, т. е. между ними нет конфликта.**

Примеры 13 и 14 подтверждают нашу гипотезу: в № 13 Папирий – тема и фокус эмпатии, чем и обусловлено употребление рефлексива, а в № 14 Помпей – только тема, поэтому Цицерон употребляет личное местоимение вместо возвратного.

Конфликт темы и фокуса эмпатии объясняет отсутствие рефлексива и в примере № 7: *liberi* – тема, но вместо ожидаемого кореферента *suum* Цицерон употребил *eorum*, поскольку фокус эмпатии не дети, а сам Цицерон (дети исключительно талантливы с его, а не с их точки зрения).

Классические авторы предоставляют нам множество других примеров:

16) *...tirones...iureiurando accepto nihil iis nocituros hostes, se Otacilio dederunt* (Caes. В.С. 3, 28, 4). (...новобранцы, получив клятвенное заверение, что враги нисколько им не повредят, вручили себя Отацилию).

Новобранцы являются темой предложения, но вместо ожидаемого *sibi* в составе синтаксического оборота Цезарь употребил *iis*, т. к. фокус эмпатии не новобранцы, а Отацилий: это по его, а не по их мнению врагов не стоит опасаться – на выбор местоимения в составе оборота Ablativus absolutus влияет не контроль темы, а фокус эмпатии. А рефлексив при главном предикате *dederunt* указывает на нулевой фокус эмпатии при соблюдении контроля темы.

17) *Senatum ad pristinam suam severitatem revocavi* (Cic. Att. 1, 16, 8) (Я призвал сенат к его древней строгости).

Несмотря на то, что субъект в 1 лице, фокус эмпатии – сенат, чем обусловлено употребление рефлексива *suam*.

18) *Persuadent Rauricis et Tulingis et Latovicis, finitimis suis, uti, eodem usi consilio... una cum iis proficiscantur, Boiosque...receptos ad se socios sibi asciscunt* (Caes. В.Г. 1, 5, 4) (Они (гельветы) убеждают рауриков, тулингов и латовиков, своих соседей, чтобы, воспользовавшись тем же решением, они выступили вместе с ними, и, приняв к себе боев, признают их для себя союзниками).

Личное местоимение *iis* использовано вместо возвратного *secum*, т. к. фокус эмпатии не гельветы, являющиеся темой этого пассажа, а их соседи, которых и предстоит убедить, и высказывание оформляется как бы с их точки

зрения. Попытки комментаторов (Соболевский 1946: 51) объяснить это место стремлением Цезаря избежать двусмысленности, происходящей, якобы, из-за смешения подлежащих главного и придаточного, неубедительны, во-первых, потому, что как раз здесь нет никакой двусмысленности, а во-вторых, потому, что латинские авторы вовсе не стремятся ее избегать, по крайней мере, в классическую эпоху, и в одном и том же предложении рефлексивы могут быть прямыми и косвенными (Ernout, Thomas 1953: 183; Соболевский 1998: 371). Нам гораздо ближе точка зрения Т. Р. Холмса, который призывает издателей и читателей Цезаря не упрекать писателя за «небрежность» и – как следствие последней – нарушение грамматических правил, а внимательно проследить за тем, как Цезарь обращается с языком, признанным мастером которого он был, и в соответствии с этим внести изменения в грамматические правила (Holmes 1914: 6).

Приведем еще один пример из Цезаря, в котором фокус эмпатии влияет на выбор местоимения:

19) *Allobrogibus sese vel persuasuros, quod nondum bono animo in populum Romanum viderentur, existimabant, vel vi coacturos, ut per fines eos ire paterentur.* (Caes. B.G. 1, 5, 4). (Они (гельветы) полагали, что либо убедят аллоброгов, так как те казались еще недостаточно расположенными к римскому народу, либо принудят силой, чтобы они разрешили им пройти через границы).

Eos употребляется вместо se, поскольку фокус эмпатии – аллоброги, а не гельветы.

Итак, разобранные примеры позволяют сделать вывод, что чередование в синтаксически сходных позициях личных и возвратных местоимений, производящее на первый взгляд впечатление непоследовательного и хаотичного, находит объяснение через коммуникативные категории контроля темы и фокуса эмпатии и, таким образом, приобретает известную стройность.

Эти факторы продолжают действовать и в латыни «серебряного века»:

20) *Immo supercilia etiam profert de pyxide sciteque iacturae liniamenta secuta totam illi formam suam reddidit* (Petron. 110, 2)

(Затем вынула из баночки брови и, искусно подражая очертаниям утерянных, вернула ему всю его красоту).

Петроний употребил местоимение *suam*, сфокусировав свою эмпатию на Гитоне, а не на служанке Трифэны.

Со временем, однако, эта стройная система приходит в упадок, и в позднем языке, похоже, рефлексивы перестают употребляться как средства выражения контроля темы и фокуса эмпатии, о чем свидетельствует пример из Юстина (3 век н. э.) №21):

21) (*Lucurgus*) *iureiurando obligat civitatem nihil eos de eius legibus mutaturus priusquam reverteretur* (Justin. 3, 3, 11) (Ликург обязал государство (т. е. спартанцев) клятвой, что они не изменят ничего из его законов, пока он не вернется).

Мы ожидали бы либо *nihil se de eius legibus*, если фокус эмпатии – спартанцы, либо *nihil eos de suis legibus*, если фокус эмпатии – Ликург.

Подведем итоги. Мы рассмотрели далеко не все случаи употребления рефлексивных местоимений в латыни, сознательно оставив в стороне рефлексивы в безличных конструкциях, в устойчивых выражениях типа *per se*, в реципрокальном употреблении (*inter se*) и прочие.

Мы пытались найти объяснение лишь случаям кажущегося отступления от их канонического пряморефлексивного и косвеннорефлексивного употребления и нашли его в плоскости прагматики – коммуникативных категорий темы и фокуса эмпатии. Именно взаимодействие двух данных коммуникативных параметров и позволяет непротиворечиво объяснить все случаи выбора рефлексивного или личного местоимений.

Правило выбора работает по следующему алгоритму конкуренции и взаимодействия темы и фокуса эмпатии: рефлексив всегда кореферентен теме высказывания, но его употребление возможно в случае отсутствия конфликта темы и фокуса эмпатии, что может быть реализовано в двух ситуациях:

1. Тема и фокус эмпатии совпадают.
2. Фокус эмпатии отсутствует.

Если же фокус эмпатии совпадает с членом предложения, не являющимся темой, то употребляется не рефлексивное, а личное местоимение.

Применяемый в статье метод выявления множественности параметров синтаксического и прагматического измерений не просто показывает необходимость описания латыни с привлечением современных лингвистических теорий и принятого в современном языкознании понятийного аппарата, что позволяет включить латынь в широкий типологический контекст, но и объясняет кажущиеся необъяснимыми – в рамках традиционного подхода – явления.

Литература

- Боровский, Болдырев 1975 – Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка. Изд. 4. М.
- Генюшене, Неद्याлков 1991 – Генюшене Э. Ш., Неद्याлков В. П. Типология рефлексивных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб. С. 241–276.
- Кибрик 1987 – Кибрик А. А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // ВЯ. № 3. С. 79 – 90.
- Николаева 1990 – Николаева Т. М. Эмпатия // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 592.
- Падучева 1985 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.
- Соболевский 1946 – Соболевский С.И. Введение и комментарии к кн.: Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Кн. 1. М.
- Соболевский 1998 – Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. Изд. 3. СПб.
- Тестелец 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.
- Тестелец, Толдова 1998 – Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // ВЯ. № 4. С. 35–57.
- Blatt 1952 – Blatt F. Précis de syntax latine. Lyon // Collection "Les langues du monde". Vol. 8.
- Ernout, Thomas 1953 – Ernout A., Thomas F. Syntax latine. Paris.
- Geniušienė 1987 – Geniušienė E. The Typology of Reflexives. Berlin - New York – Amsterdam.
- Hofmann, Szantyr 1965 – Lateinische Syntax und Stilistic. Von J.B.Hofmann, neubearbeitet von A.Szantyr. München.
- Holmes 1914 – C. I. Caesaris Commentarii rerum in Gallia gestarum VII. Ed. by T. Rice Holmes. Oxford.
- Kuno, Kaburaki 1977 – Kuno S., Kaburaki E. Empathy and Syntax //Linguistic Inquiry. Vol. 8, № 4. (Fall,1977). P. 627–672.
- Lichtenberk 1992 – Lichtenberk F. Reflexives // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Editor-in-Chief R. E. Asher. Coordinating Editor J. N. Y. Simpson. Oxford. P. 3504–3509.

- Puddu 2007 – Puddu N. Reconstructing reflexive markers in Indo-European: evidence from Greek and Latin // Greek and Latin from Indo-European Perspective. Proceedings of the Cambridge Philological Society. Suppl.vol. 32. P. 89–100.
- Riemann 1935 – Riemann O. Syntax latine. 7-me ed. Paris.
- Woodcock 1959 – Woodcock E. C. A New Latin Syntax. London.
- Yokoyama, Klenin 1976 – Yokoyama O.T., Klenin E. The Semantics of 'Optional' Rules: Russian Personal and Reflexive Pronouns // Sound, Sign and Meaning: the Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle. Ed. L.Matejka. Michigan Slavic Contributions 6. Ann Arbor, Michigan. P. 149–271.

Summary

The article deals with some functions of Latin reflexive pronouns (*se* and *suus*) which cannot be explained from the syntactic point of view. According to the syntactic rules, the reflexive pronoun can refer to the subject of the clause in which it occurs (the direct reflexive) or to the subject of the matrix clause in reported speech or, more generally, in other types of subordination (the indirect reflexive), but in fact, the antecedent of a Latin reflexive need not be a grammatical subject at all. It can instead be a direct object, an indirect object or a prepositional phrase. This use of Latin reflexives can be explained more satisfactorily if they are analyzed from a pragmatic, rather than a syntactic point of view: the reflexive pronouns *se* and *suus* can refer to the topic of the clause in which they occur, or to the topic of discourse (macrotopic) in cases of subordination, independently of their syntactic realization. The second problem to be explained is the confusion of personal and reflexive pronouns in syntactically similar conditions, that is, in some cases, the personal pronoun is used instead of the reflexive even when the reference is made to a term with a topic function. These uses are supposed to depend on the pragmatic function of empathy (the speaker's attitude towards the participant in the event that he is describing): if the focus of empathy is on the referent with a topic function, the reflexive is used, on the contrary, if the focus of empathy is on the non-topic referent, the personal pronoun is used.

This method of combining syntactic and pragmatic dimensions allows to formulate the exhaustive rules of Latin reflexive: it can be used if the topic of the clause and the focus of empathy are not in conflict, i.e. 1) when the topic and the focus of empathy coincide or 2) when the focus of empathy is zero.

Я. Л. Забудская

Трагедия глазами комедии: о принципах пародии у Аристофана

Резюме. Статья посвящена пародийным принципам в комедиях Аристофана; особое внимание уделяется наименее рассмотренным другими исследователями «Фесмофориазусам». Охарактеризован принцип «драматургической» пародии, основанной не на текстовых заимствованиях, а на воспроизведении элементов визуально-сценического воплощения драмы. Поскольку цель подобного заимствования – драматическое моделирование действия, а комический эффект подобных сцен не всегда ощущается, в работе предлагается рассматривать пародию в аттической комедии как форму внутрикультурной рецепции трагического жанра.

Ключевые слова: жанр, сюжет, комедия, трагедия, пародия, паратрагедия, рецепция, сценическое воплощение.

Начало изучению темы «трагики и трагическое в комедии» было положено уже эллинистическими комментаторами; пародийные принципы Аристофана описаны, и не раз, в специальных трудах, посвященных как отдельным комедиям, так и творчеству афинского комедиографа в целом. Неоднократно отмечены все цитаты (слова, словосочетания, стихи и полустихия), привлеченные Аристофаном из текстов трагедий, и охарактеризованы их функции (собственно комическая, критическая или нейтральная), рассмотрены языковые и стилистические средства, характерные для изображения трагиков в комедии, перечислены трагедии, сцены из которых появляются у Аристофана.

Вопрос же о том, что мы называем «пародией в комедиях Аристофана», на наш взгляд, до сих пор остается открытым. Две равно имеющих право на существование точки зрения основаны на античном и современном понимании «пародии» как термина: современное понимание пародии как «сатирического разоблачения» расходится с пониманием, идущим от александрийских ученых схо-

лиастов и предполагающим в пародии «перенесение слова из трагедии в комедию» (схолий к 8 ст. «Ахарнян», словарь Суда) вне зависимости от собственно комической окраски. Всего Аристофан цитирует около 30 комедий Еврипида (Ярхо 2000: 933), а также Эхила, Софокла и гораздо менее известных Меланфия и Ксенокла («Мир» 1013) и даже Гомера («Мир» 1097-1098). Как уже было сказано, цель привлечения цитат – не всегда комическая или сатирическая, но во всех случаях механизм пародии один – оригинальный текст контрастирует с формой или с контекстом посредством противопоставления «высокого» и «низкого», старого и нового, благочестия и нечестия, используется также принцип нарушения читательских ожиданий (Rose 1993: 33). Античное понимание «пародии» ближе к «подражанию», или «имитации», чем к «пародии» в современном смысле (Rose 1993: 7). При этом собственно комическое наполнение пародии в античности оказывается вторичным, как результат несовместимости двух противоположных планов (Макаревич 1990: 7).

Но поскольку в комедии сниженный план изначален и безусловен, «древнее» понимание пародии превращает ее в чисто механический прием и выхолащивает суть жанра древней комедии. Е. В. Макаревич, пытаясь найти разрешение противоречию, видит в неоднозначности функций пародии принцип формирования литературной формы жанра комедии, который, будучи более новым по происхождению, отталкивается от уже готового арсенала средств трагедии и эпоса (Макаревич 1990: 16). Таким образом, именно посредством «чужого слова» комедия завоевывает себе место в литературной традиции.

Примеры обращения комедии к «чужому слову» рассматривались неоднократно. К ним относятся и лексические заимствования, и цитирование стихов и полустихий, любовно отмеченные схолиастами (к примеру, из Эхила в Thesm. 135 Ποδαλὸς ὁ γύννις ; «откуда ты, девоня?» в переводе Пиотровского); из Еврипида. ἡ γλῶσσ' ὀμώμοχ' , $\text{ἡ δὲ φρήν ἀνώμοτος}$ «язык клялся, не сердце», пересмеянное дважды – в Thesm. 275-78 и Ran. 1471; об общем количестве цитат см. выше), и воспроизведение синтаксических конструкций (примером может быть знаменитая «бутылочка»

(она же «флакончик», «лекифчик»), которую аристофановскому Эсхилу удается вставить в пролог любой Еврипидовой драмы в «Лягушках» 1205–1247).

То, что «чужим» (заимствованным, «перенесенным») выступает именно «слово», очень важно. И дело даже не в том, что на данном этапе бытования словесности доминирует категория стиля, которая обуславливает интерес прежде всего к языковому выражению и потому именно слова, сочетания слов и «метры» оказываются первейшей единицей пародирования как «переноса». Еще одна проблема, остающаяся не до конца решенной для понимания принципов пародии Аристофана – это степень знакомства зрителей с текстами, ставшими объектами пародии, что в конечном итоге ставит вопрос о природе комического эффекта, на который мог рассчитывать Аристофан. Одни утверждают, что комический эффект строился именно на непосредственном отклике зрителей, узнающих знакомый текст, другие – что интервал между постановкой трагедии и комедии мог быть слишком длительным и для зрителей, стало быть, не были актуальны конкретные цитаты, а важнее было общее пародирование трагического стиля (корень зла, конечно же – во фрагментарности наших знаний о порядке постановок и перепостановок). Возможно, в этой исходной «цитатности» как основе жанра Древней комедии и заключается одна из причин его скорого упадка: если плохо известен оригинал, то и его «гибристический двойник» становится неинтересен.

Однако объектом «переноса» из трагедии в комедию было не только слово. Целые трагические сцены и эпизоды вплетаются в комедию. Они реже привлекают внимание исследователей, как нам кажется, потому, что их появление в комедии лишено оценочного значения и они относятся не к критике еврипидовских идей или стиля, а к имитации драматургических приемов.

Одним из приемов как Древней, так и Средней комедии была травестия мифа. В дошедших до нас комедиях Аристофана непосредственно мифологических сюжетов не обнаруживается (из тех, что не дошли, следует упомянуть «Амфиарая» и «Дедала») (Гусейнов 1988: 201, 214). Однако, сюжет некоторых комедий напрямую соот-

носится с трагическим, представляя собой уже не травестию мифа, а травестию его драматической интерпретации. Так, «Птицы» (414 г. до н.э.) соотносятся с «Прометеем» Эсхила (Bakhuizen 1877) и с «Тереем» Софокла (Dobrov 2001: 91, 105–132), сюжет «Ос» (422 г.) строится по аналогии с «Эвменидами» (Макаревич 1990: 8–10), а коллизия «Мира» (421 г.) очевидно навеяна Еврипидовым «Беллерофонтом». И если в первых двух случаях основой пародирования становится сюжетная схема, то для «Мира» не менее важным, чем сюжет о путешествии на небо, становится способ осуществления замысла этого самого путешествия, то есть его сценического воплощения и применения театрального механизма. Пародия строится на визуальном сходстве – перемещениях Тригея / Беллерофонта на жуке / Пегасе. Именно сходство «картинки» позволяет дочери Тригея провести прямую аналогию сцены, в которую она вовлечена, со сценой из «Беллерофонта», и пригрозить отцу хромотой, постигшей его трагического двойника. Возможно, что сама идея с жуком появилась у Аристофана в связи с недостаточной умелой с точки зрения театрального воплощения «трагической» имитацией полета крылатого коня в драме Еврипида.

Отдельные сцены из драм также становились объектами пародии-«переноса». Это сцены из «Телефа», «Паламеда», «Елены» и «Андромеды» Еврипида, ставшие сценами из «Фесмофориазус» (411 г. до н.э.) Аристофана. В схолиях прямо говорится, что эта драма – одна из тех, что направлены против Еврипида. Следовательно, в привлечении еврипидовских трагических сцен схолиаст видел не просто перенесение «высокого» в «низкий» контекст, но и полемическую направленность.

Для комических произведений, в которых так или иначе появляются аллюзии на трагедию, существует термин «паратрагедия», означающий «шутливую имитацию трагического стиля» (Rose 1993: 18). При этом формы пародирования могут быть самыми различными: от простых упоминаний и цитат до сюжетного сходства. Но только «Фесмофориазусы» представляют собой паратрагедию в жанровом смысле, когда трагедийные сцены последовательно вплетаются в комический контекст. Совокупность

пародийных сцен, как предполагается, составляет пародию на сам ритуал Фесмофорий (Bowie 1993: 215). Но по какому именно принципу Аристофан вовлекает в свою комедию фрагменты Еврипидовых драм?

К «Телефу» Еврипида возводят две сцены «Фесмофориазус»: защитительную речь Мнесилоха и сцену травестийной гикесии, где Мнесилох подражает Телефу, а «роль» младенца Ореста «исполняет» мех с вином. Заимствование этого эпизода, кстати, в схолиях не отмечается. Современные реконструкции несохранившейся драмы Еврипида основываются на интерпретации соответствующих сцен из комедии Аристофана (Handley & Rea, 1956; Heath 1987). Уже замечено, что, во-первых, поставленный в 438 году «Телеф» во временном отношении удален как от «Фесмофориазус», так и от в не меньшей мере ориентированных на него «Ахарнян» (Miller 1948: 174); во-вторых, трагедии на схожий сюжет, известный, видимо, уже из «Киприй» (Platter 2007: 148) существовали также у Эсхила, Софокла, Агафона, Иофона, Клеофона и Мосхиона, а пародии на него же – в сатировой драме Софокла и в сицилийской комической драме Дейнолоха и Ринтона (Csapo 1986: 352). Тем не менее, именно еврипидовский «Телеф» рассматривается как источник для соответствующих сцен Аристофана, как по статистическим причинам (все прочие упоминания «Телефа», относятся именно к еврипидовской интерпретации), так и исходя из взглядов на драматургическую технику: Еврипид «не мог бы удержаться» от столь патетического *coup de théâtre* и драматически «острой» сцены (Joan 1966: 222–44), объединившей гикесию, похищение, угрозу смерти и защитительную речь. Именно к этому драматическому эпизоду возводят и сцены на вазах, изображающие Телефа на алтаре (Gould 2001: 72–74).

В «Фесмофориазусах» сцены из «Телефа» адаптированы к драматическому контексту: «выступив» в «роли» Телефа в защитительной речи, Мнесилох «остаётся в образе» и после раскрытия его «женской» маскировки воспроизводит следующую еврипидовскую сцену, гикесию. Как уже было сказано, изображение группы «фигура на алтаре с младенцем на руках» стала визуальным воплощением именно еврипидовской интерпретации мифа о Телефе: в

данной сцене Аристофану даже не нужно упоминать трагедию Еврипида, сходство в сценическом воплощении эпизода оказывается достаточным.

Затем, когда перипетии «Телефа» оказываются исчерпанными, Аристофан пользуется как средством развития комического сюжета сценами их других комедий Еврипида. Так, сцена из «Паламеда» (770-783) становится для Мнесилоха подсказкой способа спасения: он разбрасывает таблички, как герой драмы Еврипида (что, впрочем, не помогает, и комедийный Еврипид не приходит на помощь по предложенной сюжетной схеме, так как так «стыдится "Паламеда" он – сырая вещь», пер. А. Пиотровского τὸν Παλαμῆδῃ ψυχρὸν ὄντ' αἰσχύνεται 848). Заметим, что в этом эпизоде внешнее следование еврипидовской сцене оказывается более важным, чем смысловое – ничего особенного на своих табличках Мнесилох не пишет, он лишь следует логике сюжета.

Следующая за этим сцена из «Елены» также вызвана визуально-сценическими ассоциациями: алтарь-жертвенник, который был убежищем для Мнесилоха-«Телефа», теперь становится могилой Протея, возле которой разворачивается действие «Елены», а сам Мнесилох, соответственно, оказывается заглавной героиней. Здесь мы имеем дело не только с паратрагической интерпретацией конкретной сцены, но и с высмеиванием архаической драматургической техники, когда в роли гробницы мог выступать алтарь в центре орхестры (Tarlin 1977: 117). Обычно считается, что в поздних драмах для такого рода сцен особые «театральные» алтари и «могилы» сооружались отдельно; Аристофан особо подчеркивает свободу драматургов в обращении с объектами, изначально относившимися к пространству сакральному, а не драматическому: 888 τολμᾶς σῆμα τὸν βωμὸν καλεῖν, в переводе Пиотровского «посмел назвать ты жертвенник могилою!». Далее (902-910) следует воспроизведение еще одной сцены из «Елены» – узнавание «героини» и «Менелая», в роли которого выступает сам Еврипид. Таким образом, пародирование сюжетное переплетается с визуально-сценическим.

После того, как безрезультатно исчерпаны сюжетные и сценические возможности «Елены», герои Аристофана

вспоминают об «Андромеде». Схолиаст (ad loc) объясняет переход к «Андромеде» тем, что она ставилась вместе с «Еленой». В самом тексте Аристофана тоже есть косвенное объяснение – «Андромеда» ставилась ἐν τῷδε ταύτῳ χωρίῳ, «на том же месте» (1060), год назад. В «Лягушках» упоминание «Андромеды» схолиаст объясняет тем, что эта драма у Еврипида лучшая (ad Ran. 53 Τῶν καλλίστων Εὐριπίδου δράμα ἡ Ἀνδρομέδα), кроме того, спасение Андромеды Персеем комически противопоставляется задуманному Дионисом спасению Еврипида (Moorton 1987: 434). В «Фесмофориазусах» коллизия в целом сходная, но нам бы хотелось обратить внимание на тот факт, что указание и на сюжетное сходство, и на близость постановки по времени появляются уже после того, как Мнесилох объявляет себя Андромедой: δεῖ με γίνεσθ' Ἀνδρομέδαν. Πάντως δέ μοι / τὰ δέσμι' ὑπάρχει «мне нужно сделаться Андромедой, раз я весь в оковах» (1012–13). Таким образом, исходной посылкой к ассоциациям с «Андромедой» выступает сходство сценической обстановки, конкретнее – поза героя / героини. Заметим, что похожая ассоциативная цепочка выстраивается и в более ранних «Ахарнях»: Дикеополь сначала воспроизводит мизансцену из «Телефа», угрожая хору убийством «заложника» – корзины с углем (331–335), а уже затем называет саму трагедию и отправляется к Еврипиду за костюмом Телефа. Заметим, что, как и в случае с Телефом, именно сценический облик становится отличительным признаком образа Андромеды в вазописи; театральность изображения подчеркивается условностью обстановки: вместо скалы, к которой прикована мифологическая героиня, используются два шеста (иногда с ветвями для имитации стволов деревьев) или даже колонны. Первая вспышка интереса к изображению Андромеды на вазах появляется в 50–40 гг. V в. и связывается с постановкой одноименной трагедии Софокла, а после постановки еврипидовской «Андромеды» 412 г. «поза Андромеды» становится настолько характерной, что изображение того, к чему она, собственно, прикована, может вообще отсутствовать; на театральное происхождение вазового рисунка указывает изображение алтаря и специфический актерский костюм (см. Pickard-Cambridge 1988: fig. 60b).

Только после того, как обыграна поза, Аристофан пародирует и другие характерные черты Еврипидовой драматургии, проявившиеся в «Андромеде»: лирическую монодию героини и лирическую переключку-коммос с нимфой Эхо. Сцены из Аристофана свидетельствуют, что постановка Еврипида была необычной по сценическому воплощению: вопросы вызывает как размещение главной героини, с самого начала прикованной к скале и придающей статичность действию в манере «Прометея Прикованного», так и «засценический» голос, который, судя по интерпретации Аристофана, заменял появление нимфы Эхо.

И, вслед за «Андромедой», «Фесмофориазусы» становятся художественным экспериментом, и не только потому, что в ней Еврипид выступает одновременно субъектом и объектом, а его в общем-то частная проблема – недовольство афинских женщин его драмами – центральной проблемой пьесы, столь же важной, как прежде – вопросы войны и мира, воспитания, политического устройства Афин (Russo 1994). Новизна «Фесмофориазус» в том, что в них воспроизводятся и пародируются не только отдельные цитаты или трагический стиль в целом, не только метрика или функции хора, отдельные характеры или идеи, появляющиеся в Еврипидовых трагедиях, но и последовательно воспроизводятся элементы сценической драматургии. Непосредственное следование одной постановки за другой позволило Аристофану апеллировать не к тексту (примеров этому немало и в других комедиях), а именно к элементам сценического воплощения драмы.

Итак, еще один принцип пародирования в «Фесмофориазусах» можно было бы назвать «драматургическим»: пародируются именно сценические, визуально выраженные приемы, и «толчком» к появлению пародийной сцены в комедии становится не текст, а «картинка», сходство эпизодов в сценографии, а уже потом – в сюжете. Необходимо еще раз подчеркнуть, что собственно пародийный в современном понимании термина, комический и тем более сатирический эффект подобных сцен не всегда ощущается (а возможно, и не предполагается). Современник Аристофана, Кратин, называл драматическую манеру Аристо-

фана εὐριπίδαριστοφανίζωι (fr. 304), «евристофанничая» (Гусейнов 1988: 57), и подчеркивал тем самым, что Аристофан не только пародировал трагика, но и следовал ему. Сам Аристофан в «Фесмофориазусах» характеризует этот принцип привлечения трагедийных элементов как «подражание» (τὴν κακίην Ἐλένην μιμήσομαι «я буду подражать недавней «Елене»). Наконец, современный исследователь называет механизм привлечения фигуры Еврипида и его трудов в аристофановскую комедию «контрафактом» (Dobrov 2001: 102): этот механизм отражает своего рода состязание между жанрами, в котором комедия доказывает свое превосходство над трагедией (Dobrov 2001: 89, 90). И действительно, если основным пунктом расхождения двух жанров является сюжет (мифологически обусловленный в трагедии, свободный в комедии) (Rosen 2005: 253), то перенесение трагического сюжета в комедию наглядно демонстрирует превосходство последней в плане развития действия: Тригею удается то, что не удалось Беллерофонту, а Мнесилох, не найдя спасения в «трагических» уловках, освобождается благодаря комедийной сценке (вернее, больше похожей на сценку из мима) с танцовщицей, отвлекающей стража-скифа.

Мы предложили бы рассматривать прием «драматургической» пародии как частный случай более общего принципа взаимоотношений комедии и трагедии как жанра нового и жанра более древнего. Пародия в античной комедии представляет собой форму внутрикультурной рецепции трагического жанра. «Рецепция» как термин более удачна в тех случаях, когда заимствованные элементы имеют *организующее произведение* значение. Сходство дискурса (соединение текстового бытования со сценическим) позволяет комедии максимально заимствовать трагедийные приемы организации произведения, преобразовывая их в собственно пародийном ключе или используя как нейтральное средство развития сюжета. Рецепция в комедии формируется в нескольких направлениях: заимствование может иметь, в том числе, и пародийные функции, однако не менее важной оказывается роль рецепции в драматическом моделировании действия.

Литература

- Bakhuyzen 1877 – van de Sande Bakhuyzen. De Parodia in comoediis Aristophanis. Utrecht.
- Bowie 1993 – A. M. Bowie. Aristophanes: myth, ritual and comedy. Cambridge University Press.
- Csapo 1986 – E. Csapo. A note on the Würzburg bell-crater H 5697 (“Telephus travestitus”) // *Phoenix*, Vol. 40, No. 4. P. 379–392.
- Dobrov 2001 – Gregory W. Dobrov. Figures of play: Greek drama and metafictional poetics. Oxford.
- Handley & Rea 1956 – E. W. Handley & J. Rea. The Telephus of Euripides (BICS Supplement 5, London).
- Heath 1987 – M. Heath. Euripides' Telephus // *Classical Quarterly*. 37, 272–80.
- Jouan 1966 – F. Jouan. Euripide et les légendes des chants cypriens. Paris.
- Miller 1948 – Miller Harold W. Euripides' Telephus and the Thesmophoriazusae of Aristophanes // *Classical Philology*, Vol. 43, No. 3 (Jul., 1948). P. 174–183.
- Gould 2001 – John Gould. Myth, Ritual, Memory, and Exchange: Essays in Greek Literature and Culture. Oxford.
- Moorton 1987 – R. Moorton. Euripides' Andromeda in Aristophanes' Frogs // *The American Journal of Philology*, Vol. 108, No. 3 (Autumn, 1987). P. 434–436
- Pickard-Cambridge 1988 – Arthur Pickard-Cambridge. The Dramatic festivals of Athens. Oxford.
- Platter 2007 – Charles Platter. Aristophanes and the carnival of genres. The Johns Hopkins University Press. Baltimore, Maryland.
- Rose 1993 – Margaret Rose. A Parody: Ancient, Modern, Post-modern. Cambridge.
- Rosen 2005 – Ralph M. Rosen. Aristophanes, Old Comedy, and Greek Tragedy // *A companion to tragedy*. Ed. Rebecca W. Bushnell. Oxford, Blackwell publishing. P. 251–268.
- Russo 1994 – C. F. Russo. Aristophanes. An author for the stage. Routledge.
- Taplin 1977 – Oliver Taplin. The Stagecraft of Aeschylus. Oxford.
- Гусейнов 1988 – Гусейнов Г. Ч. Аристофан. М.
- Макаревич 1990 – Макаревич Е. В. Пародия в комедиях Аристофана. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М.
- Ярхо 2000 – Ярхо В. Н. Аристофан – великий художник-утопист // Аристофан. Комедии. Фрагменты. М. С. 913–935.

Summary

This article is devoted to the principles of parody in the comedies of Aristophanes with the special attention to the "Thesmophoriazusae". It is well known that almost all Aristophanes' comedies are suffused with direct quotations or imitations of tragic language and images, themes and motifs; our goal was to add to the list of paratragic phenomena the aspect of stage settings. In several episodes of "Acharnians", "Peace" and "Thesmophoriazusae" tragic allusions are based on scenic milieu more than on the text itself. In the "Peace" the main idea, composing the plot, is travelling with the use of theatrical mechanism. Euripides' scene with Pegasus not exhibited with proper tragic effect could suggest to Aristophanes the shape of a bug; the unique combination of hikesia and hostage formed the image of 'Telephos' both in the "Acharnians" and the "Thesmophoriazusae"; the construction of Attic theatre with an altar used also as a tomb gave the possibility to change the scene to "Helena"; the distinctive pose of the main hero, fixed in vase-painting, recalled the plot of "Andromeda". This principle is characterized as the 'dramaturgic' parody founded on the reproduction of visually-scenic elements of drama. As the purpose of loan is the dramatic modeling of action without special intention to criticize the tragic patterns, and the comic effect of scenes is not always felt, we offer to consider parody in Attic comedy as a form of intercultural reception of the tragic genre.

В. П. Завьялова

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ

Резюме. В статье рассматриваются кардинальные вопросы современной рецептивной эстетики – дихотомия «автор-читатель» (Г. Р. Яусс и его последователи) и «понимание – традиция» (Г. Г. Гадамер) с точки зрения их возникновения в эпоху раннего эллинизма в Александрии. Во внимание принимаются следующие основные предпосылки: культурная политика первых Птолемеев, городская интеллигентная среда, интеллектуальная элита, сформировавшаяся вокруг Мусейона и Библиотеки, высокий уровень и массовость образования, развитие и распространение книгоиздательского дела и книжной торговли в эпоху первых Птолемеев.

Ключевые слова: Александрийская учёная поэзия, городская интеллигенция Александрии, риторское образование – «религия эллинизма», Александрия – интеллектуальная метрополия, дихотомия «автор-читатель», горизонты ожидания автора и читателя, толкование Гомера александрийскими грамматиками – начало литературной герменевтики.

Интенсивное изучение александрийской поэзии после публикаций трудов И. Дройзена и его последователей породило самые разные подходы и методы в её историко-литературном описании¹. К сороковым годам XIX века в антиковедении уже широко используются понятие и термин «александрийская поэтическая школа» (Alexandrian School): на Западе они были введены Джоном Уильямом

¹ Ф. Зюземиль, Г. Бернхарди, В. Крист, И. Кнаак, У. фон Виламовиц-Мёллендорф и многие другие учёные помимо хронологического и жанрового принципов стремились объединить поэтов в те или иные «группы» по тому или иному принципу (В. Крист предлагал в отдельную группу выделить «учёных» поэтов, И. Кнаак считал целесообразным разделить раннеэллинистическую поэзию на три периода: до Каллимаха, Каллимах и его школа, эпигоны) и т. д.

Дональдсоном (1811–1861) (Donaldson, 1859: 449), в России – С. П. Шевырёвым (1806–1864) (Шевырёв 1835: 289). В настоящее время, как известно, этот период истории античной литературы принято называть раннеэллинистическим и включать в общее понятие эллинистической литературы. Вместе с тем александрийская поэзия как эстетический феномен является частью более широкого представления – александрицизм, которым принято определять новый, по сравнению с классикой, взгляд на эволюцию эстетической культуры, эстетических форм, характерных для эпохи эллинизма в целом. Поэтому в данном случае, учитывая, что понятие «александрийская поэзия» включает и историческую, и эстетическую коннотацию, мы останавливаемся именно на нём.

Александрийская поэзия отражает смену ценностных ориентиров в греческом мире при переходе от классики к эллинизму. Дух учёности и ремесла, утончённый эстетизм, *cupiditas rerum novarum* порождают в поэзии *эстетический рационализм*, в котором, как пишет ведущий теоретик Франкфуртской школы Теодор Адорно (Адорно 2001: 54): «... каждое художественное средство – и само по себе, и по своей функции – становится чётко определённым и целенаправленным, чтобы сделать то, на что уже не способны традиционные средства». Впервые в александрийской поэзии поэтическое слово продукт не столько поэтического вдохновения, сколько тонкого и тщательного выбора в его соотнесённости с художественным опытом предшествующей традиции. Впервые возникает искусство, обращённое, по выражению испанского философа и социолога Хосе Ортеги-и-Гассета, «к особо одарённому меньшинству» (Ортега-и-Гассет 2003: 218).

При изучении александрийской поэзии важно учитывать, что Птолемеи унаследовали Египет от Александра, и после смерти Александра первым Птолемеям, особенно Птолемею I и Птолемею II, пришлось, используя современную терминологию, упорно бороться за легитимность своей единоличной власти. Птолемею I правил Египтом как сатрап почти 20 лет, пока после битвы при Ипсе (301 г. до н. э.) не создалось, как пишет М. И. Ростовцев (Ростовцев 1999: 190), равновесие сил в эллинистическом мире,

т. е. такое политическое положение, при котором единственной гарантией независимости была военная сила и военная готовность. Птолемей II, хотя и был назначен отцом своим преемником и был в последние годы его жизни соправителем, после смерти отца вынужден был выдерживать соперничество со стороны своих старших братьев и нарушить закон престолонаследия по старшинству. При этом первым Птолемям пришлось налаживать на новых началах с новыми задачами жизнь страны, в которой были крепки многовековые государственные, экономические, социальные, религиозные и культурные традиции. Создаются новые социальные отношения и, как следствие, рождаются новые формы идеологической жизни. И если в целом, как внешняя, так и внутренняя политика Птолемеев были весьма успешными – что единодушно подчёркивают все историки, в культурном строительстве, как писал ещё И. Дройзен, «успех превзошёл их ожидания» (Дройзен 2003: 292). В то время, когда весь остальной эллинский мир был опустошен в результате войн диадохов, один Египет под мудрым правлением первых Птолемеев процветал в мире и спокойствии. Птолемей I перенёс столицу Египта из Мемфиса в Александрию, и Александрия очень скоро стала самым крупным городом в тогдашнем мире. Основанная Александром Великим как традиционный греческий полис, Александрия, благодаря расширившимся экономическим, торговым, политическим и религиозным связям скоро становится не только центром ремесла и торговли, но и культурным центром нового масштаба. В своих преобразованиях Птолемей нуждался в широком притоке образованных людей – прежде всего греков, которым, как пишет М. И. Ростовцев (Ростовцев 1999: 192), они не только широко открыли двери своего государства, но и обеспечили возможность жить в новой стране на греческий лад. Спрос на образованных специалистов, занимающихся умственным трудом, постоянно рос (Блаватская 1983: 40). Приезжали в Александрию, как правило, профессионалы, знатоки какого-либо дела (например, врачи Эрасистрат и Герофил, физик Стратон, математики Феодор Киренский и Евклид, художники Апеллес и Антифан). Но наряду с выдающимися именами

учёных в разных областях науки и искусства уже в новое время среди многих тысяч эпиграфических текстов были прочитаны надписи, говорящие о сотнях малозаметных работников умственного труда (Блаватская 1983: 9). Это учителя, риторы, врачи, музыканты, актёры, резчики надписей, чертёжники и т. д. Многие годы и большое количество образованных людей требовались для разбора, каталогизации, систематизации и просто переписки книжных коллекций, поступающих в Библиотеку. Не меньшее количество грамотных людей было необходимо для бюрократического аппарата управления монархией Птолемеев. С развитием книжной торговли (в Египте, как известно, была установлена монополия на основной писчий материал того времени – папирус) увеличивается спрос на переписчиков. Впервые в античности благодаря достаточному количеству переписчиков снятие нескольких или даже нескольких десятков копий становится делом не столь трудным и не столь дорогостоящим. Впервые в Александрии возникает целый ряд новых форм труда, труда принципиально городского, книжного, и как следствие появляется новый слой профессионалов-горожан, *городской интеллигенции*. Помимо авторитетного положения в государстве работники умственного труда имели вполне устойчивое материальное положение и входили в состав вполне зажиточных слоёв населения, имевших постоянный доход (Блаватская 1983: 72). Например, известно, что Птолемеи освобождали ряд лиц интеллигентных профессий от некоторых налогов. Созданные ещё при Птолемеи I Мусейон и Библиотека превратили Александрию в ведущий научный центр всего эллинистического мира, вокруг которого формировалась научная интеллектуальная элита, та *культурная среда*, в которой зарождались и новые научные идеи, и новые поэтические опыты. Александрия становится интеллектуальной метрополией, роль которой она играла на протяжении длительного времени. Именно в такой новой городской среде обретает жизнь и почву александрйская поэзия. Александрйская поэзия носит чётко выраженный *урбанистический характер*. Никогда в прошлом поэты не писали так подробно о самом городе, не отражали урбанистические процессы, как александрй-

цы: описанию города, новых городских сооружений и построек, описанию городских празднеств, шествий и просто жизни города посвящают свои произведения многие александрийские поэты. (Феокрит, Каллимах, Посидипп и др.) (Завьялова 2009: 44–61).

Распространение письменности, развитие книжного дела, высокий статус людей интеллигентных профессий среди свободного населения не могли не сказаться на уровне и положении образования в Александрии. Образование становится не просто массовым, но краеугольным камнем, «религией эллинистической культуры» по выражению А. И. Марру (Марру 1998: 140). Вся история античного образования, как кратко и ёмко формулирует А. И. Марру (Марру 1998: 12), «отражает постепенный переход от культуры благородных воинов к культуре писцов». В эпоху александрийской образованности этот переход завершается, и образование в Александрии представляет собой синтез и «можно сказать, символ этой традиции» (Марру 1998: 140). В эпоху эллинизма в образовании постепенно утрачивается роль физической культуры и оно окончательно становится риторским. Знание литературы, древних и новых поэтов рассматриваются как высшие ценности культуры, которыми должен овладеть каждый образованный человек. Целью эллинистического образования остаётся ораторская культура, которая со времени софистов и Исократ не переставала быть «венцом всякого свободного воспитания, желающего полноты» (Марру 1998: 240). Правила риторики, привитые всем через образование, составляли самую суть традиции, объединявшую писателя и читателя, классиков и современных авторов. «Эллинизм создал риторику, – пишет А. Ф. Лосев, которая легла в основу не только многих сотен речей, этих крупнейших произведений художественного творчества, но и множества риторических трактатов, разрабатывающих настоящую античную эстетику и подлинную античную теорию стилей. Необозримое количество риторических трактатов до сих пор не систематизировано и не осознано – до того эта вся риторика разнообразна, изощрена и глубока». (Лосев 1978: 11). Риторика дала ту систему формаль-

ных ценностей, которые определяли эстетику новой поэзии и стала доминантой эллинистического образования.

Широкое распространение образования, книжного ремесла и книжной торговли впервые в античности подготовили *массового читателя*, имеющего достаточный уровень знаний и хороший художественный вкус. Многие стремятся иметь домашнюю библиотеку. До эпохи эллинизма, судя по тем скудным и отрывочным сведениям, которые мы имеем из Авла Геллия (Aul. Gell. N.A. VII, 17, 1–3) и Страбона (Strab. XIII, 1, 54), первая публичная библиотека в Афинах была открыта Писистратом, а личные книжные собрания были у Аристотеля и, возможно, Еврипида. Теперь Александрию охватывает настоящая библиомания, рождается понятие «библиофил» (Аверинцев 1997: 209). Даже небогатые люди могли покупать папирусные свитки и переписывать на них классические произведения. Составление частных библиотек распространилось по всему эллинистическому миру. Книги собирали не только жители крупных городов, но и хоры. Многие люди не только читали и сохраняли любимые книги, книги везли с собой в дальние страны. Известен случай, когда книга (список поэмы Тимофея «Персы») была найдена в могиле эллина, похороненного между 330 и 320 гг. в Египте (Блаватская 1983: 314–315). Наряду с публичной декламацией литературных произведений в ходе религиозных празднеств, театральных представлений, дружеских встреч и т. д. теперь стремительно растёт число тех, кто читал сам для себя.

В это же время «... вырастает роль культуры как пространства коммуникации, ощущается потребность, пишут А. Л. Доброхотов и А. Т. Калинин, – в рациональном осознании (в рефлексии) законов культуры» (Доброхотов, Калинин 2010: 203). Складывается совершенно новый тип творческой личности – литератор, который, если у него не было собственных средств к существованию, мог жить только на пожертвования покровителей. Эллинистические монархи – и первые Птолемеи прежде всего – стремились привлечь ко двору в большом числе поэтов, музыкантов, артистов. Их творчество придавало особый блеск и авторитет правящему монарху. Придворные поэтические содру-

жества, меценатство становятся естественной формой литературной жизни и, как следствие, поэтическое творчество всё чаще несёт черты отчётливого идеологического влияния, сервиллизма. Птолемей II покровительствует одним авторам и ждёт от них апологетических произведений (Каллимах, Феокрит) и преследует, даже казнит других (Сотад). Впервые поэты связаны узами сотрудничества (Ликофрон, Александр Этолийский, Каллимах в одно время работают в александрийской Библиотеке), узами ученичества (Каллимах и его наиболее известные ученики – Аполлоний Родосский, Эратосфен, Истр, Фило-стефан, Аристофан Византийский), ведут литературную полемику друг с другом (Каллимах, Феокрит и Аполлоний Родосский), поддерживают друг друга в поэтических начинаниях (Каллимах и Арат). Но главное – впервые рождается новый тип творческой личности, александрийский ποιητής ἄμα καὶ κριτικός (букв. поэт, способный разбирать, судить, оценивать); именно так назовут в традиции первого александрийского поэта – Филета Косского (Strab.XIV, 11, 19), а римляне таких поэтов будут называть *poetae docti* (Cic. De natura deorum, 1, 60). Александрийский поэт – прежде всего учёный, грамматик и эрудит, библиотекарь и поборник сугубо книжного знания.

Столь существенные изменения в социо-культурной стратификации птолемеевского общества определили новое бытование и восприятие литературных произведений, что привело к принципиальному изменению литературно-эстетических парадигм. Поэт обращался теперь не к коллективу свободных граждан полиса, как это было в период высокой греческой классики, а к отдельной личности.

Всё вышесказанное убедительно, на наш взгляд, свидетельствует, что дихотомия «автор-читатель», выдвинутая в 60–70-е годы XX века как основной постулат современной рецептивной эстетики Г. Р. Яуссом (Яусс 1995: 57–78) и его последователями, своими истоками восходит к эпохе раннего эллинизма. Ганс Роберт Яусс (1921–1997) свою работу «История литературы как провокация литературоведения» (1967) начинает с известных слов: «История литературы пользуется сегодня чаще всего дурной славой, причем

вполне заслуженно». Подемизируя в этой работе с социально-историческим и формально-эстетическим принципами анализа литературного текста автор стремится, как он пишет, «перебросить мост через пропасть, разделяющую литературу и историю, историческое и эстетическое познание» (Дранов 2004: 352). Художественное произведение понимается рецептивной эстетикой как цельное эстетическое выражение, наделённое образным содержанием, способным пробуждать к жизни множество смыслов и ассоциаций. Исходная идея Г. Р. Яусса в том, что литературное произведение «реализуется» только в процессе контакта с читателем (реципиентом), который благодаря «обратной связи», в свою очередь, определяет конкретно-исторический характер восприятия произведения. Поэтому основным предметом изучения в системе Г. Р. Яусса является рецепция, позиция реципиента. Критерием оценки произведения, по Г. Р. Яуссу, становится общественная практика, социальная действенность произведения искусства в той мере, в какой она проявляется в реакции читателя. Насколько и как «выстраивает» смысл произведения читатель, насколько и как он проникает в замысел автора – такова проблема бытия произведения как результата коммуникации между автором и читателем. Отсюда знаменитый центральный тезис рецептивной эстетики, согласно которому «эстетическая ценность, эстетическое воздействие и литературно-историческое воздействие произведения основаны на том различии, которое существует между горизонтом ожидания произведения и горизонтом ожидания читателя, реализующимся в виде имеющегося у него эстетического и жизненно-практического опыта» (Дранов 2004: 351).

К проблеме авторского текста впервые, как известно, подошли александрйцы. От сформулированной ими литературной нормы и их образованности, как пишет учитель Г. Р. Яусса по Гейдельбергу – Ганс-Георг Гадамер (1900–2002) «...тянется, как живая, традиция образования, последовательность сохранения «классиков», и эта традиция не просто консервирует имеющееся, но признаёт её эталоном и передаёт в качестве образца» (Гадамер 1988: 211). Александрйцы, комментируя Гомера и трагиков,

классическую лирику и комедиографов, закладывают основы филологической культуры отношения к тексту и литературной традиции. Толкование литературных, философских, исторических текстов, создание первых герменевтических методик, разработка чисто текстологических проблем – всё это заслуга александрийских грамматиков. Особенно внушительные успехи были достигнуты, как известно, в комментировании Гомера. «Аргументы александрийцев, – пишет известный гомеровед Р. В. Гордезиани, – и по сей день принимаются во внимание». (Гордезиани 1978: 16). Толкование текстов Гомера, – это, пользуясь словами Г. Г. Гадамера, «процесс сближения, слияния горизонтов автора текста и интерпретатора». По Гадамеру понимание – основной модус существования культуры и её ключевого механизма – традиции. Это, как пишет Гадамер, «действенно-историческое сознание», которое актуализирует любое произведение как звено в цепи интерпретаций, причём таким образом, что оно становится источником бесконечного диалога. В эллинистической Александрии формируются основные дефиниции понимания и оценки литературной нормы и, как пишет Г. Г. Гадамер в своей основной книге «Истина и метод», «Каллимах и тацитовский «Диалог» сыграли в этом отношении решающую роль» (Гадамер 1988: 342). Александрийские грамматиканы через посредство представителей перипатетической школы воплощали на практике аристотелевские идеи. (Гринцер 2010: 73–87). Что же касается собственно эллинистической теории литературы, построенной на новом опыте понимания и восприятия литературного произведения, то её, как известно, мы можем только гипотетически реконструировать по разрозненным фрагментам и текстам эпикурейского философа и учёного Филодема Гадарского (II–I вв. до н. э). Один из основных выводов, к которому приходят в результате анализа текстов Филодема, как пишет Н. П. Гринцер, тот, что «формальный уровень произведения, его словесная структура всё больше выходит на первый план» (Гринцер 2010: 83).

Акцент на стиле и форме, иногда даже абсолютизация формы становится для эллинистических поэтов одним из проявлений антиклассической направленности их твор-

чества. Всё чаще на смену традиционному эпосу приходит динамичная нарративность краткого мифологического эпизода (эпиллий), бытовой сниженностью и занимательностью приближенная к читателю. При этом предпочтение отдаётся поэзии «малых» форм: заново, с позиции нового художественного видения перерабатываются традиционные жанры – эпиграмма, элегия, гимн, мим; создаются новые – идиллия, эпиллий – также по канонам «малой» формы. Повышенное внимание к формальной стороне творчества в сочетании с новыми эстетическими установками впервые приводит поэтов к созданию произведений «чистого» искусства – τεχνηταῦμιον – фигурных стихов, своего рода поэтических фокусов, трюков (Kunststück) (поэт Симмий). Малая форма произведения с неизбежностью требует краткости выражения; краткость (συτομία) и чеканность, чёткость (τορεία) – основные критерии творчества александрийцев, восходящие к перипатетикам. Впервые возникает мода не просто на учёную поэзию, а на стихи написанные изящно и тонко (κατὰ λεπτόν), с иронией (εἰρωνεία), шуткой (παίγμιον). Столь существенный «прорыв» в эстетике поэтического творчества приводит александрийских поэтов к широкому использованию *иносказания* на всех уровнях. Впервые «поэтическое выражение, – пишет Н. П. Гринцер, – наделяется способностью выражать больше, чем заключено непосредственно в словах, и это становится отличием поэтического слова от обыденной речи, особенностью, требующей специальной процедуры истолкования» (Гринцер 2010: 84). Поэтическая усложнённость, порой «закодированность» касается не только отдельных словоупотреблений, редких глосс и именований. Александрийцы впервые широко используют *литературный подтекст*, требующий текстуальной и интертекстуальной «расшифровки» (Ликофрон, Каллимах, Феокрит). В ликофроновской «Александре», например, как пишет С. С. Аверинцев, «архаическая замысловатость оракула становится предметом сознательной, последовательной и притязательной стилизации», где «слова двоятся, просвечивают друг сквозь друга, отражаются друг в друге» (Аверинцев 1997: 137). Так в поэтической практике александрийцев скорее всего осуществ-

лялся тезис Феофраста, дошедший до нас в передаче Деметрия в его трактате «О стиле»: «...сюда же мы отнесём слова Феофраста о том, что не следует дотошно договаривать до конца всё, но кое-что оставлять слушателю, чтобы он подумал и сам сделал вывод. Ведь тот, кто понял недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель, и притом доброжелательный. Ведь он самому себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если всё толковать слушателю, как дураку, то будет походить, что вы плохого мнения о нём» (Деметрий 1978: 273). Здесь уже, как явствует из приведённой цитаты, эксплицитно подчёркивается роль читателя как участника литературного процесса, активность реципиента, рассчитанные на диалогическую продуктивность – понятия, широко разрабатываемые современной рецептивной эстетикой.

Конечно, столь сложная, рафинированная поэзия могла быть востребованной только образованным читателем. Читать александрийских поэтов трудно, на это жаловались уже в самой античности и в Византии. Тем не менее учёная александрийская поэзия, предвосхищая тенденции литературного развития, живо интересовала многие поколения образованных греков и во времена Юстиниана и в эпоху Палеологовского возрождения: всякий раз на взлёте образования, интеллектуальной и духовной активности поэты обращались к александрийским образцам. Непосредственная преемница александрийских поэтов – римская поэзия перерабатывает эллинистические импульсы, как известно, на римской почве раньше, нежели классические и архаические; прежде всего воспринимая эллинистические литературные формы, перерабатывая утончённые александрийские приёмы и риторику. Но и в том и другом случае – и византийский, и римский поэт ведут диалог не только с предшественниками и традицией, но и с читателями. Пользуясь терминологией Яусса, благодаря посредничеству читателя поэзия вписывается в меняющийся горизонт опыта некоей традиции, поскольку, подчёркивает автор, постоянно обновляющееся восприятие произведения даёт ему реальное бытие. Только так, счи-

тает Яусс, могут реализоваться актуальность и потенциальные смысловые возможности текста.

Безусловно, в наши дни большую роль в восприятии александрйской поэзии играет историческая дистанция, вобравшая в себя многовековой читательский опыт, сформировавший традицию, в рамках которой можно говорить о тех или иных изменениях эстетической дистанции. Безусловно, говоря словами современной рецептивной эстетики, горизонты ожидания современников Каллимаха – Птолемея и его окружения и массового читателя, а тем более нашего современного читателя, даже филолога-классика – очень разные. При всей гипотетичности реконструкции любого авторского замысла можно с уверенностью констатировать лишь одно: автор всегда рассчитывает на читательское соавторство, что ведёт читателя либо к попытке как можно точнее его понять, либо к признанию своего бессилия, что отражается на сокращении или увеличении эстетической дистанции. Тем важнее в наши дни роль всестороннего комментария к такой поэзии, как александрйская (Завьялова 2009: 259–497). Ведь как пишет во введении к своей «Истории римской литературы» М. фон Альбрехт (М. фон Альбрехт 2002: 18) «...величие и значение авторов можно понять с исторической точки зрения не в последнюю очередь по их жизни в последующие эпохи. Показать, что оказывало влияние и что могло его оказывать, ... – задача истории литературы».

Литература

- Аверинцев 1997 – Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.
- Адорно 2001 – Адорно Теодор В. Эстетическая теория. М.
- фон Альбрехт 2004 – Альбрехт М. фон. История римской литературы в 3 т.: Т. 2 / Пер. с нем. А. И. Любжина. М.
- Блаватская 1983 – Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.
- Гадамер 1988 – Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Перевод с нем. и общая редакция Б. И. Бессонова. М.
- Гринцер 2010 – Гринцер Н. П. Античная поэтика // Европейская поэтика. От античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. М.

- Гордезиани 1978 – Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси.
- Деметрий 1978 – Деметрий. О стиле. Перевод Н. А. Старостиной и О. В. Смыки // Античные риторика. М.
- Доброхотов, Калинин 2010 – Доброхотов А. Л., Калинин А. Т. Культурология. М.
- Дранов 2004 – Дранов А. В. Рецептивная эстетика // Западное литературоведение XX века. М.
- Дройзен 2003 – Дройзен И. История эллинизма. Т. 2 М.
- Завьялова 2009 – Завьялова В. П. Каллимах и его гимны. М.
- Лосев 1978 – Лосев А. Ф. Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости // Античные риторика собрание текстов, статьи, комментарии. Общ. ред. проф. А. А. Тахо-Годи. М.
- Марру 1998 – Марру И. А. История воспитания в античности (Греция). М.
- Ортега-и-Гассет 2003 – Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.
- Ростовцев 1999 – Ростовцев М. И. Птолемеевский Египет // ВДИ. № 4.
- Шевырëв 1835 – Шевырëв С. П. О поэзии александрийской школы // Учёные записки Императорского московского университета. Ч. IX. № 2.
- Яусс 1995 – Яусс Г. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М. № 12.

Summary

The article discusses cardinal aspects of contemporary receptive aesthetics, such as “author vs. reader” and “perception vs. tradition” dichotomies elaborated by H.R. Jauss and his followers and by H.-G. Gadamer respectively. The appearance of these dichotomies in early Hellenistic Alexandria outlines the perspective of the present research. The following major prerequisites are taken into consideration, i.e. the cultural policy of the first Ptolemys, urban educated population, the educated elite with its center in the Mouseion and the Library of Alexandria, the high level and wide availability of education, the development and expansion of publishing and book trade in the epoch of the first Ptolemys.

С. В. Иванов

О РАЗДЕЛЕНИИ ДУШ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДСКОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме. В статье прослеживается история представлений, бытовавших в ирландской традиции, о разделении душ на четыре группы, происходящем на Страшном суде. Рассматриваются возможные источники этого мотива, восходящего к трудам Августина и Юлиана Толедского, и выдвигаются аргументы в пользу непосредственного его заимствования в ирландскую традицию из ранней латинской патристики.

Ключевые слова: ирландская традиция, средневековая эсхатология, среднеирландский язык

Представления о загробном мире в ирландской и, шире, «кельтской» христианской традиции, с давних пор служат темой оживленных дискуссий. Следы языческих пережитков и особенности ирландских церковных установлений, отличающие их от соответствующих континентальных институтов, дают повод говорить и об «ирландской теологии». В частности, одной из таких характерных черт считается разделение душ на четыре группы, которое происходит на Страшном суде¹.

Чтобы пояснить, о чем идет речь, и одновременно начать обсуждение источников, приведем цитату из среднеирландского текста *Знамений пятнадцати дней пред Страшным судом* (*Airdena inna cóic lá n-déc ria m-Bráth*), который относят к XII веку, но который дошел до нас в составе двух рукописей XV и XVIII веков.

Разместится тогда перед Христом весь род человеческий, [разделенный] на четыре сонма, то

¹ "The division into four groups for the judgment is a feature of Medieval Irish eschatology" (McNamara 2007: 247, n. 60).

есть хорошие и очень хорошие, плохие и очень плохие.² (Airdena § 28)

Отметим, что в тексте это разделение никак не поясняется, и далее в повествовании упоминаются только два рода людей – грешники и праведники, которым уготован, соответственно, ад и рай. Более развернутое описание мы найдем в другом среднеирландском трактате *Повесть о Страшном суде (Scéla Láí Brátha)*, записанном интерполятором XIII века в более ранней рукописи (текст, вероятно, восходит к оригиналу XI века – McNamara 1975: 140–141):

Таким образом, ясно, что в Судный день будет образовано четыре сонма из человеческого рода. [Один] сонм будет подвергнут суду и отправится по суду к мукам и страданиям. Им скажет Господь тот ужасный ответ, изгоняя их от себя: Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и его злему воинству. Это те, кто не исполняют делами того добра, которое они обещают устами. И так зовется этот сонм в писании: *mali non ualde*, то есть «не очень дурные».

Другой сонм не будет предан суду, но отправится сразу, без рассуждения об них вообще, в ад и будет затем претерпевать там мучения во веки вечные без милости Божьей, которая помогла бы им, ибо они не налагают ни меры, ни закона, ни правила на свои грехи и пороки здесь, и творят любые самые страшные злодеяния, какие только знают, чтобы прогневать Бога и людей. И так зовется этот сонм: *mali ualde*, то есть «худшие из рода человеческого».

Другой сонм будет предан суду и отправится после суда к награде. Это те, кто здесь творят искреннее покаяние с сокрушенным сердцем и исправляют прежние злодеяния добродетелями и добрыми делами и раздадут милостыню

² Здесь и далее переводы, кроме оговоренных особо, сделаны автором статьи.

пищей и одеждой бедным во имя Господа, так что искупают грехи, которые они творили прежде. И не вспоминает им Господь там то зло, которое они творили здесь. Им скажет Господь в Судный день, призывая их к себе на небо: Придите ныне, благословенные, чтобы населить Царство небесное. Так зовется этот сонм в святом писании: *boni non ualde*, то есть «не очень хорошие».

Другой сонм не будет предан суду, но отправится сразу без разбирательства на небо к золотым наградам. У них достаточно добра, чтобы выполнить то, что предписывает им сделать божественное писание, так что заслуживают они [награду] сами своими добродетелями и добрыми делами и делают больше добра, чем предписано им в божественных заповедях. (SLB §§ 15–18)

Конец этого отрывка в рукописи несколько испорчен, но нет сомнений, что завершаться он должен пояснением, что речь идет о *boni ualde*. Как мы видим, четыре группы, предстающие перед судом, обозначаются здесь латинскими наименованиями *mali non ualde*, *mali ualde*, *boni non ualde* и *boni ualde*. Различаются они между собой тем, что две группы – *mali ualde* и *boni ualde* – не предаются суду, а сразу получают, соответственно, наказание и награду, в то время как другие два сонма – *mali non ualde* и *boni non ualde* – предаются суду, и также отправляются, соответственно, в ад и в рай.

По мнению Сент-Джона Сеймура, к числу ирландских текстов, в которых можно выделить четыре категории душ, относятся, кроме приведенных выше, также *Видение Адамнана* и *Видение Тнугдала* (Seymour 1923: 192–193). Однако нужно учитывать весьма неоднозначные взгляды ученого на структуру *Видения Адамнана*, в котором он предлагал видеть две части – Adamnan I и Adamnan II соответственно. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса по существу, отметим, что такое разбиение было подвергнуто обоснованной критике (Dumville 1977–1978: 63–65). Если же говорить о тексте *Видения Адамнана* в целом, можно увидеть, что в нем сочетается множество мотивов, не сводимых к единой и стро-

гой эсхатологической схеме. Так, здесь мы встречаем и двоячное разделение душ после их вознесения через семь небес на суд Божий (§§ 19–20), и троичное на мосту, который они пересекают (§§ 22–23), и упоминание о месте, в котором будут обитать души, не достигшие Града небесного сразу после смерти, но которые войдут в него после Страшного суда (§ 14), и упоминание нижнего ада, очевидно, противопоставленного верхнему (§ 21)³. Это перечисление разных локусов загробного мира позволяет говорить о том, что в *Видении Адамнана* невозможно вычленить устоявшейся системы представлений о загробной жизни и воздаянии⁴. Нет здесь и характерных для четверякой схемы обозначений категорий душ – плохих, не совсем плохих, хороших и не совсем хороших – которые мы находим в *Знамениях* и *Повести о Страшном суде*.

Эти обозначения встречаются зато в *Видении Тнугдала*, где имеются две главы, озаглавленные *De pena moderata non valde malorum* (*Visio Tnugdali*, 41–42) и *De campo leticie et fonte vite et requie non valde bonorum* (id., 42–43). *Non valde mali* стоят под ветром и дождем, страдают от жажды и голода, но у них есть свет и они не ощущают зловония. Это те, кто не делал достаточных жертвований бедным, и теперь они должны провести несколько лет, подвергаясь этому наказанию, но затем будут перенесены к вечному блаженству. *Non valde boni*, не подвергаясь адским мучениям, но и не заслужив пребывания в обществе святых, находятся в месте покоя. В тексте нет наименований *mali valde* и *boni valde*, но по умолчанию можно сделать вывод, что это те, кто пребывают, соответственно, в аду и в раю. Несмотря на наблюдения Сеймура, видевшего в *Видении Тнугдала* 6 категорий душ (Seymour 1923: 192), или семь (Seymour 1926: 98–99), сам факт присутствия в тексте обозначений

³ См. русский перевод (ВА).

⁴ Ср. (Dumville 1977–1978: 73): “...there are difficulties in the way of accepting Seymour’s argument that the text [Видение Адамнана – С.И.] makes a fourfold division of souls”. Некритичное восприятие концепции Сеймура на современном уровне развития филологии может привести к очевидным неточностям, ср. (Hudson 2000: 114).

non valde mali и *non valde boni* говорит о том, что автор текста в какой-то мере отталкивался от четверного разделения, весьма сходного со *Знаменьями* и *Повестью о Страшном суде*. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что *Видение Тнугдала* расходится с *Повестью о Страшном суде* в одном важном пункте: если в *Повести mali non valde* отправляются по суду в ад, то в *Видении* им уготован рай, которого они достигнут, понеся временное наказание.

Таким образом, если учесть неоднозначность текста и затрудненность толкования представлений о загробном мире в *Видении Адамнана*, у нас остается три ирландских текста с ярко выраженным четверным разделением душ⁵. К ним следует добавить еще одно свидетельство из так называемого *Кельтского катехизиса*, рукописи Reg. Lat. 49 Ватиканской библиотеки, датируемой X веком. Несмотря на название, принадлежность этого сборника текстов именно ирландской традиции остается предметом дискуссий; вместе с тем выдвигавшиеся аргументы скорее

⁵ Стоит заметить, что в ирландской традиции существовали и другие варианты разделения душ. Так, троичное разделение душ, по-видимому, наблюдается в тексте *Две печали Царства небесного*:

«Когда все это заканчивается, “Смотрите, о судьи, – говорит Христос, – что тяжелее, добро или зло этого человека”. [“Тяжелее добро”.] “Пусть же тогда отправляется он со своим добром в сонм ангельский”, – говорит Христос. Подходят к нему ангелы с пустыми руками. “Приветствуем тебя”, – говорит один; “пусть идет ко мне”, – говорит другой. “Равны добро и зло этого человека”. “С нами он наполовину”, – говорит дьявол. “Да не будет разделена душа, – говорит Христос, – ибо больше моя власть, пусть идет со мной”. “Тяжелее зло этого человека”. «Пусть идет же он со своим злом к тем, кто придет [к нему]”. Подходят к нему демоны и дурно приветствуют его. “Горе тебе, – говорят они, – горе и страдания ждут тебя”». (ДПЦН § 4). Двоичное разделение можно увидеть в тексте *Saltair na Rann*, стихотворного переложения библейской истории: «Каждый праведник с высшей чистотой / одесную Бога Живого – вечное служение – / каждый неправедный человек в позоре / ошуюю во ад» (SR, ll. 8333–8336).

говорят в пользу ирландского происхождения.⁶ В этом сборнике мы находим следующий отрывок:

Четыре группы, которые определяются на суде. Две группы из них, то есть *boni ualde* и *mali ualde*, не подвергаются суду. Ибо нечестивые будут пребывать вечно с дьяволом, как праведные и совершенные с Христом. Две другие группы, то есть *boni non ualde* и *mali non ualde*, предстанут перед судом. И рассудит их и будет им сказано: Изыдите и приидите. Воскреснет нечестивый, чтобы быть осужденным, праведный, чтобы судить. Страшен суд. (McNamara 1996: 57–58)

Как видим, здесь, как и в *Повести о Страшном суде*, разграничение четырех категорий душ проводится по признаку того, будут или не будут они подвергаться суду. При этом здесь ничего не говорится о том, какое воздаяние ждет *boni non valde* и *mali non valde*. Однако, судя по тому, что сразу вслед за их упоминанием идет отсылка к цитатам, постоянно используемым в этом контексте, в том числе и в *Повести о Страшном суде*: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам» (Мф. 25:34) и «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25:41) – можно предположить, что, опять же как и в *Повести*, *boni non valde* будут оправданы, а *mali non valde* осуждены на вечные мучения.

Свидетельство *Кельтского катехизиса* важно и в том отношении, что присутствие четверного разделения душ в ирландской традиции тем самым переносится как минимум на век ранее (по сравнению с текстами *Знамений* и *Повести о Страшном суде*) и должно постулироваться уже для X века.

Обсуждая возможные источники этой традиции, Сеймур привлекает внимание к англо-саксонским параллелям, видению Дрихтхельма (HE, V, xii, pp. 488–99)⁷, виде-

⁶ О рукописи и ее возможных ирландских связях: (McNamara 2000).

⁷ См. русский перевод: (Эрлихман 2001).

нию монаха из Венлока (*Epistolae selectae*, 7–15) и проповедам Эльфрика (а именно *Проповеди на рождество апостола Павла* – Thorpe, I, 396). Если в видении монаха из Венлока четверное разделение фигурирует опосредованно и выводится скорее из анализа различных локусов, отведенных разным категориям душ, то в видении Дрихтхельма и в проповеди Эльфрика оно обозначается прямым текстом. Поскольку сходный отрывок обнаруживается в *De varietate librorum* Хаймо Гальберштадтского (ум. 853 г.) (PL 118, col. 942–943), на которого ссылается Эльфрик (не в этой конкретной проповеди, а в других местах), Сеймур полагает, что, «весьма вероятно, эта конкретная форма четверного разделения как в ирландской, так и в англо-саксонской религиозной литературе непосредственно основывается на *De varietate librorum*» (Seymour 1923: 196–197). Как можно видеть, этот отрывок из Эльфрика действительно напоминает ирландскую традицию:

Апостолы и все избранные, подражавшие им, будут судьями вместе с Христом в этот великий день. На Страшном суде будет четыре сонма, два избранных и два отвергнутых. Первый сонм будет состоять из апостолов и их подражателей, которые отреклись от всего мирского во имя Божье: они будут судьями и не подвергнутся суду. Второй сонм будет состоять из верующих этого мира; им будет вынесен приговор, так что будут они отделены от товарищества отвергнутых, и так скажет Господь: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». Один сонм будет состоять из тех отвергнутых, кто знал Бога, но не взращивал своей веры по заповедям Божьим: они будут осуждены. Другой сонм будет состоять из тех язычников, которые не знали Бога: о тех исполнится слово апостола «те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут». Этим двум сонмам скажет праведный Судья: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

Однако исследования источников, на которые опирался Эльфрик, показали, что текст *Проповеди на рождество апостола Павла* именно в той части, в которой речь идет о разделении душ, восходит к трудам не Хаймо Гальберштадтского, а Юлиана Толедского. В сборнике цитат, справочнике, сохранившемся в рукописи *Boulogne-sur-Mer 63* и представляющем собой список с рукописи, которой, несомненно, пользовался Эльфрик, первой идет выборка из *Прогностикона* Юлиана (PL 96, col. 513–514), которую, как продемонстрировал М. Гэтч, использовал Эльфрик при написании *Проповеди на рождество* (Gatch 1966). Впрочем, стоит отметить, что в сборнике текст Юлиана несколько расширен и дополнен, а характер этих дополнений позволяет предположить, что Эльфрик обращался к трудам и Юлиана, и Хаймо Гальберштадтского. Так, указание на то, что первый сонм совершенных отрекся при жизни от всего мирского, мы находим у Хаймо (*unus [ordo] iudicantium cum Domino, qui reliquerunt omnia*), но не встречаем ни у Юлиана, ни в рукописи справочника. Описание сонма грешников, которые знали Бога, но не соблюдали его заповедей, сходным образом передается у Эльфрика, в булонском сборнике и у Хаймо (*unum eorum qui fidei Christianae mysteriis initiati, opera fidei exercere contemnunt*), тогда как у Юлиана нет таких подробностей (*aliter quoque ordo reproborum est, qui iudicabuntur et peribunt*). Впрочем, если Эльфрик и заимствовал какие-либо детали у Хаймо, предположение Сеймура о том, что именно к *De varietate librorum* восходят представления о разделении душ на четыре группы в островной традиции, можно считать не подтвердившимся.

Иной взгляд на соотношение ирландской и англо-саксонской традиции представлен в работе А. Кабир. Опираясь на аргументы, выдвигавшиеся против концепции Сеймура, видевшего в ирландской церкви источник островной эсхатологии, она замечает относительно *Видения Адамнана*, что «нельзя исключать возможность того, что ирландский автор познакомился со схемой четверного разделения после того, как ей придали широкое хождение Беда и Бонифаций, и вплел его в ткань собственной эклектической эсхатологии» (Kabir 2004: 93). Несмотря на то,

что скептическое отношение к «гэлоцентрическим» взглядам на историю островной церкви и религиозной мысли представляется вполне оправданным, в данном конкретном случае аргументы исследовательницы заслуживают более пристального рассмотрения. А. Кабир выдвигает три довода: 1) понятие «кельтского» загробного мира довольно проблематично; 2) различные кельтские тексты по-разному локализуют «загробный мир»: в море, под ним или над ним, в пещере или под холмом; 3) жанры «плаваний» и «приключений», в которых нашли выражение эти представления, ставят много вопросов о терминологии, взаимовлиянии и датировке (id., 92).

Хотя с этими общими соображениями сложно не согласиться, следует отметить тот факт, что они касаются в первую очередь, по-видимому, тех текстов, которые действительно отмечены существенным влиянием кельтского фольклора. За подобными обобщениями стоят представления об ирландской традиции как о достаточно однородной системе идей и воззрений, в том числе и на загробную жизнь, тогда как стоит подчеркнуть, что она весьма далека от однородности, и в произведениях разных жанров можно встретить самые разные эсхатологические концепции. Если для «плаваний» и «приключений» действительно характерен сплав визионерской христианской традиции с фольклорными элементами, вероятно, восходящими еще к до-христианской эпохе, то религиозные проповеди и трактаты, о которых идет речь в нашей статье и в которых в первую очередь и наблюдается последовательное использование четверного разделения душ, опираются прежде всего на собственно христианскую латинскую традицию. Иными словами, эти аргументы справедливы применительно к понятию «загробного мира», реконструируемого для до-христианской эпохи и следов этих представлений, проникших в дошедшие до нас тексты⁸.

Что касается *Видения Адамнана*, то, как мы уже отмечали, на некоторые сложности наталкивается сама попыт-

⁸ О «кельтском» видении Иного мира и проблемах, возникающих при попытке его вычленения, см. (Sims-Williams 1990).

ка вычленения в повествовании явственных следов схемы разделения душ на четыре группы; кроме того, хотя действительно существует возможность, что его автор создавал описания разных локусов загробного мира, опираясь на видения, получившие популярность в передаче Беды и Бонифация, свидетельство *Кельтского катехизиса* показывает, что такая схема была хорошо знакома ирландцам в тот период, к которому относят составление *Видения*. Иными словами, если наполнение схемы на самом деле могло основываться на видениях Дрихтхельма и монаха из Венлока, то саму схему автор мог заимствовать из уже известной ему ирландской (гиберно-латинской) традиции. И, наконец, нужно еще раз подчеркнуть, что в этих видениях различные категории душ ассоциируются с различными локусами и если у Бонифация мы не встретим четкого указания на четыре группы и на признаки, по которым они разделяются, то у Беды эта четверичная схема сформулирована с полной ясностью (HE, p. 494). Как и у Беды, строго разграничиваются категории душ и в приведенной выше проповеди Эльфрика, который первым в древнеанглийской литературе дал четкую схему четверного разделения (Gatch 1966: 483), а также в ирландских текстах, обсуждаемых в данной статье, где последовательно проводится разграничение четырех *ordines*, получающих соответствующие наименования (*mali valde, boni valde* и т.д.). Если эти наименования отсутствуют или фигурируют другие обозначения (*unus ordo, alius ordo...*), то само четверичное разделение недвусмысленно сформулировано в преамбуле. По этим причинам *Видение Адамнана* нельзя считать показательным и следует сосредоточить внимание на других свидетельствах, дающих более ясное представление о бытовании четвероякой схемы разделения душ в ирландской традиции.

На наш взгляд, имеется еще одно важное свидетельство, по каким-то причинам не рассматривавшееся в связи с представлениями о разделении душ. В так называемом *Ирландском собрании канонов* (*Collectio canonum hibernensis*), составленном между 716 и 725 гг. (см. Thurneysen 1908; Kéry 1999: 73–77), под заголовком *De cura pro mortuis* мы находим следующий отрывок:

Собор говорит: Четырема способами предстательствует церковь за души усопших: за *valde boni* [творят] благодарения, в которых нет ничего, что очищало бы [от грехов] (*pro valde bonis gratiarum actiones sunt, in quibus nihil habet, quod debeat*), за *valde mali* утешение живым, за *non valde boni*, чтобы [им было даровано] полное прощение, за *non valde mali*, чтобы смягчить приговор.

Августин говорит: Есть три рода приношений: за *valde boni* благодарения, то есть приносят благодарность Богу за то, что они хорошо жили, умиловительные жертвы за *non valde mali*, за которых благочестиво и полезно творить пожертвования или милостыню, если только они имели какие-либо заслуги при жизни, за *valde mali*, если и нет никакого вспомоществования мертвым, однако утешение живым, то есть бедным.

Римский собор: *Valde boni* не нуждаются в искуплении после смерти, ибо сами себя освободили при жизни; за *valde mali* это не обязательно, ибо о них решено, что это бесполезно, кроме разве что милостыни, приносимой живыми и разделяемой между бедными; за *non valde mali* и *non valde boni* следует творить приношения и молитвы и милостыню и пост, если только при жизни они объявляли себя верующими. (СН 50)

Ссылка на Августина говорит о том, что этот отрывок может восходить напрямую к его *Энхиридиону*, а именно к главе 110 (PL 40, col. 283–284), где содержится известное определение:

Таким образом, когда приношения, либо служба, либо милостыня, творятся за крещеных усопших, это благодарственные приношения за *valde boni*, искупительные жертвы за *non valde mali*, [если они приносятся] за *valde mali*, то даже если они не помогают мертвым, [то служат] некоторым утешением для живых. Тем же, для кого они полезны, они полезны либо тем, чтобы [им было

даровано] полное прощение, либо, по крайней мере, чтобы смягчить приговор.

Этот пассаж был подробно рассмотрен в связи с историей формирования представлений о чистилище в знаменитом труде Жака ЛеГоффа (LeGoff 1990: 73), который видел в нем исходную точку развития подобных взглядов. В связи с приведенной цитатой из *Собрания* нужно отметить, прежде всего, следующую особенность: к тексту *Энхиридиона* гораздо ближе первая часть цитаты, относимая к постановлениям некоего Собора, тогда как фрагмент, приписанный Августину, по-видимому, заимствован из какого-то другого источника. Возможно, атрибуции *Synodus ait* и *Augustinus ait* были переставлены местами либо по ошибке составителей текста, либо в процессе переписывания.

Несмотря на очевидную близость указанного фрагмента тексту *Энхиридиона*, нельзя не обратить внимание на одно существенное расхождение: если у Августина упоминаются только три разряда душ – *valde boni*, *valde mali* и *non valde mali*, то в *Собрании* мы видим все четыре категории (включая *non valde boni*). Стоит указать на то, что, по мнению самого ЛеГоффа, в *Энхиридионе* «Августин подробнее всего раскрывает свою концепцию четырех видов людей» (id., 73); однако А. Кабир полагает, что показательным является использование Августином именно трех, а не четырех обозначений, при том что у Августина не наблюдаются и содержательные различия между *non ualde boni* и *non ualde mali*, так как и тем и другим равно требуются молитвы живых (Kabir 2004: 29). Как бы то ни было, очевидно, что составители *Собрания* либо сами ввели обозначение *non valde boni* в текст, восходящий к Августину, опираясь, возможно, на уже известные им образцы четверного разделения, либо пользовались таким текстом *Энхиридиона* или выдержками из него, в которых уже была введена эта категория.

Характерно, что среди источников составителей кроме Августина и постановления некоего «римского собора»

(*Sinodus Romana*), который, как указывает Вассершлебен, издатель текста, не удается идентифицировать (ССН, ix, п.8)⁹, здесь упоминается и неназванный собор (*Synodus ait*). В подобных случаях, по мнению Вассершлебена, речь может идти о собственно ирландских соборах (ССН ix).

Наличие этого текста позволяет с полной уверенностью говорить о том, что разделение душ на четыре группы было известно ирландцам уже в первой половине VIII века. Таким образом, возникает вопрос о соотношении текста *Собрания* и упоминавшихся выше видений Дрихтхельма и монаха из Венлока. В своей работе А. Кабир обсуждает вероятность того, что и Бонифаций, и Беда опирались на *Прогностикон* Юлиана Толедского, и предполагает, что «так как *Прогностикон* был написан около 688 г., быстрое перемещение рукописей из Испании в островные монастырские центры могло обеспечить появление этого труда в Англии в 30-летний период» (Кабир 2004: 94). По мнению исследовательницы, Беда был знаком и с видением монаха из Венлока, и с *Прогностиконом*, который, возможно, дошел до него «при ирландском посредничестве» (id., 97).

Таким образом, можно было бы предположить, что *Прогностикон* мог быть известен ирландцам в начале VIII века, то есть во время составления *Собрания канонов*. Однако имеются все основания полагать, что если труд Юлиана Толедского и был знаком составителям сборника, он никак не отразился в самом тексте: внимание составителей сосредоточено на заступничестве за души умерших, и, соответственно, на четыре группы они разделяются, исходя из того, какую пользу им способны принести живые, тогда как Юлиан не упоминает о возможности облегчить участь усопших и проводит разграничение, основанное

⁹ Под обозначениями *Synodus Romana*, *Romani dicunt*, *Disputatio Romana*, *Institutio Romana* приводятся, например, выдержки из постановлений греческих и африканских соборов, *Собрания ранних канонов* (*Statuta ecclesiae antiqua*), папских декретов, а в ряде случаев – постановления соборов, проведенных св. Патриком (ССН ix).

совсем на другом принципе: подлежащие суду / не подлежащие суду и осужденные / оправданные.

Соотношение «августиновского»¹⁰ и «юлиановского» вариантов четверного разделения в англо-саксонской и ирландской традициях требует особого рассмотрения, и здесь мы остановимся лишь на некоторых предпосылках. По-видимому, хронологически «августиновский» вариант предшествовал «юлиановскому». Нам неизвестно, когда появился «юлиановский» вариант и был ли его автором сам Юлиан. Хотя он обычно указывает свои источники и, в частности, приводит обширные цитаты из *Энхиридиона* (PL 96, col. 510) именно в той части *Прогностикона*, где говорится о Страшном суде и разделении душ, в главе, содержащей собственно описание «юлиановской» версии разграничения (*Prognosticon III, xxxiii De ordine futuri iudicii*), он не ссылается ни на каких других церковных писателей, и это дает основание полагать, что, возможно, именно ему принадлежит авторство этого варианта.

Естественно, оба варианта сосуществовали, иногда в разных трудах одних и тех же авторов¹¹. Интересно, что

¹⁰ То есть, восходящего к Августину, с одной существенной оговоркой: под «августиновским» вариантом мы будем иметь в виду четверное разделение, включающее категорию *non valde boni*, которую сам Августин прямо не упоминает.

¹¹ Иногда можно наблюдать разнесение сфер употребления разных вариантов по жанрам произведений. Например, традиция, восходящая к *Ирландскому собранию канонов*, продолжается в *Постановлениях Бурхарда Вормского* (ср. *Libri decretorum* PL 140, col. 1043), Ива Шартрского (*Decretum* PL 161, col. 1000) и Рабана Мавра (*De clericorum institutione* PL 107, col. 358), что неудивительно ввиду того, что все они представляют собой сборники канонического права. В конечном итоге к Юлиану, по-видимому, восходит традиция, прослеживаемая, например, в трудах Рихарда Сен-Викторского (*In Apocalypsim libri vii* PL 196, col. 857) и Гонория Августодунского (*Elucidarium* PL 172, col. 1166). Показателен пример Хаймо Гальберштадтского, который в одном своем труде прямо ссылается на Августина, цитируя тот самый отрывок из *Энхиридиона*, на который, очевидно, опирались составители *Ирландского собрания канонов* (*Expositio in D. Pauli epistolas* PL 117, col. 628), но в уже упоминавшемся

один из примеров их взаимовлияния, по-видимому, можно наблюдать в видении Дрихтхельма, где дается описание видов воздаяния разным категориям душ. Одну из категорий составляют души тех, кто раскаялся лишь на смертном одре и, тем не менее, после загробных мучений отправится на Страшном суде в Царство небесное. Беда говорит про них: *Multos autem preces uiuentium, et elemosynae, et ieiunia, et maxime celebratio missarum, ut etiam ante diem iudicii liberentur, adiuuant* (HE, p. 494). Это подчеркивание важной роли, которую может сыграть заступничество живых за умерших, напрямую отсылает к основной мысли Августина. Сходным образом, нельзя исключать возможность того, что и сами обозначения *mali valde, mali non valde, boni valde* и *boni non valde* на каком-то этапе проникли из «августиновского» варианта в «юлиановский».

Приведенные нами свидетельства, на наш взгляд, говорят о том, что взгляды на взаимовлияние и пересечение ирландской и англо-саксонской традиций в том, что касается представлений о четверном разделении душ, нуждаются в пересмотре и переосмыслении. Очевидно, что эти представления, как показывает *Ирландское собрание канонов*, были известны ирландцам еще в начале VIII века, и это позволяет исключить Беду и Бонифация из числа возможных источников, которыми пользовались составители *Собрания*¹², а также уточнить хронологию проникновения этих взглядов в ирландскую эсхатологию, существенно отодвинув верхнюю временную границу¹³. С другой стороны, вероятнее всего, ирландские (и гиберно-латинские) тексты, восходящие к «юлиановскому» варианту – то есть фрагменты из *Кельтского катехизиса*, *Знамений* и

сочинении *De varietate librorum* проводит разграничение душ по образу Юлиана (PL 118, col. 942–943).

¹² Показательно, что в тексте канонов мы не найдем ссылок на какие-либо произведения Беды.

¹³ Тем самым пересматривая устоявшееся мнение, выраженное, например, в статье Сеймура: «The Irish church held, at all events in its later period, that after death the souls of men were divided into four classes» (Seymour 1923: 191) (курсив наш. – С.И.).

Повести о Страшном суде – не связаны с *Собранием канонов* и представляют отдельную ветвь традиции, источником которой могут быть как латинские, так и англо-саксонские образцы. По нашему мнению, предпочтительнее предположить их связь именно с латинской традицией, которая в таком случае будет выступать в роли общего источника для ирландских и англо-саксонских вариантов; по крайней мере, анализ текстов, которыми мы располагаем на данный момент, не дает возможности провести убедительные эксклюзивные параллели между ирландскими и англо-саксонскими свидетельствами, и в отсутствие таковых представляется методологически более правильным придерживаться версии независимого заимствования мотива четверного разделения ирландскими и англо-саксонскими церковными авторами из латинской традиции.

В не раз упоминавшемся исследовании Сеймур привлек внимание к одному важному моменту: если в текстах *Знамений* и *Повести о Страшном суде* (теперь к ним следует добавить и *Кельтский катехизис*, неизвестный Сеймуру) разделение душ происходит на Страшном суде, то в *Видении Тнугдала* души разделяются сразу после смерти (Seymour 1923: 191–192). Это различие он, на наш взгляд, совершенно справедливо, обосновывает тем, что *Видение Тнугдала* уже несет в себе явные признаки сформировавшихся ко времени его написания представлений о Чистилище (Seymour 1926: 98–100).¹⁴ Это существенное отличие выделяет *Видение Тнугдала* из остальной группы обсуждаемых ирландских текстов и дает основание предположить, что его автор пытался совместить четверное разделение предшествующей традиции с концепцией Чистилища, и, вероятно, именно эта попытка совмещения представлений, имеющих различное происхождение и временную привязку (разделяются ли души на Страшном

¹⁴ Об этом же может говорить и отмечавшийся нами выше факт, что, в отличие от *Кельтского катехизиса* и *Повести о Страшном суде*, в *Видении Тнугдала* *tali non valde* отправляются не в ад, а в рай, что естественно именно в концепции Чистилища, в котором они очищаются от грехов.

суде или сразу после смерти) привела к созданию довольно противоречивого загробного ландшафта, сочетающего, подобно *Видению Адамнана*, признаки различных эсхатологических воззрений.

Несмотря на то, что четверное разделение душ в ирландских текстах отчетливо распадается на два варианта, восходящих к разным источникам, которые мы обозначили как «августиновский» и «юлиановский», их взаимопроникновение в рамках самой ирландской традиции, возможно, отражает тот факт, что именно в ней происходит переход обозначений *valde boni* etc. из «августиновского» в «юлиановский» вариант. По крайней мере, приложение этих обозначений к четырем категориям душ, разделяемым по принципам подлежащие / не подлежащие суду и осужденные / оправданные, по-видимому, характерно только для ирландских (гиберно-латинских текстов): мы видим их и в *Кельтском катехизисе*, и в *Повести о Страшном суде*, и (в ирландском переводе) в тексте *Знамений*, в то время как соответствующая латинская и англо-саксонская традиции строго резервируют эти термины для «августиновского» варианта, прибегая для наименования категорий душ «юлиановской» ветви к другим выражениям.¹⁵ Если это действительно так и перенесение терминов для категорий душ из «августиновского» в «юлиановский» вариант произошло на ирландской почве, это дает основание выделять ирландскую традицию в качестве особого подварианта «юлиановского» типа.

Подводя итоги, можно заметить, что четверное разделение душ не является специфической чертой ирландской традиции, поскольку в ее рамках существовали и другие разграничения (троичное, двоичное – см. прим. 5) и, кроме того, оно было свойственно эсхатологическим воззрениям, широко распространенным в средневековой

¹⁵ Ср. *unus ordo perfectorum, alius ordo electorum, unus ordo [reproborum], alter ordo reproborum* у Юлиана Толедского, *perfectorum / reproborum ordo unus / alius* у Хаймо Гальберштадтского, *unus ordo, alter justorum, tertius impiorum, quartus malorum* у Гонория Августодунского и т.д.

религиозной мысли начиная со времен Юлиана Толедского. Тем не менее, эта схема – в «августиновском» варианте – проникла в ирландские тексты сравнительно рано, и свидетельства ее бытования относятся уже к началу VIII века. В более поздних текстах представлена «юлиановская» версия, которая восходит, возможно, к латинским источникам (Юлиан Толедский, Хаймо Гальберштадтский), но нельзя исключать посредничества островной латинской (Беда, Бонифаций) или англо-саксонской традиций (Эльфрик). В пользу непосредственного возведения ирландской концепции к ранним латинским образцам свидетельствует специфическое для ирландских текстов совмещение некоторых черт «августиновского» и «юлиановского» вариантов, возникшее, судя по всему, не позднее X века собственно на ирландской почве и отличающее ирландскую версию от латинских и англо-саксонских параллелей. Естественно, этот ирландский вариант мог черпать те или иные заимствования из других сходных (вероятно, латинских) текстов: так, развернутое описание из *Повести о Страшном суде*, сохраняя характерные для ирландского варианта черты, отличается от гораздо более сжатых свидетельств прочих ирландских сочинений и, возможно, привлекает материал латинских гомилий или визионерской литературы, к которой относится, в частности, и *Видение Тнугдала*, отражающее переходный этап, на котором схема разделения душ на четыре группы, предлагавшаяся изначально для описания Страшного суда, начинает интегрироваться в уже сформировавшуюся, но еще не принятую официально концепцию Чистилища.

Литература

- ВА – Иванов С. В. Видение Адамнана (перев. со среднеирланд., вступит. ст. и коммент.) // Кентавр. *Studia Classica et mediaevalia*, № 3. 2006. С. 329–354.
- ДПЦН – Иванов С. В. Две печали Царства Небесного (перевод со среднеирланд., вступит. ст. и коммент.) // Кентавр. *Studia Classica et mediaevalia*, № 4. 2008. С. 225–238.
- Эрлихман 2001 – Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. Пер. В.В. Эрлихман. СПб 2001.
- Airdena – Stokes W. (ed.) The fifteen tokens of Doomsday // *Revue Celtique*. Vol. 2. 1907. P. 308–326.

- CCH – Wasserschleben H. Die irische Kanonensammlung. Giessen 1874.
- Dumville 1977/78 – Dumville, Towards an Interpretation of *Fis Adomnan* // *Studia Celtica*. Vol. 12/13.
- Epistolae selectae – MGH *Epistolae selectae* 1 (1916) 7–15 Tomus I. S. Bonifatii et Lulli epistolae. Die Briefe des Heiligen Bonifatius und Lullus, ed. M. Tangl. Berlin, 1916.
- Gatch 1966 – Gatch M. McC. MS Boulogne-sur-Mer 63 and Ælfric's first series of catholic homilies // *Journal of English and Germanic Philology*. Vol. 65. P. 482–490.
- HE – Colgrave B. and R. A. M. Mynors (eds. and trans.). *Bede's Ecclesiastical History of the English People*. Oxford, 1991.
- Hudson 2000 – Hudson B. *Time is short: The Eschatology of the Early Gaelic Church / Last Things. Death and the Apocalypse in the Middle Ages*. Ed. C.W. Bynum and P. Freedman. Philadelphia, 2000. P. 101–124.
- Kabir 2004 – Kabir A.J. *Paradise, Death and Doomsday in Anglo-Saxon Literature*. (Cambridge Studies in Anglo-Saxon England 32.) Cambridge, 2004.
- Kéry 1999 – Kéry L. *Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140): A bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature (History of Medieval Canon Law, ed. by W. Hartmann and K. Pennington)*. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1999.
- LeGoff 1990 – LeGoff J. *The Birth of Purgatory*. Tr. A. Goldhammer. Cambridge, 1990.
- McNamara 1975 – McNamara M. *The apocrypha in the Irish church*. Dublin, 1975.
- McNamara 1996 – McNamara M. *Some Aspects of Early Medieval Irish Eschatology / Irland und Europa im früheren Mittelalter: Bildung und Literatur*. Ed. Próinséas Ní Chatháin and Michael Richter. Stuttgart, 1996. P. 42–75.
- McNamara 2000 – McNamara M. *The Irish affiliations of the Catechesis Celtica / McNamara M. The Psalms in the Early Irish church*. (Journal for the study of the Old Testament. Supplement series 165.) Sheffield 2000. P. 417–469.
- McNamara 2007 – McNamara M. *The (fifteen) signs before Doomsday in Irish tradition* // *Warszawskie Studia Teologiczne*. Vol. XX. № 2. P. 223–254.
- PL – *Patrologiae latinae cursus completus*. Ed. J.-P. Migne.
- Seymour 1923 – Seymour St. John D. *The Eschatology of the Early Irish Church* // *Zeitschrift für Celtische Philologie*. Bd. 14. P. 179–211.
- Seymour 1926 – Seymour St. John D. *Studies in the Vision of Tundal* // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. Vol. 37, sec. C. P. 87–106.
- Sims-Williams 1990 – Sims-Williams P. *Some Celtic Otherworld Terms / Celtic language, Celtic culture: A Festschrift for Eric P.*

- Hamp. Ed. A.T.E. Matonis and D.F. Melia. Van Nuys, California, 1990. P. 57–81.
- SLB – Stokes W. (ed.) *Tidings of Doomsday // Revue Celtique*. Vol. 4. 1879–80. P. 245–257.
- SR – Stokes W. *The Saltair na rann / Anecdota Oxoniensia: Texts, documents, and extracts chiefly from manuscripts in the Bodleian and other Oxford Libraries: Mediaeval and Modern Series*. Vol. 1, part 3. Oxford, 1883.
- Thorpe – Thorpe B. *The homilies of the Anglo-Saxon church. The first part, containing the Sermones Catholici, or homilies of Ælfric. In the original Anglo-Saxon, with an English version*. Vol. 1. London 1844.
- Thurneysen 1908 – Thurneysen R. *Zur irischen Kanonensammlung // Zeitschrift für Celtische Philologie*. Bd. 6. P. 1–5.
- Visio Tnugdali – Pfeil B. *Die "Vision des Tnugdalus" Albers von Windberg. Literatur- und Frömmigkeitsgeschichte im ausgehenden 12. Jahrhundert. Mit einer Edition der lateinischen "Visio Tnugdali" aus Clm 22254. (Mikrokosmos. Beiträge zur Literaturwissenschaft und Bedeutungsforschung, 54.)* Frankfurt am Main, 1999.

Summary

This paper deals with the fourfold division of souls which has long been considered “a feature of Medieval Irish eschatology”. Our aim was to show that although it has a demonstrably long history within the Irish tradition, its origin and development follow the lines of the general eschatological thought of that time based upon the works of Augustine and Julian of Toledo. The peculiarity of the Irish tradition may be seen in that it combined some features of their views to present a version distinct from the continental counterparts. A case is also made for deriving fourfold division as it stands in the Irish texts directly from the Latin tradition, against attempts to link it with the Anglo-Saxon intermediaries.

Н. С. Исакова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ «DEER» И «LOW»

Резюме. В статье рассматривается лексико-семантическое варьирование английских прилагательных «deer» и «low» в микро- и макроконтексте на материале современной английской прозы. Микро- и макроконтексты выступают базой лексико-семантического функционирования данных прилагательных при передаче параметра предмета, уровня, чувства, звука, цвета, еды, учитывая вербальные, ситуативные и психологические факторы.

Ключевые слова: лексико-семантическое варьирование, микроконтекст, макроконтекст, система перцепции, концептуальная картина мира, закон категоризации, параметрическая характеристика; lexical-semantic variation, the micro context, the macro context, the system of perception, the conceptual world picture, law of categorization, the parametric characteristic.

Имя прилагательное относится к знаменательным частям речи. Так, в русском языке, по данным «Частотного словаря современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт доля прилагательных составляет 15,48% (для сравнения: существительные – 37,46%, глаголы – 24,74%, наречия 6,8%, причастия 8,36%; доля других частей речи (местоимений, предлогов, числительных) не превышает 0,33%) (Кислицына 2002: 7).

С самого начала английской грамматической традиции вплоть до конца XVII–нач. XVIII веков имя прилагательное не было самостоятельной частью речи. Вместе с существительным оно входило в состав имени (результат влияния греко-латинской грамматической традиции).

Лишь в начале XVIII века английские грамматисты, отказываясь от понятия имени, выделили прилагательные и существительные в качестве самостоятельных частей речи (Гуреев 1988: 4).

Вариативность как фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка –

одна из актуальных проблем языкознания. По мере развития общей теории языка формировались разные концепции и теории вариативности, поскольку она пронизывает всю языковую систему и ее функционирование. Этим объясняется как выделение различных видов вариативности, так и неоднозначность толкования данного феномена лингвистами. Однако до настоящего времени проблема толкования лексико-семантического варьирования прилагательных, по нашему мнению, не решена.

Нами в ходе исследования лексико-семантического варьирования прилагательных были использованы произведения «Гарри Поттер» известной британской писательницы Дж. К. Роулинг и произведена выборка отдельных видов прилагательных. В данной статье мы представляем прилагательные *deep – low*, обозначающие параметры объектов, которые составили 44 примера или 15,7%.

Мы остановились на исследовании прилагательного «*deep*» при обозначении параметров предмета в значении «глубокий», например: «*Oh Bertha's hopeless, all right,*» said Percy. «*I hear she's been shunted from department to department for years, much more trouble than she's worth ... but all the same, Bagman ought to be trying to find her. Mr. Crouch has been taking a personal interest, she worked in our department at one time, you know, and I think Mr. Crouch was quite fond of her - but Bagman just keeps laughing and saying she probably misread the map and ended up in Australia instead of Albania. However*» – Percy heaved an impressive sigh and took a ***deep*** swig of elderflower wine – «*we've got quite enough on our plates at the Department of International Magical Cooperation without trying to find members of other departments too. As you know, we've got another big event to organize right after the World Cup*».

Как видно из данного примера, понятие *deep* представлено как глубокий, большой глоток.

Рассмотрим другой пример. *Hermione ran to hold open the gate as Hagrid lifted Malfoy easily. As they passed, Harry saw that there was a long, **deep gash** on Malfoy's arm; blood splattered the grass and Hagrid ran with him, up the slope toward the castle.*

В данном примере описывается глубокая рана Малфоя, полученная от когтей Гиппогрифа (животное, ростом с лошадь, но имеющее острые когти как у птицы). От удара

и боли Малфой скрутился в клубок, а из раны быстро стекла кровь.

Читателям характеристика раны Малфоя передается с точки зрения Гарри «*As they passed, Harry saw that there was a long, deep gash on Malfoy's arm*», который не любил данного героя. Несмотря на свою нелюбовь к Малфойю, Гарри оценил рану своего недруга, как *deep gash* – глубокую рану, приносящую боль.

Иную смысловую нагрузку несет *deep* в следующем примере:

Harry had gripped the Bowtruckle so hard that it had almost snapped, and it had just taken a great retaliatory swipe at his hand with its sharp fingers, leaving two long deep cuts there. Harry dropped it. Crabbe and Goyle, who had already been guffawing at the idea of Hagrid being sacked, laughed still harder as the Bowtruckle set off at full tilt towards the Forest, a little moving stick-man soon swallowed up among the tree roots. When the bell echoed distantly over the grounds, Harry rolled up his blood-stained Bowtruckle picture and marched off to Herbology with his hand wrapped in Hermione's handkerchief, and Malfoy's derisive laughter still ringing in his ears.

Данный пример показывает, что главный герой произведения Гарри получил рану от лещурки (существа, ростом с небольшую палку, но имеющие острые, но маленькие пальцы). Порезы не приносят Гарри физической боли и ясно, что они несущественны, так как Гарри не обратился к врачу и продолжал сидеть на уроке. Смысл *deep cuts* здесь выражен как «глубокие, но не болевые и не существенные порезы».

Как видим, в двух различных примерах одно и то же прилагательное несет различную смысловую нагрузку.

Рассмотрим, какой смысл приобретает *deep* с тем же существительным «*cut*» в следующем примере: *Harry plummeted just as the Horntail opened its mouth, but this time he was less lucky – he missed the flames, but the tail came whipping up to meet him instead, and as he swerved to the left, one of the long spikes grazed his shoulder, ripping his robes –*

He could feel it stinging, he could hear screaming and groans from the crowd, but the cut didn't seem to be deep... Now he zoomed around the back of the Horntail, and a possibility occurred to him....

The Horntail didn't seem to want to take off, she was too protective of her eggs. Though she writhed and twisted, furling and unfurling her wings and keeping those fearsome yellow eyes on Harry, she was afraid to move too far from them... but he had to persuade her to do it, or he'd never get near them... The trick was to do it carefully, gradually....

В этом примере явно подчеркивается, что рана от шипа дракона, полученная Гарри Поттером во время состязания, приносит боль Гарри, на что указывает: «*He could feel it stinging*» и реакция болельщиков «*screaming and groans from the crowd*». Однако сам Гарри Поттер посчитал, что рана «*cut didn't seem to be deep*», так как уже в следующую секунду он забывает о ранении и обдумывает план обмана дракона и достижения своей цели – достать яйцо.

Следовательно, приведенный пример «*cut didn't seem to be deep*» означает «несущественная рана».

Можно наблюдать различную смысловую нагрузку *deep* в примерах, когда *deep* выражает глубину шрама и царапин: *There were still deep welts on his forearms where the brain's tentacles had wrapped around him. According to Madam Pomfrey, thoughts could leave deeper scarring than almost anything else, though since she had started applying copious amounts of Dr Ubbly's Oblivious Unction there seemed to have been some improvement.*

Если рассматривать прилагательное *deep* только в пределах словосочетаний *deep welts* и *deeper scarring*, то оно варьирует только по степени сравнения. Однако *deep* и *deeper* в представленном отрезке произведения отличаются и по их смысловому содержанию. В первом упоминании *deep* подчеркивает размер царапины. Во втором примере - *deeper* означает не только глубину телесной раны, а более глубокую душевную рану.

Здесь уместно было бы привести мнение Ю. Д. Апресяна, который предупреждает, что значение прилагательных, выражающих признак глубины, может быть обманчивым при оценке этого признака взглядом наблюдателя сверху вниз (А Апресян 1986: 19). Это означает, что движение взгляда сверху вниз до дна и обратно не в состоянии дать более или менее точную характеристику признака глубины, что мы, и находим в нашем исследовательском

материале: когда описывается рана, то прилагательное глубокий (*deep*) уже выражает глубину этой раны.

Однако *deep* может выражать и больше, чем просто глубину предмета. Рассмотрим примеры, когда рассматривается глубина озера. «Wow!» said Dennis, as though nobody in their wildest dreams could hope for more than being thrown into a storm-tossed, fathoms-deep lake, and pushed out of it again by a giant sea monster. Как видим, у читателя создается впечатление, что озеро не имеет дна, его глубина воображаемая, измеряемая только чувством страха, волнения и вместе с тем восхищения. В следующем примере глубина имеет более четкие границы и позволяет не только измерить, но и достать до дна: Then, when the *deep* pool was full of hot water, foam, and bubbles, which took a very short time considering its size, Harry turned off all the taps, pulled off his pajamas, slippers, and dressing gown, and slid into the water. It was so *deep* that his feet barely touched the bottom, and he actually did a couple of lengths before swimming back to the side and treading water, staring at the egg. Highly enjoyable though it was to swim in hot and foamy water with clouds of different-colored steam wafting all around him, no stroke of brilliance came to him, no sudden burst of understanding.

Сравним глубину ванны и озера. Несмотря на существенные размеры ванны, ее глубина не может сравниться с глубиной озера: A couple of lengths of this bath were all very well, but that lake was very large, and very deep... and merpeople would surely live right at the bottom... При этом Гарри должен был за один час найти в озере русалок, которые живут на самом его дне. В таких условиях, глубина озера не дает возможности Гарри выныривать каждый раз из воды, чтобы набрать воздуха в легкие. Таким образом, *very deep* выражает такой признак глубины озера, который есть сильная преграда для Гарри.

Глубину может иметь и лягушатник: «Professor Lupin had compiled the most unusual exam any of them had ever taken; a sort of obstacle course outside in the sun, where they had to wade across a *deep* paddling pool containing a grindylow, cross a series of potholes full of Red Caps, squish their way across a patch of marsh while ignoring misleading directions from a hinkypunk, then climb into an old trunk and battle with a new boggart». Как видно из текста через водоем можно перебраться вброд (пешком), но эта

незначительная глубина может быть опасна, так как она достаточна для того, чтобы в ней спрятался загрыбаст (небольшое по размеру, но опасное существо).

Интересно варьирование прилагательного *deep*, когда оно выражает параметр не того предмета, к которому относится: *They went out onto the grounds in the afternoon; the snow was untouched except for the **deep channels** made by the Durmstrang and Beauxbatons students on their way up to the castle. Hermione chose to watch Harry and the Weasleys' snowball fight rather than join in, and at five o'clock said she was going back upstairs to get ready for the ball.*

Deep channels свидетельствует не столько о глубине тоннелей, сколько о глубине снега. Постараемся рассмотреть варьирование прилагательного *low*, отличное от *deep* и выражающее не глубину, а высоту предмета. Например: *Professor Snape was sitting in a **low** armchair, and he looked around as the class filed in.* В данном случае *low* обозначает сидение, кресло, расположенное не высоко от земли. Такой же смысл имеет *low* и в следующем примере: «*Bear southeast and keep climbing, there's some **low** cloud ahead we can lose ourselves in!*» called Moody. В данном случае человек летит под облаком, а *low cloud* «низкое облако» воспринимается, как облако, расположенное наиболее близко к земле.

Однако *low* может варьировать и по иным параметрам, например: *The Slytherin common room was a long, **low** underground room with rough stone walls and ceiling from which round, greenish lamps were hanging on chains.* В этом примере описывается невысокая комната. При этом решающим для характеристики параметра комнаты является отношение главного героя произведения – Гарри Поттера, его оценка комнаты. В данном случае прилагательное *low* содержит пейоративный смысловой оттенок – комната неприятна. Такой же смысл принимает *low* и в следующем примере: *Harry had never been inside Filch's office before; it was a place most students avoided. The room was dingy and windowless, lit by a single oil lamp dangling from the **low** ceiling. A faint smell of fried fish lingered about the place. Wooden filing cabinets stood around the walls; from their labels, Harry could see that they contained details of every pupil Filch had ever punished. Fred and George*

Weasley had an entire drawer to themselves. A highly polished collection of chains and manacles hung on the wall behind Filch's desk. It was common knowledge that he was always begging Dumbledore to let him suspend students by their ankles from the ceiling. Filch grabbed a quill from a pot on his desk and began shuffling around looking for parchment. Как видно, *low* характеризует не высоту комнаты, а уровень потолка по отношению к полу. Гарри Поттер воспринимает потолок как мрачный, давящий, неприятный, отталкивающий. В следующем же примере *low ceiling* принимает другой смысл.

Getting back into the tunnel was difficult. Lupin, Pettigrew, and Ron had to turn sideways to manage it; Lupin still had Pettigrew covered with his wand. Harry could see them edging awkwardly along the tunnel in single file. Crookshanks was still in the lead. Harry went right after Black, who was still making Snape drift along ahead of them; he kept bumping his lolling head on the low ceiling. Harry had the impression Black was making no effort to prevent this.

Следует отметить, что пространственное восприятие предметов опирается на визуальное восприятие, которое является одним из главных каналов получения человеком информации об окружающем мире и репрезентируется особенностями организации и функционирования языковых единиц. Например: «*Yes, yes, it's all very sad, but get a grip on yourself, Hagrid, or we'll be found,*» *Professor McGonagall whispered, patting Hagrid gingerly on the arm as Dumbledore stepped over the low garden wall and walked to the front door.* В данном случае низкая садовая ограда воспринимается как невысокая относительно человека и через которую может перешагнуть взрослый человек.

Зрительное восприятие, как система перцепции, было впервые описано в исследованиях Г. Гельмгольца, но не просто как копирование информации, поступающей через орган зрения в мозг. Г. Гельмгольцу принадлежит разбор классического примера: при восприятии двух объектов, большего на расстоянии и меньшего вблизи наблюдателя, сетчатка глаза фиксирует один и тот же образ, но сам наблюдатель при этом воспринимает действительное расположение и форму объектов. Мозг соотносит данные чувствительного восприятия, поступающие на орган зрения, с действительными объектами и воспроизводит двух-

или трехмерные геометрические формы. Зрительная перцепция является неосознанным умственным процессом, опосредованным соответственно чувственным восприятием (Wilson 1999: 256).

При этом биологические характеристики человека, в частности, особенности его анатомического строения, оказывают непосредственное влияние на то, каким образом он воспринимает и познает окружающую его действительность. «Наши пространственные представления связаны с восприятием положения нашего тела в пространстве. Изменение этого положения вносит изменения в пространственные представления, которые находятся в непосредственном контакте с действительностью. Иначе говоря: наши пространственные представления нуждаются в непрерывном притоке информации, говорящей о том, изменилось или нет положение тела человека, являющегося их носителем» (Маслов 1975: 89).

В признаках пространственного членения существует модель расщепления пространства на две части: расположение движения и движение относительно оси и центра, расположение и перемещение по горизонтали и вертикали, в вытянутых плоскостях: верхний – нижний, левый – правый, передний – задний.

Среди всех пространственных измерений как психологически, так и физически наиболее значимым направлением является ось «верх-низ». Главенство вертикального измерения отражает характерную для человека пространственную ориентированность его тела в нормальных условиях, т. е. в положении стоя, которое можно назвать каноническим положением. Заметим, что в ходе лингвистических исследований появились многочисленные доказательства того, что так называемая «вертикальность», будучи неотъемлемой характеристикой человеческого тела, оказывает самое непосредственное влияние на формирование концептуальной картины мира, которая находит отражение в системе языка. В частности, если вести речь о представлении в языке размерных характеристик объекта, то прежде всего в нем находят отражение характеристики его вертикального измерения. Понятие «горизонталь»

включает в себя два измерения: асимметричное «перед-зад» и симметричное «вправо-влево».

«Вне сомнения, — пишет в этой связи В. Н. Топоров, — является актуальной связью между трехмерностью пространства и особенностями физиологического и психологического типа человека. Можно говорить о соответствии трехмерности пространства трем основным координатам, «разыгрываемыми» телом: верх-низ, правая сторона — левая сторона, передняя часть — задняя часть (или близкое — далекое). Характерно, что передняя часть и задняя часть отличаются внешне, т. е. они несимметричны, а правая и левая сторона, будучи симметричными, принципиально отличны друг от друга внутренне, т. е. анатомически и физиологически (Топоров 1983: 253).

Рассмотрим пример о тоннеле, который не только узкий, но и не высокий, в котором даже лежащий человек может стукнуться головой о потолок. Автор следующим образом описывает тоннель: *Harry went next; he crawled forward, headfirst, and slid down an earthy slope to the bottom of a very low tunnel. Crookshanks was a little way along, his eyes flashing in the light from Harry's wand. Seconds later, Hermione slithered down beside him, they moved as fast as they could, bent almost double.*

Здесь прилагательное *low* характеризует тоннель как низкий и неудобный для передвижения человека. Аналогичный смысл *low* прослеживается и в следующем примере: *He held up his wand, muttered, «Lumos!» and saw that he was in a very narrow, low, earthy passageway.*

Рассмотрим примеры, когда *low* является частью составного прилагательного: *Firenze slowed to a walk, warned Harry to keep his head bowed in case of low-hanging branches, but did not answer Harry's question. They made their way through the trees in silence for so long that Harry thought Firenze didn't want to talk to him anymore. They were passing through a particularly dense patch of trees, however, when Firenze suddenly stopped.*

Данный пример свидетельствует о низко свисающих ветках деревьев (следует отметить, что Гарри едет верхом на взрослом кентавре — мифическом существе получеловеке — полулошади). Соответственно, кентавр имеет рост средней лошади, таким образом, Гарри должен про-

гибаться, чтобы не задеть те ветки, основание которых расположено выше головы Гарри, но их конец все же достигает лица наездника.

Описание веток можно наблюдать как *low-hanging*, то есть низко свисающие ветки: «*Yes,*» said Hagrid gruffly, forcing his way through several **low-hanging** branches. He had half the herd on to him.

Рассмотрим случай с Хагридом, который идет, а не едет. При этом он не просто идет, а пробивается через ветки. Принимая в расчет, что Хагрид находится в лесу, он пробивается через ветки деревьев. Следовательно, *low-hanging* здесь ветки, достигающие тела путника, тормозящие его продвижение.

Несмотря на то, что в следующем примере опять описываются *low-hanging branch*, смысл прилагательного отличается от вышеприведенного примера: *Harry and Hermione moved together instinctively and peered through the trees. Ron came into sight, closely followed by Ginny, Neville and Luna. All of them looked a little the worse for wear – there were several long scratches running the length of Ginny’s cheek; a large purple lump was swelling above Neville’s right eye; Ron’s lip was bleeding worse than ever – but all were looking rather pleased with themselves.*

«*So,*» said Ron, pushing aside a **low-hanging** branch and holding out Harry’s wand, «*had any ideas?*»

Описываемое действие происходит в лесу. Гарри и Гермиона идут рядом, Рон, Джинни, Невил и Луна направляются навстречу Гарри и Гермионе. Рон одновременно отодвинул ветку и протянул палочку Гарри. Соответственно, люди остановились и уже не идут. Рон сначала сказал, потом отодвинул ветку и протянул палочку. Таким образом, низко висящая ветка мешала Рону подать палочку. То есть *low-hanging* это ветка, конец которой был расположен ниже лица Рона, она мешает ему подать палочку.

В следующем примере *low* является частью прилагательного *low-slung* и имеет значение «низко расположенный»: *They walked for what seemed like at least half an hour, their robes snagging on low-slung branches and brambles. After a while, they noticed that the ground seemed to be sloping downward, though the trees were as thick as ever.*

В данном примере говорится об идущих путниках и упоминается ежевика, которая, как известно, является низкорослым кустарником. Ветки ежевики, как правило, стелятся по земле. При этом указывается, что деревья росли густо, то есть *branches* относится к веткам деревьев, которые не просто низко расположены от земли, они стелятся по земле.

Рассмотрим еще пример с прилагательным *low-slung*: *A vast, low-slung, hairy body and a tangle of black legs; a gleam of many eyes and a pair of razor-sharp pincers – Riddle raised his wand again, but he was too late. The thing bowled him over as it scuttled away, tearing up the corridor and out of sight. Riddle scrambled to his feet, looking after it; he raised his wand, but the huge boy leapt on him, seized his wand, and threw him back down, yelling, "NOOO!"*

В данном случае описывается тело очень большого паука. Прилагательное *low-slung*, как уже было отмечено, имеет значение «низко расположенный». При применении данного выражения к пауку подразумевается низкое расположение тела паука над полом. Однако, принимая во внимание, что речь идет о пауке, тело которого, как известно, висит на его ногах, то в данном случае *low-slung* обозначает низко висящее тело. Прилагательные «*deer*» – «*low*», являясь одними из слов, указывающих на параметр объекта, всегда выступают как пространственный компонент.

Следует отметить, что пространственные категории признаются наиболее важными категориями для человеческого мышления и восприятия действительности, а также, в некотором смысле, базовыми для других категорий человеческого мышления. По замечанию В. А. Плунгяна, «...не подлежит сомнению тот факт, что в грамматических системах естественных языков пространственные значения занимают привилегированное положение, причем способы их представления и организации необычайно разнообразны» (Плунгян 2002: 5).

Измерение объектов в языке базируется не на геометрических правилах, а на других, более сложных законах категоризации, обусловленных «человеческим фактором». Анализ языковой измерительной системы такого «очеловечественного мира» представляет для нас особый интерес,

поскольку восстанавливая мир, который видится «человеку в «зеркале языка», мы имеем возможность увидеть, в какой степени язык несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время проследить, как происходит восприятие сквозь «призму языка» (Кустова 2000: 85), что собственно, и является одной из центральных задач современного языкознания.

Давая параметрическую характеристику объектам, человек использует систему координат, построенную на основе измерения «верх-низ» (вертикальная позиция человека), асимметрии строения человеческого тела (измерение «перед-зад» на горизонтальной поверхности, «правый-левый» для боковых поверхностей), при этом в языке между координатными осями пространства существует следующая иерархия: 1) вертикаль; 2) фронтальная горизонталь; 3) латеральная горизонталь.

Таким образом, анализ прилагательных *deep, low* показал, что однозначность прилагательных в подавляющем большинстве случаев достигается на уровне микроконтекста.

При обозначении параметров предметов значение прилагательных практически не варьирует, оно постоянно. Однако смысл прилагательных имеет широкую вариацию, и для его выявления необходимо применение макроконтекста, т. е. изучение его варьирования в условиях различных макроконтекстов с учетом следующих факторов: вербального, ситуативного, психологического, параязыкового.

Литература

- Кислицина 2002 – Кислицина Н. Н. Прилагательные со значением обобщенной положительной оценки как фрагмент языковой картины мира (на материале русского, украинского и английского языков). АКД., Киев.
- Гуреев 1988 – Гуреев В. А. Синтаксические аспекты прилагательного // Сб. научных трудов. Вып. 313 Синтаксические структуры в акте коммуникации (нем. яз), М.
- Апресян 1986 – Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М. Вып. 28. С. 5–33.

- Ecological Psychology // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences / ed. by R. A. Wilson & F. C. Keil. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1999.
- Маслов 1975 – Маслов Ю. С. Введение в языкознание М.
- Топоров 1983 – Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М.: Наука. С. 227–284.
- Плунгян 2002 – Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматизация пространственных значений в языках мира / ред. В. А. Плунгян М.: Русское слово.
- Кустова 2000 – Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // ВЯ, №4.

Summary

The paper analyzes lexico-semantic variation of the adjectives «deep» and «low» in the micro- and the macrocontext. The study is based on contemporary English prose. The following lexico-semantic functions of the given adjectives have been examined in micro- and macrocontexts: those conveying the parameters of object, its level, color, along with those of feeling, sound, food. The verbal, situational and psychological factors have been also taken into consideration.

Н. Н. Казанский

ВОЗМОЖНЫЕ СЛЕДЫ ЛИКИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЛИНЕЙНОМ ПИСЬМЕ А

Резюме. Совпадение идеограммы АВ 21 \Uparrow , обозначающей овцу в линейном письме А (заимствовано греками в линейное письмо В) и фонетического значения /qi/ в линейном В позволяет предположить, что создатель линейного письма А был носителем индоевропейского языка, в котором начальный ларингальный переходил в заднеязычный (*H₂wi- или *H₃wi- > kwi). Тем самым подтверждается гипотеза М. Финкельберг, согласно которой за линейным письмом А стоял ликийский язык. Одновременно с этим вносится уточнение в реконструкцию праиндоевропейского слова для овец (*H_{2/3}wi-), а также высказывается предположение об этимологической связи слов *овца* и *H_{2/3}w- \sqrt H₁-neH₂ *овечья шерсть* (волна, хетт. hulana).

Ключевые слова: письменности Эгеиды, линейное письмо А, ликийский язык, индоевропейское обозначение овец.

Попытки дешифровки линейного письма А не прекращаются уже более полувека; по-прежнему доминируют две взаимоисключающие гипотезы – семитская и индоевропейская¹. Основательных данных чрезвычайно немного.

¹ На русском языке представлен обстоятельный разбор, подготовленный И. М. Дьяконовым (Дьяконов 1976: 83–100). Во вступительной статье И. М. Дьяконов, используя псевдоним А. Ф. Деянов, перечислил основные работы, появившиеся к тому времени, а также поместил в переводе И. В. Альтман и Г. А. Бариновой статьи М. Поупа и Г. Ноймана. Статья Поупа представляет собой обзор, выводящий с точки зрения библиографии к 1963 г. Исключительно четкое изложение аргументации М. Поупом свидетельств в пользу семитской и индоевропейской интерпретации до сих пор не утратило своего значения. Разумеется, работы, в которых предпринимаются попытки дешифровки линейного письма А, продолжаются, однако они по-прежнему ограничены теми же подходами (cf. Bartoněk 2003: 26–27): семитский в книге Aartun 1992–1997 и индоевропейский в статье Брауна (Brown 1992–1993: 25–54), а также в цитируемых ниже трудах М. Финкельберг. Следует иметь в виду серьезное

По-прежнему самым интересным и убедительным фактом остается сопоставление, сделанное Г. Нойманом в 1957 г.: он отождествил знак Υ^x , фонетическое значение которого было /ni/, а идеографическое – «смоковница», с $\nu\kappa\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\alpha$, глоссой, сохранившейся в составе критских глосс (Ἐρμῶνιαξ δ' ἐν Γλώτταις Κρητικαῖς σύκων γένη ἀναγράφε ἀμάδεα καὶ νικύλεα – Athen. III, 76f). По поводу этого слова, относящегося к плодовым деревьям (не обязательно эндемным на Крите) высказывались разные мнения. В том числе обращалось внимание на возможность выделить суффикс, не исключающий индоевропейскую принадлежность термина.

Мне представляется, что путь, намеченный Г. Нойманом, отнюдь не исчерпан, и что есть возможность исследовать подробно знаки линейного А, придерживаясь его методологии. За последние годы появилась новая система нумерации знаков линейного письма А, основанная на их идентификации со знаками в линейном письме В. Эту систему нумерации знаков в 70-х гг. прошлого века предложили в издании GORILA Л. Годар и Ж.-П. Оливье (Godart, Olivier 1976–1985). Новая система обозначения пришла на смену системе Резона-Поупа (Raison, Pope 1977; 1981), в которой перед номером знака ставилась звездочка. В новой системе знаки передаются с помощью цифр, перед которыми стоят буквы АВ. Данная статья будет в значительной мере посвящена знаку АВ 21 \uparrow . Следует специально отметить, что попыток отождествлять идеограммы со слоговыми знаками линейных письменностей сами Годар и Оливье не предпринимали. Между тем, идеограмма А306 очень напоминает идеограмму В106. Так как для линейного письма А трудно противопоставить слоговое и идеографическое написание, то под знаком АВ21 в GORILA оказались размещены в том числе и идеограммы.

Линейная письменность класса В в настоящее время изучена достаточно хорошо, хотя фонетическое значение отдельных знаков до сих пор не установлено. Как будто

уточнение, сделанное за последние годы, – это замечание И. Дюю, согласно которому за критской иероглификой и линейным письмом А скрываются разные языки.

также не вызывает сомнения генетическая связь письменности линейного В с линейным А, представленным уже в памятниках XVII в. до н.э. Хронология письменностей Эгеиды (ранне-, средне-, позднеминойский периоды) выглядит примерно следующим образом (Heubeck 1979: 1):

Период	Дата	Вид письменности		
РМ I–III	2600–2000			
СМ Ia-b	2000–1850	Прото- линейное А	Иероглифика	Фестский диск
Па-b	1850–1700			
Ша	1700–1650			
Шб	1650–1550	Линейное А		
ПМ Ia	1550–1500	Линейное В		
Ib	1500–1450			
II	1450–1400			
Ша	1400–1330			
Шб	1330–1200			
Шс	1200–1100			

Происхождение линейного В из линейного А принято всеми микенологами, хотя после находки 1 апреля 1994 г. гальки с надписью линейным письмом В в Кавкании (Godart 1995; Rambach, Godart 1995)², датированной XVI в., возможны некоторые уточнения, при том однако, что далеко не все микенологи верят в подлинность этого предмета. Тем самым, приходится говорить о существовании в бассейне Эгеиды линейной письменности класса А, одну из разновидностей которой позаимствовали греки через некоторое время после своего появления на Балканах и островах Эгейского моря. Распространение линейного письма А в настоящее время известно в регионе от побережья Пелопоннеса (Агиос Стефанос и Кифера) (Duhoux 1985: 29) до Милета и Тель-Лачиша (Израиль) (Bartonek

² К сожалению, книга X. Arapojanni, J. Rambach, L. Godart. *Kavkasia: Die Ergebnisse der Ausgrabung von 1994* (2002), посвященная этой находке, мне оказалась недоступной.

2003: 26–27). Находки недавнего времени на территории Болгарии (Fol, Schmitt 2000) и возможные следы языка линейного письма А в египетских папирусах³ показывают, что центром остается Крит, откуда происходит наибольшее число табличек, а также острова Мелос и Фера.

Перед греками в момент заимствования слоговой системы письма стояла трудная задача адаптировать линейную письменность к родному языку. Между тем тексты линейного письма В демонстрируют удивительное единство использования письменности и оформления документов. Единый набор знаков и общий способ их употребления на огромной и при этом разделенной горами и морскими просторами территории заставляют думать о едином центре, в котором произошла адаптация линейного письма к греческому языку и даже, возможно, об одном человеке (Казанский 2005; 2008), который сумел приспособить слоговую систему письма к греческому языку своего времени.

Кое-что об этой его деятельности мы знаем. Например, И. Дюу (Duhoix 1985 : 26) показал, что знак *dwo* можно рассматривать как удвоение знака *wo*, возможное только в рамках греческого языка ($wo+wo = dwo$ $wo > dwo$). У нас имеется возможность сравнить знаки линейного письма В со знаками линейного письма А, что позволяет увидеть, в каком направлении происходили инновации и что именно ввел в систему линейного письма В его изобретатель (жирным шрифтом выделены знаки, не имеющие соответствия в линейном А).

Как показывает таблица, больше всего инноваций связано с тембром гласного /o/: за исключением трех основных серий (заднеязычной, глухой дентальной и лабиальной), а также го и zo, все знаки этой серии оказываются результатом творческой деятельности создателя микенской письменности.

³ Имеется в виду заговор против азийской болезни в медицинском папирусе Врешинского (Казанскене, Казанский 1986).

C \ V	i	e	a	o	u	дифтонг
∅	28 Ψ i	38 e	08 Υ a	61 Ω o	10 Υ u	43 Υ ai 85 Υ au
k-	67 Υ ki	44 Υ ke	77 \oplus ka	70 Υ ko	81 Υ ku	
t-	37 Υ ti	04 Υ te	59 Υ ta 66 Υ ta ₂	05 Υ to	69 Υ tu	
d-	07 Υ di	45 Υ de	01 Υ da	14 Υ do	51 Υ du	
p-	39 Υ pi	72 Υ pe	03 Υ pa	11 Υ po	50 Υ pu 29 Υ pu ₂	
m-	73 Υ mi	13 Υ me	80 Υ ma	15 Υ mo	23 Υ mu	
n-	30 Υ ni	24 Υ ne	06 Υ na	52 Υ no	55 Υ nu	
r- l(?)	53 Υ ri	27 Υ re	60 Υ ra	02 Υ ro	26 Υ ru 35/34 lu	33 Υ ra ₃
w-	40 Υ wi	75 Υ we	54 Υ wa	42 Υ wo	—	
j-		46 Υ je	57 Υ ja	36 Υ jo	65 ju	
s-	41 Υ si	09 Υ se	31 Υ sa	12 Υ so	58 Υ su	
h-			25 Υ ha			
kw-	21 Υ qi	78 Υ qe	16 Υ qa	32 Υ qo	—	
tw- dw-		87 Υ twe 71 Υ dwe		91 Υ two 90 Υ dwo,		
nw-			48 Υ nwa			
sw- (?)	64 swi		82 swa,		—	
z- <* ky-	—	74 Υ ze	17 Υ za	20 Υ zo	—	
pt- <* py-		62 Υ pte				
ry-			76 Υ ra ₂	68 Υ ro ₂		

Исходя из того, что всего несколько серий имеют в линейном письме А огласовку -o- (соотношение 6 к 16, причем использованы только знаки в основных сериях o, po, to, ko, zo и ro) можно думать, что при создании линейного письма В пришлось вводить специальные знаки для этого гласного, необходимого для греческого языка. Нам извест-

ны некоторые индоевропейские языки, в фонологической системе которых отсутствует гласный тембра *o*. К числу таких языков относится клинописный хеттский. Нечто подобное, судя по всему, было и в языке линейного А.

В области консонантизма греческий язык требовал различения трех серий смычных. На практике все они отражены на письме знаками, указывающими лишь на место и способ образования. Так, кипрский силлабарий различает лишь смычные лабиальные, дентальные и заднеязычные. При этом для обозначения кипрского *ta* используется зеркально отраженный знак, который в линейном письме В обозначал слог *da*. Получается, что в рамках уже греческого языка при использовании слоговой письменности проводилось определенное упрощение графической системы. Так, лабиовелярный ряд никак не различает, так же как заднеязычный и губной, такие признаки, как глухость/звонкость, придыхательность/непридыхательность, в то время как линейное письмо А и линейное письмо В в дентальной серии, глухость и звонкость различали. Тем самым, линейное письмо В позаимствовало различительные признаки дентальных фонем, которые не обязательно должны были употребляться для передачи особенностей древнегреческого языка, во всяком случае кипрский силлабарий без такого различения легко обходился. Пытаясь реконструировать действия писца, адаптировавшего линейную графику для записи древнегреческого языка, мы видим его внимание к тембру гласных и создание специальных знаков для передачи гласного /*o*/, а также заимствование двух дентальных серий, которые были использованы для передачи актуального для греческого языка противопоставления глухость/звонкость.

При введении новых знаков греческий писец продолжил употребление серии составных знаков, в которых в качестве начального комплекса выступали смычный и полугласный. Тексты линейного письма В показывают, что составные знаки легко могли заменяться последовательностью из двух обычных знаков. Анализируя составные знаки с помощью этимологии, легко заметить, что первоначально знак 62 *pte* должен был иметь вид **rye*, но изменил свое фонетическое значение в результате позднейшего

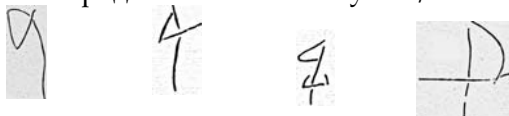
общегреческого перехода **py > pt* (Schwyzer 1939; Meier-Brügger 1992 : 47). Уже давно серию, начинающуюся с *z-*, принято интерпретировать как отражающую исконную группу заднеязычный + *j*-неслоговое. Таким образом, появляется возможность высказать предположение, согласно которому изобретение линейного письма В первоначально предполагало лингвистически оправданную систему, в которую входили серии *kw-*, *dw-*, *tw-*, при том, что серия ***pw-* для древнегреческого была irrelevantна. Существовали серии с неслоговым *-i-*, который сохранялся после плавных, представлен после заднеязычных и совершенно не имел шансов отразиться после дентальных, поскольку в этой позиции переход в спирант уже произошел. Следы первоначальных серий знаков, соотносимых с фонологической системой протогреческого, можно обнаружить в отдельных знаках, уже не составляющих систему, основанную на фонологических противопоставлениях.

Насколько позволяют судить открытия последнего времени, в линейном письме В имеются следы различия плавных *l* и *r*. Речь идет о знаках 35 и 34, которые решением комиссии во время конгресса в Остине (май 2000) решено считать одним знаком с фонетическим значением */lu/*. Обращает на себя внимание близость написания этого знака со знаком *lu* в кипрском силлабарии, что позволяет и для линейного письма А предполагать различие двух серий плавных. Характерно, что знак *ro* линейного письма В совпадает со знаком *lo* в кипрском, так же как, возможно, и знак *ra* находит продолжение в кипрском *la*. Таким образом, при создании линейного письма В число знаков было сокращено, или же в ходе употребления линейного письма серия *l-* почти что вышла из употребления.

Можно думать, что низкая частотность знаков с гласным */o/* могла отражать реальную картину употребления в языке, который записывали с помощью линейного письма А. Для II тыс. до н. э. язык с фонологической системой, в котором отсутствует гласный с тембром *o*, нам хорошо известен: это хеттский язык. Не вдаваясь в дискуссию по поводу употребления знака *ú* в хеттском языке, можно во всяком случае утверждать, что фонема *o* в анатолийских языках была намного менее частотной.

Итак, для человека, применявшего уже устоявшуюся систему слоговых знаков к своему родному древнегреческому языку, стояла задача каким-то образом соотносить произносительные навыки чужой речи со знаками, способными передавать звучание его родного языка. Реконструировать по линейному письму В особенности языка линейного письма А пытались неоднократно, в том числе высказывалось предположение о том, что «в языке минойцев были только открытые слоги, он не допускал стечения, стыка двух и более согласных подряд» (правда, тут же авторы отмечают: «Видимо изредка встречались и знаки типа ССГ») (Кондратов, Шеворошкин 1970: 56). Следует специально подчеркнуть, что в слоговых письменностях преобладают знаки для передачи открытого слога, что не должно свидетельствовать о языковой принадлежности записанных этим письмом текстов. Задача при фонологической интерпретации знаков линейного письма А дополнительно осложняется тем, что соответствие одного и того же знака в линейном А и в линейном В могло быть лишь приблизительным. Так, например, для микенского греческого восстанавливается существование лабиовелярных фонем, однако едва ли мы можем механически переносить эту интерпретацию из одной письменности в другую и считать наличие отдельной серии для передачи лабиовелярных в линейном письме В прямым свидетельством присутствия лабиовелярных фонем в языке, представленном в текстах линейного письма А. Отождествление при этом могло быть вполне приблизительным, например, знаки лабиовелярной серии совсем не обязательно должны были передавать именно лабиовелярный в языке, записывавшемся линейным А, а могли передавать сочетание двух фонем $/k+w/$, за которыми следовал гласный.

В свете этих соображений особую важность приобретает знак 21, засвидетельствованный в линейных письменностях А и В, который в идеографическом значении обозначает овцу, а в линейном В в своем слоговом значении передает сочетание звуков $/k^{wi}/$.

KN Wc 2063 KN Wc 2102 Za 9. 2 PH Wc 44

Чаще всего знак встречается с указанием на пол животного (Godart, Olivier 1976–1985), и естественно, обозначение овцы встречается чаще.

HT 84. 1 HT 7b.1 HT 112a. 1 HT 28a. 1 ZA 14. 1

KH 88. 1 ARKH 2. 4

Тот же знак 21 с уточнением «самец» также встречается в целом ряде текстов

PH 31a. 2 ZA 22. 2

Соответствие идеограммы для овцы с фонетическим значением слогового знака несколько удивляет: мы знаем, что в качестве слогового знака идеограмма коровы могла использоваться для передачи фонетического *ti* (Казанские, Казанский 1986⁶). Мы знаем также, что акрофонический принцип был достаточно широко представлен в графике линейного А, как это показал Г. Нойман на примере для смоковницы. Совершенно очевидно, что в микенское время овцы не издавали звуков, подобных *kvi*, и не менее правдоподобно, что микенец мог использовать ненужный для греческого языка ряд знаков для обозначения нужных греческому языку лабиовелярных фонем. Можно предполагать, что речь идет об отражении индоевропейского слова, обозначающего овцу.

Если правильна предложенная здесь интерпретация, линейное письмо А создавалось для индоевропейского языка, в котором могло происходить совпадение рефлекс-

сов ларингальных и заднеязычных фонем. Такую картину демонстрирует нам ликийский язык⁴, близкий к лувийскому и благодаря трудам Э. Лароша (Laroche 1958) считающийся прямым продолжением лувийского языка. Между тем, в случае, если предложенная интерпретация правильна, необходимо датировать переход ларингального в заднеязычный еще II тыс. до н. э. и предполагать, что праиндоевропейские лабиовелярные в самом раннем ликийском уже не существовали. В таком случае можно предполагать, что в письменности линейного А существовал ряд знаков, передававших этимологическое сочетание ларингального с гласным. В случае рассматриваемого знака АВ 21 очевидно не случайно совпадение идеограммы, обозначающей овцу (праиндоевропейское слово для которой реконструируется как *H₂wi- или *H₃wi-) (Mallory, Adams 1997).

Как известно, в этом слове ларингальный хорошо представлен в хеттском hawī-, которому в ликийском соответствует ḫawa- (Melchert 2004: 81), изменившее тип склонения вероятно под влиянием слова, обозначавшего корову wawa-. Если это предположение оправдано (а как мы знаем, для греческого языка уже в начале II тыс. до н. э. можно предполагать вокализацию ларингальных⁵), в языке линейного письма А ларингальные либо еще сохранялись, либо уже перешли в гуттуральные.

Следует, впрочем, специально отметить, что с реконструкцией праиндоевропейского слова существует целый ряд проблем, на которых необходимо специально остано-

⁴ На русском языке самое подробное описание ликийского языка представляет собой статья Г. Ноймана в пер. А. А. Королева (в сб. Древние языки Малой Азии. С. 322–353). Последний очерк принадлежит Р. Вударду (Woodard 2004), а лучший словарь принадлежит К. Мелчерту (Melchert 2004).

⁵ Что правдоподобно, ср. микенское o-wi-da (мужское имя), o-wi-de-ta-i, подробно рассмотренное в книге Leukart 1994: 221, а также личное имя o-wi-ro, которое засвидетельствовано в гомеровском эпосе (cf. Ὀϊλεύς). Микенский словарь (Aura Jorro 1993: 57–59) кроме этого дает еще топоним o-wi-to-no /owi-tn-/ и образованное от него прилагательное o-wi-ti-ni-jo /owi-tn-ios/.

виться. Первая касается типа склонения, к которому относят данное слово. Из возможных типов акцентно-аблаутных парадигм реконструируется обычно только акростатическая модель (LIN: 335), которая решительно не подходит к интерпретации знака линейного А. Рассмотрим подробнее основания для такой реконструкции, напомним основные типы акцентно-аблаутных парадигм (Герценберг, Казанский 2005; Николаев 2005).

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует обратиться к системе классов склонения имен в праиндоевропейском (взаимоотношение между которыми и отражает внутренняя деривация):

акростатический

Nom.Sg. R(ó/ě)-S(∅)-D(∅)

Gen.Sg. R(é)-S(∅)-D(∅)

Loc.Sg. R(∅)-S(é)-D(∅)

протерокинетический

Nom.Sg. R(é)-S(∅)-D(∅)

Gen.Sg. R(∅)-S(é)-D(∅)

Loc. Sg. R(∅)-S(ě)-D(∅)

гистерокинетический

Nom.Sg. R(∅)-S(é)-D(∅)

Gen.Sg. R(∅)-S(∅)-D(é)

Loc.Sg. R(∅)-S(é)-D(∅)

амфикинетический

Nom.Sg. R(é)-S(o)-D(∅)

Gen.Sg. R(∅)-S(∅)-D(é)

Loc.Sg. R(∅)-S(é)-D(∅)

В пользу акростатической модели могли бы свидетельствовать хеттское клинописное *ha-a-ú-is* с написанием *plene*, возможно отражающим ударение на корне. В любом случае полученный нами результат требует динамической (кинетической) парадигмы. Такая парадигма засвидетельствована для древнегреческого языка, хотя П. Шан-

трен⁶ был сторонником статической парадигмы⁷, считая ее наиболее древней, на основе сравнения с древнеиндийским материалом. В древнеиндийском однако слово *áviḥ ávuaḥ* стоит особняком, так что Барроу считал возможным видеть переход данного слова из динамической парадигмы в статическую (Барроу 1976: 168). Следует специально отметить, что для греческого материала возможна интерпретация, при которой совпадение нулевой степени корня и корня с огласковой *-o-* дало бы одинаковый результат. В других языках, разумеется, начальный ларингальный должен был отпасть. Для литовского засвидетельствованы как принятая в современном литературном языке акцентная парадигма 4, так и более архаическая 2-я (DLKŽ). Варианты акцентных парадигм в греческих и литовских диалектах указывают по крайней мере на возможность подобных вариантов в праязыке. Поскольку в большей части языков слово, обозначающее овцу, уже в древности приобрело дополнительную суффиксацию (ст.-слав. *овча, овца*, скр. *avikā*), представляется, что реконструкция динамической парадигмы наряду со статической не может быть исключена.

Вторую проблему при интерпретации доставляет начальный ларингальный. Единого мнения о том, следует

⁶ Шантрен (Chantraine 1948: 219) отмечает, что флексия данного слова ставит трудные вопросы, поскольку в косвенных падежах *οἷς* (< *οῖς*), *οἷός* и *οῖός* обнаруживаются две серии форм, одна из которых основывается на трехсложном, а другая – на двухсложном прочтении основы.

⁷ Шантрен ставит вопрос, не стоит ли за формой *οἷες* (ι 425) древнее *οἷεες*, т. е. в принятой сейчас реконструкции – *H₂wei-es (Шантрен 1953: 70). За формами гомеровского дательного падежа *οἷεσι*, *οἷεσσι*, *οἷεσσι* могло бы стоять *H₂wiesi с унификацией ударения на первом или на последнем слоге. При этом в книге, посвященной гомеровскому диалекту, Шантрен твердо стоит на статической акцентной парадигме. При всем совпадении греческой акцентуации, представленной у Гомера формой генетиwa, с древнеиндийским *avuaḥ*, следует все-таки иметь в виду, что у Гомера представлена и форма с другим ударением. В обычном случае мы бы рассматривали вариативность этих форм как форму с баритонезой и скорее всего постулировали бы влияние эолийского диалекта с присущей ему акцентной особенностью.

ли восстанавливать *Н₂- или *Н₃- в данный момент не существует. Тем не менее, по большей части используется реконструкция с начальным *Н₂-. При этом отмечается «Evidenz für *Н₂- bleibt insgesamt schwach» (LIN 336 n. 1). В словаре М. де Фаана напротив принята реконструкция с третьим ларингалом *Н₃-, причем автор (de Vaan 2008: 438) подробно разбирает доводы сторонников реконструкции, исключая нулевую ступень корня. Доводы в пользу реконструкции второго ларингального в 1987 г. представила С. Кимбелл (Kimball 1987: 185–192), которая сделала попытку разграничить на основании ликийского материала отражение *Н₂- и *Н₃- в анатолийских языках, высказав предположение, что эти два ларингальных различались между собой, поскольку лишь один из них отражается в ликийском с помощью заднеязычного. Этот ее вывод полностью принят К. Мелчертом (Melchert 1994: 72), но отвергнут в Kloekhorst 2008: 337–338. Разбираемый нами пример требует со всей определенностью реконструкции начального *Н₃-. Такая реконструкция невозможна, но принята далеко не всеми исследователями. Кроме всего прочего, хеттский материал позволяет рассматривать как производное от корня, обозначающего овцу, также обозначение овечьей шерсти (волна) ḫulana < *Н₂/зW-ḫN₁-neН₂. Характерно, что и в этом случае качество начального ларингального остается не до конца выясненным (Melchert 1994: 65).

Таким образом, имея в виду две недостаточно подтвержденные позиции, а именно – проблемы с реконструкцией динамической акцентной парадигмы и с реконструкцией начального ларингального, перечислим те сильные стороны, которые содержит в себе предлагаемая нами интерпретация:

1) Как для праиндоевропейского, так и для линейного А мы обнаруживаем слово общего рода, обозначающее как овцу, так и барана. В линейном письме А и в линейном письме В идеограмма для овцы содержит уточнение, позволяющее различать пол животного: OVIS^m или OVIS^f. В гомеровском тексте уточнение возможно с помощью прилагательного, но само слово традиционно интерпретируется как относящееся к *genus commune*.

2) Для языка, у носителей которого греки позаимствовали письменность, у нас, как было сказано выше, фактически нет оснований реконструировать типологически редкую серию, передающую лабиовелярные. В условиях, когда целый ряд знаков передает сочетание Sw-, имеются достаточные основания интерпретировать знак АВ 21 в линейном письме А как /kwi/, при том, что на греческой почве этот знак приобретает значение *qi*.

3) В нашем распоряжении имеется язык, в котором ларингальный способен отражаться как заднеязычный. Этот язык ликийский, что позволяет вспомнить о свидетельстве Геродота о ликийцах как исконных обитателях Крита (Hdt. I, 173): οἱ δὲ Λύκιοι ἐκ Κρήτης τῶρχαῖον γεγόνασι с пояснением τὴν γὰρ Κρήτην εἶχον τὸ παλαιὸν πᾶσαν βάρβαροι. Удивительное совпадение праиндоевропейского ларингального с заднеязычным представлено только в ликийском языке. Тем самым, предположение о возможной связи языка линейного А с ликийским (но не с другими анатолийскими языками, где ларингальный отражен специальным клинописным знаком, начинающимся с *ḫ*), как представляется, заслуживает внимания.

Дальнейшее сопоставление текстов линейного письма А с ликийскими свидетельствами сильно затруднено совершенно разной жанровой природой дошедших до нас текстов. Кроме того, следует иметь в виду разницу без малого в тысячелетие (если речь идет о ликийском А), которая также затрудняет сравнение.

При этом теоретически существует еще возможность заимствования слова для овцы в язык линейного А. Для I тыс. до н. э. засвидетельствован, например, специальный интерес греков к милетской породе овец, а также обычай улучшать породу животных с помощью привозных особей. В этом случае могло заимствоваться и чужеземное название. В более позднее время в греческом и в анатолийских языках присутствует обозначение мелкого рогатого скота с помощью производных от глагола «идти»: хетт. *iyant-*, греч. τὰ πρόβατα.

Если предложенное здесь определение языка линейного письма А правильно, то необходимо будет внести уточнения в диалектное членение анатолийских языков.

Ликийский, представленный алфавитными текстами, окажется в таком случае не только продолжением лувийского, как установил Э. Ларош, но и потомком языка анатолийской группы, развитие которого проходило на Крите. Границы влияния и распространения этого языка очевидно придется считать намного более широкими, чем территория самого Крита и, тем самым, потребуются изменения в оценке следов древнегреческого субстрата на значительно большей территории.

Вывод о том, что за текстами линейного письма А стоит ликийский язык, уже сделала М. Финкельберг (Finkelberg 1990–1991), но если правильна предложенная нами интерпретация, мы получаем прямое свидетельство, что языком, на котором говорил создатель линейного письма А, был ликийский.

Литература

- Aartun 1992–1997 – Aartun K. Die Minoische Schrift. Bde. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Aura Jorro 1993 – Aura Jorro F. Diccionario Micénico. Vol. II. Madrid.
- Bartoněk 2003 – Bartoněk A. Handbuch des mykenischen Griechisch. Heidelberg: Winter.
- Brown 1992–1993 – Brown E. L. The Linear A Signary: Tokens of Luvian Dialect in Bronze Age Crete // *Minos*. Vol. 27–28. P. 25–54
- Chantraine 1948 – Chantraine P. Grammaire homérique. T. I. Phonétique et morphologie. P. : Klincksieck.
- DLKŽ – Dabartinės lietuvių kalbos žodynas // <http://www.lki.lt/dlkz/>
- de Vaan 2008 – de Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston: Brill.
- Duhoux 1985 – Duhoux Y. Mycénien et écriture grecque // A. Morpurgo-Davies, Y. Duhoux (eds). *Linear B: a 1984 Survey*. Louvain-la-Neuve.
- Finkelberg 1990–1991 – Finkelberg M. Minoan Inscriptions on Libation Vessels // *Minos*. Vol. N. S. 25–26. P. 43–86.
- Finkelberg 1997 – Finkelberg M. Anatolian Languages and Indo-European Migrations to Greece // *Classical Word*, 91/1. P. 3–20.
- Fol, Schmitt 2000 – Fol A., Schmitt R. A Linear A Text on a Clay Reel from Drama, South-East Bulgaria? // *Prähistorische Zeitschrift* 75.1: 56–62.
- Godart 1995 – Godart L. Una iscrizione in Lineare B del XVII secolo A.C. ad Olimpia // *Rendiconti dell' Accademia Nazionale dei Lincei*. S. 9. Vol. 6. P. 445–447.

- Godart, Olivier 1976–1985 – Godart L., Olivier J.-P. Recueil des inscriptions en linéaire A. T. I–V. Paris (= Etudes Crétoises, XXI).
- Heubeck 1979 – Heubeck A. Schrift. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht. S. 1 (= Archaeologia Homérica Bd. III. Kap. X).
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston: Brill.
- Kimball 1987 – Kimball S. *H₃- in Anatolian // Festschrift for Henry Hoenigswald on the occasion of his Seventieth Birthday / ed. by G. Cardona and N. H. Zide. Tübingen: Narr. P. 185–192.
- Laroche 1958 – Laroche E. Comparaison du louvite en lycien // BSL. T. 53, 1. P. 159–197.
- Leukart 1994 – Leukart A. Die frühgriechischen Nomina auf -tās und -ās. Untersuchungen zu ihrer Herkunft und Ausbreitung (unter Vergleich mit den Nomina auf -eús). Wien.
- LIN – Dagmar S. Wodtko, Britta Irslinger, Carolin Schneider: Nomina im Indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
- Mallory, Adams 1997 – Mallory J. P., Adams D. Q. (eds.) Encyclopedia of Indo-European Culture. Chicago: Fitzroy Dearborn.
- Meier-Brügger 1992 – Meier-Brügger M. Griechische Sprachwissenschaft. Bd. I. Berlin; New York: W. de Gruyter.
- Melchert 1994 – Melchert H. K. Anatolian Historical Phonology. Leiden; Atalanta: Rodopi.
- Melchert 2004 – Melchert H. K. A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York.
- Raison, Pope 1977 – Raison J., Pope M. Index transnuméré du linéaire A. Louvain.
- Raison, Pope 1981– Raison J., Pope M. Corpus transnuméré du linéaire A. Louvain-la-Neuve.
- Rambach, Godart 1995 – Rambach J., Godart L. Ἡ Μικενναϊκὴ ἐπιγραφὴ τῆς Καυκαυῆς // Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. T. 70. P. 252–255.
- Schwyzler 1939 – Ed. Schwyzler. Griechische Grammatik I. München.
- Woodard 2004 – The Cambridge encyclopedia of the world's ancient languages / ed. by Roger D. Woodard. Cambridge: Cambridge University Press.
- Барроу 1976 – Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс.
- Герценберг, Казанский 2005 – Герценберг Л. Г., Казанский Н. Н. Праязыковая реконструкция: общие проблемы // Вестник РАН, т. 75, №12. С. 1–13.
- Древние языки Малой Азии / Под ред. И. М. Дьяконова и Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1980. С. 322–353.
- Дьяконов 1976 – Дьяконов И. М. (ред.). Тайны древних письмен: проблемы дешифровки. М.: Прогресс.
- Казанскене, Казанский 1986 – Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период). Л.: Наука.

- Казанскене, Казанский 1986 – Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Два этюда об идеограммах линейного письма В (1. «Говорящие» идеограммы; 2. Идеограмма *145 «шерсть») // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М. С. 157–158.
- Казанский 2005 – Казанский Н. Н. Принципы создания и основы использования микенской графической системы // Античная грамматическая традиция в веках. Ancient Grammar and its Posterior Tradition. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 20–24 апреля 2005 г.) / Отв. ред. Л. Г. Степанова, В. И. Мажуга. СПб.: Наука.
- Казанский 2008 – Казанский Н. Н. “Linguistic Thought” of Mucenaeen Scribes // Colloquia classica et indo-germanica – IV / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV, ч. 1). С. 37–63.
- Кондратов, Шеворошкин 1970 – Кондратов А. М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письма. Загадки древней Эгеиды. М.: Наука.
- Николаев 2005 – Николаев А. С. Соотношение грамматической и лексической семантики в индоевропейском языке: вопросы внутренней деривации // Индоевропейское языкознание и классическая филология–IX (чтения памяти И. М. Тронского) / отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. С. 158–169.
- Шантрен 1953 – Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. Пер. Я. М. Боровского. М.

N. N. Kazansky. The Evidence for Lycian in the Linear A Syllabary

The correspondence between the ideogram AB 21[†] for “sheep” in Linear A and the phonological interpretation of this sign as /qi/ in Linear B script allows us to suggest that Linear A was used for an IE language where the initial laryngeal was reflected as a guttural (*H₂wi- or *H₃wi- > kwi). The phonological change *H_{2/3}wi- > /kwi/ is attested only for Lycian, and this proves the interpretation of M. Finkelberg who has already read some Linear A texts as Lycian. The identification of the sign AB 21[†] with the IE word for “sheep” (*H_{2/3}wi-) suggests changes in IE reconstruction: only a dynamic paradigm for the root form *H₃wi- can be reconstructed, and it seems plausible that Hitt. hulana goes back to the same root denoting “sheep”: *H_{2/3}w-ḷH₁-neH₂ “sheep wool”.

О. В. Каменева

ДР.-АНГЛ. *ÆTWIST* И *EDWIST*

Резюме. В статье рассматриваются ряд др.-англ. форм с наречными приставками *æt-* и *ed-*. Слова *ætwist* и *edwist* в словаре Босворда и Толлера описываются как графические варианты. Анализ конкретных употреблений позволяет утверждать, что несмотря на семантическое и морфологическое сходство, данные единицы следует считать разными лексемами.

Ключевые слова: древнеанглийский, древнеанглийские памятники, графическая система, графический вариант, паронимическое сходство.

Босворт и Толлер в своем монументальном словаре предлагают отождествлять формы на *ed-* и на *æt-*, видимо, усматривая различие не более чем в графике. Данное объяснение небезосновательно, если учесть, что, как неоднократно отмечалось, фонемный инвентарь древнеанглийского не полностью совпадает с инвентарем графем языка, а выработанная на базе уэссекского диалекта система письма не всегда подходила для передачи диалектной специфики (Steponavičius 1971: 19; Colman 1983: 265). Вступая на предложенную позицию, исследователь обязан допустить распространенность взаимозаменяемых пар графем *e/æ* и *t/d*.

1.0. Графическая вариативность

1.1. Графическая альтернатива *e/æ*

Найти параллели для первого случая не представляет сложности: в мерсийском диалекте фонема */e/* восходит к др.-англ. */æ/* и графически отражается как *e*; в кентском и нортумбрийском колебания такого рода, как правило, связаны с ошибками переписчика. Значительно возрастает число замен в позднеуэссекских рукописях (Sievers, Brunner 1942: 39–40):

[0053 (116)] An sawul is and an lif and an **edwist**, þe þas ðreo þing hæfð on hire; and þas ðreo þing na synd na ðreo

lif ac an, ne þreo **ædwiste** ac an (ÆLS (Christmas) B1.3.2). «Один дух есть и одна жизнь и одно **существование**, которое эти три вещи имеет в себе; и эти три вещи не суть три жизни, но одна, не три **существования**, но одно».

Частотность графических замен могла отчасти быть спровоцирована зависимостью, установившейся между краткими фонемами /e/-/æ/ в системе умлаута¹.

1.2. Графическая альтернатива *t/d*

Гораздо труднее поддается объяснению консонантная альтернатива *t : d*. Оба согласных обладают высокой степенью устойчивости в системе древнеанглийского консонантизма. Большинство случаев замещения *d* в *t* относятся к явлениям оглушения в ауслауте. В середине слова замены ограничиваются нортумбрийским памятником Даремский тревник (10 век) (*heartlice* вм. *heardlice*) (Sievers, Brunner 1942: 3–4, 192). В кентском диалекте графема *d* используется для обозначения глухого щелевого в интервокальной позиции и позиции между звонкими согласными. Примеры наподобие *donne, dette, der, din* убеждают в том, что данная графема использовалась для обозначения звонкого аллофона как в середине, так и в начале слова (Гусарова 1978: 48).

Замены подобного рода встречаются и в текстах, дошедших до нас в поздних списках. Показателен в этом отношении приводимый ниже отрывок «Излечение незрячего» («The Healing of the Blind Man») из проповедей Эльфрика («Древнеанглийские гомилии», рукопись Bodley 343, 12 век), где, по мнению С. Ирвайн, слово *edlean*

¹ Поворотным пунктом в образовании системы гласных праанглийских диалектов явилось расщепление герм. *e₁* по признаку назальности. Расщепление *æ̃, æ* и *ā, a* по признаку велярности возникло вследствие внутреннего структурного развития. Однако в области открытых ротовых фонем устанавливалась оппозиция по огубленности и *æ̃, æ* противопоставлялись *ā, a* как неогубленные огубленным. Именно иррелевантностью положения языка у фонем *æ, e* и можно объяснить те случаи их палатальной перегласовки, которые все же обнаруживаются в исторически засвидетельствованных формах (Крупаткин 1962: 56; 1966: 27).

представлено в трех графических вариантах *edlean* /*ætlean* /*eadlean*. Смещение *a*, *æ*, *ea* в графике затрудняет процедуру установления диалектной принадлежности компилятора данной рукописи, в которой отмечается преобладание западно-мидлендских форм (Irvine 1993: 215). Случаи написания *ea* вместо *æ* при отсутствии условий для преломления и, наоборот, написания *æ* там, где, исходя из фонологического окружения, правомерно было бы ожидать *ea*, исследованы Р. Стоквеллом и У. Берритом. Авторы предлагают считать это доказательством отношений аллофонии восходящего дифтонга *ea* и гласного *æ*. Прямых свидетельств, однако, дошло немного. Авторы сравнивают эту ситуацию с распределением аллографов *d* и *þ*, которое, вопреки ожиданиям, не согласуется с распределением аллофонов звонких и глухих спирантов. Дополнительным свидетельством в пользу аллофонии *ea/æ* можно считать их совпадение в ходе развития в среднеанглийский период (Stockwell, Barritt 1961: 77–81).

Редкое чередование глухого и звонкого дентального смычного в заударной позиции в середине слова спорадически встречается в тексте рукописи: *agyltæþ* при частотном *agylt-*. Вследствие единичности случаев такого рода написаний издатель отвергает предположение о том, что вариативность могла возникнуть под воздействием оглушения звонкого смычного в ауслауте, ср. *heald* /*healt* (3 sg. pres. от *healdan* «держат»), *bit* (3 sg. pres. от *biddan* «просить»). Выборка форм отличается не столько диалектной, сколько диахронической разнородностью: раннесреднеанглийская *eadlean*, среднеанглийская *ætlean* и исконно древнеанглийская *edlean* (Irvine 1993: lvii, lxi). Вероятно, это отражает положение композитов на *ed-* к концу древнеанглийского периода.

В рассматриваемом отрывке Эльфрик дает толкование стиху Иоан. 15:5. Опираясь на труды Бл. Августина (Irvine 1993: 57–58), Эльфрик противопоставляет день и ночь как олицетворение света Божиего и тьмы ада. Он намеренно отказывается от распространенной аллегории, в которой ночь сопоставляется с мирским неведением человека, а день – с духовным просветлением верующего. Собственная точка зрения Эльфрика сводится к обозначению двух эпох

– мира, озаренного пришествием Христа, и Страшного Суда. По заповедям Христа, даровавшего человечеству свет, для верующего путь к спасению заключен в праведном земном существовании. Далее Эльфрик упоминает «Притчу о богаче и Лазаре».

[0081 (222)] – [0091 (264)] Þes weoruldlice dæg þe us gewunelic is, biþ iendod mid þan onsigendum æfne; ac þe drihtenlicæ dæg, þæt is ures Drihtnes midwunung, biþ us æfre astreht oþ ende þissere weorulde, swa swa Crist sylf behet þam þe hine lufiæþ: *Ecce ego uobiscum sum omnibus diebus usque ad consummationem saeculi*, þæt is on Englisce spæce, Efne ic beo mid eow alle dagum heonon forþ oþ þissere weorulde endunge. Hwæt is þeo deorce niht buton helle dimnes, on þære nan mon ne mæg naht to gode wyrcean, þe þe nu on his life þes lihtes ne gemp, þe Crist us behet þurh his midwununge? Oþer is weorces timæ, oþer is **ætleanes** timæ. Nu is weorces timæ oþ þissere weorulde endunge; and æfter ure life biþ **eadleanes** timæ, þonne Crist on his domsetle clypæþ to his icorenum: Cumæþ nu to me, mines fæder iblætsedon, and iagniaþ þæt rice, þe eow igearcod wæs fram middaneardes anginne. Þis is þæt **edlean** þære rihtwisæ monnæ þe rihtlice leofedon, and mid gode weorce Gode icwæmdon. Þeo dimme niht biþ þonne ure Drihten clypæþ on þam miclan dome to þam manfullæ heape, þe mid yfele weorce hine ær gremoden, and on unrihtwisnesse heora lif adrogon: Gewitæþ fram me, ge awarigedan, into þam ece fyre, þe is deofle igearcod and his awarigedum gaste. Þonne underfoþ heo **edlean** on ecere pine heora arleasæ dæda þe heo æfre adrogon oþ heoræ lifes ende, and heoræ Drihten forsægon. On þære nihte cwylmde, swa swa Cristesboc us sægþ, þe wælga rice, þe walde þa habban Lazarum þone pearfæn, þe he on his life forseah, þæt he mid his fingræ hure his tunga drypte for þan ormete bryne þe he on cwylmode. Ac him wæs þæs wætan forwyrnd, swa swa he forwyrnde ær þa crumen þam earmæn Lazare. Him com þa to gemynde his gebroþræ on life; wolde þa god wyrcan, and heom warnigæn þæt heo þider ne comen to þære cwylmynge. Ac þa nes na weorces timæ, ac wæs **edleanes**,

and he wæs þa on þare nihte þær he wyrden ne mihte
(ÆHomM 2 (Irv 3) B1.5.2)².

Поскольку форма *ætlean* единична, не встречается за пределами данной рукописи, а ее облик не противоречит допустимым для писца вариантам написания, она правомерно может быть признана графическим вариантом *edlean*. Тождество контекстов для обеих форм подтверждает заявленную точку зрения.

² «Того земной день, что нам привычен есть, завершён вместе с угасающим вечером; а этот Божий день, то есть нашего Господа пребывание [с нами], распростерт для нас до конца этого мира, так как Иисус сам велел тем, кто Его любит: *Ecce ego uobiscum sum omnibus diebus usque ad consummationem saeculi*, то есть на английский наречии: Воистину, Я есмь с вами в дальнейшем все дни до этого мира конца. Какова есть эта темная ночь, кроме как ада темнота, при которой ни один человек не может ничего доброго сделать, что в это время ныне в течение его жизни света не случится, который Господь наказал нам через Свое пребывание рядом. Или есть работы пора, или есть вознаграждения пора. Ныне есть работы пора до конца этого мира; а после нашей жизни есть вознаграждения пора, когда Иисус на троне обратится к Своим избранным: Подойдите ко мне, Моего Отца благословенные, и уstraшитесь того царствия, что вам уготовано было с начала мира. Это есть то вознаграждение тех праведных людей, которые правильно жили и добрым делом Господа умилостивили. Та темная ночь есть когда наш Господь взывает на Великом Суде к людскому множеству, которое злым делом Его ранее омрачали, в неправедности свою жизнь провели: Убирайтесь от Меня, вы, проклятые, в вечный огонь, который уготован дьяволу и его проклятому духу. Тогда получат они воздаяние в вечном мучении за свои бесчестные дела, которые они когда-либо совершали [вплоть] до конца своей жизни, и своим Господом пренебрегали. В ту ночь взмолился, как Святое Писание нам повествует, этот подлый богач, по воле которого Лазарь испытывал те нужды, которые он при жизни презрел, чтобы он пальцем грязью его язык увлажнил от того страшнейшего пламени, в котором он мучился. Но ему вода была запрещена, как прежде он отказывал в хлебных крошках бедному Лазарю. Тогда ему вспомнились его здравствующие братья. Хотел тогда добро совершить и их предупредить, чтобы они здесь не оказались в мучении. Но то не была пора делать дела, а была воздаяния [пора], и он был той ночью, когда он дело делать не мог».

2.0. Сопоставление результатов универбации для др.-англ. *ed-* и *æt(-)*

2.1. Общий обзор

Несмотря на существующие в рукописной традиции варианты, эти случаи остаются единичными, при том, что обнаруживаются контексты употребления слов на *ed-/æt-*, в которых отчетливо видно различие каждой из этих языковых единиц:

[0600 (1953)] Næfre <hleowlora> æt **edwihtan** æfre weorðeð... (GenA,B A1.1). «Никогда без крова ни в чем не останется...».

[0075 (159)] ...þæt unsydefulle wif bið unwurð on life & eft æfter life nan **edlean** næfð æt Gode (ÆAbusMor B1.6.2.1). «...эта безнравственная жена есть недостойная при жизни и затем после жизни никакого **воздаяния** не получает от Господа».

Недопустимость отождествления однокоренных слов на *æt-* и *ed-* подтверждается примерами из Беовульфа. В первом из отрывков поэмы речь идет о нападениях Гренделя на данов:

[0037 (138)] ...ða him gebeacnod wæs, gesægd soðlice sweotolan tacne healðegnes hete; heold hyne syðþan fyr ond fæstor se þæm feonde **ætwand** (Beo A4.1). «...тогда ему [воину] явлена была, показана истинно ярким знамением к воинам ненависть, держался в тот момент дальше и крепче тот, кто от врага увернулся».

Глаголы движения с приставкой *æt-* могут приобретать оттенок малефактивности (в тексте малефактивный актант выделен подчеркиванием): др.-англ. *ætberstan* «скрыться, избежать», *ætflēon* «спастись бегством», *ætiernan* «сбежать, убежать» и др.

[0021 (99)] ...ic ne mæg þam ælmihtigan ahwar **ætberstan**, on life oþþe on deaðe... (ÆELS (Maccabees) B1.3.25). «... я не могу от Всевышнего как-либо **скрыться**, ни при жизни, ни после смерти...».

[0058 (455.123)] ...se þe his feondum ofer sumne weall **ætflēon** wile. þonne se þe he hwær se weal unhyhst sy. & þær oferscyt (ÆEHom I, 32 B1.1.34). «...тот кто от врагов

через какую-то стену бежать хочет, тогда пусть помнит он, где эта стена невысока есть».

Другой пример из речи Беовульфа, прибывшего к Хродгару, чтобы избавить земли данов от Гренделя:

[0072 (277)] Ic þæs Hroðgar mæg þurh rumne sefan ræd gelaeran, hu he frod ond god feond oferswyðeþ, gyf him **edwenden** æfre scolde bealuwa bisigu, bot eft cuman, ond þa searwylmas colran wurðað... (Beo A4.1). «Я в этом Хродгара могу сквозь мысли мрачные совету научить, как он славно и успешно врага одолеет, если ему **ВНОВЬ** **вернуться** когда-либо должно горестное бедствие, [то] помощь снова пусть придет, и беспокойные чувства пусть остынут (букв. холоднее станут)...».

Различие значений глаголов *ætwenden* «увернуться, избежать» и *edwenden* «вновь возвратиться» нуждается в рассмотрении. Мы здесь имеем дело с двумя различными случаями: с одной стороны, глагол + предлог *æt* и с другой стороны, глагол + наречие / приставка *ed-*.

Наконец, в качестве косвенного довода против тождественности *ed-* и *æt-* можно указать и на сравнительно высокую степень засвидетельствованности слов, в особенности глаголов на *ed-* в древнеанглийском, в отличие от других германских языков: глаголы *edwenden* «вновь поворачиваться, возвращаться», *edniwian* «обновляться, вновь становиться новым» из *edniwe* «заново, вновь» (*a new, again*); имена *edsceaft* «новое рождение, творение» (*a new creation, a new birth*), *edcælness* «возвращение прохлады» (*a re-cooling*), *edþingung* «примирение» (*a reconciliation*), *edgrowung* «взрачивание заново» (*a re-growing*), *edcennung* «возрождение» (*a regeneration*) и другие.

Среди имен существительных на *ed-* в древнеанглийском выделяется группа слов, образованная с помощью нулевой морфемы: *ed-cyrr* 'return', *ed-ric* 'the gullet' *ed-roc* 'ruminant', *ed-wend* 'an alteration, change', *ed-winde* 'a whirlpool, abyss, vortex', *ed-wille* 'eddy, vortex', *ed-wit* 'reproach, blame, scorn' (Kastovsky 1968: 496–497).

Противоречивость интерпретации эмпирических данных сводится к тому, что, с одной стороны, на разных уровнях языка обнаруживаются признаки, различающие превербы *æt-* и *ed-*; с другой – случаи их совпадения на

правах графических вариантов в пределах ряда рукописей поздней традиции. Подобные ограничения убеждают в необходимости рассматривать каждую дублетную форму на *æt-* и *ed-* по отдельности.

2.2. Др.-англ. *æt*wist и *ed*wist: графические дублеты или паронимы?

Одной из проблем является пара др.-англ. *æt*wist и *ed*wist, объединенная в словаре в качестве графических вариантов со значением «существование, жизнь, бытие, присутствие, нахождение, питание» («presence, being, food»). С точки зрения диахронической морфологии, др.-англ. *ed-* / *æt*-wist < прагерм. *wis-ti- принадлежит к *i*-основам и относится к *nomina actionis* женского рода на *-*tei*³.

Данный формант остался в германских языках лишь как пережиток и представлен в незначительном количест-

³ Литература об именном словообразовании обширна, поэтому мы ограничимся только кратким экскурсом в данную проблематику. Суффикс *-*tei* образует имена действия с нулевой огласовкой корневой морфемы, присоединяясь не к глагольной основе, а собственно к корню (LIN 2008: xv, xxi). Место тона, видимо, варьирует в пределах словоизменительной парадигмы (Мейе 2007: 284). Об архаических образованиях допустимо говорить только для форм с полной степенью огласовки корня (Barschel 1985, 12–18). О разделении и.-е. имен на *nomina agentis* и *nomina actionis* см. Бенвенист 1948.

Образования на *-*tei* принадлежат к типу *i*-основ. Предположение о связи *i*-основ и *u*-основ с основами на дифтонг в рамках механизма акцентно-аблаутного чередования нулевой (*-*i*, *-*u*) и полной (*-*ei*, *-*eu*) ступеней тематического показателя получило оформление в исследовании Э. Бенвениста (Бенвенист 2004: 76–115). Полемизируя с предложением П. Броснана о необходимости дополнить данный ряд альтернативой исходов основ на *-*ā*:-*-*āi*:-*-*ei*, Ф. Адрадос объясняет ряд проблем фонологического характера, касающихся тембра основного гласного, через ларингальный, что в дальнейшем привело к формированию классов основ на -*ā* vs. -*i*, равно как -*ō* vs. -*u* (Brosnan 2004: 1–19; Adrados 2006, 197–200). В основах на *i*-/*u*- отмечаются две серии окончаний, которые отражают две различные схемы распределения ступеней аблаута, которые исконно восходят к противопоставлению классов одушевленных и неодушевленных имен (Kurzová 1993, 55–56).

ве слов. В готском мы обнаруживаем его в сильно редуцированном виде: ср. хрестоматийные примеры скр. *gati*- «приход» и гот. *(ga)qumþs*, скр. *bhrti*- «несение» и гот. *(ga)baurþs* «рождение», двн. *(gi)burt*, др.-англ. *byrd* (СГТЯ 1966: 91–93; Дорский 1960: 15).

Представляется целесообразным начать исследование др.-англ. *æt*wist и *ed*wist с наблюдения над их словоизменением. Уже сопоставление парадигм, составленных из засвидетельствованных в текстах форм, вызывает ряд вопросов. Ниже приводится сводная таблица зафиксированных форм с указанием источника:

Sg.		
Nom.	<i>edwist</i> (ÆCHom I, 20 B1.1.22) (ÆAdmon 2 B1.9.6)	<i>æt</i> wist (MRune A12)
Gen.	* <i>edwist</i>	* <i>æt</i> wist
Dat.	<i>edwiste</i> (ÆCHom I, 26 B1.1.28)	<i>æt</i> wiste (ChristA,B,C A3.1)
Akk.	<i>edwist</i> (ÆCHom II, 15 B1.2.18) <i>edwiste</i> (ÆCHom I, 13 B1.1.14) (ÆCHom I, 20 B1.1.22) (ÆGram B1.9.1)	<i>æt</i> wist (GenA,B A1.1) (GuthA,B A3.2)
Pl.		
Nom.	* <i>edwiste, -a</i>	* <i>æt</i> wiste, -a
Gen.	* <i>edwista</i>	* <i>æt</i> wista
Dat.	<i>edwistum</i> (ÆCHom 1, B1.4.1)	* <i>æt</i> wistum
Akk.	<i>edwiste</i> (Gen B8.1.4.1) * <i>edwista</i>	* <i>æt</i> wiste, -a

Оба слова принадлежат к типу тяжелых *i*-основ женского рода, парадигма которых отличается рядом тождественных форм с парадигмой *ā*-основ. Исключение составляют формы вин. пад. ед. ч., требующие присоединения флексии *-e* в системе *ā*-основ. Взаимное влияние обоих типов склонения широко засвидетельствовано в ранних нортумбрийских памятниках (Рашвортские Евангелия и отчасти Псалтырь Веспасиана). Для уэссекского и кентского диалектов замещения встре-

чаются редко и приобретают регулярный характер только в поздних уэссекских текстах (Sievers, Brunner 1942: 226).

Нельзя не отметить отсутствие для обоих случаев словоформ родительного падежа по парадигмам обоих чисел. Согласно схеме анализа падежных функций генитива, предложенной Э. Бенвенистом на материале латинского языка (Бенвенист 2002: 156–164), основной синтаксической функцией данного падежа в индоевропейских языках является выражение любого обобщенного приименного аргумента (см. комментарий Плунгян 2003: 169). Следовательно, маргинальность формы генитива для указанных в таблице парадигм детерминирована морфологическими и семантическими свойствами обоих слов, представляющих собой результат отглагольной деривации и сохраняющих в сочетаемости валентные связи производящей основы. Данное наблюдение важно тем, что мы таким образом получаем возможность увидеть в морфологической структуре др.-англ. *edwist* и *ætwest* отчетливую соотнесенность данных слов с глагольной основой. Отглагольное происхождение и семантическая структура др.-англ. *ætwest* проясняются из контекстов, когда для др.-англ. глагол *wesan* «быть» сочетается с *æt*:

[0004 (1.1.1)] *Pa yldestan Iudeas, þe ðær æt wæron, wæron þus genemned...* (Nic (A) B8.5.2.1). «Старшие иудеи, которые там **пребывали**, звались так...(перечисление имен)».

[0572 (11.87.5)] *Pa se ylca Godes wer þær æt wæs, & hi þær betweonan heom spræcon, þa ongæt se Godes wer, þæt se hlaf næs na gemearcod, & swa þeah se hlaf wæs mid þam gledum & mid þære æmyrgan bewrigen* (GD 1 (C) B9.5.2). «Так как тот самый Господа муж там **пребывал**, и они там между собой говорили, то понял тот Господа муж, что тот хлеб не был сохранен, так что тот хлеб был сажай и грязью покрыт».

[0002 (2.1)] *Æt ðam ađe wæs æt west mynstre efen fiftig mæssepreosta & X diaconas & ealra oðra preosta sixtig & hund teontig* (ChHead 1433 (Birch 379, MS.A) B15.9.29.2). «При клятве **присутствовало** в Вестминстерском аббатстве еще пятьдесят священников и 10 дьяконов, и разных иных священников сто шестьдесят».

Допустимость прагерманской реконструкции корня прагерм. **ues-* с частицей **at* поддерживается сопоставлением с гот. *atist* (3sg. praes. ind. act.) < **at-wisan* «находиться, пребывать в конкретной ситуации или обстоятельствах, поддающихся четкой локализации» («*da sein*»):

bigita nu witoþ, wiljandin mis goþ taujan, unte mis atist ubil. — εὐρίσκω ἄρα τὸν νόμον τῷ θέλοντι ἔμοι ποιεῖν τὸ καλὸν ὅτι ἔμοι τὸ κακὸν **παράκειται**... (Rom. 7:21). «Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое».

В следующих контекстах адессив специфическим образом осмыслиется в терминах темпоральной локализации и приобретает значение «наступать, наставать, приближаться, подступать, быть накануне»:

þanuh biþe atgibada akran, suns insandeip gilþa, unte atist asans. — ὅταν δὲ παραδοῖ ὁ καρπός, εὐθὺς ἀποστέλλει τὸ δρέπανον, ὅτι **παρέστηκεν** ὁ θερισμός... (Mc. 4:29). «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва».

aþþan ik ju hunsljada jah mel meinaizos diswissais **atist**. haifst þo godon haifstida, run ustauh, galaubein gafastaida. — ἐγὼ γὰρ ἤδη σπένδομαι, καὶ ὁ καιρὸς τῆς ἀναλύσεώς μου ἐφέστηκεν. τὸν καλὸν ἀγῶνα ἠγώνισμαι, τὸν δρόμον τετέλεκα, τὴν πίστιν τετήρηκα... (2 Tim. 4:6-7). «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего освобождения настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил».

Судя по контекстам (см. ниже), то же значение адессивности сохраняется в др.-англ. *æt*wist и актуализируется при помощи синонимичного актанта со значением обладания, владения (*wræcna gehwam ar and ætwist*) или пребывания, нахождения подле, при каких-либо обстоятельствах (*lufað onsyn ond ætwist*).

Возвращаясь к комментированию предлагаемой таблицы, отметим, что исключительно важной для разграничения лексем представляется ее часть, указывающая на дефектность числовой парадигмы др.-англ. *æt*wist, которое

проявляется себя как *singular tantum*⁴. Следует, впрочем, иметь в виду, что данное предположение опирается на четыре примера.

В языках с развитой морфологической категорией числа недискретность и принадлежность к разряду *singularia tantum*, как правило, считаются обязательными признаками абстрактных существительных в первичном значении (ТФГ 1996: 190, 197). Однако еще Ш. Балли оговаривал наличие синтагматических особенностей в связи с тем, что в высказывании «виртуальное понятие вещи» должно быть «индивидуализировано», то есть «локализовано и определено количественно» (Балли 1955: 89).

Во всех четырех употреблении др.-англ. *ætwiſt* именная группа может быть перифразирована так, чтобы стать отдельной пропозицией, в которой синтаксическая функция подлежащего передавалась бы притяжательному местоимению или зависимой генитивной группе, то есть агенту при предикате *wesan*.

[0156 (495)] ...se gæst lufaþ onsyn ond ætwiſt ylðran hades, þe gemete monige geond middangeard þeowiap in þeawum (GuthA,B A3.2). «...дух любит привязанность и **присутствие (пребывание) старого уклада**, который порядку многomu в мире служит в качестве обычая».

[0397 (1203)] Se rinc heonon on lichoman lisse sohte, drihtnes duguðe, nales deaðe swealt middangeardes, swa her men doþ, geonge and ealde, þonne him god heora

⁴ Наряду с философским и логическим осмыслением способов фиксации в языке представлений о количестве (см. подробнее ТФГ 1996: 162–170), при описании языкового материала А. А. Холодовичем было предложено учитывать дополнительную оппозицию дискретности / недискретности, основанную на восприятии вещей в прерывной или непрерывной совокупности соответственно (Холодович 1946: 15–36). Объясняя данный термин в «Общей морфологии», В. А. Плунгян находит его более удачным по сравнению с привычным аналогом исчисляемость / неисчисляемость, поскольку данная характеристика отражает структуру множества объектов как прерывную или непрерывную совокупность (Плунгян 2003: 278–279).

æhta and **ætwist** *eorðan gestreona* on *genimeð* and *heora aldor somed* (GenA,B A1.1). «Этот муж еще во плоти милости снискал, Господа снисхождения, вовсе не смертью ушел из земного мира, как здесь люди делают, молодые и старые, когда от них Господь их владения и **присутствие** земных щедрот отнимает, и их жизнь вместе с тем».

В свете перечисленных синтагматических признаков существительных *singularia tantum* особенно показательными являются факультативные инструментальные или бенефактивные сирконстанты, управляемые сущ. *ætwist* и конкретизирующие его абстрактную семантику:

[0008 (19)] //gyfu// *gumena byþ gleng and herenys, wraþu and wyrþscurpe, and wræcna gehwam ar and ætwist ðe byþ oþra leas* (MRune A12). «[Руна] «дар» людей есть слава и хвала, поддержка и умение ценить, и из паломников кому-нибудь милость и **ночлег** (букв. «прибывание»), который есть прочего лишенный».

[0105 (391)] *Him þæt Crist forgeaf, þæt hy motan his ætwiste eagum brucan simle singales...* (ChristA,B,C A3.1). «Им то Господь даровал, что они могли его **присутствием** глазами наслаждаться всегда вечно...».

Дальнейшие размышления в данном направлении предполагают обращение ко второй паре исследуемой оппозиции, а именно др.-англ. *edwist*, с целью выявить его дистрибутивные признаки на основании общего числа употреблений (21) и сопоставить их с полученными по др.-англ. *ætwist* фактами.

Семантическое определение *edwist* требует осторожно-го подхода, поскольку *ed-* полисеманлично уже на древне-английском этапе. В качестве инварианта можно говорить об увеличении количества (повторении) действия в ситуации для кинетических предикатов (*edwendan* «вновь возвращаться», *edleanan* «награждать в ответ», *edniwian* «обновляться, вновь становиться новым» и другие). Иногда это значение ошибочно характеризуют как контрадикторное, понимая под ним противопоставление однократности и многократности совершения действия, например, *læccan* «доставать» – *ed-læccan* «пытаться поймать, достать снова» (Полюжин 1993: 97–98) или его интенсификации для

стативных (*edwitan* «упрекать» из «чрезмерно обозревать»). В последнюю группу следует определить и *edwist*.

[0172 (706)] ...forþanþe him nan deofol ne mihte bediglian hine sylfne, ne on agenre **edwiste** ne on oþrum hiwe (*ÆLS* (Martin) В1.3.30). «...ибо для него ни один дьявол не мог сокрыть себя, ни в своем собственном **существовании**, ни в другом облике».

Представленные контексты содержат указание на то, что понятие *edwist* обозначает существование вообще, пребывание при жизни. Данное значение отчетливо проявляется в подавляющем большинстве употреблений, где *edwist* выступает в сочетании с суффиксальным прилагательным на *-lic* или *-isk*⁵:

[0031 (77)] Seo sunne þe ofer us scinð is lichamlic gesceaft, and hæfð swaðeah þreo agennyssa on hire: an is seo lichamlice **edwist**, þæt is þære sunnan trendel; oðer is se leoma oððe beorhtnys æfre of ðære sunnan, seoðe onliht

⁵ Др.-англ. суффикс *-lic* продуктивен в системе словообразования прилагательных. По происхождению он восходит к самостоятельному существительному *lic* «тело, образ», поэтому, видимо, первоначально данная морфема в своем полном значении участвовала в образовании сложных слов. Затем ее семантика постепенно приобрела более обобщенный характер. Превращение второй части в суффикс происходит в результате переразложения слова в процессе развития. Возникает спорный вопрос о границе между сложным и производным словом. Однако существуют и другие позиции в том, что касается этимологии этого общегерманского суффикса. Так, В. Вильманс связывает его происхождение с готским прилагательным *galeiks* «подобный» (Wilman's 1922: 158). В древнеанглийском суффикс *-lic* образовывал прилагательные от различных частей речи (основ конкретных и абстрактных имен существительных, причастий, глаголов, прилагательных). В системе языка данный формант использовался для указания на человекоподобие животного или неодушевленного предмета и противопоставлялся прилагательным, состоящим только из корневой морфемы, например «бедный» *earmlíc* (о смерти) и *earm* (о человеке), «ценный» *dēorlic* (о поступке) и *dēor* (о человеке) и др. (McIntosh 1991: 297–307). Для суффикса герм. **-iska* < и.-е. **-is-ko* языковой материал невелик, а его первоначальное значение связывается с обладанием свойством некоторого предмета (СГЯ 1966: 41–42).

ealne middaneard; þridde is seo hætu, þe mid þam leoman becymð to us (ÆAdmon 2 V1.9.6). «Это солнце, которое над нами светит, есть предметное тварное тело и имеет, таким образом, три начала в себе: одно есть телесное существование, то есть этого солнца круг; другое есть это тепло или сияние вечное от этого солнца, сеет свет по всему миру; третье есть этого солнца тепло, которое с этим лучом достигает нас».

[0093 (204.183)] Forberað nu geðyldelice for ðam ecum wurdmynte. þæt ge godes bearn getealde beon: & his yrfenuman on heofenlicum spedum. þæt þæt se oðer forðyldigian wolde for ateoriendlicre edwiste (ÆCHom I, 3 V1.1.4). «Предпочтите ныне терпеливо той вечной молве, что вы Господа дитя называемы суть, и его преемству на небесных богатствах то, что тот другой выстрадать хотел за недолговечное существование».

[0079 (286.148)] Þæt is gewurðe hit swa ðu segst þæt ðæs ælmihtigan godes sunu becume on minum innoðe. & mennisce edwiste of me genime... (ÆCHom I, 13 V1.1.14). «То есть пусть станет как ты говоришь, что Всемогущего Господа Сын пусть возникнет в моей утробе и человеческое существование от меня обретет...».

Отмечен единичный пример с синтаксической валентностью с именем в генитиве:

[0052 (154.136)] Swa hwæt swa on ðam husle is þe us lifes edwist forgifð. þæt is of ðære gastlican mihte. and ungesewenlicere fremminge (ÆCHom II, 15 V1.2.18). «Что бы ни было при Евхаристии, которая нам жизни существование дарует, это есть от той духовной силы и невидимого разумения».

Предметом богословского истолкования, которое предшествует представленному фрагменту, является процесс полного сущностного превращения хлеба и вина в Тело и Кровь Христову. В рамках данного контекста наряду с синтаксической сочетаемостью, есть возможность прояснить также семантику исследуемого слова.

В рассматриваемом эпизоде речь идет о таинстве Преосуществления, которому Церковь придает особое значение. Правомерно усматривать в др.-англ. *lifes edwist*

жизнеутверждающий смысл, связанный с постоянным пребыванием в жизни в мирском бытии после воскресения в раю, то есть со своего рода «сверх-существованием», сохранностью жизни после преодоления некоторого перехода или изменения. Вероятно, именно такой могла бы быть интерпретация внутренней формы для *edwist*.

Прояснить семантику отчасти позволяет комментарий Эльфрика применительно к древнеанглийскому переводу латинских форм:

[1240 (201.8)] *Sum ic eom is edwistlic word and gebyrað to gode anum synderlice, forðan þe god is æfre unbegunnen and ungeendod on him sylfum and ðurh hine sylfne wunigende* (ÆGram B1.9.1). «*Sum* ‘я есмь’ есть **БЫТИЙНОЕ** слово и принадлежит Господу одному вечно, поскольку Господь не имеет начала и конца в себе самом и через себя самого живущий есть».

Не менее показательно объяснение значения лат. глагола *sum* как «обозначающего *edwist*»:

[0868 (128.8)] *Nama mæg beon eac on ðam forman hade on ðam worde, ðe getacnað edwiste: Priscianus sum ic eom PRISCIANVS...* (ÆGram B1.9.1). «Имя может быть также прежде всего со словом, которое обозначает **существование**: *Priscianus sum* я есмь **ПРИСЦИАН...**».

Аспектуальная семантика гомогенного состояния, тождественного себе, постоянного и неизменного в каждый момент времени органично вписывается в заявленную идею «сверх-существования», вложенную в композитную структуру слова.

Семантическая формула, сочетающая в себе однородную длительность и ее сохранность на фоне изменчивой среды протекания, в грамматике подтверждается наличием полной числовой парадигмы, а в синтаксисе – сочетаниями с показателями, означающими набор дискретных целостных объектов, такими как *ælc* «каждый», *an* «один», *twa* «два», *ealle þa* «все эти»:

[0017 (336.27)] *Soðlice þæt gescaft þe ongan & gesceapen is næfð nane godcundnyse. for þi ælc edwist þætte god nis. þæt is gescaft* (ÆСНом I, 20 B1.1.22). «Воистину та тварь, которая задумана и создана есть, не имеет ника-

кой божественности, ибо каждое существо, которое не есть Господь, оно есть тварное».

[0126 (342.200)] An sawul is. & an lif & an edwist seo þe hæfð þas þreo þing on hire togædere wyrcente untodæledlice... (ÆCHom I, 20 B1.1.22). «Одна душа есть, и одна жизнь, и одно существование это, которое имеет те три вещи в себе вместе творящими нераздельно...».

[0061 (167.196)] Crist is on twam edwistum. on unagunnenre godcundnyse. and on ongunnenre menniscnyse (ÆCHom II, 17 B1.2.20). «Господь есть в двух существованиях, в бесконечной божественности и в конечном человекоподобии».

[0159 (7.4)] ...ic adylegie ealle ða edwiste, ðe ic worhte ofer eorðan bradnyse (Gen B8.1.4.1). «...я разрушу все те существа, которые я создал на просторе земли».

Очевидным образом, данные контексты сформировались под влиянием характерной для абстрактных существительных тенденции к развитию конкретных значений (Покровский 1959: 27–28).

Однако, несмотря на достаточную устойчивость, уже в древнеанглийском отмечается смешение внутри пар слов на *æt-* и *ed-*. При этом особенно хорошо сохранены те формы, которые обладают наименьшим числом деривационных связей в системе языка, как например имена *edwist* и *æt**wist*. Напротив, возможность трансформации из одной части речи в другую вызывает аттракцию внутри дублетов. Исходя из контекстов, близких к *figura etymologica*, замена *ed-* на *æt-* несет морфологическую нагрузку «переключателя» между именным и глагольным регистром:

[0634 (88.45)] Swepað him þæt edwit, ece drihten, feondas þine, fæste æt*witað* and þæt þinum criste becwepað swiðe (PPs A5). «Говорят ему это нарекание, вечный Господь, враги твои, уверенно ставят в упрек, и это твоему Господу в вину ставят рьяно».

[0325 (14.438.7)] Ondswarode he him & ðus cwæð, þæt he ða geta nolde his synna ondettan, ac eft, ðonne he eldra wære & of ðære untrymnesse arisen wære, ðy læs him æt*wite* & on edwit sette his geðoftan, þæt he for ege ðæs

deaðes ða þing dyde, þe he er gesund don nolde (Bede 5 B9.6.7). «Ответил он ему и так сказал, что он еще пока не хотел в своих грехах раскаяться, но вновь когда бы он старше был и от той неверности воскрес бы, тем меньше пусть ему упрекнется и в упреке пусть окажутся его подельники, ибо он перед очами смерти то исполнил, что он ранее в здравии исполнить не хотел».

Заслуживает упоминания др.-англ. форма *edft*, зафиксированная в корпусе одним употреблением и образованная, как представляется, в результате контаминации наречной приставки *ed-* с наречием *eft* «снова, затем». Данное наречие часто сопровождает слова на *ed-* и акцентирует их итеративно-делимитативную семантику. Очевидно, что именно семантическое сходство создает условия для взаимного влияния:

[0102 (191)] Ða cwæð se ealdormann **edft** to him... (HomS 24.1 (Scragg) B3.2.24.1). «Тогда сказал тот господин вновь ему...».

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд важных уточнений, касающихся системных отношений в лексике древнеанглийского языка. Анализ употреблений форм на *æt-* и *ed-*, а также наблюдение над графическими вариантами и словообразованием позволяют говорить о паронимическом сходстве, обусловленном значительным фонологическим и морфологическим подобием. Наряду с этим удается показать, что др.-англ. *æt* и *ed* представляют собой разные лексемы.

Литература

- Балли 1955 – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.
 Бенвенист 2004 – Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М.
 Гусарова 1978 – Гусарова Н. В. Особенности развития щелевых /f s ʀ/ в южных диалектах (древнеанглийский период) // Исследования структуры английского языка. Межвузовский сборник. Ижевск. С. 47–50.
 Крупаткин 1962 – Крупаткин Я. Б. К истории древнеанглийской системы гласных // ВЯ. № 6. С. 54–60.
 Крупаткин 1966 – Крупаткин Я. Б. Становление древнеанглийского вокализма (проблема ингвеонского развития). А.д.д. Л.

- Плунгян 2003 – Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.
- Покровский 1959 – Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М.
- Полюжин 1993 – Полюжин М. М. Префиксация как способ модификации аспектуальной семантики древнеанглийского глагола // Филологические науки 3. М. С. 92–101.
- Пономаренко 1973 – Пономаренко Т. Г. Паронимы и контекст // Языковые единицы и контекст. Сборник научных трудов. Л. С. 82–88.
- СПГЯ 1966 = Сравнительная грамматика германских языков Том 4. Глагол. М., 1966.
- ТФГ 1996 = Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Холодович 1946 – Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Ученые записки ЛГУ. Серия «Филологические науки». Вып. 10, № 69. Л. С. 15–36.
- Adrados 2006 – Adrados F. A Note on the *-ō/-eu, *-ā/*-āi/-i Stems in Indo-European. A Propos of a Paper by Paul Brosnan // EMERITA. Tomo LXXIV, fasc. 2. P. 197–200.
- Barschel 1985 – Barschel B. Zur Vorgeschichte der indoeuropäischen Nomina actionis auf *-ti* // Sprachen Europas and Asiens. Jena. P. 12–18.
- Benveniste 1948 – Benveniste E. Noms d'Agent et Noms d'Action en Indo-Européen. Paris.
- Brosnan 2004 – Brosnan P. The Greek Nouns in *-ōs* and *-eus* // Folia Linguistica Historica 15. P. 1–19.
- Colman 1983 – Colman F. Old English /a/ ≠ /æ/ or [a] ~ [æ]? // Folia Linguistica Historica IV/2. Societas Linguistica Europaea. Mouton. P. 271–291.
- Irvine 1993 – Irvine S. (ed.) Old English Homilies from MS Bodley 343. Early English Text Society O.S. 302. Oxford University Press.
- Kastovsky 1968 – Kastovsky D. Old English Substantives Derived by means of a Zero Morpheme. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades einer Hohen Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls Universität zu Tübingen. Esslingen. P. 642.
- Kurzová 1993 – Kurzová H. From Indo-European to Latin: The evolution of a morphosyntactic type. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Ser. 4, Current issues in linguistic theory). Amsterdam; Philadelphia.
- LIN – Dagmar S. Wodtke, Britta Irslinger, Carolin Schneider: Nomina im Indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
- McIntosh 1991 – McIntosh A. Old English Adjectives with Derivative *-lic* Partners // Neuphilologische Mitteilungen Jg. XCII №3. Helsinki. P. 297–310.

- Sievers 1942 – Sievers E., Brunner K. *Altenglische Grammatik*. Max Niemeyer Verlag, Halle, Saale.
- Steponavičius 1971 – Steponavičius A. The English Vowel System in the Period of the Oldest Written Records (VII–Xcc) // *Kalbotyra* XXII(3). Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Вильнюс, «Минтис». С. 19–30.
- Stockwell 1961 – Stockwell R. P., Barritt C.W. *Scribal Practice: Some Assumptions* // *Language* vol. 37 № 1. P. 75–82.
- Wilmans 1922 – Wilmans W. *Deutsche grammatik*, 2. Abt. Leipzig.

O. V. Kameneva. OE *æt*wist and *ed*wist: a case of paronymy

The article considers OE *æt*- and *ed*- compounds. Thorough contextual analysis allows to disembark from the prevailing understanding of these units as graphic variants. It is argued that OE *edwist* “being”: *æt*wist “being at” are paronyms, i.e. they reveal a lot of similarity both in morphological structure and usage, yet are hardly interchangeable.

Н. В. Карева, К. А. Филиппов

**К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М.В. ЛОМОНОСОВА И ЕЕ
ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

Резюме. «Российская грамматика» (РГ) М. В. Ломоносова (1757) была не первым сочинением, описывающим нормы складывающегося русского литературного языка первой половины XVIII века. Однако эта работа стала во многих отношениях революционной: Ломоносов показал, что формирующийся русский язык не уступает в грамматической сложности ни старославянскому, ни греческому, ни европейским языкам. Настоящая статья посвящена описанию категории времени в РГ. Мы ставим перед собой задачу показать специфику предложенной Ломоносовым классификации видовременных форм глагола. Это позволяет оценить новаторство лингвистической мысли Ломоносова, а также дает возможность проследить историю изучения грамматической категории глагола.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, «Российская грамматика», классификация временных форм глагола.

Глагол определяется Ломоносовым как одна из основных «частей слова», а категория времени относится к наиболее значимым глагольным категориям. Основных времен Ломоносов выделяет три – *настоящее, прошедшее и будущее*. В русском будущее и прошедшее разделяются также на «степени», передающие нюансы аспектуальных значений.

Ломоносов последовательно сопоставляет данные русского языка европейскими языками, в первую очередь – греческим, а также еврейским. РГ создавалась в эпоху распространения идей универсальной грамматики, опирающейся на положение об общности лежащих в основе всех языков логических механизмов. Нет прямых свидетельств того, что Ломоносов читал грамматику Пор-Рояля (1660). Однако рассуждение Ломоносова о недостатке времен в еврейском языке и о богатстве их в русском и греческом звучит как ответная реплика на презрительное упоминание

нение о скудости времен в «восточных языках» во «Всеобщей и рациональной грамматике»¹. Стремясь показать, что в богатстве средств выражения русский язык не уступает ни древним, ни современным языкам, Ломоносов разработал собственную аспектуальную концепцию, не имеющую аналогов в грамматиках предшествующего периода. Долгое время считалось, что Ломоносов игнорировал аспект и усложнил систему времен русского глагола. Однако упреки эти несправедливы: без сомнения, систематический аспектуальный элемент присутствует в предложенном Ломоносовым описании свойств и категорий глагола.

Ломоносов разделяет глаголы на *простые* (даю, ставлю) и *сложные* (благодарствую, отдаю, оживотворяю). По мысли Ломоносова, глагол, в зависимости от того, является ли он простым или сложным, обладает различной способностью образовывать временные формы («степени»). Последние выделяются Ломоносовым на следующих основаниях: 1) совершается ли действие однажды или является продолжением ранее начатого действия; 2) известно или нет время окончания совершения действия; 3) завершено ли действие или нет. При этом там, где современная лингвистика предполагает существование двух глаголов, один из которых образован от другого с помощью перфективного суффикса (*трясти* – *тряхнуть*), Ломоносов видит временные формы одного глагола (*трясти*).

¹ Ср. «Недостаток чувствителен в еврейском языке, который настоящего времени не имеет, и причастие служит ему вместо оного. Прочие два времени не разделяются на разные степени, как во многих европейских языках. Избыток оных в некоторых языках весьма знатен, ибо греческие глаголы до девяти времен простираются <...> Латинский язык пятью временами доволен; российский — десять имеет, как ниже сего окажется» (7, 414) и «sur quoi il faut remarquer que les Langues Orientales n'ont que le Passé et le Futur, sans toutes les autres différences d'imparfait, de plus-que-parfait etc. ce qui rend ces Langues sujettes à beaucoup d'ambigüités qui ne se rencontrent point dans les autres» (Arnauld, Lancelot. P. 153).

от простых		
(1) <i>настоящее</i>	трясу, глотаю, бросаю, плещу	
(2) <i>прошедшее неопределенное</i> ²	трясь, глоталь, бросаль, плескаль	«заклучает в себе некоторое деяние продолжение или учащение»
(3) <i>прошедшее однократное</i>	тряхнул, глотнул, бросил, плеснул	«значит деяние, совершенное однажды»
(4) <i>давнепрошедшее первое</i>	тряхиваль, глатываль, брасываль, плескиваль	«заклучают в себе учащение или продолжение, как прошедшие неопределенные, и имеют знаменование одно старее другого»
(5) <i>давнепрошедшее второе</i>	бывало трясь, бывало глоталь, бросаль, плескаль	
(6) <i>давнепрошедшее третье</i>	бывало трясываль, глатывал, брасываль, плескиваль	
(7) <i>будущее неопределенное</i>	буду трясти, стану глотать, бросать, плескать	«значит будущее деяние, которого совершение неизвестно»
(8) <i>будущее однократное</i>	тряхну, глотну, брошу, плесну	«значит деяние, которое только однажды свершится»
от сложенных		
(9) <i>прошедшее совершенное</i>	написаль	«значат полное совершение деяния»
(10) <i>будущее совершенное</i>	напишу	

Трехчленное аспектуальное противопоставление, разработанное Ломоносовым, явилось существенным шагом вперед по отношению к языкознанию

² При этом Ломоносов уточняет, что прошедшее неопределенное (2) значит иногда «дело совершенное» (РГ: 7, 480) (напр. «Гомеръ писалъ о гнѣвъ Ахиллесовъ»), т.е. в ряде контекстов совпадает по значению с прошедшим совершенным (9).

предшествующего периода. Сам Ломоносов следующим образом характеризовал свой труд и работы своих предшественников: «Сію грамматику не выдаю за полную, но только опыту, ибо еще никакой нѣтъ, кромѣ славенской и малинкой в лексиконе, весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ не<<справедливой>>исправной» (7, 691). Речь в данном случае идет о «Грамматике словенския правильное синтагма» (1619) Милетия Смотрицкого и об «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (1731) В. Е. Адодурова. Ни о каких других грамматиках предшествующего периода Ломоносов не упоминает. Однако Г. Кайперт и В. М. Живов в работах, посвященных русско-немецким культурным связям XVIII века, доказали, что Ломоносову были хорошо известна петербургская немецкая грамматическая традиция. Это позволяет сопоставить систему времен в РГ не только с системой времен у М. Смотрицкого и В. Е. Адодурова, но и с системами времен в грамматиках И. Э. Глюка и И. В. Паузе.

М. Смотрицкий выделяет в славянском языке шесть времен: (1) *настоящее* (бію); (2) *преходящее* (бихъ), (3) *прешедшее* (биахъса), (4) *мимошедшее* (біах), (5) *непредѣльное* (побихъса), (6) *будущее* (побію) на основании того 1) насколько давно произошло действие; 2) насколько интенсивно совершалось действие и 3) является ли действие завершенным или незавершенным. Категория совершенного/ несовершенного вида имплицитно присутствует, однако такая характеристика глагольного действия, например, как итеративность/ семельфактивность, рассматривается в рамках категории вида (начинательный/ оучащательный). Без сомнения, Ломоносов ориентировался на грамматику М. Смотрицкого, однако темпоральная система последнего была им основательно переработана.

И. Э. Глюк написал «Grammatik der russischen Sprache» (1704), опираясь на практику разговорной речи и теорию латинских грамматик. И. Э. Глюк выделил четыре наклонения – *modus indicativus, imperativus, conjunctivus* (комбинации с *да* и *бы*), *infinitivus*, пять глагольных времен – *praesens, imperfectum, perfectum, plusquamperfectum, futurum* (формы *perfectum* и *plusquamperfectum* всегда тождественны *imperfectum*). Кроме этого, он выделил страдательные

формы всех наклонений и времен, инфинитив всех трех времен, герундий, супин и действительные и страдательные причастия настоящего, прошедшего и будущего времен. Очевидно, что подход И. Э. Глюка был чужд Ломоносову — он отрицательно отзывался о грамматистах, использующих чуждые русскому языку грамматические категории: «Погрешают многие, делая грамматики, понуждают на другие языки» (7, 691).

В «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» (1705–1729), И. В. Паузе представил славянскую и русскую парадигмы времен с параллельной русской и латинской терминологией. Классификация И. В. Паузе позволяет проследить эволюцию категории времени, однако классификация Ломоносова полнее отражает разнообразие аспектуальных и темпоральных значений русских глагольных форм.

В. Е. Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (1731) выделяет три времени, *das Praesens*, *das Praeteritum* и *das Futurum*, подчеркивая, что русскому языку незнакомы сложные прошедшие времена. Однако В. Е. Адодуров говорит о существовании самостоятельных классов глаголов, *verba inchoativa* и *verba frequentativa*. Влияние сочинения В. Е. Адодурова на Ломоносова нельзя недооценивать. Тем не менее, Ломоносов полагал, что не ориентация на разговорную речь, но опора на книжную церковнославянскую традицию определяет специфику русского литературного языка.

Сопоставление ломоносовской системы времен с системами Смотрицкого, Глюка, Паузе и Адодурова показывает, что в отличие от своих предшественников, Ломоносов не пытался ни упростить систему времен русского языка, ни перенести в русскую грамматику категории и термины других языков (Булич). Творчески переосмысляя традицию предшествующего периода и опираясь на факты письменного и устного языка, Ломоносов создал новаторскую для своего времени систему, повлиявшую на последующую лингвистическую традицию (Ягич 1910: 84–88).

Как известно, в основе системы индоевропейского глагола первоначально лежали различия не временные. Что касается немецкого языка, то видовые различия, представленные в системе древнегерманского глагола, постепенно заменяются временными отношениями. В немецкой грамматике широко распространено мнение, что в отличие от категории глагольного времени, представляющей собой дейктическую категорию, вид (*Aspekt*) и видовые отношения (*Aspektarten*) следует трактовать как ингерентные глагольные категории (*innerverbale Kategorien*). Категория вида – это бинарная категория и наиболее распространенными определениями для разграничения двух её разновидностей выступают такие пары понятий, как перфектный вид (*perfektiv*) и имперфектный вид (*imperfektiv*). В отличие от бинарной категории вида *perfektiv/imperfektiv*, видовые отношения представляют собой открытый класс значений, которые выражают особенности протекания глагольного действия (*terminativ, durativ, statisch, dynamisch, punktuell, telisch, ingressiv, egressiv* и т.д.).

Для выяснения возможных причин приведенной выше столь разветвленной системы временных форм обратимся к немецкому переводу «Российской грамматики». Выбор немецких соответствий русскому варианту может подсказать те смысловые нюансы, которыми руководствовался Ломоносов при построении своей системы. Прежде всего, это касается отдельных разрядов категории прошедшего времени, именуемых в «Российской грамматике»: «прошедшее неопределенное», «прошедшее однократное», «давнопрошедшее первое», «давнопрошедшее второе», «давнопрошедшее третье». В немецком варианте этим разрядам соответствуют наименования, снабженные, к тому же, латинским соответствием: «*die unvollkommen vergangene (praeteritum imperfectum)*», «*die einmalig vergangene (praeteritum singulare unitatis)*», «*die erste vorlängstvergangene (plusquamperfectum primum)*», «*die zweyte vorlängstvergangene (plusquamperfectum secundum)*», «*die dritte vorlängstvergangene (plusquamperfectum tertium)*». Приведенные выше немецкие названия разрядов, как видно, представляют собой буквальный перевод русских наименований и заслуживают отдельного рассмотрения в

аспекте обсуждения глагольной категории прошедшего времени в немецкой грамматической традиции.

Наше внимание привлекли, прежде всего, немецкие соответствия русским примерам, которые Ломоносов выбрал для иллюстрации своих положений. Приведем их еще раз вместе с немецкими соответствиями:

- «прошедшее неопределенное»
«die unvollkommen vergangene»
трясь, глоталь, бросаль, плескаль
ich schütterte, ich schluckte, ich warf, ich platschete
- «прошедшее однократное»
die einmalig vergangene
тряхнул, глотнул, бросил, плеснул
ich habe (einmahl) geschütterrt, ich habe (einmahl) geschlucket, ich habe (einmahl) geworfen, ich habe (einmahl) geplatschet
- «давнопрошедшее первое»
die erste vorlängstvergangene
тряхиваль, глатываль, брасываль, плескиваль
ich habe (mehrmahlen) geschütterrt, ich habe geschlucket, ich habe geworfen, ich habe geplatschet
- «давнопрошедшее второе»
die zweyte vorlängstvergangene
бывало трясь, бывало глоталь, бросаль, плескаль
ich habe (vorzeiten einmahl) geschütterrt gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt
- «давнопрошедшее третье»
die dritte vorlängstvergangene
бывало трясываль, глатывал, брасываль, плескиваль
ich hatte (vorzeiten mehrmahlen) geschütterrt gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt

Особый интерес в приведенных выше немецких примерах вызывают два последних разряда. Формы глаголов из немецкого перевода «Российской грамматики» в современной германистике иногда трактуются как «двойной перфект» (*ich habe (vorzeiten einmahl) geschütterrt gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet gehabt*) или «двойной плюсквамперфект» (*ich hatte (vorzeiten mehrmahlen) geschütterrt gehabt, geschlucket gehabt, geworfen gehabt, geplatschet*

gehabt). По мнению некоторых авторов,³ появление таких «двойных перфектных форм» (*doppelte Perfektformen*) указывает на продолжающуюся до сих пор перестройку системы немецкого глагола от синтетического к аналитическому способу образования временных форм. Этот процесс затрагивает, прежде всего, разговорную сферу немецкого языка, к тому же преимущественно верхненемецкий ареал.

Таким образом, создавая свою классификацию, Ломоносов ориентировался на европейскую лингвистическую традицию, на известные ему грамматики немецкого, греческого, латинского, церковнославянского языков, а также на устную традицию русского и немецкого языков. В результате им была создана оригинальная концепция, в которой семантические нюансы аспектного значения оказались связаны с грамматической формой, что явилось существенным шагом вперед по сравнению с классификациями глагольных форм в русских грамматиках предшествующего периода.

Источники

- Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Пер. Н. Ю. Бокадоровой; ред. Ю. С. Степанов. М., 1990.
- Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / Пер. Ю. С. Маслова, Е.Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л., 1991.
- Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М., 2000.
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.

³ Schrodtr R., Donhauser K. «Tempus, Aktionsart/Aspekt und Modus im Deutschen» // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 2. Aufl. 3. Teilband. Berlin; New York, 2003. S. 2516.

- Antoine Arnauld, Claude Lancelot. Grammaire générale et raisonnée. A Paris, chez Prault, fils ainé, Quai de Conti, à la descente du Pont-Neuf, à la Charité, MDCC LIV.
- Michael Lomonosow. Russische Grammatik verfasst von Hern Michael Lomonosow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.
- Unbegaun B.O. Drei russische Grammatiken. München, 1969.

Литература

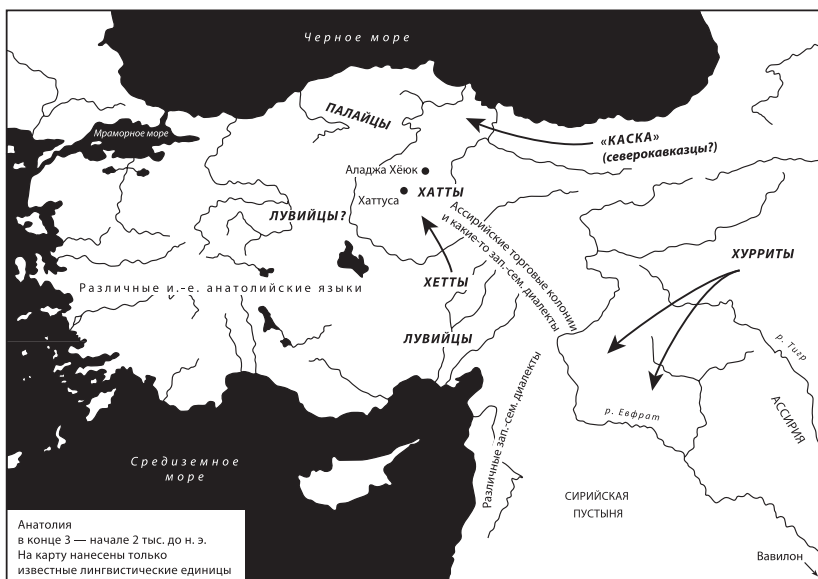
- Булич С. К. Очерки истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. –1825 г.). СПб., 1904.
- Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Живов В.М., Кайперт Г. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // ВЯ, 1996. № 6. С. 3–30.
- Живов В. М., Успенский Б. А. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVII веков // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1986. №10. P. 259–279.
- Жирмунский В.М. История немецкого языка. М., 1956.
- Макеева В.Н. История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. М.; Л., 1961.
- Ронка Р. У истоков русской и славянской аспектологической мысли. Tampere, 2005.
- Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
- Đurovič L. Издание фрагмента грамматики Й. Э. Глюка 1704 г. // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1997. №21. P. 79–88.
- Keipert H. Der deutsche Beitrag zur Entwicklung der Russisch-Grammatik vor Lomonosov // Slavistische Linguistik. Referate des XIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffen Tübingen. München, 1987. P. 184 – 208.
- Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München, 2001.
- Newman L.W. The notion of verbal aspect in eighteenth century Russia // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1976. №3. P. 35–53.
- Schrodtr R., Donhauser K. Tempus, Aktionsart/Aspekt und Modus im Deutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. 2. Aufl. 3. Teilband. Berlin; New York, 2003.

А. С. Касьян

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ХАТТСКОГО ЯЗЫКА

Резюме. Хаттский — клинописный язык древней Анатолии (нач. II тыс. до н. э. и, по всей видимости, ранее), чей корпус весьма мал. Наряду с хорошо известным списком заимствований в хеттский и палайский языки, хаттский показывает следы контактов с другими древними языками. В статье анализируются лексические заимствования между хаттским и лувийским, хурритским, семитскими, пражпаднокавказским, шумерским, древнегреческим языками.

Ключевые слова: Языковые контакты, лексические заимствования, клинопись, хаттский, лувийский, хурритский, семитский, северокавказский, шумерский, древнегреческий.
Language contacts, loanwords, cuneiform, ancient languages, Hattic, Luwian, Hurrian, Semitic, North Caucasian, Sumerian, Ancient Greek.

Хаттский — мертвый бесписьменный язык, известный только по вторичным источникам. Хаттские тексты дошли

до нас на глиняных клинописных табличках из хеттских архивов XVII–XIII вв. до н. э., написанных, видимо, не носителями хаттского языка, а хеттскими или лувийскими писцами. Хаттские имена собственные известны из архивов староассирийских торговых колоний в Каппадокии (нач. II тыс. до н. э.).

Х. я. был распространен на территории северной части центральной Анатолии (совр. Турция, районы севернее излучины р. Галис, совр. Кызылырмак) до прихода туда хеттов в XVII в. до н. э. Богатые захоронения в Аладжа-Хёюке (III тыс. до н. э.) и ряд близлежащих аналогичных комплексов требуют хаттской атрибуции.

Современное состояние изучения Х. я. отражено в сводной монографии О. Сойсала 2004 г. (НВНТ). Краткий грамматический очерк Х. я. см. в Касьян 2010.

Генеалогическая атрибуция Х. я. не установлена. Наиболее перспективным выглядит сопоставление с языками сино-кавказской макросемьи и постулирование отдельной хаттской ветви внутри это макросемьи (причем Х. я. показывает специфическую близость скорее с енисейской и северо-кавказской ветвями нежели с сино-тибетской). Подробнее см. Kassian forthc¹.

1. Хетто-лувийские языки

Как хорошо известно, хаттский был донором нескольких десятков терминов, связанных с институтом царской власти, отправлением культа и технологией производства, для хеттского (см. Goedegebuure 2008: 146 слл. с лит.) и палайского, однако не для известного лувийского.

¹ В настоящей работе хаттский материал приводится по изданию НВНТ, если не указано другое. Все формы из сино-кавказских языков в общем случае цитируются по этимологическим базам данных Tower of Babel Project (Abadet.dbf, Caucet.dbf, Sccet.dbf, Stibet.dbf — см. список литературы), если не указано другое. Я принимаю реконструкцию празападнокавказской фонологической системы в том виде, в котором она была предложена С. А. Старостиным (она слегка отличается от реконструкции Вяч. А. Чирикбы, завершающую дискуссию см. в Starostin 1997/2007).

Напротив, ни одного бесспорного анатолийского заимствования в хаттском до сих пор не обнаружено: наиболее подходящий кандидат здесь — это хат. слово *zinar* ‘a k. of lyre’, которое теоретически может быть заимствовано из не дошедшего до нас центрально- и североанатолийского диалекта лувийского языка. Вторым кандидатом является широко обсуждаемый хаттский термин *tafarna* ‘lord (vel sim.)’ вместе с параллельным женским титулом *tawapanna* ‘lady’, однако я утверждаю, что у нас нет никаких указаний на то, что эти слова представляют собой лувийские или хеттские образования.

1.1. хат. *zinar*, *zimir* ‘a k. of musical instrument, lyre’, ‘лира определенного типа’ (“Ištar-instrument”); также функционирует как команда ‘Музыка!’

= Хет. ^{GIŠ(D)}INANNA.

→ Заимствовано в хеттский как *zinar* ‘a k. of lyre’, аккад. *zannaru* (почти исключительно только в OB/NB лексических списках) ‘a k. of lyre’, арм. *ġnar* ‘harp’.

Связь этого термина с широко распространенным ближневосточным культурным словом *kin(n)ar* ‘a k. of harp’ дискуссионна (ср. Иванов 2009: 8 слл. с лит.; о *kin(n)ar* см. Franklin 2006 с лит.). Наиболее древние фиксации *kin(n)ar* отмечаются в западносемитских языках: эбл. *gi-na-rūt* = шум. BALAG, др.-евр. (библ.) *kinnōr* ‘staff-zither’, др.-арам. *knr* ‘lyre’, угар. *knr*, *kinaru* ‘harp, lyre’ и т. д. (см. KB; HJ: 520; DUL: 450 f.). Из этого источника термин был заимствован в аккад. (Mari, RS) *kinnāru* ‘a k. of lyre’, хет. ^{LÚ}*kinar-talla-* ‘singer, musician’, хурр. (Bogh.) ^{LÚ}*kinaruhuli* ‘musician’, егип. (Новое царство) *knnr* ‘lyre’, др.-греч. (LXX) *κῖνυρα* [ū] ‘a stringed instrument played with the hand’, арм. *k’nar* ‘a musical instrument played by plucking’, вероятно, др.-инд. (очень поздно) *kinṇarā* ‘a k. of stringed instrument’, ср.-тамил. *kiṇṇaram* ‘a k. of lute’ и т. д. Конечно, очень похоже на то, что хат. *zinar* продолжает то же бродячее слово, однако переход *ki*

> *zi* невозможно объяснить внутри хаттского². В сущности, единственный территориально близкий язык, который может подозреваться в таком фонетическом переходе, это лувийский, где и.-е. **k'* > анатол. **k'* > лув. *z*. Таким образом, хат. *zinar* может рассматриваться как лувийское заимствование. Ряд соображений, однако, противоречит такой интерпретации. Во-первых, *zinar* оказывается единственным известным надежным лувийским заимствованием в хаттском (о *tafarna* см. ниже). Во-вторых, мы не обнаруживаем никаких следов виртуального лув. ***zinar* (равно как и ***kinar*) в известном лувийском корпусе. В-третьих, виртуальная лув. форма ***zinar* оказывается единственным примером, где заимствованное *ki* палатализуется в лув. *zi*³.

Иванов 1985: № 75 (поддержан в Chirikba 1996: 427) сравнивает хат. *zinar* с адыг.-кабард. **pč:əna* 'non-percussion musical instrument (in general)'⁴ (адыг. *pšəna*, кабард. *pšəna* 'accordion; kinds of stringed, bow and wind instruments (in compounds)'), чьи внутренняя структура и зап.-кавк. этимология неясны. Хотя это хат.-зап.-кавк. сравнение является одним из главных аргументов Вяч. Вс. Иванова в пользу хат.-зап.-кавк. генетического родства⁵, очевидно, что генетическое родство не может устанавливаться на подобной культурной лексике. Можно, однако, предположить, что адыг.-кабард. **pč:əna* отражает этот же бродячий термин, оформленный частотным зап.-кавк. префиксом **pə-* (старый классный показатель?) с падением ауслаут-

² Вопреки Иванов 2009, фонетическая и морфонологическая системы хаттского языка не имеют никаких указаний на подобный процесс палатализации.

³ За исключением еще более сомнительного лув. *parza* 'iron ore', о котором см. *hapalki* ниже.

⁴ К инвариантному значению **pč:əna* ср., напр., Paris & Batouka 1/1: 631 ('musical instrument (in general)').

⁵ В своей недавней статье Иванов 2009: 8 ссл. соглашается с миграционным характером адыг.-кабард. основы.

ного *-r*⁶. Противоположное направление заимствования (празападнокавказский > хаттское *zinar*) невероятно:

a) и адыг.-кабард. **pč:əna*, и адыг.-кабард. падежный показатель абсолютива **-r* не имеют зап.-кавк. (равно как и сев.-кавк.) этимологии;

b) суффикс *-r* не является продуктивным в хаттском, он отмечен только в нескольких застывших основах (*hukur* 'to see', *zehar* 'wood', возможно, *tafarna* 'lord').

Далее Иванов 1985: № 9 сравнивает хат. композит *hun-zinar* 'great? lyre' со стандартным староадыгским композитом *pšəna-šx^wa* 'a k. of big musical instrument', предполагая обратный порядок элементов в хаттской форме, однако адыг. *-šx^wa* 'big' (< адыг.-кабард. **-šx^wa* < зап.-кавк. **č^wəχ^wa* 'big; strong' < сев.-кавк. **č^wəχ^wV* 'big') не может быть сопоставлено с хат. *hun* никаким образом. Во-вторых, известный хаттский композит *ippi-zinar* 'small? lyre' сопоставляется в Иванов 1985: № 13 с адыг.-кабард. **ɣara-pč:əna* 'a k. of hand musical instrument' ((ст.-)адыг. *ɣара-рč:əна*, кабард. *ɣара-рšəna* 'a k. of lyre or accordion'), где адыг.-кабард. **ɣа* — первый элемент адыг.-кабард. **ɣа-ра* 'hand, finger' — восходит к зап.-кавк. **q^lla* (~ **q^l:la*) 'hand' (< сев.-кавк. **q^w[ā]ʔV* 'arm; bosom, armpit')⁷. Сопоставление хат. *ippi* и адыг.-кабард. *ɣа-ра* остроумно, но неудовлетворительно фонетически.

⁶ Последний согласный в хат. *zinar* мог быть при заимствовании интерпретирован как адыг.-кабард. окончание абсолютива **-r*.

⁷ Вопреки Caucet.dbf & Abadet.dbf, адыг.-кабард. **ɣа-ра* 'hand, finger' вряд ли может быть отделено от убых. *qā-rā* 'hand' и таких композитов, как зап.-кавк. **la-pV* 'foot', абхаз.-абазин. **na-rə* 'hand'. Далее к зап.-кавк. **pV* 'extremity' (< сев.-кавк. **НарV* 'raw, extremity'), несмотря на нерегулярное развитие зап.-кавк. **p* > адыг.-кабард. **p* (вероятно, вторичная диссимилятивная деглоттализация ***ɣа-ра* > **ɣа-ра*, как и в некоторых других похожих случаях).

1.2. хат. *tabarna* (*tabarna*, *tawarna*) 'lord', титул хеттского царя; ^(MUNUS)*tawananna* 'lady', 'Herrscherin', титул хеттской царицы.

= Хет. *labarna-*, *tabarna-* и ^{MUNUS}*tawananna*.

√ Сино-кавк. * $[\dot{c}]_{\dot{c}}$ ēmbi 'superpower' >

Сев.-кавк. * \dot{c} ēmbi 'god; mercy' > нах. * \dot{c} ēbV 'idol, god; heathen deity; priest', ав.-анд. * \dot{c} :VbV 'mercy, grace', лак. *çimi* 'grace, mercy, pity', даргин. **çum* 'pity', ? хурр. *azammi* 'image, figure' (= 'idol').

Сино-тиб. **çūm* 'honour, authority' > кит. 宗 **çūη* 'to honour, go to pay court; ancestor; master', тиб. *gcom*, *bcom* 'pride, haughtiness, arrogance', качин. *çum* 'authority'.

→ Широко обсуждаемые в научной литературе слова, см. Soysal 2005 с лит. и EDHIL с лит. (оба ученых защищают теорию неиндоевропейского, scil. хаттского происхождения *tabarna*) vs. Yakubovich 2009: 229 ff. с лит. и Melchert 2003a: 18 ff. (о хетто-лувийском генезисе *tabarna* и *tawananna*).

Идея заимствования подобного термина царской власти из лувийского или хеттского в хаттский (и палайский) не слишком правдоподобна по общим причинам. Нам известно несколько десятков хаттских заимствований в хеттском (и как раз особенно это касается терминологии царской власти и отправления культа), но ни одного бесспорного хетто-лувийского заимствования в хаттском до сих пор не обнаружено.

Если термин *tabarna* функционировал в хаттском как экзотизм, относящийся именно к хеттскому царю (как термин Καῖσαρ по отношению к римским императорам в древнегреческих текстах), странно, что мы обнаруживаем этот титул в хаттских архаичных формульных пассажах. Формальные же трудности, связанные с хетто-лувийским генезисом *tabarna*, более серьезны.

1) Лувийский атематический глагол *tabar-* 'to rule' не имеет и.-е. этимологии. Сравнение с герм. прилагательным **dapraz* 'heavy; sad, downcast' (Orel HGE: 68) или со слав. прилагательным *dobrъ* 'good' (ЭССЯ 5:

- 45) неудачно как семантически, так и морфологически⁸. Этимологический анализ *tawananna*, предлагаемый в Melchert 2003a: 18 ff. (к и.-е. *stā-, *stāu- 'to stand'), также малоубедителен.
- 2) Лувийская морфологическая модель имени деятеля на *-na* (*tabar-* 'to rule' > *tabar-na-* 'one who rules') оказывается уникальной. Постулирование гипотетического лувийского прилагательного ***tabra-* 'mighty' (ср. предыдущий абзац), от которого произведено прилагательное *tabar-na-* 'mighty' (так Melchert 2003a: 18 ff.), и объяснение атематического глагола *tabar-* 'to rule' как вторичного аналогического образования («back-formation») никак не доказуемы. Несколько иначе Yakubovich 2002; 2009: 229 ff., предполагающий не прилагательное, а лувийское существительное ***tabara-* /daβara/ или /daβara/ 'power' в качестве исходной точки для образования *t/labarna*, что также недоказуемо⁹. Необходимо отметить, что И. Якубович вынужден постулировать две уникальные лувийские фонемы (/δ/, /β/), чтобы объяснить обсуждаемые формы. Далее Якубович обращается к каппадокийской ономастике начала 2-го тыс. до н. э. в попытке найти определенные свидетельства существования лувийского ***tabara-* /daβara/ или /daβara/ 'power'. Он приводит четыре личных имени — *Wa-dapra-*, *Wa-lapra-*, *Waša-tapra*, *Šupi-lapra-* — и атрибутирует их как лувийские. В действительности же первый элемент имен *Wa-dapra-*, *Wa-lapra-* необъясним на лувийском материале (как правильно отмечает сам автор: Yakubovich 2009: 216). Есть два пути анализа каппадокийских *Wa-dapra-*, *Wa-lapra-*. Во-первых, это

⁸ Нужно подчеркнуть, что лув. *tabar-* само по себе не выглядит как «нормальная» анатolianская глагольная основа.

⁹ Якубович вставляет «эпентезу» между губным и *r* из-за лик. А имени собственного *dapara* = др.-греч. Λαπαράς (имя Λαπαράς известно и из некоторых других древнегреческих источников, см. Neumann 2007: 36). Однако значение, происхождение и морфологическая структура лик. *A dapara* неизвестны, и я сильно сомневаюсь, что эта форма может о чем-либо свидетельствовать.

могут быть хаттские имена с частым хаттским префиксом *wa-*. Во-вторых, альтернативным и более вероятным решением было бы членить эти формы как *Wada-pra-*, *Wala-pra-* (к их второму компоненту ср., напр., морфологически прозрачное каппадокийское имя *Šupi-pra*, Garelli AC: 146). Третье имя *Waša-tapra* может быть как лувийским, так и нет, поскольку *waša* представляется элементом, не этимологизируемым внутри лувийского; с тем же успехом *Waša-tapra* может быть, напр., хурритским именем: ср. хурр. *tabri* 'attribut de divinités' (GLH: 247). Наконец, четвертое имя *Šupi-lapra-* выглядит как хеттское, т. к. хорошо зафиксированный каппадокийский элемент *šupi* может быть вполне надежно идентифицирован с хет. (не лув.!) прилагательным *šuppi-* 'clear'. Подытоживая ономастическую дискуссию, с некоторым трудом в каппадокийских личных именах мы можем выделить морфемы *tapra* и *lapra*, чьи происхождение и значение остаются неизвестными. При этом нет никаких указаний на то, что *tapra* и *lapra* представляют собой одну и ту же морфему. Конечно, можно пытаться связывать *lapra* со средиземноморским элементом $\lambda\alpha\beta\theta-$, известным из некоторых божественных эпитетов I-го тыс. до н. э.¹⁰, или с более древним термином $\lambda\alpha\beta\acute{\upsilon}\rho\iota\nu\theta\omicron\varsigma$ = мик. *da-pu/pu2-ri-to-* (см. Yakubovich 2002). С другой стороны, *tapra* может быть идентифицирована с лув. глаголом *tabar-* 'to rule', что, однако, не обязательно ввиду отсутствия гласного между губным и *r* в *tapra* (ср. также выше возможный хурритский этимон *tapra*). В любом случае постулирование лув. / $\delta\bar{\alpha}$ bar/ с уникальной фонемой / δ /, которая передавалась как *t-* в лув. *tabar-* 'to rule' (с различными хет.-лув. производными), но

¹⁰ Карийский город и святилище Зевса *Labraunda*, известный из некоторых античных авторов, таких как Геродот и Страбон ($\Lambda\acute{\beta}\rho\alpha\upsilon\nu\delta\alpha$, $\Lambda\acute{\beta}\rho\alpha\upsilon\delta\alpha$), кипрский эпитет Зевса $\Lambda\alpha\beta\theta\acute{\alpha}\nu\iota\omicron\varsigma$ или же гипотетическое линейное А *-du-pu2-re* 'master' (о последней форме см. Valério 2007).

как *l* в титуле *labarna* и ономастическом элементе *lapra*, вряд ли является обоснованным, с моей точки зрения. Это же касается и идеи, что [δ] — когда гипотетическое [δ]apra стало бродячим ономастическим корнем в Средиземноморье — могло сохранять свои уникальные фонетические характеристики в течение тысячелетия и продолжать писаться то как *l*, то как *d* в неклинописных традициях (ср. примеры Якубовича: микен. *da-pu/pu2-ri-to-* = др.-греч. λαβύρινθος; лик. А антропоним *dapara* = др.-греч. Λαπαράς).

- 3) Лувийская глагольная основа *tabar-* и ее производные, а также соответствия в хеттском (*tabarija-* ‘order, injunction’ и т. д.) никогда не показывают вариативности *t~l*, в то время как *t/labarna* устойчиво пишется как *labarna*, а не ***tabarna* в клинописных лувийских текстах.
- 4) Вариативность *tabarna* ~ *labarna* вряд ли может быть объяснена в рамках хетто-лувийской фонологии. Умозрительный сценарий перехода хет. *l*- < лув. *t*- в заимствованиях из лувийского, иллюстрирующийся этим единственным примером, предложенный в Melchert 2003a: 18 ff., не подтверждается никакими данными и выглядит слишком сложным и искусственным (NB: устойчивое написание *labarna* в клин.-лув. текстах явным образом противоречит фонетической теории Мелчерта). Напротив, нам известен прямо противоположный окказиональный процесс анатол. **T*- > лув. *l*-, о чем см. ниже.
- 5) Наличие фонемы /f/ (*wa_n*) в хат. *tafarna* затруднительно объяснить, если мы принимаем заимствованный характер этой лексемы в хаттском¹¹.

¹¹ Yakubovich 2009: 230 fn. 29, защищая лувийское происхождение хаттского *tafarna*, постулирует для этого случая новую лувийскую фонему /β/ (/daβarna/), которая передавалась знаком ВА хеттами в хеттском и знаком WA_A хеттами в хаттском. Для меня осталось неясным, на каких подтверждающих фактах основана теория Якубовича. Функция знака ВА в хеттской клинописной традиции — тема будущих исследований, но, насколько мы можем судить, ВА использовался хеттскими

Почти все эти проблемы снимаются, если трактовать *tafarna* и *tawananna* как исконные хаттские основы. Несмотря на то, что лексема *tawananna* ни разу не зафиксирована в написании через *wa_a* или *pa*, я полагаю, что мы можем рассматривать хат. *tafarna* и *tawananna* как однокоренные образования, выделяя таким образом хаттский корень *tafa-/tawa-*, чья сино-кавк. этимология (см. выше) полностью удовлетворительна как фонетически, так и семантически. При этом даже если мы исключаем *tawananna* из сравнения, это не влияет на мои итоговые выводы. Морфема *-r-* в *tafa-r-na* представляет собой весьма обычный для сино-кавк. языков суффикс, известный и из некоторых других хаттских основ, как глагольных (*huku-r* 'to see' < сино-кавк. *HōkV 'id.'), так и именных (*zaha-r* 'building wood' ~ сев.-кавк. *çwēχV 'stick; timber'). Именной суффикс *-na* также фиксируется в хаттском: ср. *zipi-na* 'sour' (~ сино-тиб. *cV̄p 'bitter') и, вероятно, *kurkupal* 'peg' ~ *kurkufen-na* 'wooden stand (vel sim.) in rituals' (если *nna* < *lna*).

Лямбдацизированная форма *labarna*, которая не известна хаттскому, но достаточно частотна в хеттских текстах (где она на равных конкурирует с исконным вариантом *tabara*, см. статистику в Soysal 2005: 191 ff.), может представлять собой результат ложной этимологизации. Допустимо предположение, что хетты и лувийцы восприняли *ta-* в *tafarna* как морфему женского рода и попытались заменить ее мужским *la-* по модели ^D*halipinu* '(мужское божество из хаттско-хеттского пантеона)' vs. ^D*hatipinu* '(женское божество из хаттско-хеттского пантеона)' — см. об этом Soysal 2005: 199 ff. (хотя и с противоположными выводами). Конечно же, титул царицы *tawananna* (никогда не фиксирующийся в лямбдацизированной форме) не

писцами просто как окказиональный графический индикатор заимствованных слов (хурритских, лувийских, аккадских, хаттских и т. д.).

подвергается подобному морфологическому переразложению.

Для ламбдацизированной формы *labarna* можно предложить и фонетическое объяснение, т. к. мы знаем, что в некоторых случаях анатол. *T- дает лув. l-. Условия этого фонетического изменения неизвестны, но соответствие хет. *ta-* 'to take' ~ клин.-лув. *la-* 'id.' вряд ли может быть отвергнуто¹². Дополнительные и менее обязательные примеры: хет. *tuhhuessar* 'smoke-substance, incense(-resin)' ~ лувоид? *lu(y)essar* 'incense (-wood)' и хет. *tuwarna-* 'to break' ~ лувизм *:lawarriya-* 'id.'¹³. Исходя из указанного фонетического феномена можно предложить только один простой сценарий: хаттское *tafarna* было заимствовано в хеттский и палайский как *tabarna*, а в лувийский как **tabarna* > *labarna* (*labarna* — единственный вариант, известный лувийским текстам); далее хеттский заимствует *labarna* из хаттского и начинает употреблять этот вариант наравне с исходной формой *tabarna*. Конечно, оба объяснения (морфологическое и фонетическое) вариативности *t-l* в хеттском не самоочевидны¹⁴,

¹² Вопреки Yakubovich 2008: 21²⁴.

¹³ Melchert 2003b: 181 утверждает, что хетты при заимствовании из лувийского передавали начальное *t-* как *l-*. Его примеры таковы: хет. *allappahh-* 'to spite' ~ клин.-лув. *tappa-* 'id.' (возможно, из IE **lap-* 'to lap, lick', однако следует обратить внимание, что хеттский термин, используемый в архаичных ритуалах хаттского происхождения, также напоминает и хаттское слово *alef* 'tongue') и имя собственное хет. *alalimi* ~ иер.-лув. *tal/is-tal/i⁴-mi*. Во-первых, мне непонятно, почему хет. *allappahh-* является лувийским заимствованием. Во-вторых, иер.-лув. антропоним *tal/is-tal/i⁴-mi* должен читаться как *ala-ali-mi* (см. Hawkins 2005: 289–90; Rieken & Yakubovich forthcoming; Yakubovich 2009a). В-третьих, даже если мы примем эти примеры, обсуждаемая форма — это *labarna*, а не ***alabarna*.

¹⁴ Ср. критику морфологического сценария О. Сойсала в Yakubovich 2009: 231. И. Якубович прав в том, что в случае морфологического переразложения заимствованной основы этот процесс стандартно основывается на моделях языка-реципиента (как гол. *zondek* > рус. *зонтик* > *зонт-ик* > *зонт*). Однако типологии известны случаи и переразложения по морфо-

однако они кажутся намного более вероятными, чем объяснение Мелчерта (о котором см. выше).

Что же касается второго элемента в *tawa-nanna*, по всей видимости, *nanna* отражает универсальное детское слово 'мать' — ср., напр., сино-кавк. *nānV 'female breast; mother'. Предполагаемый композит 'honoured /powerful mother' как титул царицы хорошо укладывается в хаттскую матриархальную традицию.

Факт, что *tabarna/labarna* являлось тронным именем первого хеттского царя (основателя династии), нам ничем не помогает, т. к. оба решения эквивалентны. Во-первых, можно предположить, что исходно слово *tabarna/labarna* было личным именем, а стало царским титулом в Анатолии (ср. лингвистическую судьбу лат. *Caesar*). Однако и второй сценарий не менее вероятен: *tafarna* было хаттским царским титулом, который впоследствии оказался заимствован хеттами в качестве тронного имени у царя, типологически ср. немецкие фамилии *Kaiser, Herzog* и т. д. (необходимо отметить, что в основном хеттские тронные имена Древнего царства были этимологически хаттскими и только два или три имени из них допускают лувийскую атрибуцию, см. Goedegebuure 2008: 165, Yakubovich 2009: 251).

Итак, с моей точки зрения, предположение о деривации *tabarna/labarna* от лув. *tabar-* 'to rule' выглядит как современная народная этимология. С другой стороны, я не могу исключить, что хаттская основа *tafa-r* с вероятным значением 'to have honour/authority/power' могла быть заимствована в хетто-лувийские диалекты как *tabar-* 'to rule' вместе с другими хаттскими терминами царской власти. Вторым гипотетическим источником лувийского глагола мог бы быть зап.-сем. глагол **dbr* 'to lead, force to walk' (угар., др.-

логическим моделям языка-источника. Напр., название американской компании «Keds» было заимствовано в русский как *кед*, *кеды*, где *-s* оказалось понято как показатель плюралиса и отброшено.

евр., оф. араб., палм. и т. д., также, возможно, араб.; см. DUL: 263, HJ: 239). Природа и источник средиземноморского ономастического элемента *laB(a)r / TaB(a)r* остаются темными. Вполне удовлетворительная этимология микен. *da-pu/pu₂-ri-to-* = др.-греч. *λαβύρινθος* была недавно предложена Яцемирским (2009: 110): Hsch. *λάβριος · βόθυνος* 'hole, trench, or pit dug in the ground'¹⁵.

Совершенно иначе в Soysal 2005 (по следам старой идеи Г.-С. Шустера): *ta-far-na* производится от хаттских корней *far* 'thousand' и *na* '?', т. е. *tafarna* как '(lord of) thousand *na*-s'. Подобный анализ представляется достаточно искусственным. Во-первых, эллиптическая конструкция '(lord of) ...', видимо, не имеет параллелей в известном хаттском материале. Во-вторых, виртуальная конструкция *ta-far-na* не имеет ожидаемого суффикса мн. ч. *fa-*, отмечаемого в схожем композите *far-fa-šhaf / ta-far-fa-šhaf* 'thousand deities' (от *šhaf* 'god'). В-третьих, корень *na* не

¹⁵ О греческих субстратных суффиксах *-υρ* и *-ιϑ* см. Beekes 2007 (§ С.2). За исключением *λάβριος*, ясных примеров на суффикс *-ιϑ* нет (ср. *βαλλιρός / βάλερος / βαλίνος* [Arist.] 'a kind of carp' и *κίσιονις* [Hsch.] 'a bird' ~ *κίσιονις · είδος όρνέου* [Suid.], примеры предложены С. А. Яцемирским, уст. сообщ.), однако тут можно провести параллель с догреческими суффиксами *-ιλ/-υλ* и *-ιϑ/-υϑ*, которые хорошо засвидетельствованы в обоих вариантах: ср. такие дублиеты, как *τόρδύλον ~ τόρδιλον* 'hartwort, *Tordylium officinale*' и, вероятно, *μιστίλη ~ μιτύλη* 'crust of bread scooped out to the form of a spoon' (примеры предложены С. А. Яцемирским, уст. сообщ.).

Что касается колебания *d-l* в догреческой (т. е. «минойской») лексике, этот феномен не является эксклюзивной особенностью лексемы *λαβύρινθος*. Ср. другие примеры в Beekes 2007 (§B.5.7): микен. *ka-da-mi-ta* ~ др.-греч. *κάλαμίνθη* 'name of "a good-smelling plant"', *δάφνη* (Hom.+) ~ пергийское *λάφνη* (Hsch.) 'sweet bay (*Laurus nobilis*)', *ἄβλαροι* (Hsch.) 'wood; tree' ~ *βδαροί* (Hsch.) 'tree', *Όδυσσεύς* ~ *Όλυσσεύς*, также *δίσκος* (Hom.+) ~ *λίσκος* (Hsch.) 'quoit'. Очень похоже на то, что первичной функцией звонкой серии линейного письма В (т. е. серии *d*) была передача какой-то особой фонемы «минойского» языка (напр., это могла быть латеральная аффриката).

зафиксирован где-либо еще в хаттском (кроме сойса-ловского теоретического *ta-wanan-na* '(lady of) *wanan na-s*'), что делает такой моноконсонантный анализ крайне сомнительным.

Иванов 1985: № 53 анализирует хаттское *tawananna* как композит *tawa-nanna*, сравнивая хат. *tafa* с адыг. & кабард. *пə-wa*, *пə-wa-ž* (*ныо*, *ныожь*, *наужь*) 'old woman', а *nanna* с зап.-кавк. **nanV* 'mother, mummy; old woman, granny' (< сев.-кавк. **nānV* 'female breast; mother'). Хотя элементы адыг. композита *пə-wa* не до конца ясны, ивановские этимоны для хат. *tawa*-неудачны как фонетически, так и семантически.

Кроме лексических заимствований, необходимо упомянуть о двух фонетических процессах, разделяемых хаттским и хеттским языками. Первая такая изоглосса — это ассибиляция /ti/ > /tsi/. Вторая изоглосса — это диссимиляция /uц/ > /um/. Подробнее см. Kassian forthc.

2. Хурритский язык

В отличие от индоевропейских языков Анатолии, хурритский показывает достаточно мало следов лингвистических контактов с хаттским, что достаточно удивительно. Можно отметить следующие лексические единицы.

2.1. хат. *hapalki* 'iron' > хурр. *habalgi* / *abalgi* 'iron'. См. ниже подробный комментарий к этому бродячему термину.

2.2. хат. *hamuruwa* 'beam, rafter', '(Dach)balken', 'балка'
= хет. GIS.ÜR.

→ Возможно, заимствование из абхаз.-абазин. **q^wə(m)bələra* 'beam over the hearth, cross-beam' (см. ниже).

Хаттский *terminus technicus* был заимствован в аккадский *amrû* (OB, Nuzi) 'beam, timber (in construction of house, ship)' (CDA: 15; CAD A2: 78), видимо, через хурритское посредство и с той же утратой *h-*, что мы наблюдаем в хурр. *abalgi* 'iron' < хат. *hapalki* 'id.'.

2.3. хат. *zipina* 'sour', 'кислый' (субстантивировано?).

= Хет. *EMṢU*.

√ Сино-тиб. *cVp (~ c-) 'bitter, pungent' > бирм. *śap* 'be hot, pungent', *čhip* 'poison', качин. *žap*² 'be hot, pungent, peppery', *таžap*³ 'red pepper', лушаи *thīp* 'to smart, be bitter (as egg-fruit)'.

→ Интересная хат.-сино-тиб. изоглосса. О хат. суффиксе *-na* см. выше.

Иванов 1985: №81 сравнивает хат. *zipina* с зап.-кавк. композитом *c^wV-ǰ^wV 'to get sour; sour' (< сев.-кавк. *fīmVjǰwǎ 'sour' + *=ǰwVn 'to be sufficient, enough'), что неудовлетворительно фонетически.

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк.).

Хаттское слово могло быть заимствовано в хурритский как термин культа, ср. хурр. (Богазкёй) ^{NINDA}*zippinni* 'a k. of pastry used in rites' (GLH: 305).

2.4. хет. *kait* 'grain, corn, grain-crop' (также обожествленное).

= Hitt. *halki-*.

→ Как было справедливо отмечено в Haas & Thiel 1976, хур. *kade* 'grain, barley' (= шум. ŠE; также обожествленное: ^D*kade-na*; см. GLH: 133) не может быть отделено от данной хаттской основы. Для хур. *kade* Diakonoff & Starostin 1986: 28 предлагают сев.-кавк. этимологию — сев.-кавк. *ǰədwi / *ǰəǰədwi 'corn', что представляется убедительным. Ввиду этого я склоняюсь к предположению, что хат. *kait* 'grain' является хурритским заимствованием¹⁶.

¹⁶ Миграционный путь этого термина мог быть и более длинным. Ср. догреческое кодо- 'поджаренный ячмень' (κοδομεία 'barley-roasting' [Poll.], κοδομείον/κοδομήιον 'vessel for roasting barley' [Poll., Hsch., Suid.], κοδομείζ 'one who roasts barley' [Hsch.; -εὔτοια, Poll., Phot.], κοδομείω 'to roast barley' [Hsch.]) или же Hsch. κἀρρεμα · σίτου φουγγός. Вопреки Иванов 1978: 158 сл., темное лик. Α χθθα- вряд ли сюда относится, ср. Neumann 2007: 135 сл. с литературой и обсуждением.

3. Семитские языки

Хаттский обладает рядом заимствований из семитских языков. Неожиданным является то, что в списке преобладают западносемитские лексемы, а не аккадские.

Аккадское или западносемитское заимствование:

3.1. хат. *kazue* 'goblet, cup', 'кубок, чаша'.

→ Давно распознанное семитское заимствование: аккад. *kāsu* 'goblet, cup', угар. *ks* 'id.' и т. д. (см. AHW: 454; DUL: 459). Ср. также хурр. (Bogh.) *kaz(z)i* / *kaši* 'goblet' (Catsanicos 1996: 242 f.), которое предположительно сравнивается с сев.-кавк. **gažinV* 'jar, jug' в Старостин 1995/2007: 632, однако в действительности должно представлять собой тот же ареальный культурный термин (далее см. Soysal 1999: 164–165, сн. 7).

Аккадское заимствование:

3.2. хат. *kusim*, *kušim* 'throne', 'трон'.

→ Давно распознанное семитское заимствование: аккад. *kussû-m*, *kussiu-m* 'chair, throne', угар. *ksu* 'seat, throne' и т. д. (см., напр., DUL: 460). В свою очередь, семитский термин, по всей видимости, был заимствован из шумерского *gu.za* 'chair, stool, throne'. Хаттское *-m*, видимо, отражает аккадскую мимацию.

Западносемитские заимствования:

3.3. хат. *karam* 'wine', 'вино', также в ^{lú}*fintu-kkaram* 'cupbearer', 'кравчий'.

→ Давно распознанное культурное слово. Хаттский термин был заимствован из какой-то зап.-сем. формы, восходящей к зап.-сем. **karm*: угар. *krm* 'vineyard', араб. *karm* 'vineyard', араб. *karm-* 'vine, grapevine' и т. д. (см. Semet.dbf), далее, вероятно, к аккад. *karmu* 'heap, mound' (Bab. 'ruin mound', M/NAss. 'grain heap', см. CDA: 149), мехри *karmaym* 'mountain',

харсуси *kermaym* 'mountain' с внешней афразийской этимологией, о чем см. Afaset.dbf.

3.4. хат. ^{LÚ}*maššel* (or ^{LÚ}*paršel*) 'comedian, performer', 'клоун, актер'.

= Хет. ^{LÚ}ALAN.ZU₉.

→ Если первый знак имеет фонетическое значение MAŠ, а не PAR, тогда основа является зап.-сем. заимствованием: угар. *mšl* 'cymbal player', аккад. (RS) *māšilu* '(a musician, performer)', далее ср. др.-евр. (библ.) *māšiltajim*, угар. *mšltm* 'cymbals' от семит. *šll* 'to clink, tinkle' (см. DUL: 586; KB).

3.5. ? хат. ^{LÚ}*kiluh* 'courier-spy', 'Läufer-Kundschafter', 'скороход-шпион'.

= Хет. ^{LÚ}NÍ.ZU ^{LÚ}KAŠ₄.E.

→ Напоминает зап.-сем. формы со схожей семантикой: угар. *kl* 'courier, messenger', др.-евр. (библ.) *kal* 'light, nimble, rapid (said of messengers); something speedy, fast riding animal, racer' от семит. корня **kl* 'to be quick, rapid' (см. DUL: 700; KB). Таким образом, может быть зап.-сем. заимствованием, оформленным (хаттским?) суффиксом *-h*.

3.6. ? хат. ^(D)*šaru*, ^(D)*taru* 'Storm-god', 'бог Грома' (стандартное написание: *ša-a-ru* и *ta/da-a-ru*).

= Хет. ^(D)IM, ^(D)U.

→ Звучит странно, но данное имя божества может быть семитским заимствованием: семит. **šaʕar* > аккад. *šāru* (OАкк.+) 'wind (also mythologized or even deified); air; breath', др.-евр. (библ.) *šaʕar* 'heavy gale', *šāšārā* 'high wind', *šʕr* 'to be stormy' (CAD S2: 133 ff.; KB).¹⁷ Теоретически хаттское написание плене может отражать зап.-сем. *ʕ*, а хаттское чередование *t~š* передавать сибилантный латерал.

¹⁷ Деир Алла *šr* 'heavy rain' (HJ: 1191), вероятно, этимологически относится к араб. *šrr* 'to pour'.

Альтернативное сравнение с семит. **tawr-* 'bull, ox' (аккад. *šūru*, угар. *tr*, др.-евр. *šōr* и т. д., см. SED 2: #241), о чем см. Klinger, StBoT 37: 147₈₁ и Schwemer 2001: 126₈₇₁, менее удачно фонетически.

3.7. ? хат. *šep* в редуцированной основе *šep-šep* 'footwear, shoes', 'обувь'.

= Хет. KU^šE.SIR.

→ Напоминает некоторые формы из семитских языков с «обувным» значением: сир. *šēpā* 'scapus (caligae); мисро *našī* и араб. *šabāt-* 'chaque côté de la chaussure', которые могут восходить к семит. **šayp* 'foot' (аккад. *šēpu* 'foot' ~ сокотри *šab, šaf* 'foot' и другие языки MSA), см. SED 1: #269 с обсуждением.

С другой стороны, хат. *šep* напоминает сев.-кавк. **māčVj* 'boot, shoe' (> нах. **māčVj*, ав.-анд. **mači(jV)* (~ -o-), лезг. **š^wVm(a)* и осет. *mest-* 'чувык', турец. *mest*, груз. *mesṭi* и т. д. (см. Абаев 2: 112) — бродячее слово. Если этимология правильна, метатеза в хаттском (тот же процесс, что и в пралезгинском) произошла после регулярной анлаутной деназализации **m-* > **p-*.

Вопреки Иванов 2009, для двух следующих хаттских слов семитский источник не представляется вероятным в силу различных причин: хат. *milup* 'bull, ox' ~ сем. **?alp* 'cattle' и *fin* 'child, son' ~ сем. **bin* 'son'. Фонетическое сходство хат. *šam(a)* 'to hear, listen (vel sim.)' ~ сем. **šVmaš-* 'to hear' и хат. *šuf* 'ox' ~ аккад. *šuppi* 'white sheep', угар. *sp* 'white sheep' также, по всей видимости, случайно.

Не известно ни одного надежного примера на обратное направление заимствования (хаттский > семитские).

4. Прусападнокавказские диалекты

По крайней мере, две хаттские основы могут быть достаточно надежно распознаны как зап.-кавк. заимствования.

4.1. хат. *hapalki* 'iron', 'железо'.

= Хет. AN.BAR.

→ Это же слово фиксируется в хеттском (*habalki* 'iron') и хурритском (*habalgi* / *abalgi* 'iron'), где оно, по всей видимости, должно трактоваться как хаттское заимствование. Далее ср. ср.-асс. *habalginnu* 'a k. of metal' (Reiter 1997: 399 f.), что отражает тот же термин, заимствованный, видимо, через хурритское посредство. Если слово собственно хаттское, тогда, наверное, оно должно члениться как *ha-palki* от гипотетического корня **palk*¹⁸.

¹⁸ Ср. Valério & Yakubovich forthcoming: fn. 17, где осторожно предполагается, что хат. ***palki* 'iron (ore?)' было заимствовано в лувийский как *parza* 'iron ore', а затем лувийская форма была воспринята соседними семитскими диалектами: аккад. *parzillu* 'iron', угар. *brdl* 'iron' и т. д. (первый раз идея о связи между хат. *ha-palki* и семитскими словами была высказана в Ancillotti 1975, но без фонетического объяснения по причине отсутствия лувийского звена). Однако теория хаттского происхождения лувийского термина представляется достаточно смутной. Действительно, развитие *ki* > лув. *z* может быть теоретически объяснено в рамках пралувийского процесса и.-е. *k'* > анатол. *k'* > лув. *z*, но переход *l* > *r* совершенно немотивирован (поздние топонимические свидетельства с колебанием *l-r* вряд ли могут здесь что-либо подтверждать, с моей точки зрения). Надо добавить, что кроме *parza* единственный случай, где мы можем подозревать *ki* > лув. *z* в заимствовании, — это виртуальное лув. ***zinar* 'lyre' < зап.-сем. **kinnar* (см. выше sub *zinar* 'lyre'), но и эта этимология аналогичным образом весьма гипотетична. С другой стороны, ср. лув. ^{ci}*škišhit-* 'chair, throne' < хурр. *kešhi* без ассибиляции. В любом случае, если принять теорию Якубовича о пути заимствования из хаттского в лувийский, то по всей видимости, мы имеем здесь дело с поздним переразложением (*ha-palki*), т. к. западнокавказский источник хаттского термина представляется очень вероятным.

Другим проблемным случаем является микен. *pa/ra-ra-ku*, которое может обозначать какой-то металл. Его традиционный конъектурный перевод — 'серебро' или 'олово', однако Казанскене & Казанский 1986: 66 предлагают значение 'железо', связывая *pa-ra-ku* с хат. *hapalki*. Несмотря на факт, что морфологически и фонетически связь микен. *pa/ra-ra-ku* и хат. *hapalki* неясна (кластеры типа /lkV/, /rkV/ должны передаваться в линейном письме В как *kV*, а не *ra-kV*), идея Казанских была принята некоторыми исследователями. Однако альтернативная интерпретация этого «минойского» корня — 'смарагд', 'синева-

С другой стороны, Saucet.dbf (опираясь на ивановскую гипотезу западнокавказской атрибуции хаттского) связывает хат. *hapalki* с зап.-кавк. композитом $*b^w\lambda^w\delta$ - λ^wV 'iron', букв. 'metal + blue': "it seems very tempting to relate $*b^w\lambda^w\delta$ - λ^wV to the attested Hatti name for 'iron', *χар/walki* (with χVw - rendering $*b^w\lambda^w$ - and $-lk$ - rendering the lateral affricate $-\lambda^w$ -)".

Т. к. предлагаемые фонетические соответствия между хаттским и празападнокавказским никак не поддерживаются остальным материалом, единственное, что мы можем здесь обсуждать, это идея заимствования зап.-кавк. $*b^w\lambda^w\delta$ - λ^wV > хаттский/хеттский/хурритский. Необходимо подчеркнуть, что зап.-кавк. языки имеют и другую форму, которая фонетически представляется более вероятным кандидатом на источник заимствования термина *hapalki*, несмотря на разницу в значении: адыг.-кабард. $*b^wa$ - $p\lambda\acute{a}$ '(red) copper' (букв. 'metal + red') < виртуальное зап.-кавк. $*b^w\lambda^w\delta$ - $p\lambda\lambda$, где палатализованный латерал λ передается хаттским *lki* (ср. хат. *malhip* 'good, favorable' < зап.-кавк. $*ma\lambda^wV$).

Зап.-кавк. $*b^w\lambda^w\delta$ - λ^wV 'iron' было независимо заимствовано в хетто-лувийские как лувоид *kiklu(b)*-/*kikli(b)*- 'iron' (об этой основе см. HED K: 174 f. с лит. и обсуждением) с альтернативной передачей «экзотических» фонем: зап.-кавк. палатализованный увулярный фрикативный $*b^w\lambda^w\delta$ > *ki*, а зап.-кавк. лабиализованная латеральная аффриката $*\lambda^wV$ > *klu(b)*. Затем слово проникло (через хетто-лувийцев?) в др.-греч. как *Χάλυψ* / *Χάλυβος* — 'the Chalybes (a tribe in north Anatolia, who was famous for the preparation of steel)', также аппелятив 'hardened iron, steel' (A.Pr., Hdt. и т. д.).

Что касается др.-греч. *χαλκός* (микен. *ka-ko*) 'copper', этот термин может независимо происходить из зап.-кавк. $*b^w\lambda^w\delta$ - λ^wV 'iron' (так в Старостин 1985/2007: 304,

то-зеленоватый' (ср. Hsch. βαρακίς · γλαύκινον ἱμάτιον 'bluish-grey cloth' и т. д.) — кажется более удачной, см. Melena 1987: 224 ссл.

№ 49), однако семантически более предпочтительным источником представляется зап.-кавк. форма $*B\Gamma^w\partial-\lambda^wV$ 'copper, bronze', букв. 'metal + white', которая может быть реконструирована на основе убых. $w\partial-s^w\acute{a}$ 'id.'.

В конечном итоге, один (или более) из трех зап.-кавк. металлургических терминов, обсуждаемых выше, — $*B\Gamma^w\partial-\lambda^wV$ 'iron' ('metal + blue'), $*B\Gamma^w\partial-p\acute{a}\lambda^w$ '(red) copper', $*B\Gamma^w\partial-\lambda^wV$ '(white) copper' — распространился по всей Евразии: ср. балто-слав. $*gelež-$ 'iron', тайское $*hleḥ$ 'iron' и т. д., см. Старостин 1985/2007: 304 (№ 49), Kun Chang 1972.

4.2. хат. *malhip* 'good, favorable', 'хороший, благоприятный'.
= Хет. *aššu*, *aššiyant-*, SIG₅-*ant-*, SIG₅-*in*.

→ Морфологически неясное образование.

Как было указано в Chirikba 1996: 428, очень похоже на зап.-кавк. $*ma\lambda^wV$ 'good, luck'. Вероятно, зап.-кавк. заимствование, где палатализованный лабиализованный латерал $*\lambda^w$ передается хаттским *lip*. Зап.-кавк. корень имеет хорошую внешнюю этимологию: сев.-кавк. $*w\acute{e}n\lambda^w\acute{e}$ 'good, luck'.

4.3. ? хат. *pašun*, *pšun*, *fašun?* 'breath?; soul?; lung?', 'дыхание?; душа?; лёгкое?'.
= ? хет. ZI.

→ К сожалению, значение хаттской основы надежно не устанавливается. Известны некоторые зап.-кавк. формы очень близкого фонетического облика:

- 1) зап.-кавк. $*p\acute{a}sA$ 'soul, spirit', которое анализируется как $p\acute{a}-sA$, где $*p\acute{a}-$ — частотный зап.-кавк. префикс, а корень $*sA$ восходит к сев.-кавк. $*\acute{q}\acute{a}m\acute{s}a$ (~ -ə, -i) 'sky, cloud; soul, breath; god';
- 2) зап.-кавк. $*p\acute{a}\acute{s}^wA$ 'to breathe; to get tired; to die', содержащее тот же префикс $*p\acute{a}-$ и сев.-кавк. корень $*\acute{s}iHwV$ 'breath, to breathe' (нах. $*sa$ 'soul', ав.-анд. $*s:uh-$ 'to get tired', лак. $s:i\acute{h}$ 'breath, vapour').

Поскольку хаттская морфологическая система не знает никаких соответствий зап.-кавк. префиксу $*p\acute{a}-$ (старый классный показатель?), в данном случае можно

говорить только о гипотетическом заимствовании зап.-кавк. > хат.

См. Браун 1994: 20 & Chirikba 1996: 424 (хат. + зап.-кавк. **pəsA*). Ср. также хат. *piš-an* 'to blow on, fan'.

4.4. ? хат. *hamuruwa* 'beam, rafter', '(Dach)balken', 'балка'.

= хет. GIŠ.ÜR.

→ Если слово исконное, то теоретически может раскладываться как *ha-turu-a* с именным префиксом *ha-*, хотя анлаутное *m-* в исконном корне маловероятно.

Иванов 1985: № 5 сравнивает хат. *hamuruwa* с зап.-кавк. корнем **pəqʷa* (~ *p:-*, *χʷ*) 'wood, timber' (< сев.-кавк. **mħərqwə* (~ -ʕ-) 'birch; timber'), используемым в композитах, обозначающих различные деревянные инструменты. Фонетически неудовлетворительно.

В свою очередь, Chirikba 1996: 423 приводит абхаз.-абазин. композит **qʷə(m)bələra* 'beam over the hearth, cross-beam', который теоретически может быть источником заимствования хаттского термина.

Хаттский *terminus technicus* был заимствован в акадский как *amrû*, о чем см. выше.

В одном случае мы должны подозревать заимствование хаттского термина в западнокавказский:

4.5. хат. *zinar* 'a k. of lyre' > адыг.-кабард. **p-č:əna* 'non-percussion musical instrument (in general)', о чем см. выше.

Факт хат.-зап.-кавк. контактов весьма интересен, т. к. все известные зап.-кавк. языки принадлежат к синтаксическому типу SOV и это же следует реконструировать и для зап.-кавк. праязыка. Хотя я в целом согласен со схемой хаттско-хетто-лувийского взаимодействия в начале II-го тыс. до н. э., предложенной в Goedegebuure 2008, факт хат.-зап.-кавк. контактов добавляет некоторые новые опции в

социолингвистические сценарии, обсуждаемые П. Гуде-гебюре¹⁹.

5. Шумерский язык?

5.1. хат. *tuha* и *muhal* 'hearth', 'очаг'.

= хет. *hašša-*.

→ Анлаутное *m-* должно указывать на неисконное слово.

Конечно, хат. *muhal* весьма похоже на шум. (ED Ша+) *muhaldim* 'cook' (вероятно, заимствовано с серьезным фонетическим искажением в аккад. *nuhatimmi* 'cook'), где можно вычленять элемент *-dim* (< *dīm* 'to fashion, create'), обычно образующий названия профессий: ср. *kug.dīm* 'gold or silver smith' (*kug* 'silver'), *gīš.dīm* 'wood carver' (*gīš* 'wood'), *pana.dīm* 'bow maker' (*pana* 'bow') и т. д. Тем не менее, идея хаттско-шумерских лексических контактов сегодня представляется слишком фантастичной, чтобы всерьез ее обсуждать.

6. Древнегреческий язык?

Древнегреческие диалекты обладают рядом заимствований из западнокавказских прадиалектов, см. Николаев 1985 (некоторые этимологии С. Л. Николаева спорны, но часть представляется весьма вероятной). Ввиду этого следует отметить следующий хаттский термин:

6.1. хат. *kinawar* 'copper', 'медь'.

= хет. URUDU.

→ Морфологически темная основа. Без сомнения, хаттское слово связано с др.-греч. κιννάβαρι 'cinnabar'. Бродячее слово ('минерал красного цвета')?

¹⁹ *malhip*, видимо, является основным хаттским словом со значением 'хороший', т. е. входит в наиболее базовую и устойчивую часть словаря (100-словный список Сводеша). Если *malhip* действительно заимствовано < зап.-кавк. **maχ^wV* 'good, luck', это предполагает, что хаттский и празападнокавказский языки взаимодействовали намного интенсивнее, чем нам сейчас представляется, исходя из имеющихся хаттских данных.

Soysal 2004: 365 осторожно сравнивает др.-греч. Κύπρος и хур. *kab(a)li* 'copper' с данным хаттским термином, предполагая фонетическое развитие *knwr > knpr > kpr*. У меня нет уверенности, что предположение о немотивированном падении *-n-* и колебании *l~r* может быть так легко принято, однако происхождение топонима Κύπρος заслуживает дополнительных комментариев. Κύπρος как название острова Кипр известно начиная с наиболее древних греческих авторов (Ном.+), а также, возможно, из текстов линейного В (*ku-pi-ri-jo/a*, см. обсуждение в Knapp 2008: 303 ff.). В классический и эллинистический периоды основа получила ряд производных с общим значением 'кипрский': Κύπριος 'Cyprian', κύπριος '1. made from the flower of Cyprus; 2. made of copper', κύπριος 'of copper' и некоторые другие. Сходный семантический переход от топонима к обозначению металла засвидетельствован и в латинском: *cuprium* [aes] > *cuprum* (вероятно, под греческим влиянием). Греческое и латинское развитие 'кипрский' > 'медь' датируется очень поздним временем (нач. 1 тыс. н. э.?) и не помогает прояснить внутренний смысл обсуждаемого названия острова.

Могут быть предложены две простейшие гипотезы о происхождении Κύπρος:

1. *cupr-* было самоназванием обитателей Кипра, о чьем языке мы ничего не знаем. Однако эта основа не была известна на Ближнем Востоке, где название Кипра выглядело как *Alašiya* (*Alasiya*) — топоним/этнимом, широко используемый хеттами, хурритами, семитами и египтянами с кон. 3 по 1 тыс. до н. э. (Knapp 1996). Некоторые авторы (Neu 1997: 4 с лит.) предполагают, что *Alašiya* являлось не эндонимом, а экзонимом, произведенным от названия металла, и связывают *Alašiya* с клинописной формой *alaš* 'copper' / 'bronze', засвидетельствованной в слове из Нузи²⁰.

²⁰ Начало разработок медных месторождений на Кипре относится ко второй половине III тыс. до н. э. (Knapp 2008: 76). Самые

В действительности же, шумерской формы *alaš* 'copper'/'bronze', видимо, не существует, см. Reiter 1997: 166 с лит.

2. *supr-* — это слово «минойского» языка (значение данного слова могло быть любым), которое использовалось критянами как экзоним, обозначающий Кипр и впоследствии заимствованный в данной функции греками.

Тем не менее — особенно после открытия хурритского слова *kab(a)li* 'copper' — некоторые авторы (напр., Neu 1997, см. также Reiter 1997: 295 с предш. лит.) предприняли попытки истолковать *Κύπρος* как «медную (страну)», чье название продолжает вышеупомянутый хурритский термин. Я полагаю, однако, что в действительности ситуация является более сложной. На Древнем Ближнем Востоке зафиксировано три схожих звуковых сочетания, обозначающих «базовый» металл (медь, бронзу или железо).

1. *KPL* в северной зоне. Это сочетание представлено в хур. *kab(a)li* 'copper', эблаит. *ga-ba-lum* 'copper' (Neu 1997: 4) и в цезско-аваро-андийском **k^wibV-l-* 'a k. of metal': ав.-анд. (только андийское) **k^wibV* 'iron', цез. **k^wibu* A 'lead', формы хорошо представлены как в цезской, так и в андийской группах, но не имеют внешней северокавказской этимологии (в Saucet.dbf их виртуальная сев.-кавк. праформа реконструируется как **kwiwV* (~ *-ē-*, *-b-*)).²¹

ранние бесспорные свидетельства экспорта меди с Кипра в Левант, а также на Крит датируются началом 2 тыс. до н. э. (Knapp 2008: 76 ff., 356), и с этого момента на Ближнем Востоке остров начинает устойчиво ассоциироваться с медью.

²¹ По глоттохронологии разделение цезско-аваро-андийского праязыка произошло ок. 2000 г. до н. э. Неясно, как соотносятся друг с другом хур. *kabali* и цез.-ав.-анд. **k^wibV*. Морфема *-(a)l-i* является хурритским суффиксом, известным из некоторых именных основ. В свою очередь цез.-ав.-анд. корень **k^wibV* образует косвенную основу на *-l* в современных цезских и андийских языках (напр., бежта и гунзиб *kobo-li-*, годобери *kubi-la-*, карата *kuba-l-*), так что косвенная основа **k^wibV-l-* может быть реконструирована на цез.-ав.-анд. прауровне. Если хур. *kabali*

2. ZPR в южной зоне: элам. *zabar* (ME), *zubar* (ME) 'copper', шум. *zabar, zubar* (ED IIIb+) 'bronze', аккад. *siparru* (OAKk+) 'bronze', см. Hinz & Koch EW: 1273, 1310; ePSD; CAD S: 296 ff.; Krebernik 2006: 83.
 3. PRZ в центральной и северной зонах. Это лув. *parza* 'iron (ore?)' (зафиксировано в производных) и различные семитские формы со значением 'железо': аккад. *parzillu* (OA, OB+), угар. *brdl*, др.-евр. и финик. *brzl*, араб. *przl*, амор. /barzillu/, ESA *frzn*, араб. *firzil* (CAD P: 212 ff.; DUL: 236; Artzi 1969). Изолированное современное сванское *berež* 'iron', видимо, продолжает ту же древнюю основу. Данный комплекс форм был недавно проанализирован в Valério & Yakubovich forthc.: авторы постулируют значение 'железо, железная руда' для лув. корня и предполагают, что именно лув. *parza*- послужило источником упомянутых лексем в остальных языках (лув. *parza*-, однако, не поддается этимологизации ни внутри лувийского, ни на индоевропейском материале). Также в это гнездо должны быть включены данные нахских языков: чечен., ингуш. *borza* 'bronze', чечен. *borzanan* 'of bronze' (слово не отмечено в бацбийском языке; виртуальная пранахская форма должна выглядеть как **borza-n*)²².
- Другие сочетания вроде KNBR (хат. *kinawar* 'copper' выше) или KBR (шум. KA.BAR = /zabar/ 'a metal' / 'bronze', Reiter 1997: 294 с лит.) более маргинальны.

было заимствовано < цез.-ав.-анд. **k^wibV-l-*, иноязычный косвенный показатель мог быть воспринят хурритами как их родной суффикс. Обратный сценарий аналогичен: хур. *kabali* > цез.-ав.-анд. **k^wibV-l-*, где хур. *-ali* было переинтерпретировано как косвенный показатель. Вокалическое соответствие между хур. и цез.-ав.-анд. формами, однако, неясно: /a/ vs. /^wi/, что делает предположение о прямом заимствовании несколько спорным. Ср. также Старостин 1995/2007: 632, где сев.-кавк. **kwivV* (~ -ē-, -b-) и хур. *kabali* связываются этимологически, но я не уверен, что это оправдано для подобного культурного термина.

²² Распад чечено-ингушского праязыка датируется нач. II тыс. н. э.

Ни одна из этих звуковых комбинаций напрямую не совпадает с др.-греч. Κύπρος. Единственный сценарий, который можно тут подозревать, — это заимствование одной из вышеперечисленных основ в «минойский» язык в значении 'медь', где слово подверглось определенным фонетическим преобразованиям, а затем было заимствовано греками как название страны — экспортера меди. Пока, однако, такому сценарию нет никаких подтверждающих фактов.

Литература

- Абаев — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва—Ленинград, 1958—1995.
- Браун 1994 — Я. Браун. Хаттский и абхазо-адыгский (Hattian and Abasgo-Kerketian) // Rocznik Orientalistyczny 49 (1994). P. 15–23.
- Иванов 1978 — Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3–8 // Этимология 1976. М., 1978. С. 153–162.
- Иванов 1985 — Вяч. Вс. Иванов. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия / Ред. Б. Б. Пиотровский и др. М., 1985. С. 26–59.
- Иванов 2009 — Вяч. Вс. Иванов. К исследованию отношений между языками // Вопросы языкового родства [Journal of Language Relationship], №1. Москва, 2009. С. 1–12.
- Казанскене & Казанский 1986 — В. П. Казанскене, Н. Н. Казанский. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Ленинград, 1986.
- Касьян 2010 — А. С. Касьян. Хаттский язык // Языки мира: Реликтовые языки Передней Азии. М., 2010. С. 168–184.
- Николаев 1985 — С. Л. Николаев. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия / Ред. Б. Б. Пиотровский и др. М., 1985. С. 60–73.
- Старостин 1985/2007 — С. А. Старостин. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Старостин 2007. С. 289–311 [First publ.: Древняя Анатолия / Ред. Б. Б. Пиотровский и др. М., 1985. С. 74–94. In English: The Cultural Vocabulary in the Common North Caucasian Lexical Stock // Russian Oriental Studies. Brill, Leiden, 2004. P. 211–245.]
- Старостин 1995/2007 — С. А. Старостин. Несколько новых хурритских этимологий // Старостин 2007. С. 629–630. [First publ.: Вестник древней истории. Вып. 213 (2). М., 1995. С. 133–136]

- Старостин 2007 — С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М., 2007.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Ред. О. Н. Трубачев. Т. 1 —. Москва, 1974 —.
- Яцемирский 2009 — С. А. Яцемирский. Labyrinthos: суффикс -nth- в минойском и тирренских языках // Аспекты компаративистики 4 [Aspects of Comparative Linguistics 4] / Под ред. Г. С. Старостина. М.: Изд-во РГГУ, 2009. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXVIII.) С. 98–111.
- Abadet.dbf — West Caucasian (Abkhaz–Adyghe) etymological database by S. A. Starostin (included in NCED) // Available online at Tower of Babel Project.
- Afaset.dbf — Afroasiatic etymological database by A. Militarev and O. Stolbova // Available online at Tower of Babel Project.
- AHW — W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden: O. Harassowitz, 1965–1981.
- Ancillotti 1975 — A. Ancillotti. Un antico nome del ferro nel Vicino Oriente // *Acme*, № 28/1–2 (1975). P. 27–48.
- Artzi 1969 — P. Artzi. On the Cuneiform Background of the Northwest-Semitic Form of the Word brdl, b(a)rz(e)l, 'Iron' // *Journal of Near Eastern Studies* 28/4 (1969). P. 268–270.
- Beekes 2007 — R. S. P. Beekes. Pre-Greek. The Pre-Greek loans in Greek. 3rd version, Jan. 2007. Unpubl. MS, available online at www.ieed.nl.
- CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956 —.
- Catsanicos 1996 — J. Catsanicos. L'apport de la bilingue de Hattusa à la lexicologie hourrite // *Amurru* 1: Mari, Ébla et les hourrites. Paris, 1996. P. 197–296.
- Caucet.dbf — North Caucasian etymological database by S. L. Nikolayev and S. A. Starostin (=NCED) // Available online at Tower of Babel Project.
- Chirikba 1996 — V. A. Chirikba. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology (Research School CNWS. School of Asian, African, and Amerindian Studies). Leiden, 1996.
- CDA — J. Black, A. George, N. Postgate. A Concise Dictionary of Akkadian. 2nd ed. Wiesbaden, 2000.
- Diakonoff & Starostin 1986 — I. M. Diakonoff, S. A. Starostin. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language (*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, Beiheft, N.F. 12). München, 1986.
- DUL — G. del Olmo Lete, J. Sanmartín. A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition. Leiden—Boston, 2003.
- EDHIL — A. Kloekhorst. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Brill, 2008.

- ePSD — Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary Project (<http://psd.museum.upenn.edu/epsd/index.html>).
- Franklin 2006 — J. C. Franklin. *The Wisdom of the Lyre: Soundings in Ancient Greece, Cyprus and the Near East* // E. Hickmann, A. A. Both, R. Eichmann (eds.). *Musikarchäologie im Kontext: Archäologische Befunde, historische Zusammenhänge, soziokulturelle Beziehungen. Vorträge des 4. Symposiums der Internationalen Studiengruppe Musikarchäologie im Kloster Michaelstein, 19.–26. September 2004. Rahden (Westfalen), 2006. S. 379–397.*
- Garelli AC — P. Garelli. *Les assyriens en Cappadoce*. Paris, 1963.
- GLH — E. Laroche. *Glossaire de la langue hourrite*. Paris, 1980.
- Goedegebuure 2008 — P. Goedegebuure. *Central Anatolian languages and language communities in the Colony period. The Luwian substrate of Hattian and the independent Hittites* // *PIHANS 11* (2008). P. 137–180.
- Haas & Thiel 1976 — V. Haas, H.-J. Thiel (eds). *Das hurritologische Archiv* (Corpus der hurri(ti)schen Sprachdenkmäler) des Alt-orientalischen Seminars der Frein Universität Berlin. Berlin, 1976.
- Hawkins 2005 — J. D. Hawkins. *Commentaries on the Readings* // S. Herbordt. *Die Prinzen- und Beamtensiegel der hethitischen Grossreichszeit auf Tonbulln aus dem Nişantepe-Archiv in Hattusa (BoHa 19)*. Mainz, 2005. S. 248–303.
- HED — J. Puhvel. *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 1—. Berlin—NY—Amsterdam, 1984—.
- Hinz & Koch EW — W. Hinz, H. Koch. *Elamisches Wörterbuch*. Berlin, 1987.
- HJ — J. Hoftijzer, K. Jongeling. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden—New York—Köln, 1995.
- HWHT — O. Soysal. *Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung* (Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd. 74). Netherlands, 2004.
- Kassian forthc. — A. Kassian. *Hattic as a Sino-Caucasian language* // *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde*. Forthcoming.
- KB — L. Koehler, W. Baumgartner. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Revised by W. Baumgartner and J. J. Stamm. Volumes 1–5 combined in one electronic edition. Leiden—New York: Brill, 1994–2000.
- Knapp 1996 — A. B. Knapp (ed.). *Near Eastern and Aegean Texts from the Third to the First Millennia BC*. Altamont, 1996.
- Knapp 2008 — A. B. Knapp. *Prehistoric and Protohistoric Cyprus. Identity, Insularity, and Connectivity*. Oxford, 2008.
- Krebernik 2006 — M. Krebernik. *Philologische Aspekte elamisch-mesopotamischer Beziehungen im Überblick* // *Babel und Bibel. Annual of Ancient Near Eastern, Old Testament and Semitic Studies*. Vol. 3. Eisenbrauns, 2006. P. 59–100.

- Kun Chang 1972 — Kun Chang. Sino-Tibetan 'Iron': *qhleks // *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 92, No. 3 (1972). P. 436–446.
- Melchert 2003a — H. C. Melchert. Prehistory // H. C. Melchert (ed.). *The Luwians*. Brill, 2003. P. 8–26.
- Melchert 2003b — H. C. Melchert. Language // H. C. Melchert (ed.). *The Luwians*. Brill, 2003. P. 170–210.
- Melena 1987 — J. L. Melena. On the untransliterated syllabograms *56 and *22 // P. H. Iliovski & L. Crepajac (eds.). *Tractata Mycenaea. Proceedings of the Eighth International Colloquium on Mycenaean Studies, Held in Ohrid (15–20 September 1985)*. Skopje, 1987. P. 203–232.
- NCED — S. L. Nikolayev, S. A. Starostin. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow, 1994 [reprinted: 3 vols. Ann Arbor: Caravan Books, 2007.]
- Neu 1997 — E. Neu. Zur Herkunft des Inselnamens Kypros // *Glotta* 73, 1995–96 (1997). P. 1–7.
- Neumann 2007 — G. Neumann. *Glossar des Lykischen*. Überarbeitet und zum Druck gebracht von J. Tischler. Harrassowitz, 2007.
- Orel HGE — V. I. Orel. *A Handbook of Germanic Etymology*. Brill, 2003.
- Paris & Batouka — C. Paris, N. Batouka. *Dictionnaire abzakh (tcherkesse occidental)*. T. 1–2. Peeters Publishers, 1988–2005.
- Reiter 1997 — K. Reiter. *Die Metalle im Alten Orient (AOAT 249)*. Münster, 1997.
- Rieken & Yakubovich forthc. — E. Rieken, I. Yakubovich. The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172 // To appear in a forthcoming *Festschrift*.
- Scet.dbf — Sino-Caucasian etymological database by S. A. Starostin // Available online at Tower of Babel Project.
- Schwemer 2001 — D. Schwemer. *Wettergottgestalten. Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen: Materialien und Studien nach den schriftlichen Quellen*. Wiesbaden, 2001.
- SED — A. Militarev, L. Kogan. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. 1: *Anatomy of Man and Animals*. Vol. 2: *Animal Names (AOAT 278)*. Ugarit-Verlag, 2000, 2005.
- Semet.dbf — Semitic etymological database by A. Militarev // Available online at Tower of Babel Project.
- Soysal 1999 — O. Soysal. Review of: J. Klingler, *StBoT* 37 // *Kratylos* 44 (1999). P. 161–167.
- Soysal 2004 — O. Soysal. Review of H.-S. Schuster, *Die hattisch-hethitischen Bilinguen II* // *BiOr* 61/3–4 (2004). S. 355–377.
- Soysal 2005 — O. Soysal. On the origin of the royal title *tabarna/labarna* // *Anatolica* 31 (2005). P. 189–209.
- Starostin 1997/2007 — S. A. Starostin. A Review of V. A. Chirikba's "Common West Caucasian" [Chirikba 1996] // *Старостин 2007*. C. 682–744. [First publ.: *Mother Tongue*, vol. 3, 1997. P. 185–243.]

- StBoT 37 — J. Klinger. Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht. 1996.
- Stibet.dbf — Sino-Tibetan etymological database by S. A. Starostin (= Peiros & Starostin 1996, but with serious improvement) // Available online at Tower of Babel Project.
- Tower of Babel Project — Etymological database project “The Tower of Babel”, headed by S. A. Starostin. In affiliation with the Evolution of Human Languages (EHL) Project at the Santa Fe Institute. Available online: <http://starling.rinet.ru/>.
- Valério 2007 — M. Valério. ‘Diktaian master’: A Minoan predecessor of Diktaian Zeus in Linear A? // *Kadmos* Bd. 46 (2007). P. 3–14.
- Valério & Yakubovich forthc. — M. Valério, I. Yakubovich. Semitic word for ‘Iron’ as Anatolian loanword // To appear in a forthcoming Festschrift.
- Yakubovich 2002 — I. Yakubovich. Labyrinth for Tyrants // *Studia Linguarum* 3 (Memoriae A. A. Korolëv dicata) / Ed. by A. S. Kasian and A. V. Sidel’tsev. Moscow, 2002. P. 93–116.
- Yakubovich 2008 — I. Yakubovich. Hittite-Luvian bilingualism and the development of Anatolian hieroglyphs // *Acta linguistica petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. Vol. IV, part 1. Colloquia classica et indogermanica IV* / Ed. N. N. Kazansky. Saint Petersburg, 2008. P. 9–36.
- Yakubovich 2009 — I. Yakubovich. Sociolinguistics of the Luvian language. Brill, 2009.
- Yakubovich 2009a — I. Yakubovich. The Luvian enemy // *Kadmos* 47/1–2 (2009). P. 1–19.

Lexical contacts of the Hattic language

Hattic or Hattian is an ancient cuneiform language spoken in the Central Anatolia at the beginning of the 2nd millennium B.C. and in all likelihood earlier, whose corpus is rather small. Along with the well-known set of Hattic loanwords in Hittite and Palaic, Hattic shows traces of linguistic interference with some other ancient languages. The article examines lexical borrowings between Hattic and the Luwian, Hurrian, Semitic, Proto-West Caucasian, Sumerian, Ancient Greek languages.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. С. АВДОХИН. Роман Сладкопевец – spoliator. Эстетика или кража?.....	3
К. АКЕРМАНН. Особенности преобразования праиндоевропейской аспектной системы в праславянском и праиталийском языках. Структурные и семантические параллели.....	23
В. В. АНДЕРСЕН. Имя Абеяра.....	46
Ал. Вл. АНДРЕЕВ. Μῦθα ἔθηκε: порядок слов в элегических надгробных и посвячительных эпиграммах.....	56
Е. В. АНТОНЕЦ. О соотношении метода диктовки и собственно-ручного написания в работе римского писателя I в. до н. э. (на материале переписки Цицерона).....	63
Д. Е. АФИНОГЕНОВ. Два древних церковнославянских перевода главы 28 книги пророка Иезекииля.....	72
З. А. БАРЗАХ. Sophocl. OT 1513–1514: текст и интерпретация.....	80
Е. Ю. БАСАРГИНА. Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов...	93
А. Е. БЕЛИКОВ. Структурная роль пророчеств в «Аргонавтике» Валерия Флакка.....	105
А. М. БЕЛИКОВ. Об использовании письменности в Милете (ПМ Ia – ПЭ IIIc).....	118
А. М. БЕЛОВ. Об одной закономерности в системе древнегреческого ударения.....	133
А. В. БЕЛОУСОВ. И. И. Толстой – И. М. Тронскому: Письмо 1943 года (предварительная публикация).....	141
G. BLAŽIENĖ. Einige Bemerkungen zur altpreußischen Namensforschung.....	151
Н. А. БОНДАРКО. О божественной любви: Мейстер Экхарт и францисканская традиция в Codex Sangallensis 955.....	161
S. VUKADINOVIĆ. Geography of Europe in the poetry of Claudius Claudianus.....	173
М. А. ГАБИНСКИЙ. Неожиданности эволюции албанского образования типа <i>per te bere</i>	175
J. L. GARCÍA ALONSO. Ancient Greek names in -oussa in the west of the Mediterranean.....	186
Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ. The Etymology of Persian <i>ēbak</i>	204
Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ. Я. М. Боровский. Opera Philologica (Издание подготовили А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурин. Bibliotheca Classica Petropolitana, 2009).....	205

А. В. ГРОШЕВА. О словах, обозначающих <i>вкус</i> , в одной из «Бесед» Горация (Hor. Serm. 2. 4).....	212
М. В. ДОМОСИЛЕЦКАЯ. Фитоним <i>Humulus lupulus</i> 'хмель обыкновенный' в балканских языках и диалектах.....	222
С. С. ДОНЧЕНКО. Песни бенгальских баулов в индологической литературе.....	235
В. А. ДЫБО. Акцентологическая система прагерманского глагола (первичные глагольные основы).....	240
А. А. ЕВДОКИМОВА. Акцентуированные папирусы из коллекции Кельнского университета (предварительные замечания).....	277
В. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. Аккадские заимствования в шумерском (III династия Ура).....	296
А. А. ЕСЕЛЕВА. Конструкции с древнеанглийскими глаголами лишения. Валентностная характеристика.....	313
Е. В. ЖЕЛТОВА. Латинские рефлексивы сквозь призму коммуникативных категорий.....	329
Я. Л. ЗАБУДСКАЯ. Трагедия глазами комедии: о принципах пародии у Аристофана.....	342
В. П. ЗАВЬЯЛОВА. Александрийская поэзия в свете современной рецептивной эстетики.....	353
С. В. ИВАНОВ. О разделении душ в средневековой ирландской традиции.....	366
Н. С. ИСКАКОВА. Лексико-семантическое варьирование прилагательных «deer» и «low».....	386
Н. Н. КАЗАНСКИЙ. Возможные следы ликийского языка в линейном письме А.....	399
О. В. КАМЕНЕВА. Др.-англ. <i>ætivist</i> и <i>edwist</i>	416
Н. В. КАРЕВА, К. А. ФИЛИППОВ. К вопросу о классификации временных форм глагола в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова и ее переводе на немецкий язык.....	436
А. С. КАСЬЯН. Лексические контакты хаттского языка.....	445